

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Институт лингвистических исследований РАН
Костромской государственный университет

ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 4

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ГРОМОВА
И 30-ЛЕТИЮ «ЛЪНЯНОГО СЛОВАРЯ»

Сборник материалов и исследований
международной научной конференции
Кострома, 15–16 сентября 2022 года

Кострома
КГУ
2023

А.В. Громов (1922–2012)

СЛОВО

Уверен, слова есть мудрей и звучней,
Но это простое мне в душу запало:
«Там в зарослях частых рыдает ручей», –
Речистая бабка в деревне сказала.
Я живо представил поток тот лесной,
Которому нет и не будет покоя.
Он что-то особенное знает такое.
И мне показалось: о жизни моей.
Одно только слово, ведь звук лишь один,
А как оно много собой объяснило!
Любить это слово народных глубин
Родная деревня меня научила.
И вот почему я готов каждый день
С простым деревенским народом встречаться
И слушать тот говор родных деревень,
Которым до смерти готов восхищаться.

А.В. Громов

**ГРОМОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЧЕТВЁРТЫЕ ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. ГРОМОВА

15–16 сентября 2022 года в Костромском государственном университете состоялась международная научная конференция «Проблемы современной региональной лексикографии». Уже четвёртая в серии Громовских чтений, проходящих под эгидой Института лингвистических исследований РАН, она посвящалась 100-летию юбилею костромского диалектолога, лексиколога и лексикографа А.В. Громова и 30-летию со дня выхода его Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже.

На обсуждение были вынесены продолжающиеся оставаться актуальными следующие проблемы: А.В. Громов как лексикограф; типологическое разнообразие словарей; лексикографическое отражение региональных явлений языка в пространстве, времени, социуме; принципы, методы и приёмы создания, источники областных словарей; областные словари как уникальные источники изучения народной культуры. В первый день конференции состоялись два пленарных заседания и одно выездное – в музей истории Большой костромской льняной мануфактуры. С приветственным словом к участникам форума выступили ректор КГУ А.Р. Наумов, член-корреспондент РАН С.А. Мызников, директор Института гуманитарных наук и социальных технологий О.Б. Панкратова, председатель оргкомитета конференции Н.С. Ганцовская и Л.А. Громова – дочь А.В. Громова, популяризатор его научного наследия. Во второй день участники научного собрания работали в шести тематических секциях: «Типологическое разнообразие словарей», «Лексикографическое отражение региональных явлений языка в пространстве, времени, социуме», «Принципы, методы и приёмы создания, источники областных словарей», «Областные словари как уникальные источники изучения народной культуры», «Ономастические словари. Региональная ономастика», «Народное слово и Костромской край».

Всего в работе конференции на разных её этапах приняли участие более 160 человек – учёные, студенты, аспиранты, краеведы из 27 регионов России и трёх стран ближнего и дальнего зарубежья (Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Китайская

Народная Республика). В числе участников конференции три члена-корреспондента РАН, 26 докторов и 52 кандидата наук, 43 профессора, 46 доцентов.

Перечислим вузы, учреждения и организации, представители которых приняли участие в собрании: Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь), Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Республика Беларусь), Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск), Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова (Санкт-Петербург), Вологодский государственный университет, Воронежский государственный педагогический университет, Гуманитарный институт Северо-Восточного педагогического университета (Чанчунь, Китайская Народная Республика), Ивановский государственный университет, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Институт развития образования и повышения квалификации педагогических кадров (Магадан), Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва), Институт славяноведения РАН (Москва), Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения РАН» (Сыктывкар), Институт языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь), Костромской государственный университет, Костромской областной колледж культуры, Курский государственный университет, Ляонинский институт по внешнему туризму и управлению (Далянь, Китайская Народная Республика), Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Оренбургский государственный педагогический университет, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский федеральный центр Уральского отделения РАН, Псковский государственный университет, Самаркандский

государственный университет имени Шарафа Рашидова (Республика Узбекистан), Самарский государственный социально-педагогический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск), Смоленский государственный университет, Сургутский государственный педагогический университет (Ханты-Мансийский автономный округ), Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тверской государственный университет, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского; Государственный архив Костромской области, Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково» (Костромская область), Костромская областная универсальная научная библиотека, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, МОУ «Большепаратская средняя общеобразовательная школа» (Республика Марий Эл, Волжский район, с. Новые Параты), Музей дворянского рода Бакуниных (Тверская обл., Кувшиновский р-н, с. Прямухино), ООО «Новая Костромская Льняная Мануфактура» (Кострома), средняя общеобразовательная школа № 4 имени Ф.Н. Красовского города Галича (Костромская область), Учебный центр (Могилёв, Республика Беларусь), Фонд содействия возрождению сельских территорий и малых городов «Родники Отчизны» (Орёл).

При составлении сборника материалы конференции были объединены в шесть разделов: «I. Научное наследие А.В. Громова», «II. Современная региональная лексикография», «III. Общие вопросы диалектологии», «IV. Ономастика», «V. Материалы и исследования краеведов и о краеведах», «VI. Лингвистическое наследие».

Первый раздел открывают статьи, посвящённые научной и творческой жизни А.В. Громова – диалектолога-полевика, лексиколога и лексикографа. Л.Я. Костючук, всесторонне рассмотрев основные направления его научной деятельности, резюмирует: А.В. Громов как учёный – образец творческого, бережного отношения к русскому родному языку. «Научная работа А.В. Громова, согретая любовью к материалу, отличается чёткой организацией

всего собранного словесного богатства при изучении и представлении каждого продуманного участка плана», необходимо – «во имя науки» – издать собрания сочинений этого «выдающегося человека». В статье Н.С. Ганцовской описывается опыт руководства А.В. Громовым диалектной практикой студентов Костромского государственного пединститута им. Некрасова в 1980–1989 гг. Л.А. Громова знакомит со сборником частушек «Переплетение», подготовленном при жизни её отца, А.В. Громова, но практически неизвестном заинтересованному пользователю и мало распространённом. С.А. Мызников анализирует фиксации костромской лексики в сводном диалектном словаре – Словаре русских народных говоров. Исследователем выявлены слова прибалтийско-финского, пермского происхождения, а также лексемы со спорной этимологией, предположительно субстратной природы. В статье Г.Д. Негановой представлен обзор документов личного происхождения, которые А.В. Громов передал на государственное хранение в Мантуровский архив. А.С. Щербак рассуждает о роли лексикографических работ А.В. Громова в формировании положительного имиджа Костромского края. Костромские диалектные лексемы в лексикографической форме являют собой сложную конструкцию, состоящую из образов и понятий, репрезентирующих содержание костромских культурных феноменов и формирующих привлекательность региона.

Далее следуют публикации, тематически связанные с «Льняным словарем» А.В. Громова. Статья Ж.Ж. Варбот посвящена одной из важных задач славянской этимологии – реконструкции вокалических чередований в корнях, лежащих в основе славянских этимологических гнезд. Т.В. Бахвалова анализирует фрагмент лексики самого древнего и простейшего способа домашнего прядения: известные в народных говорах названия нитей, изготовленных без веретена путем верчения, скручивания ладонями отходов, получаемых при трепании, чесании льна, конопли и остатков волокна при прядении. В статье Т.К. Ховриной рассматриваются наименования лексического гнезда «Бранина», представленные в региональном отраслевом Словаре льноводства, прядения и ткачества А.В. Громова. Ю.В. Зверева и А.В. Черных исследуют отмеченные на территории Пермского Прикамья языковые единицы, в которых нашли отражение обряды, предписания и запреты, связанные с выращиванием и обработкой льна, прядением и ткачеством. Н.С. Тугарина представляет лексику ткачества – процесса снования, подготовки основы и утка, составных частей ткацкого стана,

которая бытовала в говорах деревень Костромской области, расположенных по правому берегу реки Вохмы. Терминология дается в сравнении со словарем А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже». В статье О.Б. Панкратовой рассматриваются информационные (образовательные и научные) возможности книги «Льняная нить длиной в тысячелетия» Б.Н. Годунова, причины и повод ее появления; оценивается значимость данных «книги для чтения» о льняной отрасли, специальных технике и технологиях льняного производства, подчеркивается уникальность подхода к изучению данной темы и специфичность сведений книги. Завершает тему «Льняного словаря» статья Н.В. Большаковой, посвященная словарю «Псковский лён в диалектной речи, фольклоре и образцах традиционного ткачества», который был подготовлен в рамках социального проекта регионального значения «Традиционная культура как основа национально-культурной самоидентификации молодых жителей региона».

Раздел «Современная региональная лексикография» открывают работы белорусских ономастологов, посвященные региональной ономастической лексикографии, статья об издающемся в настоящее время словарем русско-белорусских пограничных говоров и публикация о переиздании классики диалектной лексикографии – «Словаря вологодских говоров». В статье Г.М. Мезенко определяется степень представленности регионального ономастикона в белорусских лексикографических изданиях, выявляются векторы дальнейшего развития региональной ономастической лексикографии. В исследовании И.Л. Копылова в соавторстве с Т.Н. Одинаевым рассматриваются особенности лексикографического описания названий линейных объектов. И.А. Королева анализирует «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров», характеризуя его как «уникальное региональное собрание лексики и фразеологии переходных говоров белорусско-российского пограничья». Статья Л.Ю. Зориной освещает работу по подготовке второго издания «Словаря вологодских говоров».

Современные региональные словари различных типов представлены в публикациях Е.П. Андреевой («Словарь толшменских говоров»), Т.Н. Бунчук (автословарь и словарь-мемория, подготовленные к изданию исследователями Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина), И.Б. Качинской («Этнолингвистический словарь Кенозерья»), Т.А. Сироткиной (проект регионального этнонимического словаря), О.А. Теуш («Словарь гео- и биолексики Урала»). Е.В. Генералова

описывает функционирование в истории языка тематической группы ремесленной лексики, выявленной в создаваемом на филологическом факультете СПбГУ лексикографическом своде «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)». Н.В. Любимова знакомит с «Швейцарским идиотиконом» – словарём, который содержит детальное описание лексических единиц, грамматических форм, фразеологических оборотов алеманнских диалектов немецкого языка, а также дефиниции и исчерпывающие примеры употребления швейцарских культурем и социально значимых концептов. В статье Л.Ю. Астахиной, посвящённой псевдогапаксам, раскрываются причины появления в русском языке несуществующих слов, отражённых в картотеках, словарях и публикациях, и предлагается методика работы с рукописными и печатными источниками.

Авторы ряда работ показывают возможности диалектных словарей в исследованиях различной направленности. Как источники изучения народной культуры они представлены в исследованиях О.В. Васильевой (Псковский областной словарь), Н.В. Пятаевой (Словарь русских говоров Башкирии), Ю.А. Дьяченко и С.П. Праведникова (Словарь курских говоров). В.М. Грязнова «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» рассматривает как разновидность областного словаря. Исследование И.А. Кобелевой представляет собой анализ «Словаря говоров Русского Севера» с целью продемонстрировать факт того, что некоторые диалектные фразеологизмы, не привлекавшие внимания составителей, могут быть обнаружены лишь в иллюстративном материале словарных статей. С проблемами лексикографической фиксации и интерпретации слов связаны работы Е.А. Ждановой и В.А. Марьянчик.

В публикации А.В. Приображенского обозреваются документы из фондов Национального архива Карелии, которые отражают разные группы региональной лексики и вместе с контекстами могут служить дополнительными источниками словарей различных типов. М.И. Муратовой рассматривает возможности псковских лингвокраеведческих словарей как учебно-методического ресурса в обучении иностранных студентов.

Раздел «Общие вопросы диалектологии» открывает статья Л.А. Климковой «В.И. Даль “Ответ на приговор”: взгляд потомка», в которой рассматриваются положения развёрнутого ответа В.И. Даля на замечания-обвинения рецензента «Толкового словаря живого великорусского языка».

С привлечением костромских источников выполнены исследования Л.Д. Беднарской («Союзы в диалектах»), Ю.А. Крашенинниковой («Названия чинов в свадебных приговорах Костромского края»), И.А. Горбушиной («Дополнения к словарю А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»), Е.Г. Веселовой («Тексты А.В. Громова о Е.В. Честнякове: интерпретация кологривской речи»), Л.А. Дмитрук («Названия болезней в костромских говорах (на материале этнографических записок В.И. Смирнова «народные похороны и причитания в костромском крае»)), С.В. Окуловской («Питательные соки» народной речи в произведениях И.М. Касаткина»).

В работе О.Ю. Крючковой, выполненной на материале речи диалектоносителей-старообрядцев, показано влияние книжно-письменной культуры на устную народно-речевую традицию. Исследованию диалектной лексики различных тематических групп посвящены публикации Л.П. Батыревой, Т.Е. Баженовой, Л.А. Власовой, Н.Ю. Грибовской. М.М. Кондратенко, анализируя лексику славянских говоров, обращает внимание на наличие в ней такого семантического архетипа, как восприятие времени в качестве поры, благоприятной или неблагоприятной для разных аспектов жизнедеятельности человека. С.С. Токарева рассматривает систему субстантивного склонения в типологически неоднородных говорах Воронежской области.

Две статьи раздела посвящены диалектной фразеологии. В совместной работе А.А. Богдановой и А.А. Хуснутдинова представлен языковой материал, отражающий особенности использования в речи коренного сельского жителя Ивановской области фразеологических единиц, которые в словарях современного русского языка определяются как устаревшие. А.Р. Попова рассматривает историю возникновения и развития диалектной фразеологической единицы лямать косарецкого.

А.А. Балагурова и Ж.К. Гапонова делятся опытом работы по изучению диалектной лексики на уроках русского языка с использованием словесных игр. Статья Е.Ю. Муратовой посвящена исследованию коммуникативного пространства Витебского региона, которое рассматривается через призму не только собственно лингвистических, но и социолингвистических, социокультурных и исторических факторов. Завершает раздел публикация В.В. Шаповала, в которой анализируется рукопись польско-ромской поэтессы Брониславы Вайс (Папуши).

Авторы статей, представленных в разделе «Ономастика», проблемы антропонимии и топонимии рассматривают в различных

аспектах. Н.В. Бубнова знакомит с проектом словаря имён собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии». Исследование И.М. Ганжиной, посвящённое лексике, характеризующей человека по особенностям его речевого поведения, выполнено с привлечением документов XVI–XVIII вв., в которых содержится информация о прозвищах, лежащих в основе фамилий жителей Твери и региона. Л.А. Поросятковская анализирует вспомогательную роль имён собственных в исследованиях генеалогии крестьянских родов.

Как источник топонимических исследований рассматривает Е.В. Цветкова Словарь языка семьи Захаровых «Следы», составленный на материале черновых записей А.В. Громова. М.В. Костромичёва обращается к вопросу лексикографической фиксации лексики села Альшань (Орловский район Орловской области) и географически и исторически близких населённых пунктов. В.А. Бакутов на материале географических названий Волжского района Республики Марий Эл анализирует географические термины, номинирующие водные объекты и участвующие в образовании топонимов. И.Б. Горланова рассматривает возможности использования диалектного и топонимического материала в экскурсионной практике.

Раздел «Материалы и исследования краеведов и о краеведах» представлен публикациями исследователей культурного наследия костромского края и костромских краеведов. Л.А. Иванова, в течение многих руководитель фольклорно-этнографических экспедиций студентов и преподавателей Костромского колледжа культуры, анализирует песенные жанры, встречающиеся на территории Костромской области. С.Г. Шарабарина освещает деятельность учёной общественности костромского края по изучению финно-угорского культурного наследия в конце XVIII–XIX вв. Костромским краеведам В.В. Касторскому и А.В. Громову, их творческому и научному наследию посвящены статьи Н.В. Сотникова и С.А. Фёдоровой.

Составители Громовского сборника посчитали необходимым включить в 4-й выпуск раздел «Лингвистическое наследие» труднодоступные в настоящее время публикации А.В. Громова по вопросам, изучением которых он занимался, а также статьи авторитетных исследователей по «льняной тематике» его времени. Это ценнейшее сегодня и обстоятельное исследование А.В. Громова 1969 г. многообразных макарьевских и мантуровских поунженских говоров с их внутренним членением на северные и южные,

важным критерием которого является способ прядения льна, на прялке или гребне; его первая работа по «льняной» тематике на материале говора родного села Усолье, где он и его родители похоронены, и его более поздняя статья, написанная для издательства «Энциклопедия русских деревень» по микропонимии деревни Макарово, где он родился (расположена вблизи Усолия и в 18 км от Мантурова). Помещены здесь и «вечно живые», не потерявшие своей ценности статьи таких авторитетных исследователей лексики домашнего прядения и ткачества, как незабвенные Ю.П. Чумакова, общеславянского масштаба, но на примере рязанских говоров, Л.П. Михайлова на материале новгородских говоров, а также работа А.И. Крылова о профессиональной речи ивановских фабричных текстильщиков, опирающаяся на «диалектную» терминологию кустарного прядения.

Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова

ЛЬНЯНОЕ ДЕЛО ТРЕТЬЯКОВЫХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Уважаемые участники Четвёртых Громовских чтений! Прежде всего, выполняю поручение руководства департамента «Лён» ТДЛ-текстиль в лице А.А. Яковлевича, выпускника Костромского государственного университета, по желанию плодотворной работы, слова приветствия примите также от 750 льнянщиков, работающих на Новой Костромской льняной мануфактуре, производящих ткань, и швейном предприятии «Костромской лён», выпускающих готовую продукцию, известную далеко за пределами нашей страны. Лично осмелюсь обратиться к Вам, дорогие коллеги, и сказать слова благодарности председателю оргкомитета Н.С. Ганцовской, пригласившей меня на конференцию.

Моя льняная биография на льнокомбинате началась с ноября 1991 г. в должности начальника отдела капитального строительства, позволившая тесно познакомиться со зданиями и сооружениями, построенными под руководством П.М. Третьякова, что вовлекло меня в изучение «льняной биографии» создателя знаменитой картинной галереи.

С «Льняным словарём» А.В. Громова я познакомился в середине 1990-х гг., с тех пор храню книгу как библиографическую

редкость. Для повседневной работы и знакомства посетителей музея с этим замечательным трудом я распечатал Словарь на цветном принтере, украсив обложку цветными фотографиями с элементами технологических операций, которые Александр Вячеславович описал в своём Словаре. Эти снимки сделаны главным специалистом по льну Костромской губернии Корневым Герасимом Яковлевичем, под руководством которого в 1894 г. в усадьбе Городище на реке Мезе, в 35 километрах от Костромы, возникла одна из первых льнообделных станций в России. Герасим Яковлевич в 1914 г. выпустил книгу о мероприятиях по развитию льноводства в Костромской губернии, многие положения которой и сегодня актуальны для возрождения льняного дела на нашей костромской земле, да и в России в целом.

Для меня «Льняной словарь» – важный аргумент в борьбе за возвращение льна на поля России. В моём увлечении льняной темой Словарь служит источником дополнительных знаний. Двадцать лет я сею лён у себя на участке и могу сказать, что использую раздел «От сева до уборки», изложенный в Словаре А.В. Громова. Ещё один личностный момент – те места, в которых Александр Вячеславович собирал свой материал, мне хорошо знакомы. С 1975 г. и до середины 1980-х мне приходилось часто посещать эти районы, а с 1989 г. быть депутатом областного Совета от юго-западной части Макарьевского района. В 2020 г. в Мантурове для музея я приобрёл ножную самопрядку, аналогичную изображённой в Словаре Громова. В этом году музейную коллекцию пополнил подарок семьи Овчинниковых из Макарьева – образцов домашнего льноволокна, в том числе и домотканый половик конца 50-х гг. XX в. из льна, выращенного в Красногорье.

Наша конференция начала работу в знаменательный день: 130 лет назад Павел Михайлович Третьяков, от своего имени и выполняя волю своего брата Сергея Михайловича, передал в дар г. Москве Художественную галерею. Это серьёзный повод подчеркнуть роль их льняного дела, связанного с Костромой. Практически с первых дней работы на комбинате я пропагандирую льняное происхождение средств для создания галереи. При входе в музей гостей встречает лозунг «Мы спряли и соткали Третьяковку». Установившиеся связи между БКЛМ и Третьяковской галереей направлены на сохранение памяти о наших общих «родителях». В январе нынешнего юбилейного года (27 декабря будет праздноваться 190 лет со дня рождения П.М. Третьякова) первых посетителей принял новый музей Третьяковской галереи – Дом-музей Павла и Сергея Третья-

ковых, в котором есть уголок льна, рассказывающий о Костромской льняной мануфактуре. А спустя полгода в Костроме открыли памятник П.М. Третьякову – знаменитому предпринимателю и меценату.

Особо важна роль Павла Михайловича в создании уникального льнопредприятия в нашем городе. Вот как в 1912 г. сообщалось об этом в № 30 «Вестника мануфактурной промышленности»: «Всякому, кто сколько-нибудь знаком с развитием льняного дела в России, хорошо известно, какими гигантскими шагами шло его развитие; в то время как общее число льняных веретён в европейских странах уменьшилось с 1868 по 1907 год на 5,8 %, в России за этот же период дала увеличение на 259 %. Исстари русское производство развернулось и заняло то положение, которое предназначено ему самой природой; и ярким отражением этого гигантского развития льняного дела в России является величайшая не только русская, но и мировая льняная фабрика “Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры”».

При основании фабрики в 1866 г. она имела 4 804 прядильных веретён и 22 ткацких станка, к 1900-му – 52 576 веретён и 660 ткацких станков и соответственно возросло производство льняной пряжи с 32 400 до 400 000 пудов, ткани – с 155 684 до 9 000 000 аршин. Фабрика имела собственные механические мастерские, выпустившие прядильных машин на 10 000 веретен (эти сложные машины до этого ввозились из-за границы). Достигнув огромных размеров, фабрика определяла вектор общих для льняного дела России по кондиционированию льнов обучению специалистов по выращиванию и первичной обработке льна (основная масса трёпаного льна поступала ручной крестьянской обработки, описанной в Словаре А.В. Громова).

В первой половине XX в. огромная заслуга в развитии льняного дела в России принадлежала И.Д. Зворыкину, который с 1913 г. работал на БКЛМ заведующим прядильной фабрикой, а после революции был техническим директором 1-й Республиканской фабрики (ранее БКЛМ), затем Костромских объединённых фабрик (КОЛФ) и сделавший здесь в своей лаборатории главные изобретения по унификации прядильных веретён, созданию высокоскоростной прядильной машины. Он разработал проект новой прядильной фабрики (впоследствии льнокомбинат имени И.Д. Зворыкина). В 1928 г. он был удостоен звания Героя Труда и избран членом ВЦИК.

В трудные годы Великой Отечественной войны льнянщики комбината обеспечивали фронт льняными изделиями. Лучшим другом

солдата была плащ-палатка с маркой Костромского льнокомбината. Прославил её в своём стихотворении не только поэт А. Жаров, но и скульптор Е. Вучетич, «накинув» её на плечи Воина-освободителя в Трептов-парке в Берлине.

Большую роль в развитии предприятия в послевоенный период сыграла поддержка льнокомбината и льняной отрасли председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным, проходившим в 1932 г. здесь студенческую практику и впоследствии неоднократно посещавшим фабрику.

В настоящее время НКЛМ – единственное в стране предприятие, сохранившее полный цикл льнопроизводства – от чесания до готовой ткани. На фабрике не прекращается модернизация и внедрение новых технологий в отделочное производство, идёт поиск новых рынков сбыта продукции, осваивается новый ассортимент.

Свою роль в сохранении работоспособности предприятия играет и музей истории Большой Костромской льняной мануфактуры. Здесь не просто хранятся образцы тканей и изделий, по сути, сохранена технологическая история льняного дела в России, а посещение рабочих цехов наполняет гордостью за труд наших современников. Многочисленные записи в книге отзывов наполнены любовью ко льну как нашему национальному достоянию, пожелания настоящей государственной поддержки возрождения льняной отрасли России.

*В.В. Афанасин,
заместитель генерального директора
ООО «Новая Костромская Льняная Мануфактура»,
директор музея истории БКЛМ*

Раздел I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

А.В. ТРОМОВА

**МНОГОГРАННОЕ КОСТРОМСКОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО
В НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ А.В. ГРОМОВА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЁНОГО)**

Л.Я. Костючук

*Псковский государственный университет, Псков, Россия,
anh57@yandex.ru*

Аннотация. Работа с народным словом требует терпения, умелого сохранения материала, обращения ко многим источникам для понимания реалий прошлого и настоящего, чтобы зафиксировать сначала в рабочей, а потом в точной формулировке значения слова. А составление словарных статей при создании задуманного словаря сопровождается строгим и последовательным соблюдением требований продуманной и утверждённой инструкции для избранного типа диалектного словаря. Знание научных работ, словарей разных типов прошлого и настоящего обогащает лексикографа. А.В. Громов как учёный (диалектолог, лексикограф) – образец творческого, бережного отношения к русскому родному языку – литературному и народному костромскому. Свидетельство этому – вся его жизнь и созданные научные и поэтические труды, да и ценный архив.

Ключевые слова: разновидности диалектных словарей одного региона; костромской край; литературный язык и народная речь; профессиональные народные названия; тайные профессиональные языки; жгонский язык; синхрония и диахрония

**MULTIFACETED KOSTROMA FOLK SPEECH IN THE ACADEMIC
AND CREATIVE LIFE OF ALEXANDER GROMOV
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR'S BIRTH)**

Larisa Ya. Kostiuichuk

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. When working with folk speech, patience, masterly preservation of the material, and access to various sources are required for understanding of realia of the past and the present in order to fix the meaning of the word first in a draft and then in an accurate definition. Creating a dialect dictionary involves the compliance with the elaborate and approved guidelines for a certain type of dialect dictionary while compiling vocabulary entries. A lexicographer benefits from an understanding of academic papers and dictionaries from both the past and the present. A dialectologist and lexicographer, Alexander Gromov is a role model for creatively handling the native Russian language, both literary and Kostroma dialect. His whole life, academic work, poetry, and important archives bear witness to his accomplishments.

Keywords: various types of dialect dictionaries of a particular region; Kostroma region; literary language and folk speech; folk lingo words; secret vernaculars; the Zhgon language; synchrony and diachrony

Любовь к родному языку – неизменное чувство у человека сызмала. Взрослея, общаясь с разными людьми, читая книги, мы познаём что хорошо, а что плохо. Счастье, когда в школе встречаешься

с учителями, которые, независимо от гуманитарных или точных предметов, владеют прекрасной речью, чтобы донести широту своих знаний до слушателей, тем самым они помогают понимать силу слова, побуждают узнавать и запоминать неизвестное и полезное.

В жизни взрослых неизбежны встречи, обмен сведениями, новинками. Для нас многих значимым оказалось, что с конца 80-х гг. XX в. энтузиазм И.А. Попова сплотил необыкновенный коллектив разновозрастных диалектологов-полевиков вокруг новой своей идеи «Лексический атлас русских народных говоров» на материале Европейской части России. (Добиваться же разрешения у начальства приступить к реализации обоснованного «Проекта» пришлось около 20 лет...) Старшие участники новой работы на путях-дорогах в поисках диалектных текстов с народными словами привлекли молодых диалектологов. Ежегодные конференции-отчёты с картографическим семинаром под руководством Т.И. Вендиной, опытного, преданного делу картографа, тоже позволили найти единомышленников, друзей. Разговоры при встречах, обмен новинками источников, нужных, редких для твоей работы... (Тем более вскоре настало время трудностей с выходом в свет достаточным тиражом научных трудов, словарей.)

Незабываемые семинары, конференции, с новыми общими темами или с повторяющимся ядром общей проблемы, конечно, тоже сближают и обогащают. Вот и подготовка к всегда замечательно продуманным учёным-энтузиастом Ниной Семёновной Ганцовской «Громовским чтениям», уже IV, посвящённым 100-летию со дня рождения (1922–2022 гг.) уникального краеведа-учёного Александра Вячеславовича Громова, заставила многое вспомнить из прошлых чтений о Костроме, а главное, обратиться к новым сведениям о материалах и о людях (что и кто интересуется тебя).

В последнее десятилетие XX в. Н.С. Ганцовская, с которой уже давно нас сблизило очень многое, прислала мне (в электронной версии) очень важный, удивительный словарь А.В. Громова, вышедший в Ярославле в 1992 г., необходимый и в нашей лексикографической работе с псковским материалом. Это был «Льняной словарь», по словам Нины Семёновны, который обрадовал авторов ПОС.

Наш псковский край достаточно долго, столетия был тоже «льняным», поэтому при сборе полевого материала для пополнения Картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС 1967–2020...] и при создании словарных статей, не только на букву «Л», приходится обращаться к авторитетным источникам, чтобы наиболее точно подать сведения о льне с его ролью в крестьянской жизни. Для Пскова давно, с XIX в., а словарникам

«ларинской школы» с середины XX в. дорого имя Ивана Ивановича Василёва, талантливого и преданного Псковской земле общественного деятеля, родиноведа (родиноведением он называл познание родного края), исследователя, знатока, в частности, и псковского льноводства на международном уровне [Василёв 1872; 1880]. (Прекращённое после 60-х гг. занятие льном робко, но творчески в некоторых местах начинает возрождаться.)

Для нас незаменимым остаётся уникально-творческий, полный по охвату наименований и пояснений каждой реалии «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [Громов 1992]. Он незаменим для сопоставления, понимания разнотерриториальных реалий как лингво-тематико-этнографическая энциклопедия.

Вспоминая сделанное теми, кто предан народному слову, захотелось обратиться и к страницам «Программы собирания сведений для ЛАРНГ» под редакцией И.А. Попова в разделе III.12. «Обработка льна и конопли. Прядение. Ткачество» [Программа 1994: 173–178] с богатыми иллюстрациями-схемами устройства орудий труда, что сопровождается терминами, что помогает вести и полевой опрос информантов и вспоминать местным жителям забываемое прошлое [Там же: 178–190]. Принципы в основе исследований при картографировании и оригинального лексикографа А.В. Громова разные, но можно найти и сближающее, что, безусловно, принесёт пользу картографам. (Это является убедительным аргументом для переиздания трудов А.В. Громова.)

Каждому научному или поэтическому слову талантливого автора-учёного, который с детства был предан русскому языку (литературному и народному), можно и нужно верить. И это подтверждает знакомство прежде всего с тремя словарями А.В. Громова, посвящёнными родному краю. Приведём фрагмент «Предисловия» Г.Г. Мельниченко, профессора Ярославского университета к «Льняному словарю»: «В 1952 году А.В. Громов окончил Ярославский педагогический институт. Ещё будучи студентом, Александр Вячеславович проявил интерес к диалектологии, начал собирать диалектную лексику в родных местах. Эту работу он продолжает с большим интересом и тщательностью более 40 лет. В процессе собирания диалектных слов и составления словарных статей А.В. Громов обострил свою лингвистическую наблюдательность, проявил большое трудолюбие и любовное, поэтическое отношение к родному диалекту и его носителям.

Собирание материала для этого словаря началось 30 лет назад (с 1961 г.)» [Мельниченко 1992: 3].

Трогательное посвящение подвижника-исследователя, обошедшего 41 деревню вдоль реки Унжи: «Посвящается светлой памяти моей матери Анны Николаевны Громовой» [Громов 1992: 6].

Научно, творчески оформлен удобный для пользования итоговый, сравнительный аппарат: список-словарь диалектных слов в цитатах-иллюстрациях, но не относящихся к теме и типу «Льняного словаря»; таблица проверки известности костромских слов в других диалектах по известным областным словарям других территорий и др. [Там же: 88–116].

В 2000 г. в издательстве «Энциклопедия российских деревень» (Москва) вышел словарь из серии «тайных/искусственных языков»: «Жгонский язык: Словарь пимокатов» А.В. Громова [Громов 2000]. Это была трудоёмкая работа по сбору материала по трём районам (Макарьевскому, Мантуровскому и Нейскому), хорошо знакомых А.В. Громову с детства, где трудились издавна мастера-пимокаты, занимающиеся зимой «отходничеством». Но со временем исчезала востребованность в тайном языке для тех, кто должен был скрывать от непосвящённых источник заработка честным трудом. Около полувека ушло у Александра Вячеславовича на сбор сохранившихся в памяти местных жителей слов и на творческую, всестороннюю лексикографическую обработку материала так же тщательно, как и в первом словаре. Но исполнена эта работа совсем по-другому, чем «Льняной словарь», хотя подчас труд «Жгонский язык. Словарь пимокатов...» вынуждал в ряде случаев прибегать, например, и к энциклопедичности (при описании реалии), чему служат и прекрасные иллюстрации, которые помогают понять суть реалии (предмета в широком смысле или действия), называемой словом.

Этот словарь А.В. Громов тоже издал с посвящением: «Посвящается светлой памяти моего отца, жгона, Вячеслава Ильича Громова» [Громов 2000: 13].

Начинает своё «Предисловие» автор так: «Мне с детства был знаком и интересен жгонский жаргон, условный язык пимокатов. В своей деревне Макарово Мантуровского района Костромской обл. я постоянно слышал, как в обычную речь наши мужчины в шутку, а иногда и всерьёз вставляли неизвестные мне слова, которые как-то по-особому оживляли речь. Это и были жгонские слова» [Там же]. Три недлинные фразы пригласили посвящённых и непосвящённых читать и узнать и уточнить трудовую жизнь людей и их языка.

Принятый к публикации в московском издательстве уникальный труд А.В. Громова сопровождается кратким «Предисловием» двух авторов, назвавших том своеобразным «триптихом»:

1) «содержательный очерк» И.Г. Добродомова «О жгонском языке» [Добродомов 2000: 4–94]; 2) оригинальный, фактически полный по материалу труд А.В. Громова –словарь пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов [Громов 2000: 19–208]; 3) «записи условного языка крестьян-шерстобитов» середины XIX в., исполненные в Макарьевском уезде Костромской губернии (по поручению В.И. Даля) Лури [Там же: 95–124], чиновником удельной конторы Нижнего Новгорода [Рубцова, Савинов 2000: 3].

Хочется подчеркнуть в «Предисловии» важное: «известный московский филолог» высоко оценил длительный, безукоризненный труд «костромского учителя из Мантурова» [Там же]. Это И.Г. Добродомов в своём интересном и фактически полном по привлечению всех исследований по тайным языкам так ни одно не отметил. А, наоборот, указал неточности в оценке, трактовке многих «тайных» слов у других исследователей-филологов. Приведём прекрасное заключение И.Г. Добродомова о труде А.В. Громова, безусловно, достойном выхода в свет: «Обработанные А.В. Громовым за почти полвека собирательской работы материалы по жгонскому языку отличаются не только полнотой и обстоятельностью по сравнению со всеми другими словарями жгонского языка, но и наибольшей надёжностью, поскольку имелись возможности проверить весь записанный материал, которым А.В. Громов владеет настолько хорошо, что смог написать жгонское стихотворение при посылке рукописи в издательство. Стихотворение А.В. Громова органически вошло в скудный список жгонских текстов, который едва ли когда-нибудь будет пополнен новыми текстами.

Я ТОЖЕ ШАПОВАЛ

Седмаю за кресто́виком
Ветёрское есаю,
Как упаки саёвые,
Пермяжницу я саю.
Как жгоны те, с филонов я
Скайнуться рисковал,
Когда на них утиренный
Малашью я лежмал.
Учинжат ли издатели,
Московские пижи,
Мою тироску ульную,
Веление души?
Учинжат ли издатели
Ту зётку земляков?

Они по-жгѡнски зѣтили
 Не только “тонь мижѡк!”
 Что пуксить мѣе, не пѣтрю я.
 Я тоже шоповал,
 И этот многолетний труд
Отцу я, жгѡну, посвящал» [Добродомов 2000: 12].

Громовские чтения десять лет назад, в 2012 г., которые совпали с 20-летием полюбившегося многим диалектологам «Льняного словаря» и прощанием, к сожалению, с ушедшим из жизни в год своего 90-летия Александром Вячеславовичем Громовым. Его труды в прекрасном виде необыкновенно тепло, красиво, с любовью оформляют его преданные делу помощники под руководством его талантливой дочери Любви Александровны.

В 2022 г. все, кто знает и ценит энтузиазм, преданность участников костромской диалектологической школы делу сохранения и познанию народного слова, собираются на IV чтения в год 100-летия Александра Вячеславовича Громова и в год 30-летия выхода «Льняного словаря». Хочется, чтобы обещание ещё в 2016 г. издать уникальные труды А.В. Громова наконец было исполнено...

Лексикографам при работе над словарём «своих» говоров важно иметь «Громова», которого прежде всего мы узнали по «Льняному словарю», которому верим, как верим классическим диалектным словарям XIX в., начиная с «Даля». Словарные статьи на льняную тему встречаются на разные буквы в разных выпусках «Псковского областного словаря...» [ПОС 1967–2020...], а лён на Псковщине давно забыт: не сеют. Однако энциклопедизм «Громова» помогает в неожиданных случаях. Недавно, в 2021 г., при работе над словарными статьями в моём огромном отрезке карточек «*Пост–Постѣля*» были лексемы *постѣль*, *постѣля* и однокоренные разных частей речи с частью *постел-*. Наш словарь, задуманный по идее Бориса Александровича Ларина как современный (с XIX в.) диалектный полного типа (фиксируются и общерусские слова, отмеченные в говорах) и одновременно как исторический дифференциальный по псковским памятникам письменности XI–XVIII вв. Вначале при просмотре своего отрезка мне показалось, что этот кусочек не займёт много времени. Но богатство, разнообразие смыслов и в то же время мудрость и «экономия средств» народной речи заставили долго трудиться, меняя, исправляя, чтобы завершить словарные статьи. Как будто что-то принципиально организующее исчезало... Прежде всего

многозначность с оттенками, даже омонимы при описании реалий крестьянского быта прошлого и настоящего. Постепенно возникло желание подать весь материал в каждой словарной статье с учётом выявленной логики соответствующих реалий, называемых лексемой с общей основой, но с разным смыслом.

И вдруг вспомнился материал о лъне, но я не могла найти словарь А.В. Громова: затерялся в сети. И выручила опять Н.С. Ганцовская: прислала том всех трудов автора в версии 2016 г. Восстановился в памяти подход костромского автора, а псковский словарь убедился в своём решении избрать порядок расположения материала в статьях и порядок самих статей, учитывая логику создания называемых реалий. И быстро, и чётко всё получилось.

Подарок коллеги познакомил и с третьим, диалектным максимально полным дифференциальным (!) словарём одного района – «Кратким словарём народного говора Мантуровского района Костромской области» [Громов 2005]. В кратком вступлении «От автора» Александр Вячеславович пояснил: «...я не ставлю задачи охватить полностью весь говор, а выбрал, по моему мнению, из него самое интересное, характерное. И мне хочется, чтобы моя работа, мои старания вызвали интерес у читателей словаря, особенно у молодёжи, чтобы воспитать у неё любовь к народному слову» [Громов 2005: 4]. Открывает этот завершающий лексикографический труд поэтический эпиграф [Там же: 2]:

Я воспитан деревнею
У её родников.
Нет прекрасней, душевнее
Слова наших отцов.
С этим словом и памятью
И в ненастье светлей.
В бурю падает дерево
Без глубоких корней.

Сопровождается словарь необходимыми пояснениями. Чтение словарных статей в каждом словаре Александра Вячеславовича Громова всегда интересно и полезно. Так, остановили меня слова: «ОБАРОК. Огрех, пропуск на пашне» [Там же: 48]; «ЛАВЫ. Мостки через речку, ручей» [Там же: 38]. При исследовании народных говоров других территорий в разных аспектах, включая и диахронный, полезно сравнение, сопоставление с данными других говоров, в частности псковских. Материал А.В. Громова вызывает доверие. Своё отношение к народной речи и к её носителям

учёный выразил в искреннем поэтическом начале вступления «От автора» [Там же: 3]:

МОЁ УВЛЕЧЕНИЕ

Все люди с обычной своею работой,
А я необычной давно занимаюсь:
В любую погоду с большою охотой
В деревню за словом в поход отправляюсь.
Считайте чудачеством, делом неважным
Моё увлеченье народным тем словом
Прядей и ткачих, нас века одевавших,
Века обувавших нас жгонов-еронов*.
В деревне начало, все корни народные,
Язык наш, сокровища русского слова,
В котором играет всё наше природное,
В нём связь настоящего и былого.

Завершает подготовленный к изданию том трудов А.В. Громова сборник-исследование «Переплетение. Сборник частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области» [Громов 2008]. Составитель указывает, где, от кого записана частушка, иногда даются необходимые пояснения условий, когда исполнялась та или иная частушка. Учитель, учёный-исследователь, лексикограф сохранил в словах язык, речь своего региона, этнографические особенности, память о людях. К тому же А.В. Громов и поэт: вспомним и сборник стихов разных лет «У родника» [Громов 2002].

Сборник частушек – «поэзии крестьянских деревень» [Громов 2008: 5] – оформили тоже преданные народному слову и искусству прекрасные помощники поэта и учёного: дочка Любовь Александровна, внучка Тамара Андреевна, художник «по главам и темам сборника» В.Н. Солдатенков помогли заинтересованным воспринять и понять «поэзию крестьянских деревень», многое узнать и об этнографической специфике, особенностях труда, быта и отдыха носителей костромской народной речи.

Удивительно, как поэт, учитель русской словесности остаётся учёным-лексикографом. И наоборот, лексикограф, диалектолог: с радостным удивлением за последней страницей частушек открылся «Краткий словарь» с костромскими словами, которые, по мнению автора, могут «непосвящённому» затруднить смысл частушек! (В издании 2008 г. толкования местных слов даны после

* Ероны – ‘труженики, мастера’. – А.Г.

каждого раздела) И, к моей радости, в глаза бросилось слово «**Бурак** ‘берестяной сосуд с плотно пригнанной крышкой’» [Громов 2016: 363], которое было непонятно мне в одной работе в контексте не о еде, поскольку у псковичей слово значит ‘плод красной свёклы’. У А.В. Громова в словарях даётся всегда кстати ряд приложений, без чего не обошлись и частушки. А читатель неожиданно получил ответ на свой вопрос (при чтении работы другого автора).

Занятия А.В. Громова наукой о родном языке и поэзия народа с поэтическим даром самого труженика шли рядом в его судьбе. Об этом очень тепло вспоминает дочка Любовь Александровна [Громов 2008: 6]. А нам знакомство со списком трудов открыло (с учётом дат публикаций) такую последовательность как закономерность: 1981 г. – первая статья «Лексика обработки льна...» (издана в Горьком на 11 страницах [Громов 1981] как заявка на серьёзный, новаторский труд, завершённый и опубликованный в Ярославле через 12 лет [Громов 1992] «Словарь лексики льноводства...»). Но параллельно шла работа над публично редкой в науке проблемой, которой занимались некоторые «со стороны», а А.В. Громов знал этот язык с детства: один из редких тайных языков тружеников-специалистов по изготовлению валенок на родине учёного; в Москве в престижном издательстве и появился «Жгонский язык: словарь лексики пимокатов...» [Громов 2000].

Это всё глубокие работы, к которым важно обращаться так же, как к справочникам о костромских говорах. Очередная публикация – поэтическая «У родника...» выходит в родном Мантурове [Громов 2002]. Продолжалась и научная, и поэтическая работа во имя сохранения родного, костромского слова, что исполнило то же издательство: «Краткий словарь народного говора...» [Громов 2005] и «Переплетение: сборник частушек...» [Громов 2008].

Обзор содержащихся в подготовленном для переиздания томе работ А.В. Громова показал, что фактически, не подчёркивая, автор понимает прошлое и настоящее в своём родном, народном языке костромского края. Заинтересованные читатели чувствуют это, знакомясь и с отзывами рецензентов.

Сравнение А.В. Громова и В.И. Даля по доверию к сохранности и выверенности каждого лексикографически представляемого ими в течение всей жизни (!) одного и другого сближает исследователей разных веков. И оказалось, что научное прикосновение к «тайным языкам», даже жгонскому, началось с В.И. Даля. Первый том своего «Толкового словаря живого великорусского языка» он сопровождает

ет замечательными научными статьями: «Напутное слово» 1862 г., «О русском словаре» 1860 г., «О наречиях русского языка» 1852 г. Обратимся к последней.

В.И. Даль, помимо прекрасной характеристики народных говоров, включает любопытный раздел «О языках искусственных», в котором обнаруживаем географические места, относящиеся и к тому материалу, который был предметом знания, исследования в лексикографической работе А.В. Громова. Например, у В.И. Даля: «Наперёд всего языки *ламанский* или *офенский*: он далеко неполон и ограничивается нужнейшим в быту ходебщиков. Начало его неизвестно: родина его – Алексинская волость Ковровского уезда (Владимирской губ.), откуда уже к 1700 году рассыпались ходебщики, коробейники по всей России, называя сами себя странным именем *масыков*» [Даль 2: 76].

После такого общего рассказа о многочисленности, безусловно, тайных по профессиональной причине, языков В.И. Даль называет и конкретные регионы. Вот замечание о костромском регионе: «Костромские шерстобиты, таскаясь с *лучками* своими по всей Руси и подражая ковровцам, сложили себе свой язык, частью переняв офенский, а частью переиначив и добавив его своим сочинением. Может быть, я приложу в конце словаря словарики офеней и шерстобитов» [Там же: 77]. Но подвижнической жизни В.И. Даля, составителя «Словаря живого великорусского языка», не хватило, чтобы «приложить» даже сделанные им по материалам Лури в 1854 г. «*офенско-русский*», а в 1855 г. обратный – «*русско-офенский*». Эти словари были как отчёт представлены графу Л.А. Перовскому, министру уделов и управляющему департаментом. Он ведь и просил лексикографа, работавшего в то время управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде, составить словарь с переводом на русский. В.И. Даль сразу командировал чиновника Лури в Макарьевский уезд Костромской губернии. И уже с марта 1954 г. Лури начал присылать В.И. Далю интересные отчёты о сборе материалов и от «шаповалов», сравнивая их с офенскими словами (в записках своих собиратель буквой «ш» отмечает фактически *жгонское*). Затем Лури побывал и в Галиче Костромской губернии с галивонским, алманским языком. (Всё собранное хранится в академическом архиве: ряд страниц Лури представлен в словаре А.В. Громова.)

Слушая и понимая с детства язык трудовых отходников-пинокатов от отца-жгона, А.В. Громов, как учёный-лингвист, решил сохранить оставшееся и коллективно вспомнившееся в трёх

районах: «Жгонское отходничество в моей деревне и в других близлежащих местах прекратилось в 60-е гг. XX в. В результате утратилась и необходимость в особом условном языке пимокатов, и в настоящее время он находится на грани полного исчезновения» [Громов 2000: 13]. Жгонский же язык служил и в непрофессиональных случаях: «Нередко в годы Великой Отечественной войны солдаты-жгоны использовали тайный язык в письмах домой» [Там же].

В связи с проблемой костромских говоров и деятельностью А.В. Громова иногда в списках литературы (см. и у И.Г. Добродомова) встречаем указание на Н.Н. Виноградова, но обычно без подробностей об авторе, да и о его работах. Поиски были затруднены. И неожиданно вспомнился мне вдруг доклад Е.В. Марковской «Николай Николаевич Виноградов как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.)» на Рябининских чтениях 2007 г. в Петрозаводске [Марковская 2007]. Сразу поразило: только «за недолгие пять лет работы в КНИИ этот незаурядный человек оставил заметный след в карельской науке». И неравнодушный краткий рассказ-отчёт Е.В. Марковской о человеке по учётным карельским документам буквально взволновал. Неслучаен был интерес Виноградова и к тайным языкам: его родина (1876 г.) – село Чмутово, Галичского уезда (Костромской губернии). Будучи сыном священника, получил образование духовное в семинарии. Работал учителем, рано сотрудничал с печатными, культурными костромскими и столичными центрами. Жизнь научная, творческая, организационная была очень богата и продуктивна. И трагична... О Н.Н. Виноградове очень хорошо отзывались Д.С. Лихачёв, А.М. Решетов (этнограф) в воспоминаниях и о «совместном» Гулаге...

Сказанное (даже без многого недоговорённого) об этом удивительном человеке подводит нас к окончанию разговора о том тайном народном языке в Костромской губернии, о котором у Н.Н. Виноградова были работы. Из двух статей учёного (1915 г. и 1918 г.) удалось найти первую: «Галивонские алеманы: Условный язык галичан (Костромской губернии)» [Виноградов 1915]. Н.Н. Виноградов рассказывает, как, зная по В.И. Далю (которому Лури в отчёте писал, что посетил и Галич с «алманским, галивонским языком»), по архивным документам о языках искусственных, в частности о галивонском (но нигде не представленных, не услышанных), пытался обнаружить хоть что-то конкретное, хотя бы как образец этого тайного: «Несмотря на это, я долго не мог разыскать

каких-либо, хотя сколько-нибудь определённых данных об этом загадочном языке»; писавшие о нём «намеренно пропускали словарь “Елманских слов”» [Виноградов 1915: 209, 210].

Но в необычной жизни Н.Н. Виноградова его научное упорство найти ответ на поставленный вопрос победило и оправдало, по его словам, поговорку «Не знаешь, где найдешь, где потеряешь». В приобретённой «на толкучке» книге 1816 г. Ф.Н. Глинки (писателя, поэта со счастливо-непростой судьбой) «Письма русского офицера», «машинально перелистывая» страницы, почти сразу «натолкнулся на целое рассуждение о галичском наречии – условном языке так называемых Галивонских Алеманов, или, что то же, Елманском говоре» (!), при выражении «желательности, чтобы кто-нибудь представил “Славяно-Русского Анахарсиса, путешествующего из края в край еще неразделенной России”» [Виноградов 1915: 211]. Россия названа на фоне Греции, Риги, Дерпта и других мест, по которым перемещается «русский офицер». Н.Н. Виноградов в своей статье воспроизвёл весь фрагмент книги наблюдательного Ф. Глинки со сведениями о загадочных словах в устах некоторых русских людей: «Нет никакого сомнения, что просвещённый путешественник с наблюдательным духом, проезжая разные области России, отыщет вещи особенного внимания достойные. Даже вслушиваясь в старинные русские песни и разбирая разные *местные наречия*, можно найти много любопытного и для нас теперь ещё нового. *Я недавно узнал, что в Галиче* Костромской губернии существует и поныне совсем особенное *наречие...*» [Виноградов 1915: 211–212].

На шести страницах «Письма к другу...» Ф. Глинка многое сохранил из своеобразия речи её носителей, записав с объяснением многие слова: «Говорят, что галичане всегда были отменно искусны в переговорах, торгах и разных оборотах промышленности. Удивительно, что наречие галичское имеет многие оттенки полного языка, которого грамматические правила во всём, однако ж, сходны с нашими. Не нарушая тайны *Галичских* жителей, я помещаю здесь из целого наречия их только несколько слов, которые, верно, для всякого любопытно будет прочесть» [Виноградов 1915: 211–212]. Далее приводятся примеры: *лабута* – ‘мужчина’; *каривос* – ‘девушка’; *котюр* – ‘молодой человек’; *крутко* – ‘отец’; *мамыса* – ‘мать’; *ховрик* – ‘барин’; *склавыга* – ‘слуга’; *тибас* – ‘вор’; *кострыга* – ‘судья’; *косарь* – ‘секретарь’; *пеструхи* – ‘карты’; *кочева* – ‘голова’; *харя* – ‘лицо’; *зевак* – ‘рот’; и др. [Там же: 212–213].

Удивительное совпадение: то, что любознательный Ф. Глинка, узнав во втором десятилетии XIX в, сохранил в художественном

произведении, а талантливый многогранный учёный Н.Н. Виноградов через 100 лет обнаружил это же (хотя искал, но не обнаруживал до «встречи» с Ф. Глинкой) и воспроизвёл в своей статье. И продолжил находить и публиковать материалы об искусственных языках (о жгонском) в 1918 г. Но эту работу мне пока не удалось обнаружить.

Вернёмся к юбилюру. Научная работа А.В. Громова, согретая любовью к материалу, отличается чёткой организацией всего собранного словесного богатства при изучении и представлении каждого продуманного участка плана. Всё созданное автором читается с интересом, особенно если читатель хочет сравнить новое со своим, даже территориально далёким говором. При этом дополнительные справочные «Приложения» А.В. Громова помогают получить ответ на попутно возникающие вопросы.

Собранные исследователем поэтические тексты приносят радость со встречей народного слова, звучащего и проявляющего своё значение чётко и кстати. И повторю: издание полного собрания научного и поэтического творчества выдающегося человека должно быть сохранено во имя науки. Материал о тайных языках, подчас почти уходящих, полезен и поучителен: это особая страница народной жизни. Всё уже познанное должно быть доступно: ведь нет предела познанию.

Литература и источники

Василёв И.И. Лён и Псковская губерния. (С таблицей движения цен на лён и картою льняной промышленности Псковской губернии). Псков: Типография Псковского губернского правления, 1872. 224 с.; с табл., карт.

Василёв И.И. Статистические сведения по льноводству в Псковской губернии. Псков: Типография Псковского губернского правления, 1880.

Виноградов Н.Н. Галивонские алеманы: Условный язык галичан (Костромской губернии) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 1. С. 209–260.

Громов А.В. Жгонский язык: словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2000. 126 с.

Громов А.В. Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. Мантурово: Б/и, 2005. 96 с.

Громов А.В. Переплетение: сборник частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области. Мантурово: Б/и, 2008. 138 с.

Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Громов А.В. Сочинения / компьютер. вёрстку подгот. Л.А. Громова, 2016. 384 с. Хранится в учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета.

Громов А.В. У родника: стихи разных лет. Мантурово: Б/и, 2002. 56 с.

Даль В.И. О языках искусственных // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Москва: Госиздат, 1956. С. LXXVI(76)–LXXVIII(78).

Добродомов И.Г. О жгонском языке // Громов А.В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2000. С. 4–12.

Марковская Е.В. Николай Николаевич Виноградов как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения 2007 г. Музей-заповедник «Кижи» / отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. URL: markovskaia_ev (дата обращения: 20.08.2022 г.).

Мельниченко Г.Г. Предисловие // Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. С. 3–4.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: научно-методическое пособие / отв. ред. И.А. Попов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. Ч. 1. С. 173–190.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28... // Ленинград: Ленинградский государственный университет; Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1967–2020. (ПОС)

Рубцова З.В., Савинов Д.В. Предисловие // Громов А.В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2000. С. 3.

УДК 81'28

**«КАЖДОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО – ЭТО ПАМЯТНИК...»:
ДНЕВНИКИ А.В. ГРОМОВА ПО ДИАЛЕКТНОЙ ПРАКТИКЕ
СТУДЕНТОВ КОСТРОМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА**

Н.С. Ганцовская

*Костромской государственный университет,
Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru*

Аннотация. В статье описывается опыт руководства А.В. Громовым диалектной практикой студентов Костромского государственного пединститута имени Н.А. Некрасова в 1980–1989 годы, отражённый в его личных дневниках. Отмечаются его особые качества как знатока народного слова и ответственного наставника молодёжи. Приводится список обследованных пунктов Приунжья вместе с образцами заданий по изучению диалектов края. Делается вывод о ценности последующего использования записей краеведа как опытного полевика и наставника молодёжи в деле собирания образцов народной речи родного края.

Ключевые слова: диалектная практика студентов; дневник А.В. Громова; лексика и ономастика Приунжья

**“EVERY FOLK WORD IS A MONUMENT...”:
A.V. GROMOV'S DIARIES ON DIALECT PRACTICE STUDENTS
OF KOSTROMA PEDAGOGICAL INSTITUTE**

N.S. Gantsovskaya

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. The article, based on the material of A.V. Gromov's personal diaries, describes his experience of leading the dialect practice of students of the Kostroma State Pedagogical Institute named after N.A. Nekrasov in 1980–1989. His special qualities as a connoisseur of the folk word and a responsible mentor of youth are noted. A list of the surveyed points of Priunzhye is given along with samples of tasks for the study of dialects of this region. The conclusion is made about the value of the subsequent use of the records of the local historian as an experienced field worker and mentor of young people in collecting samples of the folk speech of their native land.

Keywords: dialect practice of students; A.V. Gromov's diary; vocabulary and onomastics of Priunzhye

Доказать студенту-филологу, что «каждое народное слово – это памятник, его надо сохранять» – таковы подлинные слова А.В. Громова (А.Г.) из его дневника по работе со студентами Костромского пединститута имени Н.А. Некрасова во время их диалектной практики в Поунжье Костромской области с 1980 по 1989 г. [Дневники]. И это ему, учителю, великому гуманисту, любившему не только свой край, своих земляков и их великолепную речь, но и студентов-практикантов (и те отвечали ему тем же), удалось. Удалось и студентам-практикантам. Об этом хотя бы свидетельствуют отчёты студентов, их отзывы, воспоминания самого Александра Вячеславовича и мои как вузовского руководителя практики. В его дневниках и многочисленных письмах ко мне и даже к студентам-практикантам сохранились документально точные свидетельства тех замечательных июльских дней совместного творческого труда руководителя и практикантов (а здесь неизменно присутствовал элемент не только учёбы, но и эстетики, поэтизации народного слова), который назывался «диалектно-фольклорной практикой студентов Костромского пединститута».

Постановка целей и задач практики, читаем в Дневниках А.Г., предполагала каждодневную проверку собранного, его обработку, выделение наиболее интересного и характерного для данной местности, иногда трудного для объяснения и требующего дальнейшей проверки и уточнения. Тетради-дневники А.Г. заполнены сотнями таких слов, собранных им и студентами, которыми учёный предполагал заняться более детально впоследствии, возможно, и для задач лексикографирования. Ведь у него был большой опыт совместной

А.В. Громов. 1988 г.

работы с Г.Г. Мельниченко, известным диалектологом, инициатором создания Ярославского областного словаря и его главным редактором, который был его бесценным консультантом по вопросам диалектологии, другом и руководителем при составлении «Льняного словаря». Так кратко называл А.Г. свой, ставший уже знаменитым, «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [Громов 1992].

Во время практики А.Г. прикладывал много сил, чтобы создать «атмосферу доверительности, взаимопонимания и уважения, серьезности дела. Ввести в курс того, что материал нужен для работы будущего учителя, для воспитания учащихся в духе любви к своей родине, к языку народному и народу, к памяти прошлого, без которых не может быть человека-гражданина» [Дневники 2: 4]. Он беседовал со студентами о личной жизни, о литературе, о поэзии (русские поэты, любовь к звучащему поэтическому слову – его личная страсть всю жизнь). В то же время А.Г. был очень требователен к студентам, давал задания на каждый день с отчетом о проделанном, чтобы «работу довести до результата и утвердить её руководителем практики» [Дневники 2: 5]. Материал паспортизировался по всем правилам, собирался по лексико-тематическим группам, с отражением особенностей фонетики и грамматики говора. Так, в группе практикантов 1982 г. в деревнях Усолье и Карьково Мантуровского района

Диалектологическая практика со студентами КГПИ. 1985 г.

старосте Любове Розиновой была предложена тема «Дом», Елене Заугаровой – «С/х лексика», Ольге Виноградовой – «Человек», Ольге Подшиваловой – «Ремёсла», Екатерине Дворецкой – «Природа».

Диалектизмы были представлены на карточках с толкованием, контекстом; записывались и связные тексты с их анализом, которые впоследствии выборочно вошли в Хрестоматию костромских говоров [Ганцовская 2018]. Приведём один из них – «О сватовстве» – в записи самого А.В. Громова (он всегда параллельно со студентами записывал диалектные материалы), тематика которого переключается с «Льняным словарём».

Выходила я замуж незадолго до войны. Приехали ко мне свататься. Сели сваты на лавку, стали договариваться о приданом. Свёкор стал выговаривать, говоря слова: «У меня их восьмеро: четыре сына и четыре дочки, да маточка иишио. Так вот: жениху прошу девять повязок (т.е. полотенец), матери – на пару, золоткам: Грушке – на юбку, Наташке – на кофту, и мне самому на рубаху». Выслушал тятка свёкра и так ответил ему: «Где вам мы это всё возьмём. Вы сами знаете, што нынешения девки всю зиму на лошадях работают, когда им прясть-то? А итё и напрядут, то ребята на беседках отберут, али сожгут. Для отвода глаз, итё сами напряли, у матки, буде, простень украдут... Так что, это ноги не обсохли, не обтаяли, поежжайте домой». Но тут встаёт

женых, мой будущий муж, и смело говорит: «Ничего мне это не надо. Я согласен взять Дуню и без приданого. А подарки родным, вот как заработаю денёг, сам их подарю». На этом и закончился зговор. Вышло по-мужнему: он выполнив всё, как говорил. (Записано от Евдокии Егоровны Жуковой, 1915 г.р, в д. Гусево.)

От студентов А.Г. требовал знания литературы: рекомендовал им книги Р.И. Аванесова, П.С. Кузнецова, Г.Г. Мельниченко, свою статью «Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области» [Громов 1969] и др.

Вот некоторые выписки диалектизмов из его дневников, которые удалось разобрать (очень неясный почерк, но его записи расшифрованы женой диалектолога, что в дальнейшем будет изучаться).

Песты. Молодой хвощ, который собирали для еды (народная спаржа). *Весной мы ходили по песты. Стопцы.* Щавель. *Рвали на еду, стояли и ели, собирали домой. Колышка, конёк* – кадошка (?) для катанья с горы. *Качуля* – качели в виде верёвки. *Ступни* – берёзовая обувь, вид лаптей, из берёзовых лык... доходили до щиколоток. Ходили в них дома и на сенокосе. **Самцы.** *Самцовое дерево. Череновое дерево... Шканы, шкánки. Ушат. Кошуля. Яух. Лог, Урочище. Имань... Андел, аушной.* Подробно толкуется *ендова* (д. Выползово). Медная посуда, 2,5 л. Для пива. Много внимания А.В. уделял собиранию географической лексики, ономастике. Например, в Шулёве упоминает **яух** – овраг. *Яхожу яухом, т.е. оврагом.* Его интересуют фамилии **Иришин, Орешкова**, «язык земли»: «**Инеш** – ручей, ключ, **Инешемское болото, там рубят дрова**».

Значение слов А.Г. уточнял по всем словарям, включая и М. Фасмера. Слов в Дневниках множество, они требуют расшифровки и могут быть вставлены в картотеку КОС (Костромского областного словаря) и использованы иным способом.

Списки студентов и задания к ним, комментарии разного рода сохранились в дневнике по каждому году практики, не говоря уже о собранных в них фактических диалектных материалах. В 1980 г. практика (как всегда в то время в пединститутах, одновременно диалектная и фольклорная) восьми студентов под руководством старосты М. Косулькиной проходила в д. Шулёво, в 1982 г. – в Усолье, Карьково (там похоронен А.В. Громов и его родители, там была его родина), в 1984 г. – в д. Ефимово, Самылово и Макарово (д. Макарово – там родился А.Г., вблизи Усолья).

Александр Вячеславович всегда спрашивал, откуда студенты родом. Так, Александр Котлов, староста группы студентов из семи человек практики 1980 г., теперь заведующий кафедрой отечественной

филологии КГУ, был родом из Мантурова, ему А.В. Громов через меня постоянно передавал приветы. В 1985 г. студенты исследовали говоры д. Знаменка Мантуровского района, в 1986 г. работали в Кологривском районе, в 1987 г. практика проходила в Красногорье и Горчухе Макарьевского района. Алёна Попова (теперь Романова), староста (тема сбора её макарьевской лексики – ремёсла и промыслы), и Елена Матасова (теперь Белякова) также работают в КГУ, кандидаты наук. В 1988 г. в деревнях Шулёво, Леонтьеве и др. на практике под руководством А.В. Громова была Светлана Александровна Фёдорова, ныне учитель русского языка и литературы школы № 4 г. Галича и известный краевед, на настоящих IV Громовских чтениях представившая доклад «Два выдающихся краеведа, два учителя Костромской области – В.В. Касторский и А.В. Громов».

Александр Вячеславович скрупулёзно подводил итоги работы студентов. Вот данные на 16.07.1986 г.: Волкова Лариса – 106 карточек, один текст о войне; Шевалдина Тат. – 120 карточек, текст о войне; Смирнова Лариса – 10 карточек, текста нет; Богачёва Ирина – 47 карточек, текста нет; Голубева Варвара – 104 карточек, 2 текста. Он вспоминает: «Расставались душевно: хоть плачь, вспоминая девочек» – и приводит слова, записанные собирателями от информантов и высказанные ему: «Походить по миру – дак всево наслушаеся». 19.07.1986 г. признаётся: «Ира Богачёва передаёт: Н.С. долго пытала девочек насчёт моей работы с ними, много ли я им дал. “Был строг”, – отвечали». В 1989 г. (9.05) он написал мне: «Грустно, что больше не поеду со студентами на их диалектологическую и фольклорную практику. И грущу больше, думая не о себе, а о них. Думаю, и убеждён, что практика им нужна, полезна, необходима. Конечно, при условии, если её хорошо подготовить и направить со студентами руководителя, знающего программу и влюблённого в народную речь, в народ, носитель всего корневого, заповедного, прекрасного... без этой практики я буду скучать, поэтому прошу Вас, если будет возможность, послать наших местных студентов числом 2–3-х, я бы с удовольствием поработал с ними, выполнил бы программу практики. А то ведь я всё равно пойду-поеду по деревням за словом. А платы за это мне никакой не надо – наградой будет само дело, само общение с народом, с ребятами».

Конечно, в подобном отношении к полевой практике он не одинок. Все мы, преподаватели вузов, такие были – романтики, а некоторые и теперь есть. Вот во втором сборнике Громовских чтений в статье «Странные, ветреные люди...» незабвенная Любовь Петровна Михайлова писала: «Это я странный и ветреный

человек, как и многие диалектологи, странствующие по просторам России в поисках народного слова, ветром заносимые то в одно, то в другое место. В далёком восемьдесят каком-то году так назвала нас, диалектологов, прибывших из Петрозаводска в поморское село Колежма, Зинаида Кирилловна Сеницына, прекрасный человек, с пониманием и открытой душой встречавшая в разные годы исследователей языка, фольклора и поморской культуры из научных центров» [Михайлова 2015: 339]. М.Д. Королькова из Петербурга, ИЛИ РАН, там же в статье «Моя первая диалектологическая экспедиция» говорит о незабываемом впечатлении от экспедиции 2011 г. в рамках Программы ЛАРНГ, прежде всего от «самого процесса погружения в новую жизнь», что, по её признанию, перевернуло её жизнь [Королькова 2015: 247]. О.В. Васильева (СПбГУ) в статье «Об одной из экспедиций в Псковскую область» говорит о ни с чем не сравнимой «возможности прикоснуться к духовной жизни простого русского человека, всю свою жизнь проработавшего на земле, порою не очень грамотного, но искреннего и жизненно мудрого». И далее она пишет: «Ведь именно встреча с интереснейшим человеком – неграмотной бабушкой Марфой – послужила моему учителю, В.И. Трубинскому, толчком для написания книги о русских диалектах» [Васильева 2015: 100]. Вопросы, иногда дискуссионного характера, ставит Л.Ю. Зорина (Вологодский госуниверситет) в своей проблемной статье «Вопросы активизации полевой исследовательской работы по вологодским говорам (на материале экспедиций последних лет)» [Зорина 2015]. Л.А. Иванова, говоря об ежегодных экспедициях студентов Костромского областного колледжа культуры для сбора фольклорно-песенного материала, отмечает их ценность не только в количестве и качестве собранного материала, но и в том, что «любая экспедиция остаётся в памяти не только собранным материалом, но и встречами с интересными людьми» [Иванова 2015: 202].

Народные русские говоры ещё живы, как и вообще русское народное творчество, их ещё можно и должно собирать, и старым, и малым, и специалистам, и просто любителям, обрабатывать и публиковать, сохранять в виде словарей, разного рода глоссариев и хрестоматий, поскольку в силу исторических причин они собраны и изучены ещё не в достаточной мере. И здесь примером для нас будут такие опытные прагматики-полевики и вместе с тем эстеты, любители живого народного слова, как Александр Вячеславович Громов.

Литература и источники

Васильева О.В. Об одной из экспедиций в Псковскую область // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2015. С. 99–104.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2018. 133 с.

Громов А.В. Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Вып. 11. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969. С. 12–19.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, льнопрядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Дневники – Дневники А.В. Громова по диалектной практике студентов Костромского педагогического института имени Н.А. Некрасова (1980–1989 гг.): в 2 ч. Рукопись. Хранится в учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета.

Зорина Л.Ю. Вопросы активизации полевой исследовательской работы по вологодским говорам (на материале экспедиций последних лет // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2015. С. 192–197.

Иванова Л.А. Народная песня – наша любовь и наша профессия // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2015. С. 197–202.

Королькова М.Д. Моя первая диалектологическая экспедиция // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2015. С. 246–251.

Михайлова Л.П. «Люди странные, ветреные...» // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2015. С. 338–337.

СБОРНИК ЧАСТУШЕК «ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ» А.В. ГРОМОВА

Л.А. Громова

Москва, Россия, LubovGromova@yandex.ru

Аннотация. Выступление на конференции «Четвертые Громовские чтения» в Костроме, посвящённой памяти Александра Вячеславовича Громова, собирателя, диалектолога, подвижника, автора нескольких региональных словарей. Дочь собирателя знакомит читателей и слушателей со сборником частушек «Переплетение», созданным при жизни А.В. Громова, но практически не известном заинтересованному пользователю и мало распространённом.

Ключевые слова: частушки; сборник частушек «Переплетение»; народное творчество; А.В. Громов

COLLECTION OF DITTIES «INTERLACING» BY A.V. GROMOV

L.A. Gromova

Moscow, Russia

Abstract. Speech at the conference «The Fourth Gromov Readings» in Kostroma, dedicated to the memory of Alexander Vyacheslavovich Gromov, collector, dialectologist, ascetic, author of several regional dictionaries. The collector's daughter introduces readers and listeners to the collection of ditties «Interweaving», created during the lifetime of A.V. Gromov, but practically unknown to the interested user and not widely used.

Keywords: ditties; collection of ditties “Interlacing”; folk art; A.V. Gromov

Сборник частушек «Переплетение» был создан в 2002 году. Мы – я, моя дочь и мама – делали макет сборника в качестве подарка отцу к 80-летию. Набирали, компоновали, верстали. Вышел он в свет на следующий год в городе Мантурово благодаря хлопотам самого отца, редакции газеты «Авангард» и помощи неравнодушных предпринимателей. Начало замыслу о том, чтобы выпустить сборник частушек, положил сбор материала к словарю «Лексика прядения и ткачества...».

В своих дневниках отец пишет:

«Целый день шлифовал старую работу “На деревенской беседке”. В ней частушки наши, которых не встречал в сборниках частушек, так, чтобы они были вместе в этой рубрике: о деревенской беседке, о прядении, ткачестве и развлечениях.

От Н.С. Ганцовской получил “Частушки” Вохомского края, собранные поэтом Л. Поповым. Воодушевляет. Но я буду делать в “другом аспекте”, укажу место записи и авторов, информантов».

Эту запись я нашла позднее, к тому времени «Переплетение» уже было издано [Громов 2008]. Оно было издано не так, как ранее замыслил сам собиратель, но, главное, было издано, и отец не сделал мне по этому поводу никаких замечаний.

А имена и фамилии информантов действительно стояли под каждой частушкой или блоком частушек, записанных отцом в одно время у одного человека, указаны были также его возраст; именно возраст, а не год рождения, и место записи. На этапе формирования сборника это казалось лишним, утяжеляющим восприятие, так как было задумано деление всего массива частушек в 1000 штук по тематике. В результате сборник получил 9 глав и блок «Информанты», куда и были вынесены все фамилии подателей информации.

Я коротко остановлюсь на каждой из глав, не утяжеляя повествования.

«Просёлки» – в эту главу включены частушки, в которых упоминаются названия рек и населённых пунктов, их немного. Наш народ не Лев Толстой, который на нескольких страницах мог описывать состояние природы.

В раздел «Семья» включены частушки, записанные отцом у своих родных сестёр, их было пять, двоюродного брата, тёщи Марии Прокопьевны Захаровой (кстати, по записям отца говоря этой семьи, в которой он прожил до развода 8 лет, составленной мной сборник «Следы»).

А вот частушки, которые отцом записаны со слов его матери, её собственного сочинения. Анна Николаевна Громова была по происхождению из семьи деревенского грамотея. Их дом был единственным в деревне с домашней библиотекой. Она талантливо и с юмором рассказывала о житейском, сочиняла частушки.

Дома за книгой

Приведу одну из её частушек:

Вересовые кусточки,
Я вас буду садом звать.
Помогите вересовые
От дролечки отстать.

Многие авторы статей, рассматривая частушку как элемент народного творчества, уточняют, что частушка имеет незамысловатый окрас, но если посмотреть на приведённую частушку, то можно написать целое эссе на её основе. Например, про верес, что верес – это не вереск, а можжевельник. Что можжевельнику на Руси приписывали целебные свойства, что ягоды можжевельного куста использовались знахарями для лечения, а колдунами для изготовления снадобий для приворота и отворота. Вот отсюда и «помогите от дролечки отстать».

Раздел «Нити» вышел довольно компактным, так как в него были включены только частушки, непосредственно связанные с прядением и ткачеством, хотя вначале отец собирался включить сюда и частушки о развлечениях, и о самом процессе встреч деревенских девушек и замужних женщин для совместного проведения времени за работой в осенне-зимнее время.

Самый большой раздел в этом сборнике – «Попляшем», он полностью соответствует привычному и всюду встречающемуся мнению, что частушка сочинялась как сопровождение несложного перепляса.

«По-мужски» – достойный раздел этого сборника. Авторство сильного пола прослеживается в каждой из приведённых частушек. И тут отец отошёл от традиционной подачи частушек только как женского творчества. Мужчины нисколько не уступают слабому полу в проявлении чувств, юморе, тонкой иронии.

Раздел «Дороги солдатские» также включает достаточно обширный материал. И тут нет ничего странного, ведь информантами отца были пожилые деревенские жители, пережившие не одну войну, претерпевшие лишения, потерю близких. Они наверняка даже и не вспоминали их, они были заложены в их память самой жизнью. Г. Успенский писал, что «не из чего собрать и сложить народу песню, но сочинить “стишок”, откликнуться на разнообразнейшие явления обыденной жизни, этого даже и “утерпеть” нельзя народу» [Успенский]. «Стихи пишутся, когда дышать нечем, когда сильные чувства переполняют душу», – пишет отец в дневниках.

*Классный час на тему «Слово народа, слово писателя, поэта».
Мантуровская средняя школа № 1. 1987 г.*

«Про любовь» и «Погрустим» – самые большие разделы. Их содержимое не стоит дополнительно комментировать. Только хочется ещё раз подчеркнуть, что даже печальные частушки наполнены юмором и оптимизмом. Смеяться до слез, петь, когда тебе грустно, плакать от счастья, укачивать детей частушкой – это по-нашему.

И частушки в этом сборнике – это не переписанное из других изданий, это записанное при личном общении, пережитое. Ведь любая беседа со старожилками – это беседа о жизни, повествование о судьбе, о детях и внуках, о перенесённых тяготах. Нельзя зайти к старому человеку и сказать: здравствуйте, вот я пришёл записать у вас... Никто не бросит своих дел и на бегу не скажет тебе ничего хорошего. Долгий, душевный разговор, с сочувствием и с состраданием заинтересованного человека позволит раскрыться собеседнику, достать сокровенное из памяти, потянуть ниточку воспоминаний, зацепившись за слово. Раньше меня очень смущало, когда отец в метро или в другом людном месте свободно подходил к человеку и начинал разговор, и всегда сначала о себе. Потом шли вопросы, начинался диалог. Мне было всегда неудобно за его приставание к случайным людям. Только через много лет я поняла, что эта манера общения выработана

годами, и именно она дала те результаты, о которых мы все знаем.

Закончить хочется отступлением, которое и стало вступлением к самому сборнику.

«Зима. Мы с бабушкой лежим на печке. “На окошке два цветочка, голубой да синенькой...” Это поёт бабушка. “Мария Прокопьевна, вы чему учите ребенка? Любочка, почитай папе Пушкина”. Это папа. Потом, много лет спустя, он скажет, что собранные им частушки уникальны, что среди них есть принадлежащие перу Пушкина и Маяковского, что частушки, все про “вересовые кусточки”, сочинила его мама, моя бабушка, Громова Анна Николаевна.

“Любушка, давай, почитаем Блока. О весна. Без конца и без края...” Это отец. Мы идем по узкоколейке. Мне три года. Я с удовольствием слушаю его любимые стихи. Блока он знает наизусть. Он берёт уроки выразительного чтения у дочери знаменитого актера МХАТа и приучает меня к “художественному слову”. Пока. А потом... будет кропотливо собирать частушки по деревням Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области... Много лет, тридцать точно, ходить из избы в избы, из деревни в деревню.

“...В заколдованной области плача, в тайне смеха зазорного нет”. Это опять отец. Это опять переплетение. Переплетение народного и художественного... в частушке. Плач, бравада, смех, слёзы... Театр, да и только. Только сцена этого театра какая-то уж очень большая» [Громова 2008: 6].

Литература и источники

Громов А.В. Переплетение: сборник частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области. Мантурово: Б/и, 2008. 138 с.

Громова Л.А. Вместо вступления // Громов А.В. Переплетение. С. 6.

Успенский Г.И. Новые народные стишки. URL: <https://www.litres.ru/gleb-uspenskiy/novye-narodnye-stishki/chitat-onlayn> (дата обращения: 30.08.2022).

КОСТРОМСКАЯ ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

С.А. Мызников

*Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия, myznikovs@rambler.ru*

Аннотация. В данной работе представлен обзор фиксации костромской лексики в сводных диалектных словарях. Основной упор сделан на анализе неисконной лексики, представленной в Словаре Н.С. Ганцовской. Анализ проводится с привлечением данных диалектных словарей, в которых представлена лексика этого региона. По данным СРНГ имеются многочисленные факты, которые возводятся к финно-угорским источникам, не выходя за пределы Ярославско-Костромского Поволжья. Выявляются также слова прибалтийско-финского, пермского происхождения, а также лексемы со спорной этимологией, предположительно субстратной природы. Для анализа привлекаются материалы, которые были получены в ходе диалектологических экспедиций автора.

Ключевые слова: словарь; субстрат; диалектный, вепсский, карельский, мордовский, мерянский, коми язык

KOSTROMA VOCABULARY OF FINNO-UGRIAN ORIGIN ACCORDING TO LEXICOGRAPHIC DATA

S.A. Myznikov

Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This paper presents an overview of the fixations of the Kostroma vocabulary in the summary dialect dictionaries. The main emphasis is on the analysis of non-native vocabulary, presented in the Dictionary of N.S. Gantsovskaya. The analysis is carried out using the data of dialect dictionaries, which represent the vocabulary of this region. According to the SRNG, there are numerous data that are traced back to Finno-Ugric sources, without going beyond the Yaroslavl-Kostroma Volga region. Words of the Baltic-Finnish, Permian origin are also revealed, as well as lexemes with a controversial etymology, presumably of a substrate nature. For the analysis, materials are used that were obtained during the author's dialectological expeditions.

Keywords: dictionary; substratum; dialectal, Vepsian, Karelian, Mordovian, Meryan, Komi language

Лексикографическое описание костромских говоров весьма обширно, первые данные были представлены в первых сводных диалектных словарях, который были изданы в середине XIX века.

В «Опыте областного великорусского словаря» представлено 724 слова с пометой *Костр.*(омское). Были собраны материалы по следующие уездам: Нерехотскому, Галичскому, Кинешемскому,

Солигаличскому, Чухломскому, Буйскому. Лексика собиралась также и в городах: Кологриве, Ветлуге, Макарьеве, Нерехте, Варнавине, Кинешме, Чухломе [Опыт: IX–X]. В Опыте в ряде случаев представлены фонетические варианты, показывающие специфику костромских говоров: **Це'цверть**. Четверть. Костром. Кинеш. **Цецу'ля**. Большой кусок или ломоть хлеба. Костром. Нерех. [Опыт: 252]. Некоторые лексические единицы фиксируются на протяжении нескольких веков: **Мы'льна**. Баня. Костром. Кинеш. [Опыт: 118]. **Мыльня, мыльна**, ж. Баня. (1522 г.) [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 331]. В БАСе слово **мыльня** в значении 'баня' уже имеет помету «устар.» [БАС 6: 1416].

Впервые в этом словаре было отмечено слово **жу'кола** 'чёрная корова' Нерехт. Костром.; **жу'колка** Кинеш. Костром. [Опыт: 58]. Далее слово фиксировалось в СРНГ: **Жу'кола** 'чёрная корова' Костром., Влад. **Жу'колы** 'телята, рождённые в феврале' Костром. [СРНГ 9: 224–225]. **Жу'кола** «корова, забеременевшая во время первого сгона в поле»: – *На святого Вукола* (6 февраля) *телятся жуколы*. Костром. Влад. [СРНГ 9: 225]. **Жуко'лка** 'чёрная корова' Кинеш. Костром., 1846. Костром., Переясл. Влад. [СРНГ 9: 224]. Сопоставляется с мар. *škal* 'корова', морд. *skal*, которое производится из кавказских языков [Фасмер 2: 65]. Ср. также мокш.: *skal* 'тёлка' [МКРСС: 636], эрз. *skal* 'корова' [ЭРС: 590], удм. *skal* 'корова' [РУС: 382], мар. *ушкар* 'корова' [СМЯ]. О мерянской версии происхождения слова см.: [Добродомов 1996: 83–91].

В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» представлено уже намного меньше лексем с географической локализацией – *Костр.* – 87 единиц. Однако в «Дополнении» представлены первые фиксации единиц прибалтийско-финского происхождения: **Ле'мешка**. Саламата. Костром. **Ле'йма**. Корова. Костром. Галиц. [Доп. Опыт: 102].

В словаре В.И. Даля отмечается 827 слов с пометой *Костр.* (омская) губерния, для сравнения – 760 слов с пометой Вор.(онежская) губерния, 1 363 с пометой *Вологодск.*(кая) губерния.

Словарь русских народных говоров», который включает в себя всю русскую диалектную лексику, начиная с первых лет XIX в. по настоящее время, располагает уже тысячами лексем, зафиксированных на территории Костромской губернии (области). В вышедших 52-х томах словаря фиксируется свыше 14 тысяч слов и значений с географической пометой *Костром.* Весьма обширные данные представлены по Ветлужскому уезду, который в настоящее время относится к Нижегородской области, 2 300 единиц.

По данным СРНГ имеются многочисленные материалы, которые возводятся к финно-угорским источникам*, причём ареал некоторых диалектных слов не выходит за пределы Ярославско-Костромского Поволжья.

Кой'з 'пристройка из жердей и соломы позади дома или двора для хозяйственного инвентаря' Рост. Яросл., 1902. **Кой'з** 'навес из соломы на столбах около строения' Яросл., 1918–1924 [СРНГ 15: 158]. **Койс** [удар.?] 'пристройка' Нерехт. Костром. [КСРНГ]. **Кой'з** 'сторожка у ворот околицы' Рост. Яросл. [Даль 2: 180]. **Кой'юз** 'сарай для хозяйственных нужд, санник, каретник, обычно пристраиваемый к дому' Мантуров. Костром. [Востриков 1990: 82]. **Кой'з, кой'с** 'шалаш пастуха' Кадн. Волог. [КСРНГ]. О.В. Востриков для этих данных приводит следующие параллели из прибалтийско-финских языков: фин. *koju* 'шалаш, хижина из лапника', кар. *koju* 'будка', ливв. *koju* 'сторожка, будка' [Востриков 1990: 83].

Крайне важен для понимания динамики диалектного костромского слова в историческом развитии труд. Н.С. Ганцовой «Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» [Ганцовская 2015]. Словарь представляет лексику и фразеологию диалектной речи Костромского Заволжья, центральной частью которой являются говоры Костромского акающего острова. Составлен на основе личной картотеки автора и картотеки Костромского областного словаря, ныне хранящейся в учебно-научной

* У автора имеются работы разных лет по лексике финно-угорского происхождения в костромских говорах: Мызников С.А. О некоторых арготизмах и диалектизмах Владимирско-Костромского Поволжья // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. статей. Вып. 6. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. С. 111–116. *Он же*. О лексике прибалтийско-финского происхождения в костромских говорах // Русское слово и костромской край. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 188–202. *Он же*. Субстратный языковой ландшафт в Ярославско-Костромском Поволжье // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2014. С. 37–41. *Он же*. Костромская лексика в диалектном контексте Северо-Запада // Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома: Костромской государственный университет, 2015. С. 342–349. *Он же*. О происхождении некоторых рыболовецких терминов // Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 213–219. *Он же*. Языковые контакты в Ярославско-Костромском Поволжье и их отражение на лексическом уровне // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум: сб. статей. Чебоксары, 2018. С. 13–15.

исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета. Весьма интересно проследить наличие финно-угорских данных, зафиксированных в словаре на этой территории, поскольку «к настоящему времени определённо можно утверждать, что территория костромских акающих говоров представляет собой особую лингвоэтническую зону, а сами говоры можно квалифицировать как среднерусские смешанного типа с севернорусской основой и южнорусским наслоением» [Ганцовская 2015: XXIII].

Сплошной просмотр материалов словаря выявил весьма интересные факты, имеющие эвристический потенциал. Были зафиксированы единицы, которые не были известны или не имели фиксации на территории костромских говоров. Впервые было отмечено слово **а'хма**, которое можно интерпретировать в диалектном лексиконе как единицу прибалтийско-финского происхождения исходя из анализа соответствующих этимонов, а по семантике – уже опосредованной русским влиянием.

А'хма ‘растрёпанный, непричёсанный человек’: – *Поди, в зеркало глянь, ахма!* Парф. (Потрусово) [Ганцовская 2015: 4]. Ср. фин. *ahma* ‘росомаха’, ‘обжора’, фин. *ahmo*, *ahmus*, *ahmakka* ‘обжора’, кар. *ahma*, люд. *ahmi*, *hoahmoi*, люд. *huhmoi* ‘росомаха’, эст. *ahm* ‘обжора’ [SKES: 6]. Хотя семантически оно соотносится с русскими диалектными данными: **росома'ха** ‘неаккуратный человек, неряха’: *У эдакой росомахи рази что найдёшь*. Тихв. *Росомаха, нечёсана ходишь, смотреть не охота на тебя*. Пудож. *Вся в саже хожу, кто увидит, скажет: Ну, какая росомаха*. Онеж. Кириш., Каргоп., Подпорож. [СРГК 5: 562]. В общерусском контексте слово также имеет широкий ареал: **росома'ха** ‘неаккуратная нечистоплотная женщина, неряха; растрёпа’ Павл. Ворон., 1850. Тамб., Пенз., Курск., Ряз., Калуж., Твер., Новг. *Баба-то у его настоящая росомаха*. Волог., Симб. *Вот это так росомаха, из её рук и есть противно, а приходитя*. Ульянов. Свердлов., р. Урал. *Росомаха зарастёт грязью*. Краснояр. [СРНГ 35: 188]. **Росома'ха** ‘прозвище неопрятного, неряшливого человека’. *Какой ты, Ваня, росомаха!* Буйск. (Ушаково). *Прибери, Валя, волосы, ведь как росомаха*. Чухл. (Дудино). *Ты как росомаха, грязный, мязный будто*. Буйск. (Старостино) [Ганцовская 2015: 336]. Маловероятно, что слово **а'хма** является преобразованным усечением лексемы **росома'ха**.

Имеются данные прибалтийско-финского происхождения, впервые зафиксированные по данным словаря Н.С. Ганцовской у галичских рыбаков: **ру'пас** ‘масса мелкого льда около проруби’: *Рыба*

из рук выскользнула, упала на рупас. Галич [Ганцовская 2015: 327]. Причём ранее сходный материал фиксировался преимущественно в Беломорье: **ру'пас** 'обледенелые прибрежные камни у моря', 'торчащие стоймя или нагромоздившиеся одна на другую у морского берега или на отмели льдины' Помор. [Подвысоцкий: 148]. **Рупаса'** 'масса мелкого льда в море' Холмог. [КСРГК]. 'Горы разбитого льда' Холмог., Беломор. [КСРГК]. Оставляя в стороне анализ вариантов **ропак**, **ропас** и **рупас** [Мызников 2003: 332–335], можно сопоставить с карельскими источниками, ср. кар. *ruoras* 'груда льда', люд. *ruoraz* 'куча камней на поле' [SSAP 3: 107], ливв. *ruoras* 'край проруби, полынья' [СКЯМ: 317].

Также у рыбаков зафиксирована единица, относящаяся к обозначениям реалий рыболовной снасти.

Кеба'сья 'поплавки, которые удерживают сеть невода': – *Поплавки-кебасья делаютя из ели. Самый большой поплавок – атаман* (на середине невода). Галич. (Рыбная слобода) [Ганцовская 2015: 153].

В пинежских говорах представлены материалы, сходные фонетически, но с другим значением: **Кеба'сья** 'грузила из камней и т.п., завёрнутых в бересту' Пинеж. (Кушкопала). **Кебасьё'** 'грузило (камни) на неводе' Пинеж. Арх. [СРНГ 13: 171]. Хотя такого рода сдвиги значения предствлены в Посвирье: **Ки'вечи** 'грузила невода', 'поплавки невода' Лодейноп. Олон. [СРНГ 13: 196], при первичном значении этимона – 'груз', 'камень', ср.: ливв. *kives*, вепс. *k'iv'es*, кар. *kiveš* 'грузило на сети', где *kivi* 'камень' [Kalima 1915: 116]. Имеются сходные данные и в других финно-угорских языках, ср. морд. эрз. *k'ev*, мокш. *k'ev* 'камень' [SKES: 203; РДЭС: 272].

Некоторые материалы, отмеченные в словаре, наряду с фиксациями в севернорусских говорах, отмечаются также в Ярославско-Костромском Поволжье: **Кава** 'колышек, вбитый в землю, для причаливания лодки, плота': – *Крепи к каве лодку-то, а то унесёт*. Галич [Ганцовская 2015: 143]. 'Кол, вбиваемый в землю на берегу реки для причаливания лодок, плотов' Тутаев. Яросл. [ЯОС]. При возможности их соотношения с карельско-вепскими источниками, ср. кар. *kuavi* 'колышек, вбитый в землю' [Лесков 1892: 99], вепс. *kavi*, *kava* 'кол', 'колышек для вешанья одежды' [СВЯ: 189].

Некоторые материалы имеют также давние фиксации в костромских говорах: **Ве'ха** 'ошибка, промах' Нерехт. Костром., 1853 [СРНГ 3: 208]. **Вя'ха** 'промах, ошибка' Тихв. Новг. 1854 [СРНГ 6: 80]. **Вя'ха**: Дать вяху 'совершить ошибку, промах': – *Ну, дал ты вяху!* Чухлома (Судай) [Ганцовская 2015: 67]. Ср. фин. *virhe* 'ошибка'

[SSAP 3: 455], фин. *vika* ‘ошибка, неисправность, слабость, болельщик’, *vikaan* ‘ошибочно’ [SKES: 1757], вепс. *viga* ‘ошибка’, *vika* ‘ошибка’ [SKES: 1758].

Семантически и этимологически можно дифференцировать от предыдущих данных следующие материалы: **Вя'ха** ‘пустяк, что-либо незначительное’ Брейтов., Ростов., Парфеньев. [ЯОС 1984: 64]. **Вя'ха** «небольшая ноша, вязанка дров»: *Ну и вяху дров принёс, на одно истопле не хватит*. Мантур. Костром. [Громов 2005: 19]. Данная единица явно соотносится с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *väha, vähä* ‘мало, немного’ [СВЯ: 644]. Несмотря на это, О.Б. Ткаченко трактует эту диалектную единицу в контексте русско-мерянских и мерянско-русских контактов [Ткаченко 1985: 71] без серьёзной аргументации.

Упаки ‘рабочие сапоги; валенки’: *На работу мужики такие широколапые упаковки обували, сапоги*. Солиг. (Куземино). *Ну, и упаковки ты на ноги напялила! Чай, идти-то тяжело?* Галич. (Пронино) [Ганцовская 2015: 393]. Слово известно в памятниках письменности: **упоки** «мягкие сапоги с разрезом (сзади), обычно с короткими голенищами, без каблуков и подметок, иногда с загнутыми вверх носками» Приход.-расход. кн. Онеж. мон. 1661 г. [Вахрос 1959: 183]. В прибалтийско-финских языках это гнездо широко распространено, ср. фин. *upokas* ‘сапог, обувь без каблука’, ‘вид саамской обуви, сапог без голенища’, *upikas* ‘саамский сапог с загнутым носком’, ливв. *upakko* ‘саамский сапог с загнутым носком’, ‘стоптанный башмак’, вепс. южн. *upak* ‘сапог’, ‘лапоть с голенищем’, *upud* ‘сапоги из бересты’, ‘лапти с голенищами’, водск. *upakka* ‘вид женской обуви’ [SKES: 1543], вепс. *upud* ‘берестяные башмаки, лапти с голенищами’ [СВЯ: 603], вепс. isaев. *upakot* ‘валенки’ [Basilier 1890: 66]. Следует отметить, что Basilier говорит, что в качестве отхожего промысла у isaевских вепсов было распространено катание валенок и изготовление сапог. Они из Isaевской волости ходили через Вытегру на р. Оять и Белое озеро, а также по Вологодской, Ярославской и Тверской губерниям [Basilier 1890: 66].

Представлены также данные, восходящие к пермским источникам, например: **Ба'ка** ‘гриб-трутовик’: *Баки боле на берёзе бьвают*. Буйск. (Шушкодом) [Ганцовская 2015: 7]. Я. Калима возводит это слово к коми, ср. коми *baka* ‘гриб на берёзе’ [Kalima 1927: 15]. Ср. также коми, коми-перм. бака ‘трутовый гриб’ [Матвеев 1964: 286].

Одно из наименований ботвы картофеля и корнеплодов широко распространено в костромских говорах и на смежных территориях.

Лыч ‘ботва свёклы, моркови’: *Корове-то каждый день лыч рублю.* Буйск. (Шушкодом). *Лыч-то большой, зелёный, а морковка мелкая.* Буйск. (Елегино). *Обдери лыч с моркови.* Буйск. (Талица). *Давай садись лыч обрезать.* Чухл. (Ножкино). *Отнеси-ка лыч телятам.* Буйск. (Контеево). *Свёкольный лыч хорошо давать корове-то, молока прибавит.* Солиг. (Зашугомье). *Лыч у свёклы вытянулся.* Буйск. (Ликурга). *Собери-ко лыч весь да овцам отнеси, пусть поедят, пока свежий.* Буйск. (Дьяконово) [Ганцовская 2015: 200]. **Лыч** ‘картофельная ботва; ботва корнеплодов’ Вашк. Волог. [ПЛИГО], Грязовец., Шексн. [СВГ 1989: 59]. Кирил., Шексн. [СРГК 3: 165]. Владыч., Данил., Антропов., Арефин., Большесельск., Буйск., Костром., Любим., Молог., Нейск., Орехов., Первомайск., Пошехон., Пречист., Рыб., Серед., Солигалич., Сусанин., Толбух., Тутаев. [ЯОС 1987: 21]. **Лы'ча** ‘картофельная ботва; ботва корнеплодов’ Рыб. [ЯОС 1987: 21]. **Лы'чи** ‘ботва’ Парфеньев. [ЯОС 1987: 21]. Ареал рассматриваемых данных – вологодские, ярославские костромские говоры – позволяет предположить влияние коми языка, ср. коми *лыч* ‘ботва (редьки, репы и т.п.)’, ‘жилка листа, черешок листа’ [ССКЗД: 209]. Однако авторы КРОЧК трактуют слово *лыч* ‘ботва (картофеля, репы, брюквы)’ как диалектное [КРОЧК: 371], при том, что в коми языке более распространена лексема *кор* с основным значением ‘лист’, употребляемая, однако, в сочетании *картупель кор* ‘картофельная ботва’ [КРОЧК: 291]. А.С. Кривошекина-Гантман говорит о неясности направления заимствования, отмечая слово **лыч** ‘стебли корнеплодов’ в Соликамском районе Пермской области, при коми-перм. *лыч* ‘ботва картофеля, репы, брюквы’ [Кривошекова-Гантман 1981: 54]. Ср. также мар. *лыштаиш* ‘лист; часть растения, служащего для газообмена; листва, листья дерева, куста’ [СМЯ]. Подробно см. [РДЭС: 464].

Присутствуют также обратные заимствования из коми языка.

Лычь ‘огонь горящего лыка, который разводят на носу лодки при ночной рыбной ловле’: *С лычью по ночам рыбу острогой били.* *Лычь-то светит в воду, дно и видно.* Чухлома [Ганцовская 2015: 200]. **Лыч** ‘огонь, который разводят при ночной ловле рыбы’ Чухл. Костром. [ЯОС]. Ср. коми ижем. *лыч* ‘луч’ [ССКЗД: 459], которое является, в свою очередь, русским заимствованием.

Ещё одна единица относится к рыболовецкому лексикону, с широким распространением также в Белозерье и смежных регионах.

Лепак ‘рыба подлещик’: – *Вон сколько лепаков-то внучки наловили.* Галич. [Ганцовская 2015: 191]. **Ляпо'к** ‘мелкий лещ, подлещик’ Белоз., Вашк., Кирил. [СРГК 3: 181]. **Ляпо'к** ‘рыба Abramis

brama L., лещ' Белозер. Волог., 1970 [СРНГ 17: 280]. **Лепак** 'небольшой лещ' Галич. Костром. [Сотников 2002]. Вариант **ляпо'к** по типу вокализма сближается с коми-зырян. *ляпа* 'подлещик' [ССКЗД: 213], которое авторы КЭСЯ сопоставляют с удм. *ляпа* 'сом', далее общеперм. **l'ara* 'вид какой-то рыбы' [КЭСЯ: 166], ср. также *ляпа* 'лещ-молодь (не включая мальков)', 'подлещик' [КРОЧК: 375]. Востриков, отмечая варианты **ляпо'к**, **лепа'к** в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские рыболовы (по нашим более поздним данным – гораздо шире) и связывает их также с коми-зырянским влиянием [Востриков 1982: 30].

Ня'ры 'валенки, обшитые кожей'. *После дедушки няры-то больно хороши остались*. Солиг. (Коровново) [Ганцовская 2015: 239]. Не вполне понятна фиксация слова в Солигаличском районе, ядерный ареал которого находится на Западном Урале: **Ня'ры** 'войлочные сапоги с кожаными подошвами' Перм., 1848. Свердл. [СРНГ 21: 335]. **Ня'ры**, **ня'рки** 'охотничьи короткие сапоги из оленьего меха с опушкой': – *Няры вогулы* (манси) *шили*. Акчим. [СГДА 3: 86]. Сопоставляется с хант. *ňara* 'обувь' [Фасмер 3: 94], при коми *няр* 'замша' [КЭСЯ: 202]. Подробно см. [РДЭС: 545].

Субстратные данные. Поскольку в настоящее время на территории Костромской области не проживает нерусское автохтонное население, то ряд данных неисконного происхождения можно рассматривать как явления субстратной природы. Среди них выделяются единицы саамского, прибалтийско-финского, пермского (коми), марийско-мерянского, финно-угорского субстратного типа неясного происхождения. См. также [Востриков 1981; 1990].

Толы 'глаза': *Что толы выпучил?* Солиг. (Бурдуково). *Толы твои бессовестные*. Чухл. (Ножкино) [Ганцовская 2015: 382]. **Телы** 'глаза' Ветл. Костром. [Марков, КСРНГ]. По типу консонантизма можно возвести к финно-угорскому субстрату, ср. саам. лул. *tjal'me*, инар. *čalme* 'глаз' [SKES: 1027]; при такой возможности мены консонантов: $t < \check{c} < s$.

Шардо'нка 'мифическое существо, демон, враждебный человеку': *Шардонка всё у меня прятал, в лесу уводил*. Чухл. (Мироханово) [Ганцовская 2015: 422]. Фонетически очень близко к следующим финно-угорским материалам: горномар. *шарды* 'лось' [Матвеев 1970: 193; Матвеев 1995: 36]. Ср. также мар. шордо 'лось', манс. *surti* [Грузов 1969: 156]. морд. эрз. *сардо* 'лось' [ЭРС: 639], мокш. *сарда* 'олень' [МКРСБ: 264]. Следует отметить, что морд. эрз. [s] соответствует фин. [h] и марийскому [š]. Однако версия может считаться корректной, если семантика костромского слова претерпела сдвиг значения.

Сорёз и **сорьёз** ‘рыба хариус’: *Сорёз быстринку да чистую воду любит.* Буйск. (Талица). *Пуда три мы тогда сорёзов наловили.* Чухл. (Панкратово). Парф. (Шумилино) [Ганцовская 2015: 360]. **Со'рьез** ‘хариус’ [СРНГ 40: 38]. **Со'риуз** ‘вид форели’ Кологрив. Костром., 1858 [СРНГ 40: 16]. О.В. Востриков возводит лексему **со'рьез**, зафиксированную на реке Унже, к мерянским субстратным данным [Востриков 1990: 84]. Начальное [с] слова **со'рьез** имеет соответствие начальному [h] в прибалтийско-финских языках, в словах исконного лексикона рефлексом финно-угорского *š являются: фин. [h], саам. [s], мар. [š], при более раннем мар. *s, ср. фин. *haara* ‘осина’, саам. норв. *suppe*, мар. *шопке* ‘осина’ [SKES: 46; Грузов 1969: 154]. И при исконности слова **со'рьез** на финно-угорской почве, возможно его сопоставить с ранними данными марийского либо мордовского типа. Поэтому кажется не очень обоснованной мерянская версия происхождения слова **со'рьез** [Ткаченко 1985: 76].

Имеется также лексика, которая ранее рассматривалась как субстратная, однако в настоящее время такого рода выводы не подтвердились.

Елу'сь! ‘Здорово хлебать! Сходится с пожеланием: елось бы, желаю здорово поестъ» [Даль 1: 518 (без указ. места)]; СРНГ 8: 349]. **Елу'сь по-елу'сь** ‘хлеб да соль (приветствие во время обеда)’ Солигал. Костром., 1847 [СРНГ 8: 349]. Вероятно, материалы В.И. Даля являются первичными. Весьма сомнительно возведение к мерян. *joluš pa joluš ‘пусть будет и будет (у тебя еда питьё)» [Ткаченко 1985: 114].

Бе'ни ‘вилы’: *Беи-то на повити валялись.* Чухл. (Ворваж). *Беи возьми, будешь солому на скирду подавать.* Галич. (Пронино). **Бе'ньки:** *Чего беньки-то искать, они вона лежат!* Галич. (Пронино). *Да бенькам-то и навоз навивали, и сено – когда чего.* Галич. (Кабаново) [Ганцовская 2015: 18]. **Бянки** ‘двурогие вилы’: *Солому, когда молят, шевелят бянками.* Солиг. (Гнездниково). *Бянками хватой сено, вон дождь начинается.* Галич. (Курьяново). ‘Скулы’: Так смеялся, что бянки заболели. Солиг. (Бурдуково) [Ганцовская 2015: 39]. **Ве'нки** ‘то же, что беньки’: *Бери венки, пойдём стог метать.* Парф. (Герасимово) [Ганцовская 2015: 45].

Ф.П. Филин отмечает варианты **бя'нки**, **вя'нки** ‘вилы’, **бя'ни** ‘навозные вилы’ во владимирских, ярославских, вятских, костромских, симбирских говорах, а также в Подмоскowie. Он отмечает, что эти лексемы распространены в центральной части севернелинкорусских говоров, особенно употребительны во владимирской

группе [Филин 1936: 121]. О.Б. Ткаченко, анализируя лексему **бянки**, предполагает, что «данное слово попало в славяно-русский язык непосредственно из мерянского [Ткаченко 1985: 137]. Следует отметить, что эти варианты **вя'нки**, **бя'нки** имеют широкое распространение, причём основная функция реалии – ворошение сена – отражена в наших данных и в лексикографических источниках. Этот факт, вероятно, свидетельствует в пользу другой мотивации ***веянки > вянки > бянки** [РДЭС: 107].

Рассмотренная лексика финно-угорского происхождения не исчерпывает весь состав подобных данных в костромских говорах. Неископанные материалы, рассмотренные на основе новых данных Костромского Заволжья, представляют собой весьма интересный факты выравнивания лексикона в островных говорах, причём, в ряде случаев, зафиксированные в них единицы представляют весьма интересные случаи ареальной дистрибуции финно-угризов в контексте севернорусских говоров. Кроме того, детальный анализ регионально отобранных единиц по томам СРНГ позволяет предельно внимательно рассмотреть представленные материалы с целью их верификации и этимологического и ареального осмысления.

Литература и источники

Безносилова Л.М., Айбабина, Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 811 с. (КРОЧК).

Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до Петровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Приложение к № 6–10. Хельсинки, 1959. 271 с.

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.

Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 96 с.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. 511 с.

Ганцовская Н.С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Спец. вып. С. 65–70.

Громов А.В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. Москва: Энцикл. рос. деревень, 2000. 125 с.

Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. 211 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Москва; Санкт-Петербург, 1880–1882.

Добродомов И.Г. О мерянском названии коровы (источниковедение и этимология) // Финно-угроведение. 1996. № 2. С. 83–91.

Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Санкт-Петербург, 1858. – Доп. Опыт

Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (КСРГК).

Картотека «Словаря русских народных говоров». – КСРНГ

Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.

Лесков Н.Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. – КЭСЯ

Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14. Ф. 3–4. С. 285–315.

Матвеев А.К. Некоторые проблемы изучения уральских элементов в лексике севернорусских говоров // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970. С. 190–193.

Матвеев А.К. Аpellятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 29–42.

Мокшанско-русский словарь / под ред. Д.В. Бубриха. Москва, 1949. – МКРСБ

Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебrenникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. Москва: Рус. яз., Дигора, 1998. 920 с. – МКРСС

Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург, 2003. 540 с.

Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – РДЭС

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. Санкт-Петербург, 1852. 275 с. (Опыт).

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1885.

Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам) (ПЛГО).

Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956. – РУС

Словарь вепского языка / сост. М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. Ленинград, 1972. – СВЯ

Словарь вологодских говоров. Вологда: ВГПИ, 1983–2007. Вып. 1–12. – СВГ

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / глав. ред. Ф.Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011 (СГДА).

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. – СКЯМ

Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990–2005. Т. 1–10. – СМЯ

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Санкт-Петербург, 1994–2005. Т. 1–6. – СРГК

Словарь русских народных говоров. Вып. 1– / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–. – СРНГ

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. Москва, 1975–2019. – СЛРЯ XI–XVII

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва; Ленинград, 1948–1965. – БАС

Сотников Н. История рыболовства и Рыбной Слободы в Галиче с конца XVIII до середины XX века. Галич, 2002. 72 с.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. – ССКЗД

Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985. 207 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва, 1964–1973.

Филин Ф.П. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии // Труды Института языка и мышления имени Н.Я. Марра. VI. Серия Slavica. № 1. Москва; Ленинград, 1936. 207 с.

Эрзянско- русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. Москва, 1993 (ЭРС).

Basilier Hj. Vepsäläiset Isaijjevan voolostissa // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. VIII. 1890. S. 43–84.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005 (KKS).

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981 (SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000 (SSAP).

Сокращения языков и диалектов

вепс. – вепсский язык

вепс. исаев. – вепсский язык в Исаевской волости Олонецкой губернии

вепс. южн. – южный диалект вепсского языка

водск. – водский язык

горномар. – гономарийский язык

кар. – карельский язык

коми ижем. – ижемский диалект коми языка

коми-перм. – коми-пермяцкий язык
ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
люд. – людиковский диалект карельского языка
мар. – марийский язык
мокш. – мокшанский язык
морд. – мордовский язык
русск. – русский язык
саам. – саамский язык
саам. инар. инари диалект саамского языка
саам. лул. лульский диалект саамского языка
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
хант. – хантыйский язык
эрз. – эрзянский язык
эст. – эстонский язык

УДК 81'28

МАНТУРОВСКИЙ АРХИВ А.В. ГРОМОВА

Г.Д. Неганова

*Костромской государственной университет,
Кострома, Россия, g_neganova@ksu.edu.ru*

Аннотация. В статье даётся обзор фонда № 42 Отдела по делам архивов администрации города Мантурово, сформированного из документов личного происхождения, которые А.В. Громов передал на государственное хранение в 2006–2008 гг. Основное внимание уделено материалам, связанным с его научной деятельностью в области региональной лексикологии и лексикографии, а также ономастики. Прослеживается, как в Мантуровском архиве освещаются этапы работы А.В. Громова по подготовке его самых известных лексикографических произведений – «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» и словаря аргогической лексики «Жгонский язык».

Ключевые слова: А.В. Громов; Мантуровский архив; документы фондообразователя; «Льняной словарь»; «Жгонский язык»; костромские говоры; диалектная, профессиональная и аргогическая лексика; ономастика

MANTUROVO ARCHIVE OF A.V. GROMOV

G.D. Neganova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. In 2006–2008, A.V. Gromov transferred documents of personal origin to the archive of the city of Manturovo for state storage. The article provides an overview of the fund No. 42, formed from these documents. The main attention is paid to the materials related to his scientific activity in the field of regional lexicology and lexicography and also onomastics. It is traced how the Manturov Archive highlights the stages of A.V. Gromov's work on the preparation of his most famous lexicographic works, the "Dictionary of the vocabulary of

© Неганова Г.Д., 2023

Flax Growing, Spinning and Weaving in Kostroma dialects along the Unzha River” and the dictionary of argotic vocabulary “Zhgon language”.

Keywords: A.V. Gromov; Manturov archive; documents of the foundation; “Linen dictionary”; “Zhgon language”; Kostroma patois; dialect, professional and argotic vocabulary; onomastics

Александр Вячеславович Громов, 100-летнему юбилею которого посвящены IV Громовские чтения, среди земляков известен прежде всего благодаря своей педагогической, краеведческой и общественно-просветительской деятельности (в 1993 г. заслуги в этих областях были отмечены присвоением ему звания почётного гражданина города Мантурово). Научное сообщество знает его как собирателя народного слова и лексикографа, автора уникальных словарей, в первую очередь «Льяного» и «Жгонского». «Восхищения и благодарности заслуживает тридцатилетний собирательский труд Александра Вячеславовича, который на наш взгляд, близок собирательской практике отечественных филологов прошлого (В. Даля, С. Максимова, И. Срезневского), тем более что требовал от автора особых усилий – материалы, им собранные, не были рассыпаны, как в веке XIX-м, щедрыми россыпями, не лежали на поверхности» (из отзыва кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета) [Ф. 42. Оп. 3. Д. 16. Л. 1].

За продолжительную творческую жизнь у А.В. Громова скопилось немало различного рода материалов, относящихся к разным периодам и сферам его деятельности. Значительную часть документов в 2006–2008 гг. он лично передал на государственное хранение в Отдел по делам архивов администрации города Мантурово [Ф. 42]; в актах передачи указаны даты: 15.08.2006 г., 11.05.2008 г. и 15.10.2008 г. Упорядочение документов проводила главный специалист архива А.Н. Соколова по мере их поступления. Всего было сформировано 61 дело: в описи 1 (1949–2006 гг.) – 30 дел; в описи 2 (1964–2008 гг.) – 15; в описи 3 (1963–2004 гг.) – 16. Дела в описях, систематизированные по тематико-хронологическому принципу, объединены в несколько разделов: «Документы к биографии Громова А.В.» [Ф. 42. Оп. 1. Д. 1–7], «Документы фондообразователя» [Ф. 42. Оп. 1. Д. 8–24; Оп. 2. Д. 1–6; Оп. 3. Д. 1–11], «Общественно-просветительская деятельность Громова А.В.» [Ф. 42. Оп. 1. Д. 25–30; Оп. 2. Д. 7–15], «Общественно-педагогическая деятельность Громова А.В.» [Оп. 3. Д. 12–16]. Основную часть документов составляют печатные работы А.В. Громова (книги, научные издания с его статьями, вырезки из газет с его публикациями историко- и лингвокраеведческого характера, в которых имеются

пометы автора) и рукописные/машинописные материалы с авторским исправлениями, дополнениями, замечаниями (отметим, что хранящийся в архиве текст автобиографии А.В. Громова [Ф. 42. Оп. 1. Д. 1] опубликован в первом сборнике Громовских чтений [Громов 2013]). В нашем обзоре сосредоточимся на хранящихся в архиве документах, связанных с его научной деятельностью в области региональной лексикологии и лексикографии.

Судя по тому, как ответственно относился А.В. Громов к отбору документов для комплектования личного архивного фонда, с высокой степенью вероятности можно полагать, что в Мантуровском архиве имеются типографские экземпляры не только ставших уже библиографической редкостью его словарей [Ф. 42. Оп. 1. Д. 8, 9, 11], но и всех научных изданий – журналов и сборников – с его статьями [Ф. 42. Оп. 1. Д. 20–23; Оп. 2. Д. 2–6]. По этим публикациям выявляются основные сквозные темы в его исследованиях костромских говоров.

1. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах. В Мантуровском архиве наиболее ранний документ по этой теме датирован 1964 г. (статья «Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лексика обработки льна, кустарного прядения и ткачества в говоре дер. Усолье Мантуровского района)» в сборнике «Доклады на научных конференциях» Ярославского пединститута [Громов 1964]) [Ф. 42. Оп. 2. Д. 2]). Следующий по хронологии документ позволяет предположить, что или ещё до этой публикации, или несколько позднее А.В. Громов задумывает большую исследовательскую работу по обозначенной проблематике: в архиве хранится относящаяся к 1971–1973 гг. рукопись проекта его диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» с аннотацией и правками Г.Г. Мельниченко – профессора ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, доктора филологических наук, автора «Ярославского областного словаря» [Ф. 42. Оп. 1. Д. 12]. В последующие годы продолжают выходить статьи А.В. Громова по этой теме: в «Вопросах русского языка» (Ярославль) [Ф. 42. Оп. 1. Д. 21] – «Семантические явления в лексике обработки льна, прядения и ткачества (по материалам говоров Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области)» [Громов 1976]; в сборнике «Эволюция и предыстория языкового строя» (Горький) [Ф. 42. Оп. 1. Д. 22] – «Лексика обработки льна, прядения и ткачества Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области» [Громов 1981].

*А.В. Громов с З.В. Рубцовой,
учёным секретарём
«Энциклопедии российских
деревень». 1997 г.*

В это же время идёт работа над «Льняным словарём», на что указывают архивные документы: датированный 1974–1978 гг. машинописный текст словаря (первоначальное название «Словарь лексики обработки льна, прядения и ткачества в говорах Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области») с приложениями и правками автора [Ф. 42. Оп. 1. Д. 13] и переписка с Г.Г. Мельниченко в 1989–1993 гг. по поводу подготовки и издания этого лексикографического труда [Ф. 42. Оп. 1. Д. 14]. Благодаря рукописным материалам прослеживается процесс работы над ним. Так, например, своё окончательное название «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских гово-

рах по реке Унже» [Громов 1992] получил на завершающем этапе его подготовки. Кроме указанного выше, были и другие варианты. На датированном 6 февраля 1989 г. титульном листе (машинопись) с заголовком «Слово льноводов, прядей и ткачих» и подзаголовком «Опыт систематического словаря лексики льноводства, обработки льна, домашнего прядения и ткачества в говорах Костромской области в бассейне реки Унжи» имеются карандашные исправления, сделанные Г.Г. Мельниченко, предложившим название «Словарь лексики льноводства, обработки льна, домашнего прядения и ткачества в говорах Костромской области в бассейне реки Унжи». Но в итоге и этот вариант не стал окончательным.

2. Жгонский язык. Имеющиеся документы, связанные с изучением А.В. Громовым условного языка пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области и изданием словаря жгонского языка, относятся к 1993–2004 гг. В первую очередь, это рукопись «Жгонское слово» в 2-х томах (1-й том – 207 с., 2-й том – 109 с.) [Ф. 42. Оп. 3. Д. 5, 6] и многолетняя переписка с З.В. Рубцовой – учёным секретарём Всероссийского научного и культурно-просветительского

общества «Энциклопедия русских деревень» [Ф. 42. Оп. 1. Д. 15; Оп. 3. Д. 7]; в 2000 г. эта организация издала словарь «Жгонский язык» [Громов 2000]. Презентация книги была проведена в Мантуровской центральной районной библиотеке, рукописный текст выступления автор передал в архив [Ф. 42. Оп. 1. Д. 17].

Среди документов, переданных А.В. Громовым в архив в последнюю очередь, есть письмо от 9 апреля 2002 г. финского лингвиста Арьи Алквист, с которой он был лично знаком. Автор письма характеризует словарь «Жгонский язык» как «достоиную и уникальную книгу», отмечая её «важное содержание» [Ф. 42. Оп. 3. Д. 9].

И ещё один, вне сомнения, заслуживающий особого внимания документ – отзыв кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета, подписанный доктором филологических наук, профессором И.А. Подюковым. «Настоящее издание представляет собою собрание лексики пимокатов ряда районов Костромской области, раскрывающее особенности тайной жгонской речи и детали стоящей за этим условным языком профессиональной культуры, ныне практически утраченной, – отмечается в отзыве на словарь А.В. Громова “Жгонский язык”. – Безусловно, словарь можно считать уникальным изданием по многим причинам. Прежде всего, продолжение лексикографической традиции, сложившейся в России, когда собирателями народных слов были энтузиасты, не имеющие прямого отношения к академической науке. Находясь внутри народной культуры, они фиксировали те факты, которые “зацепили” их внимание, остановили суетный бег жизни в слове. Взгляд изнутри (методом “включения” в ту или иную субкультуру как таковую) позволяет “народному” учёному увидеть то, что сложно разглядеть извне. Несомненно, словарь А.В. Громова открывает “другой” мир русского слова – слова нередко “самовитого”,

*А.В. Громов и Л.Л. Касаткин.
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН.
1997 г.*

ярко образного, удивляющего своей формой и самими возможностями языка (ср.: *гаврик* – горох, *дивило* – зеркало, *манеж* – баня, явно от глагола *манежиться*, *меряшки* – часы, *отрубинские* – дрова, *романов* – карман)» [Ф. 42. Оп. 3. Д. 16. Л. 1]. Подчёркивается «скрупулёзность А.В. Громова в фиксации слов (указывается место фиксации, а также имя и возраст информантов), что даёт возможность для дальнейшего исследования условных языков» [Ф. 42. Оп. 3. Д. 16. Л. 3]. Признаётся ценность словаря как для лингвистов («безусловное свидетельство оригинальной сферы народного языкового творчества» [Там же. Л. 1]), так и для «специалистов по народной культуре, психологов, этнографов» [Там же. Л. 2]. Замеченные «лингвистически слабые стороны» словаря, как отмечается в отзыве, «растворяются» в самом факте лингвистического сподвижничества и способности энтузиаста «остановить» течение времени, жизни, языка, что, как показывает практика, доступно прежде всего лексикографам» [Ф. 42. Оп. 3. Д. 16. Л. 2–3].

3. Ономастика. В течение десятилетий А.В. Громов записывал личные имена, прозвища, уличные фамилии деревенских жителей [Ф. 42. Оп. 1. Д. 23; Оп. 2. Д. 9, 12]. Однако особое место в его исследованиях занимали имена географические – к топонимам он относился с особым пиететом. «Известный русский писатель Константин Паустовский любовно отзывался о русских топонимических наименованиях, что они являются “народным поэтическим оформлением страны”. Это действительно так, – читаем в тексте выступления А.В. Громова в средней школе № 3 г. Мантурова в 1993 г. – Приведу примеры из своей родной деревни Макарово. Помню с детства названия наших лугов, где косили: Подугорка, Подугорица, Косая гора, Великуша, Лопаты, Туньбы, Рипища, Курья. Слова точные, образные, некоторые загадочные, и все как раз такие, в которых и поэзия, и история» [Ф. 42. Оп. 2. Д. 10]. Микро-топонимии поунженских деревень Александр Вячеславович уделял пристальное внимание, и тема, судя по архивным документам, первоначально заявленная в просветительском проекте для школьников, получила развитие в его научных изысканиях [Ф. 42. Оп. 2. Д. 4].

Особый интерес вызывал у А.В. Громова топоним Мантурово – название города, в котором он жил и работал с 1968 г. Имеющиеся в архиве рукописные и машинописные документы с его правками позволяют поэтапно проследить процесс работы исследователя по этой теме. Начиная с 1973 г. он следит за публикациями по истории города, собирает газетные вырезки с заметками краеведов,

делает выписки из статей [Ф. 42. Оп. 2. Д. 9, 13]. В январе 1983 г. с темой «От Мундора до Мантурова» выступает в школе (в архиве есть текст выступления [Ф. 42. Оп. 2. Д. 10]). По-видимому, именно с этого времени, на что указывают материалы архива, исследования по данной теме активизируются. В июне – июле 1983 г. по этому вопросу А.В. Громов переписывается с Г.Г. Мельниченко [Ф. 42. Оп. 2. Д. 11], а в августе отправляется в Москву, в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина, где работает с литературой по теме «Об истории названия города Мантурово» (такой заголовок написан им собственноручно на обложке тетради с записями, сделанными там), и работу продолжил в следующем году [Ф. 42. Оп. 2. Д. 8]. В это же время, в 1983–1984 гг., в Мантурове и Мантуровском районе встречается с местными жителями, делает записи во время бесед с ними [Ф. 42. Оп. 2. Д. 9]. В 1989 г. возвращается к вопросу о топониме Мантурово в письмах к Ю.К. Мантурову, переписка с которым велась в основном относительно фамилии *Мантуров* [Ф. 42. Оп. 2. Д. 12]

Как видим, в результате даже краткого обзора Мантуровского архива А.В. Громова выявляются документы, которые позволяют дополнить новыми сведениями научную биографию этого признанного в учёном сообществе диалектолога, лексиколога и лексикографа, получить более полное представление о методах его работы в процессе научного поиска от замысла к конечному оформлению результатов и научного исследования в целом.

Литература и источники

Громов Александр Вячеславович // Отдел по делам архивов администрации городского округа город Мантурово. Ф. 42. Оп. 1–3.

Громов А.В. Жгонский язык. Москва: Энцикл. рос. деревень, 2000. 125 с.

Громов А.В. Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лексика обработки льна, кустарного прядения и ткачества в говоре дер. Усолье Мантуровского района) // Доклады на научных конференциях. Т. 3, вып. 2. Филологические науки. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1964. С. 82–86.

Громов А.В. Лексика обработки льна, прядения и ткачества Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области // Эволюция и предыстория языкового строя: межвуз. сборник. Горький, 1981. С. 107–117.

Громов А.В. Микротопонимия деревни Усолье Костромской области // Сельская Россия: прошлое и настоящее: докл. и сообщ. VIII Рос. науч.-практ. конф. (Орёл, дек. 2001 г.) / отв. ред.: А.В. Петриков, З.В. Рубцова. Москва: Энцикл. рос. деревень, 2001. Вып. 2.

Громов А.В. О себе: автобиография // Русское слово и костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 23–32.

Громов А.В. Семантические явления в лексике обработки льна, прядения и ткачества (по материалам говоров Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области) // Вопросы русского языка. Вып. 11. Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт имени К.Д. Ушинского, 1976. С 12–19.

Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт имени К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

УДК 81.161. 28

СЛОВАРИ А.В. ГРОМОВА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА КОСТРОМСКОГО КРАЯ

А.С. Щербак

*Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
ant_scherbak@mail.ru*

Аннотация. Доказывается, что формирование положительного имиджа Костромского края связано с богатой краеведческой информацией, отраженной в лексикографических работах А.В. Громова. Костромские диалектные лексемы в лексикографической форме являют собой сложную конструкцию, состоящую из образов и понятий, репрезентирующих содержание костромских культурных феноменов и формирующих привлекательность Костромского края.

Ключевые слова: региональная лексикография; костромские диалектные лексемы

DICTIONARIES A.V. GROMOV IN FORMING A POSITIVE IMAGE OF THE KOSTROMA REGION

A.S. Shcherbak

*Samarkand State Sharof Rashidov University,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin*

Abstract. It is proved that the formation of a positive image of the Kostroma region is associated with rich local history information reflected in the lexicographic works of A.V. Gromov. Kostroma dialect lexemes in lexicographic form are a complex structure consisting of images and concepts that represent the content of Kostroma cultural phenomena and form the attractiveness of the Kostroma region.

Keywords: regional lexicography; Kostroma dialect lexemes

Александр Вячеславович Громов – это «Костромской Даль» (пе-рифраза принадлежит В.Д. Бондалетову) [Литвинникова 2017: 274]. Подвижнический труд не академического исследователя, а учителя русского языка и литературы, любителя-диалектолога, нашел отражение в опубликованных уникальных лексикографических работах: три

словаря на материале костромских поунженских говоров Кологривского, Межевского, Мантуровского, Макарьевского районов Костромской области [Громов 1992; 2000; 2005].

Обращение к осмыслению этих словарей, которые в наши дни используются для изучения костромской народной речи в самых разных аспектах, свидетельствует о том, что в современном обществе создается ситуация, при которой диалектные формы языка, обладающие краеведческой ценностью, способствуют формированию имиджа территории. Речь идет об образе, ассоциации, представлении о лингвогеографическом пространстве поунженской территории Костромской области.

Информационным полем формирования имиджа Костромского края является самобытный региональный лексикограф А.В. Громов, собранные им костромские диалектные лексемы как компоненты отражения региональной картины мира. Но особым источником формирования имиджа является жгонский жаргон – условный язык костромских пимокатов, или костромских шерстобитов, отражавших языковой признак сельского населения (ср.: жаргон владимирских офеней – язык русских странствующих торговцев). Так, широко известное сегодня слово «филонить» в значении «отлынивать от работы» восходит к жгонскому языку.

Из сказанного следует, что имидж территории является ментальной и эмоциональной составляющей, когда человек думает о той или иной территории, вспоминает то или иное место и людей, жизнью и творчеством прославивших этот край, т.е. «осмысляя» территорию, воспринимает её извне.

Как известно, говоры Костромской области сложились на территории Ростово-Суздальского княжества, где зарождалась русская государственность, вырабатывались основные нормы литературного языка и развивались новые культурные черты [Ганцовская 2018: 7–10; Дмитрук 2022: 680–689]. Региональные труды А.В. Громова являют собой лексикографические произведения, отражающие диалектную речь, записанную от разных информантов. Жгонские слова, например, записывались А.В. Громовым еще в 50-е годы XX века от своего отца и односельчан, рассказывавших о повседневном быте сельского человека в его единстве с духовной жизнью.

В этом случае можно говорить о таком лексикографическом жанре, как «лексорассказ», представляющий собой «выделенный лексикографом из рассказа информанта микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой

единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [Борисова 2018: 14]. Ср. «неторопливую беседу о слове»:

Ба'ссеть, ж. Красота. *Какая бассеть сегодня на улице.*

Бруни' тья, несов. Наливаться, созревать, набирать зерно. *Овёс брунится, скоро жать надо.*

По мнению О.Г. Борисовой, лексорассказ как лексикографической прием связан с подачей иллюстративного материала и отражает недифференцированный подход при создании иллюстративной зоны словаря, что весьма важно для изучения диалектной речи как особого типа текста.

Повествование отражает определённую структуру: начало события (завязку), развитие события (кульминацию) и конец события (развязку):

Бу'день, м. Обычный, не праздничный день. *Все дела в будень приделаешь, в выходной в баню идёшь.*

Описание (объяснение) отражает изображение явления действительности с помощью указания основных его признаков:

Бри'дко, нар. Противно, неприятно. *Хозяйка-то неряха, бридко у неё есть, хоть за стол не садись.*

Рассуждение, как правило, состоит из трех частей: тезис о какой-либо мысли, аргументов, опровергающих, предполагающих или доказывающих истинность этой мысли и заключения:

Безле'тье, ср. Холодное, плохое лето. *В noneшнем году, верно, будет безлетье.*

Лексорассказы формируются А.В. Громовым на основе отбора иллюстративного материала, например, отмечается языковая выразительность, которую определяет синонимическая дублетность: *гость, прибылой, посетитель; бестолковая, несообразительная, неурядливая.*

Бесе'дник, м. Гость, прибылой, посетитель. *На беседах хорошему бесиднику всегда были рады. Бре'зговать, несов. Не принимать, сторониться. Бре'зую я её.*

Беспемо'ха, м. Бестолковая, несообразительная, неурядливая. *Сколь раз объясняла тебе, такая ты беспемоха, а ты так и не поняла.*

В подобного рода лексорассказах А.В. Громова отражается его индивидуальность как лексикографа. так и индивидуальность рассказчика (информатора).

Буздыря'ть, несов. 1. Наносить удары, бить. *Буздыряет мужик парня-то.* 2. Лить (о дожде). *Дождж который день буздыряет.* 3. Насмешливо, пренебрежительно. Жадно есть, много пить. *Буздыряет парень лапшу, торопится.*

Приведём строки стихотворения «Моё увлечение» А.В. Громова, в котором он выразил своё понимание значимости «деревенских» слов.

В деревне начало, все корни народные,
Язык наш, сокровища русского слова,
В котором играет всё наше природное,
В нём связь настоящего и былого.

Таким образом, словари А.В. Громова являют собой лексикографические произведения, в которых микротексты – короткий рассказ, эпизод, т.е. лексорассказы, кроме толкования диалектной лексической единицы, отражают «жизнь человека» в слове. Лексорассказы воссоздают материальную и духовную культуру, историю Костромского края, способствуют тому, что костромские диалекты рассматриваются как престижные формы русского национального языка, дающие информацию о севернорусских говорах в целом, поскольку они являются маркерами конкретной диалектной системы в их реальном существовании и отражают жизнь диалектоносителей в устойчивом диалектном регионе, сохранившимся до нашего времени.

Литература и источники

Борисова О.Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Краснодар, 2018. 42 с.

Громов А.В. Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. Москва: Энциклопедия русских деревень, 2000. 100 с.

Громов А.В. Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. Мантурово, 2005. 96 с.

Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры. В 2 т. Т. 1. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та. 2018. 224 с.

Дмитрук Л.А. К проблемам формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка на основе диалектных средств национального языка // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 680–689.

Литвинникова О.И. Материалы Громовских чтений как яркое явление в русской диалектологии // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1. С. 274–277.

**ОБ ЭТИМОЛОГИИ РУССК. ДИАЛ. СМОНУТЬ
(к реконструкции чередования корневых гласных
в праслав. **męti*)**

Ж.Ж. Варбот

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, zhannavarbot@yandex.ru*

Аннотация. Вовлечение в этимологические исследования лексических материалов русских/славянских диалектов расширяет возможности восстановления вокалических чередований в глагольных корнях, лежащих в основе славянских этимологических гнезд. Примером является русск. диал. *смонуть* 'отрывать головки льна или листья от стеблей'. В описании соответствующих действий присутствует обхват и движение по стеблям сжатой ладонью, горстью, что позволяет предполагать образование глагола на базе *мять, мну* (праслав. **męti, тьнѣ*): праслав. **moniti* → русск. **монити* → нерегулярное русск. *монуть*, при вторичных преобразованиях **монити* в диал. *момнить, момнить* (восстановление корня *ми*). Производные с огласовкой **о* не были ранее обнаружены в гнезде слав. **męti, тьнѣ* и в соответствующем и.-е. гнезде **men-*.

Ключевые слова: этимология; диалектная лексика; корневые чередования; нерегулярное словообразование

**TO ETYMOLOGY OF RUSS. DIAL. СМОНУТЬ
(TO RECONSTRUCTION OF VOCAL ROOT GRADATION
IN PR.-SLAV. **MĘTI*)**

Zh.Zh. Varbot

Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Drawing of Russ./Slav. dialect lexical materials in etymological researches enlarges chances for reconstruction of vocal gradation in verbal roots as bases of etymological families. Russ. dial. *смонуть* 'tear off flax cloves or leaves' presents the example. There are sems of clench, clasping in handful in description of corresponding actions. So the hypothesis about derivation of the verb on the base Pr.-Slav. **męti, тьнѣ* (Russ. *мять, мну*) is possible. Following derivational chain is supposed: **męti, тьнѣ* → **moniti* → (irregular) Russ. *монуть* → (irregular) Russ. *момнить, момнить* (as reconstruction of verbal root *ми*). Derivatives with root **o*-grade were not so far occurred for Pr.Slav. **męti, тьнѣ* nor for corresponding I.-Eur. **men-*.

Keywords: etymology; dialect lexicon; root gradation; irregular derivation

Возможности и успехи современной русской/славянской этимологии определяются широтой вовлечения в исследования лексических материалов диалектов. Еще в середине прошлого века при выходе в свет «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера как

важнейшая заслуга автора отмечалось включение в словарь в качестве самостоятельных позиций русских диалектных слов. На базе славянской лексики реконструируются «новые» производные в составе многих праславянских этимологических гнезд. Одной из важных задач славянской этимологии является реконструкция вокалических чередований в корнях, лежащих в основе славянских этимологических гнезд. Лексические подтверждения теоретически возможных ступеней чередований нередко обнаруживаются в диалектах. Одним из таких случаев является русск. диал. *смонуть*.

Этот глагол широко представлен в русских говорах со следующими значениями: ‘трепать лен’ (арханг., новг.), ‘отрывать головки льна от стеблей’ (новг., пск., калин.), ‘сдирать литья с ветки, ведя по ней пальцами’ (новг., олон., арханг. и др.), ‘счищать пальцами или охватив ладонью с чего-н. тонкого, напр. с прутика, стебля растения, находящуюся на них влажность или нечистоту’ (новг.), ‘сбирать ягоды горстями’ (олон., арханг.), ‘мыть пол, натирая его песком или голиком’ (волог., новг.), ‘скрести, тереть для облегчения зуда; чесать (руку, ногу и т.п.)’ (пск., твер., волог.), ‘шаркать ногами’ (твер., калин.) [СРНГ 39: 39]. Единственная версия относительно происхождения глагола – «возм., связано с *мотать*?» [Фасмер 3: 691] – семантически сомнительна. Представляется, что другую генетическую связь для *смонуть* можно нащупать, обратив внимание на одну очевидную семантическую составляющую приведенных употреблений глагола, а именно – сжимание (см. ‘счищать пальцами или охватив ладонью...’), надавливание (см. ‘мыть пол, натирая...; шаркать ногами’). См. особенно *насмонуть* ‘нарвать листьев с веток, пропустив ветки между сжатými в кулак пальцами’ (Коми АССР) [СРНГ 20: 176] и, наконец, *вымнуться* ‘очиститься от твердых частиц (о льне, конопле)’ [Мызников 2021: 90]. Это подводит к родству *смонуть* с глаголом *мять*, *мну* при допущении огласовки корня в ступени *o, то есть праслав. **top-*, по модели, представленной в словообразовательных связях глаголов **teṭi*, **ṭmṭo* → **totiti* [Вору́с 2007: 242] и глагольно-именных: **peṭi*, *pmṭo* → **-pona*, **teṭi*, **ṭmṭo* → **-tonp*. Конечно, структура глагольной *-no- основы с корневым вокализмом в ступени *o может быть лишь вторичной – производной от -i-основы **смонити* < праслав. ***сṭmoniti*. Возможно, следствием вторичного восстановления в форме **смонити* корня *мьн-* (и одновременно аргументом в пользу родства *смонуть* с *мять*, *мну*) являются контаминированные формы

смóмнить ‘трепать лен’ (арханг.), *смолнѣть* ‘быстро и чисто собирать ягоды’ (калин.), ‘мыть пол, натирая его песком’ (калин.) [СРНГ 39: 38]. Несколько отдалены семантически *мóмнить* ‘есть много с жадностью’ (ряз.) [СРНГ 18: 51], *намóмниться* ‘наестся’ (ряз.) [СРНГ 20: 40], но ср. просторечн. *умять* ‘съесть много, жадно или быстро’ (если только *мóмнить*, *намóмниться* не являются результатом фонетического преобразования диал. *мамонить* ‘объедаться, обжираться’, производного от заимствованного диал. *мамон* ‘брюхо’ [СРНГ 17: 352]). Наконец, в качестве непосредственной производящей основы для *смонуть* ‘трепать лен’ – отражения предполагаемого **смонить* – можно рассмотреть *смóниться* ‘растрепаться, разлохматиться (о волосах)’ (арханг.), ‘приходить в негодность, растрепываться (о ткани)’ (олон.) [СРНГ 39: 39], ср. *смонуться* ‘чесать свое тело, какую-л. его часть; чесаться’ (олон.), ‘парясь в бане, тереться веником’ (псков., твер.) [Там же]. Разброс в значениях приведенных лексем (‘трепать, обрывать, сжимая, тереть, мять’) отражает известный в славянской лексике синкретизм обозначений различных этапов определенного ремесла [Трубачев 1966: 245–251], в данном случае – обработки льна: ср. беломор. *броснѣть* ‘мять лен’, *броснѣха* ‘льномялка’ при исходной семантике **brъsati* ‘драть’ [Мызников 2021: 57].

Следует отметить, что для праславянского глагольного корня **теп-* ‘мять, сжимать’ (как и для исходного и.-е. **теп-*) вокализм в ступени **o* до сих пор не был зафиксирован.

Литература и источники

Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 912.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1– / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Москва: Наука, 1966. 416 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1964.

Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW): Instytut slawistyki PAN, 2007. 750 s.

ИЗ ЛЕКСИКИ ДОМАШНЕГО ПРЯДЕНИЯ: НИТИ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ БЕЗ ВЕРЕТЕНА

Т.В. Бахвалова

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия, btv-orel@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется фрагмент лексики самого древнего и простейшего способа домашнего прядения: известные в народных говорах названия нитей, изготовленных без веретена путем верчения, скручивания ладонями отходов, получаемых при трепании, чесании льна, конопли и остатков волокон при прядении. Описывается их мотивационная основа и даётся ареальная характеристика.

Ключевые слова: лексика прядения; названия нитей; словообразование; ареал

FROM THE LEXIS OF HOME SPINNING: THREADS MADE WITHOUT A SPINDLE

T.V. Bakhvalova

The Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

Annotation. A fragment of the lexis of the most ancient and simplest method of home spinning is studied: the names of threads known in folk dialects, made without a spindle by twisting, palm twirling of the waste obtained by fluttering, carding flax, hemp and fiber residues during spinning. Their motivational basis is described and an areal characteristic is given.

Keywords: spinning lexis, thread names, word formation, area

Лексика домашнего прядения как фрагмент традиционной народной культуры издавна привлекала внимание диалектологов. Исследователями описана терминология разных этапов обработки волокнистых культур льна [Михайлова 1970], конопли [Алешина 2003] в целях подготовки их к прядению, а также наименования орудий прядения, нитей, изготовленных в результате этого действия, лиц, занимающихся прядением, метрологическая лексика и др. [Баланчик 1992]. Наименования, относящиеся к прядению, отражены как в лексикографических изданиях, ориентированных на целевое представление лексики прядения и ткачества [Громов 1992, Батырева 2013], так и в многочисленных региональных диалектных словарях. Особое место среди них занимает созданный А.В. Громовым Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества, который «заключает в себе объёмную информацию о составе, семантике и функционировании на достаточно протяженной костромской территории диалектной лексики самого востребованного некогда и древнейшего крестьянского ремесла» [Ганцовская 2012: 192].

Прядение – это, как известно, действие по глаголу *прядь*, т.е. ‘скручивая (волокно льна, шерсти и т.п.), делать нити’ [БАСРЯ 21: 440].

Терминология, связанная с изготовлением нитей при домашнем прядении, в лингвистических работах в большинстве случаев отражает те способы прядения, которые были распространены в XIX–XX вв., а именно – прядение на веретене и прядение на самопрялках, в результате чего получается веретённая пряжа и самопрялочная пряжа. – *Веретённая пряжа поровней самопрядошной, она идет в основу. Самопрядошная пряжа покрепче веретённой* [Громов 1992: 50].

В гораздо меньшей степени изучена лексика самого древнего и простейшего способа прядения – изготовление нитей без веретена, имеющего названия *верчь*, т.е. ‘дерганье и кручение ладонями остатков волокна от прядения (хлопок) или от чесания (пачеси)’. Слово *верчь* в тульских, пензенских говорах использовалось не только для обозначения действия, но и результата этого действия – изготовленной таким образом нити [Лебедева 1956: 481]. Наименование *верчь* ‘толстая, грубая конопляная пряжа, которую крутят руками из отходов волокна’ зафиксировано также в рязанских говорах [СРНГ 4: 171].

Нить, полученная без использования веретена, путем верчения, скручивания, сучения волокна ладонями, в народных говорах имела разное название. Мотивационной основой чаще всего является указание на способ изготовления такой нити.

Соотносительные по образованию с глаголом *вертеть* наименования *верчь*, *вёрча*, *верть*, *вертух*, *вертуха*, *вертяга* представлены в диалектных словарях.

Наиболее распространенным является слово *вёрча*. Оно зафиксировано в московских, пензенских, орловских говорах. В толковании значения подчеркивается качество нитей – толстые, грубые, способ изготовления – крученые, без веретена, назначение – для изготовления дерюжных тканей и под. в домашнем ткацком производстве. В иллюстрация же нередко объясняется, как и из чего изготавливаются такие нити. Приведем примеры словарных статей на слово *вёрча*:

‘вид пряжи, приготовленный с помощью закрутки нитей руками, а не веретеном’ Пенз. [СРНГ 4: 171];

‘грубая пряжа из очёсков льна’ – *Хлопья ни брасали, ани шли на верчу, виртели верчу из них и ткали дирюги* [СГП: 54];

‘толстая грубая пряжа из очёсов пеньки, овечьей шерсти, использовавшаяся в домашнем ткацком производстве для изготовления дерюжных тканей’ – *Вёрча* – *толстая нитка, которую виртели руками* [СОГ 2: 15].

Скрученная, сверченная руками грубая пряжа была разного качества. Словом *верча* обозначали не только толстую нить, используемую для тканья грубой ткани, но и скрученную руками верёвочку, которая шла на вязание одежды, обуви. Это хорошо показывает в своем очерке «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины» этнограф М.Е. Шереметева: «Во время жатвы носят еще толстые связанные дома из льняной “верчи” чулки, настолько плотные, что их надевают без обуви. “Верча” льняная сучится руками из льняных хлопьев, – получается веревка, которая сматывается в громадные клубки (более 1/4 аршина в диаметре); из этой веревки вяжут чулки. Из нее же плетут детские туфли “чуни”; из тонкой верчи вяжут на иголках “вязенки”» [Шереметева 1984: 40].

О том, как использовалась конопляная верча, пишет орловская писательница Т.И. Грибанова в своей книге «Колыбель моя посреди земли»: «...конопляной “верчи” повидать мне посчастливилось. ... И первая моя детская обувь, в ней и ходить пошла (сейчас бы сказали, наверно: тапочки, пинетки, детские туфельки), из этой самой “верчи”, и звалась она – “чуньки”. Бабуля и для своих, “убитых гонимиками”, ног вязала чуни из той же “верчи”» [Грибанова 2017].

Слово *верть* на основе данных диалектных словарей можно квалифицировать как владимирское, новгородское, ярославское, донское:

‘самая грубая и толстая пряжа из хлопков, на ватолы, попоны и шептуны (пеньковые лапти)’. Влад. [Даль 1: 183];

‘толстая хлопковая пряжа’ – *Хлопковая веревочка, свитая руками, из неё плетут лапти и ткнут попоны* [НОС 1: 117];

‘толстая хлопковая пряжа, свитая руками; хлопковые веревочки, из которых плетут лапти, ткнут попоны’ [ЯОС 3: 5].

В Большом толковом словаре донского казачества в словарной статье на слово *верть* приводится значение ‘очёски льна’, но в иллюстрации, как нам кажется, речь идет не об очёсках льна, а о нитях для тканья грубой ткани – *Верть бирёш, наматуиши и ткёш дирюиш-ку* [БТСДК: 72].

Есть дериваты, образованные не только путем нулевой суффиксации (*верчь, верча, верть*), но и с помощью материально выраженных суффиксов:

вертух ‘толстая грубая пряжа из очесов пеньки, овечьей шерсти, использовавшаяся в домашнем ткацком производстве для изготовления дерюжных тканей’ – *Вот придем мы пряжу ис пинёк. Хлопчочки астаютца, а из них вяртух сучили руками, а потом настилки ткали. Цельный вечер вяртиши ентът вяртух, аж у глазах темно*

дельтится [СОГ 2: 11]. Обратим внимание на сочетание *вяртиши вяр-тух*, в котором указывается, как делается это грубая толстая нить;

вертуха ‘толстые кручёные нитки, используемые для изготовления половиков’ – *С хлопкоу вяртуха прядецца нъ настилки, вяртухи нетути, завяскъми патыкаю* [СБГ 2: 46];

веретьяга ‘толстая пряжа, скрученная без веретена из отходов чесания’ – *А ещё мы без веретена скручивали веретьягу* [СКЗ: 46].

В основе наименований грубых, толстых нитей из остатков волокна от чесания или прядения мог быть и синонимичный глаголу *вертеть* глагол *крутить*, что отражено в речи диалектоносителей – *Хлопья крутють – верьца пълуцаица, а патом ткуть настилки из ей* [СОГ 2: 15]. В иллюстрациях словарной статьи на слово *хлопки* в Словаре русских народных говоров подчёркивается: *Хлопки сучишь руками и ткёшь подстилки*. Новосиб. [СРНГ СРНГ 50: 242]. Здесь же встречается слово *кручёнка*, явно обозначающую нить, сделанную из очёсков пеньки, – *Кручёнку делали из хлопков*. Морд. [СРНГ 50: 242].

В качестве производящего для обозначения нитей мог выступать и глагол *сучить*, о чём свидетельствует его сочетаемость: *сучить хлопья* ‘скручивать из льняных очёсков толстую, грубую пряжу для тканья дерюги’ Моск. [СРНГ 43: 33], *сучить хлопы* – *Бывала, сучиши, сучиши хлопы, ладони тронуть нильзя* [СОГ 17: 52]. Особенно же показательно употребление его со словами *верча*, *вертух* – *Раньше сучили верчу и ткали настилки Хлопъчки астаютца, а из них вяртух сучили руками, а патом настилки ткали* [СОГ 2: 15, 11].

Скрученные из очёсков нити имели названия *сучка*, *сученика*: *Когда сучили сучку, то брали, что оставалось после тонкой пряжи, нитка грубая выходила, толстая, на половики шла*. Моск. [СРНГ 43: 34]. *Из хлопов раньшеи сучили сучинику и ткали папонки* [СОГ 14: 160].

Толстые, грубые нити изготавливали из очёсков, охлопков, образуемых при трепании, чесании льна, конопли – *Лён чешут – остаются хлопы льна. Хлопы крутили, делали верчь, она шла на дерюжки*. Дон. [СРНГ 50: 232]. На Орловщине такие очёсы назывались *хлоп*, *хлопы*, *хлопушки*, *хлопки*, *хлопья*, *хлопяника* – *При раццёсьивънии льна за гребним аставались сучёчки, саринки – всё этъ нъзывалсь хлопъм. Йиво патом ссучивъли и ткали настилки. Кагда пеньку из замашки треплют, то хлопы астаютца. Из хлопов нить пълучалсь грубья, жосткая. А от пиньки атходы были, хлопками нъзывались. Хлопушки вирти дъ вирти* [СОГ 17: 52–54].

Скрученные, ссученные из очёсков, охлопков нити по использованию для их изготовления материала на основе метонимического переноса получили название *хлопяника* – *Хлъпяника* – *этъ нитки нъсучёные* [СОГ 17: 55].

Как видим, наименования нитей, изготовленных без веретена в результате кручения ладонями отходов, получаемых при трепании, чесании льна, конопля, и из остатков волокна при прядении, в народных говорах составляют целую группу слов, образованных разными способами. Наиболее частотными и распространёнными являются отглагольные производные, отражающие способ изготовления таких нитей. В их основе синонимичные глаголы *вертеть* (*вёрча, верчь, верть, вертух, вертуха, веретяга*), *крутить* (*кручёнка*), *сучить* (*сучка, сученика*). Немногочисленны, единичны наименования, образованных в результате метонимических переносов: действие – результат этого действия (*верть*), сырьё, материал → артефакт из него (*хлопяника*). Само наличие в говорах наименований нитей, изготовленных без веретена, не на прялке, свидетельствует о том, что носители говоров помнят о существовании в прошлом одного из древнейших способов прядения и используют его в повседневной жизни.

Литература и источники

Алешина Л.М. Лексика коноплеводства в орловских говорах. Орёл, 2003. 237 с.

Баланчик Н.А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла (На материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей): автореф. дис. . . . канд. филолог. наук. Орел, 1992. 22 с.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. Москва; Санкт-Петербург, 2004–2021.

Батырева Л.П. Лексика льноводства, прядения и ткачества в говорах Ивановской области. Шуя: Шуйский филиал «ИвГУ», 2013.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. – Москва: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

Ганцовская Н.С. Лексика прядения льна в поуженских костромских и вологодских говорах (на материале «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А.В. Громова и «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Часть 10. Вологда: Легия, 2012. С. 192–197.

Грибанова Т.И. Колыбель моя посреди земли (Песнь роду-племени моему). Орёл: Картуш, 2017. 404 с.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва, 1955.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 461–540.

Михайлова Л. П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1970. 24 с.

НОС – Новгородский областной словарь / ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

СБГ – Словарь брянских говоров / ред. В.И. Чагишева, В.А. Козырев. Вып. 1–5. Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1976–1988.

СПП – *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмоскovie. Москва, 1969. 598 с.

СКЗ – *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речь Костромы и Унжи. Кострома: Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.

СОГ – Словарь орловских говоров / ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–17. Ярославль; Орел, 1989–2016.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург, 1965–2021.

Шереметева М.Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнцины (Этнографический очерк) // Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края. Тула: Приокское книжное издательство, 1984. С. 18–49.

ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

УДК 811.161.1'282

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ ТКАЧЕСТВА (БРАТЬ УЗОРЫ)

Т.К. Ховрина

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, tatyana.hovrina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются наименования лексического гнезда «Бранина», представленные в региональном отраслевом Словаре льноводства, прядения и ткачества А.В. Громова. Лексика ткачества анализируется в историческом аспекте, исследуются особенности её функционирования в севернорусских говорах.

Ключевые слова: диалектная лексика; ткачество; семантика; лексикография; Словарь А.В. Громова; севернорусские говоры

FROM THE HISTORY OF WEAVING VOCABULARY (BRAT' UZORY)

T.K. Khovrina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article discusses the names of the lexical nest «бранина» presented in the regional branch Dictionary of flax cultivation, spinning and weaving by A.V. Gromov. The vocabulary of weaving is analyzed in historical aspect, the features of its functioning in North Russian dialects are researched.

Keywords: dialect vocabulary; weaving; semantics; lexicography; Dictionary of A. V. Gromov; North Russian dialects

Словарь А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» является отраслевым, в нём представлена сторона жизни русского народа, заслуживающая особого внимания. Льноводство, домашнее прядение и ткачество имеют многовековую историю, они занимали важное место в хозяйственной деятельности, в быту и духовной жизни русского народа, а в наше время, как писал Г.Г. Мельниченко в Предисловии к данному словарю, «перестали быть необходимыми и уходят в прошлое» [Мельниченко 1992: 3]. Многие слова и выражения, относившиеся к этим видам труда, исчезают или уже вышли из употребления, так как стали ненужными в повседневном обиходе. В Словаре описаны не только диалектные слова, но и общенародные, относящиеся к данной отрасли. В связи с этим собрание А.В. Громова приобретает особую значимость, оно является ценным источником изучения такой лексики.

Этот словарь, как справедливо указал сам автор, является «не только синхронным, но и в известной степени историческим, так как в нём представлена лексика не только активного употребления, но и перешедшая в пассивный запас, а также частично уже забытая (материалы для словаря собирались в течение 30 лет, начиная с 1961 года)» [Громов 1992: 6]. Словарь построен по идеографическому принципу, и словарная статья посвящается не слову, а понятию, причём в ней нередко приводятся энциклопедические сведения.

В разделе VI «Ткань» выделена подгруппа «Названия разновидностей тканей», которую открывает статья «Бранина». Эта лексема дана со следующим толкованием: «Ткань, изготовленная из отборных кручёных хлопчатобумажных и льняных нитей со сквозными дырочками и узорами: шла на скатерти, полотенца, оплечья рубах и др.». Помета «*повсем.*» свидетельствует о широком распространении этого слова в народной речи. Далее приведена запись из дер. Алешково Межевского района: *Бранину ткали за шесть и за восемь цепков, вдевали в цепки с поворотам али брали узоры на доске* [Громов 1992: 77], где требуют пояснения и другие слова. Так, *цепки* – это нити, жители Мантуровского района объясняют: *Мы ниты по-деревенски цепками называли. А ниты, в свою очередь, это подъёмная деталь ткацкого станка – ряд соединённых попарно нитяных петель* [Там же: 63–64]. *Ткать с поворотами* – значит «изготавливать ткань, узор которой зависит от движения подножек в одну и в другую сторону»: *С поворотам ткали на сарафаны с клеткам, на полога, на подножках ходили то в одну сторону, то в другую* (Мант.) [Там же: 70]. В результате таких действий и получалась ткань *бранина*. К данному заглавному слову в рассматриваемой словарной статье приведены

однокоренные синонимы: *браное* (в знач. сущ.): *Браноё-то и другия непрости раньше немногие ткали* (Макар.); *брань* (*Из брани салфетку ишию берегу*. Макар.), а также *браники*, ср.: *Из браников одна скатерть осталась у меня* (Межев.). Но это слово, скорее, обозначает изделия из такой ткани (бранины). В статье представлено и описательное наименование *браные кросна*, где *кросна* – это ткань, изготовленная на кроснах, т.е. на домашнем ткацком станке [Громов 1992: 60, 76]. Об особом умении ткать бранину свидетельствует следующая запись: *Рядняя-то кросна вытку, а бранья не смогу* (Межев.). Кроме того, в словарной статье присутствует в качестве синонима *бранины* лексема *узор*, ср.: *Межаки узору, бывало, навезут на базар* (Кологр.) [Там же: 77].

А.В. Громов ввёл в словарь и устойчивое терминологическое выражение *брать* (*выбирать, наводить*) *узоры*, т.е. создавать на ткани рисунок особым продеванием нитей в ниченки и с помощью специальной дощечки, установленной за ниченками. Ср.: *Бранину ткут – узоры на ниту вдеают али на доске выбирают; На скатертях, полотеньцах наводили узоры: пряники, клетоцьки, дорожки* (Мант.) [Громов 1992: 75].

В современном русском литературном языке слова *брань* и *бранный* относятся к пассивному составу лексики. В Большом академическом словаре русского языка они даны с пометой «устар.». Слово *брань* представлено в двух значениях: ‘узорчатая ткань’ и ‘вышивка цветными нитками на канве’. Определение *бранный*, т.е. относящийся к брани, ‘узорчатый, расшитый узорами’ сохраняется как постоянный эпитет в народно-поэтическом выражении *скатерть браная*, например: «*Садитесь, гости дорогие, за скатерти браные, за напитки пьяные, за хлеб, за соль...*» – приговаривала Аграфена Петровна, усаживая гостей за обеденный стол». Мельников-Печерский. На горах [БАСРЯ 2: 166]. Это старинное название традиционно присутствует в описаниях свадебного обряда. Приведем пример из Нерехтского уезда Костромской губернии (село Бурцево на Волге, XIX в.). Когда дружка обедеет всех родных и знакомых бракосочетающихся и приготовит поезд, он обращается к отцу и матери невесты: «*Благословляйте новобрачна князя С новобрачною княгиней, Из места встать, Богу помолиться <...> У отца и матери благословиться, Из-за столов идти из-за дубовых, Из-за скатертей из-за браных <...> На добрых коней садиться <...> Едет новобрачный князь С новобрачною княгиней Ко венчанию*» [Забылин 1996: 111–112]. Такой рифмованный приговор повторялся и перед другими участниками свадебного обряда.

Лексема *брань* – суффиксальное образование от глагола *брать* [ЭССЯ 3: 161–162], который в значении ‘ткать узорами’ представлен в памятниках письменности XVI–XVII вв. Ср. наставление в «Домострое»: «А которая женьщина или девка рукодельна, и той дела указати: рубашка делати, или *убрусь брати*, или ткати, или золотное или шелковое пяличное дело». XVI в.; «А государево дело делати с тово двора жене его, *брать посольские скатерти*». Строильная книга Кадашёвской слободы, 1656 г. [СРЯ XI–XVII вв. 1: 321]. Кадашёвская слобода была крупнейшей из слобод Замоскворечья, в начале XVII в. здесь возник центр ткацкого производства [Смолицкая 1982: 152], где производилось льняное полотно, отсюда поставлялись царскому двору узорчатые ткани. В Переписной книге Кадашёвской слободы 1631 г. находим и производное *бранье* – наименование действия по глаголу *брати*: «Двор вдовы Василисы Ветошниковы на чети дела, государево дело делает *бранье* задеичатых скатертей» [СРЯ XI–XVII вв. 1: 318]. Определение *задеичатый* относилось к особому виду выработки ткани, в этом же источнике читаем: «Жена его делает задеичатую скатерть *бранье*». Кн. пер. Кад. сл. [СРЯ XI–XVII вв. 5: 180].

Наименования *брань* и *бранина* ‘ткань, обычно льняная, вытканная в узор’ зафиксированы в памятниках деловой письменности XVII в., например, в Таможенных книгах Успенского Тихвинского монастыря: «Явиль вологжанин села Турунтаева крестьянин... 10 концов *холсту брани*». 1648 г. [СРЯ XI–XVII вв. 1: 318]. Ср. запись в Таможенной книге Александрова Свирского монастыря: «Стороженского монастыря старець Логинь явил в десяти концах клетчатины и *бранины*». 1661 г. [СРЯ XI–XVII вв. 1: 315]. Лексема *браный* ‘тканый в узор или сделанный из узорчатой ткани (брани)’ засвидетельствована в документах XVI–XVII вв.: «А грабежу, господине, взяли три мерина... да четыре *убрусы браныхъ* и простыхъ». (Суд. д.) РИБ II, 1538 г.; «Шесть *скатертей браныхъ*». ДАИ XII, 1695 г. [СРЯ XI–XVII вв. 1: 317].

Лексема *брань* в значении ‘узорчатое полотно, бранина’ представлена в источниках XVIII века, в частности, в издании «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1756 г.): «К томуж <холсту и полотну> причислить можно и крашенину, и пестрядь, и *брань*» [СРЯ XVIII в. 2: 126]. Лексема *бранина* дана в Словаре Академии Российской (1789 г.) со следующим определением: «род редкаго и по большей части клетчатого тканья, употребляемого на полога и на занавески» [СРЯ XVIII в. 2: 124]. Наименование *браный* ‘тканый узорами, узорчатый’ также находим в письменных источниках XVIII в. в словосочетаниях: *браное полотно*, *браное полотенце*, *браная скатерть*. Например: «*Полотна браного* 1000 аршин». Тариф портов, 1724 г.;

ср. в сочинениях Г.Р. Державина: «Тут нежна, милая супруга... Взяв шито, *брано полотенцо*, Стирает пот с его чела» [СРЯ XVIII в. 2: 125].

В первом сводном словаре диалектной лексики «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. зафиксированы слова *бранина* ‘ткань, приготовленная из отборных крученых и простых нитей, со сквозными дирочками и узорами; она употребляется на скатерти, полотенцы, оплечья рубах и проч.’ с пометой «Новг.» и второй вариант *бранина* («Твер.»); *брань* ‘узорчатая ткань’ («Иркут.», «Якут.»); *браный* ‘узорчатый, вышивной’ (*В шитом, браном пологу*) «Оренб.» [Опыт: 14]. В «Дополнение к Опыту...» (1858 г.) введены ещё следующие наименования этого лексического гнезда: *бранье* (то же, что брань) ‘узорчатая ткань’ («Волог.»), выражение *брань узоры* ‘снимать узоры, делать узоры’ и *бралья* ‘женщина, которая берёт, т.е. снимает узоры’ с пометой «Яросл.» [Доп. к Опыту: 12]. В Словаре В.И. Даля в словарной статье «Брань» присутствуют лексемы *брань* с пометой «стар.», *бранина* «Яросл.», и дано более развёрнутое толкование наименования *браная ткань*: «узорочная, которая точется не просто через нитку, а где основа перебирается по узору; белая полотняная узорочная ткань, камчатная, на скатерти, на утиральники и пр. *Браные полога* делались из браной, узорочной рединки, которую ныне заменили кисеи, бумажные ткани. *Браным* назыв. крестьянское цветное (красное) шитьё, вышивку по холсту, где нитки берутся счётом». *Полог браный, да весь драный* [Даль 1: 126]. Эта поговорка затем приводится в разных толковых словарях русского языка.

В ярославских источниках конца XIX в., в «Материалах для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина (1896 г.) также находим выражение *брань узоры* и лексему *бралья*, причём с такими же формулировками значений, как в «Дополнении к Опыту...» [Якушкин 1896: 3]. Расширяют географию слов рассматриваемого словообразовательного гнезда данные «Словаря областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского (1898 г.), в который включены лексемы *брань* ‘ткать узоры, вышивать’ и *бранина* в значении ‘домотканый, узорчатый холст, употребляемый на скатерти, простыни, рукава женских рубашек’ [Куликовский 1898: 5–6].

В «Словаре Ростовского (Яросл. губ.) говора» В. Волоцкого (1902 г.) выражение *брань узоры* определено так: ‘ткать или составлять узоры’. И далее следует важное дополнение автора: «Девушку, подходящую в возраст, в день Косьмы и Демиана, учат молиться: “*Научи меня, Господи, и пряхть, и ткать, и узоры брань*”». А в следующей словарной статье объясняется наименование *бральные доски* – ‘дощечки от

двух до четырех вершков шириною, употребляемые при бранье узоров' [Волоцкий 1902: 21].

В Дополнениях к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина (1926 г.) представлены слова *брань* в значении 'вышивка' и *бранный* 'вышитый', ср.: *Полотенца свадебные с бранями* [ЯОС 2: 21].

В ярославских говорах особого внимания заслуживает глагол *брать*, обычно употребляющийся в устойчивом обороте *брать узор* (*узоры*). Это выражение имеет несколько значений. Основное – 'на домашнем ткацком станке ткать рисунок, узор по краю полотна, идущего на изготовление полотенец, скатертей и т.п.', диалектоносители поясняют: *Берут узоры, то есть перебирают нити основы с помощью дощечки, которую переворачивают, получают узор – клетку, кружок* (Некр.); *Брали узоры при тканье концов красными нитками* (Рост.); *Берут узоры во время тканья особой палочкой, папрутком, на которую наматывают нитки, вплетают нитки в нить материи* (Пересл.). *Брать узоры* означало также 'вышивать рисунок на ткани' (*В Святки [на беседе] полотенца выбирали, узоры брали в пяльцах*. Некр.) и 'создавать узор при вязании крючком или на спицах' (*Брали узоры при вязании кружев*. Рост.) [ЯОСД 1: 72–73]. Отсюда и появилось в ярославских говорах выражение *не узоры брать*, так говорят, когда речь идёт о достаточной освещённости какого-либо помещения в данный момент (т.е. там светло), ср.: *Почто лампу-то зажгли, и так светло, не узоры брать* (Пош.); *А к чему свет-то, ведь не узоры брать, и так посидим* (Рост.) [ЯОСД 1: 73].

В связи с рассматриваемым глаголом приведём и загадку, записанную в Ярославском крае: *Стоит дерман, не шит, не бран, в одно бердо ткан* (о берёзе) [СРНГ 3: 166].

В областных словарях, созданных в конце XX – начале XXI в., содержащих лексику Русского Севера, также представлены рассматриваемые наименования. В вологодских и других севернорусских говорах бытует глагол *брать* 'ткать узоры на холсте': *Марья-покойница шибко ловко брала, такие рукотёрники баские остались* [СВГ 1: 44]; ср. в русских говорах Карелии: *Ткань узорна, раньше-то я сама перва была брать* [СРГК 1: 108]. В «Словаре вологодских говоров» как устаревшие зафиксированы слова *бранное*, *браное* и *брань*. *Бранина*, во-первых, это 'холст домашнего изготовления, сотканый с яркими узорами': *Бранины-то раньше много требовалось, утиральников ведь много шили* [СВГ 1: 43]; ср. в новгородских говорах: *Полога раньше с бранины были, сегодня буду ткать бранину, узор красивый будет* [СРГК 1: 105]; в псковских говорах: *Фсякую бранину*

ткали ночам и дням [ПОС 2: 143]. Во-вторых, *бранина* – это ‘полотенце из узорчатого тонкого холста домашнего изготовления’: *Возьми бранину, руки вытри* [СВГ 1: 43]; ср. в вятских говорах: *Утрись вот этой браниной. Больно баско ты бранины-то простирали* [ОСВГ 1: 101]. *Бранина* в вологодских говорах – это и наименование скатерти из узорчатого домотканого полотна: *На стол бранину ткали, узором таким она выбрана; Бранину-то на стол стелили, она клеточками, котора поглыбже, котора повыше*. Кроме того, *бранина* в этих говорах – собирательное наименование домотканых изделий, ср.: *Из музея приезжали, забрали бранины разной у меня* [СГРС 1: 179]. Таким образом, наблюдается перенос с наименования ткани на названия конкретных изделий, изготовленных из неё.

Браное (в знач. сущ.) и *брань* в вологодских говорах – ‘вытканная узорчатая полоска ткани, тканый узор или вышивка по холсту, пришиваемая к женской одежде или на концы полотенца’: *На полотенце-то у меня всё и браное сохранилось; Баские были брани, на низ юбок их пришивали; Бранью вся одежда-то была украшена* [СВГ 1: 43]; ср. в архангельских говорах: *Вон полотенса с бранью, мамини ишишо*. В этих говорах *брань* – это и скатерть из узорчатого домотканого полотна (*Брани с узорами были, красивые, праздничны*), и вышивка на ткани: *Брани-то сами вышивали красиво* [СГРС 1: 179].

В ярославских говорах слово *брань* также обозначает вытканные по холсту узоры, вышивку (*Брань получилась хорошая*. Тут.) и, кроме того, может называть ткань, похожую на шотландку, ср. в костромских говорах: *Помню муж брани мне из Питеру на два платья привёз* [ЯОС 2: 21].

Лексема *браный* в севернорусских говорах распространена в значениях ‘тканый узором (о домотканом полотне и изделиях из него)’, ср. в вологодских говорах: *Раньше сами браные скатерти ткали; Браный узор в таком полотенце, как выбран будто* [СГРС 1: 179], а также ‘узорчатый, вышитый’, ср. в костромских говорах: *Как придут девки на вечерину в браных платьях – все парни их (Буйск.)* [Ганцовская 2015: 32]; в русских говорах Карелии: *Как кушать, так скатерётку вынем, клеёнки-то не было, а на праздник в скатерётке углы вышивали – брану скатерть клали* [СРГК 1: 105].

Приведём и другие однокоренные слова, известные в севернорусских говорах. Так, в Костромском Заволжье употребляется слово *бранник*, называющее тонкую узорчатую скатерть: *Я и бранник на стол чистый постелила* (Буйск.) [Ганцовская 2015: 32]. В архангельских говорах *бранник* – это вышивка на ткани: *По низу стана бранник вышишь* [СГРС 1: 179].

Итак, проанализированный материал показывает, что наименования рассмотренного лексического гнезда, отражающие характерные особенности материальной и духовной культуры, быта и занятий русского народа, сохранились в севернорусских говорах. Приведённые иллюстрации, записи народной речи раскрывают очень важные, уходящие в прошлое стороны жизни русского народа, его хозяйственной деятельности.

Литература и источники

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. Т. 2. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2005. 658 с.

Волоцкий В. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора // Сб. ОРЯС. Т. 72, № 3. Санкт-Петербург, 1902. 115 с.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1978–1980.

Доп. к Опыту – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Санкт-Петербург, 1858. 328 с.

Забьлин М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. Москва: Русская книга, 1996. 496 с.

Куликовский Г.И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1898. 142 с.

Мельниченко Г.Г. Предисловие // Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. С. 3–4.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–2. Киров: Киннектика, 2012. 242 с.

Опыт областного великорусского словаря. Санкт-Петербург, 1852. 275 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 247 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т.Г. Паникаровская. Вып. 1. Вологда: ВГПИ, 1983. 143 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 252 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 512 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 3. Ленинград: Наука, 1968. 360 с.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. Москва: Наука, 1975–2019.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Ленинград: Наука, 1985. 247 с.

Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. Москва: Наука, 1982. 176 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 3. Москва: Наука, 1976. 199 с.

Якушкин Е. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896. 46 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

УДК 81'373

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ И ПРЕДПИСАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЦЕССАМИ ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА (ПО ЛЕКСИЧЕСКИМ ДАННЫМ ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

Ю.В. Зверева, А.В. Черных

*Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН, Пермь, Россия,
zv.ul@mail.ru, atschernych@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отмеченные на территории Пермского Прикамья языковые единицы, в которых нашли отражение обряды, предписания и запреты, связанные с выращиванием и обработкой льна, прядением и ткачеством. Лексика этой тематической группы в пермских говорах во многом соотносится с лексикой других русских говоров, но имеет региональные отличия.

Ключевые слова: пермские говоры; народный календарь; льноводство; прядение; ткачество

CALENDAR HOLIDAYS, RITUALS AND INSTRUCTIONS, RELATED TO THE SPINNING AND WEAVING PROCESSES (ACCORDING TO THE LEXICAL DATA OF THE PERM REGION)

Yu. V. Zvereva, A. V. Chernykh

*Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russia*

Abstract. The article deals with the language units noted on the territory of the Perm Kama region, which reflect the rituals, prescriptions and prohibitions associated with the cultivation and processing of flax, spinning and weaving. The vocabulary of this thematic

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117).

© Зверева Ю.В., Черных А.В., 2023

group in the Permian dialects largely correlates with the vocabulary of other Russian dialects, but has regional differences.

Keywords: Perm dialects; folk calendar; flax growing; spinning; weaving

В пермских говорах отмечается большое количество языковых единиц, обозначающих процессы выращивания и обработки льна, прядения и ткачества, а также называющих орудия труда и их части. Все эти единицы стали объектом описания в тематическом словаре «Лексика обработки льна, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края». Данные языковые единицы часто служат источником информации о традиционных обрядах сельских жителей Пермского края, народном календаре, оценке специфики трудовой деятельности. Конечно, в современном диалектном материале эти представления фиксируются в редуцированном виде, поскольку возделывание льна и конопли, прядение и ткачество в крестьянском хозяйстве информанты застали только в своём детстве и вспоминают не свои занятия, а занятия старших членов своей семьи. Часто смысл некоторых обрядов, которые осуществляли во время сева льна, прядения, ткачества сегодня не понятен рассказчикам.

Лексика прядения и ткачества, отражающая этические взгляды крестьян, их мифологические представления и отношение к труду, представлена в словаре А.В. Громов «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [Громов 2012]. Обряды и календарные праздники, связанные с процессами прядения и ткачества, описываются в этнографических работах Т.Г. Шубиной [Шубина 2000], А.В. Черных [Черных 2003; Черных 2014], конечно, фиксируются в них и некоторые лексические единицы. Лексика, отражающая народные представления о прядении и ткачестве, рассматривается в статьях Т.В. Махрачевой [Махрачева 2000], Л.А. Дмитрук [Дмитрук 2018]. В статье Л.Ю. Зориной анализируются благопожелания, адресованные женщинам, занимающимся прядением и ткачеством [Зорина 2012; Зорина 2016].

На территории Пермского Прикамья время сева льна, как и во многих регионах России, приурочивали ко дню святых Константина и Елены (3 июня), который получил названия: *День матери Елены и отца Константина* (*На вешала сушить повешают. Семечки выколотят вальком. Матери Елены и отца Константина, в этот день, что ли. Картошку выкопали, тогда лён убирают.* Русский Сарс [АЧ]); *Елена* (*К Елене отсевались, самогонку варили, песни старинные пели.* Степановка [АЧ]); *Елены-ленницы/леносейницы* (*Елены-ленницы, Елены-леносейницы живут третьего июня.* Торговище [АЧ]); *Еленосевки* (*Еленосевки – тогда и лён сеют.* Покча [КСРГСПК]);

Олёна-ленница (*Олёна-ленница – сеяние льна. Усолье [АЧ]*); **Олёнин день** (*[А лён когда сеют?] А лён – когда уж всё, колды это Олёнин-от день. У меня нет этого календаря-то, Олёнин-от день забыла когда, сеют льны-те. Колда всё это посиют, весь хлеб, тогда и сиют. Зелва [КСРГСПК]*); **Царёв день** (*Царёв день – в этот день лёносевки. Около этого дня сеют лён. Торговище [АЧ]*). Иногда время посадки льна приходилось на Ирину-рассадницу, дни почитания которой приходятся на 29 апреля и 18 мая (*Капусту, лён на Ирину-рассадницу тоже садят*). Талово [КСРГСПК].

Известно большое количество обрядов, связанных с сеянием льна, у славян [Усачева 2009: 91–96]. В этнографических и диалектных материалах, собранных в XX веке на территории Пермского Прикамья, отмечаются некоторые из них. Для того чтобы лён вырос высоким, долгим, а волокно чистым, совершали обрядовые действия с яйцами. Так, в южных районах края существовал обряд подбрасывания варёных яиц: *Говорили, в Пасху яйца надо выше о стену бить, об окошко ли. То ли лён чтобы больше был, то ли хлеб. Осенью убираешь. Головочки будут в сентябре; Когда лён пора сеять, яйца бросают вверх – чтобы лён дольше рос, потом эти яйца едят. Может три, может пять*. Русский Сарс [АЧ]. Вариативность обрядовых действий и времени осуществления (процесс сева или Пасха) могут быть связаны с тем, что информанты не всегда понимают смысл обряда или же не уверены в том, как его проводили. На севере региона яйца клали в семена льна: *А лён-от раз... у меня отец всё сиял лён-от, колда жили в деревне дак. Дак он пойдёт сеять лён и яичко кладёт в лён, в семя, чтоб лён был чистой да волокнистой дак, с яичком*. Зелва. В словаре «Славянские древности» также отмечаются эти обрядовые действия у русских, а также у южных славян, но они не связаны с Пасхой [Усачева 2009: 91–96].

Процесс обработки льна и приготовления льняной кудели начинался осенью, после того как лен был убран с поля, обмолочен и расстелен на полях: А.В. Черных отмечает, что в осеннем периоде обычно не было конкретной даты, с которой начинали уборку льна и подготовку кудели [Черных 2014: 106]. Информанты рассказывают, что эта работа проводилась после того, как прошла уборка хлеба: *Лён сеяли 3 июня, убирали после страды. Сначала сушили, потом вешали, молотили, дёргали, колотили, раскладывали на улице на 3 недели, потом снимали, вязанки делали, мяли, чесали, пряли*. Медянка [АЧ]. Обработка льна – один из самых трудоёмких процессов в изготовлении ткани, поэтому на территории Прикамья были распространены собрания женщин для оказания помощи

в работе (помочи). В пермских говорах отмечено несколько наименований коллективных работ, на которых обрабатывали лён: **колотиха** (*В пятницу у нас будет колотиха, будут лён чесать*. Рогали [СПГ 1: 407–408]); **копотиха/копотихи** (*Это значит лён мнут и первый раз треплют. Это копотиха. Созовут девок, поработают, потом домой сходят, переоденутся и к хозяйке обратно идут. А в доме уж у ней угощенье стоит. Вот гулянье и начинают*. Ольховка [АЧ]); **кудельница/кудельня** (*Супрядка – это кудельница. Собирались – коноплю мяли, лён*. Красный Ясыл [СРГЮП 1: 438]; *Девчонки все в бане кудельню делают*. Бондюг [КСРГСПК]); **потрепуха/потрепухи** (*Вечером девки на потрепуху собирались, много бывало льна-то, за вечер-то натреплют*. Березовка [СПГ 2: 190]); **почесуха/почесухи** (*Иные почесуху ладили, как помочь; лён чесали; баб пяток созовёт – десятков по семь очёшут, поужинают*. Толстик; *Раньше потрепухи, почесухи, помочи делали, а мы бедно жили, дак позовушки-те не ладили*. Вильва [СПГ 2: 193]). Номинации совместных работ обычно образованы от глаголов, обозначающих процессы, которыми занимались женщины при подготовке льна к прядению: **колотиха** < *колотить*, **копотиха** < *копотить* ‘поднимать пыль при околоте, трепани и чесании льна’, **потрепуха** < *трепать*, **почесуха** < *чесать*. Сама работа начиналась обычно утром, поэтому в говорах встречается лексема **утренник**, которая также обозначает такое собрание женщин: *В бане прjali на вечерках, а утром идёшь на утренник куделью чесать*. Редикор [КСРГСПК]. В пермских говорах отмечена также лексема **субботёя** с тем же значением (*Как лён трепать, субботеи делали. Соберемся, договоримся, идем трепать, колотить*. Майкор [СРГКПО: 232]), однако чаще слова с этим корнем (**субботки**) обозначают встречи для совместного прядения.

Больше обрядовых действий соотносится с прядением и ткачеством. Исследователи традиционной культуры отмечают, что с прядением и ткачеством связаны мифологические, демонологические, космогонические представления, отражённые в поверьях, обрядах, запретах [Валенцова 2012: 278–279; Валенцова 2009: 321–328]. На территории Прикамья начинали прясть обычно с Покрова и заканчивали к началу Великого поста. Информанты отмечают, что время прядения приходилось обычно на **Филиппово Говёнье (Филиппы)**, т.е. Филипповский (Рождественский) пост, продолжающийся от 26 ноября до праздника Рождества (7 января): *В Филиппы не напрядёшь, в говинье не наткёшь*. Русский Сарс [АЧ]. Однако прясть могли и в другое время: *В Великий пост начинают моты мыть. Кто не послел – дак прядут. Кто ткёт, а кто прядёт*. Русский Сарс [АЧ].

Иногда информанты указывают не конкретные даты такой работы, а на необходимость закончить её до таяния снега: *Пряли раньше зимой, до потайки*. Осинка [СРГКПО: 196]. Вместе с тем более поздние сроки окончания прядения вызывали насмешку, что нашло отражение в поговорке *Добрые люди в красны, а я в простень*. Русский Сарс [АЧ], которая относится к тому, кто позже всех берётся за дело. Считалось, что в этом случае не хватит времени на другую работу: *В Велико Говинье пойдут цыпушки да ягушки, прясть некогда. Бабы за красна, мужики за сохи*. Русский Сарс [АЧ].

Обычно пряли в будничные дни и субботу, в воскресенье этим не занимались: [В воскресенье пряли?] *Нет, не ткут, в праздники не ткут. А прясть в субботу вечером уже нельзя, а вечером в воскресенье уже садятся*. Асюл; *Супрядки нельзя в воскресенье, в праздник, а так – в любой день*. Русский Сарс[АЧ]. В говорах фиксируются обозначения времени, когда пряли: *прэсница, простобе время* ‘определённые дни недели, когда можно прясть, обычно все дни недели, кроме воскресенья’ (*И стар и мал в пресничу робили*. Нердва [СПГ 2: 199–200]; *За им [прядением] только и время провожаешь. Пора простая – опеть предёшь*. Цыдва [КСРГСПК]). А.В. Черных отмечает, что в Прикамье не сохранились представления о запретах на прядение в пятницу, известные в других регионах России, соответственно, не развились представления о Параскеве Пятнице как покровительнице прядения и ткачества [Черных 2014: 109].

У восточных и южных славян особыми магическими свойствами наделялась нить, спряденная в Страстной четверг перед Пасхой [Валенцова 2009: 28]. Зафиксированы подобные представления и у русских, проживающих на территории Пермского края: *В Великоденный четверг до свету шулепную нитку пряли, чтобы не изурочили, на пояс надевали*. Михино [ЭСМРПК: 448]. Апотропеические свойства приобретала нить, спряденная необычным образом (движением веретена влево), она называлась *левáшняя нитка* (*На рога плетут красную верёвочку на Великий четверг, левашиную (на леву руку пряли) верёвочку и вот к рогам её привязывают, чтобы летом не блудила*. Пепельши [ЭСМРПК: 366]); *шулёпная нитка* (*Пряли ниточку в Великодённый четверг, бывает весной. Пряли, на себя одевали, чтобы никакие припуки, грыжи, эту шулепную ниточку, она на шулепную руку прялася. В другую сторону прялася эта ниточка, её всегда на себе носили или там зашивали куда, чтобы никакая тварь, если будет колдовать, ничё не прилипала*. Осинцево [ЭСМРПК: 448]; *шулёпа* (*Шулепу в другую сторону прядут. Её надевают на пояс, чтобы не слзалили*. Медянка [ЭСМРПК: 744]).

Существовал запрет прясть без благословения и оставлять недопряденную кудель: *Прялку без благословения нельзя. Суседко опрядит.* Русский Сарс [АЧ]; *Кудельку-то надо до конца прясть, подохлопок на ночь не оставлять, а то суседко придёт.* Уролка [СПГ 2: 127]. В большом количестве пермских диалектных текстов отмечена деятельность домового (в пермских говорах – *сусёдка, сусёди́ха*), который может путать пряжу: *Суседка придёт, сядет, только веретешко жуужжит, вся борода на пряже иссуслана.* Майдан [СРГЮП 1: 358]. Распространённость таких мифологических представлений подтверждается фиксацией в пермских говорах большого количества звукоподражаний, имеющих значение ‘о звуке веретена, издаваемом при прядении домовым’ (*гур-гур, диж-дидж, жи-жи-жи, тор-тор, фур-фур, шур-шур*), а также звукоподражательных глаголов со значением ‘издавать звуки, стуча веретеном при прядении (о действиях домового)’ (*гургать, дзёргать, фургать, фургаться, фуркать, фурчать, шуркать*). Существовал также запрет оставлять ткацкий стан не покрытым, поскольку домовому приписывали также и способность путать нити в ткацком стане: *У худой бабы суседко напутат за ночь на пришивце. Ткут, ткут. Закончила ткать – пришивцу закрусят (и до навоя) скатеркой прикроют, чтобы суседко не спутал.* Русский Сарс [АЧ].

Как отмечают исследователи, у русских Пермского края были распространены коллективные собрания для совместного прядения [Черных 2009: 110], чаще всего в говорах они обозначались словами с корнем *пряд-*: *попрядёйка / попряду́ха, попряду́шка* (*Попрядейки зимой уж бывали, днём; хозяйка брагу сделает, чёрны грибы, пельмяни состряпат; кажна со своей пряшницей придёт; выпьют, поедят, потом прядут.* Толстик [СПГ 2: 173]; *Попрядуха, раньше прели.* Камгорт [КСРГСПК]; *Прядут всяк своё на попрядушке; брагу наладают...; прядут, хозяйка угощат брагой.* Володино [СПГ 2: 173]); *пря́лки* (*Бывало, раньше-то на прялки ходили, мать урок даст: прясть ле, вязать ле на вечер, собирались у кого-нибудь в избе. Зачерная* [СРГЮП 2: 484]); *супрядка/супряди́на/супрядь* (*Супрядки ладили: хозяйка раздаст куделю; кажной прядёт не своё, а хозяйкино.* Володино [СПГ 2: 420]; *Сядут и в середину бросают куделю, супрединой называлось.* Шестина [СРГКПО: 233]; *В супрядь – собирались, кому надо, у него угощенье только было. Прядёшь, сидишь.* Русский Сарс [АЧ]). Реже отмечаются наименования, образованные от других слов: *позову́шки* (*Раньше потрепухи, почесухи, помочи делали, а мы бедно жили, дак позовушки-те не ладили.* Вильва [СПГ 2: 141]. *Позовушки – собирали прясть и на праздники.* Камгорт [КСРГСПК]; *субо́бки*

(Ходили прясть на субботки, тут и напоемся и напляшемся. Печень [СРГЮП 3: 197–198]). Такие собрания организовывались не только для взаимопомощи, но и были формой совместного проведения, поэтому лексема *супрядка* в пермских говорах может также иметь значение ‘посиделки’ (*Раньше жили весело. Собирались вместе. Супрядку плясали – хороводом ходили и пели песни. Суксун [СПГ 2: 420]*). Вместе с тем часто у слов, которые имеют значение ‘собрание молодёжи для совместного досуга’ развивается значение ‘собрание для совместной ручной работы’: *бесёдка* (*На бесёдки ходили девки, дак им работу с собой матери давали – прясть. Мостовая [СРГЮП 1: 53]*), *вечёрка* (*Собирались ко друг к другу на вечерки пресь опеть. [А как играли?] Да как-но тут играта? Придёшь на вечерку-ту с пресницей да. Кольчуг [КСРГСПК]*) и *посидёлки/посидёнки* (*Супрядки – бабы кого позовут. Посиделки – когда со своей куделью. Раньше в клуб не ходили, собирались у кого-нибудь. Русский Сарс [АЧ]*). В пермских говорах отмечен фразеологизм *бесёдки водить* ‘собираться в вечернее время где-л., обычно зимой, для того, чтобы за разговорами, песнями выполнять разную ручную работу (вязание, прядение, вышивание и т.п.)’ (*Зимой бесёдки водили, девки собирались прясть, вязать, вышивать. Черновское; Меня не шибко отпускали бесёдки-то водить, дома урок-от выполняла. Заречная [СПГ 1: 109]*).

Трудоёмкость и длительность ручного прядения отразилась в глагольной лексике, в пермских говорах отмечены лексемы *запря’дывать, испропря’сть, пропря’сть* ‘стирать/стереть до боли пальцы рук прядением’. В говорах южной части Пермского края отмечен также фразеологизм *хохолók в потолók* ‘слова, которыми сопровождали поджигание недопряденной кудели у ленивой пряжи’ (*На посиденки-то ходили, матери все работу давали с собой. Надоест прясть, девка и говорит: «Хохолок – в потолок». Надо, говорит, скорородку. А мать два протня велела напярсть, попрядёт на этом маленько веретёшке, на другом, мама не наругает. Остатки – раз, на скорородку, помаленьку сожжёт. Китрюм [АЧ]*).

На Великий пост (*Великое Говенье*) приходилось время мытья полученной пряжи (мотов): *Моты большие сделали. В Велико Говинье моты мыли, приготавлиали. Не по одному бабы собирались. Вымой на речке, иди домой, развешай и все. Друг к другу ходили: седни у моей бабы моты мыли, завтра у другой. Помогали друг другу так. Кемуль; В Говинье ходили, Катя, в Говинье. Когда мотушки мыли, когда занимались вот этой всей тряпней. Курашим [АЧ]*, в некоторых случаях этот процесс успевали завершить раньше: *До Масленицы промёжговенье*

называлось. Кто прял, кто ткали. Большие всё старались пряжу сделать, позолить ее, вымыть, выткать холсты. Курашим [АЧ].

С мытьём и белением мотов связано представление о том, что весенние птичьи крики напоминают хозяйкам о необходимости напрядь, смотать и вымыть моты, иначе семья рискует остаться без одежды. Обычно в звуке птиц слышатся слова: **кажи моты** (Вот прядут всю зиму-то, потом птичка прилетит: «Кажу моты, кажу моты»). Кладут на первую золу на печь, морозят. Если к этому времени не успеешь, не покажешь моты, птичка поет: “Сикиль гол”. Вторые Ключики [АЧ], **сикиль гол** (В Велико Говенье. Пичужка прилетит и кричит. Сикиль гол. Сикиль гол. Чтобы бабы не ленились, сиська гола будет не наткёшь, не напрядёшь. Русский Сарс [АЧ]). В пермских говорах отмечен фразеологизм **моты** **закричат** ‘о весеннем пении птиц, с прилетом которых заканчивали прядение’ (Я пряду, мне говорят – Любашка, скоро птички моты закричат. Оне начнут чирикать, баушка мне – ну-ко выброси свои моты-те за окошко. Юговское [СРГЮП 1:432]).

Время ткачества наступало весной, информанты называют разные сроки (март или апрель): *Бабы-то все до марта полотно на кроснах баят, полотно готовят к лету.* Ножовка [СПГ 1: 25]; *Ткать начинают в апреле. В мае закончить нужно. В мае лентяев водой обкачивают. Баба выйдет из дома – её обкатят. Это как игра – сосед соседа обливает.* Брюхово [АЧ]. Обычно заканчивали ткать до посевной и убирали ткацкий стан (кросна): *К посевной надо ототкаться.* Дойная [СРГЮП 2: 261]. Если он всё ещё находился в избе, то женщину считали неряшливой и ленивой: *У нерях кросна по целому лету стоят, у добрых вовремя убирают всё – торопятся.* Русский Сарс [АЧ]. Так же, как и в случае с прядением, в воскресенье и праздничные дни не занимались тканьем: *В праздники, в Воскресение не пряли, не ткали. Нельзя.* Русский Сарс [АЧ]. В статье «Тканье» авторы отмечают предствления славян о том, что любой чужой человек мог сглазить тканье, поэтому произносил благопожелания ткачихе [Валенцова, Узенева, 2012: 274]. В пермских говорах они также отмечены: **Зев в кросн а/ Зев в кросна, чтобы я проишл!** ‘пожелание ткащей за ткацким станком’ (Ниченицы на батожках ведь. Это зев будёт. Когда человек приходит, видит, что ткют, говорят: «Зев в кросна». Пянтег [КСРГСПК]; *Если заходишь, а кто-то ткёт сидит, надо сказать – зев в кросна, чтобы я проишла.* Пож [СРГКПО: 107]). Подобные пожелания отмечаются и в других русских говорах [Зорина 2012: 68].

С окончанием ткацких работ связано обливание ткачих, которое, с одной стороны, имело продуцирующий и апотропеический смысл,

а с другой стороны, носило шуточный характер: *Вот весной оботкнутся, а теперь и купаться надо-те. И вот соберутся молодёжь-то и бегают с водой, с ведром. Бабы оботкнутся, обливаются на реке, балуются, чтобы лён дольше рос, за краснами тоже обольют, кто сидит ткёт.* Дойная [СРГЮП 2: 261]; *Облить, когда оботкётся. Это было, дурили. Я за краснами сидела весной, не береглася ничего, тепло было. Меня схватили из-за красён, прямо в реку бросили. Шарынино; [Бабу обливали?] Это бывает. Оботкалася, водой обольют. Шутили всё.* Красный Ясыл [АЧ].

Таким образом, в лексике обработки льна, прядения и ткачества, фразеологических единицах, связанных с этими процессами, находят отражение народная культура, система нравственных оценок, особенности трудовой деятельности на территории Прикамья. Многие обряды, связанные с выращиванием, обработкой льна, прядением и ткачеством, соотносятся с подобными обрядами, бытовавшими на других русских территориях. Наблюдаются и лексические совпадения: ряд диалектных лексем отмечен в разных русских говорах. Региональные особенности проявляются в существовании локальных вариантов обрядов, а также в своеобразии лексического состава пермских говоров, некоторые языковые единицы, относящиеся к лексике льноводства, прядения и ткачества, зафиксированы только в них.

Литература и источники

АЧ – Материалы полевых исследований А. В. Черных.

Валенцова М.М. Прядение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4 / под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. С. 321–328.

Валенцова М.М., Узенева Е.С. Тканье // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Москва: Международные отношения, 2012. С. 271–278.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, льнопрядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Дмитрук Л.А. Фольклорно-обрядовая лексика в костромских говорах (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 2. С. 190–193.

Зорина Л.Ю. Русские диалектные благопожелания в ситуациях льноводства, прядения и ткачества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 66–69.

Зорина Л.Ю. Сто стен на сновалочку! // Русский язык в школе. 2016. № 4. С. 62–67.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Махрачева Т.В., Буцких С.А. Мифологические и космогонические представления, поверья, предписания, существа, запреты и наказания, тематически связанные с технологиями прядения и ткачества и бытующие в народном календаре на территории Тамбовской области // *Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов междунар. науч. конф. Вып. 8. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 398–403.*

СПГ – *Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.*

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.*

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3 / И.А. Подюков (науч. ред.), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.*

Усачева Л.Л. Лен // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3 / под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. С. 91–96.*

Черных А.В. Обработка льна, прядение и ткачество в календарном цикле праздников и обрядов у русских Прикамья в конце XIX – начале XX вв. // *Традиционная культура Урала. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 10–29.*

Черных А.В. Традиции коллективной взаимопомощи при обработке льна и прядении у русских Пермского Прикамья // *Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 2. С. 106–112.*

Шубина Т.Г. Прядение и ткачество в культуре населения Севера и Северо-Запада России (XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2000. 25 с.

ЭСМРПК – *Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва; отв. ред. И.И. Русинова. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. Санкт-Петербург: Изд-во Маматов, 2019. 832 с.*

УДК 811.161.1'28

ЛЕКСИКА ТКАЧЕСТВА В ГОВОРАХ ГРУППЫ ДЕРЕВЕНЬ ПО РЕКЕ ВОХМЕ

Н.С. Тугарина

*Государственный мемориальный и природный музей-заповедник
А.Н. Островского «Щельиково», Костромская область, Россия,
tour@schelykovo.ru*

Аннотация. В статье рассматривается лексика ткачества: процесса снования, подготовки основы и утка, составных частей ткацкого стана, – которая бытовала в говорах деревень Костромской области, расположенных по правому берегу реки Вохмы. Терминология дается в сравнении со словарем А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже».

Ключевые слова: диалектная лексика; северно-русские говоры; Вохомский район; прядение; ткачество; Словарь А.В. Громова

THE VOCABULARY OF WEAVING IN THE DIALECTS OF A GROUP OF VILLAGES ALONG THE VOKHMA RIVER

N.S. Tugarina

*Federal State Budgetary Institution of Culture "State Memorial and Natural
Museum-Reserve of A.N. Ostrovsky "Schelykovo", Kostroma region, Russia*

Annotation. The article deals with the vocabulary of weaving: warping process, preparing of the warp and weft, the components of the weaving loom, – which was used in the dialects of the villages of the Kostroma region, located on the right bank of the Vokhma River. The terminology is given in comparison with A.V. Gromov's dictionary "Vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River".

Keywords: Dialect vocabulary; northern Russian dialects; Vokhma district; spinning; weaving; A.V. Gromov's Dictionary

Обратимся к лексике ткачества группы деревень по реке Вохме: Петрецово, Митрошино, Сенькино, Загатино, Зубакино, Плоская, село Никола. Каждая из деревень располагается на возвышенности, или на угоре, как говорят в этих местах. Большая часть слов записана в Петрецове, находится оно на правом берегу реки Вохмы, примерно в 10 километрах от впадения в Ветлугу, от районного центра, поселка Вохмы, в 12 км. Вохомский район Костромской области граничит с Вологодской и Кировской областями.

Заселение земель по реке Вохме происходило в начале XVII века. Первоначально это место входило в волость Вохма Устюжского уезда. В свое время через эту деревню проходил тракт с Великого Устюга на Вятку, была паромная переправа через реку Вохму, ночлежный пункт и почтовая станция [Герасимов 2010: 55–56]. Важный торговый путь способствовал развитию разнообразных ремесел и промыслов. С давних пор вохомцы общались с жителями Вятки – женились, выходили замуж. Женщины, их называли вятченухами, были искусными ткачихами, владели разными видами узорного ткачества и охотно делились своим мастерством.

В 1960–70-е годы многие женщины из упомянутых деревень занимались ткачеством. Чаще всего ткали на половики, иногда на матрасы, мешковину, реже – на полотенца. Мы обратимся к лексике процесса подготовки основы и утка, снования, составных частей ткацкого стана и рассмотрим ее в сравнении с материалами издания Александра Вячеславовича Громова «Словарь: Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», который сам автор для краткости называл «Льняной словарь» [Громов 1992].

Следует присоединиться к мнению авторитетных исследователей о «Льняном словаре» А.В. Громова, его заслуженно считают

шедевром отраслевых тематических словарей, отмечая, что он представляет собой ценную энциклопедию крестьянской жизни, крестьянской материальной культуры края по реке Унже Костромской области [Ганцовская 2014].

В «Льняном словаре» А.В. Громова собраны слова четырех районов Костромской области – Кологривского, Макарьевского, Мантуровского, Межевского. Следует отметить, что основная часть лексики ткачества деревень по реке Вохме и Словаря А.В. Громова совпадает, поскольку это севернорусские говоры, одна область.

Приведем примеры слов, которые употребляются в одном значении и совпадают по звучанию. Отходы при трепании льна – *отре'ни*, волокно самого низкого качества, которое шло на веревки, на утепление избы. В деревнях бытовала поговорка «Не к рукам куделя – одни отрепи». *Изгре'би* – первые вычески льна, тоже довольно низкого качества, которые шли на изготовление грубого холста. *Па'чеси* – вторые вычески льна, волокно среднего качества. Оставшееся волокно – лучший лен, дважды вычесанный [Громов 1992: 33].

В словаре А.В. Громова часто даются разные варианты слов в зависимости от места их употребления, и один из них может совпадать со словом, бытовавшим в деревнях по реке Вохме. С вариантом Межевского района совпадают слова *пре'сница* (основное слово – *пря'лка*), *кости'ца* – отделяемая от волокна жесткая часть стебля. В словаре Громова в подобном значении как основное дается *кости'ка*, кроме него – *косте'ря*, *кости'га*, *кости'ца* [Громов 1992: 33].

Сно'вальна, *снова'льни*, *сно'вальники*, *сно'вальницы*, *снова'льны*, *снова'льно* – приспособление для снования пряжи [Громов 1992: 54]. Здесь наблюдается случай вариативности рода, числа, ударений. В вохомских говорах, как и в Макарьевском районе, бытовало слово среднего рода *снова'льно*.

Ниты', *ни'чельницы*, *ни'ченицы*, *ни'ченки*, *цепки'*, *тенёта*, *цепы'* – ряд соединенных попарно нитяных петель [Громов 1992: 63–64]. В Межевском и Вохомском районах бытовало название *ни'ченицы*.

Особо отметим слово *куде'ля* – сверток для прядения из оческов льна [Громов 1992: 32], в вохомских говорах так называли любой сверток для прядения льна, то есть, оно бытовало в более широком значении. Общеупотребительное слово *веретено'* в деревнях по реке Вохме всегда произносилось *веретно'*.

В словаре А.В. Громова встречаются слова, которые совсем не употреблялись в вохомских говорах, например, *та'лька* – в значении пряжа, смотанная на мотовило, и моток пряжи определенной

величины, от 4 до 12 пасм [Громов 1992: 43]. Судя по тому, что приводится множество примеров его употребления, слово было очень распространенным. Счет нитей в вохомских говорах велся также на *па'смы* и *чи'сменки*. Чисменка – 3 нити в оборот мотовила, пасма – 10 чисменок, то есть 30 нитей.

Ска'льно (в словаре дается также вариант ударения на последний слог – скально') [Громов 1992: 66] – приспособление для навивания ниток на *це'вки*, которые в вохомском говоре назывались *чиве'чки*. Вероятно, здесь наблюдается влияние вятских говоров с заменой ц/ч. В деревнях бытовала поговорка, которая утрировала особенности вятского говора: «*В Коте'льнице три ме'льнички – водяни'ча, парови'ча и ве'тренича*». Граница с Кировской областью проходила в нескольких километрах от левого берега реки Вохмы.

В вохомских говорах не было глагола *сучи'ть*, употреблялся всегда глагол *скат'ь*. Это относилось и к процессам скручивания пряжи, и навивания уточной нити на скально для челнока. Распространенным было словосочетание *скать чиве'чки*, а не *сучи'ть це'вки*.

Стена' – общеупотребительная единица измерения длины основы. В вохомских деревнях говорили так: *насова'ла пять стен*, еще могли сказать *насова'ла пять стен со столбо'м*. В этом случае основа была подготовлена на шесть полных оборотов сновально и еще на часть между двумя столбами (вертикальными стояками), что составляет четверть полного оборота. Со столбом сновали, когда пряжа оставалась, но ее не хватало на полный оборот.

Названия деталей самого ткацкого стана также чаще всего совпадают: *стани'на*, *бе'рдо*, *наби'лки*, *наво'й*, *притужа'льник*, *при'швища*. Однако есть и различия. В вохомском говоре бытовала форма *набе'лки*, задний навой имел еще одно название – *коло'да*. Парные детали, деревянные блоки, с помощью которых поднимаются и опускаются нити основы, назывались *соба'чки*, в Словаре Громова – *ве'кошки* [Громов 1992: 62]. Это подвижные детали стана, поэтому можно предположить, что в наименованиях отразилось сходство значений по функции, если учесть, что в костромских говорах слово *ве'кша* встречалось в значении 'белка'. Верхний брус ткацкого стана – *поне'бник*, в словаре Громова – *ве'рхница* [Громов 1992: 62], отмечается сходство по месту в устройстве ткацкого стана. В Словаре даются названия детали притужальника – *доска'*, *ды'рник*, *частоды'рка* [Громов 1992: 65], в вохомских деревнях ее называли *дырова'тка*.

Основу у заднего навоя делили узкими плоскими досочками *лине'йками*, продевали в ниченицах через петельку, которая называлась *колоколе'ц*, затем в *бе'рдо*, не упустив при этом ни одной нити.

Из лучины от березового полена делали небольшой плоский крючок, его называли *зубо'к*, который подавали между зубьями бёрда. На него накидывалась нить основы и продевалась обратно. В связи с этим процессом А.В. Громов приводит отрывок из воспоминаний актрисы Малого театра Е.Н. Гоголевой о высказывании О.О. Садовской: «Я тебе, голубчик, крючочек, а ты мне петельку» [Громов 1992: 67]. Выходит, гениальная актриса, владеющая в полной мере народным словом, хорошо знала процесс ткачества и через это выразила важную особенность драматургии А.Н. Островского, которая заключается в том, что реплики персонажей внутренне связаны между собой.

Следует отметить, что много общего наблюдаем и с упоминаемыми в Словаре жизненными реалиями. Самая тонкая и прочная пряжа шла на основу, а на уток допускалась более низкого качества и не столь тонкая. Об особом отношении к подготовке основы говорит приведенное А.В. Громовым высказывание: «Основу мама сама пряла, мне не доверяла» [Громов 1992: 57]. В вохомских деревнях бытовала поговорка: «Была бы основа, а уток найдем». На половики в качестве утка шли даже нарезанные и туго скрученные (сканые) ленты из ношеной одежды. Употребительным был глагол *учи'ть*. Могли спросить: «Чем учи'ть-то будешь?», то есть, выясняли, что подготовлено на уток.

А.В. Громов приводит пример: «У ково не было своих сновальнов, бегали по деревне с трубицям» [Громов 1992: 54]. В вохомской деревне сновально, представляющее собой перпендикулярно расположенные по отношению друг к другу большие рамы, вращающиеся по оси, было не в каждом доме. Занимающее много места приспособление находилось, как правило, на потолке (чердаке) и было в одном или двух домах на деревню. Пряжу сновать носили на *труби'цах*, готовую основу аккуратно снимали, заплетали в *плетен'нь* (движением рукой как при вязании цепочки крючком), и женщины возвращались домой с пустыми трубицами и огромным плетнем, обвивающим шею и плечи.

В Словаре А.В. Громова упоминается слово *прядея'* [Громов 1992: 51], в деревнях по реке Вохме оно также употреблялось, как и *точея'*, *плесея'*, что говорит о продуктивности подобного способа образования слов. Следует отметить, что все они имели позитивную, положительную коннотацию. Имелись в виду хорошие пряха, ткачиха, плясунья.

Нередко женщины ходили друг к другу смотреть работу, говорили – *гляди'ть то'чу*. Слово *то'ча* обозначало как процесс ткачества,

так и результат, то есть, употреблялось в значении *ткань*. При осмотрах соблюдался определенный порядок: приходили, здоровались, садились, говорили сначала о предметах посторонних, поглядывая в сторону ткацкого стана и только потом подходили, внимательно смотрели и обязательно хвалили. Была важна степень похвалы, и если действительно работа нравилась, хвалили не один раз, произнося: «Уж насто'ль ба'ско, что и не сказа'ть будёт». Сама хозяйка всегда проявляла скромность, говоря: «Да уж какая я точея'». Для оценки было важно, насколько ровные кромки, как подобраны цвета, да и сама ткань не должна быть рыхлой, или, как говорили, *лямови'той*. В Словаре А.В. Громова это подтверждается примером: «У хорошей тоцеи тканё идет уставно, не захлэстываёт, кромки ховста – как ремешки» [Громов 2016: 86].

Подготовка и сам процесс ткачества органично входил в годовой круг крестьянской жизни, где каждому занятию отводилось свое время. Пряли обычно зимой, для этого занятия не обязательным было хорошее освещение. В Словаре А.В. Громова упоминается Филиппов, или Рождественский пост как благоприятное время для прядения [Громов 1992: 54]. Ткали обязательно весной, обычно во время Великого поста. Дело требовало сосредоточенности, внимания, а главное – хорошего освещения. В марте начинались длинные светлые дни, что было крайне важным, чтобы тщательно собрать ткацкий стан, поскольку от этого зависел весь дальнейший процесс. Убирали ткацкий стан до наступления весенних полевых работ.

Накопленный веками опыт древнейшего традиционного женского занятия не прошел даром. Лексика ткачества бытует в нашем языке. В переносном метонимическом значении широко употребляются слова *челно'к*, *осно'ва*, *снова'ть*. Принципы устройства ткацкого стана и навыки ручного ткачества легли в основу фабричного промышленного производства.

Литература и источники

Ганцовская Н.С. Региональная лексикография (словари поунженских говоров А.В. Громова) // Славянская диалектная лексикография: материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 36–37.

Герасимов С.С. К истории вохомских земель. Кострома: Б/и, 2010. 414 с.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛЬНОПРЯДИЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ЛЬНЯНОГО ПРЯДЕНИЯ:
О КНИГЕ Б.Н. ГОДУНОВА
«ЛЬНЯНАЯ НИТЬ ДЛИНОЮ В ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»**

О.Б. Панкратова

*Костромской государственной университет,
Кострома, Россия, pankratova_olga@ksu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-3461-1155*

Аннотация. В статье рассматриваются информационные (образовательные и научные) возможности книги «Льняная нить длиною в тысячелетия» Б.Н. Годунова, причины и повод ее появления; оценивается значимость данных «книги для чтения» о льняной отрасли, специальной технике и технологиях льняного производства, подчеркивается уникальность подхода к изучению данной темы и специфичность сведений книги.

Ключевые слова: инженер; инженерное искусство; льняная отрасль; льняное производство

**PHILOSOPHY OF THE DEVELOPMENT HISTORY
OF FLAX SPINNING EQUIPMENT AND LINEN SPINNING
TECHNOLOGIES: ABOUT B.N. GODUNOV'S BOOK
"LINEN THREAD MILLENNIUM LONG"**

O.B. Pankratova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. The article examines the informational (educational and scientific) possibilities of the book "Linen Thread Millennium Long" by B.N. Godunov, the reasons and reason for its appearance, evaluates the significance of data on the linen industry, special equipment and technologies of linen production, emphasizes the uniqueness of the approach to studying this topic and the specificity of the information in the book.

Keywords: engineer; engineering; linen industry; linen production

Слова о том, что трактаты и письма древних мыслителей, учёных и философов являются актуальными до сих пор, воспринимаются нами как правило, и читаются привычно. Но когда наш современник отмечает проблемы, которые станут актуальными через несколько лет, и мы сами становимся свидетелями этого, появляется желание назвать его провидцем или хотя бы человеком очень наблюдательным и прозорливым.

В 1995 году была издана книга под названием «Льняная нить длиною в тысячелетия», которая так «книгой» или «книгой для чтения»

и называлась и в библиографическом описании [Годунов 1995: 3], и в воспоминаниях об её авторе – Б.Н. Годунове [Кузнецов, Годунова 2003: 2, 164].

В введении к книге «Льняная нить...» её автор Борис Николаевич Годунов пишет, что «поскучнело толкование гордого и ёмкого ранее слова “инженер” в современном словаре русского языка и трактуется лишь как “специалист с высшим образованием”. Речь идёт о советских словарях периода развитого социализма. А вот у Даля – по-видимому, при трактовке коренной сути понятия – “инженер – это – учёный строитель сооружений различного рода”, “инженерный – к инженерам или к искусству их относящийся”, “инженерство – инженерное искусство”» [Годунов 1995: 5]. В какой-то степени это было актуально для советского времени, но мы должны констатировать абсолютную значимость данной проблемы и для сегодняшнего дня.

Именно сейчас пришло осознание того, что не готовит теперь высшая школа инженеров, а точнее, не идут учиться «на инженера», как говорили в советских деревнях бабушки, внуки которых шли покорять высшее образование.

Осознаётся и констатируется в современный момент ещё одна проблема – учебные планы инженерных образовательных программ должны быть наполнены гуманитарной подготовкой и мягкими компетенциями. Но автор книги «Льняная нить длиной в тысячелетия» в 1995 году уже писал об этом: «Может, поэтому и идёт сегодня в высшей школе крупный разговор о слабости гуманитарной подготовки специалистов в технических вузах, где срочно вводятся курсы по истории отечества, истории мировой культуры...» [Годунов 1995: 5] «О чём данная книга? – задаётся вопросом её автор. – Зачем, когда и почему она появилась?»

В предисловии книги написано, что автор собрал материалы по истории развития прядильной техники «из различных источников – диссертаций, научных монографий, статей, трудов краеведов, газет, научных журналов» [Годунов 1995: 3]. Но в публикации документов и материалов, которая была составлена коллегами, соратниками, друзьями Б.Н. Годунова и посвящена ему, профессор, доктор исторических наук В.Л. Миловидов отметил следующее: «...не будучи инженером по образованию, он создал труд по истории мирового развития льнопрядильной техники и процесса механического производства льняной пряжи. И всё это на фоне отечественной и мировой истории» [Кузнецов, Годунова 2003: 113].

«Льняная нить длиной в тысячелетия» была создана по заказу будущего ректора, а в этот момент проректора по учебной работе

университета Е.А. Смирнова и, как пишут в своих воспоминаниях сотрудники редакционно-издательского отдела КТИ, О.В. Тройченко и М.В. Киселёва, «была посвящена истории развития льнопрядильной техники» [Кузнецов, Годунова 2003: 152]. При анализе данного труда необходимо признать, что это не монография в полном смысле этого слова, так как исследование монографического характера должно нести в своём содержании абсолютное, новое и доказанное знание. В этой книге нет абсолютно новых научных знаний, хотя период работы автора над этой книгой включает годы и огромный пласт изученных источников и литературы, но есть новая философия и логика подачи материала.

В исторической науке то, что сделал автор исследования «Льняная нить длиною в тысячелетия», называется историографией вопроса, т.е. определением всего объёма информации монографий, публикаций и статей по вопросу о становлении льняного дела и пониманием степени изученности проблемы. Вот эта степень и была глубоко изучена Б.Н. Годуновым – от серьёзных монографий по истории ткацкого производства [Автольон 1909] до краеведческой литературы [Барыков 1909, 1914]; от журналов [Вестник... 1924] до чисто исторических исследований [Дюбюк 1921] и профессиональных производственных монографий [Иванова, Трегубова 1964].

В рецензии к книге, профессор З.В. Брагина, директор Костромского научного института исследования льняного производства КНИ-ИЛП, написала, что в тексте обращения к читателю «автор, более чем скромно, пишет, что все факты... сложил в книгу... и называет себя автором-составителем, но после прочтения хочется сказать – не автор-составитель, а автор – создатель образа инженера во всём многообразии возможностей этой профессии и проявлений его роли в развитии промышленного производства и, в первую очередь, текстильного...» [Годунов 1995: 65].

Положительно отзывались о книге и производственники, например, начальник отдела АО «Костромское СКБТМ» В.А. Козлов: «Эта книга описывает длительный путь преобразований по времени и пространству техники текстильного машиностроения, при этом наиболее подробно описана техника для производства льняных изделий. Лён – наиболее древний из текстильных материалов и, как ни странно, наименее изученный...» [Годунов 1995: 67].

Б.Н. Годунов в своём исследовании задумывается над историко-философскими вопросами о причинах изобретения нового: когда это диктуется внешней средой и внешними условиями, а когда внутренними законами развития техники и логикой движения науки? Автор,

отвечая на эти вопросы, создаёт не просто историю становления льняного производства, а философию «истории мирового процесса развития льнопрядильной техники и технологии льняного прядения на историческом пространстве от первобытного состояния человечества и древнего мира через средние века и все стадии становления и развития капиталистических отношений до 30-х годов нашего столетия (XX в. – *О.П.*), работ И.Д. Зворыкина» [Годунов 1995: 57].

Сам автор приглашает студентов к «поиску правды о многовековой борьбе нового со старым, борениях гения и мастера на путях прогресса... к знакомству с родословием прядильных машин и аппаратов в льняной отрасли текстильного производства, чтобы понять, какие корни питали ветви, на которых зрел плод современного вытяжного прибора, веретена... постичь, из какого семейства раскладочная, ленточная, ровничная машины, чтобы увидеть, что представлял из себя сам ствол этого дерева – прядильный аппарат для переработки льняного сырья в процессе эволюции» [Годунов 1995: 7].

Среди рассказов о том, как развивалось прядильное производство от «начала нити», примитивной прядильной техники и первого ткацкого производства к созданию машинного прядения льна в Англии, Франции и России, Борис Николаевич в рубрике «Между строк», пытается разобраться и в происхождении, хитросплетении лексических единиц, например, *лён, шёлк, волокно, хлопок*. «Слово “хлоп”, означающее “клок”, т.е. то, что отбито, оторвано от чего-то целого, существовало (да существует ещё и теперь) во многих славянских языках. Видно, что от слова “хлоп” до “хлопок” только маленький шаг: нужно добавить лишь суффикс “-ок”. А получившееся таким образом слово – “хлопок” – довольно точно отображает “клочковатость сырья”, из которого создаётся ткань» [Годунов 1995: 17].

Б.Н. Годунов подчеркивает, что история науки и техники может работать на повышение «напряжения инженерной мысли», «архива инженерного интеллекта». «История техники, если ею заниматься профессионально, может сказать – как возникает конкретное знание, как это знание или его возникновение соотносится с культурой общества, с его экономическими, социальными, политическими и религиозными характеристиками, нравственными критериями...» [Годунов 1995: 250].

В таком подходе к повествованию и объяснению будущему инженеру сути самого производства появляется что-то живое, делающее его дальнейшее занятие одушевлённым, интересным, связанным с общей историей становления языка, культуры, ремёсел, производства в целом и своей профессии в частности.

Литература и источники

Автаьлон А. Борьба хлопка и льна / пер. с фр. Москва: Изд-во Всероссийского общества льнопромышленников, 1909. 184 с.

Барыков В. Ткацкий промысел. Кострома: Кустар. отд-ние Костром. губ. земства, 1914. [2], 49 с. (Кустарные промыслы Костромской губернии).

Барыков В. Льняная крестьянская промышленность Костромской губернии. Кострома: Костром. губ. земство, 1909. [2], 68 с.

Борис Николаевич Годунов. Библиографический словарь. Выпуск XIX / авт.-сост. Г.К. Кузнецов, И.К. Годунова. Кострома: Изд-во Костромского государственного технологического университета, 2003. 249 с. (Ученые КГТУ).

Вестник льняного дела. 1924. № 1–10.

Годунов Б.Н. Льняная нить длиною в тысячелетия. Кострома: Изд-во Костром. технол. ун-та, 1995. 260 с.

Дюбюк Е.Ф. Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века // Труды Костром. науч. об-ва. Вып. 23. Кострома, 1921. [2], 173, III с.

Иванова В.Н., Трегубова Б.Л. Пути интенсификации производства тканей. Москва, 1964.

УДК 81'28:374

КУЛЬТУРЕМА «ЛЁН» КАК СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Н.В. Большакова

*Псковский государственный университет,
Псков, Россия, bolshakova55@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению междисциплинарного понятия культуремы на материале социального проекта регионального значения. Тематической доминантой проекта является культурема «Лён» как реалья, имеющая онтологическую значимость для Псковского региона. В работе раскрываются принципы диалектного словаря, посвящённого ткачеству, на псковском региональном материале.

Ключевые слова: традиционная культура; культурема «Лён»; диалектный словарь ткачества; псковские говоры

CULTUREMA "FLAX" AS THE SEMANTIC DOMINANT OF A SOCIAL PROJECT

N.V. Bolshakova

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the interdisciplinary concept of culture based on the material of a social project of regional significance. The thematic dominant of the project is the culturema "Flax" as a reality that has ontological significance

for the Pskov region. The paper reveals the principles of a dialect dictionary dedicated to weaving on the Pskov regional material.

Keywords: traditional culture; culturema "Flax"; dialect dictionary of weaving; Pskov dialects

Диалектный словарь, посвящённый псковскому льну [Псковский лён 2022], создан в рамках социального проекта «Традиционная культура как основа национально-культурной самоидентификации молодых жителей региона». Тематической доминантой проекта явилась культурема «лён», за которой стоит реалия, имеющая онтологическую значимость для Псковского региона. Псковщина исторически являлась льноводческим краем, хозяйственная и культурная деятельность в котором была связана с возделыванием, обработкой и использованием льна. С ним связана не только культура повседневности, но и праздничная, обрядовая культура. Несмотря на то, что лён в прошлом выращивали во многих губерниях России, Псковщина издавна известна как преимущественно льноводческая, чему способствовали природные условия и особенности почв. Лён, занимавший значительную часть посевной площади, культивировался и как волокнистая культура, и как масличная. «75 % льна, поступавшего в Петербургский порт для продажи за границу, привозили из Псковской губернии» [Корольков 2020: 202], а «семя псковское во всех губерниях, где занимаются льноводством для получения волокна, считается для посева самым лучшим» [Василёв 1872: 167]. Видное место Псковского края в производстве столь важной культуры и дало «название Псковской губернии – льняной», откуда «льняное веяние распространяется в другие губернии... России» [Строкин 1882: 4]. Исходя из содержания приведённой в тексте цитаты можно предположить, что распространённое сейчас выражение «льняная губерния» своим рождением может быть обязано Н.А. Строкину, деятельность которого в должности секретаря Псковского губернского статистического комитета высоко оценивается историками и краеведами.

Созданный словарь является региональным по источникам материала, которыми явились в первую очередь «Псковский областной словарь с историческими данными» и его картотека [ПОС; КПОС], а также материалы Псковского фольклорно-этнографического архива. Используются данные ранее созданных на псковском диалектном материале тематические словари [Народная вышивка 2018; Традиционный быт 2012]. В силу широкой распространённости ткачества многие местные термины этого ремесла имеют междиалектный

и даже общерусский характер [Батырева 2013; Бахвалова 2016; Блинова 1964; Громов 1992; Королькова 2018; Михайлова 1970; Чумакова 1995]. Эта особенность ремесленной терминологии позволяет ещё ярче выявить локальную специфику на фоне общих или инодиалектных языковых явлений и стоящих за ними реалий и понятий.

Ткачество представляет интерес для этнографов и искусствоведов, так как даёт богатейший материал для изучения местных художественных традиций. Поэтому в своей лексикографической работе мы использовали этнографические данные [Шубина 1998]. К этнографическому описанию привлекаются также данные других словарей, в частности сводного диалектного «Словаря русских народных говоров» [СРНГ]. Высокой степенью информативности обладает сам языковой материал: данные словаря и картотеки (где могут содержаться пояснения собирателей и выполненные в полевых условиях схематические рисунки).

Словарь «Псковский лён» организован по тематическому принципу. Корпус его словника составляет субстантивная лексика, объединённая в 4 основные группы. Открывается словарь разделом, в котором объединены названия домашнего ткацкого станка, его частей и деталей. Снование хотя и является отдельным действием, но тесно связано с самим ткачеством, так как направлено на изготовление основы для заправки ткацкого станка. В связи с этим наименования, связанные с процессом и результатом снования, включены в раздел о ткацком станке. Далее идёт раздел, посвящённый разным видам тканей в зависимости от техники ткачества и от назначения. Отдельно представлен раздел, называющий узоры на домотканом полотне. Затем выделены сводно представленные народные наименования тканых изделий крестьянского быта: полотенца, скатерти и др. Завершается словарь тематическим блоком наименований одежды из домотканого полотна.

Таким образом, в словаре объяснено и проиллюстрировано данными из псковской народной речи и фольклора более 300 наименований, тематическая группировка которых позволяет представить весь предметно-понятийный комплекс ткачества через языковое выражение.

Словарная статья имеет особое строение, цель которого – показать широкую вариативность диалектной номинации. В заголовке словарной статьи находится слово-название (иногда – словосочетание) этнографической реалии, отмеченное в псковской диалектной речи и/или в записях фольклорных текстов. Если это слово общерусское, то в качестве инвариантного берётся общерусская форма:

ЧЕЛНО́К – чело́нок, челонóк. В случае собственно диалектных наименований (а таких фактов большинство) леммой признаётся наиболее употребительный в говорах вариант, как это принято и в традиционных диалектных словарях: **ВОСЬМИКЕ́ПИНА** – восьмитéпина, восьникéпина, восьмикáпина, вусьникéпина, усьмикéпина. То же касается и фактов словообразовательных параллелей: **ПЕ́СТРЯДЬ** – пестре́ц, пестрица, пестричь.

Энциклопедическое толкование слова-реалии представляет собой описание разной степени подробности. Завершается комментирующая часть пояснением диалектной мотивации или этимологией слова, указанного в заголовке. Приведём пример словарной статьи (с сокращением иллюстративной части), которая даёт представление о разнообразии материала и оригинальном характере его представления в словаре.

ПОНО́ЖА (ПОНО́ЖИ). Ножная педаль ткацкого стана, с помощью которой управляют нитами (*кепами, ниченками*). Поножа представляет собой деревянный брусок, соединённый одним концом с нитами и служащий для их перемещения вниз и вверх. Переступая по поножам, ткачиха попеременно поднимает и опускает ниты, так чередуются нити в ткацком станке. От этой детали зависит ширина полотна. Действие понож влияет на рисунок холста.

► Слово *поножа* образовано при помощи приставки и чередования согласных корня (г//ж) от основы слова *нога*. На фоне других производных (*поножны, поножье*) слово может быть рассмотрено как префиксально-суффиксальное образование с нулевым суффиксом. Поножи называются так потому, что служат для передвигания ниченок вверх-вниз с помощью ног.

Варианты ударения: поно́жа, поно́жа.

Морфологические варианты: поно́жа – ж.р., поно́жи – мн. ч.

Словообразовательные параллели: поно́жа / поно́жи, поно́женце, поно́женья, поно́жие, поно́жина, поно́жки, поно́жны, поно́жье.

* Привязываем панóжы. Остр. Баба сидит и руками и нагами прижимает, там панóжы. Н-Рж. Ф станке две панóжы есть. Гд. Поно́жны – пидáли ф станке. Гд. Там [в ставе] и панóжье и вяре выч-ки есь. Н-Рж. Падношка нагам прибира́ть – панóжье. Пск. Челоно́к ф сире тку пихайш, ёта кагда зеф, кагда на адной панóжы стайш. Пск. <...>

В устойчивых сочетаниях. ◊ Ходить по поно́жам (по поно́жиям, по поно́жкам, по поно́женья). ◊ Ходить по ставу. Попеременно нажимать ногами на педали ткацкого станка. * Панóжыя, па ним хадили, на панóжу фстаниш. Порх. Нада в ёгу ниченку сто́лько

вдева́ть, по поно́шкам то́жэ о́собо ходи́ть на́да. Пл. На́белкам на́да хлопну́ть, па пано́жам забыва́иш ходи́ть. Оп. Ходи́ш па пано́жныни и тке ш. Печ. * Хадить па ставу́ – э́та пано́жыя. Порх. ◇ То́лько поно́жи мелька́ют – ‘о быстром, ловком умении ткать’. * Ли́ха тка́ла яна́, то́льки пано́жы мялька́ли. Пушк.

В фольклоре. [Сказка] А она [девка] не знала, что сваты́ придут. Она (холстинку раньше самы ткали), и яна сидить и юбку протре, а матка: «Протрешь! (Всё по поножам ходить, и двигаешься.) Протрешь ситцевик!» Пушк.

Таким образом, словарь, будучи по своим основным источникам диалектным, одновременно объединяет в себе этнографические сведения (что для ремесленной лексики является необходимым) и демонстрирует широкий диапазон функционирования «льняных» лексем в диалектном и фольклорном дискурсе. Так, культурама «Лён» с её богатой символикой раскрывается в единстве её материальной и духовной составляющих. Дополняет картину краткий лингвоэтнографический очерк, посвящённый возделыванию, обработке и значению льна для Псковского края. Завершается издание цветными иллюстрациями, представляющими местные традиции ткачества. Фото подлинных тканых изделий, старинного ткацкого станка и его деталей в соединении с диалектным дискурсом позволяют целостно представить картину традиционного уклада жизни как культурной ценности.

Литература и источники

Батырева Л.П. Лексика льноводства, прядения и ткачества в говорах Ивановской области. Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПИУ», 2013. URL: <https://rucont.ru/efd/204927> (дата обращения: 37.08.2022 г.).

Бахвалова Т.В. Лексика ткачества орловских говоров: названия артефактов с нумеральной корневой морфемой // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 43–50.

Блинова О.И. Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби // Лингвистический сборник (Труды ПГУ им. В.В. Куйбышева. Серия лингвистическая. Т. 174). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. С. 48–58.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Униже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Корольков О.П. Центральное товарищество льноводов и псковская кооперация // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2020. № 52. С. 202–217.

Королькова М.Д. Ремесленная лексика русских говоров Присурского Поволжья: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018. 394 с.

КПОС – Картоотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете).

Михайлова Л.П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: Ленингр. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1970. 24 с.

Народная вышивка – Народная вышивка в псковской диалектной речи, фольклоре и образцах народного искусства: иллюстрированный словарь с комментариями / под общ. ред. Н.В. Большаковой; сост.: Н.В. Большакова, Н.А. Бочина. Псков: ЛОГОС, 2018. 136 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Ленинград/Санкт-Петербург: ЛГУ/СПбГУ, 1967–2021.

Псковский лён – Псковский лён в диалектной речи, фольклоре и образцах традиционного ткачества: иллюстрированный словарь с комментариями / авт.-сост. Н.В. Большакова. Псков: Конкорд, 2022. 177 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021.

Строкин Н.А. Льноводство Псковской губернии: Издание Псковского губернского статистического комитета по поводу Всероссийской Промышленно-художественной выставки 1882 г. в Москве. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1882. 39 с.

Традиционный быт – Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н.В. Большакова. Составители: В.К. Андреев, Н.В. Большакова [и др.]. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. 284 с.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) / ред. Б.В. Горбунов. Рязань: Рязанский областной науч.-метод. центр народного творчества, 1995. 228 с.

Шубина Т.Г. Обработка льна и шерсти, прядение и ткачество // Историко-этнографические очерки Псковского края: монография / под ред. А.В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. С. 89–108.

Раздел II

*СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИКОН И БЕЛОРУССКИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

А.М. Мезенко

Витебск, Республика Беларусь, mezenka1@yandex.ru

Аннотация. В статье определяется степень представленности регионального ономастикона в белорусских лексикографических изданиях, выявляются векторы дальнейшего развития региональной ономастической лексикографии. Делается вывод о том, что проанализированные лексикографические издания имеют важное теоретическое значение как для разработки проблемных вопросов современной ономастической лексикографии, так и для изучения ономастики в целом.

Ключевые слова: антропонимия; виконим; лексикография; ономастикон; регион; словарь; топонимия; урбаноним

REGIONAL ONOMASTIKON AND BELARUSIAN LEXICOGRAPHICAL EDITIONS: REPRESENTATION, VECTORS OF DEVELOPMENT

A.M. Mezenko

Vitebsk, Belarus

Abstract. The article determines the degree of representation of the regional onomasticon in Belarusian lexicographic publications, identifies vectors for the further development of regional onomastic lexicography. It is concluded that the analyzed lexicographic publications are of great theoretical importance both for the development of problematic issues of modern onomastic lexicography and for the study of onomastics in general.

Keywords: anthroponymy; viconym; lexicography; onomasticon; region; dictionary; toponymy; urbanonym

Лексикография, возникшая в связи с потребностями общества (необходимостью лексической правки церковных текстов, толкования непонятных слов и др.), является продуктом многих столетий. Несмотря на то, что в начале XXI в. она уже оформилась в самостоятельную междисциплинарную науку, обладающую своим объектом и предметом исследования, обсуждение проблем региональной лексикографии в настоящее время продолжает оставаться актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, при изучении проявления глобализации, превратившей оппозицию «глобальное versus локальное» в квинтэссенцию современной научной парадигмы, и ее влияния на языковое, культурное и др. пространство локальный компонент выступает основной исследовательской единицей, способной отразить уникальность

регионального материала. В ономастике рубежа XX–XXI вв. региоцентрический подход, в рамках которого активно разрабатывается и локальная лексикографическая проблематика, заметно превалирует. Во-вторых, несмотря на наличие небольшого числа работ, затрагивающих вопросы, связанные с теорией и историей лексикографии, в условиях современной информатизации общества значимость словарей неуклонно повышается, поскольку они не только фиксируют совокупность человеческих знаний в определенную эпоху, но и выступают эффективным инструментом научного познания. В-третьих, своевременность исследования определяется его общественно-практической значимостью: количество издаваемых ономастических словарей свидетельствует о возрастающем интересе населения к проблемам номинации новорожденных и географических объектов. В-четвертых, предлагаемая работа впервые репрезентирует особенности представленности онимии северо-восточного региона Беларуси сквозь призму лексикографических источников.

Выбор ономастикона Витебщины в качестве объекта исследования неслучаен и продиктован несколькими обстоятельствами. Витебская область, занимающая первое в Беларуси место по количеству и площади озер, составляет преобладающую часть территории Белорусского Поозерья, одного из важнейших регионов Беларуси. Витебщина – колыбель белорусской государственности. Именно здесь в IX в. появилось первое государственное образование на белорусских землях – Полоцкое княжество. В начале XX в. была сформирована витебская художественная школа, жили и творили Юрий Пэн, Марк Шагал, Казимир Малевич, Эль Лисицкий и др.

Цель данной статьи – определить степень представленности регионального ономастикона в белорусских лексикографических изданиях, выявить векторы дальнейшего развития региональной ономастической лексикографии.

Воспользовавшись периодизацией истории белорусской ономастической лексикографии, предложенной С.В. Шаховской, которая на основе ряда критериев выделила и обосновала три периода развития национальной ономастической лексикографии – пропедевтический (конец XIX в. – первая половина 1920-х гг.), период становления (вторая половина 1920-х – 1950-е гг.) и период интенсивного развития (1960-е гг. – начало XXI в.) [Шахоўская 2012: 38–39], отметим, что ономастикон Витебщины послужил материалом для создания одного из первых собственно белорусских ономастических словарей Ю.Ю. Трусмана [Трусман 1897].

Именно с ним связывают ученые зарождение белорусской лексикографической традиции.

В словаре подаются разнообразные сведения о названиях населенных пунктов Витебской губернии – городов, сельских поселений, рек и озер, – собранных из «писцовых книг» XVI в. Словарь включает более 6 500 словарных статей, в которых автор пытается провести этимологический анализ имен, нередко подменяя его простым перечислением языков, из которых, по его мнению, могли быть заимствованы топонимы.

Следует отметить, что многие из местных названий Витебщины, приведенные в словаре Ю.Ю. Трусмана, девятью годами ранее, в 1888 г., были объектом внимания И.Я. Спрогиса и его «Географического словаря Жомойтской земли XVI столетия» [Спрогис 1888], о заимствовании которых из последнего сообщал сам Ю.Ю. Трусман [Трусман 1897: 1].

К пропедевтическому периоду относится и одна из первых попыток лексикографирования антропонимикона Витебщины в словаре «Князья литовско-русские» [Kniaziowie 1895], в частности, в его части под названием «Наследники князей полоцко-витебских», где приводятся антропонимы, иногда указание на их разновидность, этимологическая информация об имени, а также исторические сведения о лице, которому принадлежало имя.

Кроме оригинальных лингвистических и энциклопедических словарей первого периода развития белорусской ономастической лексикографии, ономастикон Витебщины нашел фиксацию также в официальных справочно-адресных ежегодниках «Памятные книжки Витебской губернии», издававшихся с 1861 до 1914 г.; списках статистических комиссий начала XX в., в частности, в «Списке населенных мест Витебской губернии (2-е дополн. изд. 1906 г.)», «Спісе сельсаветаў БССР» (1930 г.) и др. Хотя, по мнению ученых-топонимистов, они не в полной мере отвечают общепринятым принципам создания лексикографических изданий, формально к ним приближаются, поскольку включают большое количество белорусских (и в частности витебских) топонимов, расположенных в алфавитном порядке [Шахоўская 2012: 48].

Несмотря на то, что приведенные словари, книжки и списки указанного периода характеризуются рядом недостатков, важно, что в них впервые было введено в научный оборот значительное количество витебских топонимов и антропонимов.

Во втором этапе становления белорусской ономастической лексикографии, совпавшем с динамичным развертыванием белорусизации,

важной задачей стало создание нормативного толкового словаря живого белорусского языка, невозможного без предшествующего сбора лексического материала. Неслучайно поэтому в указанный период ономастикон Витебщины находит свою фиксацию в издании Н.И. Касперовича «Віцебскі краёвы слоўнік» [Касьпяровіч 1927], явившемся одним из первых опытов целенаправленного сбора географических названий Беларуси. В словаре представлены 289 мужских и женских имен, отдельные топонимы. Следует подчеркнуть, что автор подает личные имена не только в официальной, но и в уменьшительно-ласкательной форме, а также приводит их официальные соответствия в русском языке. Важно также, что Н.И. Касперович толкует широко распространенные среди белорусов андронимы, таким образом расширяя представленность типов и групп онимной лексики.

Витебский онимный материал в этот период активно включался в различные словари, справочники и списки, издававшиеся за пределами БССР. В частности, в «Списке губерний и уездов РСФСР, СССР и УССР» [Список губерний и уездов] приводится часть топонимов края, поскольку Витебская область в 1922 г. являлась территориально-административной единицей РСФСР.

В целом в этот период происходило накопление опыта по разработке принципов систематизированного представления витебского топонимного и антропонимного материала.

Период интенсивного развития белорусской ономастической лексикографии для презентации ономастикона Витебщины важен тем, что в результате деятельности Белорусской ономастической школы, основанной в начале 1960-х гг. Н.В. Бирилло, а в 1999 г. региональной Витебской ономастической школы под нашим руководством, ономастика, по словам В.П. Лемтюговой, «поднимается на принципиально новый научный уровень своего развития» [Лецюгова 2004: 108].

В 1974 г. ономастикон Витебщины становится источником материала для «Краткого топонимического словаря Белоруссии» В.А. Жучкевича [Жучкевич], в котором, используя современные для того времени методы обработки топонимной лексики, автор предлагает этимологическую характеристику названий городов, сел, рек и озер Витебской области.

Именно с каталогизации топонимов Витебской области (6 928 ойконимов) в 1977 г. началось издание Е.Н. Рапановичем шеститомного ойконимического труда – серии словарей по всем областям страны [Рапановіч 1977]. Важно, что, кроме существующих,

в словари включены названия населенных пунктов, уничтоженных во время Великой Отечественной войны, а также географических объектов, присоединенных к иным территориальным единицам, в результате чего они перестали существовать в качестве самостоятельных.

Фамилии древних белорусских, в частности оршанских, дворянских (шляхетских) родов и землевладельцев Оршанского повета XIX в., сведения о роде, гербе, местонахождении родового имени, варианты фамилий приведены З. Деденко в словаре «Аршанская шляхта» [Дзядзенка 1996]. В работе, опубликованной в 1996 г., приводится информация исключительно о мужчинах, имена которых вынесены в реестр, поскольку «шляхетское достоинство», как известно, традиционно передавалось по мужской линии.

Следующим по времени издания стал справочник «Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в.» [Мезенко 2003], представляющий собой первый опыт унификации урбанонимов в национальной ономастической лексикографии. В нем исследованы и этимологизированы сотни названий улиц, переулков, валов, концов, спусков, трактов большого числа поселений Витебщины с XIV, а в отдельных случаях и с XII в.

Словарем, зафиксировавшим не только ойконимы Витебщины в национальной форме, но и их дериваты – адъектонимы и катойконимы, употребляемые в устной речи жителей региона, публицистике и делопроизводстве, – стал «Словарь оттопонимных дериватов Витебщины» [Генкін 2005]. Важно, что в этой работе нашли разграничение стилистические варианты онимов, определено их нормативное написание.

Нормативным справочником, в котором кодифицированы национальные формы витебских топонимов, исправлены ошибки и искажения, допущенные в предыдущих изданиях, стал один из серии словарей «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь» [Назвы населеных пунктаў 2009]. В него вошли все существующие по состоянию на 2009 г. названия населенных пунктов Витебской области, а также приведены списки названий, которые по разным причинам не употребляются в языке.

Первый полный свод урбанонимов и виконимов Витебщины, включающий названия внутригородских и внутрисельских объектов всех без исключения городов, городских поселков областного и районного подчинения, а также деревень, в которых есть названия линейных и территориальных объектов, можно

найти в двухтомном издании А.М. Мезенко «Віцебшчына ў назвах вуліц» [Мезенка 2008]. Издание включает три раздела: сам свод внутригородских и внутрисельских названий; этимологический справочник, в котором приводятся сведения о культурно-историческом наследии каждого района, известных людях, родившихся или какое-то время проживавших в названном районе, о найденных здесь памятниках письменности и др.; сквозной реестр урбанонимов и виконимов. В качестве отдельной рубрики «Урбанонимиконы предшествующих синхронных срезов» представлены утраченные внутригородские наименования Витебщины былых времен, приведены факты переименований.

Подводя итог, следует отметить, что с момента возникновения в 1880-х гг. традиции целенаправленного лексикографирования белорусского онимного материала была исследована и кодифицирована заметная часть ономастикона северо-восточного региона страны. При этом отмечается неодинаковый уровень представленности разных типов онимных единиц.

Самой высокой степенью лексикографической обработки отличается ойконимия региона, зафиксированная в крупных национальных словарных проектах, к числу которых относятся «Словарь названий населенных пунктов Витебской области» Е.Н. Рапановича, «Названия населенных пунктов Республики Беларусь: Витебская область», созданный под руководством и редакцией В.П. Лемтюговой, разнообразных справочниках, в которых отдельно систематизированы названия населенных пунктов области. Высокая степень лексикографирования характеризует урбанонимию и виконимию региона, а также отонимные образования – адъектонимы и котайконимы Витебщины.

Что же касается антропонимии исследуемой территории, то она, составив заметную часть лексикографических изданий Н.В. Бирилло [Бірыла 1966; Бірыла 1969; и др.], до настоящего времени отдельной систематизации и лексикографической кодификации не получила. Подобная оценка относится также к гидронимии и онимной лексике писателей Витебщины, нуждающимся в неотложном лексикографическом описании. Именно они и составляют главные векторы развития региональной ономастической лексикографии.

Таким образом, проанализированные лексикографические издания, являясь документами, включающими в свой состав значительную часть онимной лексики, функционирующей на территории исследуемого региона, имеют важное теоретическое значение как

для разработки проблемных вопросов современной ономастической лексикографии, так и для изучения ономастики в целом.

Литература и источники

Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія: уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. 327 с.

Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія: прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. 508 с.

Генкін У.М. Слоўнік адтапанімных дэрыватаў Віцебшчыны. Віцебск: ВДУ, 2005. 235 с.

Дзядзенка З. Аршанская шляхта. Мінск, 1996. 64 с.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: БГУ, 1974. 447 с.

Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік / пад рэд. М.Я. Байкова і Б.І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск: Заря Запада, 1927. 371 с.

Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa: Druk. J. Filipowicza, 1895. 698 s.

Лемцюгова В.П. Дасягненні і перспектывы // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі: матэрыялы II міжнароднага навучнага канферэнса «Славянская ономастыка в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах» (Гомель, 11–12 ноября 2004 г. / Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2004. 304 с.

Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. Віцебск: ВДУ, 2008.

Мезенко А.М. Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в. Минск: Вышэйшая школа, 2003. 301 с.

Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нармат. даведнік / пад рэд. В.П. Лемцюговай. Мінск: Тэхналогія, 2009. 669 с.

Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / пад рэд П.П. Шубы. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. 504 с.

Список губерний и уездов РСФСР, СССР и УССР. Москва: Ред.-изд. Секция НКВД, 1922. 20 с.

Спрогисъ І.Я. Географический словарь Жомойтской земли XVI столѣтия. Вильна: Тип. И.Я. Яловцера, 1888. 364 с.

Трусман Ю.Ю. Этимологія мѣстных названій Витебской губерні. Ревель: Типографія Г. Матизена, 1897. 331 с.

Шахоўская С.У. Беларуская анамастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця. Мінск: Красная звезда, 2012. 258 с.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОДОНИМОВ
БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА ГРОДНО
И УЗБЕКСКОГО ГОРОДА ТЕРМЕЗА**

И.Л. Копылов, Т.Н. Одинаев

*Институт языкознания имени Якуба Коласа
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь,
iharkap@gmail.com, odinaevphd@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лексикографического описания названий линейных объектов. На примере наименований улиц, переулков и площадей двух городов (Гродно, Республика Беларусь и Термез, Республика Узбекистан) описывается структура словарной статьи словарей годонимов: зона номинации и идентификации, зона вариантов, зона информации об административно-территориальной принадлежности, зона мотивации, зона экстралингвистической информации.

Ключевые слова: годоним; словарная статья; номинация; аллоним; административно-территориальная принадлежность; экстралингвистическая информация

**LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF GODONYMS
OF THE BELARUSIAN CITY OF GRODNO
AND THE UZBEK CITY OF TERMEZ**

I.L. Kopylou, T.N. Odinaev

*Branch «Institute of Linguistics named after Yakub Kolas»
of the State Scientific Institution «Center for the Belarusian Culture, Language
and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus»,
Minsk, Belarus*

Abstract. The article discusses the features of the lexicographic description of the names of linear objects. In the example of the names of streets, lanes and squares of two cities (Grodno, the Republic of Belarus and Termez, the Republic of Uzbekistan), the structure of the dictionary entry of godonym dictionaries is described: the nomination and identification zone, the variants zone, the zone of information about administrative-territorial affiliation, the zone of motivation, the zone of extralinguistic information.

Keywords: godonym; dictionary entry; nomination; allonym; administrative-territorial affiliation; extralinguistic information

Проблема лексикографической систематизации онимного материала находится в центре внимания ученых-ономатологов разных стран. Свидетельством этого являются многочисленные бумажные и электронные словари, справочники и каталоги, в которых отражены разные аспекты собственных имен: этимология, написание и произношение, грамматические свойства, особенности межъязыковой

передачи. Каждый разряд онимной лексики имеет свою специфику лексикографического описания. Принципы составления словаря топонимов должны вырабатываться с учетом их функций и характерных признаков: названия линейных объектов выполняют адресную функцию, являются своеобразным ориентиром в городском пространстве, формируются под воздействием комплекса факторов (исторических, этнографических, географических, лингвистических, политических, социально-экономических и др.). Кроме того, названия улиц и площадей в большой степени подвержены общественным и идеологическим влияниям, что делает их самым динамичным и изменяемым пластом онимной лексики. Важной особенностью топонимов является то, что они содержат информацию о культурно-исторических ценностях социума, его традициях, устоях, психологии людей.

В российской ономастике уже накоплен значительный опыт по созданию словарей названий улиц и площадей разных городов: Москвы [Имена московских улиц 2007, Географические названия в Москве 1985], Санкт-Петербурга [Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга 2013; Горбачевич, Хабло 1985; Городские имена сегодня и вчера 1990], Великого Новгорода [Зайцев, Кушнир 1980; Запольская, Моисеев 2010], Красноярска [Город имен 2013; Красноярск современный 1995], Пскова [О чем рассказывают городские названия 2012], Томска [История названий томских улиц 2004], Старой Руссы [Горбаневский, М. В., Емельянова 2004]. Плодотворно топонимическая лексикография развивается и в Беларуси [Біяграфія гарадзенскіх вуліц 2012; Саяпин 2016; Мезенка 2018]. В Узбекистане также проводились исследования, посвященные словарному описанию топонимии узбекских городов: города Карши [Нафасов 2008], Ташкента [Караев 1991], Маргилана [Латыпов 1975], Самарканда [Рахматов 1973].

В рамках исследования «Белорусская и узбекская урбанимия в сопоставительном аспекте (на материале названий внутригородских объектов г. Термеза и г. Гродно) был проведен анализ локальных узбекской и белорусской урбанимических систем в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах с целью выявления сходства и национально-культурной специфики номинации линейных внутригородских объектов. В результате этого исследования были изучены архивные документы, материалы краеведческой литературы и картографических источников и на их основе прослежена эволюция топонимов Термеза и Гродно в разные исторические периоды, установлены принципы

номинации улиц данных городов, выявлена специфика структурной организации узбекских и белорусских топонимов, описана зависимость формирования топонимов от экстралингвистических факторов, выявлены лингвокультурологические особенности топонимикона. Как обобщающий результат работы планируется подготовка отдельных словарей топонимов каждого из городов. Словари имеют тождественную структуру.

С учетом специфики онимного материала и круга пользователей словарями (рассчитаны на работников органов государственного управления, туристов, преподавателей вузов, учителей общеобразовательных школ, школьников, студентов, краеведов, журналистов, историков, лингвистов) разработана их концепция.

Словарная статья содержит следующие зоны: зона номинации и идентификации, зона вариантов, зона информации об административно-территориальной принадлежности, зона мотивации, зона экстралингвистической информации. Каждая из зон является обязательной, но объем сведений в зоне экстралингвистической информации в каждой статье индивидуальный, зависит от объема сохранившейся исторической памяти о конкретном названии линейного объекта.

Зона номинации и идентификации. Опорным конструктом данной зоны выступает реестровое слово, включающее собственное наименование линейного объекта. Неотъемлемым компонентом зоны номинации выступает тип линейного объекта (номенклатурный термин). Собственное имя идет вначале, номенклатурный термин располагается в постпозиции. Простой идентификатор, выраженный географическим термином и указывающий на классификационную принадлежность объекта, дается в сокращенном виде: *ул. /бул. (улица/вуліца), пер. /зав. (переулок/ завулак); ko'ch. (ko'cha – улица), т. ko'ch. (muyulishli ko'cha –переулок), б. ko'ch. (berk ko'cha – тупик) и др.* Все топонимы размещаются в алфавитном порядке, в проприальной части в обязательном порядке указывается ударение. Названия улиц и площадей даются в стандартизированной форме, утвержденной на официальном уровне.

В словаре топонимов Гродно в зоне номинации названия улиц приводятся на двух государственных языках (белорусском и русском). Названия, существовавшие до принятия Закона «О наименовании географических объектов» (от 16 ноября 2010 г. № 190-З), передаются путем перевода с русского языка на белорусский или с белорусского языка на русский (в зависимости от языка, на котором было принято решение о присвоении наименования улице или ее переименовании). Названия, присвоенные улицам после

принятия данного Закона, даются на белорусском языке и способом транслитерации передаются на русский язык. Способы и правила передачи наименований географических объектов с белорусского языка на русский язык определяются “Технической инструкцией по передаче наименований географических объектов с белорусского языка на русский язык” [Техническая инструкция 2011]. На картах и при оформлении названий внутригородских объектов Беларуси широко практикуется передача топонимов буквами латинского алфавита. В связи с этим в реестровой части также дается название линейного объекта, транслитерированное в соответствии с нормами «Инструкции по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита» [Инструкции по транслитерации 2000, 2007]. На первом месте в словаре приводится белорусскоязычное название:

Блакiтны, зав. / *Блакитный*, пер. / *Blakitny*, zav.

Чыгуначны, зав. / *Железнодорожный*, пер. / *Čyhunačny*, zav.

Ласосна, вул. / *Лососна*, ул. / *Lasosna*, vul.

Міхася Васілька, вул. / *Михася Василька*, ул. / *Michasia Vasiłka*, vul.

Прынёманская, вул. / *Принёманская*, ул. / *Pryniomanskaja*, vul.

*Экзаты*чная*, вул. / *Экзотическая*, ул. / *Ekzatyčnaja*, vul.

В словаре топонимов Термеза приводятся названия улиц на узбекском языке, в скобках дается транслитерированное название в соответствии с «Инструкцией по русской передаче географических названий Узбекской ССР» [Инструкция по русской передаче географических названий 1981], а в квадратных скобках – перевод на русский язык:

Nafis m. ko'ch. (Нафис м. кач.) [Изящный пер.]

Ozodlik ko'ch. (Азадлык кач.) [ул. Свободы]

Dilnavo ko'ch. (Дильнаво кач.) [ул. Пленительного Ханева]

Avesto ko'ch. (Авеста кач.) [ул. Авесто]

Umar Xayyom ko'ch. (Умар Хайям кач.) [ул. Омара Хайяма]

Andijon ko'ch. (Андижан кач.) [ул. Андижанская].

Зона вариантов. В отношении топонимов более приемлем термин *аллоним*. Под аллонимами, согласно Ю.А. Карпенко, «понимаются разновидности собственного имени одного и того же объекта. Термином аллоним объединяются варианты собственных имен, то есть фонетические, морфологические, словообразовательные видоизменения имени с сохранением корневого его единства... а также ономастические синонимы или параллельные имена, то есть разнокоренные названия объекта. Аллонимы всегда так или иначе разграничены – хронологически, территориально,

функционально, экспрессивно [Карпенко 2004: 19]. История площадей и улиц Гродно и их названий в достаточной степени описана в работах историков и краеведов (работы Ю. Ядковского [Jodkowski 1931, Jodkowski 1932], Ю. Гордеева [Гардзееў 2013], В. Вашкевича [Біяграфія гарадзенскіх вуліц 2012], В. Саяпина [Саяпин 2016]), что дает возможность выявить хронологические аллонимы и отразить их в словаре. Современные официальные названия на белорусском и русском языках, а также годонимы, транслитерированные латиницей, даются через знак /, а существовавшие в разные исторические периоды аллонимы – через знак //.

Ажэшкі, вул. / *Ожешко*, ул. // *Новая Вертелишская дорога, Вертелишская улица, ул. Роскошь, ул. Садовая, ул. графа Муравьёва, Муравьёвская улица, Романовская улица, Murawieffstrasse, ul. Orzeszkowej, Ленинская улица, Adolf Hitler str., ул. Ожешковская, Элізы Ажэшкі**.

Одиннадцатого июля, ул. / *Адзінаццатага ліпеня*, вул. // *Архипрейский переулок, Мало-Садовый переулок, Александровский переулок, Szpitalny zaułek, zaułek Św. Mikołaja, Zum Grund*.

Замковая, вул. / *Замковая*, ул. // *ul. Żydowska z Rynku do Zamku (1560, 1790 г.), ulica Zamkowa idąc od Zamku w Rynek (1680 ul.), ulica Wielka Zamkowa + Św. Kazimierza (частично), Burgstr. + Brunnenweg (частично)*.

При наличии решений о наименовании и переименовании улиц приводятся ссылки на данные документы. В архивах нами выявлены решения исполнительных комитетов об отмене целого ряда названий, существовавших в определенный период, и возврате предыдущих. Например, Решение Исполнительного комитета Гродненского городского Совета депутатов и трудящихся от 5 августа 1944 года (рис. 1).

К сожалению, аллонимы названий улиц Термеза в достаточной степени не выявлены по причине отсутствия в настоящее время в нашем распоряжении архивных материалов. Имеющиеся данные позволяют привести в словаре только названия, существовавшие на момент провозглашения независимости Республики Узбекистан, т.е. по состоянию на 1991 год:

Istiqlol ko'ch. (Истиклол кач.) [ул. Суверенная] / *Советская*, ул.;
Nurliyol'1 ko'ch. (Нурлиоль кач.) [ул. Лучезарного пути] / *Коммунистическая*, ул.;

Samandar Termiziy ko'ch. (Самандар Тирмизи кач.) [ул. Самандара Тирмизи] / *Чкалова*, ул.

* Сведения о вариантах приводятся на основе данных книги «Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фаргоў да Каложы» в авторской подаче.

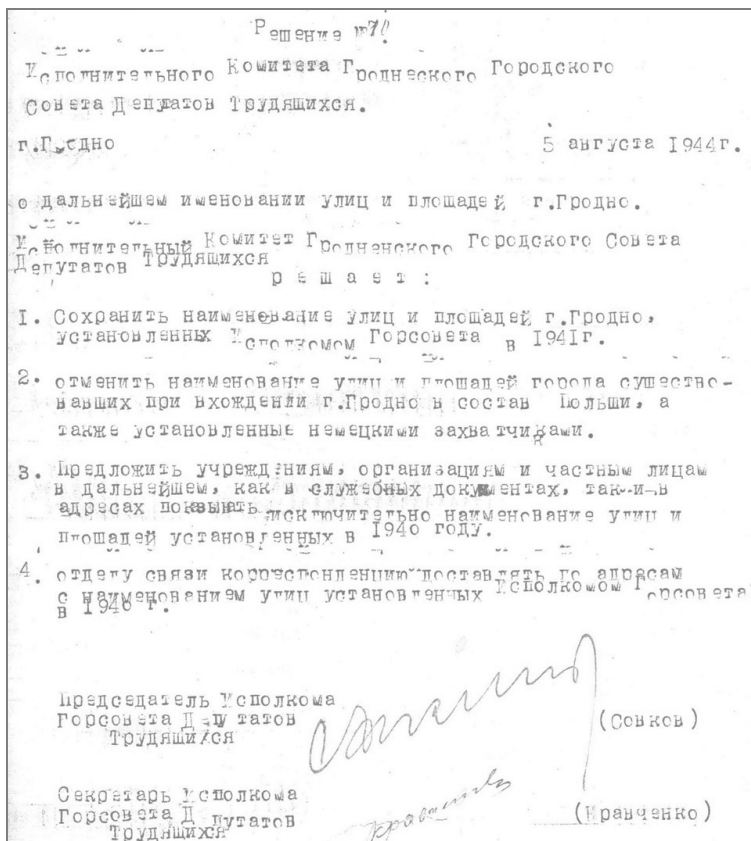

Рис. 1. Решение Исполнительного комитета Гродненского городского Совета депутатов трудящихся о дальнейшем именовании улиц и площадей г. Гродно

Зона административно-территориальной информации. В данной зоне приводятся сведения об административно-территориальной принадлежности улицы к району города и ее местоположению: напр.:

Гродно: *Вялікая Траецкая*, вул. / *Большая Троицкая* / *Vialikaja Trajckaja* <...> Улица находится в Ленинском районе Гродно, проходит от ул. Виленская до ул. Давыда Городенского <...>;

Лідская, вул. / *Лидская*, ул. / *Lidskaja* <...> Улица находится в Октябрьском районе Гродно, проходит от ул. Пролетарская до ул. Принёманская <...>.

Термез: **Qaldirg'och ko'ch.** (*Калдыргач кач.*) [ул. *Ласточки*] <...> Улица находится в махалле Pattakesar [Паттакисар], проходит от Qatortol ko'ch. [ул. Ивовой аллеи] до Yangikun ko'ch. [ул. Нового дня] <...>;

Toj mahal ko'ch. (*Тадж-Махал кач.*) [ул. *Тадж-Махальская*] <...> Улица находится в махалле Do'stlik [Дружба], проходит от Binafsha ko'ch. [ул. Фиалковая] до Tafakkur ko'ch. [ул. Мышления] <...>.

Зона мотивации. В данной зоне приводится информация о принципах мотивации линейного объекта: по отношению к другому значимому объекту, по связи с человеком, по присущим свойствам и качествам, по связи с абстрактным понятием, напр.:

Гродно: **Ласосна, вул. / Лососна, ул. / Lasosna, vul.** <...>. Название улицы мотивировано названием одноименной реки <...>.

Mitrapalita Filareta, вул. / Митрополита Филарета, ул. / Mitrपालिता Filareta, vul. <...>. В наименовании улицы увековечена память видного религиозного деятеля, первого Патриаршего Экзарха всея Беларуси, Героя Беларуси митрополита *Филарета* (Вахромеева Кирилла Варфоломеевича) <...>.

Халмистая, вул. / Холмистая, ул. / Chalmistaja, vul. <...>. В названии улицы отражены особенности рельефа <...>.

Хлебасольная, вул. / Хлебосольная / Chliebasolnaja, vul. <...>. В основу принципа номинации улицы положена ее связь с абстрактным понятием – национальные черты народа <...>.

Термез: **Amudaryo ko'ch.** (*Амударья кач.*) [ул. *Амударьинская*] <...>. Название улицы мотивировано гидронимом *Амударья* <...>.

Alisher Navoiy ko'ch. (*Алишер Навои кач.*) [ул. *Алишера Навои*] <...>. Наименование улицы увековечивает имя великого узбекского поэта XV в. *Алишера Навои* <...>.

Sarhad b. ko'ch. (*туп. Сархат*) [туп. *Граничный*] <...>. Название отображает функциональную нагрузку объекта <...>.

Xush kelibsiz 1-t. ko'ch. (*1-ы зав. Хуш келибсиз*) [1-й пер. *Добро пожаловать*] <...>. Название отражает национальные черты, духовные ценности народа <...>.

Зона экстралингвистической информации. Данная зона формируется за счет информации энциклопедического, исторического, этнографического и лингвокультурологического характера, напр:

Гродно: **Папаратнікавая, вул. / Папоротникова, ул. / Paparatnikavaja, vul.** <...> <Флористическое название: мотивирующей основой выступает наименование многолетнего травянистого растения>. Согласно белорусской мифологии цветок папоротника придает человеку магические качества: он начинает понимать язык

животных и растений, видеть сквозь землю спрятанные сокровища, лечить людей, узнает будущее. Предания о цветке папоротника очень распространены на территории Беларуси и связываются с купальским обрядовым комплексом [Беларуская міфалогія 2006: 366].

Дамініканская, вул. / **Доминиканская**, ул. / *Daminikanskaja*, vul. <...>. Улица сформировалась не позднее XV в. В 1560 году называлась «Улица со стороны Немецкого Рынка до Виленской». В XVII в. южную сторону занимали строения доминиканского монастыря. Площадями противоположной стороны владел «волпенский староста», Полоцкий воевода Казимир Ян Сапега. В западной части мог размещаться монастырь августинцев – самый старый католический монастырь Гродно (впервые упоминается в 1494 г.). В 1870-е годы на улице размещалось здание еврейского госпиталя, позднее – еврейский приют. До настоящего времени сохранился корпус бывшего доминиканского монастыря и несколько сильно переделанных эклектических строений [Біяграфія гарадзенскіх вуліц 2012:108, 109].

Карскага, вул. / **Карского**, ул. / *Karskaha*, vul. <...>. Меморативное название, дано в честь выдающегося ученого – лингвиста, литературоведа, фольклориста, палеографа, педагога, библиографа, общественного деятеля Евфимия Фёдоровича Карского (1861 – 1931). Е.Ф. Карский являлся организатором университетской и академической науки: работал ректором Варшавского университета, директором Музея антропологии и этнографии. Один из классиков белорусоведения. Является автором фундаментального исследования «Белорусы», в котором отразил историю формирования и развития белорусского языка <...> .

Термез: **Chinor** т. ko'ch. (*Чинар м. кач*) [пер. *Чинара*] <...>. <Флористическое название: мотивирующей основой выступает древесное многолетнее растение чинара (платан восточный), отличающееся большими размерами и долголетием>. В Сурхандарьинской области встречаются чинары возрастом более 800 лет. В узбекской культуре к растению относятся с почетом, а места, где растут чинары, считают святыми [Энциклопедия, 113] <...> .

Baqtriya ko'ch. (*Бактрия кач.*) [ул. *Бактрийская*] <...>. <Название улицы мотивировано топонимом>. Бактрия – историческая область в верхнем и нижнем течении Амударьи. Включала южные территории современного Таджикистана и Узбекистана, а также северную часть Афганистана. В VI – IV вв. до н. э. Бактрия входила в состав государств Селевкидов, Ахеменидов, Александра Македонского, а с III в. до н. э. в Греко-Бактрийское государство [Энциклопедия 162] <...> .

Sobir Termiziy ko'ch. (*Сабир Тирмизи кач.*) [ул. *Сабира Тирмизи*] <...>. Меморативное название, данное в честь узбекского поэта, ученого-мыслителя, государственного деятеля Сабира Тирмизи (1078–1151). В своей поэзии Тирмизи воспевал любовь, красоту родной природы, затрагивал проблемы воспитания, просвещения и нравственности. За высокий талант и мастерство слова был прозван «эмиром поэтов» [Кенжабек, 331] <...>.

Проведенный анализ системы лексикографического описания названий улиц и площадей Гродно и Термеза позволяет смоделировать окончательную структуру словарных статей словарей годонимов двух городов:

Гродно: **Багдановіча**, вул. / **Богдановича**, ул. / *Bahdanoviča*, vul. // *Средняя* (1892 г.), *Садовая* (1903 г.), *Gartenstr.* (1915), *Sadowa* (1922 г.), *Ogrodowa* (1926 г.), *gen. Litwinowicza, Richtofen*. Str. Улица находится в Октябрьском районе города Гродно, проходит от ул. 17 Сентября до ул. 1 Мая. Название меморативное: дано в честь белорусского поэта, переводчика, публициста, литературоведа; классика белорусской литературы, одного из создателей белорусской литературы и современного литературного белорусского языка Максима Богдановича.

Согласно справочнику «Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы», улица сформировалась в первой половине XIX в. как вторичный переулок на Новом свете. Застройка улицы всегда была неплотная, около домов росли красивые сады, что и обусловило одно из названий улицы – Садовая. В 1935 году решением городской Рады была названа в честь бригадного генерала Александра Литвиновича. В настоящее время на улице находятся Дом-музей Максима Богдановича, Дом Богенского (1885 года постройки), Дом Рейнгарда (построен в конце XIX в.), Дом Верблюнского (1890 года постройки) [Біяграфія гарадзенскіх вуліц 2012: 49, 50].

Термез: **Iso at-Termiziy**, ko'ch. (*Иса ат-Тирмизи кач.*) [ул. *Исы ат-Тирмизи*] / ул. 8-го Марта (1980 г.). Улица находится в махалле Majnuntol [Ива], проходит от Ibn Sino ko'ch. [ул. Ибн Сины] до Barkamol avlod ko'ch. [ул. Гармонично развитого поколения]. Название меморативное: дано в честь выдающегося исламского правоведа и хадисоведа, автора одного из шести самых авторитетных суннитских сборников хадисов («Сунан ат-Тирмизи») Исы ат-Тирмизи. В настоящее время на улице находятся здание Термезского археологического музея, Информационно-библиотечный центр имени Адиба Сабира Термизи, Дворец искусств и др.

Таким образом, в словарных статьях будут содержаться ценные сведения о названиях улиц в разные периоды, об исторических событиях, именах выдающихся людей, особенностях хозяйственной деятельности, религии, традициях духовной и материальной культуры белорусского и узбекского народов. В связи с этим словари топонимов городов Гродно и Термеза послужат источником комплексной информации лингвистического и экстралингвистического характера, что найдет широкое применение в сфере образования, науки, краеведения и туризма.

Литература и источники

Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2006. 599 с.

Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы. Гродна-Вроцлаў: Вроцлаўская навуковая друкарня, 2012. 123 с.

Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен. Санкт-Петербург: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2013. 1136 с.

Гардзеў Ю. Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.). Гародня, 2013. 189 с.

Географические названия в Москве. М.: Мысль, 1985. 226 с.

Горбаневский М.В., Емельянова М.И. Улицы Старой Руссы. История в названиях. Москва: Медя, 2004. 384 с.

Горбачевич К.С., Хабло Г.П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. 3-е изд., испр. и доп. Ленинград: Лениздат, 1985. 511 с.

Город имен. Красноярск: МП г. Красноярска «ИЦ «Городские новости», 2013. 276 с.

Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика. Ленинград: Добровольное общество любителей книги РСФСР, Ленингр. орг-ция / РПК «ЛИК», 1990. 160 с.

Зайцев И.А., Кушниц И.И. Улицы Новгорода: справочник. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград: Лениздат, 1980. 184 с.

Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода: справочник. Великий Новгород, 2010. 192 с.

Имена московских улиц: топонимический словарь. Москва: ОГИ, 2007. 608 с.

Инструкции по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита” (утверждена постановлением Государственного комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии Республики Беларусь от 23 ноября 2000 г. № 15; в новой редакции утверждена постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 11.06.2007 № 38.

Инструкция по русской передаче географических названий Узбекской ССР. Утверждена Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров ССР. – М., 1981. – 66 с.

История названий томских улиц. 2-е изд., доп. и испр. Томск: Издательский дом «D’Print», 2004. 401 с.

Караев С.К. Топонимия Узбекистана (социолингвистический аспект). Ташкент: Фан, 1991. 130 с.

Карпенко Ю.О. Алонім // Українська мова: енциклопедія. 2-е вид., випр. і доп. Київ: Українська енциклопедія ім. М.П. Бажана, 2004. 824 с.

Кенжабек М. Буюк Термизийлар: Термиз тазкираси. Тошкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2017. 528 с.

Красноярск современный: справочник. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. 256 с.

Латыпов Д. Топонимия города Маргилана и его окрестностей (лингвистический анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. Ташкент: Институт языка и литературы им. А.С.Пушкина, 1975. – 36 с.

Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. Ч. 1. 363 с. Ч. 2. 254 с.

Нафасов Т. Карши шахри махалла ва кўча номлари. Тошкент: Маънавият, 2008. 168 с.

О чем рассказывают городские названия: учебный лингвокультурологический словарь. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2012. 138 с.

Рахматов Т. Топонимия города Самарканда и его окрестностей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Москва: Институт языкознания АН СССР, 1973. 31 с.

Саятин В.Ю. 50 гродненских улиц. Прогулка по времени. Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 326 с.

Техническая инструкция по передаче с белорусского языка на русский. ГКНП 13-011-2011. Издание официальное. Минск: Научно-исследовательское республиканское унитарное предприятие по землеустройству, геодезии и картографии «БелНИЦзем», 2011. 59 с.

Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси миллий нашриёти, 2000. 11 с.

Jodkowski J. Ulice Grodzieńskie w świetle historii i topologii. Grodno, 1931.

Jodkowski J. Nazwy placów i ulic Grodzieńskich. Dawnie I dzisiejsze. Grodno, 1932.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

И.А. Королёва

Смоленск, Россия, innakor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уникальный региональный лексикографический труд – «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров», издание которого вносит серьезный вклад в развитие региональной лексикографии. Особое внимание обращается на включение в материалы этнографической лексики, позволяющей показать богатую историю и культуру пограничных российско-белорусских территорий.

Ключевые слова: российско-белорусское пограничье; лексикография; Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров; принципы составления; этнографизм

REGIONAL LEXICOGRAPHY: RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLANDS

I.A. Koroleva

Smolensk, Russia

Abstract. The article deals with a unique regional lexical and graphic work – "Dictionary of Mogilev-Smolensk border dialects", the publication of which makes a significant contribution to the development of regional lexicography. Particular attention is drawn to the inclusion of ethnographic vocabulary in the materials, which makes it possible to show the rich history and culture of the border Russian-Belarusian territories.

Keywords: Russian-Belarusian border; lexicography; Dictionary of Mogilev-Smolensk border dialects; justification for compilation; ethnographism

Региональная лексикография сегодня – одно из приоритетных направлений в лексикографической деятельности. В связи с привлечением внимания к гуманитарным исследованиям на белорусско-русских пограничных территориях, особый интерес вызывает диалектная лексика, так как в своих основах она содержит разнообразную информацию, отражающую национально-культурную специфику двух народов – русского и белорусского. Лексикографирование диалектной лексики могилевско-смоленского пограничья представляется актуальным и перспективным, поскольку в ней отражаются исторические и культурные связи между Смоленщиной и Могилевщиной. Славянские народы, веками проживавшие на сопредельных территориях, постоянно контактируют, и поэтому описание языка, общего для этих регионов, – важная задача языкознания. Уже сама идея создания словаря переходных русско-белорусских (белорусско-русских) говоров является плодотворной, а издание «Словаря

могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – значительным достижением региональной лексикографии.

В печатном варианте пока существуют три выпуска (до буквы Л); четвертый выпуск (Л – Н) готов к выходу в свет и представляет собой рукописный текст.

СМСПГ имеет прочную научную основу: он создается на основе картотеки, собранной студентами и преподавателями филологического факультета во время диалектологических экспедиций 1982–2012 гг. Руководитель словарного проекта В.Б. Сузанович разработала принципы отбора лексики и ее разработки в данном словаре. Эти принципы, а также коррективы, внесенные во второй выпуск Словаря [СМСПГ 2: 3–4], последовательно реализуются и в дальнейшем.

В СМСПГ, в силу его специфики как сводного словаря дифференциального типа, выработаны строгие принципы отбора лексики и установлены ограничения для введения ряда лексем. Однако важнейшей задачей региональной лексикографии нашего времени, когда становится все меньше активных носителей говоров, является максимально полное сохранение лексического фонда говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП). Поэтому составители СМСПГ продолжают расширять круг лексем с единичной иллюстрацией – одним примером (гапаксов). При этом, помимо случаев, оговоренных во Введении [СМСПГ 1: 26], диалектные слова с одним примером-иллюстрацией включаются в словник четвертого выпуска, если они зафиксированы в словаре В.И. Даля [Даль], «Словаре смоленских говоров» [ССМ] или в «Краёвым слоўніку Усходняй Магілёўшчыны» И.К. Белькевича [Белькевич 1970]. Причем нельзя не заметить, что авторы тщательно проработали материалы словаря Белькевича, выявив весьма значительное количество лексем, соответствующих гапаксам говоров МСП.

СМСПГ характеризуется объемной фразеологией. В четвертом выпуске, например, она представлена как собственно фразеологизмами (*лантух наесть, ланцами трясти, лепеш нести, махалю махалеть, не своим матом, мех кулаков, пухнуть с недоеду, с горем напол, сойтись навгрудки, наводить намову, навьлёт лететь, насукать грибы, наумор сходить, нести напраслицу, не знать насыти* и др.), так и устойчивыми сочетаниями, связанными с трудовой деятельностью, ремеслами и промыслами, поверьями и обычаями (*ломать поле, наводить косу, навивать кросны, мачки мыкать, подпряжнѣй навой, рубить в лапу, навивать намѣтку, любжу накласть, ломать май* и др.). Подача фразеологизмов соответствует правилам, изложенным во Введении [СМСПГ 1: 28–32]. Кстати,

разработанные авторами и уже апробированные способы подачи фразеологизмов вполне могут служить теоретической базой для составления «Фразеологического словаря говоров могилевско-смоленского пограничья».

К несомненным достоинствам СМСПГ относится то, что в нем широко представлена этнографическая лексика, в которой зафиксированы различные стороны материальной и духовной культуры жителей МСП. Как известно, толкование этнографических диалектизмов, обозначающих предметы домашнего обихода, различные виды одежды, обуви, части строений и т. п., не всегда может быть достаточно полным, поскольку указанные слова требуют детального описания, а во многих случаях сделать это весьма сложно из-за отсутствия точных сведений о соответствующих реалиях. Именно поэтому В.Б. Сузанович предложила использовать *этнографическое комментирование* путем включения в словарную статью *этнографического комментария* – выдержки из авторитетного научного источника. Такой материал впервые в лексикографической практике стал приводиться после специального демаркационного знака = в конце словарной статьи: **НАЛИВаЧ**, -а, м. Разливная ложка, половник. *Пыдай наливач, нада супу налить у миски*. Любавичи, Мон. Смл. *За сталом тихинька сядели, ждали, пакуль мамка мису на стол пыставить, а кали хто з малых забалуя – быстра наливач ў лоб палучить*. Липовка, Хот. Мгл. = Из дерева изготовлялась и столовая посуда: миски, ковши, енды, ложки, уполовники, *наливачи*... [Молчанова 1981: 54].

Основным источником этнографического комментирования являются труды белорусского исследователя Л.А. Молчановой [Молчанова 1968; Молчанова 1981]. Богатейшим источником этнографических сведений для СМСПГ может стать выдающийся труд «Опыт описания Могилевской губернии...», изданный в 1882–1884 гг. под редакцией А.С. Дембовецкого, поскольку эти издания связывает общность обследуемой территории, богатство диалектной лексики Словаря и фактического материала указанного труда. Чрезвычайно важным для регионального словаря является и то, что в таких комментариях нередко указывается местное наименование реалии (например, ЛУПаРЬ: = Густера (по Брему *кругляк* – *Vlissa björkna*) известна здесь под названием *устерки* или *лупаря*. Она по телосложению своему ближе подходит к лещу. Подобно ему, густера любит воду тихую, глубокою, с песчаным или глинистым грунтом, и охотнее всего держится у берегов, и притом на одном месте» [Дембовецкий 2: 551].

В четвертом выпуске этнографических комментариями, извлеченными из указанного источника, сопровождается не только толкование диалектных слов, но и подача диалектных фразеологизмов:

«ЛОМаТЬ¹: фраз. ЛОМаТЬ ПоЛЕ. Многократно бороновать вспаханное поле поперек пластов земли, чтобы разбить, разровнять их... = Боронование вспаханного поля начинается всегда поперек пластов, причем они перерезываются и крошатся зубьями; бороновать поперек пластов, по местному выражению, называется «ломать поле». Дембов. Опыт опис. Могил. губ. Кн. 2. С. 832» [СМСПГ 4: 52].

Тематический диапазон этнографических комментариев, особенно четвертого выпуска, необычайно широк – от всех видов трудовой деятельности и уклада жизни до обычаев и поверий жителей; стиливая окраска их контекстов весьма разнообразна – от сугубо деловой с включением статистических данных до разговорно-повествовательной (см., напр., словарные статьи ЛЕЖАК², НОЧЛЕЖНИК). Следовательно, этнографические комментарии не только украшают и информативно расширяют описание диалектных лексем, но и придают Словарю научную и культурную ценность.

В процессе работы над СМСПГ достаточно четко определились лексикографические функции этнографических комментариев: а) формирование исчерпывающе полного толкования этнографических диалектизмов; в) подтверждение достоверности диалектных лексем с единичным примером, иллюстрирующим их употребление в речи; 3) подтверждение и усиление достоверности содержания используемого в словарной статье иллюстративного материала.

Таким образом, констатируем, что говоры могилевско-смоленского пограничья, исторически сложившиеся в этноконтактной восточнославянской зоне, представляют собой сложный конгломерат языковых единиц, отличающихся по звуковому и морфемному составу, грамматическому оформлению и семантическому «наполнению». Поэтому при практической реализации даже четких принципов лексикографической разработки такого материала неизбежны объективные трудности.

И тем не менее материалы «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» – это уникальное региональное собрание лексики и фразеологии переходных говоров белорусско-русского пограничья.

Литература и источники

- Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Минск, 1970.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
- Дембовецкий – Опыт описания Могилевской губернии / под. ред. А.С. Дембовецкого. Кн. 1–3. Могилев, 1882–1884.

Молчанова Л.А. Материалы культуры белорусов. Минск, 1968.

Молчанова Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVII вв. Минск, 1981.

СМСПГ – Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1–3. Могилев: МГУ им. А.А. Кульшова, 2017–2019.

СМСПГ – Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Вып. 4 (Л – Н). Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2022 (рукопись).

ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт / Смоленский государственный педагогический университет, 1974–2005.

УДК 81'374

О ПОДГОТОВКЕ «СЛОВАРЯ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ» К ЕГО ПЕРЕИЗДАНИЮ

Л.Ю. Зорина

Вологодский государственный университет,

Вологда, Россия, lyudmila.zorina@gmail.com

Аннотация. Издание Словаря вологодских говоров осуществлялось с 1983 по 2007 год. За последние десятилетия накопился обильный новый материал, собранный уже с помощью звукозаписывающей техники. Появились новые словарные статьи, а также целые гнезда слов, в некоторых ранее опубликованных статьях выделались новые значения слов и их оттенки, в текст словаря обильно вливаются фразеологизмы, заслуживают внимания убедительные новые иллюстрации и т.д. Всё это заставляет составителей Словаря вологодских говоров думать о подготовке нового, дополненного его издания. Запланированная вологодскими диалектологами работа по подготовке второго издания Словаря вологодских говоров вписывается в русло сложившейся современной тенденции – дополнения, расширения уже изданных региональных словарей.

Ключевые слова: вологодские говоры; диалектная лексикография; переиздание регионального словаря.

PREPARATION FOR REISSUE OF THE DICTIONARY OF VOLOGDA DIALECTS

L.JU. Zorina

Vologda State University, Vologda, Russia

Abstract. The Dictionary of Vologda Dialects was being published from 1983 to 2007. In recent years, there has been a significant gathering of new material that was obtained with the help of sound recording equipment. New dictionary entries have appeared, along with entire word families, phraseological units, and captivating examples; new words and their shades have emerged in previously published articles. Therefore, the Dictionary of Vologda Dialects' authors considered preparing a new, supplemented edition, which correlates with the current trend of expanding dictionaries which have already been published.

Keywords: Vologda dialects; Vologda dialect lexicography; reissue of the regional dictionary

С уникальным диалектологом и замечательным человеком Александром Вячеславовичем Громовым нам не довелось быть знакомой лично. Тем не менее мы являемся участником уже четвёртых Громовских чтений, ибо нам довелось состоять с ним в личной переписке. Дело в том, что в нашем книжном шкафу, в самом доступном его месте, стоит очень востребованная книга А.В. Громова – «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [Громов]. На сегодняшний день это самый обстоятельный словарь-справочник по указанной теме. В книге имеется дарственная надпись: *Людмиле Юрьевне благодарный за «Словарь вологодских говоров» (посад – сеять) и сборник «Русское слово...» А. Громов. г. Мантурово Костр. обл. 19.2.2004 г.*

Там же хранится листок с текстом письма, направленного нам А.В. Громовым. Словарь и письмо были присланы нам не случайно. С А.В. Громовым состояла в переписке известный российский диалектолог, наша наставница и коллега на протяжении многих лет Т.Г. Паникаровская. Будучи уже тяжело больной, она обратилась ко мне с просьбой отправить в Мантурово, что уже не могла сделать сама, очередной выпуск «Словаря вологодских говоров». Поручение мною было выполнено. В ответ пришла бандероль с выше-названным словарём, письмом и сторублёвой купюрой, вложенной в книгу. Многое в этом письме – в его содержании, стилистике, даже в расстановке знаков препинания – характеризует автора как человека немногословного, деловитого и... деликатнейшего. Прочитируем далее текст письма, ибо он, на наш взгляд, иллюстрирует особенности эпистолярного стиля научного работника середины XX века:

Уважаемая Людмила Юрьевна! Три книжки «Словаря вологодских говоров» и сборник трудов Вашего университета «Русское слово...» получил. Один том возвращаю, потому что эта буква есть у меня.

Ваш словарь мне очень и очень нужен, необходим, потому что у меня на столе картотека мантуровского говора с большим опозданием. Покойный Г.Г. Мельниченко так меня настраивал на это дело.

Мои слова сверяю с вашими и убеждаюсь, что дело моё нужное. Всего Вам доброго, успешного. Мой привет Т.Г. Паникаровской. Ещё раз спасибо.

19.2.2004 А. Громов.

Вы мне дарите «Словарь». Хотя бы за пересылку не откажитесь принять мою деньгу. А. Громов.

Таким образом, тешим себя мыслью, что наше участие в IV Громовских чтениях не случайно: мы с А.В. Громовым причастны к одному, к общему делу – к собиранию, исследованию и систематизации диалектных слов. А цепочка связи: Г.Г. Мельниченко, Т.Г. Паникаровская, А.В. Громов, Н.С. Ганцовская, моя скромная персона – существует и по сей день.

Упомянутый А.В. Громовым Словарь вологодских говоров [СВГ] – это региональный толковый словарь дифференциального типа. Он издавался отдельными выпусками с 1983 по 2007 год (всего 12 выпусков). Словарь включает в себя текст объёмом 186 авторских листов и иллюстрирует употребление в народной речи 26 тысяч диалектных слов. Для сравнения упомянем региональный словарь сопредельной территории – Ярославский областной словарь [ЯОС], включающий в свой состав около 32 тысяч слов.

Словарь вологодских говоров создан по материалам полевых наблюдений над живой речью жителей центральных и восточных районов Вологодской области. В отличие от ЯОС при его составлении печатные источники по диалектной лексике не привлекались. Зафиксированное в Словаре употребление слов и фразеологических единиц отражает явления народной жизни: природы, ремёсел, быта, традиционно сложившиеся правила поведения крестьян и существующие в крестьянской среде обычаи.

Над составлением словаря работал большой коллектив преподавателей кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического института, впоследствии – университета (Андреева Е.П., Богачёва Р.Ф., Варникова Е.Н., Виноградова С.Б., Дружинина Г.А., Зорина Л.Ю., Иванова Е.Н., Ильина (Шаброва) Е.Н., Ипатова С.Н., Кознева Л.М., Комлева Н.В., Ларионова А.П., Новосёлова О.И., Овсянникова Т.Г., Паникаровская Т.Г., Парменова Т.В., Яцкевич Л.Г.). С 80-х годов по 1996 год редактором Словаря являлась инициатор его создания доцент Т.Г. Паникаровская, с 1996 года руководить работой авторского коллектива стала автор этого материала доцент Л.Ю. Зорина, и под её руководством были опубликованы 7–12 выпуски Словаря вологодских говоров. В настоящее время СВГ выложен на сайте Областной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина [СВГ]. Этот труд высоко оценён ведущими российскими специалистами [Мокиенко 2009: 147–153], а также заинтересованной общественностью. За первое издание Словаря вологодских говоров его составители получили высокое звание лауреатов государственной премии Вологодской области по науке и технике за 1998 год (диплом № 1).

По материалам Словаря создавались и создаются статьи, методические пособия и разработки, пишутся кандидатские и докторские диссертации. Современные диалектологи, как представляется, не мыслят себе написания своих работ без ссылок на СВГ.

Словарь вологодских говоров давно уже стал библиографической редкостью. В настоящее время активно ведётся работа по подготовке текста Словаря к его переизданию. Чем вызвана такая потребность? Во-первых, активизацией сбора диалектного материала и фиксации его с применением современной звукозаписывающей техники (диктофоны, видеокамеры). Не секрет, что запись диалектного материала в 60-е и 70-е годы прошлого века велась вручную. Во-вторых, завершением обстоятельного обследования режского говора Сямженского района и появлением отдельной новой картотеки. В-третьих, поступлением значительного материала из других населенных пунктов: деревень Камешник Шекснинского района, Борбушино Кирилловского района и др. В-четвёртых, возможностями общения с информантами в Интернете [Посидим], что обеспечивает широкий охват территории и поступление материала для проверки от подлинных знатоков диалектов. В-пятых, возможностями более строгого редактирования не отдельных фрагментов словаря, а всего его текста.

Всё это породило создание новой обширной части словарной картотеки, которая, как и основная её часть, хранится в мемориальном кабинете, посвящённом Т.Г. Паникаровской и В.А. Шитову, её супругу, в течение длительного времени заведовавшему кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического института и поддерживавшего начинание супруги.

Предпримем далее попытку сравнения материалов, подготовленных для второго издания, с материалами уже осуществлённого первого издания СВГ. Для этого возьмём, во-первых, алфавитный отрезок изданного Словаря на букву «А» и сопоставим его с материалом, подготовленным к новому изданию, а затем рассмотрим отдельные убедительные факты из других частей Словаря. Заметим сразу же, что принципы составления Словаря [СВГ 1: 3–14], разработанные Т.Г. Паникаровской, не изменились.

Итак, заметно увеличился объём первых выпусков Словаря, в которые ранее не вливался материал, собранный в последние десятилетия. В алфавитном отрезке на букву «А» первого издания 29 словарных статей и отсылочных строк. В аналогичном отрезке, бережно подготовленном для переиздания Е.П. Андреевой, 77 словарных статей и отсылочных строк, то есть объём увеличивается примерно в 2,5 раза. Во втором выпуске первого издания (над ним

работала Л.Ю. Зорина) было 180 страниц в компьютерном наборе, ко второму изданию приготовлен текст в 540 страниц. Увеличение, таким образом, происходит примерно в 3 раза. Появляются новые словарные статьи, у ранее описанных слов выявляются новые значения, результатом активного обследования явилось большое количество фразеологизмов и проч. Заметим, кстати, что, в отличие от многих региональных словарей, наличие убедительного иллюстративного материала делает СВГ особо ценным.

В алфавитном фрагменте на букву «А» остались без изменения многие статьи первого издания, например: **Адовище**, а, ср. *Ненасытный, прожорливый человек*. Адовище ты! Глаза только не сыты. Вож. Сурк. **Азям**, а, м. Устар. *Старинная верхняя крестьянская одежда из домотканого или покупного сукна, имеющая вид долгополого кафтана, без воротника или с воротником-капюшоном, надеваемая поверх какой-либо другой верхней одежды*. Как надену поверх куртки азям, можёт, и не замерзну. К-Г. Шест. Накинь азям-от, замерзнёшь. Баб. Шон. Тулуп дак из овчин, азям суконной из шерсти, как шинель. Тот. Бор. + Влгд., Ник., Тарн. **Акий**, ая, ое, мест. *Такой*. Акая я старая, не чую, вижу худо. Влгд. Бегл. Мы не акие серые, топерь радио есь. Сок. Б. Мурга. **Арыльничать**, аю, ают, несов., неперех. *Вести праздный образ жизни, бездельничать*. Робить люблю, не арыльничаю. К-Г. Смол. Эти-ти девки работныё, не арыльничают. Ник. Калин. И мн. др.

Появились совершенно новые, ранее не фиксированные словарные статьи: **Аверьянов**: > **Аверьянов корень**. *Корень валерианы, а также приготовленное из него лекарство*. Пили аверьянов корень, чтобы успокоить человека. Кир. Борб. **Агай**, ая, м. Экспр. *Хулиган*. Агаями называли, агаи, да, заводские агаи. Они были такие бойкие, крикливые. У-К. Устье. **Акшир**, а, м. *Толстый человек*. Толстый мужик когда, дак акширом зовут. Тарн. **Алик**, а, м. *Алкоголик, пьяница*. Не пей больше вина, а то как алик стал. Верх. Урус. У того алика баба бедна, он всё жорёт. Верх. Урус. Ср. **бандурик**. **Альни**, част. *То же, что ажно в 1 знач.* До того устал нынче, альни рук не поднять. Кир. Ферап. Женщины в споре такую схватку устроили, альни мужики рты раскрыли, позавидовали. Кир. Ферап. До чего устал, альни с ног падаю. Кир. Ферап. **Арашиха**, и, ж. 1. *Беспорядочное и шумное скопление, сборище людей*. Ой, у меня завтра арашиха-то будет. К-Г. Навол. Ой, у её целая арашиха. Ну, грят, арашиха настоящая. К-Г. Навол. 2. *Большое количество кого-либо, множество*. С детьми-то осталась одна. Попробуй-ка прокорми такую арашиху. К-Г. Навол. Ср. **арево**. И мн. др.

С удовлетворением наблюдаем, что в новых материалах отразились целые новые гнёзда слов: **Артель**, и, ж. **1. Группа лиц, связанных общими действиями, компания.** Вон какая артель робит! Дак неужто не справище? Тот. В. Двор. Соберёще нас большая артиль, пойдём в другую деревню на посидки. Хар. Зуена. Экой артилью придём в лес, дак все ягоды оберём. Верх. Берег. Я в артиле не любил в церковь ходить. Тот. Пелев. **Артельник**, а, м. *Человек, который любит проводить время в компании, в праздных разговорах.* Артиль-ник он-от. Пошто работать, как артиль-от собралась? Сидит, трындит. Кир. Борб. **Артельно**, нареч. *Дружно, в согласии.* Артильно живите, не бранитесь. Тарн. Кокш. **Артельный**, ая, ое. *Любящий быть в компании, общительный.* Артельная она, общительная, артель любит, скопища. Некоторые нелюдимки дак сидят поодинке, никуда не ходят, а она артельная. Шексн. Кам. Санюшка артельная была, к ней всё беседницы ходили. Шексн. Кам. **Артельщица**, ы, ж. *Женщина, которая любит проводить время в компании, в праздных разговорах.* Ты вон какая артильщица! Говоришь да говоришь. Кир. Борб.

Выделяются новые оттенки значений слов: **Аглицкий**: > **Аглицкий плат (платок).** *Головной платок из кумача.* Мужик-от мне аглицкий плат купил. Межд. Доров. Аглицкийё-то платки тожё были привозные. Тот. Зад. // *Нарядный платок с ярким цветным узором.* На праздник одела платок аглицкий. Тотьма. + К-Г. Подобные факты позволяют судить об изменении значений слов.

Регистрируются ранее не фиксированные фразеологизмы: **Ад**, а, м. **1. Алчный, предельно жадный человек.** Пейте, ады, хватит воды. Пейте голодные – хватит холодныя. Хар. Пунд. **Адом дурить.** См. **Дурить**. **Ай** **ни ада не видеть.** См. **Видеть.** **Ай:** **Ай да ну!** *Выражение похвалы, восхищения.* Иван-то избу отстроиУ – ай да ну! Тарн. Кокш. **Ахавца:** **Ахавца.** *Женщина, строящая из себя важную особу.* Ну, эта-то госпожа Ахавца никуда не пойдёт. У-К. Устье. **Аршин:** **Три аршина в землю знать.** См. **Знать.** **Ай:** **Одну артель зобать.** См. **Зобать.**

Большой интерес представляют лексемы, не зафиксированные в других региональных словарях или же отмеченные в них в другом значении, например: **Анти-крунти.** *Подзывные слова для кур.* Сок. Чучк. **Аршинница**, ы, ж. *Коса с лезвием длиной приблизительно в аршин (около 0,71 м).* <...> А косы были не эта вот семёрочка. А косы были аршинницы назывались, большие косы, метровые, наверно, не меньше метр! Во какие! Баб. Тиман. Отмеченных подзывных слов в СРНГ вообще нет, а слово **аршинница** приводится со значением ‘бочка в аршин высоты’ [СРНГ 1: 282].

Заметим, что в тексте Словаря появляется много отсылок типа См. **Заспа**, **Алява**. См. **Олява** и др. Это свидетельствует о том, что рука редактора прошла по тексту Словаря, обеспечивая связки материала с учётом его семантики и этимологических связей: **Авошный**. См. **Аушный**; **Алябашка**. См. **Олябашка**; **Андели**. См. **Ангели** и мн. др.

Иногда существенно расширяется география слова: **Азям**, а, м. Устар. *Старинная верхняя крестьянская одежда из домотканого или покупного сукна, имеющая вид долгополого кафтана, без воротника или с воротником-капюшоном, надеваемая поверх какой-либо другой верхней одежды.* Как надену поверх куртки азям, можёт, и не замерзну. К-Г. Шест. Накинь азям-от, замерзнёшь. Баб. Шон. Тулуп дак из овчин, азям суконной из шерсти, как шинель. Тот. Бор. + Влгд., Ник., Тарн. **Атласник**, а, м. Устар. *Сарафан из цветного атласа с борами на поясе, иногда с вышитыми рукавами из бельевой ткани.* У меня был устриновик, атласник, гарусник, канифасовик. Тарн. Слуда. + В-У., Влгд.

В Словарь вводится большое количество нового иллюстративного материала, позволяющего точнее описать значение слов, ср.: **Атласовка**, и, ж. *То же, что атласница.* АтласоУку мне божатка подарила. АтласоУки-ти такие баскиё были, с кистями. Межд. Свят. Невесту снарядят, шляпку наденут, атласовку, пресеУку подадут, попридёт. Хар. Кумз. А шаль атласовка больно баска. Хар. Кумз.

Проанализировав нововведения во фрагменте Словаря на букву «А», убеждаемся, что, вопреки распространённому мнению, в народном русском языке отнюдь не мало слов, начинающихся с буквы «А».

Не имея возможности в рамках одной статьи столь подробно анализировать все вносимые в текст Словаря изменения, сравним далее лишь материалы Словаря на слово **Масло**. В первом издании такой словарной статьи нет вообще [СВГ 1989: 73]. Для второго издания появились обширные новые материалы. Их обрабатывала Е.Н. Ильина. В итоге получилась вот такая содержательная статья:

Масло: ◇ **Гусни, хрясни, дай Бог масла!** *Благопожелание хозяйке, которая сбивает масло.* Сямж. Монаст. ◇ **Добро на масле!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Добро на масле! – говорят человеку, который сбивает масло. В-Г. Горб. ◇ **Ком (пуд, ушат, разлив) масла (тебе)!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Раньше взбиваешь масло – скажут: «Ком масла тебе!» Так и скажут. А как же? Кир. Ферап. Пуд масла! В-У. Пал. «Ушат масла!» – говорят женщине, которая мешает сметану. В-У. Мяк. Розлив масла – пожелание человеку, взбивающему сметану.

Тарн. Серг. ◇ **Масло желто да в крупиночку!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Масло желто да в крупиночку! – говорят женщине, мешающей сметану. В-У. Черн. ◇ **Масло – пахтус! (пахтус маслом!).** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* «Масло – пахтус!» – человеку, который сбивает масло. В-У. Горб. ◇ **Одна рука в масле, а другая в заспе** (у кого). См. *Заспа.* ◇ **Побить жопой масло.** См. *Жопа.* ◇ **Сыр да масло!** *Благопожелание хозяйке, доящей корову.* Доишь корову, да как придёт кто, и пожелает: «Сыр да масло!» Тарн. Серг. Как видим, в Словарь внесено очень существенное дополнение. И все эти фразеологизмы суть благопожелания, которые собирались по специальному вопроснику для изучения народного этикета. Аналогичным образом могли бы быть показаны изменения и в других алфавитных отрезках Словаря.

Работа над текстом расширенного издания Словаря сейчас в самом разгаре. Но она не становится проще, легче, трудностей по-прежнему остаётся немало. СВГ – большое, трудоёмкое предприятие, и это всё – при огромном объёме учебной работы у его составителей, при наличии других интересов и видов работ у авторов-составителей (кто-то пишет свою диссертацию, кто-то в духе времени усердно сочиняет ВАКовские и SCOPUSовские статьи и проч.). Над Словарём работало множество составителей с разными судьбами (кто-то уезжал за границу, кто-то временно терял трудоспособность, кого-то настигала депрессия, что замедляло работу, и др.). В течение долгих лет на кафедре составление словаря вообще не считалось научной работой. В издательстве университета всегда не хватало бумаги, поэтому выпуски получались неравноценными, разными по объёму.

Ожидаемое новое издание Словаря должно быть более компактным, его полиграфическое исполнение, надеемся, будет много лучше предыдущего, тем более что уже давно существуют прецедентные издания [Дилакт.]. Нас обнадёживает достигнутое с ИЛИ РАН соглашение об издании второго, расширенного и дополненного издания Словаря вологодских говоров в серии «Памятники русского диалектного слова». Если же по каким-то причинам эта задумка не осуществится, для размещения Словаря будут использованы возможности Интернета.

Литература и источники

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Дилакт. – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 678 с.

Мокиенко В.М. Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовии), Словарь смоленских говоров / В.М. Мокиенко [Рецензия] // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 147–153.

Посидим, поокаем (вологодский говор и словечки). URL: vk.com>topic-987037_21958670 (дата обращения: 11.09.2022).

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л.Ю. Зориной. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/slovar1983/text.pdf> (10.09.2022).

Словарь и... вся жизнь (к 80-летию Т.Г. Паникаровской) / сост. Л.Ю. Зорина. Вологда: ВГПУ: Русь, 2006. 32 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10 / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Ярославский областной словарь. Дополнения. В 2 т. Т. 1. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

УДК 81'374

«СЛОВАРЬ ТОЛШМЕНСКИХ ГОВОРОВ» В РЯДУ ИЗДАНИЙ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Е.П. Андреева

*Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия, ep-andreeva@bk.ru*

Аннотация. В статье представлено описание одного из любительских словарей диалектной лексики. «Словарь толшменских говоров» отражает речь жителей поселения Тотемского района Вологодской области, расположенного по течению реки Толшмы. Специфика анализируемого словаря состоит в том, что в нем отражается народная наивная языковая картина мира, система ценностей русского крестьянина. Автор обращает внимание на интенции составителей толшменского словаря, принципы отбора материала, характер дефиниций в нем.

Ключевые слова: диалектология; наивная лингвистика; лексикография; любительский словарь

«DICTIONARY OF TOLSHMEN DIALECTS» IN A NUMBER OF PUBLICATIONS OF AMATEUR LEXICOGRAPHY

E.P. Andreeva

Vologda State University, Vologda, Russia

Abstract. This article provides a description one of the amateur dialect vocabulary. The «Dictionary of Tolshmen Dialects» reflects the speech of the inhabitants of the settlement of Totemsky district of the Vologda region, located along the Tolshma River. The specifics of the

analyzed dictionary is that it reflects the naive folk linguistic worldview, the system of values of the Russian peasant. The author draws attention to the intentions of the compilers of the Tolshmen dictionary, the principles of material selection, the nature of definitions in it.

Keywords: dialectology; naive linguistics; lexicography; amateur dictionary

В последние десятилетия возрастает повышенный интерес ученых к так называемой любительской лингвистике, о чем в частности свидетельствуют материалы международной конференции «“Народная лингвистика” – взгляд носителей языка на язык», организованной совместно ИЛИ РАН и факультетом антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге [Народная лингвистика 2012]. Составной частью наивной, иначе любительской лингвистики является народная лексикография.

Давая краткий обзор любительских словарей, Е.Л. Березович, С.М. Толстая выделяют такие их виды, как: а) словари, которые публикуют сами авторы; б) любительские словарики, которые комментируются и публикуются профессиональными лингвистами, в) перечни слов, которые составляются диалектоносителями, чаще всего рукописные [Березович, Толстая 2019: 497]. Народные, любительские словари как жанр детально исследуются Е.Д. Бондаренко, им посвящается раздел ее диссертации «Наивная лингвистика: этносоциолингвистический аспект» и ряд статей, одна из которых, описывающая стратегию дефинирования в 13 любительских словарях, была опубликована в материалах III Громовских чтений [Бондаренко 2014, 2016]. Закономерным представляется выход в свет монографии автора «Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание», один из разделов которой посвящен наивной лексикографии [Бондаренко 2021].

Существует ряд любительских словарей, описывающих вологодские говоры: Словарь диалектных слов Кич-Городецкого района [Кушкова 2016], Междуреченского р-на [Короткова 2018], Гарногского района [Мишнёв 2013], словари Усть-Кубинского района [Морозкова 2017; Варганова 2018]. Можно отметить и создание региональных словариков в сельских школах, выложенных на методических сайтах, напр. «Словарь диалектных слов Вожегодского района» под ред. Н. А. Корнишовой [Корнишова 2014].

Дополняет эти издания любительской лексикографии и «Словарь толшменских говоров» (далее СТГ), отражающий речь жителей поселения Тотемского района, расположенного по течению реки Толшмы. Река берет начало в Костромской области (Солигаличский район), протекает по Тотемскому району и впадает в Сухону. С 2020 года в состав сельского поселения входят 45 населённых

пунктов, в том числе: 39 деревень, 3 посёлка, 3 села. Архаичный, своеобразный характер тотемских говоров отмечали вологодские диалектологи Т.Г. Паникаровская [Паникаровская 1966] и Л.Ю. Зорина [Зорина 2011].

Автор-составитель Толшменского словаря Г.А. Мартюкова является директором «Дома-музея Николая Рубцова» в селе Никольском Тотемского района. Выпуск словаря был приурочен к 85-летию юбилею поэта, имя которого связано с деревней Никола, где прошли его детские годы, куда впоследствии он неоднократно приезжал. Активное участие в составлении словаря приняли жители толшменских сел и деревень, а также уроженцы этих мест, ныне проживающих в разных регионах России. Более пятидесяти человек стали подписчиками группы «Никола», созданной в социальной сети ВК, в результате было собрано более тысячи слов, значение которых затем активно обсуждалось. Первые записи бесед с местными жителями относятся к 1997 году. В предисловии к словарю Г.А. Мартюкова, опираясь на работы лингвистов, приводит краткое описание фонетических особенностей толшменских говоров, в частности полное оканье, чоканье (*черква – церковь*), цоканья (*чаёк – цяёк*), рефлексы старого ять (*в лисе*). Интерес представляют архивные записи речи толшмяков, опубликованные в свое время в монографии «Русские. Жизнь. Быт. Нравы». Их использование в вводной части словаря позволяет судить и о других типичных фонетических чертах говоров Толшмы. А.П. Мальцев, житель села Никольского, отмечает: *«...Слова при разговоре растягиваются в нашей местности в последнем слоге, и буква «л» в середине слова выговаривается, как «в», например, «волк» (вовк), видел (видяв)»*. Далее дается его рассказ-байка, отражающий фонетические и лексические особенности речи толшмяков, запись 1899 г. Приведем ее начало: *«Вот, братче, що мне раз привелось видеть: Ездив я к Соле (так называют г. Солигалич Костромской области) с клажой от Серкова; дело-то было зимой; приехав, сдав клажу Василью Митревицю, я поддав лошаденке сеньця, отправивсё на базар затти в трактир испить чайкю! Иду это туды и вижу, братчи, челую товпу народу; що думая, «ляд тя возьми» [СТГ: 6].*

В этой части словаря приводятся фрагменты из воспоминаний и современных диалектоносителей (запись 2005 г.). С одной стороны, эти тексты показывают сохранившиеся фонетические черты говора, его грамматические особенности, фиксируют диалектную лексику. *«Тяька да матка у нас примерли. Мы остались с детком*

да с бавшкой. Нас три сестры были». «Всё помлю, милая моя». С другой стороны, эти записи важны тем, что они позволяют судить о духовной и материальной культуре толшменских жителей, об их отношении к труду, системе ценностей. «Я любила молитъчо ходить на Воротишну. Уйду к ночи к тётке. Нацую. Утром-то ранёшенько встану и пойду молитъчо. Черква большая была. Раньше в бога-то вирили». «Кто линивсё, дак и ходили оборванчами. А кто прели да ткали и жили». «Беседы были, сберёмсё все девки, робята. Наедут с гармоньями. На лошадях издили в воскресеньё али с праздника. Што пляски, гармонь-ти. А нам пресь бы надэ. А перень-то седёт на колони-ти». «Садись хоть рядом-то, а то пресь надэ. А то мамка-то наругаёт, как простенькя-то не принесёшь домой». «Пороботала... На Маньловичу-то побежишь косить-то ног-то не жавко, а лапотков-то жавко, снимёшь и через плечё» [СТГ: 7].

Заканчивается вступительная часть СТГ словами автора, в которых содержится меморативная установка: необходимо сохранить для потомков родной говор. «Исконно толшменскую речь можно услышать лишь от очень небольшой части старшего поколения. Нынешние мальчишки и девчонки, которые здесь живут, уже не знают многих исконно толшменских наречий. <...> Время неумолимо. Мы надеемся, что издаваемый в год 85-летия самого известного местного жителя – Николая Рубцова – «Словарь толшменских говоров» будет способствовать сохранению языка толшмяков для будущих поколений» [СТГ: 8]. Своеобразной чертой СТГ является большое количество фотографий из архива музея Рубцова, личных архивов жителей Толшменского поселения, что помогает воссоздать атмосферу северных деревень в 60–80 гг. XX века.

Следует отметить, что создатели Толшменского словаря обратились к 12 выпускам Словаря вологодских говоров, в результате чего было добавлено 88 толшменских слов со специальной сноской, указывающей на источник (СВГ). Особый интерес для диалектологов представляют те слова, которые не зафиксированы в Словаре вологодских говоров, или же расширяют ареальную характеристику отдельных лексем.

Перед составителями региональных словарей, как правило, встает проблема отбора лексики, необходимость разграничить факты литературного и диалектного языка. Возникает при этом опасность в качестве территориально ограниченной лексемы выбрать устаревшее литературное слово или же общеупотребительное, номинирующее предметы сельского быта. Поскольку язык диалекта имеет только устную форму, не всегда авторам народного словаря удается

разграничить просторечную и диалектную лексику, экспрессивы и диалектизмы. Как правило, в авторских словарях принципы единообразия в отборе, в описании слов, не выдерживаются. Так, в СТГ фиксируются и общерусские слова, напр., *безмен, возжси, мутовка, заслонка, лапти, морось*, наряду с диалектными лексемами, обозначающими родственные отношения (*сноше'льница* 'одна из женщин, мужья которых являются братьями', *домора'дко* 'мужчина, который живет в доме жены', *новоже'ня* 'мужчина, состоящий в браке первый год, новобрачный') встречаются общерусские термины родства, например, *золовка*. Нередко фиксируются общерусские слова, отражающие закономерные для говора фонетические изменения: *вовк, вирить, церёмуха, четок*. В качестве заголовочного слова в ряде случаев приводится характерная для употребления, типичная словоформа: *жу'мкai* – жуй, ешь.

Разнообразен тематический подбор лексики, помещенной в Словаре толшменских говоров. Отметим некоторые ТГ. «Животный и растительный мир»: *медведко* 'медведь', *потка* 'небольшая птичка', *кleshень, kleshня* 'клещ', *верес* 'можжевельник', *дичка* 'дикая яблоня', *евшина* 'ольха' и пр., «Названия построек и их частей»: *зимовка* 'небольшая изба, в которой жили зимой', *зады* 'хозяйственная часть крестьянского дома, где расположены хлев, кладовая', *верей* 'столб, на который навешивается створка *отвода* (ворот)' и пр., «Орудия труда»: *бёрдо, бёрдышко* 'орудие труда для ручного ткачества, в виде частого гребня. Бёрдо – часть ткацкого станка. Ручное бёрдышко для изготовления поясов', *битень* 'деревянный инструмент, которым отбивали, взбивали овечью шерсть на лучке, чтобы она стала мягкой. Из взбитой шерсти катили валенки', *пришвица* 'вал, на который в ткацком станке наматывается готовая ткань', *щеть* 'щетка, которой чесали лён' и пр., «Рыболовецкие орудия»: *заездок* 'сооружение на реке для ловли рыбы, рыболовная изгородь, перегораживающая речку, ручей. В отверстие заездка устанавливается ловушка или сеть', *курица* 'род бредня, предназначенный для ловли рыбы на мелководье', *чекма'рь* 'деревянный большой молоток на длинной рукоятке, колотушка, долбня. Небольшой кряжик, сбоку ручка метровой, им глушили рыбу по прозрачному льду' и пр., «Народные праздники, обряды»: *встречины* 'празднество по случаю возвращения из армии', *дожжинки* 'последний день жатвы, праздник окончания уборки урожая', *литки* 'посиделки, когда высватают невесту и когда рождается малыш, или при купле-продаже, договоре выпивка', *проводины* 'вечеринка по случаю ухода в армию', *своз* 'зимнее

многодневное гулянье молодёжи, на которое съезжаются девушки из разных деревень' и пр., «Наименования кушаний»: *пращеники* 'дрожжевые пироги, жаренные в сковороде на углях в печи', *пиёник* 'пирог с начинкой из вареного пшена', *тетёря, тетёрки* 'заварное тесто в виде продолговатого шарика из ржаной муки. Брали ложкой ели со сморчками или топленой брусникой' и пр., «Верования, обряды»: *изурочить* 'навести порчу' и пр., «Названия частей тела»: *ошóрок* 'шея', *коковина, кокова* 'кончик носа', *пáззник* 'большой нос', *брилы* 'губы', *каляны* 'руки', *пёрстики* 'пальчики' и пр. Особое место занимает в словаре коннотативная лексика, многочисленной является группа агентивных экспрессивов: *глиняшко* 'человек, у которого плохо идут дела', 'мягкий, бесхарактерный человек', *дрящетина, дряштетина* 'худой, тощий человек', *проподётина* 'пропащий человек', 'худой, больной человек'. Специфическую группу представляют иноязычные слова, испытавшие в говоре фонетическую и семантическую трансформацию: *гавдарея (гавдарейка)* 'открытая галерея, длинное крыльцо с крышей и перилами', *мизинёт* 'комната на чердаке, на потолке (потолке), мезонин; надстройка над серединой дома', *партаманет* 'портмоне'. Наряду с лексемами фиксируются фразеологизмы: *дать огледня* 'испугать, прогнать', *морду вытянул* 'недоволен, обиделся', *ходить как за кисельной кринкой* 'улаживать, угождать'.

Приведенные фрагменты словарных статей показывают разные способы толкования лексического значения, позволяют судить о характерных для СТГ словарных дефинициях. Нередко наблюдается синонимический способ, в качестве синонимов выступают при этом как общерусские слова, так и диалектные: *витень* 'кнут', *боровик (красноголовик)* – подосиновик. Используется описательный способ: *бучить* – 'кипятить бельё с щёлоком для очистки', реже отождествительный: *зёрной (до работы)* – то же, что и *задорной*. Интерес представляет энциклопедический способ толкования. Так, лексическое значение общерусского слова *дресва́* в словарях литературного языка объясняется лаконично: 'крупный песок, а также мелкий щебень'. Сопоставим с толкованием в СТГ: *Дресва́* – 'это вещество из крупнозернистого серого камня, сделанное путем нагрева в печке, остужения в холодной воде и отбивания молотком до распада на мелкие части для натирания при мытье некрашенных деревянных полов. Готовилась так: в поле искали или случайно находили камень. Он должен был быть особенной структуры: рыхлый как бы крупнозернистый, серый. Приносили его домой, и, когда топили

баню, его разогревали докрасна в печке. Потом бросали в холодную воду. Когда остывал, били его молотком, и он распадался на мелкие части, и ещё били, дробили ещё мельче. И вот получалась дресва, похожа на крупный речной песок. Посыпали ей пол, и голиком, приступив его ногой, натирали полы (очищали от скопившейся грязи). После этого пол несколько раз смывали водой'. Такие словарные статьи интересны и в этнолингвистическом, и в лингвокультурологическом аспектах.

Иллюстративный материал приводится в словарных статьях СТГ редко, тем большую ценность он имеет. Контексты могут представлять собой как отдельное словосочетание, неполное предложение (*посадили в кутузку, дам шабарня*), так и микротекст. Например, в словарной статье *нахлябяна* (ошибочно дается слитное написание существительного с предлогом) приводится развернутое толкование: 'третий день свадьбы в доме невесты. Вечеринка с участием самых близких родственников и свидетелей на свадьбе. В этот день провожают невесту с приданым из родительского дома'. Иллюстрация: *Сходить на хли'бяна*. «Раньше, когда ходили нахлябяна, молодой жене её родители отламывали кусок хлеба в своём родном доме. С ним она должна была идти в дом мужа». *Кутаник* – суп из сушёных внутренностей убитого на мясо животного. *Варили внутренности животного: сердчо, лёгкоё, печень, иногда добавляли мясо. Потомока резали на куски и сушили в печке. Хранилось довго. По праздникам варили суп, а заправляли яшничной отдельно приготовленной. Томилось кушаньё в русской печке*.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что ценность Словаря толшменских говоров бесспорна: автор и его соратники стремились сохранить народное слово, отражающее национальную культуру, показать своеобразный взгляд на мир, систему социальных стандартов поведения русского крестьянина. Словарь толшменских говоров по-своему показывает народную наивную языковую картину мира, позволяет судить о «взгляде носителей языка на язык». Представляется, что Толшменский словарь займет свое заслуженное место в ряду любительских словарей Русского Севера.

Литература и источники

Березович Е.Л., Толстая С.М. Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения // *Slovĕne*. 2019. Т. 8, № 1 С. 486–525.

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциоллингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 371 с.

Бондаренко Е.Д. К вопросу о стратегиях дефинирования в любительских словарях диалектоносителей // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 ноября 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 63–72.

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание / Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина. Москва: Индрик, 2021. 582 с.

Диалектные слова родной Томаши / сост. Варганова А.П. Устье, Вологод. обл., 2018. 31 с.

Зорина Л.Ю. Традиции речевого поведения жителей Тотемского района Вологодской области: (по материалам диалектологической экспедиции 2011 года) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2011. Ч. 7. С. 159–163.

Короткова Т.Г. Где от предков – земля. Устье Двиницкое (Междуреченский район).

Баушкин словарь: говоря, частушка, былинка, воспоминание. Вологда: Сад-огород, 2018.

Кукуверова В.А. Старинные слова, диалекты и выражения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Словарь. Кичменгский Городок, 2016. 72 с.

Мишнев С.М. Тарногский говор: [словарь]. Тарногский Городок [Вологод. обл.]; Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.

«Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык: тезисы докладов междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. / отв. ред. Е.В. Головки. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 100 с.

Паникаровская Т.Г. Об отражении некоторых особенностей древнерусского языка в современных вологодских говорах: (на материале говоров Тотемского района Вологодской области) // Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. / Ленинград: Ленинград. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1966. С. 122–123.

Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области / сост. З.А. Морозкова. 3-е изд. [с. Устье, Вологод. обл.: б. и.], 2017. 53 с.

Словарь диалектных слов Вожегодского района, под ред. Н.А. Корнишовой. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/62187-slovar-dialektnyh-slov-vozhegodskogo-raiona-v> (дата обращения: 20.10.2022 г.).

Словарь толшменских говоров / сост. Г.А. Мартюкова. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 91 с.

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПСЕВДОПАКСОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ И СЛОВАРЯХ

Л.Ю. Астахина

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, lastakhina@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрываются причины появления в русском языке несуществующих (псевдогапсов) слов, отражённых в карточках, словарях и публикациях, которых в настоящее время насчитывается более тысячи. Цитируются работы исследователей, выявляющих несуществующие слова. Предлагается методика работы с рукописными и печатными источниками.

Ключевые слова: рукопись; источник; публикация; псевдогапакс; скоропись

THE REASONS FOR THE APPEARANCE OF PSEUDO-PACKAGES IN PUBLICATIONS AND DICTIONARIES

L.Y. Astakhina

*V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

Abstract. The article reveals the reasons for the appearance of non-existent (pseudo-codes) words in the Russian language, reflected in card files, dictionaries and publications, of which there are currently more than a thousand. The works of researchers identifying non-existent words are cited. A methodology for working with handwritten and printed sources is proposed.

Keywords: manuscript; source; publication; pseudogapax; cursive

Псевдогапаксы – это большая группа слов, которых никогда не было в русском языке, но они зафиксированы в публикациях, карточках и словарях. Термин введён Александром Борисовичем Страховым [Страхов 2003: 199], издававшим в Америке журнал «Palaeoslavica», который прекратился на 31 номере – А.Б. Страхов скончался в январе 2021 г.

Псевдогапаксы зафиксированы в основном из источников XVII, XIX и XX вв. На XVIII в. приходится развитие и распространение каллиграфии, а также начало издания в печати письменных источников Н.И. Новиковым, А.Л. Шлецером, известны попытки подготовки к изданию «Русской Правды» В.Н. Тагищевым. Приведём пример издания Н.И. Новиковым новгородской грамоты: «Сия грамота писана от епископа новгородского, от посадника и от всех старейших. В ней они требуют, чтобы князь Ярослав Ярославич учинил присягу сохранить их прежние права: исправил бы учиненные оных нарушения его братом Александром, и возвратил бы взятые им данные грамоты отцом его Ярославом. Входя в некоторую

подробность своих прав, описывают, где он может подать собирать и какие, которые земли и города принадлежат к Новугороду, кои должны сими правами пользоваться; как ему суд и расправу производить, когда может в некоторые области Новгородские ездить, как может торговать на Немецком дворе; и заключают, чтобы не гневался и не мстил их епископу, посаднику и другим новгородцам; и какие права их купцы имеют в Суздальской земле» [ДРВ: 41–42]. Как видим, публикатор пересказывает содержание грамоты, так что о словах подлинного текста говорить не приходится.

Когда же в начале XIX в. началось издание письменных источников на государственном уровне (в 1813 г. вышел первый том «Собрания государственных грамот и договоров»), то в нём нашлись неверно понятые публикаторами слова, на что указал в 1814 г. в своём письме к Н.Н. Бантыш-Каменскому К.Ф. Калайдович [Калайдович 1814]. Кроме К. Ф. Калайдовича, о подобных ошибках писали Н. Ламбин, В.И. Чернышев, Д.С. Лихачев, И.Г. Добродомов, А.Б. Страхов, В.В. Шаповал, А.Ф. Журавлев, А.Ю. Козлова, Л.Л. Крючкова и другие исследователи – без использования термина *псевдографикс*. Теперь, когда таких случаев насчитывается более тысячи, пригодился и термин [Астахина 2021: 466–492].

Возникает вопрос о причинах появления этих несуществующих слов. Долговременное изучение источников XVII в. привело к заключению, что публикаторы, готовившие к изданию рукописи, просто не смогли правильно прочитать **скорописные тексты**, и вносили в публикацию то, что им казалось реальным: Сверить со справочниками, вероятно, было невозможно, да и не с чем, а развитие науки было в таком состоянии, что априори предполагалось, что «в языке могло быть **всё**». Следует вспомнить, что особенно активно учёные стали публиковать рукописные источники во второй половине XIX в.

Эти же вопросы об искажении источников в печати относятся и к изданиям XX в., когда авторам публикаций и словарей трудно разобрать скоропись тех, кто записывал свои наблюдения карандашом, например, в специальную книжечку, называемую «Полевой дневник», который издавала Академия наук. Однако в Институте русского языка сведения, собранные в диалектологических экспедициях, разносились чернилами на отдельные листы и образывались своего рода альбомы по каждому из населённых пунктов. Создавалась картина говора, определённого фонетического склада, морфологических особенностей и лексики каждого обследованного региона. Это предусматривалось особой «Программой собирания

сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и «Постановлением-инструкцией для подготовки и составления региональных словарей русского языка». Каждый альбом, в котором содержатся ответы информантов на 147 вопросов Программы, теперь представляет собой уникальный источник для изучения говора определённой территории, написанный скорописью XX в. Исследователям также предстоит правильно прочитать эту скоропись.

Слова, отмеченные В.И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка» знаком вопроса, рассмотрел В.В. Шаповал в статье «В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса». «Более 1 190 “красных” слов с **полу жирным** знаком вопроса, – пишет он, – образуют особый слой не вполне надёжных, с точки зрения автора словаря записей, над которыми он немало потрудился... Сомнения Даля базировались на результатах критики словарных материалов, которая в принципиальных чертах изложена им в статьях и выступлениях, публикуемых обыкновенно в первом томе [Шаповал 2009: 159].

В.В. Шаповал скрупулезно изучал, какая буква по тем или иным причинам могла быть принята за другую, что привело к искажению слова. Так, по его наблюдениям, буква **а** могла быть принята за **о**, **е**, **и** или **ять**, буква **г** – за **п** или **т**, буква **е** – за **о**, **с** или **ю**, буква **н** – за **м**, **п**, или **т**, а **т** – за **ш** и др. Эти наблюдения сопровождаются в статье убедительными примерами. Приводятся слова, в которых могла произойти такая замена букв, и автор находит разгадку словам, которые В.И. Даль отметил знаком вопроса.

Эти наблюдения важны для тех, кто имеет дело со скорописью любого времени – как XVII, так и XX в. В Картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. есть материалы из Саранской таможенной книги 1692 г., опубликованной историком А.И. Яковлевым в 1951 г. Для историка-лексикографа важен справочный аппарат этой книги с Указателем слов, помогающий с исчерпывающей полнотой отразить в Словаре лексику источника.

Среди лексем на букву «У» отмечено слово **уритсков**, которое так и приведено в Указателе – в родительном падеже множественного числа. Как видно, издатель затруднился определить начальную форму, которая встретилась в следующем тексте: «Того же числа у саранца же у Герасима Иванова со шти кумачей **с трех уритсков** с трех юфтей сафьянов... с цены пошлин дватцать восемь алтын... взято» (1692 г.) [Там. кн. Саран.: 28]. Единственная фиксация лексемы всегда настораживает и заставляет обратиться к рукописному подлиннику.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея, где, по указанию А.И. Яковлева, хранится рукопись, выдать её отказались: до 2017 г. книга оказалась неопианной, т. е. в Отделе не числилась. Вскоре её зарегистрировали в фонде № 251 под номером 35998/3382, и появилась возможность ознакомиться со скорописным текстом книги.

На л. 47 об. часть этого слова была написана у **корешка** страницы, а часть – на **другой** строке **урит|сков**. Вторую часть нельзя было прочитать как **-сков** – не хватало начерка для буквы **с**, читалось только **-ков**. Фронтальное чтение всей книги от 47-го листа до конца разгадки не принесло: выносные буквы **-с** читались отчётливо.

Чтение с первых страниц показало: на л. 35 об. в слове **рублев** обнаружился точно такой же начерк, как и на л. 47 об.: первая часть слова **руб|лев** была написана у **корешка** страницы. Значит, и на л. 47 об. нельзя было читать **урит-**, следовало читать **уруб-**. Неверно прочитанное и попавшее в публикацию и Указатель книги слово **уритсков** оказалось псевдогапаксом. Теперь точно известно, что оно возникло в результате неверного чтения рукописи, и читать его надо как **уруб|ков**. Приведём тот же текст по рукописи: «Того же числа у саранца *ж* у Гарасима | Иванова со *шти* кумачеи **с трех уруб|ков** с трех юетеи саёянов и с маско|тилнова лавочнова тавару с цены | с семнатцати рублей с рубля по *десяти* | днѣгъ пошлин дватцат вомсе *алтн* | две *дѣги* взято» (л. 47 об.).

Слово **урубок** в русском языке было известно. **Урубком** называли кусок доски, ствола дерева, или кусок металла, отделённого от продолговатого слитка. Так, в Домострое XVI в. предлагали «бревна бы и дрова... усѣчки и **урубки дошаные и бревенные**... устройти в стороне... а не на дороге» [Дм: 131] (XVI в.). В Приходо-расходной книге Покровского Суздальского женского монастыря 1698 г. читаем о том, что для келейки, «о двух жилиях», построенной «гѣдрне црце на время», кроме бревен, досок, скоб, окончин, было «запла<че>но... црковному целовал<ь>нику Костянтину Игнатъеву за црковные за **четыре урубка** бревенных шесть *алтнѣ*... взяты **тѣ урубки** в ту ж вышеписанную кѣлеику на двери на одверки» [Пам. Влад., 121. 1687 г.]. Дрова вершинные, дрова кряжевые, дрова урубки отмечены в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» как ‘дрова, заготовленные из определённой части дерева’ [СПР: 177]. В записи «Приходо-расходной книги устюжского поповского старосты» 1681 г.: «Того же дни наняты два человекѣка сѣтчи дровѣ **урубковѣ** остальных хоромныхѣ, насѣчено 4 сажени дано от сѣчения и отъ колотья 5 алт<ын>» (1681 г.) [АХУ 1: 539].

В тексте Саранской таможенной книги слова «с трех урубков» помещаются при перечислении тканей и кож. Возможно, какие-то отрезки тканей или кожи, свёрнутые рулоном, могли назвать урубками. Но этот случай пока единственный в таком контексте.

Необходимо сказать о том, как неверное чтение памятника 1704 г. отразилось в передаче названия источника в Указателе источников. Он обозначен шифром “**Арт. повар**. Артикул поварня. – Рукоп. ГПБ, Q X, № 4” [Указатель: 12]. Необычное сочетание двух слов «**Артикул поварня**» заставило усомниться в его реальности. Проверка по рукописи показала, что на первом листе читается “**Артикул поварничъ | принадлежытъ**”. Как известно, большинство движений гусяного пера при изображении букв было направлено сверху вниз, реже – горизонтально, слева направо. Три элемента, из которых состояла буква **и** во втором слове, были приняты сотрудницей Группы ДРС за **я**. Следующая за ней буква **ч**, «чашечка» которой приподнята над строкой, не остановила её внимания, а часть буквы **ь** в конце строки оказалась срезанной при реставрации книги. В начале 30-х гг. XX в. мало кто из приглашённых выборщиков мог квалифицированно работать с рукописями, избегая так называемых «подводных камней», и возможность допустить ошибку при выписывании цитат из скорописных памятников, к которым впервые прикасалась рука лингвиста, была велика.

В выписке из этого источника, находящейся в КДРС, оказалось слово **тынье**. Обращение к подлинной рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге показало, что в книге это слово несколько раз написано с **выносной** согласной в сходных контекстах типа: «Ветчины нареж в длину на палець а тонко в **ножевое ты?е** и поклади на тѣ *жс* места» (л. 19), «нареж вдол в **ножевое ты?е** влож в горшокъ» (л. 27 об.) и т. п. Здесь намеренно поставлен знак вопроса на месте выносной. При изучении почерка писца, как элемента лингвистической информации источника, оказалось, что это – **тылье** с выносным **л** (без еря), т. е. имеется в виду тыльная сторона ножа, может быть, толщина его рукоятки. В тексте были найдены многочисленные случаи аналогичной передачи выносного **л** тем же начерком в словах *стол*, *котел* – на конце слов, *шпилки*, *миндалный*, *телный*, *мелко* – в середине слов, в императиве глагола *толки* и др. Выносное же **н** встретилось в словах *голиндра*, *фиронтелли*, *голендерский* и др. в виде чётко изображённого знака **н** под титлом.

Когда в 1934 г. для Картотеки ДРС расписывалась эта рукопись, о лингвистическом источниковедении и его категориях не было

речи. Вопрос о достоверности источников и об изучении их с этой позиции хотя и стоял, но недостаточно конкретно. Не было разработано теоретических основ для такой работы. А молодой выборщик, будучи человеком любознательным и смелым, не спасовал перед трудным рукописным текстом, взявшись за него. Это была Евгения Марковна Иссерлин, впоследствии доктор филологических наук, всю жизнь проработавшая с древнерусскими текстами, оставившая ценные исследования и полный указатель слов к «Молению Даниила Заточника».

Иногда источником псевдогапакса является **способ издания памятника**, т. е. особенности материала, с которого производится копирование текста для публикации, если перед издателем **не лежит подлинная рукопись**. Например, в фотокопиях и микрофильмах не всегда ясны элементы букв, пропитавшиеся с противоположной страницы или написанные высыхающим пером. Так, со словом **тынье** пришлось столкнуться ещё раз уже в XXI в. К публикации Л.М. Городиловой «Енисейские товарные ценовные росписи XVII в.» в журнале *Palaeoslavica* [Городилова 2007] прилагается Указатель слов, в котором зарегистрировано это слово. На л. 31 читаем: «пимы долгиe половинчатые **тыне искне** \ цена шесть алтнъ четыре денги». Как видим, слово написано также с выносной буквой. В публикации, осуществлённой А.Н. Зерцаловым [Тов. Цен. росп.] на этом месте читается слово **тынгуские**. Рукопись из Сибирского приказа РГАДА (ф. 214, оп. 1, № 254) можно было использовать для сверки в корректуре. Оказался прав А.Н. Зерцалов. Причина появления псевдогапакса объясняется тем, что в подлиннике в слове **тынгуские** буква *г* после *н*, поднятая в верхнее междустрочие, написана высыхающим пером, и вероятно, в микрофильме, по которому осуществлялась публикация «Енисейских росписей» Л.М. Городиловой, её было невозможно прочесть правильно.

Трудно решается вопрос о чтении в скорописных текстах XVII в. **выносных букв**. Так, в Картотеке ДРС встретилась карточка с цитатой: «Пришел тот Дружина ко племеннику моему Алеше на дворъ... и почал на дворъ нахвално того племянника моего Алешу тут бранит и с повѣти почал в него ослопьемъ бросати и вилами стожными **утиню** на укол шибати» (Коллекция Зинченко, № 34, сст. 1. 1633 г.). Кто-то разделил в карточке слово на *у* и **тыню** и поставил над ним вопросительный знак, а карточка с цитатой оказалась в алфавитном отрезке на букву «Т» среди материалов на слово **тынь**. При сверке с рукописью в архиве Института истории РАН (Санкт-Петербург) оказалось, что выносная буква в выделенном

слове написана так, что её можно прочесть как **н**, **л**, или **ч**. Изучение особенностей почерка писца этой челобитной, проведённое по **всему** тексту, показало, что слово можно прочесть как **утыч(ь)ю**, потому что выносные буквы в словах **явочку**, **Федорович** написаны аналогично. Материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» зафиксировали наречие **утычью** в уральских, зауральских, вологодских, северодвинских местах в значении ‘стоймя’, ‘торчком, перпендикулярно’. Приведены краткие тексты, записанные и в городе Кургане: «Ставь доски-те утычью. – Дак ведь заноза-та утычью воткнулась, не скоро достанешь». В «Опыте областного словаря» 1852 г. читаем: «**Утычью**, нар. Концом прямо, а не съ боку, невкось. Волог. *Никол.*» [Опыт: 242]. Это же слово есть и в недавно опубликованном Словаре Дилакторского [Дилакторский: 532], где автор ссылается на «Опыт областного словаря».

Из 28-го выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.» пришлось исключить слово **струинный**: «Дороги цвѣтныя, сруинныя, другия полосатыя», встретившееся в «Росписи всяким вещам, деньгам... оярина Никиты Ивановича Романова» 1655–1659 гг. [Росп. им. Н. Ром.: 148]. В издании не указаны номера фонда, дела и листа. С помощью сотрудника А.И. Гамаюнова, высказавшего предположение относительно фонда, в котором может храниться подлинник, была найдена рукопись. При фронтальном чтении книги было обнаружено, что **дороги** определены в ней как **струистые** [Росп. им. Н. Ром.: 313]. Издатели неверно прочитали под титлом сочетания двух выносных букв **с** и **т** как **нт**.

Аналогичен случай со снятием из очередного выпуска Словаря слова **суглина**, которое тоже обнаружилось в выписке из рукописи: «Веревка суглина подолнишной пряжы» [Кн. расх. Холмог. арх. д. № 108: 94]. Цитата взята из расходной книги № 108 Холмогорского архиерейского дома 1696 г., хранящейся в архиве Института истории (Санкт-Петербург). Здесь оставалось только проверить по рукописи, верно ли была сделана выписка, так как номер листа был указан. На первый взгляд, сочетание буквы **с** и последующей буквы **и** (ук) в слове **суглина** нужно было читать именно так. Изучение лингвистической информативности рукописи показало, что сочетание букв **б** и **и** в неоднократно встречающемся слове **обувь** в книге написано точно также, как и в **суглина**. Сомнения разрешились: слово **буглина** ‘снасть для отяжки парусов’ уже отражено в первом выпуске СлРЯ XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 344]. В Словаре Н.А. Смирнова, помещённом в его работе 1910 г. «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», отмечено заимствованное из

голландского языка слово «**Булинь** *boelyn* – булинь, веревка для вытягивания наветренной стороны паруса к ветру. Морск. Кн. Устав. Морск., с. 870» [Лекс. вокаб нов.: 68. Нач. XVIII в.].

Признавая условно достоверность рукописей абсолютной, приведём пример выявления в известном источнике слова, к сожалению, **не зафиксированного словарями**. Систематического описания источников применительно к отдельным уровням языка (скажем, источников по истории русской лексики или синтаксиса) ещё нет. Возможно, это является одной из причин извлечения новых слов из уже описанных археографами рукописей. Многие из них, давно известные исследователям-историкам, опубликованы не были. Так, в **столбце № 35** Московской Оружейной палаты 1614 г. [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 1, № 35] обнаружено слово **наструга**. Царь приказывает тверскому воеводе: «для нашего дѣла к посохом [*слово написано над зачѣркнутым*: посошного дѣла] взяти во Твери в рядѣх у посацких люди и у токареи пят<ь> гривенок **наструги лутчие**, чтоб к нѣму дѣлу к посохом пригодилася». И далее напоминает: «И вы к нам тое **наструги** по ся мѣста февраля по Ді число не присыльвали... [и что-бы] изготовя ту **настругу** прислали к нам к Москве вскоре и велѣли отдать в Серебряном приказе кравчему нѣму... а с кѣмъ тое **настругу** к нам к Москве пошлете и в котором числѣ и вы б о том отписали к нам к Москве... чтоб нам про тое **настругу** было вѣдомо». Слово **наструга**, отсутствующее в исторических словарях, встречается в грамоте в родительном и винительном падежах, так что начальную форму восстановить легко. Ясно и предназначение её: лучшая **наструга** нужна для изготовления посохов. Но в данном случае без точного указания на предмет определить семантику слова трудно.

А.И. Успенский, описавший эти столбцы в трёхтомном труде, приводит в кавычках написание «**прислать на струги**» [Успенский 1912, 1: 11], и таким образом, в его обзоре слово **наструга** исчезает. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «**Наструг**, *м.* – общее название снарядов различного вида, для строганья: широкая стамеска (железко), вставленная в колодку наискось и прижатая клином» [Даль 2: 476]. **Наструги** (женского рода) в Словаре В.И. Даля нет. В «Словаре русских народных говоров» словом **наструга**, зафиксированным в 1855 г., обозначена 'тягота'. В «Словарь русского языка XI–XVII вв.» это слово не включено: 10-й выпуск «Н–Наятися» вышел в 1983 г. Возможно, слово попадёт в дополнительный том Словаря.

Здесь приведены материалы с псевдогапаксами, возникшими вследствие недостаточной опытности выборщиков и издателей,

которые, вероятно, считали, что любые, самые необыкновенные слова могли существовать в древнем языке. Справиться они могли только в «Материалах» И.И. Срезневского, в которых был представлен с наибольшей полнотой русский язык до XV в. включительно, а начали они издаваться в 1880 г. Других исторических словарей не было.

С 1995 г. ведёт свои наблюдения над выпусками СРНГ А.Ф. Журавлёв, высказавший сожаление о том, что этот академический словарь имеет столько недосмотров и ошибочных слов. А это, видимо, объясняется недостаточным умением авторов словаря читать скоропись XX в. и конца XIX в. Вот некоторые примеры из работ А. Ф. Журавлева.

«**Банолда** <...>. Бранно. Дура. Ряз., 1828 (вып. 2: 97). Очевидная ошибка: рукописное *х* воспринято как *н*. Ср. *бахолда* ‘неопрятный и ленивый человек’, тамб. ‘неопрятная ленивая девушка’, тул. ‘вялый человек, разиня’, костром., перм., урал. ‘бахвал, самохвал; хвастун или лгун’, тамб. «‘балаболка’ <‘бубенец’ или ‘пустомеля’? – А.Ж.>», нижегор. *бахалда* ‘бойкая, крикливая баба’ Даль, Доп. к Опыту 1858: 6 (вып. 2: 152, 156), далее *халда* ‘неопрятная женщина’ и др.» [Журавлёв 2002: 129].

«**Бгатшан** <...>. (удар.?). Единица веса в 10 фунтов, обычно для взвешивания соли <...>. Костром. Бурнашев (опечатка?). – Ср. Батман (в 1-м знач.) (СРНГ, вып. 2: 168) <...>. Рукописное *м* прочитано как *ш*; наличие *г* непонятно» [Журавлёв 1995: 184].

«**Безрешенье** <...>. То же, что безвременье. Кунгур. Перм. (вып. 2: 198). Ср. перм. *безременье* ‘несчастье’, мезен. арх. *безременьце* ‘то же’ [там же], перм. *безвременье* ‘беда, несчастье или болезнь’ (вып. 2: 183), тамб., нижегор., перм., том., алт. *безвременьяне* ‘то же’ (вып. 2: 184). Как и в предыдущем случае, рукописное *м* прочитано как *ш*» [Там же: 184].

«**Битоок** <...>. Вошь. Оренб. (вып. 2: 298). Ср. исык.-кульск. *битюк* ‘вошь’ (вып. 2: 303). Небрежное рукописное *ю* прочитано как *оо*. Слово является суффиксально оформленным заимствованием из тюркских языков, ср. тюрк. *bit/bit* ‘вошь’» [Там же: 184].

«**Буером** <...>. (удар.?). То же, что буераг (в 1-м знач.). Дон. (СРНГ, вып. 3: 252). Ср. *буераг* <...>. Рукописное начертание *аг* (или *ак*?) воспринято как *ом*» [Там же: 185].

«**Буларка** <...>. *Козявка*. Енис. (вып. 3: 267). По-видимому, неправильно прочитанное *букарка* или *бухарка*. Ср. севернорус., сиб. *букарка* ‘насекомое’, ‘жесткокрылое насекомое, жучок’, шуйск. иван. ‘личинка стрекозы’, далее яросл. *букара* ‘насекомое; букашка’,

букарака ‘то же’, черепов. волог., боров. новг. *букараха* ‘то же’ (вып. 3: 263) и под. или же сиб. *бухарка* ‘букашка, козявка, насекомое’, ‘земляной клоп’, ‘жук, жучок’, ‘жесткокрылое насекомое – вредитель растений’ (вып. 3: 320), далее *бухара* рыб. яросл. ‘пчела’, пошех. яросл. ‘шмель’ (СРНГ, вып. 3: 319)» [Там же].

«**Бусрага** <...>. *Сильный ветер; вьюга*. Пск.Пск. (вып. 3: 307). Небрежное строчное *е* прочитано как *с*: ср. петерб. пск. *буерага* ‘бура, сильный ветер, метель’ (СРНГ, вып. 3: 351)» [Там же].

«**Буфага** <...>. *Сильный ветер; вьюга*. Пск. (вып. 3: 317). Слово, как видим, сильно не везёт. Сочетание букв *ер* читается как *ф*» [Там же].

«**Буфеково**. Название пустоши. Черепов. Новг. (СРНГ, вып. 3: 317). <...> В данном случае неправильно прочитано название Буераково (к описанным сбоям в чтении добавляется восприятие небрежного *а* как *е*)» [Там же].

«**Буфон** <...>. *Влажный ветер*. Стариц. Твер. (вып. 3: 317). Ср. буераг, буерак (см. выше)... В чтении записи сделаны две ошибки: *ер* прочитано как *ф*, а *аг* (менее вероятно *ак*) – как *он*. Невезение слову просто фатальное» [Там же].

«**Верешёна** <...>. Насекомое (какое?). Орл. Вят. (вып. 4: 143). Результат неверного чтения рукописного трехлинейного *т* как *ш*; следует: *веретёна* (может быть, множ.ч.), ср. севернорус., в том числе орл. вят., *веретено* ‘стрекоза’ (СРНГ, вып. 4: 137)» [Там же].

«**Волдат** <...>. 1. Солдат. Ряз., 1858. 2. Сорванец, своевольник. Ряз., 1858 (вып. 5: 37). Оба значения записаны, судя по тождественным датам, одним собирателем. Можно предположить, что его почерку были свойственны слишком крутые загибы концов буквы *е*, сближившие её с рукописным строчным *в*» [Журавлев 1995: 186].

Примеры можно продолжить, но приведём слово, на которое обратили внимание два исследователя.

«**Всилянъ** <...>. (удар.?). То же, что вскльень. *Всилянъ налить*. Касим. Ряз. (СРНГ, вып. 5: 199). Ср. *вскльень, всклянь* ‘очень полно, доверху, вровень с краями’ (СРНГ, вып. 5: 201, 202). Несомненно, что бегло написанное *к* воспринято составителем статьи как *ш*» [Там же].

А вот что читается у А.Б. Страхова: «Думаю, что **всилень** – это неправильно прочитанное *всклянь* ‘полно, доверху, вровень с краями’: налила молока (воды) в сосуд всклянь; см. это слово с пометами: Тамб., Опоч. Пск., 1852, Пск., Ряз.» (СРНГ 5: 202) [Страхов 1998: 266].

А.Б. Страхов верно исправил и слово **грыдля**, которое в СлРЯ XI–XVII вв. прошло в 4-м выпуске под вопросом [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 147]: «О епископах и о причетницах, иже играют и глумятся

и упиваются, и ловы деют, и на позорища ходят, **и грьдля дают** или гробы воскапывают» [Корм. Балаш., 16. XVI в.]. Это не игры для, а **игры глядают** [Страхов 1998: 254]. Писец вместо **г** написал букву **д** в слове **глядют**. А.Б. Страхов нашёл аналогичный текст в источнике XIV в. Он точно определил, куда нужно заглянуть, чего не сделали авторы Словаря: могли не знать, не было времени или опыта.

Отмечаются и недостатки корректуры в СРНГ, а в основном – неумение прочитать скорописные тексты, что множит псевдогапаксы подобного рода, которых на сегодня отмечено уже более тысячи.

Источники

Арт. повар. – Артикул поварнич. Рукоп. ГПБ, Q X, № 4 // Указатель источников Картотеки русского языка XI–XVII вв. Москва: б/и, 1975.

АХУ 1 – Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 1. 1500–1699 гг. // Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург, 1890. Т. 12.

Дм – Домострой по списку Общества истории и древностей российских // Чтения ОИДР. Москва, 1881. Кн. 2. С. 1–166.

ДРВ – Древняя Российская вивлиофика. Москва, 1773. Т. 2.

Кн. расх. Холмог. арх. д. № 108 – Книга расходная Холмогорского архиепископского дома 1695–1696 гг. Рукоп. ИИ РАН. К. 11, № 108 (Санкт-Петербург).

Лекс. вокаб. нов. – Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. ОРЯС. Т. 88, № 2. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1910 г. 382 с.

Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / под ред. С.И. Коткова. Москва, 1984.

Росп. им. Н. Ром. – Росписи всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. 1655–1659 гг. // Чтения ОИДР. 1887. Кн. 3. С. 148. Рукоп. РГАДА. Ф. 141 Приказные дела старых лет. Оп. 3. Ед. хр. 108.

Там. кн. Саран. – Книга города Саранска таможенному пошлинному сбору 200-го году // Саранская таможенная книга за 1692 год / под ред. А.И. Яковлева. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1951. С. 13–59.

Тов. цен. росп. – Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску XVII в. Сообщил А.Н. Зерцалов // Чтения ОИДР. 1900. Кн. 2, отд. 1. С. 63–130.

Литература

Астахина Л.Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.

Городилова Л.М. Енисейские ценовые росписи XVII в. // Palaeoslavica. 2007. XV. No. 2. Pp. 207–260.

Добродомов И.Г. Избранные труды по этимологии и лексикологии. Москва: МПГУ, 2015. 459 с.

Журавлёв А.Ф. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А–3 // *Dialectologia Slavica*. Москва: Индрик, 1995. С. 183–195.

Журавлёв А.Ф. Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2002. С. 120–131.

Журавлёв А.Ф. Лексикографические фантомы // *Palaeoslavica*. 2012. XX. № 1. С. 261–276.

Калайдович К.Ф. Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К.Ф. Калайдовича к Н.Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров. Москва: Тип. Селивановского, 1814. 19 с.

Козлова А.Ю. «Трудные» слова в текстах и словарях. Сборник 6 // Герменевтика древнерусской литературы. Москва: ИМЛИ РАН, 1993. Ч. 2. С. 342–357.

Крючкова Л.Л. Комментарий к «Словарной картотеке Г.С. Новикова-Дарурского». Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2014. 158 с.

Ламбин Н. О слепоте Якуна и его златотканной луде. Критико-филологическое разыскание // Журнал Министерства народного просвещения. 1858. Май. С. 34–78.

Лихачёв Д.С. Текстология. Москва; Ленинград: Наука, Ленинград. отделение, 1962. 605 с.

Постановление-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. Москва; Ленинград, 1960.

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 218, [6] с.

Страхов А.Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. (замечания и поправки) // *Palaeoslavica*. 1998. VI. Pp. 253–272.

Страхов А.Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. (замечания и поправки, соображения): дополнения // *Palaeoslavica*. 2008. XVI. Pp. 218–275.

Успенский А.И. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып. 1–3. Москва: Общ. арх. М-ва имп. двора, 1912–1914.

Чернышев В.И. Тёмные слова в русском языке // Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. Москва, 1970. Т. 1, ч. 2. Лексикология и лексикография. С. 303–317.

Шаповал В.В. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1989–1991.

Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин и С.А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 678 с.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Акад. наук. Санкт-Петербург, 1852. 275 с.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 253 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47 / под ред. Ф.П. Филина [и др.]. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2015.

Словарь русского языка I–XVII вв. Вып. 1–31 / под ред. С.Г. Бархударова, Д.Н. Шмелева, Ф.П. Филина, Г.А. Богатовой, В.Б. Крысько, Р.Н. Кривко. Москва, 1975–2019.

Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–3. Москва, 1893–1913.

Указатель – Указатель источников Картоотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Москва: б/и, 1975. 215 с.

УДК 81'1-027.21

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СЛОВАРЯХ РАЗНОГО ТИПА

Т.Н. Бунчук

*Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
tnbunchuk@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен опыт лексикографической обработки диалектных материалов. Диалект выступает в качестве источника для выявления и описания языковой личности носителя народной культуры. Автором описаны два типа словарей, подготовленных к изданию исследователями Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, – авторский и словарь-мемория, в которых по-разному решается проблема представления диалекта и народной культуры сквозь призму языковой личности.

Ключевые слова: диалект; языковая личность; народная культура; словарь

ATTEMPT TO DESCRIBE THE DIALECTAL LINGUISTIC PERSONA IN DIFFERENT TYPES OF DICTIONARIES

T.N. Bunchuk

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Abstract. The article presents an attempt lexicographically to process dialectal data. The dialect serves as the source to find and describe the linguistic persona of the folk culture bearer. The author describes two types of dictionaries prepared for publishing by the researchers of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin – an author's dictionary and a memory dictionary that address the challenge of presenting the dialect and folk culture from the linguistic persona perspective.

Keywords: dialect; linguistic persona; folk culture; dictionary

В современном языкознании выработаны различные аспекты исследования и методологические подходы к описанию языковой личности. Довольно успешно в русистике разрабатывается и лексикографический аспект исследования: составляются словари отдельных носителей языка. В таких лексикографических описаниях речи индивида отражается его мировидение, система ценностей, психологический и интеллектуальный склад его личности, ведь язык является одним из главных средств ее экспликации.

В зависимости от объекта описания в современной лексикографической практике определились два типа языковых фигур – носитель литературного языка (письменная ипостась личности) и носитель диалекта (устная ипостась личности). Первая языковая личность – это языковая фигура, выявляемая на основе анализа ее письменной деятельности – публицистических, эпистолярных и художественных текстов (это не только словари языка писателей, но и словари личностей, выражающихся в письменной деятельности, например, словарь речи старообрядки Агафьи Лыковой, составленный на основе ее писем, записок [Толстова 2004]). Вторая языковая личность – носитель говора, чья устная речь становится основой для описания его речевого портрета. В качестве источников описания этой языковой личности наметились два типа записей. Один тип записей – это речь носителя диалекта, зафиксированная специалистом или кем-либо, кто имеет общее представление о лексикографической работе (см.: «Словарь диалектной личности» [Лютикова, 2000], «Экспрессивный словарь диалектной личности» [Нефедова, 2001], «Диалектный словарь личности» [Тимофеев 2012], «Полный словарь диалектной языковой личности» [Иванцова 2012] и мн. др.). Как можно заметить, этот аспект имеет на сегодня хорошую разработанность. В этих словарях предстают воссозданные по профессиональным записям речевые портреты носителей народной культуры.

Другой источник лексикографического описания диалектной языковой личности – автозаписи и непрофессиональные записи речи одного диалектоносителя. Такие записи представляют собой языковую рефлексию представителей народной культуры. Такого рода «наивные» словари (словари местных слов), широко представлены в современной народной культуре наряду с рукописными календарями, песенниками, дневниками. Их описание и изучение представлено в монографии Е.Д. Бондаренко [Бондаренко 2021].

Сыктывкарскими исследователями также предпринята попытка подготовки словарей диалектной личности разных типов – условно говоря, автословарь и словарь-мемория. Автословарь

представляет собой словарь, составленный на основе рефлексии собственной речевой практики: список слов с толкованием, известных автору словаря. Таким словарем является словарь «Слова старинные»: словарь, составленный пижемским старожилом Леонидом Федоровичем Соловьевым и подготовленный к печати коллективом сотрудников СГУ им. Питирима Сорокина (Т.Н. Бунчук, Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой) [Слова старинные 2021]. Словарь-мемория – это словарь, составленный на основе записей от одного диалектоносителя, выполненных другим носителем говора «в память» и по памяти, дополненный сведениями из профессиональной картотеки. Таким словарем является сборник «Баивала бабушка Марика», составленный на основе записей от Марии Андреевны Куликовой, жительницы села Лойма, сделанных в разное время Людмилой Валерьяновной Куликовой и сотрудниками Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (в печати).

Выбор объектов описания был обусловлен в том числе и тем фактом, что языковое сознание носителя говора особенно ярко проявляет себя на тех территориях, которые по историческим и природно-естественным причинам сложились как историко-культурные центры со своеобразной фольклорной традицией. Села Лойма и Усть-Цильма являются одними из таких центров Русского Севера. Несмотря на общность объекта описания – диалектная языковая личность – словари принципиально различаются и по характеру представленного материала, и по принципам описания.

Словарь «Слова старинные» это не просто «механическая» публикация собрания пижемца Л.Ф. Соловьева: словарь представляет собой попытку показать языковую рефлексию диалектоносителя, его отношение к своей речи, речи односельчан; определить своеобразие речи отдельного носителя говора на фоне печорских говоров (индивидуальные переносные значения, стилистическая окраска, речевые пристрастия и т.п.). Концепция словаря исходит от положения, что в сознании носителя того или иного говора речь и ее местные особенности являются определенным культурно-языковым «знаком» пространства и в определенной степени времени. Носители диалекта имеют стихийно сложившееся представление о норме, что выражается в противопоставлениях, типа *У нас так говорят / не говорят*. Более того, сами диалектоносители способны отличать динамику этой «нормы»: устаревание некоторых форм или лексем и появление новых.

Впервые с записями Л.Ф. Соловьева специалисты познакомились в 2006 г. Самодельный словарь располагался среди дневниковых

записей автора, между ежедневными заметками о местных погодных (температурных и атмосферных) явлениях и записями бытового характера [Фольклорный Архив СГУ им. Питирима Сорокина].

Анализ лексикографических описаний, сделанных носителем говора, позволил выявить особенности языковой рефлексии устьцилема-пижемца: во-первых, установить круг слов, которые сам диалектоноситель считает «своими» (в соответствии со стихийно сложившимся представлением о словарном составе территории); во-вторых, определить, условно говоря, «хронологическое» и «предпочтительное» восприятие лексики (с одной стороны, по мысли автора, в словаре должна была быть зафиксирована малоупотребительная вследствие устаревания лексика, а с другой стороны, словарь включает актуальную для языковой личности лексику, отражая тем самым «языковую предпочтительность»); и, в-третьих, выявить семантические сферы, актуальные в идиолекте одного из носителей говора.

Вокабулы в автословаре располагались в произвольном порядке, т.к. составление словаря имело ситуативный характер: Л.Ф. Соловьев вспоминал слово и по мере вспоминания вносил его в тетрадь. Словарная статья начиналась заглавным словом, которое далеко не всегда дается в начальной форме (это касается прежде всего глаголов), например *гурнула* (прош.вр.), *лячну* (буд.вр.), *хлыпчется* (наст.вр.), *не древь* (повелит. накл.). Толкование слов осуществлялось посредством либо литературных синонимов, например *потирало* ‘полотенце’, либо посредством диалектных синонимов активного, с точки зрения автора, употребления, например, *опока* ‘белая земля’ (лит. известняк), *лупить* ‘шкерить картошку’ (лит. чистить) и т.д.; либо описательным путем, например, *ступни* ‘обувь без голенищ из кожи, подошва берестяная, забивали деревянными шпильками’ и т.д.

Иллюстрации к словам автор давал выборочно, обычно это типовое словоупотребление, иногда весьма скромное, например: *санбура* ‘делает и говорит то, что не нужно’: *Вот санбура-то!*; *вичкать* ‘скрипеть’: *Не вичкай!* и т.д. Иногда давалась весьма развернутая иллюстрация, замещающая порой семантическое толкование, например, *тюни* ‘обувь из телячьих камусов’: *Промачивали смольной водой, тюни – носки, голенища из кожи, оборамы подвязывали.*

Анализ семантических толкований и иллюстраций интересен в диахроническом аспекте. Автор-диалектоноситель, обозначая цель составления словаря как сохранение старинной пижемской лексики, тем самым разграничивает диалектные лексемы

пассивного и активного употребления. Так, в контексте толкований и иллюстраций Л.Ф. Соловьев использует диалектные слова, которые представляются ему современными, и потому он не сопровождает их комментариями и пояснениями, например, в толкованиях обнаруживаются такие территориально ограниченные лексемы, как *смольная вода*, *виньгаться*, *трать* и т.д. Таким образом, в словаре достаточно четко проявляет себя диахроническая дифференциация лексики, отражающая особенности языковой рефлексии автора.

Надо сказать, что такого рода автословари очень распространены, и их сейчас фиксируют собиратели в большом количестве. В отличие от профессиональных записей такие «наивные» словари дают, условно говоря, не искаженную другим сознанием языковую картину идиолекта. Однако недостаток таких словарей – в сложности их «чтения»: довольно затруднительно извлекать из таких словарей специальную информацию – значение слова, его употребление, стилистическую окраску и т.д., т.е. то, что важно для лингвистической интерпретации языкового факта, и то, что может дать информацию о языковой картине мира говорящего. Кроме этого, важно учесть и так называемую читабельность словаря, рассчитанного не только на специалистов, но и на широкую, в том числе и профессиональную публику.

Другой словарь, готовящийся к изданию сыктывкарскими языковедами, – это словарь «Баивала бабушка Марика», составленный на основе записей, сделанных в разное время от Марии Андреевны Куликовой, 1908 г.р., жительницы села Лойма Прилузского района Республики Коми. Мария Андреевна обладала удивительной памятью и до девяноста лет помнила не только фольклорные произведения (песни, причитания, пословицы, поговорки, загадки), но и все стихи, выученные во время кратковременного посещения школы, и даже условия математических задач. Материалом для этого словаря послужили рукописные записи диалектологов в 1978 и 1980 гг., а также записи, которые на протяжении их совместной жизни вела невестка Марии Андреевны – Л.В. Куликова, библиотекарь Лоемской районной библиотеки.

В словаре предполагается несколько разделов – словарь диалектных слов, образцы речи, фольклорные произведения, записанные от Марии Андреевны. Словарь диалектных слов также получил лексикографическую обработку – слова и фразеологизмы сопровождаются необходимыми фонетическими и грамматическими комментариями (ударение, грамматические свойства слова), иллюстрациями употребления. Указаны омонимы и лексико-семантические варианты слов.

Иллюстрации словоупотреблений представляют собой фрагменты речи, в которых использовано описываемое слово. Запись речи нефонетическая, но максимально приближенная к аутентичной, с указанием характерных диалектных черт. Верифицируемость диалектных записей обеспечивается, с одной стороны, тем, что речь Марии Андреевны записана диалектологами и Л.В. Куликовой довольно детально (диалектологи делали фонетическую транскрипцию, а Л.В. Куликова делала специальные пометы для нелитературного произношения и форм), а с другой стороны, «языковым слухом» Людмилы Валерьяновны, которая всю жизнь прожила и живет в селе Лойма, поэтому, постоянно находясь в речевой среде, чутко улавливает особенности диалектной речи.

Существенное место в словаре занимают образцы диалектной речи, выполненные диалектологами и Л.В. Куликовой. Тексты представляют собой рассказы о быте (о катании валенок, о печении хлеба и приготовлении пищи, о сенокосе и др.), свадебном обрядовом фольклоре, народной медицине, народные наблюдения за природными и физическими явлениями, наставления молодому поколению. В этих рассказах предстает лоемская народная культура начала – середины XX века в разных ее проявлениях, с ее своеобразным пониманием действительности, преломленная сознанием языковой личности одного из ее носителей. Эта культура еще сохраняла многие архаические представления, входившие в жизнь человека естественно, посредством культурной памяти. И рассказы Марии Андреевны как раз из числа таких «трансляторских» текстов: говоря о прошлом, рассказчица проецировала свои знания на настоящее и будущее – так надо делать и понимать, потому что так делали и понимали наши предки. Например: *Мне ишишо моя бабушка говаривала про пуп-от. Хранись, девка, пуп-от не надорви, это друго серчо. Как идёшь, дак он впереди тебя должон идти, толды и спине легше, и не заболит.*

Кроме собственно языкового материала, в словарь включены фольклорные произведения: пословицы, поговорки, устойчивые выражения (более 80 единиц), например: **о работе и безделье:** *Кто орёт, а кто жорёт; С печи на полати пятами сверкати* ('бездельничать'); *Шей да пори, не будет проста поры* ('о бесполезной, мало значимой работе'). **О языке и речи:** *Языку каши давать* ('о том, что перед тем как сказать, надо подумать, дать пищу уму': *Лишной раз не промолчит, а язычку-ту надо кашки маленько давать*). **О бане и чистоте:** *Баня без пара, что ишти без наваря. И муху бити надо руки мыть.* **О гостях, застолье и гулянье:** *С маслом да со*

сметаной и бабушкин лапоть съешь. Летела сорока, села на гвоздь. Как хозяйка – так и гость! (поговорка при приглашении отведать закуски и питье). **О жизни и смерти, о судьбе:** *Вчерашнѣ не догонишь, а от завтрава не уйдѣшь* и др. Также в словарь включены инвективы, загадки, заговоры, свадебные причитания, величальная песня, частушки.

Безусловно, этот словарь – отражение не только языковой личности Марии Андреевны Куликовой. Из него можно извлечь и информацию о другой языковой личности – ее невестки, Людмилы Валерьяновны Куликовой, одного из авторов-составителей. Внимание к той или иной сфере жизни корректировало собирательский интерес, стимулировало ее память. Однако этот факт не препятствует другой цели словаря – дать представление о народной культуре Лоймы, самобытного села, оказавшегося в иноязыковом окружении и сохранившего культурную память в слове и тексте.

В заключении надо сказать, что два этих словаря только попытка нащупать оптимальные способы отражения диалектной языковой личности в лексикографической практике. В каждом из опытов есть свои достоинства и недостатки, однако необходимость работы над представлением диалектной языковой личности нам представляется важной.

Литература и источники

Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. Москва: Индрик, 2021. 584 с.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2000. 188 с.

Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. Москва: Изд-во МГУ, 2001. 143 с.

Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-воТомского ун-та, 2006. 2012.

«Слова старинные». Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / сост.: Т.Н. Бунчук, Ю.Н. Ильина, Т.С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. 132 с.

Тимофеев В.П., Тимофеева О.В. Диалектный словарь личности. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 561 с.

Толстова Г.А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: Красноярский писатель, 2004. 559 с.

Фольклорный Архив Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Усть-Цилемское собрание: 03186-2.

ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

О.В. Васильева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербурге, Россия, barcarola@list.ru*

Аннотация. Вышедшие выпуски Псковского областного словаря, в которых описано более 70 тысяч слов, – действительно богатейший свод цитат из речи псковского крестьянства, за которыми стоят и материальная, и духовная культура жителей Псковщины.

Ключевые слова: Псковский областной словарь; диалектная лексика; народная культура; материальная и духовная культура

PSKOV REGIONAL DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING FOLK CULTURE

O. V. Vasilyeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The published editions of the Pskov Regional Dictionary, which describe more than 70 thousand words, are truly the richest collection of quotations from the speech of the Pskov peasantry, behind which stand both the material and spiritual culture of the inhabitants of the Pskov region.

Keywords: Pskov Regional Dictionary; dialect vocabulary; folk culture; material and spiritual culture

28 выпусков еще не законченного Псковского областного словаря [ПОС], в которых описано более 70 тысяч слов – действительно богатейший свод цитат из речи псковского крестьянства, за которыми стоят и материальная, и духовная культура жителей Псковщины. Конечно, каждая иллюстрация в Словаре – только одна фраза, взятая из более широкого контекста, многие из которых являются пространными рассказами крестьян и могут гораздо подробнее представить читателям те или иные реалии или суждения. Как считают исследователи, «диалектная речь (рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социальной среды) – важнейший транслятор традиционной народной культуры» [Крючкова 2019: 163]. «В этих (диалектных) текстах отражены разные факторы, параметры – этнический, культурный, духовный, мировоззренческий (в том числе религиозный), художественный (в том числе фольклорный), возрастной, статусный, социальный, событийный, коммуникативный, досуговый, бытовой и некот. др.»

[Климкова 2016: 148]. Но тетради, в которых зафиксированы связанные тексты, являются достоянием архивов – Санкт-Петербургского и Псковского – и поэтому труднодоступны. Правда, петербургский архив тетрадей не так давно был оцифрован и выложен на сайте Президентской библиотеки имени Ельцина, тем самым попав в открытый доступ. Однако тетради – это рукописи, выполненные разными почерками, записи в них не систематизированы и не аннотированы, поэтому поиск конкретного материала в них по-прежнему труден: сплошное чтение подряд сотен тетрадей – не самый оптимальный вариант сбора нужных контекстов. Промежуточный вариант хранения и представления собранных материалов – картотека ПОСа (КПОС). Как пишут исследователи, «такая богатая картотека, как КПОС, дает основания для тщательного и детального изучения многих языковых фактов, выяснения различных возможностей языка, тем более, что народный язык очень богат и разнообразен» [Мельникова, Костючук 1995: 29]. Вместе с тем картотека, будучи огромным уникальным собранием, хранится только в двух локациях – Межкафедральном словарном кабинете имени Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ и Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований филологического факультета ПсковГУ. Поэтому опубликованные выпуски по-прежнему остаются наиболее удобной и доступной формой представления материалов. Несмотря на сокращение авторского коллектива и трудности онлайн-обсуждений во время пандемии, авторы Словаря, как и раньше, очень ответственно относятся к составлению словарных отрезков, и в Псковском, и в Санкт-Петербургском университетах наиболее сложные слова обсуждаются на заседаниях коллективов, а редакторы не один раз внимательно читают рукопись очередного выпуска, вынося спорные моменты на обсуждение. Поэтому формулировки, представленные в зоне толкования, всегда являются плодом коллективных усилий и зрелых размышлений. Как пишет Л.Я. Костючук, «последовательные наблюдения при создании словаря полного типа (отражение всех слов, попадающих в поле зрения собирателя с выяснением их семантики и с представлением лексико-семантических особенностей в системе) позволяют выяснить сходжения и расхождения в говорах Северо-Запада с отражением культурной и бытовой специфики на соответствующей территории» [Костючук 2007].

Вне всякого сомнения, тематические диалектные словари, прекрасным образцом которых является Лыняной словарь А.В. Громова,

наилучшим образом знакомят читателей с той или иной сферой жизни русского крестьянства. На материалах диалектного и фольклорно-этнографического архива научно-исследовательской лаборатории филологического факультета Псковского государственного университета был составлен первый тематический словарь по псковским говорам – «Традиционный быт псковских крестьян. Опыт регионального этнолингвистического словаря», где получили подробное описание традиционное жилище, прядение и ткачество, одежда и обувь, а также традиционная пища псковского крестьянства. Словарь сопровождается подборкой текстов соответствующей тематики, что позволяет читателям познакомиться с более широкими контекстами. Как пишут авторы, «словарь воплощает идею исторической и социокультурной значимости народной речи, в которой, как в зеркале, отражается вся полнота реального существования и мировосприятия человека» [Большакова 2012: 2]. В Пскове начата работа над тематическим словарем по льноводству Псковской области. Хочется надеяться, что найдутся исследователи, которые на базе ПОСа составят разные тематические словари, подобно тому, как это было предпринято в Орловском государственном университете, где параллельно с завершением работы над Словарем орловских говоров были созданы авторские тематические словари по свадебной лексике Орловщины, метеорологической лексике, лексике орловских рыбаков, кожевников и другие. К сожалению, авторский коллектив ПОСа сокращается, и у авторов нет возможности работать параллельно над разными словарями на богатейшем собранном материале. Поэтому пока ограничиваемся небольшими тематическими обзорами, представляемыми в виде научных статей. Необходимо отметить, что в Псковском университете под руководством опытных диалектологов – авторов ПОСа регулярно пишутся как студенческие работы, так и кандидатские диссертации, разрабатывающие те или иные семантические поля или их части на материале записей псковских говоров.

Невозможно в рамках статьи показать весь материал Словаря и представляющий собой в том или ином виде народную культуру псковского крестьянства. Если ограничиться последним из опубликованных выпусков (и тоже только выборочно), то там представлены, скажем, такие лексемы, как *подёл* – ‘подарки на свадьбе’: Падел. Тарёлка на сталé стайт, кто чём дарит. *Н-Рж. 1957* [ПОС 28: 21] – из цитаты следует, что в псковской деревне существовал не только широко распространенный обычай одаривания гостями молодых на свадьбе, но и специальный предмет – блюдо для сбора

подарков. Встретился в выпуске диалектизм *поджывотница* – ‘верхняя женская домашняя одежда, туго обтягивающая фигуру’: Шыли поджывотницы, стряпать бабы надивали, ворот закрыт, на улицу в ней не ходили. *Гд. 1959*. Пъджывотница каротенька, в аптяшку. *Сер. 1956*. Душыгрейкъ – этъ пъджывотницъ, па грутъ шшытъ. *Гд. 1959*. А с мешка юбъчки шшыты и пъджывотницы такие. *Пск. 1968*. Бабья адежда паджывотница, аденеш пад душу да сих мер и носииш. *Сер. 1956*. Платъеф не была раньшэ, пъджывотница была зимой, бабы насили. *Там же* [ПОС 28: 34]. Лексема *подземельник* обладает прозрачной внутренней формой, это ‘рабочая часть сохи, лемех’, а цитаты на данное слово подробно описывают реалию и ее назначение: Ф сахы от два матика ева, аны жылезныя, как два прута, на обоих старанах кальцы заделаны, адин канец к плотиву, а другой к падзимельнику. *Пск. 1970*. Падземельник разризайит землю фпириди, а присох атваливайит. *Дед. 1962* [ПОС 28: 44].

Целый ряд лексем – *пахта, подзмятина, подзмятье, подметки, подмятенье, подмятье* (а также *избоина* (ПОС-13), *сколотина* и др.) – называют жидкость, которая остается после сбивания масла, подтверждая своим разнообразием, что изготовление сливочного масла было одним из традиционных занятий псковского крестьянства: Падзмятье – када масла бьеш – эта атстаецца кислая. *Пуст. 1961*. На падзмятьи абычна драчэну дэлали. *Без. 1982* [ПОС 28: 46]. Падьметки – эта кауда масла калотиш, атходы, а правильна ани пахтой называюща в заводи. *Вл. 1962* [ПОС 28: 111], Падмятенье – ат масла атходы. Инауда йих и сами едутъ. *Нев. 1963* [ПОС 28: 121], Када масла бйют, аддяляйицца скалотина, или падмятье. *Вл. 1963* [ПОС 28: 122].

Представлены в выпуске и лексемы *подзор* и *подзора, подзорик, подзорина, подзорка, подзорник*, называющие широко распространенную в народной культуре деталь украшения – полотно с вышивкой или вязаным кружевом или само такое вязаное кружком кружево, прикрепляемое к кровати: Падзор – эта па краю кравати кладут. Палатно с кружавиной. *Гд. 1972*. А на кравати падзор. Я иво вышьвала ишшо када маладая была. *Стр. 1967*. Нивэстка мая Катя красивыи падзоры вяжыть. *Холм. 1975*. Подзорина – ну, для красы. Вот у миня вязаны кружком. *Дн. 1987* [ПОС 28: 49], Я кравать падзорникъм украсиль. *Порх. 1996*. Падузорник к простыни пришьвають, штоп красивии была. *Локн. 1977* [ПОС 28: 50] и мн. др.

Существительные *подквас, подкваса, подкваска, подквась, подквасы, подквасье* (а также *заквас, закваса, закваска* (ПОС-11), *наквас, накваса, накваска, наквасье* (ПОС-19) и др.) именуют то,

без чего не обходилась ни одна крестьянка, когда пекла хлеб: Квашанный кусочак – ф теста яво кладут, называецца патквас. *Беж. 1962.* Астафшы теста ф квашни – паткваска называецца, накваса. *Остр. 1960.* Ф квашне имеиць потквсь – старый комышк тэсть. *Пл. 1962.* Теста астафшы – потквасы, нада хлебы тварить. *Он. 1958.* Растворила бы квашню, да подквася нет. *Стр. 1961* [ПОС 28: 58].

Очень любопытно, что в наше время встретила в псковских говорах лексема *подкидыш* с древнейшим народным значением ‘человек, подмененный в детстве нечистой силой’: Замэста рябёнка нячистая сила паткидышэй аставляит. *Печ. 1960.* Ты ня мой рябёнок, тябя чорт паткинул – ты паткидыш. *Печ. 2001* [ПОС 28: 59]. Не только в 60-е и 70-е годы XX века, но эпизодически и в начале XXI века в псковских говорах фиксировалась старинная номинация одного из участников свадебного обряда – *подкняжий* – ‘близкий друг жениха’: Сидять у мальца паткняжые, а у дефки падбаярки. *Вл. 1963.* Кады на свадьбу нада, так ходют падрушкь и паткняжый и закликають гастей. *Холм. 1975* [ПОС 28: 65]. Как писала в свое время исследовательница псковской свадебной лексики, «В изучении обрядового комплекса псковской свадьбы богатейшим источником пополнения наших сведений об обрядовой терминологии и о специфике обрядовых действий, свадебных чинов и обрядовых предметов являются «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) и его картотека (КПОС). Прекрасный иллюстративный материал, профессионально отобранный и полно представленный читателю, помогает исследователю при сплошной выборке даже из тех словарных статей, которые непосредственно не посвящены свадебному обряду, выявить недостающие сведения о тех или иных свадебных реалиях, а также уточнить значения терминов, их называющих» [Таратынова 2011: 103].

Но не только статьи на имена сущ. знакомят читателей с народной культурой. Из статьи на прил. *поделочный* – ‘сделанный кустарным способом’ – узнаем, что в условиях натурального хозяйства крестьяне не только производили сами все, необходимое для жизни, причем разных сортов и видов, но и могли это продавать и покупать: Нарот таргавал сваёй сопственнай мануфактурай, сукно, сатин, паделашные, бисер насили кругом шэй. *Он. 1971* [ПОС 28: 25]. Цитаты, приведенные в статье на прил. *подельчистый* – ‘готовый поделиться, нежадный, отзывчивый’ – наглядно иллюстрируют, что щедрость высоко ценится псковскими крестьянами: Он мужык харошый, не жанница, падельчистый. *Локн. 1962.* Ён такой харошый, падельчистый был. *Он. 1961* [ПОС 28: 25]. Прил.

подземельный – ‘подземный’ – иллюстрируется следующим наблюдением: Падзямельная вада ня высыхает никагда. *Себ. 1961* [ПОС 28: 45]. А в статье на прил. *подзімный* – ‘посеянный поздней осенью для получения всходов весной; озимый’ – приводится развернутая цитата, рассказывающая о традиции осеннего высевания: Рош сажали к Ильину дню, послаи Спаса. Спас Приображэния вот будит ф синтибрэ, пасеют рош, ана растёт, пад зиму астаёцца. Эта уражай падзімный. *Слан. 1988* [ПОС 28: 45].

Богатый материал на наречие *падённо* в значении ‘по очереди, меняясь ежедневно’ говорит, в частности, о распространенной традиции поочередной работы в качестве пастуха: У нас падённа пасуцца, череду справляют. *Н-Рж. 1965*. Авец выганяли падённа ф поле. *Печ. 1972* [ПОС 28: 29].

Ничуть не меньше информации о народной культуре и традициях содержится в словарных статьях на глаголы. Так, например, в статье *поджарить* читаем следующую подборку цитат о блюдах, которые готовили (или, наоборот, не готовили) при помощи жарки: Перва свинину паджаря. *Остр. 1961*. Варю снятки, лук паджарю, две картошки. *Гд. 1996*. Мы ня жарили паджариныя яйца, раньша и панятия ня знали. *Печ. 1972*. Картошку, урибы, лук паджарифшы. *Пуст. 1962* [ПОС 28: 32]. А далее идет интересный материал о приготовлении одной из разновидностей традиционного русского напитка – кваса – но не хлебного, а свекольного: Да вот мама делала квас со свёклы, свёклу нарежэт этим кубичкам, высушы, ф печке поджаря, на противни, и потóm кипятком заливае, делае квас. *Гд. 2008* [ПОС 28: 32].

Следующий глагол *поджариться* также продолжает знакомить читателей с тем, что и как обычно готовили на Псковщине: А квас: я насущу корок, поджарим мы йих, поджарюца, чёрненьким делаюца, воды, пясочку. *Без. 2004*. А также: Малако тапили, паджарица пенка свёрху, жолтая такая. *Пушк. 1989* [ПОС 28: 32]. На глагол *поджарить* представлено такое народное наблюдение: Вредный мушшына, губы паджатые. *Печ. [ПОС 28: 33]*. В статье на глагол *поджигать* цитаты на основное значение иллюстрируют и то, как топили раньше по-черному: Как тапили? Фсё аткрывальсь настиш: виршник, двэри – фсё, аткудь дым ухадить мок; накладывли пат каминку дроў и пьджыгали. *Вл. 2006* [ПОС 28: 34], и то, что делали в конце масляной недели: Придут, Маслина, прашшыяльная, варавали пук саломы и паджыгали, пели на гарах. *Печ. 1998* [ПОС 28: 35].

Цитата на глагол *подивиться* во втором значении – ‘посмотреть на кого-, что-н.’ – снова напоминает нам об устойчивом народном

представлении о дурном глазе: В яё глас нихарошый: как пьглядит, пьдвигца на каво-нибудь, так тот ляжыт дня три – балейит. *Стр. 1962* [ПОС 28: 52]. А иллюстрации на глагол *подкиснуть* содержат информацию о процессе брожения при изготовлении различных продуктов: Апара далжна паткиснуть так, штобы паднялася. *Печ. 1995*. Пшаница расла, вада и мука, на пецку ставили, паткиснет чутеньки. *Беж. 1962*. Эта кулага трошэчку паткиснет вёчыр, а за ноч ана зделаетца такая и сладенькая, и кислая. *Себ.* [ПОС 28: 61].

Из статьи *подкладать* узнаём, что Када большыи стаги делают, пыткладають хвараст. *Пушк. 1958*. А когда Курица ку-ку-ку заклюкае – паткладаем яйца, чатыре нядели сядит. *Беж. 1977*. И что Бис привычки балькавата насить воду на карамысли, нада паткладать што-нить, штоп плячо ня стёрла. *Остр. 1976*. А также что Дубняк на бады резали, а сасну штоп пад рельсы шпалы паткладать. *Он. 1971*. И Кагда пад углы паткладают плиты, дом стаит прачней. *Порх. 1976* [ПОС 28: 62]. В приведенных контекстах, выборочно взятых из первого значения глагола, мы видим пять разных ситуаций, в которых псковские крестьяне поступают оптимальным образом, выработанным за столетия жизни их предков.

Таким образом, даже простое последовательное чтение выпусков ПОСа показывает, что этот словарь, как и все другие диалектные словари, – ценнейший источник изучения народной культуры.

Литература и источники

Большакова Н.В. Традиционный быт псковских крестьян. Опыт регионального этнолингвистического словаря. Псков, 2012. 283 с.

Климкова Л.А. Диалектные тексты как документ эпохи // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 147–155.

Костючук Л.Я. «Псковский областной словарь с историческими данными» как источник сведений о народной культуре в ее прошлом и настоящем (содружество исследователей и собирателей) // Рябининские чтения – 2007 / отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2007. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/431.html> (дата обращения: 06.09.2022).

Крючкова О.Ю. Виды и формы репрезентации культурной идентичности в речи диалектоносителей // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч. конф. 23–25 апр. 2019 г. Волгоград, 2019. С. 159–164.

Мельникова Е.Г., Костючук Л.Я. Диалектная картотека и сохранение сведений о народной речи (в связи с исследованием псковских говоров) // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект): межвуз. сб. науч. трудов. Псков, 1995. С. 28–31.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. Ленинград: Изд-во ЛГУ; Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020.

Таратынова Н.Ю. Сохранение лингвогеографических и лингвоэтнографических источников как условие для познания реалий народного быта (Псковские говоры о свадебном обряде) // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Материалы XL Международной филологической конференции. Санкт-Петербург, 2011. С. 103–105.

УДК 811.161.1

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ: РЕМЕСЛЕННАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Е.В. Генералова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербурге, Россия, elena-generalova@yandex.ru*

Аннотация. В статье описывается функционирование в истории языка тематической группы ремесленной лексики, выделенной путем сплошной выборки из пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII в. Базой сбора материала послужил создаваемый на филологическом факультете СПбГУ лексикографический свод «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)».

Ключевые слова: пословица; тематическая группа; ремесленная лексика; диалектизм; Петровская эпоха

IT'S NOT THE GODS WHO BURN POTS: CRAFT VOCABULARY IN THE DICTIONARY OF PROVERBS OF PETRINE EPOCH

E.V. Generalova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article describes the functioning of a thematic group of craft vocabulary in the history of the language, isolated by a continuous selection of proverbs and sayings of the late XVII – first half of the XVIII centuries. The lexicographic project “Proverbs and sayings of Peter’s Time (in retrospect and perspective)” created at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University served as the basis for collecting the material.

Keywords: proverb, thematic group, craft vocabulary, dialecticism, Petrine epoch.

Изучение лексики по тематическим группам и устойчивая тенденция лексикографии конца XX–XXI в. к идеографическому и тематическому представлению лингвистического материала

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)»

обусловлены стремлением познать принципы логической и когнитивной организации языка и классифицировать лексикон в соответствии с законами номинации. При том, что словарный состав современного русского литературного языка изучен и описан с тематической и идеографической точек зрения в большей степени, диалектная лексика и исторический материал еще требуют активного исследования в этом отношении.

На настоящий момент существует немалое количество тематических (и, в частности, посвященных промысловой лексике) диалектных словарей: см. Дуров И.М. «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» (Соловки, 1929), Копылова Э.В. «Ловецкое слово. Словарь рыбаков Волго-Каспия» (Волгоград, 1984), Громов А.В. «Словарь “Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже”» (Ярославль, 1992), Макушева О.А. «Словарь метеорологической лексики орловских говоров» (Орел, 1997), Жмурко О.И. «Лексика природы: опыт тематического словаря говоров Ивановской области» (Иваново, 2001), Губарева В.В. «Словарь тамбовских говоров (лексика питания)» (Тамбов, 2002), Арьянова В.Г. «Словарь фитонимов Среднего Приобья»: т. 1–3 (Томск, 2004–2008), и другие. И работа продолжается. Т.Е. Баженова, работающая над тематическим словарем самарских говоров, отмечает, что в диалектологии тематический принцип успешно апробирован при создании лексического атласа народных говоров, общеславянского лингвистического атласа, отдельных диалектных карт, и подчеркивает, что «такой путь системного представления словарного состава одного говора или близких говоров в виде тематического класса фиксирует типологию разных предметов и явлений действительности, объединенных одной сферой жизни и деятельности человека, а в целом — одну из функционально значимых сторон диалектного языка на определенной территории. Разработанные теоретические подходы к тематической презентации словарного материала и методика составления тематических словарных групп определяют перспективу дальнейших исследований, позволяют использовать собранный материал для изучения системно-структурной организации диалектной лексики и особенностей отражения в ней регионально маркированной картины мира, помогают последовательно и целенаправленно документировать лексический запас русских народных говоров» [Баженова 2020: 23].

Исторических тематических словарей насчитывается меньше; самый полный труд — созданный вологодскими исследователями трехтомный «Словарь промысловой лексики Северной Руси

XV–XVII вв.» (СПб., 2003–2006), и М.И. Чернышева справедливо пишет о необходимости и перспективности заполнения этой лакуны русской исторической лексикографии [Чернышева 2009].

В настоящей статье описывается функционирование в истории языка тематической группы ремесленной лексики, выделенной не в деловом памятнике, а в фольклорном жанре – пословицах и поговорках конца XVII – первой половины XVIII в. Своеобразие источника позволяет делать интересные наблюдения о составе терминологии разных промыслов, нередко диалектном происхождении таких лексем, закрепившихся в общерусских пословицах, их употреблении в текстах не специального назначения. Базой сбора материала послужил создаваемый на филологическом факультете СПбГУ лексикографический свод «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)», целью которого является всестороннее представление и разноаспектная характеристика лексического фонда паремий Петровской эпохи. Макроструктура Словаря представляет собой организованные по алфавиту все без исключения существительные, встречающиеся в пословицах Петровского времени, т.е. в словаре представлены все субстантивы (пусть и находящиеся в пословице не на первом месте, но являющиеся неотъемлемой частью описываемых пословиц).

Именно к Петровскому времени относятся первые документированные записи паремий, опубликованные П.К. Симони в собрании «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» – самом раннем из известных научных филологических сводов пословичного материала [Симони 1899] (Сим). В пословицах и поговорках обнаруживается значительное количество лексем, связанных с различными видами ручного производства. Пословицы конца XVII – первой половины XVIII в. отражают технологические процессы и представления самых разных промыслов и ремесел, среди которых:

– ткачество: *Челнок (Чолнок) да бердо, у баб (у бабы) то твердо*. Сим., 155; СлРЯ XI–XVII вв. 1, 141; Сн. 1848, 450 (*бердо* ‘часть ткацкого станка в виде гребенки, между зубьями которой пропускаются нити основы’, *челнок* ‘рабочая часть ткацкого станка в виде заостренного на концах деревянного бруска, прокладывающего поперечную нить между нитями основы’; *Основание – бумага, а уток – письмо*. Сим., 130; СОРЯ XVI–XVII вв. 1, 303; Сн. 1848, 312; Тан. 1986, 115; *Сурово не белье – свое рукоделье*. Петр. гал. нач. XVIII в., 35; Рыбн. 1961, 26. (*сурово* (ю.–рус.) ‘не отбеленный холст’, *белье* (ю.–рус.) ‘отбеленный холст’);

– портновское дело: *Дороже кожуха (кожуха) вошвы стали*. Сим., 96; СлРЯ XI–XVII вв. 28, 26. (*вошва* ‘вшиваемая в одежду для украшения вставка из другой, более дорогой ткани, обычно украшенная золотым или серебряным шитьем, дробницами, жемчугом, вышивкой и т.д.’); *Без клиньев кафтана не сошьешь*. Барс. 1770, 6; ДП 2, 26; Д 2, 99, 119; Соб. 1956, 83; Ан. 1988, 17 (*клин* ‘треугольная вставка между полотнищами одежды, использовавшаяся для получения приталенного силуэта и др.’);

– шорный промысел: *Палец гнется, а завертка рвется*. Петр. галер. нач. XVIII в., 33 (*завертка* ‘петля из закрученного деревянного прута для прикрепления оглобли к саням’); *Хомут худ, дуга тонка – о всем тоска*. Сим., 149; Сн. 1848, 432; Ан. 1988, 318;

– хлебопекарное дело: *Ситней съел, так решетной цел*. СлРЯ XI–XVII вв. 24, 159 (*ситный (ситней)* ‘(о хлебе) выпеченный из муки, просеянной через сито, т.е. лучшего качества (обычно пшеничной)’; *решетный (решетной)* – ‘(о хлебе) выпеченный из муки, оставшейся после просеивания через решето, т. е. из отрубей; худшего сорта’);

– пивоварение: *На сусле пива (браги) не узнаешь*. Сн. 1848, 250; СР 2, 227; Спир. 1985, 147 (*сусло* ‘сладковатый навар, настоящий на солоде и муке, подвергаемый брожению’, *брага* ‘алкогольный напиток, полученный в результате сбраживания’); *Мочат солод, забыв голод*. Сим., 122;

– борничество: *Мед есть – в улей лезть*. Сим., 121; Сн. 1848, 221; Ил. 1915, 314; Ан. 1988, 175; Сок., 559;

– плотницкое дело: *Ни скоблен, ни тесан, так и брошен*. ДП 2, 75; СР 2, 226; СПП 2001, 140; *Клин – плотнику товарищ*. Тат. нач. XVIII в., 54; Сн. 1848, 170; ДП 2, 226; Д 2, 119; Ан. 1988, 132; Сок., 258, 434 (*клин* ‘заостренный книзу кусок дерева, использующийся для раскалывания колод, точной подгонки при устранении просвета между предметами и т.п.’).

Многочисленные среди субстантивной ремесленной лексики обозначения различных орудий труда, инструментов и приспособлений: *коса (Косу острят на траву, а меч – на главу*. Сим., 113; Сн. 1848, 180; Ан. 1988, 141; Твер. ТПП 1993, 57), *топор (На крепкий сук точи топор, на брань умей давать отпор*. Богданович 1785, 3, 40; Сн. 1848, 244; Раз. 1957, 155; Ан. 1988, 194), *лопата (В одном дереве икона и лопата*. Сим., 85; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 15), *вилы (Либо сена клок, либо вилы в бок*. Сим., 117; Петр. галер. нач. XVIII в., 30; Тат. нач. XVIII в., 55; Богд. 1741, 91; СлРЯ XI–XVII вв. 7, 176; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 200; СлРЯ XVIII в. 3, 116;

11, 172; ДП 1, 55; Д 2, 120; СР 2, 223; Соб. 1956, 103; Раз. 1957, 130; Жук. 1966, 210–211; Ан. 1988, 163; СПП 2001, 139), *сито* (*Сито часто пироги чинит редки*. Сим., 141), *решето* (*Решетом (Решотом) воду мерять – потеряешь (потеряеш) время* (Сим., 138; СЛРЯ XI–XVII вв. 22, 156), *шило* (*Шилом воды (воду) не нагреть (не нагреешь)*. Сим., 157; Богд. 1741, 117; СЛРЯ XI–XVII вв. 10, 58; Пск. ПС, 329; СПП 2001, 144), *скобель* (*После скобели – топором*. Петр. галер. нач. XVIII в., 33; Кор. 2000, 2, 78), *долото* (*Долото долотом выдалбливают, а деньги (денги) деньгами (денгами) добывают*. Сим., 210; СЛРЯ XI–XVII вв. 3, 197) и др. В некоторых пословицах перечисляется ряд орудий труда с указанием их функций: *Ситом сеют, лопатой веют, метлою метут, в чём хлеб пекут?* Богд. 1741, 110, *Иглою (Иглою) шьют, чашей пьют, а плетью (палкой) бьют*. Сим., 110; Сн. 1848, 149; Д 2, 125; Ил. 1915, 264; Соб. 1956, 97; Спир. 1985, 25; Ан. 1988, 117; Сок., 258; Сергеева 2016, 178. В пословицах вообще нередко встречается в одном высказывании лексика разных ремесел и промыслов, отражая единый народный трудовой менталитет: *Невеянный хлеб (Не веяный) – не голод, а посконная рубаха (рубашка) – не нагота*. Барс. 1770, 150; СЛРЯ XVIII в. 14, 139; 22, 138; Сн. 1848, 268; Д 2, 394; Д 3, 333; Ан. 1988, 232.

Также в пословицах активно используются обозначения лиц, занимающихся каким-л. ремеслом (обычно с указанием на особенности этого вида деятельности), нередко тоже в сопоставлении: *Аршин сукна швецам, а кувшин винца – певцам*. Сим., 76; СЛРЯ XI–XVII вв. 2, 187; Сн. 1848, 5;

С дерева убилися бортник, утонул рыбак, а убит солдат. Барс. 1770, 202; СЛРЯ XVIII в. 2, 114; Ил. 1915, 343; *Какова пряжа, такова на ней и рубаха*. Сим., 114; Сн. 1848, 162; Ан. 1988, 130; ППЗК 2000, 55; *Плотнику полтина, а нарядчику рубль*. Сим., 134; *Для того кузнец клеици кует, чтобы рук не жгло*. Сим., 95; *Портной без платья, а сапожник без сапог*. Тат. нач. XVIII в., 60.

Ремесленная лексика, зафиксированная в пословицах – древний исконный пласт лексики или редкие хорошо освоенные заимствования. Среди этих лексем нередки и диалектизмы, демонстрирующие народное происхождение древней ремесленной терминологии: *скобель* ‘плотницкий инструмент для сдирания коры и черновой обработки дерева’ (*твер., влад., новг. костром., тамб., нижегор.*) [СРНГ 38: 38], *сурово* ‘домотканый холст’ (*ворон.*) [СРНГ 42: 282], *Куда клин, куда рукава, куда наголенки*. Петр. галер. нач. XVIII в., 29; СЛРЯ XVIII в. 11, 64; Д 2, 119 (*наголенок (твер.)*) ‘кусочек чего-л.’

[СРНГ 25, 114]), *Голодный волк и завертки (завертку) рвет*. Петр. галер. нач. XVIII в.; Тат. нач. XVIII в., 50; Лексикон 1731, 316; Кург. 1793, 125; Сн. 1848, 72; Д 1, 113; 559; Ил. 1915, 330; Геуг 1981, 127; Ан. 1988, 66; ЯОС 4, 58; Дилакт. 2006, 142 (*завертка* (урал., волог., арх., новг., ленингр., твер. яросл., костр.) 'веревочная петля или из прутьев свитое кольцо, которыми оглобли прикрепляются к саням или дровням' [СРНГ 9: 304]) и др. В.М. Мокиенко приходит к выводу о широкой ареальной принадлежности диалектной лексики пословicc [Мокиенко 2020: 588].

Функционирование ремесленной лексики в фольклорном жанре имеет яркие особенности. При том, что лексемы, обозначающие различные инструменты, профессии, технологические операции, специфические разновидности производимого продукта и т.п., как правило, являются моносемантическими, обладая предельно конкретным значением и выступая прообразом будущих терминов, в пословицах эти слова нередко используются с расширительным значением. См., например, *Плуг кормит, а лук портит*. Тат. нач. XVIII в., 60; Д 2, 272; Д 3, 130 – обозначение оружия *лук* приобретает в пословице расширительную семантику «ратная служба, война», а обозначение сельскохозяйственного орудия *плуг* – семантику мирного повседневного земледельческого труда. Иносказательным смыслом наполняются и конкретные, «технологические» отношения реалий, обозначенных ремесленной лексикой, у высказывания кроме буквального значения появляется второе дно, за счет чего оно и становится пословицей, превращаясь из производственного наблюдения в житейскую мудрость, значимую для всех. См. *Не чванься овсяник: не быть калачом (калачем)*. Барс. 1770, 154; СлРЯ XVIII в. 16, 156; Д 4, 585.(важничанье, спесивость не помогут изменить статус – в пословице сопоставляются выпечные изделия, отличающиеся качеством муки: калач пекся из первосортной, пшеничной муки, а овсяник – соответственно, из овсяной); *После скобели – топором*. Петр. галер. нач. XVIII в., 33; Кор. 2000, 2, 78) (о чем или ком-л. неправильном, не соответствующем нормальному, обычному порядку вещей: ср. сначала дерево срубают, а потом очищают скобелем от коры, а не наоборот).

Таким образом, изучение тематического пласта ремесленной лексики в пословицах и поговорках в истории языка дает дополнительные сведения о формировании этой группы, позволяет изучить особенности ее функционирования в фольклорном жанре, наконец, способствует общему идеографическому описанию русского языка на протяжении разных периодов его существования.

Литература и источники

Баженова Т.Е. Диалектная лексикография: к проблеме тематической презентации лексики средневожских говоров // Научный диалог. 2020. № 2. С. 21–34.

Мокиенко В.М. Диалектизмы в собрании «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П.К. Симони (1899 г.) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 573–584.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва.; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021.

Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собр. П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66, № 7. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Акад. Наук, 1899. 216 с.

Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 80–87.

УДК 811.161.1

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ

В.М. Грязнова

*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия, violetta-sgy@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается семасиолого-ономасиологический подход в описании системного характера лексики. Материалом исследования послужила лексика говора старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края, которая описана в «Семантическом словаре говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием». Автор полагает, что корректное выявление и описание исторически сложившейся в говоре старообрядцев казаков-некрасовцев картины мира возможно прежде всего через типологию многоступенчатых макроклассов и классов слов, в которых и запечатлена лексическая система говора, его «лексическое древо».

Ключевые слова: диалектная лексика; системность; классификация; семантический и ономасиологический подход; макроклассы и классы

SEMANTIC DICTIONARY AS A KIND OF REGIONAL DICTIONARY

V.M. Gryaznova

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The article discusses the semasiological-onomasiological approach in describing the systemic nature of vocabulary. The research material was the vocabulary of the dialect of the Old Believers of the Cossacks-Nekrasovites of the Stavropol Territory, which is described in the “Semantic dictionary of the dialect of the Cossacks-Nekrasovites

with a linguistic and cultural commentary.” The author believes that the correct identification and description of the picture of the world that has historically developed in the dialect of the Old Believers of the Cossacks-Nekrasovites is possible primarily through the typology of multi-stage macroclasses and classes of words, in which the lexical system of the dialect, its “lexical tree” is imprinted.

Keywords: dialect vocabulary; consistency; classification; semantic and onomasiological approach; macroclasses and classes

Семасиологический подход к исследованию словарного состава языка проявляется в акцентировании внимания к его внутренней семантической структуре, в рассмотрении лексики как системы. Подход к словарному составу языка как к явлению системному является традиционным для русской лексикологии. Идея системности лексики была выдвинута первоначально в работах М.М. Покровского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и вызывает к себе различное отношение со стороны лексикологов в силу специфичности как самой лексики, так и её классификации.

Лексическая система является наиболее сложной по своей организации и структуре. Л.А. Новиков пишет: «Эта система включает в себя такое большое количество связанных самыми различными отношениями элементов, что их системность представляется труднообозримой или даже ставится под сомнение» [Новиков 1980: 60]. Сложность лексической системы языка объясняет возможность существования различного членения и выделения различных классов, группировок, разрядов в одном и том же материале.

Лексическая система языка (как наиболее сложная) труднее других частных языковых систем поддаётся анализу и описанию. Д.Н. Шмелёв объяснял это тем, что во многих случаях границы лексических единиц оказываются «размытыми», а сами единицы семантически недостаточно определёнными: ср. пометы в словарях «обычно», «преимущественно», «главным образом» (*роща* – «небольшой, *обычно* лиственный лес», *ядрища* – «крупная, из нераздробленных зёрен крупа, *преимущественно* гречневая» и др.) [Шмелёв 1974: 20–21].

Дискретность лексических единиц языка вступает в противоречие с континуальностью выражаемого ими содержания, вследствие чего в ряде случаев оппозиции лексических единиц не могут быть представлены как определённые. Например, таковы случаи, когда дискретные единицы языка овнешняют недискретное означаемое (участки действительности с меняющимися, без четких границ, свойствами); к ним относятся и лексемы с отвлечённым значением, и традиционные наименования цветового спектра. А.Г. Лыков

так пишет об этом: «незернистость» континуальности превращается в «зернистость» дискретности, а ещё точнее – в «квазизернистость» дискретности» [Лыков 1999: 7].

Особенности лексики как системы обусловлены объективными свойствами отражаемого мира, фактами действительности. Согласно теории лингвистической относительности Сепира–Уорфа реальность мира по-разному анализируется, отражается и членится в лексико-семантической системе различных языков, опираясь на существующую систему данного языка. В зависимости от специфики языковой системы конкретного языка, отражающей определённую культурную (когнитивную) картину мира данного этноса, создаются различные языковые воплощения объективной действительности, то или иное видение мира. Мы видим, слышим и воспринимает так или иначе те или иные явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества. Различная сегментация действительности в языке зависит от специфики и инвентаря языковых средств, фактов культуры, истории, менталитета народа, самой диалектики отражения внеязыкового мира в сознании.

Начиная с 2008 г. под руководством проф. В.М. Грязновой преподаватели кафедры общего и славяно-русского языкознания Ставропольского государственного университета (в настоящее время вошедшей в состав кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета) работают над изучением языка, культуры и истории старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края. Лингвокультурное и этнокультурное своеобразие островного говора казаков-некрасовцев Ставропольского края обусловлено тем, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного внеславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи – ту систему этнических констант, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека. Вербализованное в говоре мировидение казаков-некрасовцев во многом является не только самобытным, но и архаичным, сохранившим в себе черты мироощущения предков русских.

В 2012 г. проф. В.М. Грязновой совместно с преподавателями кафедры доц. И.В. Желябовой, доц. О.Н. Громаковой, к.ф.н. Э.А. Черкашиной выпущен «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» объёмом 49 печатных (автор идеи, научный руководитель и основной автор-составитель – проф. В.М. Грязнова). Данный Словарь представляет собой толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений

и сопровождающийся лингвокультурологическим и этнографическим комментарием, издание, в котором в многоступенчатых классах слов представлена лексическая система говора казаков-некрасовцев с целью выявления исторически сложившейся картины мира данной культурно-конфессиональной группы русского народа.

В этом исследовании применяются одновременно два подхода к рассмотрению семантики слова – семасиологический и ономасиологический. Семасиология и ономасиология как теория значения и теория обозначения в современной лексической семантике являются двумя методами в рамках одной общей науки, исследующей один и тот же феномен с различных сторон. Это проявляется, в первую очередь, в принципах выделения классов слов и их иерархии в процессе описания лексики казаков-некрасовцев, а также в раскрытии и описании самого характера выделенных классов, групп и разрядов.

Классы слов – это иной, чем лексическая парадигматика, способ представления и интерпретации лексики как системы, являющийся более важным в силу того, что словарный состав является сложной и многослойной сетью, которая образуется пересекающимися связями отдельных слов друг с другом. «Классы слов существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой словесные парадигмы, более объёмные и более сложные, чем словесные оппозиции, которые входят в такие парадигмы в качестве составных частей» [Кузнецова 1989: 69]. В основе любого класса слов лежит принцип сходства слов по каким-либо общим компонентам.

Наиболее общими и приоритетными макроклассами слов в разрабатываемом исследовании лексики говора казаков-некрасовцев являются такие формально-семантические классы, как части речи (ономасиологический, понятийный подход). Членение словарного состава на части речи является исходным членением лексики и представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и её образуют. Частеречное членение словарного состава говора казаков-некрасовцев в нашем исследовании представлено как следующие подсистемы: 1) дейктические слова (местоимения); 2) именующие слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, числительные); 3) связывающие слова (союзы, предлоги); 4) квалифицирующие слова (частицы, междометия). Названные подсистемы слов дифференцируются по частным лексико-тематическим и семантическим составляющим на макроклассы, с их

собственным многоступенчатым членением, предстающим в виде лексического древа.

Так, именующие слова делятся на макроклассы: 1) именующие предмет (имена существительные); 2) именующие непроцессуальный признак (имена прилагательные); 3) именующие предмет или непроцессуальный признак по числу, количеству (имена числительные); 4) именующие признак предмета или признака (наречия); 5) именующие процессуальный признак (глаголы).

Среди классов и подклассов макрокласса именующих слов встречаются как лексические множества (подмножества), получившие названия тематических групп, так и лексические множества (подмножества), называемые лексико-семантическими группами. В тематические группы объединяются обычно имена существительные с конкретно-предметным значением, например, названия частей человеческого тела, названия животных, растений, построек и т.д. Единство элементов тематических групп определяется прежде всего денотативным фактором, общностью самих явлений. Например, таков лексико-семантический разряд наименований «Названия сортов растений» в говоре казаков-некрасовцев: *горчица* – ‘стручковый перец’; *думать* – ‘помидор’; *майданоз* – ‘петрушка’ (здесь и далее примеры по данным [Семантического ... 2012]).

Лексико-семантические группы, помимо единой категориальной семы, имеют ещё одну общую архисему. Например, наименования определённых участков земли (общая архисема) в говоре казаков-некрасовцев делятся на целый ряд лексико-семантических разрядов по их характерным особенностям: 1) возвышенные места: *грядина* – ‘возвышенное место, не затопляемое водой во время весеннего разлива’; *бугрина* – ‘холм, возвышенность’; *полугорье* – ‘косогор’; 2) используемые человеком ровные места: *паша* – ‘луг, пастбище’; *постать* – ‘полоса, ряд, обрабатываемые жнецами, косцами’; *тарла* – ‘обрабатываемое земельное поле, огород’; 3) водоёмы: *мелка* – ‘мелкое место в озере у берега, где поят скот’; *пой* – ‘водопой’; *ручак* – ‘ручей, родник’; *усынок* – ‘залив озера’.

Конечной единицей лексического древа, репрезентирующего системный характер говора казаков-некрасовцев, является лексический ряд, объединяющий словозначения, находящиеся в отношениях семантической близости того или иного рода (синонимической, метонимической, метафорической, ассоциативной, части или целого) или семантической противопоставленности (антонимической, гиперо-гипонимической). Например, в лексико-семантическом

разряде наименований «Названия сортов растений» в говоре казаков-некрасовцев находим: 1) лексико-семантический ряд, в котором вербализуются различные гипонимы гиперонима *дыня* (в говоре для него нет «своего» наименования): *кочанка*, *комовка*, *шашлыкровка*, различающиеся по сорту; 2) лексико-семантический ряд, в котором вербализуются различные гипонимы гиперонима *кабак* ('тыква'): *тамбулка*, *русканка*, *пиряхватка*, различающиеся формой (соответственно, круглая и *пиривязанная*, как *франзускии бабы патпаяшуцца*).

В целом в нашем исследовании лексики говора казаков-некрасовцев лексическая система представлена как сложная система, состоящая из следующих уровней и звеньев:

1) частеречные подсистемы слов (понятийные объединения, которые далее дифференцируются);

2) лексические макроклассы, представляющие собой членение каждого частеречного понятийного макрокласса и имеющие вид лексического дерева, каждая ветвь которого возглавляется словом или словосочетанием, которое выражает семантическую доминанту данного лексического класса;

3) лексические множества (и подмножества), представляющие собой дальнейшую дифференциацию ветвей лексического дерева (классы, лексико-тематические, лексико-семантические группы, подгруппы, разряды);

4) лексико-семантические ряды, объединяющие словозначения, находящиеся в отношениях семантической корреляции.

Элементарной единицей словарного описания лексики говора казаков-некрасовцев является лексическое значение слова, которое входит в конечный лексико-семантический ряд и через него в общую лексическую систему описываемого говора, то есть в лексическое древо говора казаков-некрасовцев во всей его разветвленности и многоступенчатой организации.

Основная задача семасиолого-ономасиологического исследования лексики говора казаков-некрасовцев – выявить и описать исторически сложившуюся в говоре, им самим созданную, картину мира. Эта картина, во-первых, включает мир реалий казака-некрасовца, всего того, что познано и осмыслено им в материальном и духовном мире; во-вторых, в ней отражена сеть связей и отношений между всем существующим, зафиксированная в сознании казака-некрасовца; в-третьих, в ней открывается система оценок казаком-некрасовцем всего того, что существует и происходит в материальном и духовном мире людей.

Литература и источники

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1989. 215 с.

Лыков А.Г. Опыт модели языка. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. 240 с.

Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / авт.-сост. В.М. Грязнова, И.В. Желябова, О.Н. Громакова и др. Ставрополь: Сервисшкола, 2012. 609 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. Москва: Высшая школа, 1982. 272 с.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Наука, 1973. 280 с.

УДК 801.8

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА

Ю.А. Дьяченко, С.П. Праведников

*Курский государственный университет, Курск, Россия,
julytsch@yandex.ru, sprav618@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор Словаря курских говоров (вышли 7 выпусков), главной целью которого является сохранение народной речи жителей Курской области во всём её многообразии. В статье содержатся примеры дефиниций диалектных слов и фразеологических выражений из разных выпусков. Словарь способствует постижению культурных контекстов диалектного (материнского) слова и диалектной культуры Курского региона, а также даёт возможность воссоздать историю языка и культуры одного из южных регионов России и сохранить это богатство для будущих поколений.

Ключевые слова: диалектные слова; материнский язык; Словарь курских говоров

DIALECT DICTIONARY AS A WAY TO PRESERVE THE MOTHER LANGUAGE

Yu.A. Diachenko, S.P. Pravednikov

Kursk State University, Kursk, Russia

Abstract. The article discusses the dictionary of Kursk dialects (7 issues). The main purpose of the dictionary is to preserve the folk speech of the inhabitants of the Kursk region in all its diversity. The article contains examples of dialect words and phraseological expressions from different editions. The dictionary helps to comprehend the cultural contexts of the dialect (mother) word, the dialect culture of the Kursk region and makes it possible to recreate the history of the language and culture of one of the southern regions of Russia. This will preserve such wealth for future generations.

Keywords: dialect words; mother language; dictionary of Kursk dialects

© Дьяченко Ю.А., Праведников С.П., 2023

«В эпоху глобализации экономической жизни, когда “вестернизация”, стандартизация и унификация всех сфер культуры становятся угрозой для национального самосознания, обостряется интерес к историческому прошлому, к истокам национальных культур...» [Бобунова 2004: 3], и в этом случае диалектное слово, отражая различные стороны человеческой жизнедеятельности, становится своеобразной единицей народной памяти, содержащей знания об отношениях людей, о том, чем наполнена жизнь как отдельного человека, так и нации в целом. Недаром диалектные слова считают «хранилищем древней культуры и истории народа» [Банкова 2001: 235], а мы, в свою очередь, считаем их хранилищем материнского языка, понимая под этим словосочетанием «речевые единицы территориального диалекта» [Хроленко 2018: 5].

Диалектные словари, которые по праву можно назвать памятниками духовной и материальной культуры, содержат огромный пласт этнокультурной информации. «Цель диалектного словаря – репрезентация народной речи во всём её многообразии, а именно номинация реалий окружающей природы, народного быта, отвлечённых понятий, отражающих морально-этические нормы, мировоззрение, духовную жизнь носителей говоров» [Никифорова 2018: 202].

Словарь курских говоров, работа над которым продолжается, содержит лексику, бытующую на территории Курской области и отражающую историю южных славянских поселений, тем самым внося огромный вклад в изучение и описание истории и культуры Курского края.

Исследование живой разговорной речи курян было начато во второй половине XX в. кафедрой русского языка Курского государственного педагогического института. Эта работа была инициирована заведующим кафедрой русского языка Г.В. Денисевичем, организовавшим зональное межвузовское объединение кафедр вузов Центрально-Черноземья, одним из важных направлений которого являлось изучение южнорусских говоров. С исследованием отдельных сёл Курской области постепенно приобретался опыт проведения полевых экспедиций, накапливался богатый диалектный материал.

Всесторонне и разнопланово собирательская работа начала проводиться в конце 60-х гг., а активизировалась в 70-е гг. На протяжении всего времени шло пополнение диалектной картотеки, накопление фонозаписей, а в 80-е гг. начался сбор этнолингвистических материалов по программам Института славяноведения и балканистики и параллельно с этим преподаватели кафедры русского языка включились в работу по созданию Лексического атласа русских

народных говоров. Тогда же, в 80-е гг., была создана научно-исследовательская лаборатория по изучению курских говоров, работа которой велась по следующим направлениям:

- лексикографическое описание курской диалектной лексики (создание словаря курских говоров);
- изучение региональной лексики в этнолингвистическом аспекте (создание тематических этнолингвистических сборников);
- исследование фонетического строя курских говоров (создание фонозаписей и материалов к хрестоматии курских говоров) и др.

В 2009 г. была создана научно-исследовательская лаборатория «Региональная лексикография и этнолингвистика», ставшая правопреемницей научно-исследовательской лаборатории по изучению курских говоров, одним из важнейших аспектов работы которой является издание словаря курских говоров. На сегодняшний день вышли семь выпусков этого лексикографического издания.

Словарь курских говоров является дифференциальным толковым словарём, включающим диалектную лексику и фразеологию, зафиксированную на территории Курской области в пределах её современных административных границ, сложившихся к 1954 г.

Основу словаря составляют лексико-фразеологические материалы, собранные студентами и преподавателями Курского государственного педагогического института в период с 70-х гг. и собираемые по настоящее время теперь уже студентами и преподавателями Курского государственного университета. Накопление диалектного материала осуществлялось и осуществляется в процессе непосредственного наблюдения над живой народной речью представителей сельского населения в период выездных научных экспедиций и полевых учебных практик. Накопленный богатейший фактический материал «нуждается в отборе, внимательном рассмотрении и тщательной обработке» [Праведников 2018: 3].

Пополнение диалектной картотеки ведётся также и за счёт извлечений из этнографических описаний, этнокультурных текстов, собираемых по программам Института славяноведения и балканистики. Большое количество диалектных лексем было извлечено из полевых материалов, предназначенных для Лексического атласа русских народных говоров (печатается Институтом лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургское отделение).

Диалектные единицы, включаемые в словарь, отражают современное состояние курских говоров.

В словарь включена: а) диалектная лексика и фразеология, отсутствующая в нормативных словарях современного русского

литературного языка; б) лексические единицы, представленные в толковых словарях с пометой *обл.*; в) слова, имеющие одинаковый морфемный состав с соответствующими словами литературного языка, но употребляющиеся в говорах с иным значением.

В словарь включены следующие типы диалектных слов и устойчивых выражений.

1. Слова, корни которых отсутствуют в литературном языке (*апуцки, векла, обзол* и др.).

Апуцки, *только мн.* Колнощаяся трава. *Апуцки пад нами прькасили* [СКГ 1: 45].

Вékла, *-ы, ж.* Птица с белыми перьями на крыльях и хвосте; сорока. *Глянь, вон векль сидить на забора, фост длинньй, вести на ём принисла* [СКГ 2: 27].

Обзól и **обзёл**, *а, м.* Плохо обработанный край доски с оставшейся корой. *Абзолу много, я их [доски] нъ забор пуцию* [СКГ 7: 15].

2. Образованные от корней, представленных в словарном составе литературного языка, но в говорах имеющие свои особые значения; сюда же включены и все производные лексемы от данных слов (*гавкала, глядины, заболочина* и др.):

Гáвкала, *-ы, общ., неодобр.* Склонный к брани человек. *В наших силе брѣнчливых людей зьвуть гавкэлы* [СКГ 3: 3].

Глядины, *-мн. (ед.?)*. В свад. обр.: первое свидание жениха и невесты. *Сньчалъ глядины устраивьэли, нивесту и жэньиха зацэнивэли* [СКГ 3: 22].

Заболочина, *-ы, ж.* Заболоченное место. *Немсы ацтупали, папали у зьбалочину* [СКГ 4: 55].

3. Слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но с иным аффиксальным составом (*арепей, бабуха, исруб* и др.).

Арепéй, репéй *-ья, м.* Репейник, колючее сорное растение. *Пъшла мая каровь на лух, а там арипя нъхваталь, ели выцистиль* [СКГ 1: 45].

Бабúха, *-и, ж.* Представительница женского пола в пожилом возрасте, старая женщина. *Пръжыла жысть, бабухъй сталь, а шастия ни видаль* [СКГ 1: 51].

Исру́б, *-а, м.* Четырехугольное сооружение из брёвен; сруб. *Вон исруб стаить бес крышы. Етъ зьвхос ставя* [СКГ 4: 120].

4. Слова с аналогичными аффиксальными морфемами и значениями, что и в литературном языке, но отличающиеся фонематическими различиями (*авгина, карахтер, ластовка*).

Карахтер, *-а, м.* Характер. *Карахтир ни привиди гасподь!* [СКГ 5: 22].

Лáстовка, -и, ж. Ласточка. *Пирид даждем ластѣвкъ дужь кружыль* [СКГ 6: 16].

5. Слова, оформленные так же, как и соответствующие лексемы в литературном языке, но имеющие различия в лексических значениях (*алёнка, виски, матрёшка*).

Алёнка, -и, ж. Майский жук. *Нынчѣ агърот къпаль, гляжу ужо алёнки вылазиють* [СКГ 1: 40].

Виски, только мн. Волосы на голове человека. *У мене у мольдѣсти дюжы виски красивы были, кучирявыи* [СКГ 2: 83].

Матрёшка, -и, ж. Тёплый, вязаный платок. *Усю жызнѣ у матрѣшки прѣхадиль, закутъюся, гълаве тѣплѣ* [СКГ 6: 40].

6. Слова, отличающиеся от тождественных по значению слов литературного языка грамматическими особенностями (*братка(о), брово, облак*).

Брáтка, брáтко, -и, м.; ласк. Брат. *Скорѣ уш мой браткѣ должын приехть* [СКГ 1: 99].

Брóво, -а, ж. Бровь. *Штои-тѣ бровѣ зъицисалься* [СКГ 1: 102].

Облак, а, м. Облако. [*Показывает маленькому внуку*] *Этат облак пахош на старика, а тот на карапѣ. Красата!* [СКГ 7: 12].

7. Устойчивые сочетания, не отмеченные литературным языком, содержащие в своем составе слова литературного языка (*антонов огонь, драть глотку, оказать руку*).

Антонов огонь. 1. Аппендицит. *А раньшы ат антонѣвъ агня умирали*. 2. Воспалительный процесс, нарыв. *У яво был антонѣвъ агонѣ, сильна палиц балел*. 3. бран. Выражение недовольства, негодования по отношению к кому-либо. *Къкую табе ишо книгу, антонѣвъ агонѣ* [СКГ 1: 44].

Драть глóтку. 1. Громко петь песни. *Вон так громкѣ песни кричит, глотку дирѣт. На вячорках дефки драли глотки, песни кричали*. 2. Ругать, бранить кого-либо. *Ни дяри глотку, ни брани дочку пустѣ-путя* [СКГ 3: 75].

Оказáть руку. Показать свои способности, навыки в рукоделии. *Аказаль руку, типерь нихай работыт* [СКГ 7: 68].

8. Фразеологизмы, включающие в свой состав диалектные слова (*дыхать не мочь, идти кандибобом, искать ярку*).

Дыхáть не мочь. Не мочь обходиться без чего-либо жизненно важного. *Биз боршуя дыхать ни магу* [СКГ 3: 85].

Идт́и кандибóбом (кандибóбером). Держаться высокомерно, зазнаваться. *Гля, идетъ кандибобѣм: так заважничил, как дощку за багатѣвъ выдѣл* [СКГ 4: 110].

Искать ярку. В св. обр.: искать молодую на 2-й день свадьбы. *Посли свадьбы были усякии забавы: хадили на калодиц, абливалися вадою искали ярку, мьладуя так звали* [СКГ 4: 119].

Расположение слов и фразеологических единиц осуществляется в строгом алфавитном порядке. Слово или фразеологизм в заголовке словарной статьи дается в орфографической записи, отражающей его фонемный состав в говоре (*арепей, забижать, обжог*).

Словарная статья начинается с заглавного слова, представленного в начальной форме, которое снабжено ударением (одним или несколькими).

После заглавного слова следуют грамматические и стилистические (по мере необходимости) пометы, затем даётся толкование значения слова и приводится иллюстративный материал в форме диалектного микроконтекста. Указывается место фиксации лексической или фразеологической единицы: район(-ы), населенный(-ые) пункт(-ы).

В словарной статье каждого диалектного слова отражены все значения, которые отмечены в курских говорах.

Большинство диалектных слов по своим значениям совпадают с соответствующими словами литературного языка, поэтому для определения значений подобного рода слов приводится литературный эквивалент – один или несколько (*гребовать – брезговать; дежа – квашня; завидно – засветло*).

Диалектные слова, значения которых не совсем совпадают со значением слов литературного языка или не имеют лексических эквивалентов в литературном языке, толкуются описательным способом:

Бёбеки, *только мн.*; *собир.* 1. Одежда, подушки и другие предметы домашнего обихода. *Нивестъ бебики сваи пирилизла назат.* Курч. **Лукашевка.** *Вон Настёнъ сваи бебики рьзлажсывьить на тыну сушыть.* Об. **Гридасово.** 2. Органы брюшной полости. *Упал, усе бебики абдил у пузя.* Об. **Бушмено** [СКГ 1: 69].

Галушники, *мн.* (*ед. галушник*). Прозвище жителей южных сёл Курской области, граничащих с Сумской областью, полуукраинцев. *У нас две Бьбровы – у адной галушники, хахлы, у другой – мъекали, кацапы.* Бел. **Боброва, Подол, Пены, Илэк** [СКГ 3: 9].

Обмысок, *-ска, м.* Ровное место, выдающееся вперед. *Пайдеи удоль рецки, дайдеи да абмыскъ и пьваращивьй фправъ, и вдоль лиска как рас пьпадеи у Игинь.* Фатеж. **Линец** [СКГ 7: 27].

Как мы видим, Словарь курских говоров является богатым источником сведений не только о материальной, но и духовной культуре жителей региона, подтверждая суждение о том, что «включение этнокультурных лексико-фразеологических единиц в региональный

словарь расширяет его информативную базу, даёт полное представление обо всех сторонах жизнедеятельности носителей говоров» [Ларина 2011: 60]. Словарь, являющийся собранием диалектной лексики, способствует постижению культурных контекстов диалектного (материнского) слова, следовательно, и диалектной культуры отдельного региона. Поэтому осуществление выпуска словаря курских говоров в полном объёме даст возможность воссоздать историю языка и культуры одного из южных регионов России и сохранить это богатство для будущих поколений.

«Словарь – труд натушный» – такое присловье было в одной из рукописей В.Д. Даля, когда исследователь готовил свой полувековой труд к первому изданию [Даль 2001: 6]. Действительно, создание словаря – это очень кропотливая и довольно медленная работа, которая требует от авторов-составителей не только терпения, но и безграничной любви к своему делу.

Сегодня как никогда актуально звучат слова известного российского литературоведа, фольклориста А.А. Горелова, который ещё в начале XXI в. сказал, что «именно национальная культура, её огромные накопления, её генетический фонд – это и есть богатство и мощь России, которые способны чудодейственно работать на возрождение Отечества, на воплощение в современности объединительных идей русской истории, способствовать грядущему цементированию разъятой целостности, а далее – воссоединению частей страны, подвергшихся трагическому для братских народов взаимоотторжению» [Горелов 2001: 7].

Литература и источники

Банкова Т.Б. Обрядовое слово в лингвокультурологическом словаре // Язык в поликультурном пространстве: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. «Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве». Томск, 28–29 мая 2001 г. Томск: ТПУ, 2001. С. 235–238.

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.

Горелов А.А. Предисловие // Былины Печоры: в 2 т. Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001. Т. 1. С. 7–10.

Даль – Толковый словарь русского языка. Современная версия. Москва: Изд-во Эксмо, 2006. 736 с.

Ларина Л.И. Этнокультурные репрезентации в диалектном словаре // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 59–60.

Никифорова О.В. Диалектный словарь как источник изучения культуры региона // Сборник статей по материалам Междунар. науч. конф. «Нацио-

нальные коды в языке и литературе». Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2018. С. 201–207.

Праведников С.П., Дьяченко Ю.А. Курские говоры: материалы к словарю. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. 208 с.

СКГ – Словарь курских говоров. Вып. 1–7. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 1999–2021.

Хроленко А.Т. Что такое региолект? // Курское слово: сб. науч. статей. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2018. Вып. 17. С. 3–8.

УДК 81'282.2:81'37(045)

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОВА *ТОЖНО* В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ

Е.А. Жданова

*Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия, zhdanovaea@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен анализ семантики диалектного слова «тожно» в русских говорах Удмуртии. Для установления значения слова использован корпусный метод, позволяющий привлечь для анализа максимальное количество контекстов; контекстуальный анализ, целью которого являлось установление значения слова в данном говоре; лексикографический анализ, позволяющий установить все имеющиеся семантические варианты и территорию распространения диалектного слова.

Ключевые слова: корпус русских говоров Удмуртии; семантика диалектного слова; диалектная лексикография; контекстуальный анализ; корпусный метод; лексика русских говоров Удмуртии

ABOUT A LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF WORD *TOZHNO* IN RUSSIAN DIALECTS OF UDMURTIA

E.A. Zhdanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the semantics of the dialect word “tozhno” in the Russian dialects of Udmurtia. To establish the meaning of the word, the corpus method was used, which makes it possible to involve the maximum number of contexts for analysis; contextual analysis, the purpose of which was to establish the meaning of a word in a given dialect; as well as lexicographic analysis, which allows to establish all available semantic variants and the territory of distribution of a dialect word.

Keywords: corpus of Russian dialects of Udmurtia; semantics of the dialect word; dialect lexicography; contextual analysis; corpus method; vocabulary of Russian dialects of Udmurtia

Лексикографическая интерпретация диалектных слов представляет определённые сложности в связи со своеобразным бытованием диалектной лексики: устная форма речи с её необработанностью и неточностью, привлечением невербальных средств и ситуативностью может сделать фиксацию диалектных слов собирателем неполноценной, а территориальная вариативность диалектного языка затрудняет определение значения слова по существующим лексикографическим источникам.

При толковании слова необходимо учитывать также своеобразие диалектной семантики, на которое неоднократно указывали учёные и лексикографы, заключающееся, в частности, в «диффузном», синкретичном характере значения слова, сложностях при определении границ семантики диалектных лексических единиц [Коготкова 1979; Кузнецова 1994].

Неслучайно словари диалектного языка характеризуют как толково-переводные: толкование диалектных слов в них часто сводится к «переводу» на литературный язык, объяснению значения при помощи общеизвестных слов или толкованию при помощи подбора общеупотребительных синонимов.

Источником и инструментом для составления словаря русских говоров Удмуртии служит корпус русских говоров Удмуртии [ЛГИС «Диалект»], который содержит скан-копии записей диалектной речи, сделанных в 1970–1980-е гг. и охватывающих всю территорию республики [Баранов и др., 2020]. Корпус даёт возможность поиска лексических единиц, отмеченных в русских говорах Удмуртии и просмотра полных контекстов, что позволяет установить, уточнить их значение. При работе с корпусом русских говоров Удмуртии, которая заключается в фиксации диалектной лексики, соотносимой с программой Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) [Программа 1994], часто встречаются диалектные слова, обладающие своеобразной семантикой, во-первых, выходящей за рамки вопросника ЛАРНГ, а во-вторых, не соотносимые со словами литературного языка, демонстрирующие различное, зачастую неожиданное, употребление в разных говорах. В основном это непредметная лексика, обладающая диффузной семантикой, сложно выводимой из одного-двух контекстов, требующая особого анализа и интерпретации, сопоставления всех возможных употреблений. Такие лексемы уже были описаны в ряде работ [Жданова 2020, Жданова 2021].

Корпусный подход, реализуемый при помощи корпуса русских говоров Удмуртии, способствует обнаружению всех возможных

контекстов в местных говорах для анализа диалектных слов, в том числе с семантической точки зрения. Стоит отметить, что не все записи, включённые в корпус, характеризуются высоким качеством. Встречаются плохо читаемые, неполные, отрывочные записи, фиксация отдельных слов со значением, указанным студентом-собирателем, или не указанным вообще. В некоторых случаях сопоставление записей речи одного и того же информанта, сделанных разными участниками экспедиции, даёт противоречивую информацию. Однако корпус позволяет выбрать из десятков контекстов наиболее «удачные»: полные, точные, однозначные, содержательные, на основании сопоставления которых можно делать выводы о значении входящих в них слов.

В корпусе русских говоров Удмуртии найдено более 50 фиксаций слова *тожно*, включая вариант *тожны*, в 11 населенных пунктах в двух северо-восточных районах республики (1977–1981 гг. записи), а также 2 употребления на юго-востоке, в селе Тарасово Сарапульского района (1972 г.).

Можно отметить, что в материалах корпуса зафиксированы акцентологические варианты анализируемого слова, однако это различие не коррелирует с семантической дифференциацией. Акцентологические варианты могут быть записаны в одном и том же населенном пункте:

Хлеб пахали лошадьми, быками. Тожно́ пойду, ситиво накину, из того ситива берёшь смя и бросаешь (с. Кулига Кезского р-на);

Сочень соскём большой, тожно́ квашню положим и тожно́ загибам (с. Кулига Кезского р-на).

Исследуемая лексема представлена в словарях русского диалектного языка как характерная для севернорусских и восточных говоров, имеющая ряд лексико-семантических вариантов.

В словаре В.И. Даля слово *тожно* отмечено как вологодское, вятское, пермское, сибирское в значениях «тогда, в то время, в те поры; теперь, сейчас; вслед за тем, потом, после; в то прошлое время, о котором идёт речь, прежде» [Даль 4: 410].

В Словаре русских народных говоров (СРНГ) описано 24 значения слова *тожно́*, выступающего в функции различных частей речи, отмечается оно в основном в севернорусских говорах, на Урале и в Сибири. В говорах нашего и пограничных регионов (пермских, вятских) отмечены следующие значения: «таким же образом, точно так же; ещё раз, снова; в то время, в прошлом; теперь, в настоящее время; только что, сейчас, в данный момент; потом, после; в скором времени, в ближайшем будущем; при данных условиях,

в таком случае; по этой причине, поэтому; должно быть, вероятно, видимо' [СРНГ 44: 171–173].

В Словаре пермских говоров, пограничного с Удмуртией региона, слово *тожно* зафиксировано как наречие, авторы выделяют шесть значений, указывающих в основном на последовательность, временную отнесенность действия [СПГ 2].

На территории Удмуртии слово *тожно* зафиксировано В.Ф. Барашковым, представлено в приложении «Материалы для словаря говора» к диссертации «Русский говор северной части Карсвайского района Удмуртской АССР» (1957 г.). Автор исследования выделяет два значения этого слова: 'потом, затем' и 'видимо, вероятно' [Барашков 1957: 283], однако примеров употребления не приводит. Второе значение благодаря данной диссертационной работе попало и в СРНГ, но в текстах корпуса русских говоров Удмуртии, записанных в том числе в северной части Бalezинского района, которая раньше представляла собой Карсвайский район, не зафиксировано ни одного примера с *тожно* в данном значении. Приведём записи, сделанные в селе Карсвай:

Он всё мне привезёт, на тюльки развалит, расколет, а я тожно складаю.

Избу-то ещё мой старик ставил, плотник был, руки золотые у него были... всё сам, подсобляли тожно сруб ставить.

В этих контекстах, как и во многих других записях, сделанных в Бalezинском районе, значение слова *тожно* может быть передано общепотребительными эквивалентами *потом, тогда*:

Перво Пычаской был район, тожно в Можгинской перевели (с. Андреевцы);

Корова мёртвого родила, так судили, тожно своего отдала (с. Кирёнки);

Хочу связать её ниткой к ноге, тожно вязала уже к ноге-то... (про курицу) (д. Марчёнки);

Сыновья-то чо розъехались, один в Красноярском живёт, но приезжают помогают матери-то. Не будут помогать, тожно что это будет (д. Шарпа).

В расположенном восточнее Кезском районе большинство контекстов указывает на то, что слово *тожно* соответствует общепотребительному *потом*. Записано даже указание информанта на этот факт:

Тожно значит потом. Такая у нас наречия (с. Кулига);

Сажен лук, редька, репа, посажу тожно полю, ухаживаю (д. Доронята);

Пашня плоха была, а тожно как стали жить, пашено прибавлять по едокам, толда стало лучше жить (д. Дурманы);

Тожно вы уедете обратно? (д. Степанёнки);

Да плюньте вы, девки, на черномазиков, от имя мазутом пахнёт, одёжа тожно не моёча (с. Кулига).

В Сарапульском районе, который находится значительно южнее и заметно отличается в диалектном отношении от Бalezинского и Кезского, контекстуальный анализ слова *тожно*, к сожалению, невозможен в связи с единичностью фиксаций и отсутствием контекстов. Поэтому употребления на данной территории, как и сложно интерпретируемые случаи в Бalezинском и Кезском районах, будут представлены как лексемы с тем же значением, которое было выявлено и установлено в результате проведённого лексикографического и контекстуального анализа. Однако, если учитывать территориальную удалённость села Тарасово от северной части Удмуртии, не исключается и возможность омонимии или проявления в говоре данного населённого пункта другого оттенка значения. В таком случае корпус допускает корректировку дефиниции, внесения дополнительного толкования или отдельного определения для слова-омонима.

Нужно заметить, что общеупотребительные лексемы *потом* и *тогда*, которые предлагаются в качестве определения значения слова *тожно*, не являются однозначными в литературном языке и выражают не только временные, но и логические отношения компонентов высказывания, поэтому они достаточно точно могут передать семантику указанного диалектного слова:

«Тогда – 1. В то время, не сейчас, не теперь. <...> 2. В таком случае, при таких условиях, обстоятельствах.

Потом – I. местоим. нареч. 1. Следуя за каким-л. событием, явлением, действием; затем. <...> // Спустя некоторое время, не сейчас; позже. 2. Располагаясь, находясь за кем-, чем-л., позади кого-, чего-л. <...> II. союз. Разг. Кроме того, в добавление к сказанному» [БТСРЯ].

Таким образом, в результате исследования, проведённого на материале корпусных данных путём контекстуального анализа с привлечением сведений диалектной лексикографии, а также с учётом лингвогеографической составляющей было принято решение представить слово *тожно* как лексему с единым значением, включающим подтверждённые контекстами оттенки: *потом*; *тогда*. Считаем, что такая интерпретация достаточно точно и полно отражает семантику указанного слова, соответствует принципу функционирования

языкового знака как средства коммуникации, обладающего общим конвенциональным значением, а также, учитывая корпусную форму данных, способствует возможности единого представления слова, облегчает нахождение всех его фиксаций в корпусе.

Литература и источники

Баранов В.А., Верняева Р.А., Жданова Е.А. Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии: разработка и возможности использования // Cuadernos de Rusística Española. Vol. 16 (2020). Pp. 39–54.

Барашков В.Ф. Русский говор северной части Карсвайского района Удмуртской АССР: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1957. 312 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 13.09.2022).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1880–1882.

Жданова Е.А. Наречие *лонись* в русских говорах Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 259–265.

Жданова Е.А. Семантика глагола *жить* в русских говорах Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, вып. 2. Ижевск, Удмуртский университет, 2021. С. 230–235.

Козоткова Т.С. Русская диалектная лексикология. Москва: Наука, 1979. 334 с.

Кузнецова О.Д. Слово в говорах русского языка. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. 88 с.

ЛГИС «Диалект» – Лингвогеографическая информационная система «Диалект». URL: <http://dialect.manuscripts.ru> (дата обращения: 13.09.2022).

Программа собирания сведений для ЛАРНГ / отв. ред. И.А. Попов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994 336 с.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018.

ЛЕСНЫЕ ДОРОГИ*

И.Б. Качинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, kacza@yandex.ru*

Аннотация. Исследование представляет собой фрагмент словарной статьи для готовящегося «Этнолингвистического словаря Кенозерья» и основано на материалах полевых экспедиций в Плесецкий район Архангельской области. Перечисляются названия дорог, проводимых в тайге для нужд лесной промышленности. Дороги делились на зимние и летние: вырубка леса осуществлялась в основном зимой, а сплав леса проходил весной и летом. Также рассказано об охотничьих тропах.

Ключевые слова: Кенозерье; архангельские говоры; лексика дороги

FOREST ROADS

I.B. Kachinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The study is a fragment of a dictionary entry for the upcoming “Ethnolinguistic Dictionary of Kenozero” and is based on the materials of field expeditions to the Plesetsk district of the Arkhangelsk region. The names of roads carried out in the taiga for the needs of the forest industry are listed. The roads were divided into winter and summer: deforestation was carried out mainly in winter, and timber rafting took place in spring and summer. Hunting trails are also described.

Keywords: Kenozerye; Arkhangelsk dialects; vocabulary of the road

Исследователи народной культуры Русского Севера давно обратили внимание на территорию вокруг озера Кено – Кенозерье. Там собирали фольклор уже в XIX в. П. Рыбников и А. Гильфердинг, в XX в. – братья Соколовы, Ю.И. Смирнов и многие другие. В Кенозерье работали диалектологи Л.П. Михайлова и А.В. Приображенский, И. Муллонен и Е.А. Захарова, этнолингвисты С.Е. Никитина и А.Б. Мороз. Изучать культуру Кенозерья в разное время приезжали экспедиции из многих пединституты и университетов.

В Кенозерский национальный парк, возникший в 1991 г., вошло два сектора: Плесецкий (вокруг оз. Кено) и Каргопольский (рядом с оз. Лаче). Сотрудники Парка много делают для изучения культурного ландшафта подведомственной территории. Это особо охраняемая зона, на которой ведутся самые разные исследования – от изучения растений и рыб до археологических раскопок. Раз в два

* Работа осуществлена благодаря Договору с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

года проводится большая конференция «Кенозерские чтения», на которую собираются представители многих специальностей, в том числе историки и филологи, по результатам конференции издаются сборники статей. О культурном ландшафте Кенозерья много написано в интернете на сайте Парка [Кенозерье], об этом писала и А.А. Иванова [Иванова 2022].

При сборе материалов для «Этнолингвистического словаря Кенозерья» возникли некоторые трудности. Из более чем 30 деревень, расположенных по берегам озера Кено и его островам, еще до образования Парка местное население вынудили выехать. В.Я. Дерягин, занимавшийся топонимикой Кенозера, приводил 52 единицы, обозначающие названия деревень и околков (и в Каргополье, и в Плесецком районе деревни располагаются кустами) [Дерягин 1987]. Сегодня на территории Парка в Плесецком секторе осталось лишь несколько деревень: Вершинино (оно же Кенозеро), Першлахта, бывший поселок леспромхоза Поча и бывший сплавной поселок Усть-Поча. В настоящее время в поселках отсутствует какая бы то ни было промышленность, они превратились в деревни, куда переселились многие жители опустевших деревень.

Предпринималось несколько попыток создать словарь Кенозерья [Кенозерский словарь 2002а, 2002б; Комягина 2003]. Материалы из ныне нежилых деревень (Рыжково, Коровино, Тарасовская, Поромское Плесецкого сектора и Маселга, Лёкшмозеро, она же Морщихинская, Каргопольского сектора) вошли в «Архангельский областной словарь» и его картотеку [АОС].

Этнолингвистические словари – достаточно новый жанр в российской лексикографии. Эталоном, конечно, является «Словарь славянских древностей» под ред. Н.И. и С.М. Толстых [СД], написанный в основном по материалам многолетних экспедиций в Полесье, но с широким привлечением материалов других русских говоров и славянского ареала. Хочется также назвать этнолингвистические словари, созданные И.А. Морозовым (в соавторстве): этнодиалектный словарь Шацкого района Рязанской области [Морозов 2001] и Ульяновского Присурья [Морозов 2012]. О проекте этнолингвистического словаря Пинежья сообщила Н.В. Дранникова [Дранникова 2000].

В «Этнолингвистический словарь Кенозерья» войдут статьи, связанные как с духовной, так и с материальной культурой. Предполагается описать природную среду и поселения, жилище и хозяйство, монастыри и часовни, народный календарь, мифологию, фольклор и многое другое.

Материалы, легшие в основу настоящего исследования, войдут либо в словарную статью *дорога*, либо в статьи, посвященные лесному хозяйству. В основу легли записи из населённых пунктов Плесецкого района: из Почи (основной материал), Усть-Почи, Вершинино, Першлахты. Мы не включили сюда имена информантов, но представили их высказывания. И хотя теме дороги посвящено достаточно много работ (см., например, обстоятельную монографию [Щепанская 2003]), кажется, что тема эта неисчерпаема.

В лесах дороги проводили для нужд лесной промышленности. Подвозили к лесным участкам рабочих, занимающихся вырубкой леса или сбором смолы (*живицы*, *серы* и *бораса*), необходимой для выработки скипидара и других продуктов химической, фармакологической и прочих отраслей. Рабочих, которые работали в *лесохимии*, называли *химиками*: «Тут тоже брошенные эти все дороги, химики, скорее всего, вывозили эту свою живицу».

Глухой лес называли *тайболой* и *сузёмком*. Для заготовки леса лесной массив делился на участки (*кварталы*): «У нас где здесь-то рубили, промышленные рубки были, он был у нас два на четыре километра. Здесь уже в Парке идёт нарезка километр на два, небольшие *кварталы*». По углам кварталов ставился *квартальный столб*: «И вот этот *квартальный столб*, он ставился на углу, там вот они где-то есть. Эти окошечки [на квартальном столбе] показывали нумерацию кварталов, то есть он ставился здесь, у него же во все четыре стороны: сюда идёт там квартал, сюда идёт квартал и туда, вот эти угловые, на угловых вот они со всех четырёх сторон, и нумерация соответственно, уже ты по карте знал, где что». Дороги, разбивавшие лесные кварталы, назывались *визирами* и *просеками*: «Потом эти квартала разбивали ешшо *полуквартальные визирь*, а потом эти уже полуквартала разбивали ешшо на деляночки так называемые, куда ставили и приводили лесную бригаду. А вот это, наверно, *квартальная просека*, ешшо так называли иногда, *квартальная просека* или *квартальная визира*. Те, которые шли с запада на восток, их уже *параллелями* называли в своё время». *Просекой* могли называть и более широкую дорогу: «*Просеки* могли сделать, допустим, под автомобильную дорогу, то есть её там метров десять – пятнадцать шириной *просека*, ну а *визира*-то, вот *визирами*-то как раз границы делянки»; «Эта-то *визира*-то в лесу, вы пойдёте, например, если по Будылгино вас поведут по тропе. Там *визирь*, вот раньше вот лес заготавливали, химики, и вот они заготавливали *серу* от смолы, от сосны,

на сосне делали такие заметки, вешали штучки, и вот у них своя *визира* была как бы, ну территория, площадь».

Квартал, разделенный визирами, в свою очередь подразделялся на *делянки*: «Ну вот лесоустроители нарезали *квартала*, готовили *квартальную сетку*, а потом уже наши местные лесники разбивали это на *делянки* и приходили, допустим, определились – год там, эту зиму будут рубить в таком-то, таком-то *квартале*». Все *делянки* тоже имели нумерацию. Квартал «делили на *деляночки*, нумеровали, просчитывали, подсчитывали, сколько там можно объём взять. *Делянки* нарезали непосредственно, ну, нумерация соответственно. И рубки-то ведь разные были. Главного пользования – там-то у нас промышленные, главного пользования были». «Отведут *делянку*, вот и рубят. Там сколько? Двести на двести или пятьсот на пятьсот? Вот, пожалуйста, пятьсот на пятьсот разделят на четыре бригады или на сколько, вот это вырубят».

Лесные дороги различались по длине и ширине: «Ну, *деляночные*, они тоже, разный был свой как бы параметр, *квартальные* – они вот пошире были, *деляночные* – они узенькие были».

Кроме реальных дорог, были так называемые *тёмные визир*ы – они прочерчивались лишь в планах и схемах и были нужны для подсчета древесины на участках: «Были же ешшо и *тёмные визир*ы. Их вообще не прорубали, это для подсчёта. Взяли этот квадратик, нарезали, прошли по этим, по границам здесь, *заточковали*, там посчитали, сколько деревьев такого-то, такого-то объёма, но внутри-то же неизвестно что. Ну надо было тоже, через сто метров их разбили, и по этим тоже прошли просчитали, по *тёмным визирам*, ну, их уже так, для ориентира. *Тёмная*, она так и называлась *тёмная*, что её не просмотришь, как вот эти, допустим». *Заточковать* значит указать на плане количество деревьев: «*Рубочник* – это такая книжечка, вот там всё расчерчено всё. Как дерево – так и *точка*, как дерево – так и *точка*».

По *визирам* местные жители ориентировались в лесу: «Так он на други день вышел на Глубоко, там *визира* – он маленько уже ориентировался. Я, гыт, так-то знаю, гыт, *визир*. Вышел – деревня, там ещё жили люди. Туды пришёл в деревню, это просто така дорога, столбы. Называется *визира*. Вот по этим столбам можно ориентироваться».

Последнее время в лесу роют еще и противопожарные канавы – как правило, уже вдоль имеющихся дорог и троп: «Ну, тут ездил противопожарный трактор, разрыв делал, *канал*».

Помимо *визиров* и *просек*, в лесах строили и настоящие дороги, по которым лесовозы вывозили лес: «Я там бывала, с мужем по

ягоды ездили туда, далеко очень. У нас лесовозы ходили, дорога хорошая, ремонтировали, и лесозаготовки были»; «Машины могут только ходить по хорошим дорогам, поэтому надо было построить делянку в ту сторону, в сторону Карелии, дорога была построена 35 километров длиной». Большая дорога могла называться *трактом*: «Тракт, большой тракт. Скажут: у, кака дорога-то широка, тракт».

Ответвления от центральной дороги назывались *волоками*, потому что по ним *подволакивали* срубленный лес: «Волок – это вот идёт лесная дорога, центрально, называется *лесная дорога*, в лес едет, а *волок* – ответвление от центральной дороги. *Волок* – вот, например, идёшь, валишь, как говорится, чтоб у тебя трактор, трактор по этому *волоку* потом этот лес собирает, на площадку возит»; «Ну *волок*, например, этого, лес рубили, *дорожку* возьмут, как в лесу роботали, бригада. Отведут *волок*, вот так дорогу прорубят, а потом к этому *волоку* сваливают деревья, и трактор вытаскивает по этому *волоку* брёвна, лес»; «Тут тоже лес сваливаш, а трактор по этому ходит, по *волокам*, он и валы вывозит, и чистит, вот тебе вся делянка и кончится»; «Больши *волока*-то тут, о саму дорогу». Место, где в лесу складывали бревна перед тем, как везти их на *катище* – на берег реки, называлось *карман*: «*Карман* – это лес, куда складировали заготовленный лес, называли *карманы*. Вот лес заготовливают, они окарзаны стволы-то, свозят в одно место. Это место называется *карман*».

Между *волоками* проводились *пасеки* – дорожки, по которым трактора уже не ходили: «Допустим, эту же делянку мне дали, вот, руби его – нет, ни где, ни как попало, была схема. Здесь, там, допустим, погрузочные площадки, здесь *магистральные волока* и между волоками *пасеки* это называлось, нельзя было ездить трактором, портить почвенный этот слой. По уму соблюдалось»; «Эта дорожка – это *волок* называется. А привал рубят уже – дорожка прорублена, значит, рубят вот с этой стороны и с этой стороны. Потом привалы, а вернее, ну, привал снимешь опять же, или *волока*, вот *магистральной волок* сначала проводишь, а потом уже *пасечные волока* идут по сторонам».

Ответвления от основной дороги еще назывались *усами*: «*Усы* – это отходы в сторону от основной дороги. Ну, к Заволочью-то сначала на лодках ездили, потом, когда лес-то вырубали, эту дорогу-ту уже 35 километров вырубали вдоль неё по прямой, в сторону по *усам*»; «Ехали, ехали, ехали – и по *усу* свернули, вроде как вышли, доехали уже, я стала у *уса* собирать ягоды, бруснику. Кто там рубил когда-то, тот знает, куда идти, а я тут около *уса*».

Дороги разделялись на зимние и летние. Дороги, проложенные зимой напрямик по непроезжим местам через болота, реки, озёра, называли *зимник*: «Летняя дорога идёт по сухому месту, а *зимняя дорога* идёт по озеру или по болотине, сокращает путь»; «*Зимник* сделан по болотам. Прямо делали, чтобы ближе ехать. Вот и *зимник* называли». Зимняя дорога в лесу называлась также *санник*: «*Санник* – лесна дорога. *Санником* называется. А у нас *санники* зовётся в лес ехать за доровами, за хвоей». Зимой для вывоза срубленного леса дороги в лесу заливали водой, такие дороги назывались *ледянки*: «Воду наливали по *ледянке*-то, вот тако русло, а это вода туды, ночью. Лес возили на конях по *ледянке*»; «Надо ведь на двух конях проехать туды по *ледянке*, холодно».

Летом для проезда и вывоза леса строили дороги из бревен, которые назывались *лежнёвки*: «Дороги вот строили, лес возили дак. Эти, *лежнёвку* дак. А вот машинна така дорога. Така вод деревянная, делали мы»; «Специально *лежнёвки*, это специально бригада была *лежнёвки* строила, чтобы лесовозы-то по *лежнёвке* ходили, а когда экономии были, чтоб по грунту, по грунту катали, а так, в основном-то *лежнёвки* тут у нас»; «И так же, вот лес когда заготовляли, вот эту *лежнёвку* делали, чтоб машины шли, трактора, тоже лаги простирали. Но там уже из брёвен»; «Я думала, что стороить могли дорогу только из берёзки, из ольхи, а они, говорят, из деловой древесины. Деловая древесина – это и есть сосна»; «Раньше ходили вообще на *лежнёвку* туда. *Лежнёвка* была раньше, это две колеи из брёвен».

Как и много где на Севере, в Кенозерье охотничья тропа называется *путик*. У каждой семьи и у каждого охотника свой *путик*. Это вовсе не вытопанная на земле или в снегу тропинка. Это расставленные в некотором направлении охотничьи ловушки на зверей и дичь: «*Путик* – это путь, по которому я всё время хожу. У каждого свой *путик*. Вот я хожу по одному своему *путику*, особенно охотники. Это личная дорога каждого охотника, рыбака. Всё лето без выходовных, дак я зимой занимался. Километров за шесть пройдёшь на лыжах туда там, расставишь *путик*. Так что похожено было. А щас уж всё, отходил, токо вспоминать надо»; «Выходной, один выходной раньше был вот. Работаеть, а один выходной, дак раз в неделю так сходишь, по всему, по всему *путику* идёшь, и где ничего нет – опять словишь. Раньше и охотников-то было много, а щас-то порато не занимаються-то». *Путики* ставились там, где у зверя были свои *проходы*, *переходы*: «Вот он тоже всю жизнь занимался охотой. Ну, как говорится, меня уж натаскивал, что где, где *путики*

у куницы. Ну, у них обычно, у каждого этого, куница али норка – у них свои *тропы*, свои *ходы*, как говорится, у них, вот примерно вот дак, стараюсь на ихних *переходах*, на ихних *переходах* ставим капканы. Ну, *проходы*, это где она ходит обычно уже. Она уж сама своего места держится обычно, где у ней *переходы*. А щас тут Парк, Парк, это всё запрещають, как говорится». Место, по которому делали переходы медведи, называлось *медвежьей тропой*: «У нас заблудились тут две женщины, на *медвежьей тропе*. Куда они тоже шли?».

Для того чтобы другие охотники видели, чья это охотничья тропа, рядом с *силышками*, капканом или другой ловушкой на дереве могли наноситься особые зарубки (*затёски*, *знамёна*) – свои у каждого рода и даже у каждого охотника: «Вот увидела вот деревину, допустим, стёсана, *затёски* ставят. Как говорят, *затёски* кто-то поставил». Брать дичь или зверя из ловушки с чужого путика считалось воровством и страшным позором.

Охота сопровождалась множеством примет и запретов. Когда человек шел на охоту или на рыбалку, он старался ни с кем не встречаться и не разговаривать – иначе *пути не будет*: он ничего не поймает и вернется с пустыми руками: «Вот, нельзя говорить, куда пошёл»; «Когда встречаешь, обычно спрашивают, далеко ли пошёл. Если куда сказал, это значит, тебе там неудача будет, в том месте, куда идёшь».

Об удаче на охоте можно было просить *лесового хозяина*. К лешему обращались все: пастухи, потому что когда-то скот пасли в лесах; крестьяне, которые заготавливали в лесу веники или собирали грибы, ягоды; хозяева, потерявшие в лесу скотину; колдуны. Лесной хозяин мог *водить* человека по лесу и не отпускать его: «Ещё, говорят, он можэт водить-то. Кажется тебе, что ты идёшь по тропинке, а уведёт куда-то». Договаривались с *лесовым* обычно на перекрестке дорог, на *ростанях*. «Дорога туды, дорога сюды – дак это *ростань*». «*Ростань* – это где дороги расходятся, перекрёсток, в общем, а у нас *ростань* было». Для ворожбы на перекрестках дорог тоже было лучше ни с кем не встречаться и ни с кем не разговаривать: «Идёшь на *ростань*, на перекрёсток трёх дорог, когда идёшь, ни с кем не здороваешься. И ставишь вот эти меточки, вицы вот, чё-то вот какие-то палочки крестиком ставишь вот». На *ростанях* произносили определенный заговор-просьбу, на каждой из расходящихся дорожек выкладывали веточками кресты и клали угощение: хлеб и яйцо: «Говорят, яички очень любит, яичко варёное, чёрный хлебушек».

Литература и источники

- АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1– . Москва, 1980– .
- Дерягин В.Я. Топонимика Кенозера. Архангельск, 1987 (репринтное издание).
- Дранникова Н.В. Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю // Живая старина. 2000. № 1. С. 45–47.
- Иванова А.А. Локальный текст в фольклорной традиции Кенозерья // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: сб. материалов X Науч.-практ. конф. / сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2022. С. 190–200.
- Кенозерский словарь 2002а – [гладыш; жихарь; жить окоротя; мяглина; паренина (или дрань); шалга] // Кенозерье. Эколого-просветительская газета. 2002. № 2. Без указ. автора.
- Кенозерский словарь 2002б – [отпуск; рожок; уйти в доски; поскотина; косяк; огорода; роша; суземок; пугик; бор; улица] // Кенозерье. Эколого-просветительская газета. 2002. № 3. Без указ. автора.
- Кенозерье. URL: <http://www.kenozero.ru/> (дата обращения: 01.12.2022).
- Комягина 2003 – [Комягина Л.П.] Этнолингвистический словарь Кенозерья. Архангельск, 2003. Печатная рукопись в 146 с. Не издано.
- Морозов 2001 – Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.
- Морозов 2012 – Кызласова (Слепцова) И.С., Липатова А.П., Матлин М.Г., Морозов И.А., Сафронов Е.В., Чередникова М.П. и др. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т. 1–2. Москва, 2012.
- СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Москва, 1995–2012.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. Москва, 2003.

УДК 811.161.1'28

О НЕДОСТАЮЩЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ РУССКИХ ГОВОРОВ

И.А. Кобелева

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, kobir@list.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ «Словаря говоров Русского Севера» (т. 1–7) с целью продемонстрировать, что некоторые диалектные фразеологизмы в свое время не привлекли внимания составителей и могут быть обнаружены лишь в иллюстративном материале словарных

статей. Эти потерянные фразеологизмы имеют право на лексикографическую разработку, поскольку они находят прямые параллели в семантике, структуре и лексико-грамматической принадлежности с фразеологическими единицами, имеющимися в других русских говорах и в русском литературном языке.

Ключевые слова: русские народные говоры; диалектная фразеология; лексикография; фразеология; словарь; словарная статья

ABOUT THE MISSING PHRASEOLOGY IN MODERN DICTIONARIES OF RUSSIAN DIALECTS

I.A. Kobeleva

Syktuykar State University named after Pitirim Sorokin, Syktuykar, Russia

Abstract: The article is an analysis of the «Dictionary of the Dialects of the Russian North» (vol. 1-7) in order to demonstrate that some dialect phraseological units at one time did not attract the attention of the compilers and can be found only in the illustrative material of dictionary entries. These Russian phraseological units have the right to lexicographic development, since they find direct parallels in semantics, structure, and lexico-grammatical affiliation with phraseological units found in other Russian dialects and in the Russian literary language.

Keywords: Russian folk dialects; dialect phraseology; lexicography; phraseography; dictionary; dictionary entry

От лексикографической разработки фактического материала зависит успех составления любого словаря, в том числе диалектного.

Практически во всех словарях, отражающих фразеологию тех или иных русских говоров, можно встретить немало фразеологических единиц, не удостоенных отдельной лексикографической презентации.

Фразеологизмы в общих диалектных словарях обычно располагаются в словарных статьях, посвященных лексемам, и размещаются за специальными знаками (Δ, ◇, #, ~ и др.). Иногда они подаются отдельными словарными статьями без условных знаков, если не содержат диалектных слов. Так же могут и должны бы быть представлены все диалектные устойчивые выражения, записанные в свое время собирателями. Однако многие из них оказываются обойденными вниманием авторов словарей и обнаруживаются лишь в иллюстративной части словарных статей.

Покажем это на примере «Словаря говоров Русского Севера», в котором помимо бесспорных диалектных фразеологических единиц (например, *бабушка на фронте* 'о чудаковатом, не совсем нормальном человеке', *ворона перчатки дала* 'о мелких трещинках, цыпках на руках') в статусе устойчивых конструкций разрабатываются и предложно-падежные сочетания (типа *в бросок* 'на выброс, в отходы'), и составные наименования (типа *адина-жадина*

‘прожорливый, жадный до еды человек’), и историко-бытовые термины (типа *заводить игранье* ‘устроить молодежную вечеринку, гулянье’), и пословицы (типа *время на время не показывает* ‘раз на раз не приходится’). Такое большое разнообразие материала позволяет все упущенные – но выявленные нами – аналогичные конструкции предложить к специальному оформлению в данном словаре в случае его возможного переиздания.

Издание «Словаря говоров Русского Севера» еще продолжается, но и по первым семи выпускам уже можно сделать наблюдения и выводы, касающиеся подачи фразеологии. К потенциальной лексикографической разработке в этом словаре, считаем, уместно предложить замеченные в иллюстративном материале диалектные фразеологизмы исходя из нескольких причин.

1. Прежде всего обратим внимание на разработанные в этом же словаре аналогичные сочетания и сравним с ними единицы, фигурирующие лишь в иллюстрациях.

1.1. Обнаруженные единицы могут быть вариантами фразеологических единиц, разработанных в этом словаре, ср., например:

ВАЛЫНКИ ВЫВАЛИТЬ. *Чё валынки вывалил?! (Плес, Плесецк), см. Валы́нки ‘выпуклые глаза’ [СГРС 2: 18]. Ср.: ◊ ЛУ'НДЫШИ ВЫ'ВАЛИТЬ ‘вытащить глаза; пристально уставиться’ [СГРС 7: 161].*

ВЫТЬИ НЕ ЗНАТЬ. *Внук у меня маловытьный, вытьи-то не знает, ест и ест (Череп, Селиваново), см. Маловы́тьный ‘о человеке, который много ест’ [СГРС 7: 231]. Ср.: ◊ ВЫТИ НЕ ЗНАТЬ ‘есть без меры’ [СГРС 2: 269].*

1.2. Они могут быть синонимами фразеологических единиц, разработанных в этом словаре, ср., например:

В ГОГОЛЬКАХ. *А морошка ещё в гогольках, неспелая, твёрдая ещё (Прим, Косково), см. Гого́льки ‘чашелистики морошки’ [СГРС 3: 61]. Ср.: ◊ В УЗЕЛКАХ ‘о незрелых ягодах морошки’ [СГРС 2: 206].*

В ГОЛОВЕ МОХ у кого. *Моховая голова ничего не понимает, у тебя в голове-то мох (Кон, Кеменцево), см. Мохова́я голова́ ‘глупый, непонятливый человек’ [СГРС 7: 346]. Ср.: ◊ В ГОЛОВЕ СЕРО-БЕЛО ‘о плохой памяти, неясном уме’ [СГРС 2: 38].*

1.3. Они могут входить в одну тематическую группу с разработанными в этом словаре фразеологизмами, например:

ИГРАТЬ В БАБАИ. *Раньше-то во всякие игры играли, у нас в бабаи любили играть (Хар, Мятнево). В бабаи играли, в городки, по-вашему (Хар, Мятнево), см. Баба́и ‘игра городки’ [СГРС 1: 27]. Ср.: ◊ ИГРА́ТЬ В БАЙШКИ ‘играть в бабки’ [СГРС 1: 116].*

БАРАБАНКОЙ ИГРАТЬ. *Барабанкой играли: спрятаются и ищут, кто ищет – барабанщик* (В-Важ, Симоновская), см. **Барабанка** 'игра в прятки' [СГРС 1: 59]. Ср.: \diamond АФОНАСОМ ИГРАТЬ 'играть в жмурки' [СГРС 1: 25].

2. Далее, можно сравнить единицы, фигурирующие лишь в иллюстративном материале «Словаря говоров Русского Севера», с фразеологическими единицами, представленными в других диалектных словарях, и обнаружить, что первые окажутся вариантами вторых или даже совпадут с ними, ср., например:

ВЫПУЧИТЬ БАКЛЫ. *Баклы-то выпучила пошто? Смотри, вылетят* (Кир, Мережино), см. **Баклы** 'глаза' [СГРС 1: 47]. Ср.: # ПУЧКИ ВЫПУЧИТЬ (ВЫСТАВИТЬ, ВЫТАРАЩИТЬ) 'широко раскрыв глаза, смотреть не отрываясь; выпучить глаза' [НОС 13: 18].

С БАЧИНОЙ. *Женщина забеременела, дак вон говорят: «С бащиной ходит»* (Тарн, Катеринино), см. **Бачина** 'большой живот, брюхо' [СГРС 1: 82]. Ср.: \diamond С БОЧИНОЙ 'в состоянии беременности' [АОС 2: 96].

3. При сравнении со словарями русского литературного языка среди не зафиксированных в «Словаре говоров Русского Севера» обнаруживаются фразеологические единицы, являющиеся также вариантами литературных фразеологизмов, ср., например:

ГИБШЕЕ ДЕЛО. *Раньше без лошадей гибшое дело было* (Сямж, Слободка), см. **Гибший** 'угрожающий гибелью' [СГРС 3: 22]. Ср.: ~ ГИБЛОЕ ДЕЛО 'о чем-л. безнадежном, безрезультатном, угрожающем тяжелыми последствиями' [БАСРЯ 4: 96].

ГЛАЗА ЗАРНЫЕ. *Хватает, как аушный, до того глаза зарные, всё бы захватил* (В-Уст, Подборье), см. **Зарный** 'жадный, алчный' [СГРС 4: 173]. Ср.: ~ ГЛАЗА ЗАВИДУЩИЕ у кого-л. 'о завистливом, жадном человеке' [БАСРЯ 4: 133].

4. Кроме того, можно бы дополнительно уделить внимание таким фразеологическим единицам, которые в «Словаре говоров Русского Севера» уже удостоены словарной разработки, однако их компонентный состав благодаря сопоставлению с оформлением других – аналогичных – диалектных фразеологизмов может или должен быть уточнен, см., например:

\diamond **Вкруг пойти** 'закружиться (о голове, помутненном рассудке)': *До того доработаеться – голова вкруг пойдёт* (Сок, Высокая). *Ныне голова вкруг пошла: не знаю уж и что* (Сок, Пустошка) [СГРС 2: 127]. Ср.: **Голова́ вкруг пойдёт** 'о чувстве головокружения' [СВГ 7: 126]; **Головушка вкруг идёт** 'об утрате способности

ясно соотносить от волнения' [СОСВ 74]; **Голова́ пойдёт вокруг** 'о головокружении при слабости организма' [СППП 28] и др.

◇ **В круг ходить** 'водить хоровод': *На праздниках-то раньше в круг ходили* (Холм, Ерошиха) [СГРС 2: 127]; ◇ **В рядах ходить** 'фигура в деревенской кадрили, когда танцоры ходят парами друг за другом с песней': *Во Святки в рядах ходили, святовские песни пели* (Бабуш, Городищево) [СГРС 2: 199]. Ср.: **В крестики** 'фигура в деревенской кадрили': *Трояка плясали втроём, во четырёх ходили, верховажскую игру восемь человек играли, в крестики четыре человека ходили, поодинке да* (В-Важ, Моисеевская) [СГРС 2: 127]; **Во четыре** 'фигура в кадрили': *Во четыре ходили, выпевали, трояка ходили, перепевали* (В-Важ, Слудная) [СГРС 2: 194] и др.

Наши разыскания обнаруживают в иллюстративных зонах словарных статей, расположенных в первых семи выпусках «Словаря говоров Русского Севера», не один десяток фразеологических единиц, которые выпали из поля зрения авторов. Они явно соотносятся с фразеологизмами других русских говоров или с фразеологизмами русского литературного языка, которые уже нашли свое место в авторитетных лексикографических источниках. Следовательно, и потерянные в «Словаре говоров Русского Севера» устойчивые сочетания могут быть удостоены специальной словарной разработки.

Аналогичная работа проделана автором статьи с «Новгородским областным словарем», «Словарем вологодских говоров», «Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей», однако в виде публикаций оформлен пока ограниченный материал – лишь тот, который связан с параллелями, обнаруживаемыми между диалектной фразеологией (на территории Новгородской, Вологодской областей и Карелии) и фразеологией литературного языка. Остальной обретенный в названных словарях фразеологический материал будет постепенно также представлен научной общественности.

Источники

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–21. Москва: МГУ, 1980–2020 (издание продолжается).

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 1–25. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13 / отв. ред. В.П. Строгова. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1992–2000.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–7 / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018 (издание продолжается).

СОСВ – Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 312 с.

СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2001. 176 с.

УДК 811.112: 81'282/374

ШВЕЙЦАРСКИЙ ИДИОТИКОН: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ПОЛУТОРАВЕКОВУЮ ИСТОРИЮ

Н.В. Любимова

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, natalju@yandex.ru*

Аннотация: Швейцарский идиотикон – словарь, основы которого заложены в XIX веке. Он содержит подробное описание лексических единиц, грамматических форм, фразеологических оборотов алеманнских диалектов немецкого языка, а также дефиниции и исчерпывающие примеры употребления швейцарских культурем и социально значимых концептов. История развития этой лексикографической «сокровищницы» так же примечательна, как и современное состояние.

Ключевые слова: идиотикон; диалект; принцип Шмеллера; лемма; текстовый корпус; диахрония

SWISS IDIOTICON: A LEXICOGRAPHICAL A LEXICOGRAPHICAL TRIP THROUGH ONE AND A HALF CENTURIES

N. V. Lyubimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The Swiss Idioticon is a dictionary whose foundations were laid in the 19th century. It offers a detailed description of the vocabulary, grammatical forms, phraseological units of the Alemannic dialects as well as definitions and exhaustive examples of the use of Swiss cultural and socially significant concepts. The history of the development of this lexicographic “treasure trove” is as noteworthy as its present state.

Keywords: idioticon; dialect; Schmeller principle; lemma; text corpus; diachrony

Идея создания полного толкового словаря алеманнских диалектов возникла в первой половине XIX в. Члены «Общества по изучению отечественных древностей» и «Цюрихского антикварного общества» понимали, какую практическую пользу принесет

фундаментальный национальный словарь. В 1845 г. «Цюрихское антикварное общество» распространило письмо, в котором подчеркивалось, что фиксация алеманнского словарного запаса с древнейших времен до наших дней признается одной из давних потребностей не только лингвистов, но и всех друзей алеманнской старины (прив. по: [Haas 1981: 14]). Однако проект национального словаря обрел конкретные контуры на фоне бурного технического прогресса и дискуссии о неизбежном вымирании диалектов лишь к шестидесятым годам XIX в. К тому времени уже были напечатаны «Попытка швейцарского идиотикона» (Versuch eines schweizerischen Idiotikon) Франца Йозефа Штальдера [Stalder 1806–1812] и «Сокровищница аппенцельского языка» (Der Appenzellische Sprachschatz) Титуса Тоблера [Tobler 1837].

Работа Штальдера была научным достижением своего времени. Автор предпослал словарю подробный обзор состояния швейцарской диалектологии и обоснование методики отбора ключевых слов:

Я посчитал каждое из этих слов достойным включения, не задумываясь о том, используется ли оно где-то за пределами Швейцарии, например, в Швабии, Баварии и т. д. Поэтому исключаются: а. Все литературные слова, которые просто искажены или испорчены диалектом, как и незначительные отклонения от немецкого языка. Например, Ambeis, Ambeistli, Birre, Hirz и т. д. вместо Ameise (муравей), Birne (груша), Hirsch (олень). б. Простые междометия и артикулированные звуки для выражения ощущений, потому что они почти везде совпадают. в. Сокращения имен, данных при крещении, в форме их распространения в повседневной жизни, например, Elfi, Mädi и т. д. вместо Elisabeth, Magdalena [Stalder 1812, Bd. 1: 12–13]. (Здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи. – Н.Л.)

Здесь же Штальдер определил понятие единицы идиотикона – *идиотизма* (Idiotism), так как считал необходимым четко установить объем словаря:

Под швейцарским идиотизмом я, таким образом, понимаю: а. Любое слово, еще живущее в просторечии, которое было либо полностью, либо в значительной степени утрачено в литературном языке. б. Любое слово, даже используемое в немецком языке, в той мере, в какой оно имеет значение или смысл, который до сих пор не был известен или давно утрачен в литературном немецком языке. Например, achten – хорошее немецкое слово, которое можно найти в любом словаре; но achten в значении видеть, воспринимать глазами, ушло в неза заслуженное забвение у писателей, хотя оно все еще используется швейцарцами [Stalder 1812, Bd. 1: 12].

Словарь Титуса Тоблера, по мнению специалистов, превосходил работу Штальдера по филологической точности – не случайно в подзаголовке здесь вынесен перечень исходного материала: слова, устойчивые обороты речи из аппенцельского диалекта, пословицы, загадки, анекдоты, легенды, домашние и погодные приметы, суеверия, обычаи, игры, пикантные песни, рифмы. Но автор рассматривал диалект лишь одного немецкоязычного кантона Аппенцель.

Понятно, что со временем возникло желание дать полное описание лексики алеманнских диалектов в форме «Идиотикона. Швейцарского немецкого словаря» [*Idiotikon* 1881 ff.]. В то время никто не предполагал, что реализация идеи потребует столь огромных затрат времени, сил и средств. Сегодня «Швейцарский идиотикон» – это научно-исследовательская организация, которая финансируется из бюджета немецкоязычных кантонов и Швейцарской академии гуманитарных и социальных наук. Понятие *идиотикон* восходит к греческому *idios* (= особенный) и буквально означает протокол особенностей языка некоего народа или его части [Tobler 1837]. *Идиотики* включают в себя, как правило, слова и выражения, так наз. *идиотизмы* (*Idiotismen*), которые чужды литературной форме языка, и рассматривают исключительно «своеобразные», «странные» слова, но никогда не дают полной совокупности всех слов, распространенных в каком-либо диалекте [Haas 1981: 38].

Актуальным вопросом для основоположников, как и для предшественников, был принцип отбора ключевых слов. Людвиг Тоблер предложил исключить слова, которые не стали общеупотребительными, хотя ежедневно используются отдельными носителями и понятны всем (прив. по: [Haas 1981: 41]). В то же время в «Швейцарский идиотикон» вошли и лексикализованные антропонимы, имеющие хождение в языковом сообществе и, следовательно, больше не считающиеся индивидуальными образованиями, возникшими «по случаю». Именно они являются ключом к обобщенному образу немецкоговорящего швейцарца [Christen 2013].

В «Идиотикон» договорились включать: слова из древней литературы, если они были необходимы для комментирования актуального материала или все еще встречались в текстах; слова и выражения швейцарской лексики, которые не вошли в тезаурус нововерхнемецкого (*Neuhochdeutsch*) письменного языка или заметно отличались от последнего по форме или значению; заимствования, прижившиеся в швейцарском варианте немецкого языка; имена собственные с выраженной апеллятивной функцией. В то же время из отбора был исключен весь неаутентичный языковой материал. Суеверия, обычаи,

игры, загадки, пословицы, песни и легенды могли рассматриваться, если это требовалось для пояснения. При этом Тоблер считал, что полное собрание этих столь значимых манифестаций народного духа и само по себе является важной задачей (прив. по: [Naas 1981: 40]). Благодаря такой лексикографической практике в словарь попало и попадает то, что принято в языковом сообществе, а не все, на что способна языковая система [Christen 2013: 82].

Работа началась в 1862 г., год спустя учредили Общество по поддержке швейцарско-немецкого словаря (Verein für das Schweizerdeutsche Wörterbuch) и организовали сеть корреспондентов, которые начали собирать алеманнские слова и фразы из разных источников. Записи велись на разрозненных листках бумаги. Карточка собиралась в картонные коробки, каждая из которых вмещала до 3000 карточек. Выцветшие, потрепанные, неформатные – эти рукописные карточки с контекстами и описанием значений слов бережно хранятся в редакции. На обратной стороне можно увидеть фрагменты других текстов (например, бюллетеней для голосования), что говорит о дефиците хорошей бумаги в то время. Но и в этих условиях редакции «Идиотикона» всегда что-то перепадало. Записи являются ценным источником не только для лингвистов, ведь читая их, можно многое узнать о повседневной жизни в прежние времена. К 1880 г. эта картотека насчитывала около миллиона карточек, которые и сегодня составляют фундамент проекта.

Словарь долго существовал в виде картотеки, поэтому главной задачей стала разработка структуры словарной статьи. Людвиг Тоблер затронул в своих записках и эту проблему. По его мнению, главным было не столько описание фонетических особенностей и формальных признаков слов и фразеологических оборотов, сколько объяснение их значений. К значению относили сведения о согласовании, управлении, позиции в предложении, об использовании слова с предлогами и местоимениями, о словообразовании. Составители и сегодня стремятся следовать идеям Тоблера, т. е. всесторонне описать объем значения слова [Wanner 1979: 14; Naas 1981: 38].

Словарная статья включает: лемму, вариант(ы) произношения и написания; грамматические сведения; описание лексических значений с примерами употребления; ссылки на синонимы; фрагменты из живого диалекта. Этимологические сведения приводятся, если слово отсутствует в специальных словарях или использовано в другом значении. С точки зрения редакторов, значение слова и его частотность должны подтверждаться плотностью доказательств [Landolt, Roth 2021: 144]. Примеры призваны максимально полно

осветить объем значения слова и сделать видимыми даже самые тонкие нюансы значения, в том числе с учетом фразеологии, а также показать употребление слова в различных сферах коммуникации [Wanner 1978: 14].

В чем состояла особенность работы с «Идиотиконом»? В обычных словарях леммы располагаются в алфавитном порядке, поскольку написание слов подчиняется правилам орфографии. Для диалектного словаря отсутствие орфографической нормы является проблемой. Если исходить из ненормированной письменности, для каждой лексемы приходится приводить несколько вариантов написания, отражающих особенности произнесения: например, для слова *Vaum* ('дерево') возможны региональные варианты: *Vaim–Väim–Vem–Vom–Vöim–Vööm–Voim–Voim–Voim–Voim*. И это не полный список. Какой из вариантов считается леммой? Штауб и Тоблер, будучи историками языка, решили опираться на форму, в большей степени соответствующую *средневерхнемецкому* варианту (Mittelhochdeutsch), т. е. искать следует форму *Voim*, а не *Vaum*. Это трудно неискушенному пользователю, особенно, если он не владеет диалектом. Но в современной онлайн-версии написание многих лемм приведено в соответствии с правилами орфографии немецкого языка, что упрощает задачу поиска. Начиная с тома XII (1961), в конце каждого тома помещен обычный алфавитный указатель.

При поиске леммы следует ориентироваться на основу слова. Здесь был заимствован предложенный составителем Баварского словаря (1827–1837) Андреасом Шмеллером *этимологически-алфавитный* принцип расположения: согласные корневого слога определяют порядок следования лемм в соответствии с *консонантным каркасом*: V. Vl. Vr. D. Dr. F. Fr. G. Gl. Gn. Gr. <...> и так до конца алфавита, т. е. порядок определяется консонантизмом корневого слога и только в пределах этих рядов чередой гласных a, e, i, o, u: ab. eb. i b. ob. ub. abs. ebs. ibs. <...> [Schmeller 1827: VII–XV]. Для простоты изложения не будем включать в приведенный ряд гласные с учетом их долготы и краткости, а также умлауты и дифтонги. Это требует навыка, но сложность компенсируется весомым преимуществом. Один из редакторов писал:

Бесспорно, система Id. (*идиотикона* – прим. авт.) затрудняет поиск ключевых слов, и те, кто хочет быстро найти какую-то информацию, могут проклинать ее. Но те, кто хочет более глубокого понимания, вскоре научатся ценить ее не только потому, что могут легко найти этимологически связанные формы, но прежде всего благодаря

возможности <...> рассмотреть ключевые слова одного семейства в их взаимосвязи <...>. Мне кажется очевидным, что отдельные статьи должны получить за счет этого довольно существенное преимущество. В начале своей работы в Id. я был настроен довольно скептически; сегодня, опираясь на более чем 30-летний опыт, я убежден, что недостатки с лихвой компенсируются за счет преимуществ [Wanner 1978: 11–12].

В чем же заключаются достоинства «Швейцарского идиотикона»? Составители получали информацию из многих источников: от частных лиц, из словарей, архивов, из диалектной, исторической, естественнонаучной литературы. Исходный материал можно разделить на две группы: более свежие, преимущественно диалектные источники, начиная с 1800 г., и более древние источники с XIII в. по 1799 г., представляющие собой письменные тексты канцелярского стиля [Landolt, Roth 2021: 144], как например, хроники и архивные документы, а также тексты прагматического характера (молитвенники, поваренные книги). Важный источник – художественная литература. Таким образом, пользователь имеет дело не только с кладезем лингвистической информации, но и своего рода путеводителем по многим сферам жизни. Контексты содержат культурно-специфическую информацию, названия, описания предметов и обычаев сельской и городской жизни, наименования денежных единиц, мер и весов. Словарь предлагает уникальные примеры и разъяснения значений онимов разных классов. Нельзя обойти вниманием отношение составителей к фразеологии. Кроме того, это бесценный справочник в области права, так как считается главным источником исторической юридической информации наряду с «Немецким словарем права» (DRW).

В «Идиотиконе» приведено огромное количество аутентичных примеров с точным указанием их происхождения. Это проект исторического масштаба, так как словарь дает возможность проследить семантику в диахронии, сопоставить значения слов в прошлом с их актуальными значениями. В XXI в. корпус примеров пополнился образцами электронной коммуникации, что важно для анализа динамики развития диалектов под влиянием информационных и коммуникационных технологий. Можно признать, что «Идиотикон» является как диахронным, так и синхронным словарем по сути [Landolt, Roth 2021: 144].

Приводимые примеры имеют не только временные характеристики, составители придерживаются определенных пределов пространства. В отличие от словаря братьев Гримм (DWB) «Швейцарский идиотикон» охватывает территории распространения алеманнских диалектов, т. е. его материал вполне обозрим для пользователей. Речь

идет о немецкоязычной Швейцарии, Швабии и частично Северной Италии.

«Швейцарский идиотикон» имеет почтенный возраст – ему более 150 лет. Уже изданы 16 томов, ведется работа над 17-м, последним томом. Всего планируется описать 165000 ключевых слов. С 2010 г. доступна онлайн-версия словаря, сегодня он развивается как современная цифровая инфраструктура, которая связана с сетью порталов, разрабатывающих лингвистические и лингвокультурологические проекты (языковой атлас немецкоязычной Швейцарии, топонимический портал ortsnamen.ch, швейцарский текстовый корпус, собрание англицизмов, историческая платформа histHub, словарь коллокаций, портал исторической фразеологии OLdPhras.ch и др.).

Литература и источники

Christen, H. Tüpfi, Cheib und Obsichschnörren: Das Idiotikon als Schlüssel zum Deutschschweizer Menschenbild // 150 Jahre Schweizerisches Idiotikon. Beiträge zum Jubiläumskolloquium in Bern, 15. Juni 2012. Bern: Schweizerische Akademie der Geistes- und Sozialwissenschaften, 2013. S. 81–97.

DRW – Das Deutsche Rechtswörterbuch. Online-Zugriff: URL: <https://www.hadw-bw.de/forschung/forschungsstelle/das-deutsche-rechtsworerbuch-drw> (дата обращения: 29.07.2022).

DWB – *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm* / Hrsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften Berlin. 33 Bde. Leipzig: Hirzel, 1854 ff.

Haas, W. Das Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache. Versuch über eine nationale Institution / Hrsg. von der Redaktion des Schweizerdeutschen Wörterbuchs. Frauenfeld: Huber, 1981. 101 S.

Id. – *Schweizerisches Idiotikon. Schweizerdeutsches Wörterbuch* / gegründet von Friedrich Staub und Ludwig Tobler 1881. 16 Bde. Frauenfeld: Huber / Basel: Schwabe, 1881 ff. Online-Zugriff: URL: <https://www.idiotikon.ch/> (дата обращения: 26.07.2022).

Landolt, Chr., Roth, T. Schweizerisches Idiotikon – Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache // Germanistische Dialektlexikographie zu Beginn des 21. Jahrhunderts / Hrsg. von Alexandra N. Lenz und Philipp Stöckle. Stuttgart: Steiner, 2021. S. 143–173.

Schmeller; A. Bayerisches Wörterbuch. Sammlung von Wörtern und Ausdrücken mit urkundlichen Belegen nach den Stammsilben etymologisch-alphabetisch geordnet. Vier Theile. Stuttgart und Tübingen: Cotta, 1827–1837. Digitalisat. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSB-MDZ-00000BSB10999435?cq=Bayerisches+W%C3%B6rterbuch+Sammlung&p=1&lang=de> (дата обращения: 29.07.2022).

Stalder, F. J. Versuch eines Schweizerischen Idiotikon: mit etymologischen Bemerkungen untermischt. 2 Bde. Aarau: Sauerländer, 1806–1812. Digitalisat. Bd. 1 URL: <https://archive.org/details/versucheinensch00stalgoog/mode/1up>; Bd. 2 URL: <https://archive.org/details/versucheinensch00unkngoog/mode/2up> (дата обращения: 26.07.2022).

Tobler, L. Unmaßgebliche Gedanken über die Methode des schweizerischen Wörterbuchs. Manuskript im Archiv des Schweizerischen Idiotikons. 1863.

Tobler, T. Appenzellischer Sprachschatz. Zürich: Verlag von Orell, Füßli und Compagnie, 1837. 532 S. URL: <https://archive.org/details/appenzellers00tobluoft/mode/1up> (дата обращения: 26.07.2022).

Wanner, H. Das Schweizerdeutsche Wörterbuch. Schweizerisches Idiotikon. Wörterbuch der Schweizerdeutschen Sprache // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte Neue Folge Nr. 17. Wiesbaden: Steiner, 1976. Korrigierter Separatdruck. Zug: Zürcher AG, 1978. 22 S.

УДК 8.81

«ПОМОРСКОЕ» В СЛОВАРЕ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

В.А. Марьянчик

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, marvik69@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется лексикографическая фиксация слов с семантикой «поморский» в «Словаре народно-разговорной речи города Архангельска» (сост. Е.Е. Котцова и др.). Объекты анализа – существительное «помор» и его дериваты в позиции заголовочного слова, «помор.» в системе словарных помет, лексикон поморов.

Ключевые слова: словарная помета; помор; Поморье; поморский; оценка, языковая картина мира; лексикон поморов

«POMORSKY» IN THE DICTIONARY OF FOLK COLLOQUIAL SPEECH OF ARKHANGELSK

V.A. Maryanchik

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia*

Abstract. The lexicographic fixation of words with the semantics of «pomorsky» in the «Dictionary of Folk colloquial speech of the city of Arkhangelsk» (comp. E.E. Kottsova et al.) is analyzed. The objects of analysis are the noun «pomor» and its derivatives in the position of the title word, «pomor.» in the system of dictionary litters, the lexicon of pomors.

Keywords: vocabulary litter; pomor; pomorsky; Pomorsky region; estimate; linguistic picture of the world; vocabulary of Pomors

Объектом анализа в настоящей статье является словарная помета *помор.* (*поморское*) – ее функциональный характер и практика использования в региональном словаре. Источник материала – «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т.» (Архангельск, 2013–2016) [СНРР]. Для анализа были взяты Том 1 «Городское просторечие» и Том 2. Часть 1 «Профессиональная речь

моряков и рыбаков». Примеры словарных статей в статье приводятся без иллюстративной зоны.

Проблема употребления словарных помет, их классификация и унификация является одной из центральных в области лексикографии. Отдельная сфера научного интереса – лексикографирование местной лексики, регионализмов, см. в [Емельянова 2012; Матвеева 2021; Словарь лексики традиционных промыслов... 2014; и др.]. Лексикографы на разноязычном материале предпринимают попытки разработать классификацию локальных помет, например: ареальные, геолектно-географические (указатели территориальных региолектов, указатели территориальных диалектов, указатели локальных полудиалектов, указатели локальных городских говоров, указатели провинциализмов, указатели стран, указатели регионов мира, указатели мест военно-исторических событий). Ученые анализируют механизмы взаимодействия субвариантов. Так, зафиксировано, что при вхождении в литературный язык диалектное слово может «трансформироваться не только функционально-стилистически, но и семантически» [Емельянова 2012: 236]. К пометам, указывающим на территориальную принадлежность, традиционно относят *диал.* (*диалектизм*), *обл.* (*областное*), *местн.* (*местное*), *регион.* (*регионализм*); в отдельную группу выделяют географические пометы. Эта практика типична и для иноязычных словарей, см., например, анализ турецких словарей в [Умерова 2011: 103], зарубежной лексикографической практики в [Будыкина 2019: 241] и др.

Перечислим основные проблемы в этой сфере. Во-первых, нет единой системы территориальных/локальных помет (и вряд ли такая система возможна, если учитывать интеллектуальную свободу исследователей). Во-вторых, территориальные пометы могут нести в себе дополнительное стилистическое значение. Так, в МАС выделяются пометы, указывающие на принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка: *обл.*, *прост.*, *грубо-прост.* [МАС]; помета *местное* используется «при словах, характеризующихся не только употреблением на определенной территории, но и несущих в себе нечто социальное, а потому нередко сигнализирующих о достаточной стилистической сниженности и даже о нахождении за пределами литературной нормы» [НС 2000: 8]. В этих случаях территориальная помета объединяется с указаниями на ненормативность.

В-третьих, ученые отмечают терминологическую синонимию: *областные слова* и *местные слова* (в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова), *областные слова* и *провинциальные слова* (в БАС),

местные слова и диалектные слова (в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова) [Емельянова 2012: 233]. При попытке разграничить лексикографические термины ученые сталкиваются с теоретическими трудностями. Так, вопрос соотношения *диалектного* и *регионального* не имеет единого решения; «нет четкого представления об объеме и содержании региональной культуры» [Лиханова 2017: 196]. Одна из позиций состоит в том, что *региональное* имеет более широкие границы, чем *диалектное*, включает страты *жаргонное*, *просторечное*, *литературное*. Но такой подход не однозначен, см. об этом в [Симашко 2013: 10–11].

Следующей проблемой является некий конфликт между нормативностью толковых словарей литературного языка и лексическими фактами областной речи. Этот вопрос снимается при составлении региональных словарей, словарей разговорной речи: «Территориальный диалект – одна из составляющих современной народно-разговорной речи; диалектизмы в речи горожан связаны с обозначениями тех реалий, которые и по сей день остаются актуальными» [СНРР 2016: 3].

Задача нашей работы – анализ характера и практики использования пометы *помор.* Значение слово *поморское* определяем на границе языкового и энциклопедического знания: слово *поморы* зафиксировано в русских летописях около 1526 г., поморами назывались жители Поморья (топоним имеет узкое и широкое толкование, например: берега Белого и Баренцева моря). Поморская культура – объект гуманитарных исследований: описаны отдельные концепты, архетипические смыслы картины мира поморов, группы поморского тезауруса, см. в [Языковая картина мира поморов, 2010].

«Поморская говоря» вызывала интерес ценителей живого слова. Так, Б. Шергин в лексикографическом опыте «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имен и названий» представляет слова различных тематических групп: *баюнок* – сказочник, *важенка* – самка оленя, *гудок* – музыкальный инструмент, *дресва* – камень, *зарод* – стог, *лиходейство* – злодейство, *наблюдник* – полка и др. [Шергин 2014]. Ретроспективный взгляд на академический опыт останавливается на «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.И. Подвысоцкого (СПб., 1885), «Словаре областного олонцекого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского (СПб., 1898), «Архангельском областном словаре» О.Г. Гецовой (М., 1980). В них используются географические пометы (названия районов, населенных пунктов).

У А. И. Подвысоцкого наряду с *Холм., Шенк., Мез.* и т.п. встречается локальную помету *Помор.* Автор, комментируя помету, отсылает читателя к словарной статье: *Поморье, Поморской берегъ*, где дается понимание широкое (все побережье Северного океана и Белого моря, от Норвежской границы до Архангельска, от Архангельска до Сибирской границы) и «тесное» («часть Беломорского побережья от г. Онеги до Кандалакского залива») [Подвысоцкий 1885: 131].

Поморское эксплицируется как объект лексикографирования в названиях академических и любительских словарей, см.: «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И.М. Дурова (Петрозаводск, 2011; рукопись 1934 г.), в «Словарь поморских речений» К.П. Гемп (Архангельск, 2004), «Живая речь Кольских поморов» И.С. Меркурьева (Мурманск, 1979), Краткий словарь поморского языка «Поморьска говоря» И. И. Мосеева (Архангельск, 2005), «Поморы говорят: словарь поморской лексики» Н.Д. Кушкова (Варзуга, 2008). Помет *помор.* для отдельных слов и значений в перечисленных словарях не используется.

Составители СНРП вводят в справочный аппарат помету *помор.* Во введении к Тому 1 авторы отнесли помету *помор.* к стилистическим пометам, «указывающим на сферу распространения слова», наряду с *разг. (разговорное), жарг. (жаргонное), диал. (диалектной)*: «Для части диалектной лексики используется помета *помор.*» [СНРП 2016: 12]. В основу понимания содержания пометы для авторов словарей легло определение поморской группы, данное Т.А. Бернштам: «Поморы – это население, занимающееся морскими промыслами в Белом море и Ледовитом океане и кормящееся этими промыслами» [Бернштам, 1978: 78]. При этом во введении подчеркивается, что нет единого определения понятий *помор, поморский*. Поморская лексика включена в Том 1 «Городское просторечие» («...та часть, которая используется в речи горожан и местных средств массовой информации» [СНРП 2016: 12]) и в Том 2 «Городские социолекты». Подчеркивается, что *поморское* составители связывают «в первую очередь с морским промыслом, мореходством, быта поморов» [там же]. Во введении к Тому 2 ряд помет, «указывающих на сферу употребления слова», меняется по содержанию и включает следующие: *помор., рыбацк., рыбаков., флотск., речн., парус., регион., жарг.* Мы видим, что ряд объединяет локальные пометы (*регион.*) и функциональные (сферы – *парусный флот, рыболовное* и др.). Пометы *арх.* и *диал.* в этом томе не используются.

Таким образом, помета *помор.* имеет синкретичный характер: с одной стороны, она указывает на территориальные границы

бытования слова, с другой – эксплицирует функциональное содержание, связывая денотат с определенным родом занятий (ср. с пометами *лес.*, *геолог.* и т.п.).

В Томе 2 находим истолкования слов *помор*, *поморка*, *поморский*, *Поморье*. В структуре и содержании словарных статей также отражается различное понимание общей семы – географическое и функциональное, см.: ПОМОР, -а, м. 1. Представитель коренного русского населения побережья Белого моря и Ледовитого океана, житель Поморья. 2. Человек, занимающийся морским промыслом на Русском Севере; ПОМОРЬЕ, -я, ср. Историческое название побережья Белого моря от г. Кеми до г. Онеги (Поморский берег)или более обширной территории от Обонежья до Северного Урала.

В лексическом материале Тома 1 можно выделить четыре тематические группы слов с пометой *помор*.

1. К *поморскому* авторы относят природные явления, связанные с водой: ВЗВОДЕНЬ, -я, м. *Помор.*, *устар.* Большая волна, сильное волнение на море; ЗАБЕРЕГИ, -рег, мн. *Помор.* Вода, выступающая поверх прибрежного льда; МАНЬХА, -и, ж. *Помор.* Явление временного прекращения прилива; и др.

Однако не все «водные объекты» в словаре попадают в группу *поморского*, см.: ГАНДВИК, -а, м. *Арханг.*, *устар.* Белое море. Отметим, что слово *Гандвик* (*Гандвиг*) внесено в «Словарь поморских и специальных слов и выражений...» Б. Шергина. В СНРР оно маркируется пометой *арханг.* (*архангельское*), которая используется обычно для единиц, называющих объекты неофициальной урбаники, учреждения, в единичных случаях –местных жителей, сказочных героев и др., например: *Варáva* – район города; *Галу́ха* – улица; *Ворона* – учреждение, *гармошка*, *каменушка* – здания.

В круг *поморского* включаются также названия земли, расположенной около воды, например: КО́ШКА, -и, ж. 1. *помор.* Поросший ивняком низменный остров на Двине. 2. *арханг.* Остров Краснофлотский. 3. *арханг.* Остров Житова Кошка в дельте Двины, место отдыха горожан.

В приведенном примере наблюдаем, что значения полисеманта получают различную локальную интерпретацию.

2. Следующая группа *поморского* – наименования рыб: ЗАЛЁТКА, -и, ж. *Помор.* Сёмга, которая заходи в реки сразу после их вскрытия.

Отметим разницу в использовании пометы *помор.* в Томе 1 и Томе 2 для слов данной группы. Так, в Томе 1 «Городское просторечие» слова *рыба*, *рыбина* даются только в просторечном семантическом варианте (*треска*; (1) *сёмга*, (2) *любая большая рыба*

целиком) и не имеют помет. В Томе 2 «Профессиональная речь моряков и рыбаков» для слова *рыба* приводится два толкования: (1) общелитературное и (2) локальное – *треска* с пометой *помор.* Слово *рыбина* эксплицирует «поморскую сему» в иллюстративной зоне словарной статьи: 2. Обычно красная рыба. У поморов *рыбиной* называется *сёмга*, которая ценится выше остальных. Зап. 1998.

3. К *поморскому* в Томе 1 авторы относят названия ветров, например: *МОРДОТЬК*, -а, м. *Помор.* Сильный встречный ветер; *МОРЯНА*, -ы, ж. *Помор.* Свежий ветер с моря; *ПОВЕТЕРЬ*, -и, ж. *Помор., редк.* Попутный ветер.

В то же время другие названия природных явлений в этом томе маркируются как диалектные, например: *МОРОК*, -а, м. *Диал., редк.* Туман.

4. Следующая группа *поморского* – названия, относящиеся к тематической группе «обувь». Именно обувь важна для работы в воде: *БАХИЛЫ*, -л, мн. 1. *помор.* Высокие рыбацкие сапоги из кожи нерпы, тюленя, белухи. 2. Тапочки из целлофана, надеваемые поверх обуви при посещении больницы. 3. Разношенная до потери формы обувь; *БРОДНИ*, -ней, мн. 1. *помор.* Высокие кожаные сапоги с толстыми подошвами и каблуком. 2. Высокие резиновые сапоги.

В первом примере единицы полисеманта значительно различаются по семантике; во втором – при большей общности денотативного ядра («сапоги») локальное и общелитературное значения также имеют различия.

Ограничение *поморского* границами перечисленных групп (вода, рыбы, ветер, обувь) демонстрирует стремление авторов словаря подчеркнуть функциональный характер пометы, сделать акцент на традиционном для поморов промысле. То, что относится к тематике «лес, собирательство», «земля, земледелие», «кулинарные изделия» и др., в Томе 1 имеет другие пометы (в т.ч. *диал.*) или лексикографируется как нейтральное.

В Томе 2 слов с пометой *помор.* значительно больше. Но преимущественно это так же, как и в Томе 1, название объектов водной и воздушной стихии, рыб и обуви: *бакланец*, *банка*, *быстерь*, *взводень*, *глядень*, *гора*, *гурей*, *виска*, *воронуха*, *задева*, *корга*, *кошка*, *крутик*, *кулига*, *лос*, *луда*, *огибень*, *оглобень*, *противна*, *убыльа*, *улово*, *урон*, *хомут*, *чевруй*, *шапня* (вода и связанная с ней земля), *лисяк*, *ломник*, *наслоз*, *пах*, *ропак*, *рубёц*, *чира*, *шапня*, *язык* (лёд, снег), *бора*, *глубник*, *лётник*, *ломанец*, *падера*, *поветерь* и *поветерье*, *полуночник* и *полуношник*, *торок*, *хиус*, *шалоник*, *шарей* (ветер), *мара*, *марь*, *шарей* (туман, туча); *гурей*, *лох*, *норос*, *притирыши*,

тухлица, черёва, шаглы (рыба, её части, её следы, продукт из рыбы, улов), бахилы, уледи (обувь).

Однако тематический круг расширяется: кулинарные изделия (рыбник), человек и группа людей (артель, артельный, артељуик, бережник, глубщина, зуёк, носник, осеновицк, рыбница, хилок, хоботчик,), судно, его части и движение (бетъ, каюк, коч, ладья и лодья, матица, межник, павозок и паузок, побочина; покос, увал, увалило), снасти и приспособления (бережник, ляп, матица, мором, пунда, уши, хобот, цеплина), сооружения (крест, юрик), морские животные и приготовленные из них продукты (лахтак, лысун, пластина, утельга, хоровина, хохлач, хохлуша, шалега), промыслы (наледица).

Все слова связаны с поморским промыслом, с морем, с ловлей рыбы, с добычей морского зверя, например: ТЁЩЕННИК, -а, м. Помор. Большой сгибень, который выпекает тёща для зятя, чтобы благословить его, провозая на морские промыслы; ЦЁПЛИНА, -ы, ж. Помор., устар. Деревянный шест, на котором растягивается нижняя часть прямого паруса при попутном ветре; и др.

В Томе 2 границы поморского расширяются и в грамматическом плане: в словник включаются глаголы: ОТОЙТИ, 1 и 2 л. не употр. Сов. к отходить. Помор. Утихнуть или сменить направление (о ветре); РАСПОЛИТЬСЯ, 1 и 2 л. не употр. Помор. Разлиться, выступить из берегов во время весеннего половодья; РЕЙТЬ, 1 и 2 л. не употр., несов. Помор. Лавировать (о судне), т.е. поворачиваться к ветру то правым, то левым бортом судна; ШЕСТИТЬСЯ, 1 и 2 л. не употр. Помор. 1. Плыть на судне, упираясь шестом в дно реки и отталкиваясь от него. 2. Измерять глубину водоема, доставая дно шестом.

Композиционное использование пометы в словаре соответствует лексикографической традиции. Так, помета может относиться не только к слову, но и к фразеологизму: ♦Ходить знаячи – помор. Знать морские и береговые условия места, где осуществляется промысел; ♦Юром идти – помор. Плыть стаей (о рыбе) или стадом (о морском звере); и др. Концептуализация воды и ветра обуславливает активную фразеологизацию: яро воды идут, большая вода, малая вода, короткая волна, вода зажила и др.; крутой ветер, несподручный ветер, покосный ветер, ярый ветер, пал ветер и др.

Помета может относиться к полисеманту или к одному из значений: в словарной статье бетъ – к двум значениям из четырех; в статье кормчий – к двум из трёх, в статье рыбник – к одному из трёх. В словаре много статей, фиксирующих многозначность «поморских

слов», см.: *паду́н* – льдина, водопад, ветер; *па́зыбь* – вода и лёд. Полисеманты образуются в большинстве случаев по метонимическому механизму: ЧЕРДА́К, -а, м. *Помор.* 1. Ящик для поклажи рыбы и других вещей в корме или в носу. 2. Рыба, складываемая в такие ящики; ЩЕРБА́, -ы, ж. *Помор.* 1. Любая мелкая рыба. 2. Уха из мелкой рыбы.

Если говорить о сочетании помет, то ожидаемо соседство *помор.* и *устар.*: поморские промыслы имеют долгую историю, названия некоторых реалий переходят в группу историзмов или архаизируются: НЕВОДЧИ́К, -а, м. *Помор., устар.* Рыбак, ловящий неводом, или хозяин невода.

Отметим, что указание на *поморское* в ряде случаев реализуется не с помощью пометы, а через толкование: ГОВО́РЯ, -и, ж. *Диал.* Территориальный диалект, поморский говор. Указания на *поморское* встречаются и в коммуникативно-прагматических примечаниях. Так, в словарной статье *ба́ба* находим информацию: «У поморов слово *баба* в значении женщина считалось грубым и употреблялось редко, обычно говорили *жёнка*».

Отметим, что ряде случаев стилистическое маркирование слов в Томе 1 и Томе 2 не совпадает, см.: *ры́бник* – *помор.* и нейтральное; *бро́дни* – *помор.* и *рыболов*. Любопытно, что получают разную маркировку близкие по значению слова с экспрессивно-разговорными суффиксами, ср.: *шквалюга* с пометой *помор.* и *итормяга* с пометой *эмоц.-оц.*

В заключение сделаем некоторые выводы о характере и употреблении пометы *помор.* в СНРР: помета вводится для обозначения узкого круга слов внутри диалектной лексики; имеет синкретичный характер, объединяя локальное/территориальное и функциональное; используется преимущественно для маркирования слов, относящихся к тематическим группам «стихий» («вода», «воздух»), «промысел» («обувь»), «рыбы и животные», «судна, снасти, инструменты»); может сочетаться с пометами *устар.*, *редк.*; отдельные случаи маркирования слов пометой *помор.* требуют уточнения; поморское может эксплицироваться в иллюстративной и комментирующей части словарной статьи.

Литература и источники

Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1: [А – Бережок / Составили Н. А. Артамонова и др.]. Москва: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.

Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Ленинград: Наука, 1978. 173 с.

Будыкина В.Г. О видах и функциях словарных помет в Российской и зарубежной лексикографической практике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 240–244.

Емельянова О.Н. Лексика с пометой «обл.» в толковых словарях современного русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 232–236.

Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.

Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.

Лиханова Н.А. Региональная языковая картина мира в теории этнолингвистики // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 195–199.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.И. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация: на материале лексики г. Новосибирска: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2021. 26 с.

НС – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толковословословобразовательный. Т. 1: А–О. Москва: Русский язык, 2000. 1210 с.

Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. Санкт-Петербург: 2-е Отд.-ние Акад. наук, 1885. 198 с.

Симашко Т.В. Региональная языковая картина мира: на пути поиска определенности (вместо предисловия) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Архангельск: САФУ, 2013. С. 9–17.

СНРР – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. / сост. Е.Е. Котцова [и др.]; под общ. ред. О.Е. Морозовой. Архангельск: Поморский университет 2013–2016.

Умерова Д.А. Унификация системы коннотативных и функциональных помет в словарях // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 98–104.

Шергин Б.В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имен и названий // Отцово знание. Поморские были и сказания / отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2014. С. 667–685.

Языковая картина мира поморов: коллективная монография / Н.В. Дранникова, И.А. Разумова, Е.В. Артемьева [и др.]. Архангельск: Поморский университет, 2010. 369 с.

ПСКОВСКИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ РЕСУРС

М.И. Муратова

*Псковский государственный университет,
Псков, Россия, muratova.maya@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются псковские лингвокраеведческие словари как учебно-методический ресурс в обучении иностранных студентов. Работа со словарями способствует формированию у студентов знаний культурного фона урбанонимов, умений лингвокраеведческого комментирования городской ономастики, адаптации в топографическом пространстве города.

Ключевые слова: лингвокраеведческий словарь; культурный фон топонимов; регионально маркированные наименования; иностранные студенты; русский язык как иностранный

PSKOV LINGUO-REGIONAL DICTIONARIES AS AN EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL RESOURCE

M.I. Muratova

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The article discusses Pskov linguo-regional dictionaries as an educational and methodological resource in teaching foreign students. Working with dictionaries contributes to the formation of students' knowledge of the cultural background of urbanonyms, the skills of linguistic and local history commenting on urban onomastics, adaptation in the topographic space of the city.

Keywords: linguo-regional dictionary; cultural background of toponyms; regionally marked names; foreign students; Russian as a foreign language

В последнее время многие ученые пишут об использовании ономастики разных регионов России на занятиях по русскому языку как иностранному [Рогалева, Никитина 2016; Головина 2020; Родина 2021] и др. При освоении культурного фона различных наименований у иностранных студентов формируются лингвокраеведческие знания. Особенно насыщенным культурным фоном, в том числе и региональным, обладают урбанонимы – собственные имена городских топографических объектов [Подольская 1988: 139].

Урбанонимы Пскова получают лингвокраеведческую интерпретацию в словарях, авторами которых являются преподаватели Псковского государственного университета.

Учебный лингвокраеведческий словарь «О чем рассказывают городские названия» [Варламова, Галактионова, Головина 2012] подробно описывает наименования улиц и площадей Пскова, раскрывая их происхождение в культурно-историческом контексте.

Статьи словаря расположены тематически, так ул. *Воеводы Шуйского*, ул. *Кутузова*, ул. *Петровская*, ул. *Декабристов* и т.д. помещены в раздел «История России (XIII-XIX в.)»; ул. *Белинского*, ул. *Гоголя*, ул. *Пушкина*, ул. *Льва Толстого* и др. в раздел «Культура и наука»; ул. *Олега Кошевого*, ул. *Карбышева*, пл. *Победы*, ул. *Фомина* и др. объединены темой «Великая Отечественная война». Всего словарь включает девять тематических блоков, подобная классификация может быть полезной при осмыслении культурного фона топонимов и агоронимов иностранными студентами.

Наряду с универсальными городскими наименованиями (пл. *Ленина*, ул. *Горького*, ул. *Труда*, ул. *Пушкина* и др.), которые встречаются во многих регионах России, в словарь вошли уникальные регионально маркированные топонимы. Большой блок таких наименований связан с историей Псковского края. Так, ул. *Богданова*, ул. *Германа*, ул. *Гущина*, ул. *Клавы Назаровой*, ул. *Николая Васильева*, ул. *Харченко* связаны с партизанским движением и псковским подпольем 1941–1944 гг. В честь героев, освобождавших псковскую землю, названы улицы *128-й стрелковой дивизии*, *Ижорского батальона*, *Александра Матросова*, *Молодова*, *Шестака* и др.

Достопримечательности города также нашли отражение в наименованиях улиц. Один из древнейших памятников Пскова – храм Георгия со Взвоза – был построен в XV веке, в честь него названа улица *Георгиевская*, церковь Петра и Павла с Буя дала название улице *Петропавловской*, а улица *Гремячая*, одна из немногих, сохранивших древнее название, получила его в честь Гремячей горы.

Ул. *Гдовская*, ул. *Дновская*, ул. *Печорская*, ул. *Изборская*, ул. *Порховская* и др., отражающие географию региона, получили свои названия по районным центрам Псковской области.

Деятели культуры, связанные с Псковом, увековечены в названиях ул. *Яна Райниса* (известный латышский поэт и переводчик был выслан в Псков в декабре 1897 года, где жил и занимался литературным трудом) и ул. *Ал. Алтаева* (под этим псевдонимом работала писательница М.В. Ямщикова, тесно связанная с псковским краем).

Статьи словаря в целом составляют единый лингвокультурологически ценный текст, адресованный студентам и школьникам, в том числе иностранным, изучающим русский язык. Для иностранцев, которые только начинают изучать русский язык, в конце каждой статьи есть резюме на английском языке.

Еще один словарь, посвященный данной тематике – «История региона в названиях улиц» [История региона 2018]. Авторами словаря также являются преподаватели Псковского государственной

университета. Словарь описывает топонимы Пскова и других населенных пунктов области, связанные с историей псковского края. Статьи расположены по алфавиту, название улицы выносится в заголовок словарной статьи, затем дается информация о местонахождении улицы в том или ином населенном пункте области, раскрывается мотивировка названия, вводится краеведческая информация, связанная с этим названием.

Улица КЛАВЫ НАЗАРОВОЙ

1. В Бежаницах: начинается от улицы Лары Михеенко и идет вдоль пруда Гордеевка.

2. В Острове: соединяет улицы Пролетарская и Островских Молодогвардейцев; протяженность улицы полтора километра; прежнее название – Фроловская, в 1951 г. она переименована в улицу Клавды Назаровой.

3. В Порхове: проходит параллельно улицам Садовой и Псковской.

4. В Пскове: расположена в Завокзальном районе и соединяет Временную улицу и Морозовскую ветку. Свое название новая псковская улица получила 16 октября 1947 года. Ее протяженность примерно 700 м.

Клавдия Назарова (1920–1942) родилась в городе Острове Псковской области в крестьянской семье. В период оккупации города Острова немецко-фашистскими захватчиками работала в швейной мастерской. <...> 20 августа 1945 года *Клавдии Ивановне Назаровой* посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских войск и проявленные при этом героизм и мужество. Она похоронена в родном городе Острове, где ей установлен памятник.

Как и предыдущий, этот словарь адресован широкому кругу читателей, студентам, школьникам, иностранцам, изучающим русский язык и интересующимся русской культурой. Оба словаря мы активно используем на занятиях с иностранными студентами. Представим примеры заданий, которые мы разработали по материалам словарей для иностранных студентов, обучающихся на первом курсе по специальности «Русский язык как иностранный». Задания направлены на формирование знаний культурного фона топонимов, а также на адаптацию иностранных студентов в топографическом пространстве города.

Задание. Прочитайте статьи из словаря «О чем рассказывают городские названия». Ответьте на вопросы после текстов.

Улица ХАРЧЕНКО соединяет Гатчинскую и Лесную улицы на восточной окраине Пскова в Завокзальном районе. Бывшая

3-я Киевская улица названа в честь героя Великой Отечественной войны Михаила Семеновича Харченко. М.С. Харченко родился 10 февраля 1918 года в посёлке Дедовичи в рабочей семье. В возрасте 18 лет его призвали в армию: лыжный батальон на северо-западной границе. М.С. Харченко – участник русско-финской войны, за заслуги в которой он был удостоен ордена Ленина. В первые же дни Великой отечественной войны Михаил Харченко вступил в истребительный батальон. Узнав о том, что в Новгородской области на территории Поддорского района комплектуется партизанский отряд, стал его бойцом. Командовал пулемётным отделением. С 16 июля 1941 года по 15 марта 1942 года в боях в районе Дедовичей лично уничтожил свыше ста оккупантов <...>. В апреле 1942 года Михаилу Харченко было присвоено звание Героя Советского Союза. Но уже в декабре того же года он погиб в бою. Похоронен М.С. Харченко в поселке Дедовичи (Псковская область), где сооружён обелиск в честь героя, а на здании школы установлена мемориальная доска. Имя М. Харченко носит также улица в Санкт-Петербурге.

1. *В какой части Пскова расположена улица?*
2. *Каково ее прежнее название?*
3. *В честь кого улица получила свое нынешнее название?*
4. *Чем знаменит М.С. Харченко?*
5. *В каких городах России есть улицы с таким названием?*
6. *Есть ли в вашем родном городе улицы, названные в честь ваших земляков-героев?*

Улица МАКСИМА ГОРЬКОГО находится на Завеличье. Она начинается от Комсомольской площади и упирается в Ольгинскую набережную.

Улица названа в честь Максима Горького (1968–1936) – известного русского писателя, прозаика, драматурга.

Максим Горький – псевдоним писателя, настоящее его имя – Алексей Максимович Пешков. <...> В трилогии «Детство», «Юность», «Мои университеты» отразилось тяжёлое детство Алёши Пешкова, его скитания разнорабочим в юности. Отсюда и псевдоним писателя – Горький. Годы лишений и скитаний сформировали позицию писателя, который встал на сторону нищих и обездоленных. <...> В революционных событиях 1905 года Горький принимал самое активное участие, был заключён в Петропавловскую крепость за выступления против царя. В дальнейшем, чтобы избежать преследования властей, ему пришлось уехать в Соединённые Штаты Америки, а затем в Италию. В это время он создает монументальное произведение – роман «Мать». После революции 1917 года Горький активно

участвовал в строительстве новой советской культуры. <...> С его помощью был организован первый рабоче-крестьянский университет, Большой драматический театр в Петербурге. <...>

1. В каком районе Пскова расположена улица?

2. В честь кого она получила свое название?

3. Чем знаменит Максим Горький?

4. Переведены ли на туркменский язык произведения Горького?

Изучаются ли они в туркменской школе?

5. Есть ли в городах Туркменистана улицы, названные именем Горького и других русских писателей?

6. Название одной из двух улиц (ул. Харченко, ул. Горького), о которых вы прочитали, связано с историей Псковского края? Назовите эту улицу.

Задание. Прочитайте статьи словаря, посвященные ул. Волкова, ул. Софьи Ковалевской, ул. Германа, ул. Свердлова, ул. Спегальского, и внесите сведения в таблицу.

Наименование улицы	
В какой части города она находится?	
Какова ее протяженность?	
В честь кого получила свое название?	
Чем знаменит этот человек?	
Связана ли его жизнь и деятельность с псковским краем?	
Есть ли в других городах России улицы с таким названием?	

Работая с региональными годонимами, студенты осмысливают их мотивировки, знакомятся с биографиями деятелей культуры, науки, искусства, с фактами из истории страны и региона, делают вывод о том, что помимо функции ориентира, названия улиц выполняют также мемориальную функцию. За каждым наименованием скрыта своего рода история, документ, памятник, в них выражается любовь и благодарность к подвигам предков, историческому наследию, культуре народа [Муратова 2021: 94].

Описанные лингвокультурологические словари безусловно являются ценным источником в преподавании русского языка как иностранного. Адаптированные тексты словарей можно начинать использовать в работе со студентами на подготовительных курсах,

когда происходит первичная адаптация в топографическом пространстве города. На данном этапе студенты знакомятся с улицами, на которых расположены общежития и корпуса университета (пл. Ленина, ул. Карла Маркса, ул. Леона Поземского и др.), крупные торговые центры (ул. Труда, пр. Октябрьский и т.д.), точки общественного питания (ул. Коммунальная, пр. Рижский и др.). На более продвинутом этапе владения русским языком, когда студенты уже освоили более широкое городское пространство, актуальным будет знакомство с регионально маркированными топонимами.

Литература и источники

Головина Л.С. Ономастика как способ формирования социокультурной компетенции на занятиях РКИ // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26).

История региона в названиях улиц: лингвокраеведческий словарь / сост. Е. И. Рогалева, Т.Г. Никитина, М.И. Муратова. Псков: Логос, 2018. 115 с.

Муратова М.И. Формирование лингвокраеведческой компетенции иностранных студентов-русистов с учетом профессиональной направленности обучения: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Псков, 2021. 216 с.: ил.

О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина и др. Псков: Логос, 2012. 138 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 187 с.

Рогалева Е.И., Никитина Т.Г. Словарь городской топонимии для иноязычного адресата: аспекты и приемы учебной репрезентации материала // Русский язык за рубежом. 2016. № 4 (257). С. 56–62.

Родина Н.А. Использование ономастического материала в преподавании РКИ // Сборник материалов III межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Пенза, 2021. С. 125–129.

УДК 811.161.1

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА КАРЕЛИИ – ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ СЛОВАРЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

А.В. Приображенский

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, primlp47@list.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются документы из фондов Национального архива Карелии, которые отражают различные группы региональной лексики. Эти материалы включают микротопонимы, зоонимы, лексику

материальной культуры, рыболовства, оленеводства, охоты и т.п. Данные слова вместе с контекстами могут служить в качестве дополнительных источников словарей различных типов.

Ключевые слова: Архивные источники; региональная лексика и ономастика; лексикография; типы словарей

REVIEW OF MATERIALS FROM THE COLLECTIONS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF KARELIA – ADDITIONAL SOURCES OF DICTIONARIES OF VARIOUS TYPES

A.V. Preobrazhensky

*Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia*

Abstract. The report examines documents from the collections of the National Archive of Karelia, which reflect various groups of regional vocabulary. These materials include microtoponyms, zoonyms, vocabulary of material culture, fishing, reindeer husbandry, hunting, etc. These words together with contexts can serve as additional sources of dictionaries of various types.

Keywords: Archival sources; regional vocabulary and onomastics; lexicography; types of dictionaries.

В статье рассматриваются документы из фондов Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК), которые отражают различные группы региональной лексики. Эти материалы включают антропонимы, микропонимы, зоонимы, лексику материальной культуры, рыболовства, оленеводства, охоты и т.п. Данные слова вместе с контекстами могут служить в качестве источников словарей различных типов.

Ценными архивными источниками, которые могли бы дополнять материалы региональных словарей, являются следующие:

по микропонимии – акты по закреплению сельскохозяйственных угодий, документы по межхозяйственному землеустройству, по утверждению внешних границ землепользования колхозов, документы по учету и инвентаризации земель;

по зоонимии – инвентаризационные описи в годовых отчетах колхозов и совхозов с указанием клички, пола, масти, года рождения и балансовой стоимости животного;

по оленеводческой лексике – судебные дела об убийствах и кражах домашних оленей, отчеты по обследованию оленеводства в Кемском уезде КАССР, акты о приеме оленей, о продаже государственных оленей, заявления граждан на выдачу им оленей, переписка местных органов власти и управления, протоколы производственных совещаний, заседаний правления и общих собраний колхозов, годовые и статистические отчеты колхозов и оленеводческих совхозов и т.д.;

по *рыболовецкой и охотничьей лексике* – протоколы заседаний правления и общих собраний промысловых товариществ, рыболовецких колхозов, товариществ охотников, их годовые и статистические отчеты, производственные планы, анкеты охотников.

В топонимических словарях и сводах широко используются региональные архивные источники прошлых веков. Отметим среди них словарь с историко-культурными комментариями «Топонимия Заонежья» И.И. Муллонен и «Свод топонимов Заонежья» И.И. Муллонен, И.В. Азаровой и А.С. Герда, в которых привлекаются дореволюционные и советские документы НА РК [Муллонен 2008; Муллонен 2013].

Сопоставление региональных архивных и исторических источников по зоонимии Вологодской области позволяют Е.Н. Варниковой сделать вывод о преемственности традиций наименования лошадей на протяжении XVI–XX вв. [Варникова 2015].

Следует отметить, что не все группы лексики с одинаковой полнотой представлены в региональных словарях. Не одинаков и объем диалектных материалов, записанных в различных населенных пунктах. Так, в связи с выездом населения многие населенные пункты Карелии были упразднены еще в 50-е–70-е гг. XX в. В этих случаях в качестве дополнительных источников словарей могли бы послужить архивные материалы.

Кереть – одно из наиболее крупных и древних поморских сел Карельского берега Белого моря в связи с выбытием населения было упразднено в 1973 г. В материалах для словаря «Русские говоры Беломорья» С.А. Мызникова представлено лишь одно слово с пометой *Кереть: тёлгасы* ‘доски на корме лодки’ [Мызников 2010: 431].

Село Кереть было центром Керетской волости с казенным магазином, в котором покупали хлеб не только жители Керети и поморских сел, но и карельских деревень (*Новая, Тикиезеро, Нильмозеро, Ловогубской, Елетьозеро, Пяозеро, Сенозеро, Кестеньга, Кизрека, Боярская, Кундозерская, Софьянга, Зашеек, Тундозеро, Никольская Губа, Соколозеро, Лайдосалма, Рогозеро*) [Кереть 1858]. Основными занятиями населения были рыбный и зверобойный промыслы. В этой связи отметим некоторые товары из лавки Керетского ЕПО* за 1923 г.: *белужий жир, звериный жир сыроток, звериный жир шелега, шкуры оленные, чуны оленные* и т.п. [Кереть 1923].

Значительный интерес представляет этимология названия озера *Кереть*, реки *Кереть*, острова *Кереть* и производного от последнего

* Единое потребительское общество Карельского областного союза кооперативов.

ойконима-обозначения села *Кереть*. Известный исследователь саамской топонимии Г.М. Керт возводил название озера *Кереть* (варианты Керетозеро, Керетьозеро) к саамскому кильд. *k'er'es', k'er'et'* 'кережка (саамские сани в виде лодки)' [Керт 1960: 87].

Грамота 1669 г. свидетельствует, что до появления домашних оленей зимой керецкие бобыли казну возили на себе кережами или ходили на лыжах, так как на лошадях проехать было невозможно [АИ 4: 366].

В Керети, как и в других поморских селах Карельского берега – Гридино, Калгалакше, Поньгоме и в городе Кеми, в зимний период использовался олень как ездовое животное, незаменимое при северном бездорожье [Глади́н 1925: 94]. В традиционных хозяйствах поморов и карел на севере Карелии использовались местные породы домашних оленей (так называемых лесных), имевших существенные отличия от тундровых [Сегаль 1962: 26].

У поморов Кемского уезда существовала однооленная упряжь в сани – кережу или дровни. Здесь вместо ремennого или кожаного хомута, характерного для жителей Кольского полуострова, употреблялся деревянный. Подобная упряжь с деревянным хомутом существовала также у северных карел и у саамов Скандинавии. Оленья упряжь с деревянным хомутом у русских севера Европейской России, без сомнения, есть результат перенесения привычной для них лошадиной упряжи на новое тягловое животное [Васильев 2008: 174].

Подробное описание упряжи на основе деревянного хомута приводит Л. Капица: «Упряжка состоит из деревянного хомута, очень похожего на обычный, употребляемый для лошадей. Посредине (на боковых сторонах) каждой из двух его половинок вырезано по отверстию, куда продевается ремень, проходящий прямо между ногами оленя или привязывающийся к саням или кереже» [Капица 1924: 9].

Приведем данные о количестве оленей в населенных пунктах Карельского Берега. В 1927 г. в селе Кереть насчитывалось 13 оленей, в Гридино – 170, в Калгалакше – 98, в Поньгоме – 9 [Никольский 1927].

В некоторых карельских и поморских населенных пунктах на севере Карелии оленеводство сохранялось до конца 60-х гг. (д. Соностров, пос. Воньга), и даже до середины 70-х гг. XX в. (с. Гридино – поморское село, в котором использовали только оленей, и совсем не было лошадей).

В 2020 г. был представлен проект диалектного историко-этнографического словаря оленеводческой лексики XVIII–XX вв., относящейся к северу Карелии [Приображенский 2020]. Данный словарь

будет включать русскую оленеводческую лексику, которая употреблялась в Кемском и Лоухском районах Карелии, а также исторические и этнографические сведения о традиционном, колхозном и совхозном оленеводстве на севере Карелии. В словаре для сопоставления планируется привести и материалы поселков и деревень с карельским населением: Воньга, Пильдозеро Кемского района, Кестеньга, Ламбасгуба, Софьянга Кестеньгского района, Нильмозеро, Соностров Лоухского района. В этой связи в конце каждой словарной статьи после знаков |= будут даны параллельные наименования из севернокарельских говоров собственно карельского наречия карельского языка.

В словаре будут представлены следующие группы оленеводческой лексики: дифференцирующие названия оленей по полу и возрасту (*олень, бык, важенка, вонделка, гирвас, олениха, третьяк, телёнок, урак*), породы оленей (*ижемская, лопарская, карельская, поморская*), наименования средств передвижения и их частей (*болок, дровни, кережа, чуни, тормоза к чуням*), оленьей упряжки и ее частей (*хомут, тягло, дерева, вертлюги, баклуша, губа, зазголовье*), болезней оленей (*копытка, сухой ветер*), наименования владельцев-погонщиков и пастухов оленей (*райник, оленщик*), построек для содержания оленей (*изгородь, олений пригон, огорода*) и др.

Словарная статья будет включать слово в начальной форме, грамматические пометы, толкование, иллюстрации из деловых документов и диалектных словарей, которые свидетельствуют об особенностях той или иной реалии и часто содержат количественные данные. Дается краткая этимологическая справка (в случае необходимости), указываются населенные пункты, в которых зафиксировано слово, а также источники и год фиксации.

В справочном разделе словаря планируется поместить статьи с энциклопедической информацией о влиянии на оленеводство в Карелии различных исторических событий (Первая мировая война, «Карельская авантюра», Советско-Финляндская война, Великая Отечественная война, коллективизация, репрессии), других народов (саамы, коми-ижемцы, финны), о населенных пунктах, колхозах и совхозах, где держали оленей, об ученых-исследователях карельского и поморского оленеводства и т.д.

Приведем примеры словарных статей:

ВÉТЕР

> **СУХОЙ ВÉТЕР**, м. Болезнь домашних оленей. Кем. Свое название эта болезнь получила от суеверных представлений, что она наносится ветром. Заболевание оленей происходит преимущественно

весной до стаивания снега, тогда как крупный рогатый скот заболевает в течение всего года. Последствия этой болезни таковы: животное становится апатичным, плохо принимает пищу, из ноздрей выделяется бледно-зеленоватая мутная жидкость, при поглаживании олень обычно не встряхивается, быстро худеет, кожа как бы присыхает к костям и при оттягивании потрескивает. Такое состояние продолжается 2–3 недели и олень поправляется, но бывают случаи, что кончается смертью. Применяемое знахарское лечение весьма примитивно. Берется смесь соли, серы и табаку, тщательно перемешивается и кладется оленю в нос, потом в нос и уши пускается моча, разрезается хвост (очевидно для пускания крови) и после всех этих манипуляций начинают оленя растирать против шерсти палкой. Такое радикальное лечение быстро оказывает свое действие, олень чихает, кашляет, несколько раз встряхивается и дальше идет дело на поправку [Гладин 1925: 98].

ПРИГОН

> **ОЛЁННЫЙ ПРИГОН**, *м.* Огороженное место, куда пригоняют и где содержат оленей. О ремонте пригона для поимки оленей и установка цены с приведенных оленей в пригон. Установить цену за пойманного оленя в пригоне с колхозника – 1 р. 50 коп., с единоличника – 2 рубля, а с карельских оленей не брать никакой стоимости. *Гридино*, 1931. О ремонте пригона. Тов. Мехнин А.М. о необходимости ремонта, так как сезон поимки оленей начался. Ремонт пригона произвести до 20/XI-35 г. *Гридино*, 1935. Пригон оленей. *Соностров*, 1944. // Оленные пригоны у поморов и приморских карел располагались недалеко от Белого моря у рек, озер и болотистых мест, что способствовало загону оленей в изгородь, ср., например: *Оленный пригон* – у р. Кятка южнее с. Гридино, *Оленный пригон* – у Крестовых озер северо-восточнее д. Соностров и др.

УПРЯЖЬ

> **ОЛЁННАЯ УПРЯЖЬ**, *ж.* Совокупность принадлежностей для присоединения оленя к саням. Упряжь построена так: на шею оленя надевается деревянный или кожаный хомут, к которому прикрепляется длинный ремень, так называемое тягло, которое пропускается между ног оленя и прикрепляется при помощи петли к саням. Сразу же за лопатками к спине туловище оленя перехватывается тоже ремнем, на котором укрепляется под животом палка для удержания тягла. При такой упряжке олень тянет груз как бы на одной шее и на животе, вследствие чего он очевидно быстро утомляется. При быстрых поворотах тягло, подхватывая ноги животного, может его совершенно сшибить. В общем и целом упряжка

олений во всех отношениях заставляет желать много лучшего [Глади́н 1925]. О выделении пастуха-оленевода для воинской части. Говорит тов. Пикетов, что для сохранения поголовья оленей и ремонта упряжи требуется опытный оленевод и преданный общественному делу. *Гридино*, 1938. Упряжь оленья – 8. *Кереть*, 1940. | = *карельск.* *rettraiti* ‘оленья упряжка’ Вокнаволок [Федотова, Бойко 2009: 204].

ХВАТКА

> **ОЛЕННАЯ ХВАТКА**, *ж.* *Ловля оленей после окончания периода вольного выпаса.* О выходе* на оленнюю хватку. Бригаду утвердить в количестве 6 человек. Выход произвести 24 ноября, отремонтировать избушку, навесить один венец. Цена установится после ремонта избушки, средства из кассы взаимопомощи. *Калгалакша*, 1939. Выходить на оленнюю хватку следующим колхозником: Логинов П. И., Иванов А. Вас., Кобин Лев. Вас. *Калгалакша*, 1940.

Таким образом, документы из фондов региональных архивов (в частности, Национального архива Карелии) могут служить ценными диалектными и историко-лингвистическими источниками словарей различных типов и дополнений к ним. Они помогают уточнить ареалы некоторых диалектных слов и обнаружить те лексемы, которые не зафиксированы словарями (*оленная хватка*).

Литература и источники

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург, 1842. Т. 4. С. 365–366.

Варникова Е.Н. Архивные материалы как источники изучения русской исторической зоонимии // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: [б. и.], 2015. С. 536–539.

Васильев М.И. Русский олений транспорт в XIX – первой трети XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 170–177.

Глади́н [б/и]. Отчет по обследованию оленеводства в Кемском уезде АКССР // НА РК. Ф. Р-265. Оп. 1. Ед. хр. 12/138. Л. 92–100.

Гридино 1931 – НА РК. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 79–81об.

Гридино 1935 – НА РК. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 10–104.

Гридино 1938 – НА РК. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 2/26. Л. 87–90об.

Калгалакша 1939 – НА РК. Ф. Р-2784. Оп. 1. Ед. хр. 3/53. Л. 3–3об.

Калгалакша 1040 – НА РК. Ф. Р-2784. Оп. 1. Ед. хр. 4/54. Л. 19.

Катица Л. Материалы к изучению оседлого оленеводства Карелии и западного побережья Белого моря // Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 1. С. 3–13.

* В тексте – о выходи.

Кереть 1858 – НА РК. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 180–184.

Кереть 1923 – НА РК. Ф. Р-190. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 86–87.

Кереть 1940 – НА РК. Ф. Р-623. Оп. 3. Д. 4/25. Л. 120–127.

Керт Г.М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92.

Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.

Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Свод топонимов Заонежья / под ред. А.С. Герда. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 251 с.

Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 496 с.

Никольский В.В. Быт и промыслы западного побережья Белого моря // Труды института по изучению Севера. № 36. 1927. С. 12–62.

Приображенский А.В. Проект «Словаря оленеводческой лексики деловых документов севера Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 19 / отв. ред. Е.В. Пурицкая. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 343–356.

Сегаль А.Н. История северного оленя и оленеводства в Карелии // Северный олень в Карельской АССР (морфология, систематика, экология, физиология, вопросы оленеводства). Москва; Ленинград, 1962. С. 41–57.

Соностров 1944 – НА РК. Ф. Р-623. Оп. 3. Д. 15/134. Л. 236–243об.

Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2009. 350 с.

УДК 81'282

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ И ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ БАШКИРИИ

Н.В. Пятаева

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск, Беларусь, Pjataeva@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена уникальному словарю русских говоров Башкирии, созданному на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия) под руководством профессора Зои Петровны Здобновой. С момента выхода из печати первого тома словаря в 1997 г. прошло 25 лет, убедительно доказавших значение словаря в становлении русской диалектологии в Башкирии, сохранении отразившейся в самобытном слове русской национальной культуры и культуры тюркских народов, более 150 лет проживающих в тесном соседстве на территории современной Республики Башкортостан.

Ключевые слова: словарь говоров; русские говоры Башкирии; тип словаря; структура словаря; словарная статья; диалог культур

REFLECTION OF RUSSIAN AND TURKIC CULTURE IN THE DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS OF BASHKIRIA

N.V. Pyataeva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Abstract. The article is devoted to the unique dictionary of Russian dialects of Bashkiria, created at the Department of General and Comparative Historical Linguistics of Bashkir State University (Ufa, Russia) under the guidance of Professor Zoya Petrovna Zdobnova. More than 35 years have passed since the publication of the first volume of the dictionary in 1997, convincingly proving the importance of the dictionary in the development of Russian dialectology in Bashkiria, preserving the original language of Russian national culture and culture of peoples living more than 150 years in close proximity to modern territory Republic of Bashkortostan.

Keywords: dictionary of dialects; Russian dialects of Bashkiria; dictionary type; dictionary structure; dictionary entry; dialogue of culture

Здобнова Зоя Петровна (25.03.1926) – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (далее РБ), почётный работник высшего образования РФ, в 1953–2015 гг. работала на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета (БашГУ) [Здобнова 1977–2008].

В 1945 г. в АН СССР под руководством Р.И. Аванесова началась работа по составлению «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», однако периферийные зоны, в том числе Татарстан, Удмуртия и Башкортостан, оставались неизученными. З.П. Добнова собрала материал для VII т. Атласа в 10-ти населённых пунктах Татарии и 38-ми в Удмуртии, составила периферийные диалектологические атласы, в которых применила методику сопоставительного отражения диалектного материала на картах дифференциального типа.

В течение 50-ти лет (начиная с 1960 г.) под руководством З.П. Добновой шла работа над составлением «Словаря русских говоров Башкирии» [СРГБ], в Предисловии к которому [СРГБ I: 3–4] отмечается, что территория РБ начала заселяться русскими после отмены крепостного права в 1861 г., что обусловило пестроту состава населения: северная часть заселена выходцами из Пермской и Вятской губерний, в центральной и южной частях преобладают выходцы из южнорусских губерний – Тамбовской, Курской, Орловской, Саратовской, в ряде пунктов население состоит из носителей северо-, южно- и среднерусских говоров, в некоторых селениях наряду с русскими живут украинцы, белорусы, мордва, татары, башкиры

и др. Всего было обследовано 155 населённых пунктов (см. список [СРГБ 1: 6–7]).

В соответствии с современной классификацией словарей СРГБ является толково-переводным словарём с элементами энциклопедизма: семантика местных слов описываются по принципу толковых словарей, при наличии в литературном языке эквивалентного по значению слова – переводом на литературный язык, для описания реалий, отсутствующих в повсеместном быту, используется энциклопедический способ описания, см. пример словарной статьи:

БАРАБАТЬСЯ. 1. Медленно и долго возиться с чем-л., копошиться. *Так вот цэл'ный ден' и барабъйус' дома* (Бир: Петр). 2. Барахтаться в воде. *Ръбятёшки вон фсе дни в воде барабъйутца* (Бир: Калинин). 3. Шевелиться. *Йеле барабъйутца пал'цы-ти, как ни мои* (Куш: А). 4. Царапаться в дверь (о кошке), грызть пол (о мыши). *Котёнък барабътца* (Бир: Сим). Ср. **Барабощиться** [СРГБ 1: 32].

По охвату говоров СРГБ – сводный словарь разнородных говоров, однако в словаре преобладают материалы по окающим среднерусским говорам владимирско-поволжского типа, ср.: *бобышки, бодун, болтыхаться, водополье, возмогаться, волёшник, гобино, говорок, годовик, доёнка, дожидать*. По отбору лексики СРГБ – дифференциальный словарь, который охватывает лишь ту лексику, которая отличает говоры от литературного языка: включена терминология развитых в РБ промыслов и ремёсел (ткачества, рыболовства, охоты, полукочевого скотоводства, бортничества, декоративно-прикладного искусства); слова, отмеченные в БАС и МАС как устаревшие, но не являющиеся таковыми в говорах; историзмы и архаизмы из речи представителей старшего поколения.

Современная диалектология признаёт диалектным слово, имеющее ограниченную территорию распространения и не входящее в состав литературного языка. Это следующие типы слов из СРГБ.

1. Собственно лексические диалектизмы:

- а) с неизвестными литературному языку основами, например: *абдраган* ‘испуг’, *бабощика* ‘кузнечик’, *валузить* ‘избивать кого-л.’, *жабрэй* ‘сорняк’, *захматный* ‘больной, вялый’, *куржак* ‘иней’, *мажа* ‘вид зимней повозки для перевозки зерна’, *набузгаться* ‘напиться без меры’, *навлык* ‘самотканый половик’, *талечка* ‘верхняя часть женской рубахи’, *убоцкаты* ‘усмирить, утихомирить (о пьяном человеке)’, *файда* только ед. ‘польза’, *чабата* мн. ‘сапоги’, *шабёр* ‘сосед’ и *шабра* ‘соседи’, *яланка* ‘убранное поле’;

- б) диалектные образования от известных литературному языку основ:

безугро́зно 'без надзора', *бешене́ц* 'сумасшествие', *жарёнка* 'подгоревший слой какого-л. блюда', *заблудённый* 'заблудившийся', *игри́шник* 'святки', *калёнка* 'маленькая переносная железная печь', *ла́дныть* 'хорошо, согласен', *масте́ра* 'мастерица', *обдерга́йка* 'короткая одежда', *пасту́шина* 'плата пастуху', *темне́ченький* 'ещё слепой котёнок', *убёгом* 'тайком, самовольно', *форсли́вый* 'аккуратный, модный', *хвата́льня* 'тряпка для прихватывания горячей посуды', *чаёвник* 'настой трав, заваренных вместе с чаем'.

2. Семантические диалектизмы:

- а) омонимичные по отношению к литературным эквивалентам: *ва́жно* 'хорошо, красиво', *ёлочка* 'хвощ полевой', *жарко́* 'второе блюдо, приготовленное в жаровне из картошки и мяса в вольной печи', *и́дол* 'нехристь, богоотступник', *каблочки́* только мн. 'женские ботинки до щиколоток на каблуках', *набе́гом* 'быстро, торопливо', *обло́жка* 'нашивки или оборки на рукавах или подоле женской одежды', *увенча́ть* 'обвенчать', *фа́була* 'ненужная вещь', *ца́пать* 'мотыжить землю';

- б) слова, имеющие кроме литературных местные значения: *далёкий* 'большой, далеко раскинувшийся', *заби́ть* 'выбить посевы, урожай (о дожде, граде)', *магази́н* 'верхняя, дополнительная часть улья', *па́даль* 'опавшие с дерева плоды', *рабо́тник* 'плуг больших размеров с двумя колёсами', *табу́н* перен. 'большое количество детей в семье', *часту́шка*, *шарма́нка* 'о болтливой женщине', *язык* 'подвижная часть мялки, которая мнёт стебли льна';

- в) слова, отличающиеся от литературных соответствий объёмом значения, а также расширенной сочетаемостью: *умереть* *враспloh*, *груда народу*, *пожилой дом*;

- г) слова с местными, конструктивно и синтаксически обусловленными значениями:

ара́н в сравнит. обороте 'грязный, чумазы́й человек (чаще о ребёнке)': *Сроду как арапы бегя́ют, ход'бы умыли́с ле чё ле*; *насрами́ть* 'напачкать, нанести сору': *Гуси ны́срамили ско́ка*; *стать* в безл. употр. 'становиться': *Сразу и́ей лучь с мя́лока стайо́т*.

3. Местные варианты слов, выступающие в тождественном с литературным эквивалентом значении и близкой по звуковому виду форме, если вариантность обусловлена имманентными особенностями

развития отдельных слов и не связана с фонетической или грамматической структурой того или иного говора, лексика которого отражена в СРГБ. Сюда относятся следующие различия:

- а) фонематические, выражающиеся в разном составе или качестве некоторых или одной корневой или аффиксальной фонемы или в расположении фонем:

аверьянка – валериановые капли, *автóбузь*, *áглицкий*, *аку́рованный* – эвакуированный, *басловлять* – благословлять, *басурма́к* – басурман, *вблизу́* – вблизи, *вдво́я* – вдвое, *головястик*, *за́городь* – изгородь, *идино́чка*, *кадрéль* – кадрили, *молчажли́вый* – молчаливый, *нагиши́ми*, *палталóны* – панталоны, *прovídóха* – пройдоха, *самоуби́вца* / *самоуби́вец*, *таврá* – тавро, *тажéрка* – этажерка, *утопи́ть жа́жду* – утолить жажду, *хавóс* – хаос, *це́рка* / *це́рква*, *чекóлда* – шеколда, *энтот*, *юнош*, *яблок*;

- б) акцентологические неморфологического характера:

баржа́ (перен. о толстом неповоротливом человеке), *бедно́*, *бе́дро*, *вёдерки*, *веселó*, *горни́ца*, *жарко́*, *за́кром*, *искра́*, *капля*, *ладóм*, *мало́й*, *о́блак*, *на́деж*, *нахотá*, *работáть*, *рóдить*, *санки́*, *толсто́*, *туча́*, *у́дить*, *хворóст*, *чаи́ца*;

- в) словообразовательные, если аффиксы не придают слову иного значения или оттенка значения:

азбе́шка – азбука, *амбару́шка* – небольшой амбар, *баба́ка* / *баба́лька* / *баба́ня* / *баба́тка* – бабушка, *ва́ленцы* – валенки, *вилки́* – вилы, *га́рево* – гарь, *дереви́шка* – деревенька, *жа́дать* – жадничать, *игли́ца* – иголка, *каме́нье* – собир. камни, *ласкова́ться* – ласкаться, *маля́рка* – женщина-маляр, *о́пух* – опухоль, *па́мятки* – поминки, *разговóристый* – разговорчивый, *срóдочь* – родственник, *телéнтишко* / *теля́тко* – телёнок, *хвату́щий* – хваткий, *цы́плок* – цыплёнок, *швёйка* – швея, *щедрови́тый* – щедрый, *ягно́к* / *ягно́чек* – ягнёнок;

- в) грамматические, связанные с особенностями грамматической принадлежности, характеристики отдельных слов, проявляющиеся в категории рода или склонения (*не́гра*, *полоте́нец*); в категории числа (*карто́хи*); в склонении или его разновидности (*вожа́ка* – вожак, *кома́рь*); в спряжении (*реви́ть* – реветь); в ином управлении глагола (*доказа́ть* до кого на кого – донести кому-л. на кого-л., например: *Пошла и дъказала дъ милиционеру на Колюку*).

4. Устойчивые сочетания, содержащие диалектные слова, или не известные литературному языку сочетания из литературных

слов, или известные литературному языку сочетания с иным (местным) значением:

ватры́га безоблы́жный – пьяница; *вёдрена́я луна* – о положении луны в ясную погоду; *галки на лицо накла́ли* – о веснушчатом человеке; *двухэта́жный хлеб* – хлеб, выпеченный из муки, смешанной с травой; *завести квашню* – затеять тесто; *играть песни* – петь песни; *ка́жно место* – везде, всюду; *лап-тём стёганый* – о рябом человеке; *лясы строчи́ть* – болтать впустую; *макла́шки давать* – бить, раздавать подзатыльники; *нужда заби́ла* – нужда одолела; *облачный дождь* – быстро проходящий, короткий дождь с набежавшего облака; *на моих паметях* – на моей памяти; *песни заката́вывать* – петь песни; *рука развилась* – рука стала болеть в суставах из-за сильного физического напряжения; *насади́ть кы́лы* – сглазить кого-л.; *жить на толчёном* – жить за чужой счёт; *убёгом / убёгом уйти́ замуж* – выйти замуж без согласия родителей; *вылупи́ть харю* – щеголевато одеться; *цвета нет* – о бледном человеке; *в частом быва́нии* – часто быть, присутствовать; *шаба́шку сишиби́ть / сработа́ть* – заработать на стороне; *этими же ногами* – тотчас; *язык недо́тби́нный* – о человеке с картавым произношением.

СРГБ – это уникальный источник сведений о природных и этнографических реалиях РБ, об особенностях миропонимания проживающих здесь русских людей, об их обычаях, обрядах, верованиях, кладезь жемчужин образной речи, в которых запечатлена народная практическая философия, однако словарь даёт сведения о реалиях не только русского, но и башкирского, татарского, чувашского и марийского быта, например:

ага́й – старший по возрасту мужчина-башкир; *айбя́т* – хорошо; *а́йра́н* – прохладительный напиток из кислого молока, разведённого водой; *аксака́л* – пожилой, всеми уважаемый мужчина; *аргама́к* – о высоком крепком и сильном, но ленивом парне (< тат., башк. *ко́нь*); *баурса́к* – мучное сладкое блюдо в виде обжаренных в масле шариков из пресного теста, замешанного на яйцах; *бал* – мёд диких пчёл, собранный пчеловодом-башкиром; *губади́я* – сладкий слоёный пирог с начинкой из риса, яиц, изюма; *косты́бий* – особый вид пирога в виде сложенной пополам лепёшки с пшённой кашей или картофельным пюре внутри; *кунáк* – гость; *мала́й* – мальчик-башкир или татарин > *мала́йка* – маленький ребёнок; *малаха́й* – плохо сшитая мешковатая одежда; *саба́н* – плуг;

салма́ – домашняя лапша из пресного, тонко раскатанного теста, разрезанного на узкие полоски или ромбики; *самáн* – материал из глины, навоза, соломы для обмазывания строений; *ураза́* – мусульманский пост; *файда́* – польза; *хаба́р* – удача; *чаба́н* – пастух, пасущий овец; *шайта́н* – чёрт, нечистая сила; *юк* – отрицание – нет; *якши́* – хороший, хорошо.

По словам Н.И. Толстого, работы З.П. Здобновой представляют «неповторимые по уникальности и исключительные по фундаментальности исследования, которые вносят весомый вклад в развитие теории и практики отечественной лингвистической географии, в развитие описательной и исторической диалектологии, в освещение многих проблем истории русского языка и по своей значимости для науки подобны памятникам письменности» (из архива З.П. Здобновой).

Литература и источники

Здобнова З.П. Территориальное варьирование русского языка в Башкирии. Уфа: РИО БашГУ, 1977. 142 с. + 98 карт с комментариями.

Здобнова З.П. Типология русских говоров в Башкирии (атлас). Уфа: РИО БашГУ, 1981. 60 с. + 24 таблицы и 30 карт с комментариями.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа: Гилем, 2001. 155 с.

Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: в 2 ч. Уфа: Гилем, 2008.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии: в 4 т. / под науч. рук. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997–2005.

УДК 161.1

О ПРОЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Т.А. Сироткина

Сургут, Россия, sirotkina71@mail.ru

Аннотация. В статье на материале этнонимического материала Пермского края рассматривается возможность создания регионального этнонимического словаря. По своему материалу словарь этнонимов может пересекаться с историческими, диалектными, ономастическими словарями, описывающими лексику определенной территории, однако должен отличаться от них по составу словника и по структуре словарных статей. Репрезентация этнонимического материала в региональном словаре подобного типа позволяет получить представление об отдельных этнонимах и выстроить целостную систему, в которой значимыми оказываются не только сами этнонаименования, но прежде всего связи и отношения между ними. В статье приводится пример словарной статьи данного словаря, посвященной этнонимы «удмурты».

Ключевые слова: этнонимы; словарь; лексикография; словарная статья

ABOUT THE REGIONAL ETHNONYM DICTIONARY PROJECT

T.A. Sirotkina

Surgut, Russia

Abstract. The article on the material of the ethnonymic material of the Perm Territory considers the possibility of creating a regional ethnonymic dictionary. In its material, the dictionary of ethnonyms can intersect with historical, dialectal, onomastic dictionaries describing the vocabulary of a certain territory, but it must differ from them in the composition of the dictionary and in the structure of dictionary entries. Representation of ethnonymic material in a regional dictionary of this type makes it possible to get an idea of individual ethnonyms and build an integral system in which not only the ethno-names themselves are significant, but above all the connections and relations between them. The article gives an example of a dictionary entry of this dictionary dedicated to the ethnonym “Udmurts”.

Keywords: ethnonyms; dictionary; lexicography; dictionary entry

В настоящее время проблемы этнолингвистики, лингвокультурологии привлекают все большее внимание ученых. Лингвистов прежде всего интересует то, «как язык отражает стоящую за ним культуру, наивный образ мира, а еще больше то, что в самом языке... обусловлено культурой и мотивировано картиной мира» [Толстая 2000: 25]. Основное внимание при этом уделяется своеобразию запечатления в языке знаний о действительности, т.е. её языковой сегментации.

Одним из путей обнаружения специфики самовыражения народа в языке считается лексикография. «Словарь рисует перед своими читателями картину мира – так, как она существует в сознании носителей данного языка» [Шведова 2000: 5].

Мы уже писали о том, что названия народов являются лингвистической составляющей категории этничности – универсальной познавательной категории, с помощью которой человек определяет принадлежность себя и других к определенному этносу [Сироткина 2012]. Кроме того, этнонимы занимают особое место в лексической системе языка. Являясь переходным звеном между нарицательными и собственными именами, они чаще всего выпадают их поля зрения лексикографов. Поэтому столь актуальна проблемы их сбора и лексикографической обработки.

На наш взгляд, создание местных словарей этнонимов не менее актуально, чем продолжение работы над созданием общерусского этнонимического словаря, поскольку позволяет решить многие вопросы лингвокраеведческого характера. Региональные исследования дают интересные материалы, касающиеся приобретения этнонимами нарицательных значений, заселения тех или иных территорий разными народами.

По своему материалу словарь этнонимов может пересекаться с историческими, диалектными, ономастическими словарями, описывающими лексику определенной территории, однако должен отличаться от них и по составу словника, и по структуре словарных статей.

Описание понятия в таком словаре должно включать основные семантические зоны, или идеографические классы: «Название группы людей», «Название мужчины», «Название женщины», «Обозначение принадлежности», «Обозначение характеристики», «Обозначение способа действия», «Антропоним», «Топоним», «Сочетания с отэтнонимным прилагательным». При такой подаче материала легко прослеживаются связи не только между репрезентантами, составляющими одно понятие, но и между лексемами, находящимися в разных статьях, но представляющих одну семантическую зону.

Каждая словарная статья состоит из нескольких частей:

1. *Заглавное слово* – название этноса в форме именительного падежа множественного числа дается полужирным шрифтом, прописными буквами: **БАШКИРЫ**.

2. *Толкование значения*, следующее за заглавным словом, представлено развернутыми дефинициями, в которых может описываться языковая принадлежность этноса, его самоназвание, основная этническая территория и т.д.

3. *Название идеографического класса* дается шрифтом с подчеркивание в отдельной строке: Название группы людей.

4. Этнические имена, представленные в текстах произведений, приводятся полужирным курсивом: *башкирцы, башкиры*.

5. Каждое название иллюстрируется примерами из текстов.

6. После каждого текста в скобках указано название источника, в котором зафиксирована та или иная лексема.

Приведем пример словарной статьи данного словаря, посвященной этнонимы «удмурты».

УДМУРТЫ. Название представителей одного из финно-угорских народов, говорящего на удмуртском языке. Старое название – вотяки, отяки.

Название группы людей.

Деловой курсив XVI–XVIII вв. Вотяки, отяки: «...приходил Пельмский князь Кихек, с 700 человек, с мурзой Сибирския земли, с Сылвинскими и Иренскими татары, вогуличи, вотяки и башкирцы и новья Строгановския поселения разорил по р. Каме и сжег много деревень» [Ш I: 98]; «Извет чепецких отяков Бегенейка Люпина, Келдейка Баженова на воровских людей в грабежу» [СПП: 3: 146].

Деловой дискурс XXI в. Удмурты: «Данную группу народов представляют не только русские, татары, башкиры, белорусы, украинцы, удмурты...» [КЦП: 12].

Научный дискурс XIX в. Вотяки: «Хлеб закупается для них в окрестных селениях в Русских крестьян, Татар, Бешкирцов, Вотяков и Черемис» [Попов 1803: 337].

Научный дискурс XX в. Удмурты: «В последнее время обнаружены и памятники южных удмуртов» [Оборин 1990: 45].

Научный дискурс XXI в. Удмурты: «Русские соприкоснулись с удмуртами на юго-западе» [Полякова 2004: 9].

Диалектный дискурс XX в. Вотяки: «Вотяки они же ведь ваши соседи, около Глазова да што ети вотяки»; «Раньше называлась Вятская губерния, оттуда приходили вотяки»; «Вотяки они тоже наверно зыряна, наверно, вотяк – и те, и другие»; «В Коми-Пермяцком округе называют людей вотяками» [Акчим].

Художественный дискурс XXI в. Вотяки, удмурты: «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» [Турова 2007: 225]; «Удмурты на Чусовой не водились: река принадлежала народам коми и манси» [Иванов 2007: 124].

Публицистический дискурс XXI в. Удмурты: «По итогам переписи 2002 г. заметно убавилось численно не только русское население, но все коренные народы Прикамья: удмурты, марийцы, татары, башкиры, чувашаи» [ПН: 21.03.08].

Название мужчины.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Вотяк: «А на карем мерине поехал было де он Данилко на Тулву, и наехал в деревне Елкибаеве у вотяка у Мулки Тетюкова Васка Горбуна з братом Миткою с воровскими ж с тремя лошадами» [КА: 244].

Диалектный дискурс XX в. Удмур: «Он удмур был какой-то» [Акчим].

Название жунщины.

Художественный дискурс XXI в. Вотячка: «Видно, эта полоумная вотячка для избавления от мести обиженных богов опять зарезала жертвенную курицу» [Турова 2007: 196].

Обозначение принадлежности.

Научный дискурс XXI в. Удмуртский: «В 1673 г. жители удмуртских деревень Кирга, Гондырь, Барабан заключили договор о «припуске» с башкирами Уранской волости» [Этнический мир 2003: 16].

Художественный дискурс XXI в. Удмуртский: «Но это перевод с удмуртского» [Иванов 2007: 124].

Обозначение характеристики.

Диалектный дискурс XX в. Вотяк: «Ето которой по-русски говорить как следует не может, вот и вотяк» [Акчим]. Собир. воть – шутил. И бранно «дурак, разиня, болван» – Перм., Даль [СРНГ 5: 164]. Поговорка: «Вотяки – бурлаки» [Акчим].

Антропоним.

Деловой дискурс XVI–XVIII вв. Прозвище Вотин: «Крестьянин д. Нижняя Коса Кондратко Вотин» [СПФ 1997: 54]. Фамилии Вотиев, Вотинов, Вотин, Вотиновых, Отев: «Послана в Москву челобитная о том, «что боярский сын Измаил Вотиев емлет много венчальных денег с Верзотурских разных чинов людей» [Ш 3: 73]; «Крестьянин д. Мельничная Дуброва на р. Шенве Ивашко Осипов сын Вотинов» [СПФ 1997: 55]; «Житель с. Таборское Иван Вотиных» [СПФ 2005: 87]; «Крестьянин деревни Мельнишная Дуброва на речке Шенае Лучка Иванов сын Вотиновых» [СПФ 2005: 87]; «Крестьянин с. Троицкое Иван Отев» [СПФ 2005: 276].

Научный дискурс XX в. Фамилии Вотинов, Вотяков, Отинов: «Фамилия распространена в Оханском, Нытвенском, Карагайском районах. В 1647 г. в оханских деревнях Ближняя и Мельничная Дуброва жили Гришка и Ивашко Осиповы дети Вотиновы. От них пошли оханские и нытвенские Вотиновы. У Карагайских иное происхождение: в 1623–1624 гг. на реке Обве в погосте Верхний Рождественский жил их предок – Микифорко Степанов сын Вотинов» [1991: 191]; «Фамилия встречается в Соликамском, Оханском и Сивинском районах. На Соликамской земле Вотяковы известны с 1711 г. Тогда в починке Тюлинский жил Иван Марков сын Вотяков» [Шумилов 1991: 191]; «Фамилия встречается в Карагайском районе. Отиновы упоминаются здесь с 1760 г. Отин (вотин) – прежнее название удмурта» [Шумилов 1991: 237].

Топоним.

Деловой дискурс XIX в. Ойконимы: Вотинова (Ох., Сол., 1875), Вотова (Сол., 1875), Вотяки (Перм., Ос., 1875), Вотякова (Перм., Ох., Сол., 1875), Вотянова (Сол., 1875), Воцкова (Черд., 1875).

Научный дискурс XIX в. Деревни Вотцкая, Отева: «В Чердынском уезде находились следующие деревни... в Около-городном стане... дер. Вотцкая, на роднике» [Ш 1: 83]; «Богородское, у р. Кудва, что деревня Отева» [Ш 5(3): 589]. Погост Вотцкий: «Да за Вотцким погостом на Зяйбе перелогу шесть четей» [Ш 1: 89]. Село Отевское: «Барону Сергею Григорьевичу в 1747 г. достались вотчины и села Орловского приказа: Слудское... Егвинское... Отевское» [Ш 4: 181].

Деловой дискурс XX в. Ойконимы: Вотякова (Сол., 1904), Вотяки (Перм., Ох., 1904), Вотяков (Кунг., 1904), Вотцкова (Черд., 1904), Вотев (Ох., 1904), Вотинова (Сол., 1904), Вотинов (Куд., 1928), Вотинова (Куд., 1928), Вотцково (Черд., 1928), Вотяки (Бер., Сол., 1928), Вотякова (Куд., Юсьв., 1928), Вотева (Перм., 1928), Вотинова (Перм., 1928), Вотяки (Перм., 1928), Вотякова (Перм., 1928), Вотячки (Перм., 1928), Вотинов (Коми-Перм., 1928), Вотинова (Коми-Перм., 1928), Вотякова (Коми-Перм., 1928), Вотцково (Верх., 1928), Вотяки (Верх., 1928), Вотяково (Юсьв., 1993), Удмурт-Шагирт (Куед., 1993).

Научный дискурс XX в. Деревня Вотцкова: «Вотцкова Анисимовской волости на р. Кемзелке, притоке Колва» [Кривошеков 1910: 93].

Научный дискурс XXI в. Село Отево: «В день памяти 19 июля святого Серафима Саровского, почитание которого Русской Православной Церковью началось совсем недавно, В.П. Налимов оказался в с. Отево» [Чагин 2002: 109].

Художественный дискурс XXI в. Ороним Вотяцкая гора: «Тятя и сказывал потом про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – мольельна гора у вотяков» [Туровп 2007: 167].

Эргоним.

Деловой дискурс XX в. Пермская региональная общественная организация «Удмуртский культурный центр Пермского края» [САГПК].

Таким образом, репрезентация этнонимического материала в региональном словаре подобного типа позволяет не только получить представление об отдельных этнонимах, но и выстроить целостную систему, в которой значимыми оказываются не только сами этнонаименования, но прежде всего связи и отношения между ними.

Литература и источники

Сироткина Т.А. Категория этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012.

Толстая С.М. Слово в контексте народно культуры // Язык как средство трансляции культуры. Москва: Наука, 2000. С. 24–48.

Шведова Н.Ю. Из второй части «Предисловия» к 21-му изданию «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (М., 1989) // Отечественные лексикографы: XVIII–XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. Москва: Наука, 2000. С. 3–23.

**«СЛОВАРЬ ГЕО- И БИОЛЕКСИКИ УРАЛА»
КАК ТИП СВОДНОГО ДИАЛЕКТНОГО ОБЛАСТНОГО
ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ**

О.А. Теуш

*Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, olga.teush@yandex.ru*

Аннотация. В статье освещаются принципы составления сводного диалектного словаря – «Словаря гео- и биолексик Урала». Представляемый к изданию проект вписывается в существующую лексикографическую традицию, характеризуется состав словника, описываются способы построения словарных статей по отношению к различным типам включаемых в словарь лексем.

Ключевые слова: Урал; региональная культура; лексика; этимология; словарь

**THE «DICTIONARY OF GEO- AND BIOLEXICS
OF THE URALS» AS A TYPE OF CONSOLIDATED DIALECT
REGIONAL THEMATIC DICTIONARY**

O.A. Teush

*Ural Federal University named after The First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The article highlights the principles of compiling a consolidated dialect dictionary – the “Dictionary of geo- and Biolexics of the Urals”. The project submitted for publication fits into the existing lexicographic tradition, the composition of the dictionary is characterized, the ways of constructing dictionary entries in relation to various types of lexemes included in the dictionary are described.

Keywords: Ural, regional culture, lexic, etymology, vocabulary

Урал является российским горнопромышленным районом. Новгородское освоение Урала начинается с XI века, с XV века – московское. Географически регион представляет собой горно-равнинную зону. Рельеф имеет сложный характер: горные хребты, холмисто-увалистые предгорья переходят в предгорные, а далее в волнистые равнины. Климат считается избыточно влажным. Урал имеет густую сеть рек, многочисленные озера, изобилующие ценными промысловыми рыбами (насчитывается более 100 видов), и обширные болота. Типы растительности обусловлены географической и климатической спецификой региона. Основной вид растительности – таежные хвойные леса, которые

в южной зоне сменяются островными осиново-березовыми. На севере расположен пояс горных тундр, на юге – лесостепи. Растительные ресурсы разнообразны: ореховые кустарники, лекарственные травы, ягоды, грибы. Пойменные и растительные луга используются как пастбища и сенокосы. Животный мир определяется климатическими условиями: преобладают представители таежной фауны: ценные пушные звери, копытные, более 300 видов птиц.

Лексика говоров Урала исследуется в русской науке с середины 20 в. С 1945 г. преподаватели кафедры русского языка Уральского университета и студенты филологического факультета приступили к сбору диалектного материала Уральской географической зоны. Экспедиционные материалы составили основу словарной картотеки, которая далее ежегодно пополнялась. На базе представленных в картотеке материалов с 1964 г. издавался «Словарь русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ]. Последний (седьмой) том словаря был опубликован в 1988 г. Однако в годы издания словаря экспедиционные работы не прекращались. Обширные новые материалы были обработаны лексикографически и опубликованы в 1996 г. в виде обширного тома дополнений [СРГСУ-Д]. Сбор уральской лексики с 50-х годов XX в. проводился также сотрудниками кафедры русского языка Пермского педагогического университета. Собранные материалы послужили основой двухтомного «Словаря пермских говоров» (Пермь, 2000, 2002) [СПГ]. Помимо этих фундаментальных словарей уральская лексикография представлена также тематическими словарями: «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» (Пермь, 2007) [СГТПК], «Охотничий словарь Прикамья» (Усолье, 2018) [ОСП], «Рыболовный словарь Прикамья» (Санкт-Петербург, 2013) [РСП].

Словарь географической и биологической лексики Урала [СГБУ], составленный автором статьи преимущественно по материалам, полученным в результате полевых сборов, может серьезно обогатить наши представления о географической и биологической терминологии Урала, тем более что объем словника достаточно велик.

По своему типу «Словарь гео- и биолексик Урала» [СГБУ] относится к тематическим диалектным словарям. В словаре представлены лексические, семантические, словообразовательные и фонематические диалектизмы с географической и биологической

семантикой, а также диалектные фразеологизмы, в состав которых входит географическая и биологическая лексика. Каждое слово рассматривается в отдельной статье. Номинативные сочетания и фразеологизмы подаются отдельными словарными статьями, если не содержат диалектных слов. Если в состав фразеологизма входит диалектное слово, он включается в словарную статью на это слово (при многозначности диалектного слова – под соответствующим значением или в качестве самостоятельного значения) после знака ◊.

В словаре строго выдерживается алфавитный порядок. Количество помет ограничено: грамматические и стилистические пометы даются только в тех случаях, когда их отсутствие препятствует адекватному восприятию или толкованию лексемы. Слово сопровождается указанием ударения.

Словарная статья состоит из следующих компонентов.

1. Заглавное слово в орфографическом написании, с обозначением ударения.

2. Характеризующие слово грамматические, семантические и стилистические пометы (если они необходимы).

3. Толкование значения слова. Используются как дефиниции-описания, так и толкования через литературные (в том числе имеющие помету «разг.») синонимы. Если наиболее точным эквивалентом является просторечное слово, оно также может быть использовано при толковании, но при этом заключается в кавычки.

При полной тождественности значений используются отсылочные толкования «то же, что», при этом основная статья составляется на ближайшее к этимону, исходное в словообразовательном отношении или наиболее распространенное слово.

При наличии полисемии значения даются в статье под номерами (1, 2 и т. д.) в соответствии с логикой развития значений (насколько она может быть установлена). Если дефиниции словарных источников представляют собой варианты формулировки одного и того же значения, то они подаются через знак //. Омонимы выделяются в отдельные словарные статьи.

4. Географические пометы. Приводятся отдельно по регионам по схеме: *Ср.-Ур.: сокращенные названия районов Среднего Урала, в которых зафиксировано слово; Перм.: сокращенные названия районов Пермской области, в которых зафиксировано слово* и т. д. Названия районов подаются в алфавитном порядке.

5. Указание на источник помещается в прямоугольные скобки. Ниже приводятся образцы словарных статей [СГБУ].

1. Статья на однозначное слово.

Ка́мпа. Бугор с полостью внутри. Ср.-Ур.: Гар. [СРГСУ Д, 225].

2. Статья на однозначное слово, включающая отсылку на производящее.

Кампа́ч. Участок леса, в котором находятся кампы (см. *ка́мпа*). Ср.-Ур.: Гар. [СРГСУ Д, 225].

3. Статья на однозначное слово, зафиксированное в различных лексикографических источниках и имеющее варианты формулировки одного и того же значения.

Расчи́сть. Место, где лес вырублен и выкорчеван под посев. Перм.: Сол. [СПГ 2, 300]. // Место в лесу, где вырублен или выжжен лес под пашню. Перм.: Лысьв., Сол., Юсьв. [СГТПК, 342]. // Угодье, расчищенное от леса и кустарника под пашню или луг. Перм. [МСГТПШ, 40].

4. Статья на многозначное слово.

Образец 1 [СГБУ].

Криву́ля. 1. Крутой поворот реки, дороги. Перм.: Сол. [СПГ 1, 438].

2. Изгиб, поворот русла реки. Перм.: Краснов., Краснок., Сол., Черд. [СГТПК, 174-175].

3. Луг, окруженный изгибом реки. Перм.: Сол. [СГТПК, 175].

Образец 2 [СГБУ].

Стре́лка. 1. Мыс между рекой и ее притоком или между двумя сходящимися оврагами. Перм.: Караг., Нытв., Пермск. [СГТПК, 365].

2. Длинный, сужающийся участок леса. Перм.: Кунг. [СГТПК, 365].

3. Постепенно сужающееся ответвление от основного лога. Перм.: Ос. [СГТПК, 365].

Логика подачи значений в данном случае определяется частотностью.

5. Статьи на этимологические омонимы.

Образец 1 [СГБУ].

Пас'. Пастбище. Ср.-Ур.: Байк. [СРГСУ Д, 393].

Является дериватом глагола *пасті'* 'следить за стадом, пасущимися животными' праславянского происхождения (< праслав. **pasti*) [ТСРЯ, 616].

*Пас*². Знак принадлежности ловушки, места лова тому или иному охотнику. Перм.: Черд. [ОСП, 204].

Займствовано из коми *нас* 'цель, знак, метка, клеймо, бирка' общепермского происхождения (< общеп. **pās(k)-*) [КЭСК, 217].

Образец 2 [СГБУ].

*Чурок*¹. Утка чирок. Перм.: Краснов. [ОСП, 273].

Как и литер. *чирок* 'речная водоплавающая птица сем. утиных' [ТСРЯ, 1093] наряду с укр. *чирка*, блр. *чырок*, чеш. *čírka*, н.-луж. *surka* имеет звукоподражательное происхождение, ср. русск. *чирикать* 'о некоторых птицах: издавать высокие частые звуки, щебетать' [ТСРЯ, 1093]. Колебание вокализма (*u/y*) в позиции после *ч'* в слове с неясной внутренней формой типично для русских диалектов.

*Чурок*². Скалистая гора, скала, обычно на берегу реки. Перм.: Краснов. [СГТПК, 402].

Займствовано из коми *чурк* 'бугор, возвышающееся неровное место' (< общекоми **c'urk*) [КЭСК, 314]. Этимология предложена А. К. Матвеевым [Матвеев 1986, 65-66].

Образец 3 [СГБУ].

*Ярка*¹. 1. Молодая овца. Перм.: Уинск. [СПГ 2, 573].

2. Овечья шерсть второй стрижки. Перм.: Сол. [СПГ 2, 573].

Праславянского происхождения: < **jarьka*, производному от **jaro* 'весна' (ср. др.-русс. *ярый* 'весенний') [ТСРЯ, 1136].

*Ярка*². Омут, водоворот, быстрина, вымывающая на дне реки яму. Ср.-Ур.: Кр.-Уф. [СРГСУ 7, 72].

Образовано от *ярый* 'ничем не сдерживаемый, неукротимый' (< праслав. **jarь* [ТСРЯ, 1137], < и.-е. **i̯ōros* 'пылкий', 'порывистый', 'стремительный' [Черных 2, 473]).

В настоящий момент работы по составлению «Словаря гео- и биолексика Урала» [СГБУ] полностью завершены. Рукопись подготовлена к изданию.

Литература и источники

Словари и источники (с используемыми сокращениями)

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970. 431 с.

МСГТПП – Полякова Е.Н. Материалы к словарю географических пермских памятников XVII века. Пермь, 1972. 47 с.

ОСП – Охотный словарь Прикамья. / И.А. Подюков (науч. ред.), А.М. Белявин, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Усолье, 2018. 284 с.

РСР – Рыболовный словарь Прикамья / М.А. Бакланов [и др.; науч. ред. И.А. Подюков]. Санкт-Петербург, 2013. 216 с.

СГБУ – Теуш О.А. Словарь гео- и биолексик Урала. Рукопись. 562 с.

СГТПК – Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 420 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.

СРГСУ Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. Дополнения. Свердловск, 1996. 580 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва, 2008. 1175 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. Т. 1–2. Москва, 1994.

Исследования

Матвеев А.К. К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 58-68.

Сокращения

1. Географические названия

Байк. – Байкаловский район Свердловской области

Гар. – Гаринский район Свердловской области

Караг. – Карагайский район Пермской области

Краснов. – Красновишерский район Пермской области

Краснок. – г. Краснокамск Пермской области

Кр.-Уф. – Красноуфимский район Свердловской области

Кунг. – Кунгурский район Пермской области

Лысьв. – Лысьвенский район Пермской области

Нытв. – Нытвенский район Пермской области

Ос. – Осинский район Пермской области

Перм. – Пермская область

Пермск. – Пермский район Пермской области

Сол. – Соликамский район Пермской области

Ср.-Ур. – Средний Урал

Уинск. – Уинский район Пермской области

Черд. – Чердынский район Пермской области

Юсьв. – Юсьвинский район Пермской области

2. Языки и диалекты

блр. – белорусский язык

др.-русс. – древнерусский язык

и.-е. – индоевропейский праязык

н.-луж. – нижнелужицкий язык

общеп. – общепермский праязык

праслав. – праславянский язык

русск. – русский язык

укр. – украинский язык

чеш. – чешский язык

3. Прочие.

в. – век

г. – год

литер. – литературное

разг. – разговорное

Раздел III

*ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ*

В.И. ДАЛЬ «ОТВЕТ НА ПРИГОВОР»: ВЗГЛЯД ПОТОМКА

Л.А. Климкова

Арзамас, Россия, *dialekt arz@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются положения развёрнутого ответа В.И. Даля на замечания-обвинения рецензента «Толкового словаря живого великорусского языка», доказываются правота реакции на них автора Словаря. Подчеркивается объективность материалов Словаря, в том числе на базе сопоставительного анализа нижегородской лексики. Через полтора столетия после смерти В.И. Даля актуализируется роль его подвижнической жизни и труда, его Словаря как предтечи активной собирательской и лексикографической деятельности огромной армии исследователей русских народных говоров в XX–XXI веках.

Ключевые слова: Владимир Иванович Даль; Словарь; рецензия; лексикография; объективность; подвижничество.

V.I. DAHL "THE ANSWER TO THE VERDICT": THE DESCENDANT'S VIEW

L.A. Klimkova

Arzamas, Russia

Abstract. The provisions of the detailed response of V.I. Dahl to the comments and accusations of the reviewer of the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language" are considered, the correctness of the reaction of the author of the Dictionary to them is proved. The objectivity of the Dictionary materials is emphasized, including as the basis the comparative analysis of Nizhny Novgorod vocabulary. A century and a half after the death of V.I. Dahl, the article actualizes the role of his ascetic life and work, his Dictionary as the forerunner of the active collecting and lexicographic activity of a huge army of researchers of Russian folk dialects in the XX–XXI centuries.

Keywords: Vladimir Ivanovich Dahl; Dictionary; review; lexicography; objectivity; asceticism

Владимиру Ивановичу Далю, известному деятелю отечественной культуры, в прошлом году исполнилось 220 лет, в сентябре этого года – 150 лет со дня его смерти, 156 лет его основному труду, его детищу – «Толковому словарю живого великорусского языка» (I–IV тт., 1863–1866 гг.). Его исключительная значимость многократно обсуждена, подтверждена [см., например: Бабкин 1955: V]. Действительно, дело всей подвижнической жизни В.И. Даля – Словарь – является памятником русской культуры многомерного мирового значения – лексикографическим, языковым, речевым, этнографическим, фольклорным, литературным (филологическим). [см., например: Климкова 2001а: 56–61]. Значимость этого труда со всей

очевидностью выявилась через многие десятилетия. Во времена же Даля не все из ученого сообщества увидели уникальность Словаря. В связи с этим мы хотим обратить внимание на небольшую, но очень важную статью Владимира Ивановича «Ответ на приговор», обозначенную в нашем библиониме. О ней тоже известно, к ней можно обнаружить неоднократные обращения, в том числе в интернет-материалах. Наша задача здесь состоит в актуализации некоторых положений этой статьи. Она посвящена ответу на замечания, обвинения (*приговор*, по Далю), содержащиеся в рецензии Этнографического Отделения Русского Географического общества на «Толковый словарь живого великорусского языка» в связи с награждением его Константиновской золотой медалью. Причем это ответ на обвинение не только конкретного рецензента, А.Н. Пыпина, но и на один «темный и безымянный намек в том же духе, сделанный одним из г.г. академиков» [Даль 1955 I: LXXXVI; все цитаты из статьи даются по этому изданию].

Смысл обвинения состоит в том, что необщепотребительные слова должны были быть помещены «в словарь не иначе, как с оговоркою, где именно и кем они сообщены составителю, <...> в противном случае нареkanie на г. Даля, что он помещает в словарь народного языка слова и речи, противные его духу и, следовательно, по-видимому, вымышленные или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства». Даль опровергает это замечание-обвинение, доказывает невозможность выполнения требования рецензента, именно указания при каждом слове, где и от кого оно услышано, записано. В данном случае Даль прав, считая достаточным обозначение территории функционирования слова через название губернии. (Кстати, тот же принцип реализован и в сводном словаре русских народных говоров). Даль приводит аргументы и относительно включения в Словарь производных слов как членов словообразовательных гнезд, не подвергавшихся лексикографической фиксации, при этом он апеллирует к русским словообразовательным законам, к деривационному потенциалу слов, в частности глаголов.

В рассматриваемой рецензии, помимо замечания-рекомендации относительно подачи материала в Словаре, есть и обвинение Даля в том, что он часто помещает вымышленные слова, при этом в качестве доказательства приведены три слова – дефиниции лексем *гармония – соглас*, *гимнастика – локосилие*, *автомат – жи-вуля* (и, как сказано у Даля, «при последнем слове [разборщик] ставит два знака удивленья»). Все мы об этом факте, безусловно, знаем и вспоминаем сейчас о нём в порядке актуализации. Здесь,

конечно, бросается в глаза количественная несоразмерность: *три слова – часто*. В.И. Даль разбирает эти слова, показывая, что слова *соглас* и *живуля* вовсе не выдуманы им, а взяты «в народе» и приводит убедительные ситуации и примеры их употребления. И лишь слово *ловкосилие* признает созданным самим, но оно, говоря словами В.И. Даля, «поставлено только как объяснительное при слове *гимнастика*, и при том также с вопросительным знаком». Даль прав в своем утверждении, что у него нет ни одного выдуманного слова в качестве леммы (или, как у него, – «в красной строке»), слова объясняемого; «в толкованиях могут попадаться, хотя весьма редко, слова, не бывшие доселе в обиходе». Примечательно признание Даля, что он сам знает за своим словарем «более недостатков, чем кто-либо», но тот, в котором обвинил его рецензент, считает навязываемым.

Названная статья В.И. Даля примечательна во многих отношениях. Кроме уже рассмотренных аспектов, в ней авторское признание работы над Словарем делом всей своей жизни, необыкновенной трудоёмкости; проявляется необыкновенная скромность В.И. Даля в оценке своего Словаря в связи с его награждением. Нельзя не почувствовать непомерную горечь В.И. Даля от несправедливого обвинения, когда, говоря опять же его словами, «труд целой жизни человека поносится одним легкомысленно кинутым словом», причем горечь сопряжена с надеждой на то, что со временем предъявленное обвинение, «крайне тяжкий приговор» вскроется как напраслина, и даже с уверенностью в этом. И мы, его потомки, видим, как прав он был в своем предвиденье. Надежды В.И. Даля на понимание его труда потомками оправдались. Время подтвердило правоту составителя Словаря, потомки воздали и воздают должное ему и его труду, признав непреходящее значение Словаря как результата титанического, подвижнического труда. Значимость его трудно переоценить: в одиночку собрать более 80 тысяч только областных слов, лексикографически обработать около 220 тысяч слов, включив около 30 тысяч фразеологизмов, паремий, причем искусно, обнаружив необыкновенное богатство, говоря современным термином, своей языковой личности, своей языковой картины мира; возьмём в качестве аргумента хотя бы его способ толкования слов – объемными синонимическими рядами, а также гнездовой способ расположения слов.

Ключевое слово здесь – *в одиночку*. XIX век – это время собирательской и лексикографической деятельности именно одиночек, назовем здесь ещё словари И.И. Срезневского (1852 г.), А.И. Подвысоцкого (1855), Г.И. Куликовского (1898); в начале XX века – Н.М. Васнецова (1907), В.Н. Добровольского (1914). Далев Словарь

выделяется своей полидиалектностью, объемом, способом организации материала, типом дефиниций, характером иллюстративной зоны. Именно труд В.И. Даля является предтечей активной собирательской и лексикографической деятельности в нашей стране в XX–XXI вв., причем уже не одиночками, а целой армией исследователей, филологических коллективами в виде многочисленных экспедиций, которые (наряду с индивидуальными обследованиями) своими собранными материалами подтвердили и продолжают подтверждать правоту Даля, касающуюся ответа на обвинение, и объективность его Словаря.

В XX веке диалектологическая работа в нашей стране прошла ряд этапов: деятельность МДК, сбор материалов по линии лингвогеографии в связи с подготовкой диалектологических карт 1915 и 1965 гг., составлением атласов – Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), региональных атласов, с 80-х гг. – Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ).

Во второй половине XX века активизировалась лексикографическая работа – составление диалектных словарей разных территорий, причем словарей разных типов. Разработана типология диалектных словарей: дифференциальные, полудифференциальные, недифференциальные; общие (сводные, полидиалектные), региональные, однодиалектные (монодиалектные), идиолектные (отдельной языковой личности); общие (толковые), аспектные: идеографические, тематические, фразеологические, системных отношений (синонимические, антонимические и др.), синхронические, диахронические (исторические, с историческими данными, этимологические), мотивационные, инверсионные (обратные) и др. (См. об этом, в том числе перечень словарей: [Козырев, Черняк 2004: 215–235]). К диалектным словарям примыкают региональные онимические – словари микропонимов и микроантропонимов – диалектоонимические (см. термин *диалектоним*, предложенный Н.К. Фроловым).

Особое место в богатой отечественной диалектной лексикографии занимает сводный Словарь русских народных говоров (СРНГ). В его словарные статьи включены отсылки к Словарю В.И. Даля. И вообще ни один диалектолог-сборатель не обходится без оглядки на Далев Словарь. Интерпретация же диалектных материалов ни одной российской территории не обходится без обращения к нему в сравнительно-сопоставительном аспекте. На «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля как своеобразной отправной точке для диалектной лексикографии XX–XXI вв. воспитана

огромная армия собирателей и интерпретаторов диалектной лексики. Диалектологическая работа в XX веке выявила, выдвинула многих талантливых подвижников, последователей В.И. Даля. К их числу относится и Александр Вячеславович Громов, в честь которого организованы очередные научные чтения.

Объективность Далева Словаря многократно доказана. Это мы можем подтвердить, в частности, и на нижегородской лексике как материале издающегося Диалектного словаря Нижегородской области (ДСНО) и всей его картотеки в ННГУ и Арзамасском филиале ННГУ. Сопоставление ее с той, что зафиксирована Далем с пометой *ниж.*, свидетельствует о ее действительном бытовании и в XIX, и в XX–XXI вв. Более того, в современных нижегородских говорах функционирует и лексика, включенная Далем в Словарь с другими пометами, в том числе и в вариантах. Приведем некоторые примеры из очень многих, сохранив в основном форму подачи их в обоих словарях: **бякать, бякнуть** *пен. смб.* бухать, бросать, ронять со стуком, грохотом; // кур. делать что дурно, грубо; // бляеть по-овечьи, кричать *бя, бе.* // Вякать, говорить или читать вяло, невнятно, мямлить. **Бякаться, бякнуться** *тмб. пен. сиб.* бухаться, хлопаться, чебурахаться, падать сильно или с шумом, с размаху [Даль 1955 I: 159] – **бякнуть**. Ударить, стукнуть <...> Ср.: ботнуть, брызнуть, буздануть, бузнуть, взвесить, гвазнуть, ёркнуть, жегонуть, жогнуть, зикнуть, катнуть, кокнуть, лопнуть, ляпнуть, мазнуть, одеть, ожечь, причастить, просечь, пынснуть, ряснуть, сарапнуть, сбрушить, туркнуть, тюзнуть, тяпнуть, хезнуть, хрянуть, швархнуть, шибануть, шоркнуть. // Экспр. Ударить (о болезни). <...> **бякнутьсяя**. 1. Нейтр. Упасть. <...> Ср.: баскнутьсяя, ботнутьсяя, бячнутьсяя, тенькнутьсяя, хлобснутьсяя. 2. Увязнуть [?] <...> Ср.: влындитьсяя, влюкатьсяя, влюхатьсяя, втиснутьсяя, втюритьсяя, вчуляшитьсяя, затепашитьсяя, обрюхнутьсяя [ДСНО 2014, 2: 37]; **базанить, базланить, базлать, базонить** *твр. влгд. прм. сиб., базлить* *влд.* кричать, шумно и громко распоряжаться, орать, горланить, гъркать *вор.* громко взывать; реветь, плакать, вопить, выть; **базанить, базинить, базикать** и *юж. зап. базюкать* калякать, болтать, беседовать. <...> **Базлю** *ниж.* хайло, пасть, горло; // *прм.* горлан, горлопай, горлодер <...> [Даль 1955 I: 37] – **базанить**. 1. Громко говорить. <...> Ср.: араговать, базарить, бачить, голчать, горланить, зевать, лаять. // Передразнивать. <...> Ср.: передразнивать, страшить. 2. Плакать, рыдать. <...> Ср.: базылить, базынить, блажить, бучить, верещать, вопить, всечить, вячить, зевать, калякать, размокнуть, рёветь, ревить, слезить, смачивать подушки; **базлать**. 1. Разговаривать, болтать, пустословить. <...>

Ср.: бабалюдить, бакулить, балбалить, балесить, балясить, балясничать, барбарыкать, батакать, батарить, бать, бахарить, бачить, баять, валять, выговаривать, голчать, ерготать, калякать, кулястить, кырлыкать, лапотать, лясничать, мольть, мотыжить, трубачить, шевокать. 2. Кричать. <...> Ср.: булгачить, буторить, драть рот, зевать, зепать, зухать, кумкать, рыкать, рывкать. **Базло**. 1. Плохая одежда. <...> Ср.: дерюга, ремки, ремушки, руно, шебел, шеблишко, шеблы, шмутъё, шоболы, шобоны, шобоньи. 2. Презр. Рот. <...> Ср.: ад, кадык [ДСНО 2013, 1: 51, 52] и мн. др.

Видами соотнесенности нижегородских единиц в названных источниках являются: абсолютное совпадение хотя бы в одном значении (с различием типа, вида дефиниций), совпадение с определенными семными различиями. Ср.: **бастыльник** *ниж.* сорная крупная трава, бурьян [Даль 1955 I: 53] – **бастыльник** (**батыльник**, **бастырник**). 1. То же, что **бастыл**. Собр. Крупная сорная трава. <...> 2. Сухие стебли травянистых растений. <...> 3. Болотное растение [ДСНО 2013, 1: 82]; **ба́нный**, **ба́нник**, **ба́йник**, **ба́инник**, **ба́енник** особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане; пар выживает его временно, а в нетопленной он живет всегда; он не любит родильниц, которых однако, по тесноте в избе, всегда выводят в баню; но их там нельзя покидать одних [Даль 1955 I: 45] – **ба́нник**. 3. Мифологический персонаж, обитающий в бане. <...> [ДСНО 2013, 1: 69]; **бут** *ниж.-арз.* слепень, овод [Даль 1955 I: 146] – **бут**. Слепень (коровий). <...> Ср.: острог, серыш, хребтовик, шлепень [ДСНО 2014, 2: 27]. Есть и несоотносительные в названном ракурсе единицы, в том числе в социально-историческом плане, типа: **безвы́тный** *мужик* *ниж.*, *прм.* нетяглый, безтягольный, у которого нет земли и который не платит податей; // слабосильный, маломочный, который мало ест, на которого не нужно пая, доли, пищи, выги [Даль 1955 I: 59]. **Безгу́мённый**, **безгу́менный** *хозяин* *ниж.* плохой крестьянин, дурной хозяин, у которого ни гумна, ни хлеба [Даль 1955 I: 60].

Приведенные и многие-многие другие слова, функционирующие в современных нижегородских говорах и зафиксированные в ДСНО, по сравнению с соответствующими материалами Далева Словаря отличаются характером, типом дериваций, семантическим объемом в целом и объемом эпидигм, во многих случаях значительным (и, естественно, речевой реализацией – иллюстративной зоной в словарных статьях, которые мы сознательно опустили в приведенных примерах), составом и оформлением синонимических рядов к толкуемым единицам, диапазоном функционирования. Все эти

и подобные номенклатурные, семантические, парадигматические, синтагматические, ареальные особенности, отличия являются результатом как более детального обследования говоров, так и естественных диахронических процессов. Объективность же самого лексического диалектного материала, прежде всего лексем-вокабул (лемм), в Словаре Даля не вызывает никаких сомнений.

Роль, значимость труда В.И. Даля не померкла и через полтора столетия после его ухода из жизни. Потомки помнят и чтят его. Личность Даля, его подвижническая жизнь, труд в целом и основной труд – Словарь – имеют мощный воспитательный потенциал. Словарь В.И. Даля – уникальный памятник русской культуры, имеющий непреходящее мировое значение [см., в частности: Климкова 2001а: 56–61; 2001б: 59–63]. Скажем вслед за В.В. Виноградовым: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком». Вот в этом духе и надо образовывать наше молодое поколение. Жизнь В.И. Даля, его подвижническая деятельность – это образец служения делу, Родине – патриотизма.

Литература и источники

Бабкин А.М. Толковый словарь В.И. Даля // В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. С. III–X.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Даль В.И. Ответ на приговор // В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. С. LXXXVI–LXXXVIII.

ДСНО – Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1–3. Нижний Новгород: Изд. Нижегородского госуниверситета, 2013, 2014, 2021.

Климкова Л.А. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как памятник культуры русского народа // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: Язык – словесность – самосознание – культура: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2 ч. Ч. 1. Иваново: ИГУ, 2001. (Климкова 2001а).

Климкова Л.А. Параметры «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля // Владимир Даль и современная филология: материалы международной научной конференции 22–23 ноября 2001. В 2 т. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ, 2001. (Климкова 2001б)

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. Москва: Дрофа, 2004. 288 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ САМАРСКИХ ГОВОРОВ

Т.Е. Баженова

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия, bazhenova@pgsga.ru*

Аннотация. Тематическое описание слов, содержащих характеристику человека, выполнено на материале словаря самарских говоров. Обращается внимание на состав групп антропоморфной лексики с высокой номинативной плотностью. Делается вывод о том, что в лексике самарских говоров особую значимость имеют такие оценочные характеристики человека, как отличительные признаки внешности, отношение к нормам нравственности и поведения, к труду и собственности, а также склонности и привычки, характер и эмоциональное состояние, умственные способности и др. Эти характеристики являются региональным вариантом традиционной модели идеального человека в русском национальном мировидении.

Ключевые слова: самарские говоры; словарь; человек; диалектная языковая картина мира; диалектное слово; лексическая группа

CHARACTERISTICS OF A PERSON BY LEXICAL MEANS OF SAMARA DIALECTS

T.E. Bazhenova

Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia

Abstract. The thematic description of words containing a characteristic of a person is made on the material of the dictionary of Samara dialects. The article deals with the composition of groups of anthropomorphic vocabulary with high nominative density. It is concluded that in the vocabulary of the Samara dialects, such evaluative characteristics of a person as distinctive signs of appearance, attitude to the norms of morality and behavior, to work and property, as well as inclinations and habits, character and emotional state, mental abilities, etc. are of particular importance. These characteristics are a regional variant of the traditional model of the ideal person in Russian national worldview.

Keywords: Samara dialects; dictionary; people; dialectal linguistic picture of the world; dialectal word; lexical group

Диалектная лексика, отражающая совокупность характеристик человека, привлекает к себе всё большее внимание, что обусловлено актуальностью антропоцентризма в современной парадигме научных исследований. Обращение к диалектному материалу дает исследователю доступ к информации о традиционной, наиболее устойчивой части национального менталитета. Понимание слова как хранителя культурно-исторической информации в настоящее время становится важным аспектом изучения диалектной лексики

(см. исследования Т.И. Вендиной, С.М. Беляковой, Т.В. Леонтьевой, О.И. Блиновой, К.И. Демидовой, Е.Л. Березович, Е.В. Брысиной и др.). Значительные результаты получены при рассмотрении антропоморфной лексики в составе отдельных тематических групп, например, в работах Н.В. Бурко (лексика ландшафтной сферы) [Бурко 2009], Л.А. Климовой (ЛСГ глаголов речи и речемыслительной деятельности) [Климова 2019], Н.А. Стародубцевой (глаголы с семантикой родственных отношений) [Стародубцева 2016] и др. Источниками диалектного материала для лингвокогнитивных исследований служат корпуса диалектных текстов (например, в исследованиях О.Ю. Крючковой [Крючкова 2018], Е.П. Андреевой [Андреева 2019]) и диалектные словари (например, коллективная монография саранских диалектологов [Акимова 2015], диссертации Н.Ю. Грибовской [Грибовская 2019], Н.И. Шкабары [Шкабара 2012] и др).

В тематическом словаре самарских говоров [Баженова 2020] представлена большая группа слов, описывающих человека, его поведение в обществе, систему ценностей (696 слов). Тематический принцип расположения материала в словаре не только позволяет наглядно представить системные отношения в лексике, но и создает условия для определения особенностей языковой сегментации действительности. Изучение словарного состава и объема тематических групп антропоморфной семантики дает возможность получения лингвокультурологической информации о тех или иных характеристиках человека, избирательном к ним отношении, обусловленном образом жизни, климатом, историко-культурным ландшафтом региона.

В группе слов, характеризующих внешность человека в связи с физическими особенностями, возрастом, состоянием здоровья, склонностями и привычками, лексика по теме «Человек» в самарских говорах делится на разные по объему с точки зрения наполняемости диалектными лексемами тематические разделы: «*Человек внешний*» (281 лексема) и «*Человек внутренний*» (414 лексем). Количественно преобладает раздел, содержащий характеристику человека по внутренним признакам, качествам. Количественная асимметрия в данном случае обусловлена приоритетом личностных, духовных характеристик человека над внешними в народном представлении. Во всей выборке диалектных слов, обозначающих характеристику человека, преобладают существительные (62 %), остальные – прилагательные и глаголы.

Слова, содержащие эмоционально-оценочную характеристику человека, образуют в самарских говорах несколько тематических групп.

1. Характеристика человека по отношению к нормам нравственности и поведения. Номинативные воплощения таких качеств человека, которые определяют его отношения с другими членами общества, составляют самую большую по численности лексическую группу (212 слов). Следование нравственным нормам строго оценивается носителями говоров, например, *слушлйвые*, т.е. послушные, покладистые люди, воспринимаются положительно, а бесшабашное пренебрежение всеми нравственными нормами подвергается осуждению, например, лексема *во́льник* в самарских говорах имеет отрицательную коннотацию.

Нормой отношения человека к людям считается доброта. В данную группу входят слова с семами 'добрый', 'жалеть', 'ходить' (*добродей, добродетельница, добруга, добрыня, жалостница, хожжалка*). Доброта имеет абсолютную ценность, поэтому диалектное обозначение этого качества редко сопровождается семантической дифференциацией, например: *желáнница* 'заботливая женщина', *забо́тный* 'заботливый', *жалньйвый* 'жалостливый, отзывчивый', *желáнный* 'внимательный, заботливый', *любительная* 'заботливая'.

Проявлять заботу о слабых и больных, то есть *хетать, покоить, ходить за кем-л.*, означает в наивно-языковой картине мира высшее проявление добродетели: *Хожжалка у меня из милосердия, она у меня убирается, за мной ходит, желанная, внимательная (с.Мосты Пестравского р-на)*. Быть добрым – естественное, само собой разумеющееся качество человека, и отсутствие его лексически маркируется носителями диалекта, ср.: *Хороший человек так и есть хороший, а если злой, то злюга (с.Мосты Пестравского р-на)*. Злой человек (*врагуша, лядина*) оценивается носителями традиционной культуры как противник, враг, расшатывающий привычный уклад жизни. Ср.: *ляд 'нечистый, черт'* [Фасмер, т.П: 549]; *ляд возьми 'черт возьми'* Ставроп. Самар. [СРНГ 17: 259].

Качества, мешающие поддерживать гармоничные отношения в обществе, часто имеют в самарских говорах особое лексическое обозначение и выделяются разнообразием отрицательной оценки: *жуля́бия/жуля́бий* 'проныра, хитрец, обманщик', *неотёс* 'грубый, невежливый человек', *доку́чница* 'надоедливая женщина', *вахло́* 'трус', *завидчик, завидник/завидница* 'завистник', *чва́нец/чва́нка* 'гордый человек', *выкйдывка* 'гордячка, зазнайка', *подма́зчивый* 'льстивый', *назо́листый* 'надоедливый', *неприя́мчивый* 'неприветливый', *хаба́льный* 'грубый, невежливый' и т.д. Широко распространены в самарских говорах эмоционально-оценочные наименования таких отрицательных качеств человека, как жадность (*жаду́ля,*

жмо́да, за́жимо́х, промазні́чка, жадо́бный, за́жми́стый и др.), распутство (*приблудник, потаску́ня, верту́шка, шля́лка, шалы́га*), пьянство (*байгу́ш, попи́воха, латры́га*). Среди слов, характеризующих человека по отношению к нормам нравственности, наибольшее число лексем представлено в группах, называющих высокомерного, насмешливого (19 лексем), пронырливого, хитрого (15 лексем), скупого (10 лексем), крикливого (10 лексем), непоседливого человека (9 лексем), лгуна (8 лексем). В маркировании тех или иных негативных характеристик человека в данной тематической группе прослеживается избирательность, что позволяет определить систему ценностей носителей диалекта.

II. Общительность, разговорчивость, особенности языка и речи. В народном мироощущении прежде всего фиксируются такие социально значимые качества человека, как разговорчивость, общительность, способность говорить внятно. Люди, способные находить общий язык и поддерживать беседу со всеми, получают положительную характеристику, например: *бахо́ря* ‘любительница поговорить’; *москв́а* ‘о ребенке: разговорчивый, словоохотливый’; *баля́сник/баля́сница, гуро́ра, щелку́н* – ‘разговорчивый, словоохотливый человек’; *басли́вый, ба́ский, брехли́вый, брешли́вый, говори́стый* – ‘разговорчивый’; *шобо́рский, пова́дливый* – ‘общительный’ и др. (25 лексем). Словоохотливость является достоинством человека, но иногда граничит с пустословием и многословием, которые считаются недостатком. Словами *балабо́н, балабо́ла, балабо́лить, балабо́нить, бреху́нец, брехли́вый* могут характеризоваться и красноречивые люди, и пустословы, болтуны. В народном представлении разговорчивость не должна отвлекать человека от основных занятий, она должна проявляться уместно. Ср. как комментируется это качество с помощью игры слов, построенной на омонимии слова *болту́шка* ‘любительница поговорить’ и ‘корм для животных’: *Если б я была болтушка, меня б сви́ньи съели* (Украинка Большечерниговского р-на).

Лексически маркируется также необычная манера говорить, при этом отрицательно оценивается речь невнятная, замедленная или чересчур быстрая: *борботáть, бунча́ть, вя́кать* ‘говорить невнятно’, *вяку́ша* ‘человек, который медленно говорит’, *частоба́й* ‘человек, который говорит много и быстро’.

В словаре сармских говоров зафиксированы слова, негативно оценивающие речь непонятную и незнакомую (*лопотáть, бормотáть*), обусловленную незнанием или плохим знанием языков, – 15 слов. В таком полиэтническом и поликультурном регионе, как Среднее Поволжье, лексически маркируются даже языковые особенности

русских, в речи которых сохраняются признаки различных материнских говоров (*цовоканы, баюны, ба́тки* и др.). Современным носителям говоров свойственно характеризовать традиционный вариант диалектной речи *альяповым, грубым разговором*. Так же по-разному оценивается привычная речь местных, *сродошних*, жителей и речь *странних* людей. *Странние* люди чаще всего *бормят, варнячают, калякают*.

III. Характеристика внешности человека в связи с физическими особенностями и состоянием здоровья. Оценка внешности всегда была социально значима для сельского человека. Одним из оснований положительной характеристики человека в языковой картине мира носителей говоров является внешнее проявление физического здоровья. Признаком физического здоровья в первую очередь служат хорошее телосложение (*станістый, поста́вный, урядный* – ‘статный человек’) и умеренная полнота (*наліто́й, спра́вный*) (55 лексем). Внешними проявлениями нездоровья человека считаются избыточная полнота или худоба: *раско́рмленник* ‘полный человек’, *ши́рный* ‘полный, толстый’, *худо́бище, сохляк* ‘худой человек’, *дегиль* ‘худой и высокий человек’ (ср. в самарских и других говорах *дигиль* ‘длинный тонкий стебель огородного растения’ [СРНГ 8: 53]). Данный признак для обозначения внешности имеет более высокую значимость по сравнению с остальными, так как является явно заметной отличительной чертой, выделяющей человека среди других. Заметна в данном тематическом разряде и высокая дифференциация признаков, что выражается в высокой номинативной плотности ЛСГ, описывающих человека 1) по особенностям фигуры, телосложения (*жмень, справной, испитой, костли́вый, безживотный, изморный, сухоро́слый, хлопенький*); 2) по росту (*большун, ве́ха, долготина, дя́брик, долголя́зый, дробный, крeпа́стый*); 3) по качеству и цвету волос (*косма́тик, косму́ха, нече́са, рассома́ха, плеша́тый, рыжа́вый*). Другие внешние признаки маркируются менее заметно.

Как показывает наш материал, в представлении человека чаще всего вербализуется физический недостаток, который мешает полноценно трудиться, выполнять работу по дому, обслуживать себя: *горбу́н, горбы́ль, горба́ч, горба́тик, горбу́н/горба́тка; килу́н, кила́стый* ‘о человеке с грыжей’, *конды́ба* ‘хромой человек’ и др. Например, диалектными лексемами маркируются такие особенности внешности мужчин, как большой живот, неуклюжесть. См. примеры: *пуза́ч, пуза́тик, брюха́н* – ‘человек с большим животом’; *требу́стый, брюха́стый* – ‘пузатый, толстый’; *разгильда́й/разгильда́йка, раздолба́й м., нескладёна ж.* – ‘нескладный, неуклюжий человек’; *культа́ный, каца́ный, улы́дый* – ‘косопалый’. Негативно

оцениваются длинные, непричесанные, неприбранные волосы, которые считаются проявлением неопрятности: *косму́ха/косма́тик, косматю́га, лохма́ч, лохма́к, лохма́н/лохму́шка* (13 лексем) – ‘человек с растрепанными волосами’.

IV. Характеристика интеллектуальных способностей человека (27 лексем). Интеллектуальные способности в народно-языковой картине мира занимают одну из ведущих позиций в характеристике человека. Высокий уровень интеллекта оценивается носителями говоров всегда положительно, а интеллектуальная неполноценность человека в диалектном языке дифференцируется посредством указания признаков проявления этого недостатка. Чаще всего глупость определяется в связи с рассеянностью, невнимательностью человека: *зевáка, ротозéя, расто́пша, тюття́й* – все эти диалектные слова являются синонимами литературно-просторечного слова *разиня*. Значительная степень умственной неполноценности ассоциируется с отсутствием понимания окружающих (*бельме́с* ‘дурак’, *толма́ч* ‘бестолковый человек’) и, как причина самоизоляции человека от общества, воспринимается очень негативно. Наивысшая степень негативной оценки недостатка ума проявляется в том, что лексическое значение целого ряда диалектных слов, характеризующих интеллектуальную неполноценность человека, является результатом метафоризации. Ср.: *ала́бор* ‘порядок’ – *ала́бор* ‘сумасшедший человек’ (отсутствие порядка в голове); *валу́й* (название лесных грибов) – *валу́й* ‘темные, некультурные люди’ (отсутствие необходимых знаний у человека, живущего в глухом месте); *ре́дя* ‘простоватый, глупый человек’ – от *ре́дька* (овощ); *встря́хнутый* ‘со странностями’ – от *встря́хнуть* (перемешать содержимое) и т.п.

V. Характеристика человека по его отношению к труду и собственности (73 слова). Домовитость и трудолюбие – это качества, занимающие особое место в системе ценностей сельских жителей. Трудиться на земле, иметь дом, вести хозяйство, иметь практические навыки для сельского человека так же естественно, как быть здоровым, соблюдать моральные нормы, жить. У хорошего хозяина всегда есть дом, ср.: *домову́ха, домовни́к/домовни́ца* – ‘хороший хозяин’, *бездомни́к/бездомо́вка* – ‘плохой хозяин’; *бездомо́вый* ‘бесхозяйственный’. Наличие, недостаток или отсутствие земли при этом не получают лексического воплощения, очевидно, для носителей самарских говоров это и в прошлом было неактуально.

В данной лексической группе богато представлена лексика, характеризующая плохо работающего, ленивого, бесхозяйственного

человека: *вахлák, вахлó, легóша, шалабéльник, вараку́ша* – ‘лентяй’; *опромётка, ляда, льнда* – ‘лентяйка’; *неделу́ха, неради́вка, непутни́ца* – ‘плохая, ленивая хозяйка’; *улёжливый* ‘ленивый’; *канадо́бить, вара́кать* – ‘работать плохо’. Бедность, бездомье, жизнь за чужой счет считаются огромным несчастьем, но тем не менее подвергаются осуждению, потому что об руку с бедностью идет пренебрежение нормами жизни. В самарских говорах слова *гола́х* ‘бедняк’, *кусóчница* ‘нищенка’, *мы́канник* ‘бродяга’, *махóр* ‘бесхозяйственный, беспутный человек’ являются аффектонимами.

VI. Характеристика человека с точки зрения его склонностей и привычек. С этой точки зрения носителями русских говоров человек чаще всего оценивается с точки зрения соблюдения гигиенических норм: *чистохо́лка* ‘чистоплотная женщина’, *замарáй, вахлák* – ‘неопрятный человек’, *махóр* ‘оборванец’, *заля, разва́рза* – ‘грязнуля’; *грязномáзый* ‘нечистоплотный’ и др. (43 слова).

VII. Характеристика человека по эмоциональному состоянию и складу характера. Нормой эмоционального состояния и поведения человека является веселье, жизнерадостность, отсутствие суетливости, ср. примеры: *гагатун* ‘веселый человек’, *куролесник* ‘шутник, озорник’, *тухарно́й* ‘боевой, веселый’, *вертепляс, скакун* ‘плясун’ и др. (32 слова).

Количественный состав лексико-семантического поля «Человек» и объём микрополей, содержащих внешние и внутренние характеристики, в самарских говорах взаимосвязаны и приводят к определенным аксиологическим выводам о языковом образе русского человека. Можно констатировать, что одни качества человека получают детальные и множественные наименования в самарских говорах, другие же имеют невысокую степень языковой репрезентации.

Важным показателем актуальности характеристик человека в народном представлении является высокая номинативная плотность лексико-семантических разрядов диалектных наименований, характеризующих внешность человека в связи с физическими свойствами и состоянием здоровья. Данный признак для обозначения внешности имеет более высокую значимость по сравнению с остальными, так как является явно заметной отличительной чертой, выделяющей человека среди других. Заметна в данном тематическом разряде дробная дифференциация признаков, характеризующих человека по особенностям фигуры, телосложения; описывающие человека по росту, состоянию и цвету волос, которые считаются отступлениями от устойчивого стереотипа внешности человека. В условиях замкнутости социума, в котором веками формировался менталитет сельского

жителя, наличие очевидных физических отличий во внешности человека отмечалось в языковой репрезентации как отклонение от нормы.

В группе слов, характеризующих человека по внутренним признакам, наибольшей степенью номинативной плотности и развитой дифференциацией признаков выделяются слова, характеризующие человека по отношению к нормам нравственности и поведения. Отрицательную характеристику человек получает по таким важным для менталитета русского человека критериям, как скупость, жадность, неприветливость, грубость, зависть, легкомысленность, гордость, хвастовство, упрямство, порицаются разгульная жизнь, пьянство, привычки ворчать, капризничать, кричать, ссориться, озорничать, насмехаться, лгать, сплетничать. Положительно оцениваются такие качества, как доброта, вежливость, общительность, заботливость.

Затем по степени значимости для народного менталитета следуют такие параметры характеристики человека, как его отношение к труду и собственности, склонностям и привычкам, характеру и эмоциональному состоянию, умственным способностям, речевой деятельности, особенностям языка и речи.

Все перечисленные оценочные характеристики человека, воплощенные в лексике самарских говоров, позволяют реконструировать одобряемую в традиционной народной культуре модель поведения человека в социуме.

Литература и источники

Акимова Э.Н. и др. Человек и мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография / Э.Н. Акимова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова, Н.И. Ершова, Л.Н. Денисова. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2015. 156 с.

Андреева Е.П. Диалектный текст как источник сведений о народном погребальном ритуале: на материале словаря вологодских говоров // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции / гл. ред. Е.В. Брыкина, В.И. Супрун. Волгоград: Фортесс, 2019. С.180–200.

Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. 192 с.

Бурко Н.В. Отражение диалектной языковой картины мира в наименованиях ям естественного происхождения (на материале орловских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (4). Тамбов: Грамота, 2009. С. 69–74.

Грибовская Н.Ю. Отражение характеристик человека в лексике тверских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2019. С. 287–297.

Климкова Л.А. Региональное глагольное слово в аспекте национального риторического идеала // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции / гл. ред. Е.В. Брыкина, В.И. Супрун. Волгоград: Фортекс, 2019. С. 264–270.

Крючкова О.Ю. Когнитивные и коммуникативные особенности дискурсивных фрагментов религиозной тематики в речи диалектоносителей // Вестник Томского гос. пед. университета. 2018. Вып. 2 (191). С. 19–26.

Стародубцева Н. А. Глагольные средства выражения родственных отношений в лексиконе диалектоносителей (на материале речи жителей полиэтнических территорий Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.14>

Шкабара Н.И. Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения: автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2012. 21 с.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2020.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Прогресс, 1986.

УДК 371.31+81.282

СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ЗНАКОМСТВА УЧАЩИХСЯ С ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОЙ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

А.А. Балагурова, Ж.К. Гапонова

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия*

Аннотация. Необходимость углубленного изучения говоров учащимися в школе обусловлена включением сведений о диалектной лексике в программу по русскому языку, введением в круг дисциплин предмета «Родной русский язык». В статье представлен опыт работы по изучению диалектной лексики Ярославского края на уроках русского языка и родного русского языка с использованием словесных игр. Тематическая группа, рассмотренная нами при работе со школьниками «Трудовая деятельность женщины в Ярославской области». Словесные игры, предложенные нами школьникам, способствует формированию лексических и грамматических навыков, а также пониманию диалектной лексики и расширению словарного запаса учащегося.

Ключевые слова: словесные игры; диалектизм; говоры; русский язык; родной русский язык

© Балагурова А.А., Гапонова Ж.К., 2023

**WORD GAMES AS AN EFFECTIVE METHOD
OF INTRODUCING STUDENTS TO THE DIALECTAL
VOCABULARY OF THE YAROSLAVL TERRITORY**

A.A. Balagurova, Zh.K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Abstract. The need for in-depth study of dialects by students at school is due to the inclusion of information about dialectal vocabulary in the program for the Russian language, the introduction of the subject "Native Russian Language" into the range of disciplines. The article presents the experience of studying the dialectal vocabulary of the Yaroslavl Territory in the lessons of the Russian language and the native Russian language using word games. Thematic group considered by us when working with schoolchildren "Labor activity of women in the Yaroslavl region". The word games offered by us to schoolchildren contribute to the formation of lexical and grammatical skills, as well as the understanding of dialectal vocabulary and the expansion of the student's vocabulary.

Keywords: word games; dialectism; Dialects; Russian; native Russian language

Стремительное изменение окружающего мира обогащает человека разнообразной информацией, которую легко находить в сети Интернет. Определение книги как единственного источника знаний для учащихся становится не актуальным, наблюдается снижение мотивации к изучению русского языка, литературы. Задачей учителя-словесника становится использование таких технологий и методов, которые способствуют интересу учащихся и развитию их умений работать с книгой, со словом. В нашей статье мы касаемся проблемы актуальности изучения диалектной лексики: с одной стороны, у современного человека утрачивается интерес к говорам, с другой – ввиду патриотического воспитания учащихся, развития краеведческого компонента и восприятия родного языка как средства хранения и передачи традиций и истории русского народа [Приказ ... 2021: Гл. IV, п. 42] следует более пристальное внимание уделять родному языку и его разновидностям.

Системно-деятельностный подход в образовании требует от учителя новых подходов к повышению мотивации школьников к изучению родного языка, проблематизации обучения. Такие аспекты могут быть реализованы благодаря игровым технологиям, особенностью которых является активизация познавательной деятельности учащегося через игру [Абдыгазиева, Календерова 2021: 292].

Опыт нашей работы связан с изучением эффективных приемов актуализации деятельности учащихся по исследованию особенностей диалектизмов Ярославского края, развитию понятия о глубине, мотивированности русского слова. Данный опыт основан на авторских

исследованиях диалектной лексики [Балагурова, Гапонова 2019; Слово и тест 2019: 13–15]. Лексика, представленная в работе, связана с трудовой деятельностью женщины Ярославской области, так как труд является важнейшей частью нашей жизни и на основе деятельности, занятий и отношения к ним мы формируем мнение о человеке. На наш взгляд, это актуально для учащихся средней школы, когда важно работать не только на предметные, но и личностные результаты.

Обращение к диалектной лексике способствует не только развитию навыков сбора диалектологического материала и интереса к изучению народной речи, бережного отношения к народному слову, но и знанию территориальных диалектов родного края, развитию навыков словообразовательного анализа, уважению к русскому языку и его особенностям, приобщению к истории своих сограждан. Указанные направления изучения русского языка как на уроке, так и во внеурочной деятельности позволяют развивать читательскую грамотность, мышление и воспитывать культурного и образованного человека.

Говоры как «элементы материальной и духовной культуры, историко-культурной традиции...» [Диалект ... Электронный ресурс] отражают представления людей об окружающей их среде, явлениях природы, о совершаемых действиях, поступках, впечатлениях, эмоциях и, безусловно, о самих людях.

Нами выявлено, что в ярославских говорах большое внимание уделяется наименованиям человека, в том числе номинациям, связанным с трудовой деятельностью, что находит отражение в большом количестве лексико-семантических групп и подгрупп, позволяющих составить детализированное представление об отношении русского человека к определенным занятиям и видам трудовой деятельности, например: ЛСП «Труд женщины в доме» (*находница* ‘приходящая в дом работница’, *казачиха* ‘наемная работница’, *обряжуха* ‘хозяйка, стряпуха’; ЛСП «Труд женщины в поле и огороде»: (*льница, коноводка, косяя*); ЛСП «Ремесло женщины» (*поваруха, самыталка, кружевница*) и т.п.

Именно говоры в полной мере способны отразить мировоззрение народа. А самое ценное в любом говоре – слова и обороты речи, которых нет в литературном языке, но которые отражают вековые традиции народа. Осуществляя поиск оптимальных методов работы по данной теме с учениками, был выбран, на наш взгляд, эффективный метод – словесные игры.

<i>оши</i>	Б	<i>ка</i>
<i>распол</i>	О	<i>жить</i>
<i>со</i>	Л	<i>нце</i>
<i>вороб</i>	Ь	<i>ишка</i>
<i>карто</i>	Ш	<i>ка</i>
<i>л</i>	У	<i>к</i>
<i>ло</i>	Х	<i>мотья</i>
<i>сл</i>	А	<i>гать</i>

В процессе словесных игр обеспечивается возникновение положительных эмоций учеников во время учебной деятельности, что способствует лучшему осмыслению и запоминанию информации. Словесные игры предназначены для формирования лексических и грамматических навыков, обогащения словаря учащегося, а также навыков исследовательской работы по употреблению диалектной лексики. Словесные игры выстраиваются на основе разделов русского языка, изучаемых в рамках школьной программы.

Фонетические и орфоэпические игры направлены на работу над звуковой и буквенной формами слова, например, «Составь слово из пропущенных букв» («Потерянная буква»), при этом каждая буква связана с определенной орфограммой. Цель игры – закрепление орфограмм в написании диалектных слов (при этом корни диалектизмов, как правило, известны и в литературном языке), умение составлять новое слово. Игровая задача может заключаться

<i>оши</i>	...	<i>ка</i>
<i>распол</i>	...	<i>жить</i>
<i>со</i>	...	<i>нце</i>
<i>вороб</i>	...	<i>ишка</i>
<i>карто</i>	...	<i>ка</i>
<i>л</i>	...	<i>к</i>
<i>ло</i>	...	<i>мотья</i>
<i>сл</i>	...	<i>гать</i>

в попытке сформулировать лексическое значение в процессе определения слова: кто быстрее составит и назовёт новое слово, его лексическое значение?

Такой вариант игр может предполагать, как индивидуальную, так и командную работу. Побеждает та команда (участник), которая быстрее и правильнее найдёт решение.

Лексико-фразеологические игры направлены на развитие навыков устной монологической и диалогической речи, расширение словарного запаса учащихся. Например, игра «Кто в доме, а кто – в огороде?». Цель игры – развитие умения классифицировать диалектную лексику по лексическому значению. Игровая задача – подобрать слова к представленным картинкам. Ход игры: на слайде представлены две картинки с изображением трудящейся женщины в огороде, и в доме. Предлагается облако диалектных слов. Игроки должны распределить слова по группам в соответствии с картинкой. Выигрывает тот, кто быстрее и правильнее придёт к решению. Игра способствует формированию навыков внимательно относиться к структуре слова, внутренней форме, мотивированности.

Фразеологическая игра «Прошлое и настоящее». Цель игры – развитие умения определять внутреннюю форму диалектных фразеологизмов; игровая задача – составить пары фразеологизмов, используя предложенные значения.

Ход игры: каждой команде (участнику) выдается конверт с вложенными карточками, на которых представлены диалектные фразеологизмы и литературные выражения. На обратной стороне каждой карточки указано лексическое значения выражений. Используя предложенный материал, учащиеся составляют синонимичные по лексическому значению пары и поясняют свой выбор. Выигрывает та команда (участник), которая быстрее справится с заданием.

<i>Диалектные фразеологизмы</i>	<i>Литературные выражения</i>
Кашу варить (о самом простом деле) ¹	Без сучка, без задоринки (гладко, без помех, благополучно) ³
За один дух (изнурить, вымотать непосильной работой) ²	Дать воды (простое и легкое дело) ¹
Работа живёт (хорошая, успешная работа) ³	Тянуть лямку (Заниматься тяжелым или трудным однообразным делом) ²
Скрёсу не знать (много работать) ⁴	В поте лица своего (с большим усердием, в постоянном труде) ⁴
Всё от рук отходит (О том, кто умело, искусно всё делает, справляется с любой работой) ⁵	Золотые руки (человек, который умело выполняет любую работу) ⁵
Ба'лы разводить (Заниматься болтовнёй, пустыми разговорами) ⁶	Болтать языком (говорить вздор, пустословить) ⁶
В отдел уйти (завести самостоятельное хозяйство) ⁷	В особицу (особо, отдельно) ⁷
Собакам сено давать (бездельничать) ⁸	Бить баклуши (бездельничать) ⁸
Ехать на хребте (пользоваться чужим трудом) ⁹	Жнет, где не сеял (О людях, которые пользуются плодами чужого труда) ⁹

Игры по морфемике и словообразованию направлены на развитие умения делить слово на морфемы и выявлять способ образования слов. В качестве примера можно привести игру «Четвертый лишний». Цель игры – закрепление умения находить характерные признаки образования диалектизмов. Игровая задача – найти лишнее слово и пояснить свой выбор. Ход игры: участникам выдается карточка с линейками слов, объединенных по одному признаку. Игрок лишнее слово закрывает фишкой и поясняет свой выбор одноклассникам. Выигрывает тот, кто быстрее и правильнее найдёт решение.

овча'рница	расса'дница	овча'рка	вы'льница
наме'тывальщица	бабуха'	сади'льщица	огреба'льщица
мазу'рка	во'льница	копали'ца	колдуни'ца

Игры по синтаксису направлены на формирование умения грамотно строить высказывание. В качестве примера можно привести игру «Тайны древней записки», цель которой – умение подбора диалектизмов по смыслу на текстовом материале. Игровая задача – вставить пропущенные диалектизмы по смыслу в представленный текст. Ход игры: перед игроками представлен текст, в котором пропущены диалектизмы, связанные с трудовой деятельностью женщины. Игрокам предложен словарь ЯОС и в течение определенного времени обучающиеся должны подготовить свой текст. Обязательно обсуждение всех составленных текстов. Побеждает тот, кто в короткий срок успеет составить логичный текст и ответит на вопросы.

Сегодня всё наше село собралось на сбор урожая, ведь скоро уж и осень. «А Катька-то за ... что ле осталась?» – спросила я соседей. Дом без хозяина плохо оставлять, да и боязно.

– Эх, Людка нас сегодня опять веселить будет, чтобы работа шла быстрее. Боевая девка-то! ... , – говорю я Люсе. Не ужареть бы нам сегодня с ней на поле, ведь ... мы, вот и за отвечаем подготовку земли для последующей посадки семян.

– Людка хоть к работе помощь выказывает. А нынче Лида только блондиться будет, эка ... , – усмехнулась Люся.

– Да не говори! А нам ведь и подмочь можно.

– Ой, ты смотри, ... тут как тут. Ей только соваться везде да выспрашивать обо всех. Как бы Катька на порог не пустила!

– Ладно, ужо и машина подъехала, пойдём помогать.

Слова для справок: *большуха', пригу'точница, мыте'я, копали'ца, госпожи'нка, самыта'лка.*

Вопросы для послетекстовой работы

1. О чем прочитанный Вами текст?
2. Какие виды деятельности и кого вы запомнили после прочтения текста?
3. Как бы вы озаглавили текст?

Знакомясь с диалектной лексикой, обучающиеся расширяют свой словарный запас, при этом важную роль играет осмысление значения слова, попытка «вскрыть» его внутреннюю форму [Борисова 2017].

Выстраивая урок как игру, мы стремимся привить детям интерес к познанию русского языка. Игра обеспечивает более высокую результативность. Благодаря представленным словесным играм учащиеся знакомятся с региональными словарями, особенностями национального языка.

Литература и источники

Абдыгазиева Н.К., Календерова Н.К. Применение игровых технологий на уроках русского языка // Бюллетень науки и практики. 2021. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-igrovyyh-tehnologiy-na-urokah-russkogo-yazyka> (дата обращения: 12.08.2022).

Балагурова А.А., Гапонова Ж.К. Фразеологизмы, связанные с трудовой деятельностью человека, в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2019. С. 92–101.

Борисова О. Г. Изучение региональной лексики на уроках русского языка // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума, Сочи, 16–17 октября 2017 года. Сочи: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. С. 196–200.

Диалект как отражение языковой картины мира на примере немецких диалектов [Электронный ресурс] // Студенческая библиотека онлайн. URL: http://studbooks.net/580956/literatura/dialekt_osobaya_yazykovaya_forma (дата обращения: 16.03.2018).

Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 “Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 15.08.2022).

Слово и текст в культурном и политическом пространстве [Электронный ресурс]: Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов (Сыктывкар, 19 апреля 2019 года): сборник материалов: текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар, 2020. 261 с.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. Москва: АСТ: Астрель. 2008. 878 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 т. / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981.

УДК 81'276.6

ИЗГОТОВЛЕНИЕ САНОК-КАРЕТОК В Д. БАБИНО ЛУХСКОГО Р-НА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ. РЕМЕСЛЕННАЯ ЛЕКСИКА

Л.П. Батырева

*Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
Шуя, Россия, batlarisa@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены тематические группы лексики, выявленной во время бесед с мастером по изготовлению санок-кареток, жителем д. Бабино Лухского р-на Ивановской обл. Н.Б. Яблоковым.

© Батырева Л.П., 2023

Ключевые слова: говоры Ивановской области; лексика, связанная с изготовлением санок с плетёным кузовом; тематические группы слов

**“CABBIE”-SLEDGE (HANDLED- SLEDGE) MANUFACTURE
IN BABINO VILLAGE OF THE LUHSKY DISTRICT
OF THE IVANOVO REGION. ARTISAN VOCABULARY**

L.P. Batyreva

Ivanovo State University, Shuya, Russia

Abstract. The article analyses thematic groups of vocabulary identified during a conversations with a master of handled sledge manufacture, a resident of Babino village, Luhsky district, Ivanovo region, N. B. Yablokov.

Keywords: dialects of the Ivanovo region; vocabulary related to the manufacture of wicker sledges; thematic groups of words

Обращение лингвистов к лексике промыслов и ремёсел, несомненно, актуально в силу того, что значительное количество диалектных лексем данной денотативной сферы часто «уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, употребляется в их речи ретроспективно, в ситуациях, связанных с описанием старого быта, уходит на периферию лексической системы» [Маринин 2011: 9]. В связи с этим невозможно не согласиться с мыслью о необходимости выявления и осмысления «мощного исторического пласта ремесленной лексики и языка еще живых носителей этой культуры» [Королькова 2020: 5].

Лексику ремесел и промыслов, бытовавших на территории Ивановской области, изучал М.И. Литвинов. В своем труде «Словарь ремесел и промыслов Шуйского региона» [Литвинов 2010] через профессиональный лексикон он представил овчинно-шубный, кожаный, скорняжный, клееварный, столярный, бондарный, плотницкий, гончарный, щеточный, строчевышивальный, иконописный и др. ремёсла и промыслы. Фактический материал был записан учёным в 1972–1978 гг., и по большей части это уже ушедший или уходящий лексический пласт, презентующий прошлое данной территории. Словарные материалы, посвященные палехскому искусству, опубликовала в 1963 г. Т.С. Ворошилова, обозначив цель своей работы таким образом: «ввести в научный оборот ремесленно-художественную терминологию, слагавшуюся на протяжении нескольких столетий, запечатлеть, с одной стороны, некоторую уходящую и, с другой стороны, закрепившуюся лексику в том фонетико-грамматическом облике, который донесли до нас художники старшего поколения» [Ворошилова 1963: 313]. С ремесленным прошлым

Ивановской земли можно познакомиться, обратившись в книге «Писцовские мастера». Её автор, краевед В.Ф. Сучков, отмечает необходимость «познакомить людей с историей развития народных промыслов, показать, какие промыслы существовали в нашей местности, какую роль играли они в жизни человека и как сохранились до наших дней» [Сучков 2014: 3]. В книге содержится информация о текстильном деле в с. Писцово, о плотницком промысле, кузнечном ремесле, производстве кирпича, о работе печников, об изготовлении кровельной щепы, о строительстве колодцев, о производстве валяных сапог, а также о плетении из ивового прута. В. Ф. Сучков пишет, что «основным изделием данного промысла в селе Писцове и близлежащих деревнях было плетение корзин. <...> В небольшом количестве и не все мастера в Писцове и окрестностях плели детские зыбки, сундучки, оплетали бутылки, детские санки» [Сучков 2014: 110–111].

В Ивановской области мастера продолжают заниматься лозоплетением. Один из таких специалистов – Николай Борисович Яблоков, житель д. Бабино Лухского р-на, потомственный мастер (*Эта я знаю только потому, что и дед, и отец у меня этим занимались*).

Кроме того что Н.Б. Яблоков плетет корзины, он изготавливает санки с плетеным кузовом. Этот род занятий характеризуют специальные лексемы, в составе которых можно выделить несколько тематических групп: 1) наименования санок и их частей; 2) наименования видов сырья, материалов, из которого плетется кузов; 3) наименования трудовых действий; 4) наименования орудий труда, приспособлений, использующихся при изготовлении санок; 5) наименования способов плетения кузова.

Собственно санки называются *карёткой* – номинация метонимическая – так же именуют плетёный верх саней (*А это просто карётка, для маленьких детей вместо детской коляски в зимних условиях. Плетётся из лозы в виде корзины, такая красивая. Раньше называли кошева́, на каретах, в царские времена*).

Санки имеют основание, ходовую часть – *хóдики*, *ход*. Эта часть «изготавливается заранее намного. Лоза в самый последний момент требуется, когда уже всё изделие готово. Ищем дуб, делаем полозья, загибаем также. В горячем виде варится, вот эти полозья. Ну, проще сравнить, это как лыжи, только для санок. Собрать нужно два полоза».

Передняя изогнутая часть *пóлоза* называется *голо́вкой*. Брусок, соединяющий полоз с основанием – это *копыло́к*, *стоёчка*. *Вязо́к* – прут, соединяющий левый и правый *копы́лки* (*стоечки*) санок.

Нащёп – продольный брус, на который крепится **каре́тка**, соединяя её с **ходиками**. Загиб полоза фиксирует **стужёнька**. (Чтобы это связалось, требуется вот такие детали: копылки для соединения полоза с основанием каретки, на копылки надевается – нащёп называется. Потом ещё раз связываются между собой – вязки, они тоже заготавливаются из корёвых толстых палок. Нащёп – это, получается, верхняя часть ходиков, на которые крепятся колышки, и плетётся каретка. Вязок служит для того, чтобы связать левый и правый ход санок. Ещё вас может заинтересовать вот эта палочка, называется стужёнька. Она служит для того, чтобы от времени, круглая головка, загиб полоза, не выпрямилась. Она фиксирует вот этот загиб.)

Изготовление кузова – тоже длительная работа, «начинается очень задолго, подготовка длинная». Она состоит из заготовки материала – **корья**. **Корьё** – «это болотный кустарник, по берегам рек, в болоте растёт. Если кто был на природе, корьё знает, чё такое. У нас его называют корьё. Где-то лоза. Но лоза тоже разная бывает. Бывает тальник, краснотал, жёлтый тал». Таким образом, **лоза, тал жёлтый, тальник, краснотал, корьё** – наименования разновидностей ивы. Прутья ивы называются **корёвыми палками, прутьишками**. Части ивового прута – **кожура, шкурка** ‘кора’; **комелёк** ‘нижняя часть прута’; **сердцевина** ‘средняя внутренняя часть прута’.

Процесс подготовки прутьев к плетению таков: **Снимаем полпрута. Комелёк. Комелёк** – это нижняя часть прута, которая отходит откуда растёт прут. Мы снимаем – у нас специальный ножик, маленький, небольшой, зачищаем ножиком. Чтобы каретка была красивая, прутьики мы варим паром в корёвке. И потом в горячем виде чистим их щемилкой. **Щемилка** – это такое изобретение (изобретал не я, давно это было изобретено, в древности, наверно, ещё). Затем горячий варёный прут защемляем в щемилке, протаскиваем. **Шкурка, кожура** на нём расходится, и прут очищается. Как очистили прутья, калибруем их, набираем на бока каретки, на основание каретки, плести, ставим стоечки и начинаем плести каретку.

Итак, в рассказе Н.Б. Яблокова прозвучали следующие наименования трудовых действий: **варить** ‘размягчать прутья на пару в специальном приспособлении’; **зачинять** ‘зачищать’; **снимать** ‘делить пополам в районе комелька с помощью специального ножа’; **защемлять** ‘сдавливать прут в щемилке’; **протаскивать** ‘продвигать прут сквозь щемилку с целью освободить его от коры’; **калибровать** ‘сортировать прутья по размеру’.

Среди приспособлений, использующихся при подготовке прутьев к плетению, названа **коробка**, в которой размягчают (*варят*) на пару прут, и **щемилка**, использующаяся для снятия коры с прутьев.

Лексика, характеризующая способ изготовления *каретки*, включает слово **колышка** ‘стойка для плетения, **перевой** ‘три прута, которые плетутся косичкой перед основным плетением’ (*Перевой – это три прута, плетутся они косичкой и закрепляются вот этим, стоечкой, получается не очень прочно, и они связываются, и потом уже идёт основное плетение.*), **венок** ‘верхняя часть, завершение каретки, своего рода авторское клеймо’, **прядь** ‘пучок прутьев’ (*В завершение <...> у нас есть своё, ну, клеймо-не клеймо, своего рода завершение каретки – венок красивый плетём из пяти прядей*).

Практически все представленные лексические единицы не были ранее включены в состав разного рода словарных материалов, а также сводных словарей как принадлежность говоров Ивановской области. Поэтому важно восполнить существующий пробел, фиксировать и описывать «уходящую натуру», тем более что речь идет о лексике ограниченного употребления в говоре. Мастера уходят – уходит слово. «Раньше были конкуренты, как мы их называли, а сейчас в Лухе, по-моему, кроме себя, я никого не знаю, кто бы занимался такими бы вещами», – констатирует Н.Б. Яблоков.

Литература

Ворошилова Т.С. Материалы к словарю палехского искусства // Учёные записки ШГПИ. Шуя, 1963. С. 311–337.

Королькова М.Д. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье) / М.Д. Королькова, ред. С.А. Мызников, Н.Л. Сухачёв. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. 296 с.

Литвинов М.И. Словарь профессиональной лексики ремёсел, промыслов и кустарных производств Шуйского региона. Шуя, 2010. URL: sspu.ru/projects/litvinov/ (дата обращения: 17.08.2022).

Маринин А.В. Лексика лозоплетения в говорах Вадского района Нижегородской области // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 73–76.

Маринин А.В. Лексика промыслов и ремёсел в говорах Вадского района Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2011. 25 с.

Сучков В.Ф. Писцовские мастера. Писцово, 2014. 128 с.

СОЮЗЫ В ДИАЛЕКТАХ

Л.Д. Беднарская

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются два словаря северных и центральных, но приближающихся к южнорусским говорам: «Словарь говоров Костромско-Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовой (Кострома, 2015) и «Словарь орловских говоров» (вып. 1–17) под ред. Т.В. Бахваловой (Ярославль – Орёл, 1989–2016), с точки зрения сочетания конкретного предметного языка говоров и релятивов с абстрактной семантикой. На конкретных примерах показано, как выполняется основная задача диалектолога-лексикографа – отобразить союзы «по дифференциальному принципу с учётом отличий их, семантических и структурных, от лексики литературного языка, но приближенных к положениям Программы Лексического атласа русских народных говоров». В диалектологических словарях не отмечены самые частотные общеупотребительные союзы, как сочинительные, так за редким исключением и подчинительные. На говоры в этом случае влияет литературный язык. И в северных и в южных говорах используется часть союзов-инвариантов из литературного языка, но в основном союзы-варианты, стилистически окрашенные и малочастотные в литературном языке. Отмечены тенденции употребления союзов в диалектах, как общие с развитием и функционированием литературного языка, так и разные.

Ключевые слова: принципы лексикографического отбора сочинительных и подчинительных союзов в диалектных словарях

UNIONS IN DIALECTS

L.D. Bednarskaya

I.S. Turgenev Oryol State University, Orel, Russia

Abstract. The article analyzes two dictionaries of northern and central, but approaching South Russian dialects: «Dictionary of dialects of the Kostroma Volga region: the interfluvium of Kostroma and Unzha» by N.S. Gantsovskaya (Kostroma, 2015) and «Dictionary of Orel dialects» (issue 1–17) edited by T.V. Bakhvalova (Yaroslavl – Orel, 1989–2016), from the point of view of combining a specific subject language of dialects and relatives with abstract semantics. Concrete examples show how the main task of a dialectologist-lexicographer is fulfilled – to select conjunctions “according to the differential principle, taking into account their differences, semantic and structural, from the vocabulary of the literary language, but close to the provisions of the Lexical Atlas of Russian Vernacular Dialects”. In dialectological dictionaries, the most frequent commonly used conjunctions, both compositional and, with rare exceptions, subordinate ones, are not marked. The dialects in this case are influenced by the literary language. Both northern and southern dialects use some invariant conjunctions from the literary language, but mostly conjunctions are variants stylistically colored and low-frequency in the literary language. Trends in the use of conjunctions in dialects, both common with the development and functioning of the literary language, and different, are noted.

Keywords: principles of lexicographic selection of compositional and subordinate unions in dialect dictionaries

Союзы отмечены как «начинательные частицы» в древних текстах-перечислениях, а позднее в процессе образования сложного союзного предложения. Исторические процессы в системе языка показывают, что первые производные подчинительные союзы образовались на основе «начинательных частиц, затем местоимений и аористной формы глагола *быть* [Беднарская 2021: 5]. Язык диалектов сохраняет некоторые черты древнего языка, в частности, синкретизм в выражении синтаксических отношений. Лексикографу сложно отобразить подчинительные союзы, присутствующие только в диалектах. В конкретном предметном языке говоров так же, как в общенародном языке, частотны сочинительные союзы-инварианты *и, а, но, да*, не отмеченные в словарях. Отбор подчинительных союзов опирается на варианты союзных синонимических рядов с разговорной окраской. Задача диалектолога – отобразить союзы «по дифференциальному принципу с учётом отличий их, семантических и структурных, от лексики литературного языка, но приближенных к положениям Программы Лексического атласа русских народных говоров» [Ганцовская 2015: VII].

Сравним два словаря северных и центральных, но приближающихся к южнорусским говоров: Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья. Междуречье Костромы и Унжи (Кострома, 2015) и Словарь орловских говоров. Вып. 1–17 / ред. Т.В. Бахвалова. (Ярославль, Орел, 1989–2016). В диалектологических словарях не отмечены самые частотные общеупотребительные союзы, как сочинительные, так за редким исключением и подчинительные. На говоры в этом случае влияет литературный язык. И в северных и в южных говорах используется часть союзов-инвариантов из литературного языка. В Словаре Н.С. Ганцовской отмечены следующие подчинительные союзы и омонимичные местоимения и наречия в союзной функции:

Ежели что наречие

Кабы

Как 1. С. Временной. 2. С. Условный.

Когда наречие. *Колда, колды*.

Коли и коль = *если*

Какой

Который

Куда и куды наречие

Покамест (-ь) наречие

Потому как

Хоть, хошь частица, союз

Чтой-то мест.**Тада, тама, тамаде, толи.**

В Словаре орловских говоров:

Абы союз**кодА** наречие**коли, коло****как какой****либо****покуль** наречие и союз**покеда, покыда, покиля****того что союз = по той причине, из-за того что****токмо наречие, част., союз****токо, токо что****не токо, но и****не токо что****что** мест.

В обоих диалектах активно используются общеупотребительные сочинительные союзы-инварианты, не внесённые в словари. Союзы **и, а** очень скоро приобрели текстовую функцию, они стали употребляться в начале самостоятельных предложений и превратились в «начинательные» частицы-союзы. С течением времени при участии морфологических и лексических компонентов, содержащихся в предикативных частях, формировались сложносочинённые предложения с темпоральной, причинно-следственной, соединительно-противительной, соединительно-сопоставительной, сопоставительная нагрузка оставалась за союзами **и, а**, позднее **да**. Союзы **и, а** остаются самыми частотными в современном языке.

Сложносочинённые предложения с противительной семантикой сформировались позже, противительные союзы образовались на основе личных местоимений третьего лица **нъ (но), ано (анъ), ино (инъ)**, однако наиболее употребительным в этом виде ССП был многозначный союз **а** [Стеценко 1977: 179]. Союз **однако** тоже образовался уже в древнерусском языке от местоимения-числительного **один** по модели **како, тако, елико** и т.д. Эта модель активно используется в диалектах. Таким образом, противительные союзы уже были производными, с более конкретной семантикой, чем первообразные **и, а**. Это сближает их с подчинительными союзами. В дальнейшем семантика ограничения и далее противления организуется, прежде всего, на основе

лексического наполнения компонентов сложного предложения, поэтому довольно рано отмечены актуализаторы семантики ограничения: частица-союз *же*, а также ограничительные частицы *тѣкмо, толико, толко* в союзной функции [Стеценко 1977: 187–189]. Сложносочинённые предложения с разделительной семантикой встречались и встречаются гораздо реже, хотя союз *либо* отмечен в Словаре Орловских говоров, видимо, вследствие своей малочастотности в общенародном языке.

Варианты синонимических рядов сочинительных союзов шире представлены в Словаре Орловских говоров, в основном как синкретичные ограничительно-временные или противительно-градационные:

токмо наречие, част., союз

токо, токо что

не токо, но и

не токо что

В общенародном языке противительно-ограничительное значение тоже нашло свои синтаксические формы выражения – союз-актуализатор *однако*, который так и остался сравнительно малочастотным, и союз-частицу *только*, но видимо, эти релятивы не осознаются полностью релевантными выражению сложной семантики «*но* ненормального следствия», параллельно употребляются в других функциях (вводного слова и частицы). Релятив *только* с вариантами *как только, лишь только* и т.д. закрепился в системе временных союзов с дифференцированной семантикой предшествования [Беднарская 2015: 106–107].

По наблюдениям диалектологов 30-х годов XIX века, в говорах русской деревни отмечено почти полное отсутствие подчинительных союзов [Каринский 1935: 38]. Современные словари отмечают 12–13 подчинительных союзов, оговариваясь, что некоторые из них употребляются и как наречия, и как местоимения (*когда, чтой-то, что хоть = почему, что (мест.)* и др.). Интересно здесь другое: в обоих словарях представлены не союзы-инварианты, а стилистически окрашенные варианты синонимического ряда, в то время как самый частотный многозначный союз общенародного языка *что* не представлен, но он определяется как местоимение, и это тоже не случайно.

В литературном языке на протяжении последних двухсот лет наблюдается перераспределение релятивов, которое выражается в изменении соотношения количественных характеристик, в частности, изъяснительно-дополнительных союзов и союзных слов. Этот же

процесс затрагивает и релятивы с другой семантикой: определительной, образа действия, локативной, причинной. И в начале XIX века, и в наше время основным средством связи являются союзы, но они постепенно уступают свои функции союзным словам. Употребительность изъяснительных союзов сокращается с 74,6 до 64,5 %, а частотность союзных слов, наоборот, в XIX веке возрастает с 25,4 до 26,4 %, а в течение XX века – до 35,5 %, то есть за два последних века – в 1,4 раза [Беднарская 2015: 56–57]. Увеличение роли союзных слов связано с их большим по сравнению с союзами семантическим потенциалом. Каждое союзное слово-местоимение или местоименное наречие вносит свой оттенок категориального значения в СПП, способствуя семантической осложнённости, углублению семантического потенциала, синкретизму синтаксического значения конструкции. В изъяснительно-дополнительных СПП номенклатура союзных слов значительно шире, чем союзов. Местоимение **что** отмечается в обоих словарях. Отмечены и местоимения в союзной функции **какой, который, как, куда и куды, потому как**. Таким образом, и в общенародном языке, и в языке диалектов отмечены сходные тенденции развития: приоритет местоимений – союзных слов над союзами.

В системе семантических союзов наблюдаются другие тенденции. Посмотрим на системы самых частотных семантических союзов – временных и условных. Доминанта синонимического ряда временной союз **когда** отмечен как местоименное наречие, и это не случайно. Мои исследования показали, что этот релятив занимает переходную позицию между союзом и местоименным наречием [Беднарская 2021: 135–140], хотя продолжает оформлять все структурно-семантические разновидности временных предложений. Несмотря на сокращение с XIX века наполовину, система временных союзов является самой представительной: **когда, как** (тоже переходный между союзом и местоименным наречием), **пока, пока не** и широкий круг союзов предшествования: **едва, как только (лишь только, только лишь, только что, чуть только, только, лишь, как скоро, едва – как)** и следования: **после того как, прежде чем, до того как** и др.

В литературном языке союзы-доминанты увеличивают свою частотность, а в диалектологических словарях отмечены только варианты. В Словаре Н.С. Ганцовой видим только разговорные варианты синонимического ряда: временные **когда, покамест(ь), колда, колды** – только как наречия, точнее, местоименные наречия, **покуль** – наречие и союз.

В Словаре орловских говоров, кроме того, отмечены варианты *покеда покыда, покыля*, союзы предшествования *токо, токо что, не токо что*, а также синкретичный союз причины *того что = по той причине, из-за того что*. Интересно, что в литературном языке союз *пока* не переходит в наречие, а в обоих говорах наблюдаем активные процессы переходов.

В системе условных союзов доминирует союз *если... (то)*. В синонимический ряд входят по степени частотности союзы *если бы... (то), раз, коли, ежели, когда, как, ли, что* (в условном значении). Все союзы, кроме доминанты, стали употребляться реже. В говорах сохраняются условные *ежели, что*, наречие *кабы*. Релятив *как* отмечен как временной и условный союз, отмечены варианты союза *коли*. В то же время не отмечен условно-причинный разговорный союз *раз*, возникший только в XIX веке и активно развивающийся в общенародном языке.

Таким образом, семантические союзы-варианты остаются преимущественно в языке говоров. На фоне обеднения системы подчинительных союзов в литературном языке, активного сокращения номенклатуры стилистически окрашенных подчинительных союзов [Беднарская 2015: 162] в языке говоров они сохраняются и активно используются, что зафиксировано лексикографами. Язык говоров продолжает подпитывать общенародный, в том числе литературный, язык.

Литература и источники

Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы 19–20-го столетий. Москва: Флинта: Наука, 2015. 170 с.

Беднарская Л.Д. От знаменательного слова к служебному: от слова-номинатива к слову-релятиву. Москва: Флинта: Наука, 2021. 222 с.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья. Междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. 511 с.

См.: Каринский Н.М. Из наблюдений над языком современной деревни. Литературный критик. 1935. № 5. С. 31–42.

Словарь орловских говоров. Вып. 1–17 / ред. Т.В. Бахвалова. Ярославль: Орел, 1989–2016 (СОГ).

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 352 с.

**«УСТАРЕВШИЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В РЕЧИ КОРЕННОГО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

А.А. Богданова, А.А. Хуснутдинов

*Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
89106953070@mail.ru, arsen1418@mail.ru*

Аннотация. В статье представляется языковой материал, отражающий особенности использования в речи коренного сельского жителя Ивановской области фразеологических единиц, которые в словарях современного русского языка определяются как устаревшие. Систематизация этого материала позволяет выделить несколько разновидностей таких фразеологизмов в зависимости от признания их устаревшими информантом и составителями словарей русского языка.

Ключевые слова: русский язык; фразеология; лексикография; фразеография; диалектный словарь; авторский словарь; язык личности

**«OUTDATED» PHRASEOLOGICAL UNITS IN SPEECH
OF INDIGENOUS VILLAGER IN IVANOV REGION**

A.A. Bogdanova, A.A. Khusnutdinov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Abstract. The article presents linguistic material that reflects the peculiarities of phraseological units' usage in the speech of a native villager in Ivanovo region, which are defined as outdated in the dictionaries of the modern Russian language. The systematization of this material allows distinguishing several varieties of such phraseological units, depending on their recognition as obsolete by the informant and by the compilers of the Russian language dictionaries.

Keywords: Russian language; phraseology; lexicography; phraseography; dialect dictionary; author's dictionary; personality language

Наблюдения над фразеологическим лексиконом коренного сельского жителя Ивановской области показали наличие в живой речи информанта довольно значительного количества фразеологических единиц, которые в словарях, описывающих словарный состав современного русского языка (словарях слов и фразеологизмов), подаются обычно с пометой «устар.». Наличие в активном словарном запасе человека большого числа фразеологизмов, определяемых составителями словарей русского языка как устаревшие, заставляет обратить внимание на такие единицы и рассмотреть особенности их использования носителями языка в современной речи. Здесь мы ставим задачу определенным образом систематизировать имеющийся

в нашем распоряжении языковой материал и представить его исследователям и составителям словарей, что, на наш взгляд, поможет – при условии дополнения его другими материалами такого рода – всесторонне исследовать данное явление и дать ему научное объяснение. Для решения этой задачи собранный нами языковой материал, который представлен в книге «Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области. Словарь» [ФЛ], сопоставлялся с данными словарей русского языка (список словарей см. в конце статьи в разделе «Литература и источники»). Сопоставление указанного языкового материала с данными словарей русского языка дает следующие результаты.

В зависимости от соотношения по разным параметрам фразеологических единиц в лексиконе информанта с описанием тех же фразеологических единиц в словарях русского языка можно выделить несколько разновидностей (групп) фразеологизмов.

1. Фразеологические единицы, которые фиксируются в словарях как устаревшие и как таковые воспринимаются информантом. В речи информанта обнаружен один такой пример, ср.:

● **АЛЛЮ'Р ТРИ КРЕСТА'**, адverb., устар. Очень быстро, как можно скорее (сделать что-либо). # *Раньше говорили: «Аллюр три креста!»*. *Бегом, значит, со всех ног бежать что-то делать. Как лошадь галопом.* 📖 «Аллюр [в] три креста. Угол., жрр. Особенно быстрый уход с места преступления. <...> < Из речи казаков, где оборот характеризует быструю езду на коне>» [БСРЖ: 34]; «АЛЛЮР, а, м. Характер хода, бега лошади (шагом, рысью, галопом, иноходью, в карьер и т. п.)» [БАСРЯ 1: 164–165]; см. также: «Тянет нарочный к конюшне лошадь, потом горячим облитую. Посреди двора упала та на передние ноги, потом – на бок, захрипела отрывисто и коротко и издохла, глядя стекленеющими глазами на цепную собаку, захлебнувшуюся злым лаем. Потому издохла, что на пакете, привезенном нарочным, стояло три креста и с пакетом этим скакал сорок верст, не передыхая, нарочный» М. Шолохов, Родинка.

2. Фразеологические единицы, которые фиксируются в словарях как устаревшие, но являются актуальными в речи информанта. В лексиконе информанта такие единицы составляют самую большую часть собранного материала. В этой группе единиц можно выделить несколько подгрупп:

2.1. Фразеологические единицы, которые в разных словарях одинаково квалифицируются как устаревшие, ср.:

● **БАРА'ШЕК В БУМА''ЖКЕ**, имен., разг. Деньги, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата его действий в интересах

дающего; взятка деньгами. # *А техосмотр я прошёл без ссадин. Гаишник знакомый оказался. Даже яички, что баушка приготовила, не взял. И барашка в бумажке тоже.* 📖 «**БАРАШЕК В БУМАЖКЕ.** Устар. Ирон. Взятка» [ФСРЛЯ 1: 21]; «**БАРАШЕК В БУМАЖКЕ.** Устар. Взятка» [ФСРЯ: 33].

• **БОГ В ПОМОЩЬ**, модальн., разг. Выражение пожелания успехов тому, кто занят работой, трудом, какой-либо деятельностью. # *Бог в помощь!* # *Когда работающему говорили: «Бог в помощь!», – он отвечал: «Слава говорящему!».* # *Я всем, кто занят полезной работой, говорю: «Бог в помощь!» или «Бог навстречу!».* 📖 «**БОГ В ПОМОЩЬ (ПОМОЧЬ).** Устар. Прост. В речевом этикете: пожелание кому-либо успеха в труде. <...> **БОГ НА ПОМОЩЬ**» [ФСРЛЯ 1: 33], «**БОГ <НА> ПОМОЩЬ (ПОМОЩЬ).** Устар. Желая успеха в труде, какой-либо деятельности» [ФСРЛЯ 1: 34]; «**БОГ ПОМОЩЬ (помощь).** Устар. Выражение пожелания успехов в труде, в какой-либо деятельности и т. п. <...> **БОГ НА ПОМОЩЬ.** <...> **БОГ В ПОМОЩЬ (помощь)**» [ФСРЯ: 39–40].

• **БОГ ДАЛ**, глаг., разг. Удалось, посчастливилось, пришлось, привелось, случилось (сделать что-либо). # *Вот где бог дал встретиться!* ◀ **ДАЙ БОГ кому что.** # *Дай вам бог счастья и семейного благополучия!* # *Дай вам бог доехать благополучно.* ◀ **БОГ ДАСТ.** # *Даст еще бог увидеться.* 📖 «**БОГ ДАЁТ (ДАЛ) кого.** Устар. Пришлось, привелось (увидеться, сойтись, встретиться)» [ФСРЛЯ 1: 33], «**БОГ ДАЛ.** Разг. Удалось, посчастливилось (родить ребёнка, иметь детей)» [ФСРЛЯ 1: 33]; «**БОГ ДАЛ [привел].** Устар. Пришлось, привелось (встретиться, увидеться и т. п.)» [ФСРЯ: 38] – Ср. **БОГ ДАЁТ кому что.** **ГОСПОДЬ ДАЁТ.** **БОГ ДАЁТ кого, бог прибрал кого, с богом, всем миром, по мысли кому что, стать в пень.**

Фразеологические единицы этой группы, на наш взгляд, стабильно употреблялись в живой устной речи, об их «устаревании», вероятно, можно говорить только применительно к определенным сферам употребления и письменным текстам. Например, фразеологическая единица **бить челом** в словарях фиксируется как «устар.», хотя это справедливо только для деловой речи, где это выражение наряду со словами **челобитье, челобитчик, челобитчица** исчезает как термин делопроизводства. В живой речи, в том числе и в речи нашего информанта, это выражение и указанные слова используются без каких-либо заметных ограничений, ср.: # *Бить челом – это кланяться до земли, вот как мусульмане молятся.* # *Бьют челом,*

когда просят униженно о чем-то. # **Бить челом** значит просить что-то у того, кто силу или власть имеет. # Твое **челобитье** ему <чиновнику> ни к чему: плевать ему на вашу науку. # Всех, кто в войну воевал и работал в тылу, мы должны благодарить каждый день и **бить им челом** веки вечные. # Альбине Алексеевне привет и **челобитье**.

2.2. Фразеологические единицы, которые фиксируются как устаревшие не во всех словарях, а только в некоторых, см в ФЛ: **бог даст, бог даёт кому что, бог не обидел кого чем, не выпускать из рук что, в грош не ставить кого, держать в мыслях что, с копейки на копейку жить, под масть кому что, милости просим, песенка спета чья, по милости кого, чьей, с молотка, сбиваться с паклей**, например:

● **ПРИ ДЕНЬГА** "X кто, адъект., разг. Богатый, с деньгами, имеющий деньги. О ком-либо. # Отпускные дали? Значит, вы теперь **при деньгах**? # В магазины мы не заходили. Были не **при деньгах**. # А ты **при деньгах** ли? 📖 «**ПРИ ДЕНЬГАХ**. Прост. Достаточно богат кто-либо; имеет деньги» [ФСРЛЯ 1: 195]; «**ПРИ ДЕНЬГАХ**. Устар. С деньгами, имеющий деньги» [ФСРЯ: 135].

● **НИ В ТЕХ НИ В СЕ** "X, адъект., прост. Не может быть определен по принадлежности к тем или другим. О ком-либо. # Воронин уже все гумна обкосил. И никому-то нельзя без сена. Один Донцов **ни в тех ни в сех**, рыбу ловит. # Ты уж определись, **ни в тех ни в сех** нельзя оставаться. Выбирай. 📖 «**НИ В ТЕХ НИ В СЕХ**. Устар. Ирон. В неопределенном положении» [ФСРЛЯ 2: 304].

Такие расхождения в словарях требуют внимательного рассмотрения употребления идиом этого типа с точки зрения их функционирования как в современной речи, так и в истории их бытования в языке, потому что причины здесь могут быть разными, причем объективными и субъективными.

3. Фразеологические единицы, у которых как устаревшее в словарях отмечается одно из значений, а в речи информанта этот фразеологизм в данном значении фиксируется как актуальный, см. в ФЛ: **брать на себя, даром что, с кондачка, ломать голову, медовый месяц, отвести душу, без памяти, на совесть, спустя рукава, сходить с рук**, например:

● **БАШ НА БА** "Ш, адверб., прост. Вещь на вещь, без придачи, без доплаты (менять, обменять, сменять, сменяться). # Мы с ним тогда сменялись валеными сапогами **баш на баш**. # Петуха, ты сказал, нам надо менять. Не знаю, у кого молодых петухов на молодку **баш на баш** сменять можно. 📖 «**БАШ НА БАШ**. Устар.

Прост. 1. Вещь на вещь, без убытков и прибыли (менять, обменивать). <...> 2. Перен. Равное на равное, ровно столько же (брать, получать)» [ФСРЛЯ 1: 22]; «**БАШ НА БАШ. 1.** Прост. Вещь на вещь, без придачи, без доплаты (менять, обменивать). <...> **2.** Устар. Ровно столько же, равное на равное, рубль на рубль (брать, получать прибыли)» [ФСРЯ: 33].

• **ДО ЗАРЕ"ЗУ**, адverb., разг. Очень, крайне (нужно, необходимо что-либо). # *А деньги тебе сейчас до зарезу нужны? # Нам бочки под бензин нужны. До зарезу.* Олег обещал бензину нам привезти. Хоть целый бензовоз, он сказал. 📖 «**ДО ЗАРЕЗУ.** Прост. Экспрес. Крайне нужно, необходимо что-либо» [ФСРЛЯ 1: 254]; «**ДО ЗАРЕЗУ. 1.** Очень, крайне (нужно, необходимо что-либо). <...> **2.** Устар. Очень сильно (любить, влюбляться и т. п.)» [ФСРЯ: 170].

• **В УДА"РЕ**, адъект., разг. В состоянии душевного подъема, вдохновения, при котором удастся что-либо сделать очень хорошо (быть, находиться, чувствовать себя и т. п.). # *Я сегодня был в ударе. Все песни вспомнил и ни разу не сбился. # Дедушка Наполеон сегодня в ударе. Обыграем мы вас <в карты> по всем статьям. Без конца сегодня будете проигрывать.* 📖 «**В УДАРЕ.** Экспрес. 1. В состоянии вдохновения, подъема душевных сил, когда удастся сделать что-либо значительное. <...> 2. Устар. Расположен, в настроении (сделать что-либо)» [ФСРЛЯ 2: 321]; «**В УДАРЕ. 1.** В состоянии душевного подъема, вдохновения, при котором удастся что-либо сделать очень хорошо (быть, находиться, чувствовать себя и т. п.). <...> **2.** Устар. Настроен, расположен (делать что-либо)» [ФСРЯ: 489–490].

Фразеологические единицы этой группы так же, как и единицы выше, требуют индивидуальной характеристики, в первую очередь в пунктах, касающихся значений, которые отмечаются словарями как устаревшие.

4. Фразеологические единицы, у которых устаревшей является синонимичная форма употребления (или синоним), см. в ФЛ: от **а до я (от аза до ижицы)**, **бить в глаза (бить по глазам)**, за **глаза**, в **могиле (за могилой)**, **может быть (может статья)**, от **Москвы раком не поставишь (до Москвы не перевешать)**, с **нитки (с молоточка)**, **плясать под дудку чью (плясать по дудке чьей)**, **сбивать с толку кого (сбивать с пахвей кого)**, **ходить по ниточке (ходить по струнке)**.

Наш материал показывает, что фразеологические единицы этой группы в речи информанта представлены только актуальными формами и синонимичными единицами.

4. Омонимичные фразеологические единицы, из которых одна является устаревшей:

● **И В У"С НЕ ДУТЬ**, глаг., прост. Не обращать никакого внимания на что-либо, ни о чем не беспокоиться. # *Я кричу, кричу, а они и в ус не дуют. Выключайте свой футбол <о телевизоре> и пошли сено убирать!* # *Ваньке учиться бы надо, уехать от родителей-пьяниц. А он и в ус не дует. Только гуляет и карасей на пруду ловит.* 📖 «**В УС НЕ ДУТЬ кому.** Устар. Экспрес. Совсем, совершенно не бояться кого-либо», «**И В УС <СЕБЕ> НЕ ДУТЬ.** Прост. Экспрес. Совсем не обращать внимания на что-либо, не проявлять никакого беспокойства» [ФСРЛЯ 2: 218]; «**<И> В УС <СЕБЕ> НЕ ДУТЬ.** Прост. Не обращать никакого внимания на что-либо, ни о чем не беспокоиться» [ФСРЯ: 148].

● **СКА"ТЕРТЬЮ ДОРОГА**, модальн., прост. Предложение уйти, не участвовать в чем-либо. # *Я ему сказал после этого случая: «Если у тебя язык не держится, всё, как говорится, **скатертью дорога**».* # *Неволить его никто не будет. Не хочешь – **скатертью дорога!*** ► **ДОРОГА СКА"ТЕРТЬЮ кому**, глаг.-пропоз. Все складывается удачно, счастливо для кого-либо; очень везет кому-либо. # *Везёт-везёт, да не всё **дорога скатертью** бывает, можешь и влипнуть в конце концов.* 📖 «**ДОРОГА СКАТЕРТЬЮ.** Устар. Экспрес. Об удачном деле, начинании», «**СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА.** Прост. Презрит. Убирайся вон, рад избавиться от тебя» [ФСРЛЯ 1: 212]; «**СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА. 1.** Устар. Пожелание счастливого пути. <...> **2.** Прост. Убирайся вон, иди, куда угодно; пусть уходит, убирается, никто не будет удерживать. Пожелание избавиться от кого-либо» [ФСРЯ: 143–144].

● **НА" РУКИ кому**, адверб., разг. Во владение, в распоряжение (дать, выдать и т. п.). # *А кардиограмму мне **на руки** не дали.* # *Теперь деньги <зарплату> **на руки** не дают. Всё переводят на карточки.* 📖 «**НА РУКИ кому, чьи.** Устар. Разг. На попечение кого-либо (оставлять, покидать, отдавать и т. п.)» [ФСРЛЯ 2: 204]; – Ср. **НА РУКАХ чьих, у кого.**

Последние примеры можно трактовать как результат дальнейшего развития семантики фразеологизма, когда изменения в значении единицы приводят к возникновению многозначности и омонимии. Это указывает на то, что фразеологизм, определяемый в словарях как устаревший, находится в активном запасе. (В скобках укажем, что вопрос об активизации отдельных слов и выражений, находящихся в пассивном запасе, относится к числу актуальных в современной науке.)

Наблюдения над идиоматическими выражениями, которые активно употребляются в речи современных носителей языка, а в словарях русского языка определяются как устаревшие, приводят к выводу о необходимости специального исследования указанных фактов. Это позволит добиться более полной и точной лексикографической разработки таких единиц как в общих, так и специальных словарях.

Литература и источники

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2014. (БАСРЯ)

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1989.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд., стер. М.: Русский язык, 1993. (Жуков)

Золина Е.Н., Хуснутдинов А.А., Хуснутдинова А.А. Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области. Словарь / Е.Н. Золина, А.А. Хуснутдинов, А.А. Хуснутдинова. Иваново: ИГХТУ, 2019. 416 с. (ФЛ)

Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2004. (Кобелева)

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. Москва: Русские словари, Астрель, 2001. (ФРР)

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Москва: Терра, 1994.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. (БСРЖ)

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995.

Фразеологический словарь русского языка. / под ред. А.И. Молоткова. Москва: Советская энциклопедия, 1967. (ФСРЯ)

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург: Норинт, 2004. (БСРРЭР)

ТЕКСТЫ А.В. ГРОМОВА О Е.В. ЧЕСТНЯКОВЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛОГРИВСКОЙ РЕЧИ

Е.Г. Веселова

*Костромской государственной историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, Кострома, Россия,
veselovaelena@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена двум видным костромским деятелям на ниве просвещения, знатокам народной речи – А.В. Громову и Е.В. Честнякову. Анализируются тексты, собранные А.В. Громовым в Кологривском районе, со стороны состава диалектной лексики и новых сведений о Ефиме Честнякове.

Ключевые слова: А.В. Громов; Е.В. Честняков; поунженские говоры; диалектная лексика

TEXTS BY A.V. GROMOV ABOUT E.V. CHESTNYAKOV: INTERPRETATION OF THE KOLOGRIVSKY DIALECT

E.G. Veselova

Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Kostroma, Russia

Annotation. The article is devoted to two prominent Kostroma figures in the field of education, experts in folk speech – A.V. Gromov and E.V. Chestnyakov. The texts collected by A.V. Gromov in the Kologrivsky district are analyzed from the side of the dialect vocabulary and new information about Efim Chestnyakov.

Keywords: A.V. Gromov; E.V. Chestnyakov; Pounzhensky dialects; dialect vocabulary

Среди знатоков и ценителей костромского народного слова важное место занимают самобытный художник и писатель Ефим Васильевич Честняков и учитель, краевед, поэт Александр Вячеславович Громов. В биографии и взглядах этих людей есть много общего. Оба они уроженцы поунжеского края, Е.В. Честняков (1874–1961) родом из деревни Шаблово Кологривского уезда, А.В. Громов (1922–2012) из д. Макарово Мантуровского района. Они получили учительское образование и большую часть жизни, каждый по-своему, передавали свои знания своим ученикам и землякам. И хотя годы жизни Честнякова и Громова не совпадают, Честняков родился значительно раньше, но искренняя любовь к малой родине, её жителям, живой интерес к народной речи, стремление запечатлеть её лексическое богатство во многом их роднит и сближает. Время, в которое жили оба деятеля, характеризуется архаическим состоянием говоров, поэтому наследие, оставленное ими в виде дневниковых записей, литературных текстов, черновиков, писем и мн.др. является важнейшим источником изучения поунженских говоров.

Е.В. Честняков как самобытный художник и писатель получил широкую известность в 70–80-е годы XX века. В своём художественном и литературном творчестве он оригинально запечатлел многообразный мир костромской поунженской деревни с её природой, крестьянским трудом и бытом, богатыми фольклорно-обрядовыми традициями и колоритным народным языком. Обильное и уместное использование языковых средств поунженских говоров составляют яркую отличительную черту большинства литературных произведений Честнякова. И это он делал совершенно сознательно, поскольку, имея учительское образование и вращаясь в кругах художественной интеллигенции Костромы, Кинешмы, Санкт-Петербурга и Казани, Е. В. Честняков был билингвом: владел литературным языком и с детства впитал в себя родной диалект. Язык «образованных», т.е. книжно-литературный, он применял в тех ситуациях, когда это считал необходимым, например, в письмах И.Е. Репину, К.И. Чуковскому, М. Касаткину и др. В деревне же он чаще всего говорил так, как его односельчане, это было его способом слиться по языку и образу жизни с теми людьми, среди которых он прожил всю жизнь, которых прекрасно знал, безмерно уважал и желал им добра.

При жизни писателя его литературные произведения практически не издавались. Одной из причин этого было несогласие Е.В. Честнякова редактировать свои литературные тексты. Только в 1914 году в детском журнале «Солнышко» (№ 1) в Петербурге была опубликована сказка «Чудесное яблоко», а затем в петербургском издательстве «Медвежонок» вышла отдельная книжка его сказок «Чудесное яблоко. Иванушко. Сергиюшко». И хотя редакция «Медвежонка» сохранила в авторских текстах диалектные слова и посчитала «долгом оговориться, что во всех трёх сказках сохранён говор крестьян Костромской губ., уроженцем которой они были созданы...» [Честняков 2011: 137], сам писатель всё-таки остался недоволен изданием своих сказок, поскольку при корректуре многие народные слова были заменены общеупотребительными: *«Вместо слова яблок.. печатают яблоко... вместо парнеко'в, как у меня написано, напечатали – паренков... вместо дедушко – дедушка»* [Честняков 2011: 15] и т.д. Радикальная позиция Е.В. Честнякова как писателя, мыслителя и лингвиста состояла в том, что «он выступал за демократизацию русского литературного языка, в котором, по его мнению, слишком мало представлено подлинно русское народно-разговорное начало и слишком велико засилье официальных и иностранных элементов» [Ганцовская, Веселова 2016: 466].

А.В. Громова мы чтим как учителя, знатока диалектов, краеведа, наряду с другими исследователями он вложил свою лепту в изучение наследия Е.В. Честнякова и поунженских говоров. Будучи педагогом и жителем Мантуровского района, он не раз посещал соседние кологривские деревни, где собирал ценные полевые материалы и фиксировал особенности говоров в области фонетики, морфологии и, конечно, лексики. Некоторая часть этих материалов посвящена воспоминаниям жителей о шабловском затворнике. В рассказах земляков Ефим Честняков предстаёт, прежде всего, как необычный человек, провидец, знахарь и даже святой. Эти материалы являются важным дополнением к биографии Честнякова и приоткрывают ещё одну сторону его удивительной жизни.

Обратимся к фрагменту одного из текстов, опубликованному в книге «Костромские говоры» Н.С. Ганцовской. Он записан А.В. Грозовым в 1986 году во время диалектной практики со студентами КГПИ им. Н.А. Некрасова от Беляевой Марии Дмитриевны, жительницы д. Денюгино, родственницы Е.В. Честнякова,

Молодым предсказывал будущее. Картину нарисует: «Невеста в шовковике». Сваты приехали – скажет: «Невеста-то пригожавица, пригожавица! Но хоть и хорош жених, но несчастлива будет...

Как прозорлив был Ефим! Он всё знав. Одна вот девушка красивая была. Пришла к нему: «Ой, Ефим Васильевич, скажите судьбу». – «Твоёй судьбы нету, она с китайским царём чай пьёт». Так и вышло: девушка вышла замуж не за зднешнёва, а в девках робёнка принесла.

Соседке своей он басенькой камешок подаёт и наказывает: «Береги этот камешок и никому не доверяй». Потом она жила в Москве, готовила в столовой высшему начальству. После войны пришла домой и вышла замуж за хорошего человека, жениха. Ефим счастье ей подарил.

Кто бы ни приехав учиться, каждый к нему за советом ходив. Некрутов в совдаты провожав. И когда ковхозы организовывались, кто шов в их, все советовались с им. Он советовав, говорил: «Заходите в ковхоз». Он всю жизнь вперёд видев. Даже из других городов приезжали за советом... У меня болела голова. Он всё на заперти сидит. Постучалась, открыв. «Я не бох», – сказав, но голову пошшупав, подержав – и боль прошла. Как, жаланной, ему было не верить?..

Когда Ефим Васильевич умер, мы все картины глядить ходили к ему. Ведь как он правдиво нарисовав: как молотят или как сговорёнку к венцу ведут, от веника прутики по дороге ставят» [Ганцовская 2018: 146–147].

Как видим, в рассказах кологривских жителей о Ефиме Честнякове чаще всего описываются случаи предсказания им человеческой судьбы, чудесного исцеления от болезни или советы, выполнение которых приводило к благополучию земляков.

Эти тексты содержат диалектные слова различных тематических групп: обрядовая лексика, лексика, характеризующая человека по возрасту, внешности и родству, лексика материальной и духовной культуры и др. Так как Честняков хорошо знал обряды, часто принимал участие в свадебных действиях, в тексте, записанном А.В. Грозовым, присутствует свадебная лексика: *невеста, жених, шевковик, сваты, пригожавица, сговорёнка* и др.

Сговорёнка. *Когда Ефим Васильевич умер, мы все картины глядеть ходили к ему. Ведь как он правдиво нарисовал: как молотят или как сговорёнку к венцу ведут, от венника прутики по дороге ставят»* [Ганцовская 2018:147]. В кологривских говорах сговорёнкой называли просватанную девушку, невесту после сговора, то есть момента, когда родители жениха и невесты договорятся о деталях свадьбы. В Словаре В.И. Даля зафиксирована данная лексема с таким же значением с пометой олон. яросл [ТСЖВЯ Т.4 1882:167]. В СРНГ отмечены еще несколько значений слова: 2. Соглашение между родителями жениха и невесты, сговор', Иван.-Вознес., Некрас. Яросл. 3. Платок, которым повязывали просватанную девушку. Яросл., 4. Сговорёнки, мн. Свадебные песни. Макар. Костром. [СРНГ Вып.37 2003: 25-26]

Пригожавица. *Сваты приехали – скажет: «Невеста-то пригожавица, пригожавица! Но хоть и хорош жених, но несчастлива будет...»* [Ганцовская 2018: 146]. В кологривских говорах диалектизм имеет значение 'красавица, пригожая молодая девушка' (но думается, что здесь, кроме внешней красоты, она наделена и другими положительными качествами: трудолюбием, хозяйственностью, способностью к рукоделию). В ТСЖВЯ В.И. Даля в таком же значении зафиксировано слово *пригожайка, пригожатка* ж. 'красавица, пригожая, хорошенькая женщина' [ТСЖВЯ Т.3 1882: 421]. В СРНГ отмечены лексемы *пригожица*, ж. 'красавица'. Нижегород. *пригожуля*, м. и ж. 'красивый, привлекательный человек'. Пошех. Яросл., *пригожунья*, ж. 'красавица'. Зап. Брян. [СРНГ Вып. 31: 166]. Все они образованы от глагола пригожаться, пригодиться – быть к чему годным, полезным на что-то.

В этом же тексте встречается диалектное слово *басенький* 'красивенький', которое является уменьшительно-ласкательной формой слова баской 'красивый', 'хороший'. *Соседке своей он басенькой ка-*

мешок подаёт и наказывает: «Береги этот камешок и никому не доверяй» [Ганцовская 2018: 146]. Данная лексема широко распространена в кологривских говорах и характеризует внешнюю красоту не только вещей, предметов, но и человека. В литературных произведениях Е.В. Честнякова частотна лексема баской: *Мост хрустальный над рекой [С семи верстной высотой] Разукрашенный баской* [Честняков 2011: 32], *Девушки баски Ткали пояски В разныя люли Ниточки плели* [Честняков 2011: 59], *Говорили пресленьки: «Мы де оба так баски.. Я в цветочках голубой Бело-алый ты с резьбой.. Мы живем себе не тужим.. И хозяйкам верно служим..* [Честняков 2011:111]. В ТСЖВЯ зафиксировано множество значений слова *баской* «красивый, красный, видный, казистый, взрачный, осанистый, пригожий, нарядный... и др. [ТСЖВЯ 1: 52]. В СРНГ отмечены обе лексемы: *басенький, басэнький и басенькой* ‘хорошенький’, ‘красивенький’, ‘нарядный’. Уфим, Алт. Южн.-Сиб., Вят., Арх, Олон. и баской с широкой географией распространения в русских говорах и множеством значений: 1. Красивый; хороший а) О человеке. Красивый, нарядный; хороший. Олон., Вят., Волог., Яросл., б) О животном. Перм., в) О предмете. Волог., Нижегород., Том., Хабар. г) Красивый, нарядный, хороший (без дополнительных указаний). 2. Проворный, расторопный, ловкий; бойкий, резвый. Малоарх. Орл., Тамб., Нерехт. Костром. 3. Вежливый, приветливый. Ростов. Яросл., 4. Говорливый. Шуйск. Влад., 4. Гордый, заносчивый. Влад., Арх., Олон., Волог., Яросл. 6. Пугливый (о лошади). 7. Баские, мн. Ряженные. Олон. и др. [СРНГ 2: 129, 132–133].

А.В. Громов неслучайно обратился к наследию Е.В. Честнякова, он доверял ему как знатоку кологривского говора и пытался глубже познать народную поунженскую речь, зафиксировать её лексическое богатство. Сходство кологривских и мантуровских говоров обусловлено территориальной близостью: они расположены рядом по течению реки Унжи.

В одном из стихотворений мантуровского краеведа мы находим диалектные слова, которые объясняют происхождение фамилии Е.В. Честнякова:

Я бабушку угорскую одну
 Прошу мне рассказать про старину.
 И неслучайно вспомнила она
 Хорошие народные слова.
 Вот сына в гости собирает мать
 И говорит, как там себя держать:
 «Очеслив будь в собрании своём,

Веди себя достойно за столом,
Не лезь в тарелку много раз подряд –
Так принято, так люди говорят».
«Очесливый» – не слышим в наши дни,
Но бабки помнят, помнят словари.
Хоть слову этому у нас замены есть:
«Учтивый», «скромный», в корне слово «честь»,
Но в бабкином одном вместилось это всё,
И это интересно, это хорошо!
«Очеслив будь!» – Я молодым дарю
И бабке за слова спасибо говорю [Громов 2013: 13–14].

Действительно, в литературе о Честнякове существует мнение, что фамилия его происходит от кологривских слов «честняк», «честь», «честной», которые в говорах обозначают единственного сына у родителей, на него возлагалась роль кормильца и главы крестьянского хозяйства. Хотя по деду Ефим Васильевич был Самойлов, он взял другую фамилию, учитывая особенность своего положения в семье.

Таким образом, А.В. Громов внёс значимый вклад в изучение наследия Е.В. Честнякова и поунженских говоров. Материалы, собранные им, являются ценным источником для изучения говоров, а также дополняют сведения о жизни Е.В. Честнякова.

Литература и источники

Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г. Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома: Костромской государственной университет, 2016. С. 465–477.

Ганцовская Н.С. Ефим Честняков как герой кологривских рассказов / Костромские говоры: учеб. комплекс. В 2 т. Т.1/ отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С.145–148.

Громов А.В. Старинные слова // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 13–14.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург: Изд-е М.О. Вольфа, 1880–1882.

Словарь русских народных говоров. 1– / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965– .

Честняков Е.В. Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева; отв. ред. Н.А. Дружнева. Кострома: Костромаиздат, 2011.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОМАТИЗМОВ
В ЛЕКСИКЕ ОДНОЙ АЛФАВИТНОЙ ГРУППЫ
«ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ
(СЛОВА НА БУКВУ Х)»**

Л.А. Власова

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия, udmila34.2@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена система диалектных наименований частей тела человека (соматизмов), зафиксированных в рамках одной алфавитной группы «Тематического словаря орловских говоров (слова на букву Х)». Обосновано включение данной лексики в словарь в одну тематическую группу с лексикой, служащей для характеристики внешности человека; рассмотрены системные лексико-семантические и мотивационные отношения между языковыми единицами.

Ключевые слова: соматизмы; диалектная лексика; алфавитная группа; лексико-семантическая группа; «Тематический словарь орловских говоров (слова на букву Х)»

**REPRESENTATION OF SOMATISMS IN THE VOCABULARY
OF ONE ALPHABETIC GROUP «THEMATIC DICTIONARY
OF OREL DIALECTS (WORDS WITH THE LETTER X)»**

L.A. Vlasova

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

Abstract. The article presents a system of dialect names of human body parts (somatisms) recorded within one alphabetical group of the «Thematic Dictionary of Orel dialects (words with the letter X)». The inclusion of this vocabulary in the dictionary in one thematic group with the vocabulary used to characterize a person's appearance is justified; the system lexico-semantic and motivational relations between language units.

Keywords: somatisms; dialect vocabulary; alphabetic group; lexico-semantic group; «Thematic dictionary of Orel dialects (words with the letter X)»

Областные словари диалектной лексики являются лексикографическим отражением региональных явлений языка в пространстве, времени, социуме. Каждый из таких словарей содержит важную информацию не только о языковом своеобразии конкретного говора, но и позволяет понять особенности восприятия носителями диалектной речи окружающей действительности; представить их образ жизни, определяемый трудовой деятельностью, в конкретный исторический период; выявить жизненные приоритеты и ценности в крестьянском социуме и, в конечном итоге, – определить особенности менталитета русского народа.

Разноаспектная и многослойная лексика каждого говора представляет собой разноуровневую стройную систему и включает в себя множество тематических и лексико-семантических групп, отражающих такие важнейшие стороны русской жизни, как место человека в социуме, его личностные характеристики, быт, трудовая деятельность, досуг, традиции и обычаи. И в этом отношении невозможно недооценить тематические словари региональной лексики.

В 2016 году на кафедре русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева коллективом преподавателей, входящих в словарную группу по работе над очередным выпуском «Словаря орловских говоров» (научный редактор Т.В. Бахвалова), был подготовлен и опубликован 17-й выпуск словаря [СОГ 17], в который вошли слова на буквы Х (1068 словарных статей, составитель Л.А. Власова) и Ц (278 словарных статей, составители Т.Н. Агеева и В.Н. Гришанова). На базе этого выпуска автором данной статьи был создан «Тематический словарь орловских говоров (слова на букву Х)» [Власова 2016], принципы составления которого и описание его структуры были подробно освещены в статье «Опыт создания тематического словаря орловских говоров на примере лексики одной алфавитной группы» [Власова 2018].

Соматические номинативы, или наименования частей тела человека, в данном словаре входят в параграф 1.2. «Внешний вид, части тела» тематической группы 1. «ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ» раздела I. «**ЧЕЛОВЕК**». При составлении словаря в указанном параграфе лексико-семантическая группа наименований частей тела была объединена с лексико-семантической группой слов, характеризующих человека по внешности, поскольку особенности строения тела человека либо его физические дефекты зачастую становились мотивировочными признаками для характеристики внешности человека. Например, внешность человека с укороченной либо нездоровой ногой определяется носителями языка через эту отличающую от других людей особенность словами *храмак*, *храмарь*, *храмач*, *храмец*, *храмолюдный*, *храмондыля*, *храмушка*, *храмыль*. *Мы у клуп събирёмся идить, а храмак зь нами прыгьить / Тетът храмарь и так-ть еле ходить, куды и яму бегьть / Храмач пашол / Мой храмец нонче кьндылял в мъгазин, хлебу принёс / Этът хръмалюдный никаму ни даст пакою / Хоть дет мой хръмандыля, а хазяйствъ всё на нём / Храмушке сорьк шэсть лет / Храмыль на палку апирайтца, кагда идеть.*

В тематической группе наименований частей тела в орловских говорах (в группе слов на букву Х) представлены соматические номинативы, которые можно объединить по классам

и лексико-семантическим группам в них. Внутри данной системы классы соотносятся друг с другом по смысловому признаку «части тела человека» и позволяют выявить три класса слов, служащих для обозначения основных внешних физических форм человека – туловища (тела), головы и конечностей. Внутри каждого класса выделяются языковые единицы более частного порядка, называющие части этих телесных форм. Промежуточное положение между первыми двумя классами занимают слова, обозначающие шею.

В первом классе соматизмов, служащих для обозначения туловища человека, можно выделить группы слов, обозначающих как туловище человека, так и его части: спину, часть тела ниже спины (зад) и живот. Отметим, что слов для обозначения груди в исследуемой алфавитной группе не зафиксировано.

В указанном словаре отмечено лишь одно диалектное слово **хлуп**, служащее для наименования туловища (тела) человека в целом (*туловище* – ‘тело человека и животного (у человека – без головы и конечностей; у животных – без хвоста’ [НБТС: 1352]; *тело* – ‘часть человеческой фигуры от шеи до ног; туловище, корпус’ [НБТС: 1313]). Оно бытует лишь в одном из западных районов Орловской области (Урицком): *Ну и хлуп у ниво длинный!*

Непосредственно спина (*спина* – ‘задняя (у животных – верхняя) часть туловища от шеи до крестца’ [НБТС: 1248]) обозначается в орловских говорах словами **хрип** и **хребётка**: *Мяшок нъ хряпу нясла ана; Я сваиво рибёнкъ нъ хрипу насила; Уш больнь у мене хрип рьзбалелся / Как хряпну – так пирсажу сразу хрибётку; Ни бей мяня нъ хрибётке, больна*. Отметим более широкий ареал распространения слова **хрип** в орловских говорах, нежели у слова **хребётка**.

Слово **хрип** в орловских говорах многозначно. Помимо спины оно также в двух районах области (Новосильском и Орловском) обозначает горб – уродливую выпуклость на спине человека: *К старьсти лет, если нагнумыш хадить будиш, хрип вырьститъ; Хрип у мене к старьсти вырьс*.

В исследуемой алфавитной группе в одном из восточных районов области (Краснозоренском) отмечено слово **хвост**, служащее для обозначения части тела человека ниже спины (зада): *Глянь, юпкъ къратка, усе у хвост глядят*.

Негативный коннотативный компонент содержится в семантике неодобрительного слова **хабаба́**, бытующего в Залегощенском районе и обозначающего, по мнению говорящего, слишком большой живот: *Пьсматри, какую хьбабу себе Маруськъ наела*.

Большая детализация значений отмечается во втором классе слов, служащих для обозначения головы и её частей: затылка, лица, носа, щёк и др. Для наименования головы человека в целом в орловских говорах в ряде районов (Краснозоренском, Троснянском, Урицком) служит слово **хряпка**: *Дь убири ты сваю хряпку; Из-зь тваей хряпки ничиво ни видна; У мене хряпкъ балить*. Это же слово в Орловском районе служит для обозначения задней части головы человека затылка: *Палучиш на хряпке, если ни здельшиш, што я тибѣ гъварю*.

Самой частотной и разнообразной по составу лексико-семантической группой этого класса слов является ЛСГ, включающая наименование лица (*лицо* – ‘передняя часть головы человека’ [НБТС: 501]). В эту группу входят следующие лексемы: **хлебџтина, хряпа, хрюля, хрючка, хряпа**: *Хлиботинъ-ть у тибя здаровья, а толку мала / Храпу задрал кверху / Какая у тибя грязнья хрюля / Иди вымъй хрюцку / Ну и хряпъ у нашъвъ новъвъ притсидатиля. Простъ ужъс; Глянь, хряпу натряпъл каку*. Отметим экспрессивно-неодобрительный характер данных слов, эмоционально характеризующих лица конкретных людей, и широкий ареал их распространения (Верховский, Малоархангельский, Мценский, Новосильский, Орловский и др. районы).

У зафиксированных слов также хорошо просматриваются мотивационные признаки: соматизм **хлебџтина** образован от народно-разговорного глагола *хлебатъ* – ‘есть (жидкое), черпать ложкой’ [НБТС: 1445], слова **хряпа, хрюля, хрючка, хряпа** соотносятся с диалектными словами орловских говоров, обозначающими преимущественно морды домашних животных – лошади, овцы, свиньи: *хряпа* – ‘нижняя и средняя часть переносья животных’ [СОГ 17: 115], *хрюля* – ‘то же, что *хавроша*’ [СОГ 17: 134], где *хавроша* – ‘домашнее животное свинья’ [СОГ 17: 7], *хрючка, хряпа* – ‘рыло свињи’ [СОГ 17: 135, 137].

Показательно, что почти те же самые слова **хряпа, хрюля, хрючка, хряпка** почти повсеместно обозначают в орловских говорах и нос человека: *Вся хряпъ у тибя в гризи; Хряпъ уся пирипачкъна, как у пърасёнка / Дай хрюлю вытру; Ну и хрюля у тибя, как у пърасёнка / Йиво хрючкъ был кагда-ть сломън; Ходъ бы хрючку памыл / Иди в хату, а то у тибя ужъс вся хряпкъ пъкраснела; Хряпку вытри; Хряпкъ у ниво как картошка; Дь у тибя вся хряпкъ ат хольдъ пъсинела; Хряпку сваю пъдатри; Давай-къ смаркай сваю хряпку суда*.

Лексема **хрючка** в орловских говорах обладает полисемантической структурой и в Дмитровском районе служит также для

обозначения части носа человека – переносицы: *Хрючкь у миня зъчисалсь; Йиму в драке хрючку сламали*. Его синонимом выступает также слово *хрусь*, бытующее в Мценском районе: *Вить мужыки – ани какия: как напьютъцъ и давай драцца. Вот он па хрусю как даст – у таво и кравя пѣтикла*.

В Орловском и Должанском районах диалектное слово *хрючка* употребляется и для обозначения нижней части лица, включающей область носа и рта (семантически оно шире литературного слова *подбородок*): *Глянь на йиво, хрючку задрал, как пѣрасѣньк; Сасет анадысь пьяный усю хрючку щцистил; Манька, апать у тебе уся хрючкь грязнья; Хрючкь грязнья у няво*.

Во второй класс соматизмов исследуемой алфавитной группы входит также зафиксированное в Новосильском районе слово в форме множественного числа *хомячищи*, называющее толстые щѣки (*щека* – ‘часть лица от скулы до нижней челюсти’ [НБТС: 1511]): *А харош мальчик, пухлинький, так и хочитъцъ йиво зъ хъмячищи па-трогъть*. Суффикс *-ищ-* в отмеченном слове указывает на оттенок увеличительности. Корневая морфема *хомяч-* с чередующимся согласным *к/ч* свидетельствует об аналогии с развитыми защёчными мешками грызуна хомяка, что подтверждается также наличием в орловских говорах слов *хѳмка* и *хомяк*, служащих для прозвищ людей с толстыми щеками: *Хѳмкой мы парня адново завѳем, он кѳк хѳмяк / А щѳки у ниво шырокие, толстые – празвали Хѳмяк*.

Как было отмечено выше, промежуточное положение между основными классами соматизмов, обозначающих туловище и голову, занимают слова, являющиеся наименованиями шеи, её частей и смежных частей тела. В ряде районов Орловской области (Верховский, Кромской, Мценский, Сосковский) шея человека (*шея* – ‘часть тела между головой и туловищем у наземных позвоночных животных и человека’ [НБТС: 1498]) обозначается словами *хѳлка*, *хрип*, *хребѳт*: *Павесиль бусы на холку; Хѳлка – етъ шѳя; Хѳлка – шѳя чилавека / Астыла, хрип ни пѣварачивьлсь; Астыль у мине етъ мѳсть – шѳя, хрип; Хрип платком пѣдвязала / У нас хриптом завут ни толькѳ спину, но и шѳю*.

Задняя часть шеи в некоторых районах области называется диалектными словами *хабарло*, *хѳлка*, *хѳмуѳт*: *Он взял миня зъ хѳбарло дѳ и кинул чирис всю хату / Он мине па холке вдарил / Йиму в драке пѳ хѳмату ударили* (Мценский, Шаблыкинский, Знаменский районы).

В исследуемой алфавитной группе для обозначения комплексного участка тела – задней части шеи человека и прилегающей к ней спины – служат слова *хибѳт* и *хрип*: *Хибѳт прѳстудила / Вязанку*

нясла, весь хрип пиритянула; Бывала, нъработъишиси, весь хрип балить; Ох, и хрип дюжъ балить (Верховский, Залегощенский, Ливенский, Мценский, Орловский районы).

В третий основной класс соматизмов входят слова, обозначающие конечности человека – руки и ноги, а также их части.

Слово *хваталка* почти повсеместно употребляется для обозначения любой руки человека: *Ты испачкъл себе хваталку. Хваталкъ у тибя здърава и сильна. Што выстъвил сваю хваталку? Ты хваталки-тъ ни ръспускай, пака ни пълучил! Убири сваи хваталки, съмаму малъ хлеба. Дюжъ умелые хваталки у ниво. Ябълки бирёт хваталкъми грязными. Хваталки у тибя быстры, диву даюсь. Атец пришил с вайны с одной хваталкъй* (Болховский, Верховский, Залегощенский, Знаменский, Глазуновский, Колпнянский и др. районы).

Гораздо реже оно встречается в пяти районах области (Дмитровский, Малоархангельский, Мценский, Орловский, Урицкий) в значении ‘правая рука’: *Што жъ ты хваталку тяниши?; Ягды хваталкъю сабирал; Што ты сваей хваталкъй ръзматальсь?; Хваталкъ у тибя шустръя; Ни успель я и глазъм мигнуть, а ты ужэ ябълкъ взяла съ стала; Вань, убири сваю хваталку ат блинов, сяткъ и нармальнь паеш!* Согласимся, что контекст данных примеров малоинформативен, однако именно в таком значении было отмечено анализируемое слово.

Часть руки кулак, представляющая собой кисть руки с согнутыми и прижатыми к ладони пальцами, в Мценском районе называется словом *хулка*: *Йон дюжъ сильньй был, одной хулкъй чилавекъ убить мох, вот какия люди бывали.*

Ноги в Шаблыкинском районе обозначаются существительным множественного числа *ходарки*: *Хадарки – етъ ноги*. Задняя часть ступни пятка в Новосильском районе носит название *хлюза*: *Хлюзъ у мене ноить, наверна, пагодъ изменитца.*

Таким образом, анализ соматизмов в пределах одной алфавитной группы диалектных слов, зафиксированных в «Тематическом словаре орловских говоров (слова на букву Х)», показал, что даже на материале небольшой тематической группы лексики, объединённой по формальному признаку, обнаруживаются системные черты данного лексического пласта со смысловыми, мотивационно-деривационными, экспрессивно-оценочными отношениями. Наблюдения над лексикой диалектных слов на букву Х позволяет заметить явное превалирование слов с негативно-оценочным экспрессивным компонентом, что заставляет задуматься об особом оценочном статусе этой буквы русского алфавита.

Литература и источники

Власова Л.А. Тематический словарь орловских говоров (слова на букву Х). Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2016. 157 с.

Власова Л.А. Опыт создания тематического словаря орловских говоров на примере лексики одной алфавитной группы // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. науч. трудов, посвящ. 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. Москва: МФЮА, 2018. С. 402–410.

НБТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.

СОГ – Словарь орловских говоров / сост. Л.А. Власова, В.Н. Гришанова, Т.Н. Агеева; науч. ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 17. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2016. 187 с.

УДК УДК 811.161.1'28

ДОПОЛНЕНИЯ К СЛОВАРЮ А.В. ГРОМОВА «ЛЕКСИКА ЛЬНОВОДСТВА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ ПО РЕКЕ УНЖЕ»

И.А. Горбушина

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, irgor84@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена некоторым словам и выражениям (как диалектным, так и литературным), относящимся к теме обработки льна (а также некоторых других культур), которые имеют дополнительные значения, помимо зафиксированных в словаре А.В. Громова. За основу взят корень тер- ‘тереть’ и рассмотрены его производные, относящиеся к сельскохозяйственной лексике.

Ключевые слова: диалектная лексика; диалектные словари; корень тер-; обработка льна

ADDITIONS TO A.V. GROMOV'S DICTIONARY “THE VOCABULARY OF FLAX GROWING, SPINNING AND WEAVING IN KOSTROMA DIALECTS ALONG THE UNZHA RIVER”

I.A. Gorbushina

*V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to some words and expressions (both dialectal and literary) related to the topic of flax processing (as well as some other crops), which have additional meanings in addition to those recorded in the dictionary of A.V. Gromov. The root ter- ‘teret’ is taken as a basis and its derivatives related to agricultural vocabulary are considered.

Keywords: dialect vocabulary; dialect dictionaries; root ter-; flax processing

Региональный тематический словарь А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» является масштабным исследованием в этой области. Он охватывает практически всю лексику, связанную с льноводством, прядением и качеством, как уже уходящую в прошлое, так и ещё актуальную. Поскольку лексика, собранная А.В. Громовым, ограничена костромскими говорами, было бы интересно сопоставить некоторые слова и выражения, зафиксированные в словаре, с аналогичными лексемами в других говорах.

Процесс обработки льна в словаре А.В. Громова разбит на подпункты, отражающие его этапы, и для наименования каждого из них использованы слова, более или менее замкнутые в своём тематическом кругу. Так, например, в подпункте «Уборка льна» используются глаголы *теребить*, *дёргать*, *драть*, *рвать*; в подпункте «Первичная обработка льна» – *колотить*, *мять*, *трепать*, *чесать* и т.п. Эти корни повторяются в существительных (напр., *околачивать лён* – *околоток* «освобождённый от семенных головок, обмолоченный льняной сноп» (подпункт «Результаты первичной обработки льна и единицы его счета»), но глаголы, как правило, изолированы.

Цель данной статьи – показать, что некоторые лексемы, производные от одного корня, могут распространяться на разные этапы общего процесса обработки льна, а также других культур (в том числе зерновых). К словам, активно используемым для названия действий, связанных с обработкой льна (*трепать*, *мять*, *чесать*, *стлать* и др.), приведённым в словаре А.В. Громова, можно добавить множество производных от корня *тер-* ‘тереть’.

В статье рассматриваются некоторые из подпунктов, указанных в словаре, лексика которых дополнена производными от корня *тер-*, могущими также представлять интерес для учёных, работающих в области сельскохозяйственной лексики.

Глагол *тереть* в говорах обладает гораздо более широким кругом значений, чем в литературном языке. В частности, некоторые из них относятся к сельскохозяйственной сфере, в том числе и к льноводству:

«*Тереть лён* ‘освобождать лён от головок, разминая их на хорошо укатанном месте ногами лошадей или колёсами машин’: *На льнозаводе устилали дорогу, машины его и тёрли, головки кони трут. Сейчас не трут* (Новг.)» [СРНГ 44: 73]. Также существует выражение *тереть лён в ногах* ‘топтать ногами лён, делая его мягким’: «*В ногах тёрли, а потом на гребень и прядёшь*» (сиб.) [Там же]. Соответственно, существует и возвратный глагол *тереться*

‘обрабатываться (о льне)’: «**Терница**, в ей доска щербата, по ей ка-ток с зубками, телепашь – **трётся** лён (Новосиб.)» [СРНГ 44, 74].

Другим производным от праслав. *ter- является глагол *теребить* (< *ter-b-iti), который указан в словаре А.В. Громова в пункте «Уборка льна» и объясняется как ‘выдёргивать созревший лён из земли’, причём это значение, согласно словарю, не только костромское, но повсеместное [Громов 1992: 20].

Однако глагол *теребить* в русских говорах обладает широким кругом значений, из которых приведу здесь только одно, непосредственно относящееся к тематике словаря, – ‘обрывать у льна головки и очищать от костры’: «*Бывало, козлины сделаны. Прижимают лён и **теребят** головки* (Новг.)» [СРНГ 44: 67–68]. Это значение зафиксировано в новгородских говорах.

Таким образом, глагол *теребить* может относиться не только к уборке, но и к первичной обработке льна (соответственно, в словаре А.В. Громова это пункт II «Первичная обработка льна», подпункт «Действия и процессы первичной обработки льна»).

Также к глаголам, используемым в диалектах для терминов обработки льна, относится глагол *торгать* (несов. *торгнуть*). В литературном языке он существует только с ограниченным числом префиксов (*вторгать(ся)*, *исторгать*, *отторгать*), в говорах же употребляется свободно и обладает рядом специфических значений, хотя все они в той или иной степени содержат сему ‘резкое движение’. Здесь опять же ограничусь значением, непосредственно относящимся к тематике доклада: ‘дёргать лён, коноплю’: «**Торгать** лён, конопель» [Даль 4: 429].

Соответственно, производные от корня *тер-* распространяются и на названия лиц, участвующих в процессе обработки льна (ср. в словаре подпункт «Названия лиц по их участию в выращивании и уборке льна»): *тертильник* ‘работник, мнуший лён’ – «**Тертильники** лён мнут (Новосиб.)» [СРНГ 44: 84]; и на орудия обработки льна (к подпункту «Орудия обработки льна»): *тертушка* ‘приспособление для обработки льна, конопля’ (Новосиб.)? [СРНГ 44: 85], *тёрка* (знач. 9) ‘железная ручная мялка для обработки льна’ (Яросл.) [СРНГ 44: 75–76], *терница* и *тёрница* ‘приспособление для обработки льна, конопля, шерсти’ [СРНГ 44: 78].

К подпункту «Часть льяного снопа» можно отнести слово *тёрех* ‘развязанные, растрёпанные, разбитые снопы овса или ячменя’ (Волог.); ‘стебель проса’ (Свердл.); ‘«бледная» мякина’ (Забайк.) [СРНГ 44: 74]. Это слово также восходит к корню *ter-, дополненное расширением -х- (ср. *тёрхать* ‘обтрёпывать’). Заметим, что

в говорах *терехом* также называют ветхую, заношенную одежду, и здесь мотивированность глаголом *тереть* ещё более наглядна.

От существительного *терех* произведено наречие *тёрехом* 'не раскладывая снопы в правильные ряды на гумне при молотье' [СРНГ 44: 74].

Некоторые префиксальные глаголы, образованные от корня *тер-*, стали терминами, связанными с вязанием снопа:

Затирать 'равнять метлою зерно в ворохе' (Волог.); 'сметать метлою сор, мякину с вымолоченного зерна' (Волог., Яросл.) [СРНГ 11: 92].

Натирать 'сметать метлой сор, мусор (перед веяньем)' (Тамб.) (в выражении *натирать ворох*) [СРНГ 20: 220].

Растирать (в выражении *растирать хлебный ворох*) 'околачивать и обметать, сгоняя мусор, колосья и пр.' (Даль) [СРНГ 34: 258].

Немаловажной частью общей терминологии льноводства являются названия отходов при обработке льна (в словаре А.В. Громова – «*Продукты и отходы при обработке льна*»). Об этом свидетельствует обилие диалектных терминов, называющих их.

Отёра 'обмолоченные колосья' (Смол.) [СРНГ 24: 176].

Вётра (*вётря*) 'мякина, оставшаяся после молотья' [СРНГ 5: 160–161].

Отрина 'мякина' [СРНГ 24: 296].

Третьё 'отходы при трепании льна' [СРНГ 45: 168].

Отира 'мякина', 'мелкая перетёртая солома (особенно после молотья цепами)' [СРНГ 24: 191].

Отирка 'мятая солома' [Там же].

Оттирúхи 'сенная труха' (Калуж.) [СРНГ 24: 337].

Торица 'остатки, отходы при обработке злаковых, мякина': «*Когда молотят рожь, дак остаётся костер, торица*» (Новг., Пск., Перм.) [СРНГ 44: 271]. Интересно, что *торицей* также называют семена сорных трав в зерновом хлебе (Твер., Арх., КАССР), высевки из-под льняного семени (Волог.), отходы при сеянии муки (Пск.), сорняки злаковых, растущие во ржи: «*В этом хлебе много торицы*» (Арх., Беломор., КАССР, Волог., Новг., Пск., Перм.) [Там же], 'сорняки в посевах льна', 'сорная трава' – то есть нечто мелкое, ненужное, лишнее. Это вполне согласуется с некоторыми производными от корня **ter-*, не имеющими отношения к сельскохозяйственной лексике, но включающими эту сему: см. диал. *трун*, *труньё* 'рвань, тряпьё, отрепье; оборванец' [Варбот 2011: 558], то есть нечто истёртое, истрёпанное.

Вы́торки 'отруби' [СРНГ 6: 41]. См. также *вы́торок* 'высочка, нахал', мотивированное переносным значением глагола *вытереть*,

то есть «с помощью трения выбиться куда-либо, как бы вытереться» [Горбушина 2018: 124].

Отóра ‘мелкие остатки после молотьбы; смесь мякины, пустого колоса, мелкой соломы, идущая на корм скоту’ [СРНГ 24: 260].

Отóрь ‘пустые колосья, остающиеся после обмолота’ [СРНГ 24: 262].

Отóрье собир. 1. ‘пустые ржаные колосья после обмолота снопов, мякина’. 2. ‘мелкая солома’: «Когда молотят, крупная солома идёт, а под решётку ещё **оторье**, дробенькая солома, оторье режут и месют, когда коровам с сеном перебивают» (Брян.) [СРНГ 24: 262–263].

Отóрья ‘мякина’: «Как молотят, это **оторья** дробные» (Брян.); ‘гречишная солома, измельчённая при молотьбе’ (Курск.) [СРНГ 24: 263].

Отóря 1. ‘пустые ржаные колосья после молотьбы, мякина’ (Смол.). 2. ‘мелкая солома’ (Смол.) [СРНГ 24: 262]. Сюда же производное *оторница* ‘корзина для переноски сена, соломы’ [Там же].

Тертóвка ‘измельчённая яровая солома с примесью мякины для корма скоту’ (Яросл., Даль) [СРНГ 44: 84].

Тертóха ‘ржаная мятая солома’ (Новг.) [СРНГ 44: 84–85].

Терюха ‘измельчившееся сено, солома, лён’: «На телеге после сена много **терюхи** осталось» (Яросл.) [СРНГ 44: 86].

Наконец, поскольку диалектный глагол *тереть* имеет также значения, относящиеся к кулинарии, то некоторые (хотя и немногочисленные) его производные называют блюда и продукты, полученные в результате обработки зерновых культур:

Торика ‘кушанье, приготовленное из мякины’ (то есть из того, что *истёрто*) [СРНГ 44: 270].

Потéря ‘хлеб из мелко смолотой пшеничной муки’ (Костром.) [СРНГ 30: 276]. Это слово интересно тем, что является омонимом литературного слова *потеря* ‘утрата’. Но в данном случае оно, безусловно, мотивировано глаголом *потереть* в значении ‘смолоты, измельчить’.

Таким образом, можно видеть, что корень *тер-* в самых разных диалектах обладает широким кругом значений, применимых к льноводству, а также к обработке других культур, и это может представлять немалый интерес для исследователей сельскохозяйственной лексики. Основное значение, которым объединены все остальные, – ‘резкое движение, связанное с повреждением поверхности’ (которое включают процессы трепания, молотьбы, очистки льна и т.п. и которое переносится на названия продуктов и отходов, полученных в результате этих процессов).

Литература и источники

Варбот Ж.Ж. Исследования по русской и славянской филологии. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 644, [1] с.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, льнопрядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.

Горбушина И.А. Совокупность переносных значений производных корня *ter- с общим значением «характеристика человека» // Русская речь. 2018. № 1. С. 120–126.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1978–1980.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и др. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1970–.

УДК 811.161.1'28

ТВЕРСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Н.Ю. Грибовская

*Тверской государственный медицинский университет,
Тверь, Россия, grinatal74@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена лексике тверских говоров, характеризующей человека. Автор пишет, что благодаря многолетней диалектной лексикографической работе на территории Тверской области стало возможным выделить обширный пласт диалектной лексики данной семантической сферы, а систематизация по идеографическому принципу и семантический анализ накопленного лексического материала позволили выявить некоторые особенности этнокультурных представлений о внешних и внутренних качествах человека в тверском регионе.

Ключевые слова: диалектология; диалектная лексикография; тверские говоры; региональная картина мира; языковой образ человека

TVER DIALECT LEXICOGRAPHY AS A SOURCE OF ETHNOCULTURAL INFORMATION ABOUT A PERSON

N.Y. Gribovskaya

Tver State Medical University, Tver, Russia

Abstract. The article is devoted to the vocabulary of Tver dialects that characterizes a person. The author writes that long-term dialect lexicographic work on the territory of the Tver region has made it possible to identify an extensive layer of dialect vocabulary of this semantic sphere, and systematization according to the ideographic principle and semantic

analysis of the accumulated lexical material have revealed some features of ethno-cultural ideas about the external and internal qualities of a person in the Tver region.

Keywords: dialectology; dialect lexicography; Tver dialects; regional picture of the world; language image of a person

Реконструкция языкового образа человека является одной из актуальных задач современной лингвистики. Решению этой задачи способствует обращение к диалектам, поскольку диалектное слово даёт возможность получить информацию о традиционных народных представлениях наиболее устойчивой, консервативной части национального менталитета. Изучение диалектной лексики позволяет получить наиболее адекватное представление об этнической культуре русского народа. Как пишет Т.В. Вендина в монографии «Антропология диалектного слова», «именно диалектный материал, не подвергшийся иноязычным влияниям и сохранивший свою самобытность должен лежать в основе исследований, направленных на выяснение этнического своеобразия культуры» [Вендина 2020: 7].

В настоящее время образ человека в языке активно изучается в диалектной лексикологии на материале различных говоров, в том числе и тверских. Одним из способов исследования этого фрагмента диалектной картины региона является моделирование лексико-семантических полей на основе идеографической классификации лексики, характеризующей человека по различным признакам. Изучение особенностей организации лексико-семантического поля с учетом степени проработанности тех или иных участков и интерпретация полученных данных даёт возможность извлечь этнокультурную информацию о человеке и его качествах, имплицитно содержащуюся в языке. Степень достоверности такого исследования, надёжность и объективность выводов во многом зависят от объёма и качества диалектного материала. Важнейшими источниками материала для выявления этнокультурной информации являются диалектные словари. Изучение словарного состава тверских говоров как средства постижения этнокультурных особенностей мировосприятия жителей региона стало возможно лишь благодаря лексикографической работе, проводившейся на территории Тверской области в течение многих десятилетий.

Лексикографическая фиксация лексики тверских говоров началась более двухсот лет назад с открытием при МГУ им. М.В. Ломоносова в 1811 г. «Общества любителей российской словесности». В «Труды» этого общества вошла диалектная лексика Тверского, Кашинского и Вышневолоцкого уездов Тверской губернии, областные

слова города Осташкова и уезда (255 слов), словарики офеней города Кашина и Бежецка (200 слов). Позже тверская диалектная лексика, собранная по этнографической программе Русского географического общества, была зафиксирована в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) и в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» (1858 г.). Лексика тверских говоров нашла отражение и в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Всего лексикографические издания XIX века зафиксировали более 14 тысяч слов с пометой «тверское».

Однако начало активного сбора диалектного материала в регионе относится к 30-м гг. XX в., когда кафедра русского языка Калининского педагогического института включилась в работу по созданию «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), организованную Институтом русского языка АН СССР. Исследованием тверских говоров в тот период руководил С.А. Копорский. В 1935–1953 гг. он организовал и принял личное участие в научных диалектологических экспедициях, обследовав более 300 населенных пунктов Калининской (ныне Тверской) области. Работа по созданию «Диалектологического атласа русского языка» позволила тверским диалектологам собрать богатую лексическую картотеку говоров Тверской области (КГТО). Дальнейшее изучение тверской диалектной лексики было связано с составлением регионального словаря говоров Тверской области. На Втором Всесоюзном координационном совещании по вопросам диалектологии народов СССР при Институте языкознания АН СССР в 1955 г. и на V диалектологическом совещании в 1956 г. основной задачей диалектологии было признано создание областных словарей отдельных говоров и групп говоров. Центрами работы по созданию диалектных словарей в регионах должны были стать местные вузы, обладающие кадрами диалектологов. В Калининском педагогическом институте (ныне Тверской государственный университет) на кафедре русского языка годы такую работу возглавила Т.В. Кириллова. В 1960-е гг. ежегодно организовывались научные диалектологические экспедиции, в ходе которых студентами, аспирантами и преподавателями кафедры русского языка были обследованы населённые пункты всех районов Калининской области, а лексическая картотека обогатилась ценным диалектным материалом. Итогом лексикографической работы того времени стал изданный в 1972 г. «Опыт словаря говоров Калининской области» [ОСГКО], в который вошла вся тверская диалектная лексика, собранная с 1927 по 1967 г.

В 1970-е гг. диалектный материал активно собирался для создания «Общеславянского лингвистического атласа». В тот период в научных диалектологических экспедициях были обследованы Бежецкий, Тургиновский, Кашинский, Рамешковский, Вышневолоцкий, Максатихинский, Молоковский, Осташковский, Оленинский Конаковский и Пеновский районы Калининской области, а полученный диалектный материал значительно пополнил лексическую картотеку тверских говоров.

С 1989 г. и по настоящее время кафедра русского языка Тверского государственного университета ведёт работу по сбору материала для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛЯРНГ). Этот масштабный проект, организованный Словарным сектором Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), должен стать пособием для ареального изучения лексики на всей территории русских народных говоров. Материалы многолетних диалектологических экспедиций стали основой для создания «Тематического словаря говоров Тверской области» [ТСГТО], пять выпусков которого с 2002 по 2006 г. были подготовлены и изданы коллективом авторов под руководством д.ф.н. Т.В. Кирилловой и к.ф.н. Л.Н. Новиковой. Специфика словаря заключается в том, что лексика в нём организована по тематическому принципу, что является наиболее ценным для нашего исследования, облегчая работу по выборке и идеографической классификации лексики. Так, всю лексику, характеризующую человека по внешности в связи с физическими особенностями, возрастом, состоянием здоровья, склонностями и привычками, а также номинации, характеризующие личность и поведение человека по эмоциональному состоянию, умственным способностям, отношениям к нормам нравственности, к труду и собственности включает в себя четвёртый выпуск словаря, посвящённый теме «Человек».

Лексикографической работой на территории Тверского региона занимались не только тверские диалектологи, но и учёные из других регионов. Под руководством профессора А.С. Герда (Санкт-Петербург) с 1990 по 2013 г. проводились диалектологические экспедиции на озеро Селигер и Верхневолжские озёра в населённые пункты Фировского, Пеновского, Осташковского, Андреапольского и Торопецкого районов Тверской области. Материалы этих экспедиций отражены в восьми выпусках словаря «Селигер: Материалы по русской диалектологии» [Селигер].

Таким образом, более чем за двести лет работы по изучению лексики тверских говоров были обследованы практически все районы Тверской области, а собранный диалектный материал стал надёжной

базой для исследования. Извлечение из тверских региональных лексикографических источников лексем, номинирующих человека по различным свойствам, с последующей систематизацией выбранной лексики по идеографическому принципу дало возможность провести этнокультурную интерпретацию фрагмента региональной языковой картины мира, связанного с представлениями о человеке.

Приведём некоторые результаты нашего исследования. Всего в тверских лексикографических источниках зафиксировано 1807 диалектных лексем, характеризующих человека по различным свойствам и образующих лексико-семантическое поле «Человек». Выявление микрополей, входящих в состав выделенного поля, определение их объёма и лексического наполнения позволило прийти к выводам о стереотипных представлениях тверских диалектоносителей об основных параметрах оценки внешних и внутренних качеств человека. Подробнее о семантической организации лексико-семантического поля «Человек» см. [Грибовская 2019]. Степень проработанности отдельных участков поля, выраженная в количестве лексических единиц (л.е.) в составе микрополей, заслуживает особого внимания, поскольку «чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его» [Вендина 2020: 12]. Очевидно, что одни качества человека получили детальные и множественные наименования в тверских говорах, другие же имеют невысокую степень языковой репрезентации, что может с определённой долей условности быть одним из показателей их значимости в системе оценки человека. Так, важными параметрами в оценке внешности человека являются: некоторые отличительные особенности лица, волос, рук и ног (139 л.е.); одежда (115 л.е.); объём тела (79 л.е.), рост (60 л.е.), состояние здоровья (58 л.е.), общая эстетическая оценка (55 л.е.). Основными параметрами оценки внутренних свойств человека оказываются речевая деятельность (297 л.е.); отношение к труду (172 л.е.); поведение в социуме (145 л.е.); умственные способности (140 л.е.); склонность к обману (129 л.е.); особенности моторики (126 л.е.); отношение к физиологическим потребностям – к еде, сну, противоположному полу, алкоголю (116 л.е.); отношение к собственности (79 л.е.); общая оценка моральных качеств (62 л.е.), эмоциональное состояние (36 л.е.).

Большая часть микрополей образует бинарные оппозиции в соответствии с наличием отрицательных и положительных характеристик качеств человека с преобладанием лексических множеств, содержащих отрицательную оценку: умный (26 л.е.) – глупый (111 л.е.), трудолюбивый (36 л.е.) – ленивый (136 л.е.), добрый (19 л.е.) – злой (43 л.е.), быстрый, ловкий (49 л.е.) – медлительный,

неловкий (75 л.е.). В асимметричной организации микрополей по оценочному признаку имплицитно содержится образ идеального человека: оценка со знаком минус отражает стремление видеть человека, лишённого этих недостатков.

Не выявлено бинарных оппозиций по оценочному признаку в микрополе, репрезентирующем представление о поведении человека в социуме. Обнаружена лакуна в репрезентации человека со спокойным характером, мирного и неконфликтного. Незаработанность данного участка микрополя может свидетельствовать о спокойном и бесконфликтном поведении человека как о нормативном, а потому не нуждающемся в языковом воплощении. Зафиксированный в данном фрагменте региональной языковой картины мира негативный образ гордого (57 л.е.), упрямого (42 л.е.), капризного (21 л.е.) человека, поведение которого доставляет трудности и беспокойство окружающим, отражает народное представление о превосходстве общего над частным, коллективного над индивидуальным. Об организации микрополей, репрезентирующих гордого и упрямого человека, подробнее см. [Грибовская 2017; Грибовская 2018]. Высокая плотность сектора микрополя, репрезентирующего человека, способного к быстрой и лёгкой адаптации к жизни в социуме (10 л.е.) свидетельствует о ценности умения приспосабливаться к существованию в коллективе.

Нехарактерное для исследуемых микрополей преобладание лексики с положительной оценкой отмечено в микрополе «Общая эстетическая оценка человека», образованном антонимичными микрополями «Красивый» (31 л.е.) и «Некрасивый» (24 л.е.). Относительно небольшой объём микрополя «Некрасивый» позволяет сделать предположение, что отсутствие внешней красоты не является значимым параметром для нормативно-ценностной характеристики человека в исследуемой региональной языковой картине мира. Более подробно об организации микрополя «Эстетическая оценка внешности» см. [Грибовская 2019].

Мы привели здесь лишь некоторые результаты исследования тверской диалектной лексики, характеризующей человека. Такие попытки реконструкции одного из наиболее значимых фрагментов тверской региональной картины мира стали возможны только благодаря многолетней лексикографической работе диалектологов, собравших на территории Тверской области и зафиксировавших в региональных диалектных словарях ценный лексический материал. Сегодня тверские лексикографические издания являются важным и надёжным источником для извлечения этнокультурной информации о внешних и внутренних качествах человека в тверском регионе.

Литература и источники

Вендина Т.И. Антропология диалектного слова. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 684 с.

Грибовская Н.Ю. Микрополе «упрямый» в диалектной языковой картине мира (на материале тверских говоров) // Вестник ТвГУ. 2017. Серия Филология. Вып. 3. С. 202–207.

Грибовская Н.Ю. Отражение характеристик человека в лексике тверских говоров. // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2019. № 13. С. 287–297.

Грибовская Н.Ю. Тверская диалектная лексика, характеризующая гордого человека (семантический и мотивационный аспекты) // Вестник ТвГУ. 2018. Серия Филология. Вып. 3. С. 76–80.

Грибовская Н.Ю. Эстетическая оценка внешности человека в диалектной картине мира (на материале тверских говоров) // Вестник ТвГУ. 2019. Серия Филология. Вып. 3. С. 87–93.

КГТО – Картотека говоров Тверской области – в диалектологическом кабинете кафедры русского языка Тверского государственного университета. Тверь, ТвГУ.

ОСГКО – Опыт словаря говоров Калининской области / под ред. проф. Г.Г. Мельниченко. Калинин: Калининский государственный педагогический институт, 1972. 312 с.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. Санкт-Петербург; Тверь, 2003–2020. Вып. 1–8.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой. Тверь: Золотая буква, 2002–2006. Вып. 1–5.

УДК 811.161.1'28

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК

В. И. СМИРНОВА «НАРОДНЫЕ ПОХОРОНЫ И ПРИЧИТАНИЯ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ»)

Л.А. Дмитрук

*Костромской государственный университет,
Кострома, Россия, lyudmila-dmitruk@mail.ru*

Аннотация. В работе на материале этнографических записок члена «Костромского научного общества по изучению местного края» В.И. Смирнова анализируются слова-названия болезней, бытующие в севернорусских, а именно костромских говорах. Лексемы рассматриваются в этнолингвистическом, структурно-семантическом планах в перспективном ключе от века XIX, когда в словарях фиксируются первые локальные пометы, к веку XXI, когда областные словари помимо письменных источников имеют возможность привлекать в качестве доказательной базы и записи живой разговор-

ной речи диалектоносителей. Синхронно-диахронный подход к изучению слов исследуемой тематической группы с учетом данных контекста этнографических записок Смирнова позволяет выявить специфику употребления регионализмов на территории костромского края.

Ключевые слова: костромские говоры; севернорусские говоры; лексика народной медицины; названия болезней; В.И. Смирнов; «Костромское научное общество по изучению местного края»

**NAMES OF DISEASES IN KOSTROMA DIALECTS
(ON THE MATERIAL OF ETHNOGRAPHIC NOTES OF V. I. SMIRNOV
“PEOPLE’S FUNERAL AND LAMENTATIONS
IN THE KOSTROMA REGION”)**

L.A. Dmitruk

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. In the work, based on the material of ethnographic notes of a member of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region, V. I. Smirnov, the words-names of diseases that exist in Northern Russian, namely Kostroma dialects, are analyzed. Lexemes are considered in ethnolinguistic, structural and semantic plans in a promising way from the XIX century, when the first local litters are recorded in dictionaries, to the XXI century, when regional dictionaries, in addition to written sources, have the opportunity to attract as an evidence base and recordings of live spoken speech of dialect speakers. The synchronous-diachronic approach to the study of the words of the thematic group under study, taking into account the data of the context of Smirnov’s ethnographic notes, allows us to identify the specifics of the use of regionalisms on the territory of the Kostroma region.

Keywords: Kostroma dialects; Northern Russian dialects; vocabulary of folk medicine; names of diseases; V.I. Smirnov; “Kostroma Scientific Society for the Study of the local region”

Лексика народной медицины, репрезентирующая значительный по своему объему пласт традиционной народной культуры, связанный с практической и духовной жизнью человека, являет собой уникальный ментально-лингвальный комплекс, отражающий древнейшие представления людей о таких важнейших компонентах их бытия, как здоровье и болезнь, жизнь и смерть, а также рубежные состояния между ними. Н.С. Ганцовская, говоря о народных медицинских названиях, отмечает, что они «зачастую выступают в табуированной форме и близко соприкасаются с фольклорно-обрядовой, в иных случаях с демонологической лексикой», а поэтому, «соединяя в себе черты материальной и одновременно духовной культуры, они представляют собой субстандарт языка» [Ганцовская 2007: 123–130].

Исследователи говоров Русского Севера, особой исторически сложившейся этнокультурной зоны, обладающей целым рядом схожих языковых, в том числе лексических черт, неоднократно отмечали, что древнейшие, во многом межнациональные воззрения

«особым образом конкретизируются на севернорусском материале» [Ильина 2015: 252], а семантическая оппозиция *здоровье* – *болезнь* выступает основным критерием отбора диалектного словарного материала, формирующего одну из ключевых в плане изучения лексики народной медицины лексико-семантических групп – «Названия болезней», где в сравнении с общеупотребительной языковой практикой «различия наблюдаются в лексическом составе названий болезней, действий, сопровождающих их течение, в характеристике средств и способов лечения» и др. [Там же].

Болезнь человек издревле воспринимал как состояние, обусловленное воздействием на него нечистой силы (демонов болезней, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом и проч.) [СД 1: 225], потому старался избегать в речи упоминания слова *болезнь*, заменять его другими номинациями, эвфемизмами. Этим отчасти объясняется разнообразие существующих в народной медицине наименований болезней, которые часто связывались с именем демонов – источников заболеваний, симптомами недугов, особенностями их физиологических проявлений, местом локализации в организме человека и др. Религиозный, мифологический, философский, нравственный потенциал, заложенный в подобных номинациях, наиболее полно раскрывается и сохраняется в фольклорно-обрядовых текстах, имеющих локальную отнесенность: в составе примет, заговоров, плачей, причитаний, духовных стихов и т. д. лексема обретает этнолингвистическую, ритуальную, семантико-стилистическую наполненность.

В одном из сборников, изданных «Костромским научным обществом по изучению местного края» (КНОИМК), датируемых 1920-м годом, находим этнографический очерк председателя КНОИМК, краеведа, знатока народного слова, Василия Ивановича Смирнова «Народные похороны и причитания в костромском крае»*, где описаны приметы, суеверия, обычаи и обряды, связанные с похоронами и имеющие достаточно сложный генезис. Смирнов отмечает, что «в костромских народных похоронных обычаях заметны разные религиозные наслоения и следы языческих религиозных верований

* О диалектной лексике в этнографических записках В. И. Смирнова см. также: *Ганцовская Н.С.* Народная медицинская лексика в акающих костромских говорах // Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 123–129; *Никулина Т.Е.* Этнографические труды В. И. Смирнова как источник изучения костромского диалекта на рубеже XIX–XX столетий // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 518–523.

и представлений далеко не исключительно славянских» [Смирнов 1920: 44]. Как известно, территория костромского края представляет собой уникальную этнодиалектную зону, сформировавшуюся под влиянием генетически разных, но постоянно взаимодействовавших друг с другом в прошлом финно-угорской, а именно меряно-черемисской, и славянской культур. Под их практически равновесным влиянием и сложились мифологические представления жителей края о жизни и загробном мире, нравственных законах, ценностных ориентирах, что наглядно показано в тексте очерка Смирнова: повествование сопровождается обильным иллюстративным материалом с указанием на локальную приуроченность этнографических и лингвистических фактов. В самом конце сборника помещен алфавитный указатель «Народные слова, встречающиеся в причитаниях и похоронном обряде», который представляет собой небольшой словарь диалектной и фольклорно-этнографической лексики, включающий 133 заголовочные единицы – слова с их дериватами и вариантами употребления, а также устойчивые сочетания. К каждому заголовочному слову приводится дефиниция, а иллюстрации и географические пометы даются точно, не систематически. В конце каждой словарной статьи в скобках указываются страницы расположения народных слов в сборнике, в тексте же очерка регионализмы Смирнов помещает в кавычки, например: *«Когда больной умирает, как говорят здесь, “пашется”, в доме наблюдают тишину, чтобы “не измешать” покойника, в противном случае он промается ещё 12 суток (с. Баки, Варн. у.)»* [Смирнов 1920: 26]. Несмотря на небольшое количество диалектного материала, отмеченного В. И. Смирновым в Указателе, текст очерка обладает несомненной наукоемкостью: его ценность объясняется тем, что архаичные и связанные с древней демонологической сферой жизни человека лексемы, включенные в контекст живой народной речи, имеют ярко выраженную региональную, севернорусскую, в частности костромскую, окрашенность, кроме того, обладают они и определенной степенью устойчивости в современных русских говорах.

В Указателе находим слова, тематически относящиеся к народной медицине: это в основном глаголы, называющие действия, связанные с болезнью, выздоровлением, смертью (*выболеть, выхворать, дыбеть, замирать, замочь (занемочь), оздороветь, пашиться, побывишться*), а также имена существительные, обозначающие народные наименования заболеваний (*валы, заумирание, маята, нутро, огневица, сытуха, хоробец*). По-видимому, данные лексемы в начале XX века осознались этнографом как диалектные, характеризующие живой народно-разговорный узус.

Рассмотрим в качестве примера названия болезней, включенные Смирновым в текст очерка и отмеченные в Указателе.

Слово *валы* В.И. Смирнов поясняет так – «название болезни – составной ревматизм» [Смирнов 1920: 124]: «Когда у кого-нибудь растет “могильная” или “сухая кость” (болезнь эта иначе называется “валы”), тогда ходят на могилу, берут по три зари могильной земли и трут больное место. Покойник также должен быть “в то же имя”», далее указываются географические пометы – с. Тушебино, Гал. у., поч. Баково, Кол. у., Арсент. Слоб., Чухл. у., с. Писменер Ветл. у. [Смирнов 1920: 44]. Как видно из примера, суеверные обычаи жителей края часто основывались на веровании в силу земли, одну из основных мировых стихий, и на сознании магической силы останков покойника, погребенных в ней, что коррелирует с культом земли у славян: земля рассматривается как граница между освоенным человеком пространством и «нижним» миром, а также символ материнства, продолжения рода (ср. Мать Земля, Сыра Земля), отсюда и вера в ее чудодейственную, целебную силу [СД 2: 315–321].

Лексема *валы* – это вариант употребления слова *вал*, которое распространено в русских народных говорах практически повсеместно и имеет омонимы. В словаре В. И. Даля слово *вал* трактуется так: ‘желвак от ушиба или толстый рубец на теле от раны’ с географическими пометами *Пен. Влгд.*, отсылающими нас к традиции употребления как в южнорусских, так и в севернорусских говорах. В СРНГ зафиксирована широкая омонимическая парадигма данного слова, включающая девять компонентов, которые соотносятся фонетически и графически, но противопоставлены семантически. К одному из членов омонимического ряда, полисеманту *вал*, в СРНГ приводятся значения, часть из которых лишь отдаленно соотносится с употреблением слова в записках Смирнова: 1. Нарыв *Новг.* ♦ Подкожный чирей *Новг.* // Волдырь *Волог.* Волдырь от ожога *Вят.*; 2. Опухшее место, рубец, желвак от удара или ушиба *Пенз., Волог.* ♦ Толстый рубец на теле от раны *Пенз., Волог.* ♦ Шишка на голове *Киров.* [СРНГ 4: 20]. В диалектных словарях, имеющих более узкую региональную специализацию, лексема *вал* отмечается со значением метафорически близким тому, что зафиксировано у Смирнова, имеющим в своей семе общий признак «нечто инородное, чуждое организму», например: 1. Нарост, наплыв на стволе дерева, кап *Арх., Влг.* 2. Ледяной нарост, наледь *Арх.* 3. Нарыв, опухоль, шишка *Арх., Влг.* [СГРС 2: 13]. В словарях, отражающих костромской областной узус, у многозначного слова *вал* зафиксировано значение

‘опухоль, шишка, волдырь’: «*Как ушибеешься сильно, дак и вал делается.* Макар.+Мантур. Паут окусил, сразу на шею вал вскочил. Нейск.» [Ганцовская 2018: 34]. Однако пример употребления анализируемой лексемы во множественном числе в записях Смирнова говорит о том, что на территории распространения всех трех групп костромских говоров (юго-западные, северо-западные, восточные), судя по географическим пометам, сопровождающим иллюстративный материал, эта лексема, вероятно, имела и еще одно узколокальное значение: могла именовать заболевание костей, суставов, часто сопровождающееся их деформацией и увеличением размеров.

Лексема *заумирание* в Указателе Смирнова имеет значение ‘летаргический сон’, а пример употребления дан и в аннотации к третьей главе очерка, и непосредственно в тексте: «*Представления о загробной жизни. Рай. «Заумирания». Ад. Явления покойников на яву и во сне. Способы избавиться от этих посещений. Представление о смерти по сказкам и рассказам. Порядок смерти. Народное отношение к смерти*» [Смирнов 1920: 45]; «*Подобными чертами описывается иногда рай в рассказах лиц, впадавших в летаргический сон. Случаи заумирания и хождения по тому свету нередки. Например, в 1866 г. заумирала дьяконица с. Троицы-Чудцы и потом рассказывала, как виделось ей, что пришли за ней две сестры, привели на кладбище к яме и свели туда по лестнице, потом повели темным местом и привели к месту светлому <...>*» [Смирнов 1920: 46]. Географические пометы в аннотации, безусловно, не приводятся, но случай, описанный Смирновым как «заумирания», имеет локализацию – с. Троицы-Чудцы (Галичский уезд – прим. Л.Д.).

В словаре Даля лексема *заумирание* не приводится, однако там отмечен производящий глагол *заумирать* со ссылкой на значение к слову *зауморщина*, в словарной статье к которому указано родственное слово *заумирывать* с пометами *пск. твер.*, а также глагол *заумирать* с пометой *смл.* и семантикой ‘заболеть сильно, слечь, хворать тяжело, опасно занемочь’ [Даль I: 585], то есть в части среднерусских и севернорусских говоров лексема *заумирание*, образованная от глагола *заумирать*, тематически была связана с болезненным состоянием человека, но прямо не указывала на пребывание в летаргическом сне. Ближкое значение, правда, с признаком, говорящим о меньшей интенсивности проявления болезни в составе дефиниции, отмечено и в СГРС, где слово *заумирать* ‘почувствовать себя очень плохо’ указано с географической пометой *Влг. В.-Уст.* [СГРС IV:220], что свидетельствует о севернорусской приуроченности данной лексемы. Слово *заумирание* в СГРС не фиксируется.

В СРНГ находим, однако, вариативную грамматическую форму *заумиране* ‘умирание, впадение в летаргический сон’ с узколокальной пометой *Костром.* [СРНГ 11: 132]. Поскольку слово *заумиране* с семантикой ‘пребывание в состоянии летаргического сна’ в словаре Даля в отличие от более употребительных однокоренных лексем не зафиксировано (а их бытование в хронологическом плане соотносится с деятельностью лексикографа и «собиранья живого народного языка»), то, возможно, уже в XIX столетии описываемая нами лексема не оценивалась как общедиалектная или разговорно-просторечная, а могла быть маркером костромского, и даже у́же – галичского, регионального узуса.

Таким образом, язык фольклорных текстов, собранных В.И. Смирновым на территории Костромской области, имеет и общерусские черты, и локально приуроченные вкрапления. Слова-названия болезней, функционирующие на территории костромского края, часто являясь общедиалектными в своей основе, имеют некоторые специфические особенности, характерные как для северорусского диалектного узуса, так и для территории Костромы, где, фигурируя в одном контексте с маркерами регионального обычая употребления, приобретают особый сакральный смысл, прочно связывающий данную лексему с исконной территорией её бытования что способствует выявлению типологии костромских говоров и более полной их характеристике в этнолингвистическом плане.

Литература и источники

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс. В 2 т. Т. 2 / Н.С. Ганцовская; сост. Г.И. Маширова; отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. 196 с.

Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. Санкт-Петербург: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. 228 с.

Ганцовская Н.С. Народные названия болезней в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Костромское народное слово: очерки, исследования, эссе, народные рассказы. Кострома, 2003. С. 209–214.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. 512 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Ильина Е. Н. Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е.В. Пурицкая. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. С. 250–266.

Никулина Т. Е. Этнографические труды В. И. Смирнова как источник изучения костромского диалекта на рубеже XIX–XX столетий // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 518–523.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2 / под ред. Н.И. Толстого. Москва: Междунар. отношения, 1999. 697 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. Т. 2. 292 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018.

Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Отдельный отгиск из 15 вып. «Трудов КНОИМК». Кострома, 1920. С. 21–26.

УДК 811.161.1'282

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ КАК ПОДХОДЯЩЕЙ/НЕПОДХОДЯЩЕЙ ПОРЫ В СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

М.М. Кондратенко

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского*

Ярославль, Россия, mtkondratenko@gmail.com

Аннотация. Лексика славянских говоров свидетельствует о наличии такого семантического архетипа, как восприятие времени в качестве поры, благоприятной или неблагоприятной для разных аспектов жизнедеятельности человека, а также о феномене отсутствия, исчезновения времени как проявления невозможности делать что-либо или вообще существовать в земном мире. Восприятие времени как поры, или подходящей ситуации для чего-либо, в славянских говорах является очень существенным для его интерпретации.

Ключевые слова: славянская диалектология; обозначения времени; семантическая мотивация; народный календарь; лексические и семантические параллели

PERCEPTION OF TIME AS A SUITABLE/UNSUITABLE IN SLAVIC DIALECTS

Mikhail M. Kondratenko

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The vocabulary of Slavic dialects indicates the presence of such a semantic archetype as the perception of time as a time favorable or unfavorable for various aspects of human life, as well as the phenomenon of the absence, disappearance of time as a manifestation

of the inability to do something or even exist in the earthly world. The perception of time as a time, a suitable situation for something in Slavic dialects is very essential for its interpretation.

Keywords: Slavic dialectology; time designations; semantic motivation; folk calendar; lexical and semantic parallels

Понятие времени является одним из самых важных в сложной системе народного мировосприятия. Оно складывается из многих взаимосвязанных фрагментов. Тем не менее эти фрагменты выявляются очевидным образом при анализе лексики, обозначающей различные интервалы и точки во временной последовательности и цикличности. К ним можно отнести наименования прошлого, настоящего и будущего, фенологических и хозяйственных циклов, служащих ориентиром во временном пространстве и др. В конечном счете можно констатировать роль понятия времени как некоей глобальной категории, соединяющей все стороны жизни человека, его прошлого и будущего в единое целое, составляющее бытие народа.

Лексике с темпоральным значением принадлежит особая роль в словарном составе языка. Она проявляется, в частности, в использовании этого пласта словарного фонда языка для обозначения самых разных групп референтов, например, физических параметров: *лѣта* 'годовые кольца на срезе дерева' в гуцульских говорах [Гуц. 1997: 113] и параллельно – *лѣто* 'лето' и 'расстояние между стеблями, по которым измеряют возраст растения' в родопских говорах Болгарии [Стойчев 1965: 199].

Время жизни, один из важнейших фрагментов глобальной семантической сферы «время», предстает как объект воздействия человека: *сцягнуць врѣмя, сцягнуць с пары* 'состарить кого-нибудь' (буквально: «стянуть») кому-то время; *яго жонка дваццаць гадоў хварэла – сцягнула мужыку врѣмя*) [СБГ 5: 46]. Воздействовать на время, в частности задерживать, замедлять его, могут и другие факторы, например боль: *учараиняя мука задляла мне час* в сев.-зап. белор. говорах [СБГ 2: 206].

Но чаще человек помещает себя в линейное или циклическое время и, наоборот, рассматривает его влияние на свою жизнь в самых разных ее проявлениях, при этом учитывает качество и длительность времени для регулирования своих жизненных процессов. Наиболее наглядно это отражается в народном календаре: здесь время представляет собой систему сложившихся в народном сознании сроков для наступления природных явлений и осуществления соответствующих им этапов деятельности человека, что проявляется, в частности, в паремиях: *прыдзіць Пятрок – атпадзець лісток*,

прыдзіць Ілля – атпадзець два, прыдзіць Спас – і всяму час в сев.-зап. белор. говорах [СБГ 1: 123]. К такому же выводу об оценке роли времени в жизни человека можно прийти, исследуя тот пласт лексики, который представляет собой народные обозначения временных периодов и циклов.

Для исследования был использован лексический материал главным образом из центральных в географическом отношении славянских говоров – белорусских и карпатских украинских с привлечением севернославянской (западно- и восточнославянской) лексики, а также некоторых южнославянских примеров.

Лексика славянских говоров свидетельствует о таком семантическом архетипе, как восприятие времени главным образом в качестве поры, благоприятной или неблагоприятной для разных аспектов жизнедеятельности человека, а также о феномене отсутствия, исчезновения времени как проявления невозможности делать что-то или вообще существовать в земном мире.

Пора, согласно словарю В. И. Даля – это «время, срок, удобное к чему время» [Даль 3: 319].

Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в славянских говорах, если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации (*корова на времени* – ‘в последний период перед отелом’ [ЯОС 6: 76], *невремя* – ‘некогда’ [ЯОС 6: 127] в ярославских говорах; *безвремче* (буквально: находящийся не времени) ‘преждевременно оплодотворенный скот’ в болгарских родопских говорах [Стойчев 1970: 155]).

Пора может ассоциироваться со временем как таковым. В некоторых северо-западных белорусских говорах ‘пора, благоприятный или оптимальный для чего-либо период’ является основным значением лексемы *врэмя: ужо врэмя апхот на гаспадарцы рабіць* [СБГ 1: 332]; такое же значение фиксируется у слова *час: выберу цыбулю – ужо час* [СБГ 1: 342]; *я гуляла з ім да часу, думаю: «Хай будзе пра запас»* [СБГ 2: 237].

Последняя лексема (**časъ*) особенно широко представлена в выбранном для исследования ареале. Для нее характерен широкий семантический спектр, состоящий из следующих компонентов: ‘своевременность, соответствие нужному сроку’, ‘преждевременность, предшествование необходимому сроку’

Значение ‘своевременно’ представлено в закарпатских говорах *навчас, пудчас (йа ти файно заплачу, лиш учини ми оболочки навчас/пудчас; мойому чулувікови йак не даш йісти пуч:ас, та дуже злий)* [Сабадош 2008: 181, 301] (в этом значении в буковинских говорах

может использоваться также романское заимствование: *утимп* 'во-время, своевременно' (*приходе утимп, да буди тепла*) [Бук. 2005: 573]. На содержание понятия «время» как подходящей поры указывает и пример из бойковских говоров: *смерека чекала свого часу* [Центр-бойк. 2013: 276]. Значение соответствия требуемому или желаемому качеству времени может реализовываться с помощью прилагательного при существительном *čas*. Так, в лужицких говорах это может быть прилагательное *rjany* (= *rjadny*) *čas* 'надлежащее, «правильное» время': *rjany čas z boha taty* (божьей милостью у нас подходящее время) [Pfuhl 1866: 35].

В противоположном значении 'преждевременно, до нужного срока' корень *час/čas* представлен в закарпатских говорах: *незчасом (ота жона вродила хлопчика нешчасом)* [Сабадош 2008: 205]; в ярославских говорах *бог часу не дает* (например, картофель копать) 'нет времени что-либо сделать' [ЯОС 10: 48]; в кашубских – *sq ñe reduj pñed časę* (не радуйся до времени, то есть до определенного момента, по достижении которого действие считается реализованным) [Ramułt 1893: 180]; в нижнелужицких говорах – *ñecasny póród* [Мука 2: 142] 'преждевременные роды', в буковинских говорах – *не(и)чисний 'недоношенный' (о ребенке) (перша дитина в неї вмерла, бо нечисна вродиласи)* [Бук. 2005: 333].

Буквальное указание на предшествование времени может передаваться при помощи предлога *да*: *дарогу правялі да часу* в се.-зап. белор. говорах [СБГ 2: 7].

Прилагательное *дача(э)сны* обладает также значениями 'временный, преходящий' и 'происходящий ранее положенного времени': *нічога нідзе ня вечная, дачасная, як жывеш, не думаеш, што жыццё не вечная, а дачэсная; а дачасны ацёл у каровы*; а наречие *дачасу* – 'преждевременно': *дачасу жаніўся Міхалюк* [СБГ 2: 32, 33]. В лексике северо-западных белорусских говоров нарушение сроков является размещением события после времени: *па часе* 'поздно', т.е. после времени (*уже позна, па часе сталі лячыць*) [СБГ 3: 269].

Отсутствие времени или расположенность действия до нужной точки на временной оси расценивается в лексике гуцульских говоров как предшествование и потому несоответствие нужной поре: *бесчїсу* 'преждевременно' [Гуц. 1997: 24], *дочасний* 'преждевременный'. Значение необходимости соответствия подходящей временной точке как соблюдения положенной поры представлено в закарпат. *дочасу* 'своевременно' (*прийшлам на гостину дочасу*), буковин. *бесчасу, бесчїсу* 'сразу, немедленно' (*він бесчїсу прибїг, як вона заслабла*), *збанок до часу воду носи* [Бук. 2005:152].

Об этом же свидетельствуют, в частности, случаи употребления лексемы *час* в гуцульских говорах: в значении ‘пора’ (*як зазуля кукає по часови на хакі, то хтось у ці хакі умре*) [Гуц. 1997: 209]; *чэсовий, чісний* ‘тот, кому пришла пора умирать’ (*бисти соб`і знали, шо умирайе не молодий, не старий, а чісний*) [Гуц. 1997: 212].

Используются в данном значении производные от других лексем. В северо-западных белорусских говорах отмечены прилагательные, производные от существительного *пора*: *неўпорны* и *ніпорны* ‘родившийся прежде времени’: *памерло дзіця, неўпорно было; дзеці ніпорныя былі* [СБГ 3: 215, 225].

Кроме того, *пора* – это эпоха, период времени, имеющий качественную, позитивную или негативную, оценку, причем его качество определяется наличием некоего субъекта, объекта или атрибута, свойственного этому периоду и тем самым семантически мотивирующего наименование. Так, номинация поры, времени осуществляется по таким значимым событиям, как война: *v téx woejennéx časaχ* в кашубских говорах [Ramułt 1893: 225], в бойковских говорах – по эпохе легендарной исторической личности: *ходили за часів Довбуша* [Центр-бойк. 2013: 28]. Аналогичное значение может передаваться косвенно, без использования лексемы с темпоральным значением, например, *при сувітах* ‘во время советской власти’: *при сувітах гроші в т`а могли быти, а купити за них не было шчо* в закарпатски говорах [Сабадош 2008: 337]); а также по некоторым экзистенциальным признакам, в частности, наличием свободы: *pozeja, že přindq čeděš časé swoeboedně* (надежда, что когда-то наступит время свободы) в кашубских говорах [Ramułt 1893: 205–206]. Пора может характеризоваться также различными событиями, образующими пространство традиционной культуры, например, свадьбой: *свал`бл`аный час – коли нейе посту* в закарп. говорах [Сабадош 2008: 327].

В говорах Западной Брянщины зафиксирована лексема *дурники* ‘время, когда народ был бесправный, придавленный условиями жизни’: *прайшли ужо тые дурники, кали вы ездиле на нас* [Расторгуев 1973: 96].

Пора может быть представлена как время, благоприятное для существования мифологических персонажей, исполинов: *v nêx stolémix časaχ* (во времена великанов, исполинов) в кашубских говорах [Ramułt 1893: 203]. Показательно, что в кашубских говорах для репрезентации длительных или неопределенных по протяженности периодов времени используется форма множественно-го числа.

Ряд подобных оценочных номинаций свидетельствует о некоторых особенностях народной аксиологии, а именно: о реалиях, которые маркируют положительные или отрицательные качества. Так, пропуск нужного для какой-либо деятельности времени, или опоздание, иначе говоря нарушение принятых сроков маркируется с помощью прилагательного со значением 'собачий': в буковинских говорах оборотом *у несій голос: покив ми зібралиси, то приїхали у несій голос* [Бук. 2005: 408], в бойковских говорах *уписьсі голоси* (груб.) 'очень поздно, невовременно' (*припер-ись ся уписьсі голоси*) [Центр-бойк. 2013: 346].

Соблюдение сроков, подходящей поры, установленных для определенной деятельности, является важным аксиологическим аспектом традиционной культуры. В частности, маркируемой оказывается длительность пребывания в гостях в сев.-зап. белор. говорах: *першы дзень гось залаты, на другі – сярэбраны, а на трэці – мець, сабірайся і дамоў ець* [СБГ 4: 468].

Существуют специальные обозначения для поры, которая никогда не наступает. В буковинских говорах Украины значение 'никогда' передается выражениями, связывающими наступление того или иного события с несуществующим праздником: *кінский вилигдінь* и *кінский Петро* (*Йму лиш позич гроший, то віддаст на кінский вилигдінь. Ти ше нагійиси мати чирвікі до світ? Та вин тобі зробит їх на кінского Петра.*) (одожди ему деньги, он отдаст на конскую пасху; хочешь получить обувь до праздников – он тебе их сделает на конского Петра) [Бук. 2005: 203]; в бойковских говорах: *на кінсьькі Петра* в том же значении [Центр-бойк. 2013: 215]. Конский в данном случае воспринимается как ненастоящий. Кроме того, символом времени, не наступающего долго или даже никогда, может служить период после Пасхи: *по Великонни* 'спустя длительное время, возможно, никогда' (*так, так, надійся на нього, вінь ти зробит по Великонни*) [Центр-бойк. 2013: 55]. Еще одной реальией, служащей образом для именованая, является новый веник: *сидіти до нових вінників* 'долго ждать' в буковинских говорах (*ми на ці автобусні будим чикати до нових вінників, бо страшно прислизло і автобуси ни ходя*) [Бук. 2005: 483]. В лужицких говорах – *на swjatu Ćerlicu* (такая святая, как Ćerlica не существует) [Pfühl 1866: 97]. В северо-западных белорусских говорах фиксируется выражение *на святых нігды* 'никогда': *аддасі ты на святых нігды, а больш нігды* [СБГ 3: 218–219].

Та или иная пора в хозяйственной деятельности может соотноситься с периодом времени, приблизительно равным календарному месяцу и характеризующимся типичным поведением животных,

например насекомых, досаждающих скоту: гуцул. *бедзень* (*бидзень*), *білень* ‘июль’; буковин. *липень* (*бедзень тому, що в цьому місці безд (овод) крепко корови кусає*). Аналогичные принципы мотивации отмечены не только в говорах Славии, но и за пределами славянской языковой территории: например, в силезских немецких говорах *Fliegenmond* ‘август’ (буквально: ‘месяц мух’) [Mitzka 1: 323].

Таким образом, на основании данных лексики славянских говоров можно полагать, что восприятие времени через призму определенной поры, существующих сроков для того или иного аспекта деятельности человека является одной из его главных граней.

Литература и источники

Бук. – Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Червона рута, 2005. 688 с.

Гуц. – Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1997. 232 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва: издание М. О. Вольфа, 1880–1882.

Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е.М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.

Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.

СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецке-не, Я.М. Рамановіч, А.І. Чабарук, Ф.Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.

Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали / отг. ред. Ст. Стойков. Книга II. София: Институт за български език БАН, 1965. С. 119–314.

Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали / отг. ред. Ст. Стойков. Книга V. София: Институт за български език БАН, 1970. С. 152–221.

Центр.-бойк. – *Маміїв М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып.: учеб. пособие / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991.

Mitzka W. Schlesisches Wörterbuch. Berlin: De Gruyter, 1963–1965. B. 1–3.

Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludowe Nakladnistwo Domowina, 1966.

Pfuhl C. T. Łužiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin, 1866. 1210 s.

Ramult S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. 298 s.

НАЗВАНИЯ ЧИНОВ В СВАДЕБНЫХ ПРИГОВОРАХ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Ю.А. Крашенинникова

*Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»,
Сыктывкар, Россия, krasheninnikova@rambler.ru*

Аннотация: работа посвящена выявлению и систематизации названий свадебных чинов, отложившихся в поэтических текстах свадебного обряда Костромского края. На материале опубликованных и архивных записей XIX–XX вв. автор рассматривает номинации группы «Свадебные чины», в ряде случаев уточняя значение некоторых лексем, отмечая частотность их употребления. Внимание к региональному фольклорному материалу показывает частную систему номинаций со своими доминантами и периферийными явлениями, свойственную одному фольклорному жанру.

Ключевые слова: свадебный обряд; Костромской край; свадебные приговоры; названия чинов

NAMES OF RANKS IN WEDDING SPEECHES OF KOSTROMA REGION

Y.A. Krasheninnikova

*Institute of Language, Literature and History Federal Research Center
«Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences»,
Syktyvkar, Russia*

Abstract. The work is devoted to the identification and systematization of the names of wedding ranks, fixed in the poetic texts of the wedding rite of the Kostroma region. The author uses the published and archival texts recorded in XIX–XX centuries on the Kostroma area. The author considers the nominations of the group “Wedding ranks”, in some cases clarifying the meaning of some lexemes, noting the frequency of its using. Attention to the regional folklore material shows a particular system of nominations with their dominants and peripheral phenomena, peculiar to one folklore genre.

Keywords: wedding ceremony; Kostroma region; wedding speeches; nominations of wedding ranks

В работе использованы записанные в XIX–XX вв. на территории Костромского края материалы, опубликованные [Андроников 1856; Андроников 1905; Виноградов 1917; Дементьев 1855; Зимин 1922; Иорданский 1896; Кулагина 1996; Крашенинникова 2021; др.] и архивные, хранящиеся в фондах ГАКО, РГАЛИ, ГЛИМ, РГО, РЭМ (далее в тексте ссылки на архивные документы приводятся в круглых скобках).

Жанр зафиксирован практически во всех административно-территориальных единицах Костромского края; тексты приговоров

обслуживают обряд почти на всем его протяжении, в отдельных случаях выходя за рамки обряда. В локальных традициях Костромского края отмечен говорной репертуар разных персонажей свадьбы, выявлены редкие разновидности, в частности, приговоры, адресованные катающимся молодоженам, приговоры девушек, которые приносились при выносе свадебного деревца (девьей красоты).

Названия свадебных чинов встречаются в приговорах дружек и девушек; в первых перечень номинаций более обширный, в текстах упоминаются чины свадебной процессии со стороны жениха, а также лица, отвечающие за встречу поезжан в доме невесты и обслуживающие застолье. Как правило, дружка, обращаясь к родителям жениха, невесты или присутствующим, высказывает просьбу о чем-нибудь или организует какое-либо действие (просит благословить / оказать хороший прием свадебному поезду / проверяет готовность поезжан к выезду за невестой или в церковь / рассаживает всех за столом и проч.) и называет участников свадьбы, например: ...*Сидят гости званы, // Господа поезжана, — // В начале тысяецкой, // Новобрачной князь, большой боярин, меньшей боярин, я, дружка с полудружьем, и сват со свахой, и весь наш храброй поезд* (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2, Кинешемский у., 1853), ...*встречай-ко ты, сватушко молодой, своих гостей, моих поезжан: тысяцкова, большова барина и меньшева барина, князя новобрашинова, дружку с полудружьем, сваху с повозником и свата-хвастунича* (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед.хр. 78, л. 88, Кологривский у., 1902), *Сват и сватья, ко столу был бы стольничек, ко жбану разнозчикек, к дверям придверничек, к коням конюхи* (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 50 об. – 51, Ветлужский у., 1902) и др.

Функции отдельных свадебных чинов закреплены в поэтических текстах, однако чаще роль того или иного персонажа в обряде объясняется публикатором или писцом в его ремарке или сопровождающем текст этнографическом описании. Ниже мы приводим список номинаций, зафиксированных в приговорах свадебных дружек (цифра в круглых скобках показывает частоту встречаемости слова в поэтических текстах; в наши задачи не входила точная количественная регистрация, однако важно показать распространенные и единичные явления).

Свадебная процессия, сопровождающая жениха, называется: *храбрый поезд* (3), *княженецкий хоробрый поезд* (2), *поезд добрый, храброе полчище* [Виноградов 1917: 96], *княжский полк / полк, княжеский полк* (РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 573, л. 4, Ветлужский у., 1897), *честной полк*. Участники свадебного поезда – *поезжане/-а, поезжанушки* [Зимин 1922: 179], *полчане* [Дементьев 1855: 109].

В публикации 1856 года описание *храброго поезда* конкретизировано, в числе поезжан перечисляются *триста вершников, пятьдесят тележников, полтораста оберегателей, пятьсот провожателей* [Андроников 1856: 164].

Кроме *дружки* (вар.: *друженька*) в текстах отмечены названия участников свадебного поезда.

Полудружье (10), *поддружьце*, *полудруженька*, *подружье*, *полдружье* (един. упоминания) – помощник дружки. Ср.: номинации помощника дружки – *подружье*, *полдружье*, *полудружье*, *поддружка* – на материалах, записанных в XIX – нач. XX в. в разных локальных традициях России, выделяет П.С. Богословский [Богословский 1927: 20–21].

Тысяц(ч)кий/-ой (15), *тысячник*, *тысяцкие бояре* (ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 69, л. 134, Костромской у., до 1903) (един. упоминания): на роль тысяцкого выбирался крестный отец жениха (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2, Кинешемский у., 1853; РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 92), посаженный отец; за свадебным столом его сажали рядом с женихом по правую руку от последнего (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 31об., Кологривский у., 1902).

Большой боярин (7), *большой барин* (един. упоминание): «ближайший родственник жениха» (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2, Кинешемский у., 1853), за свадебным столом сидит «на втором месте рядом с женихом по левую руку» (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 31об., Кологривский у., 1902).

Середний [барин] (един. упоминание). *Середние бояра* перечисляются, как правило, с *большими* и *малыми боярами*, также являются родственниками жениха.

Меньшой боярин (5), *малый боярин* (2), *меньшой/-ий барин* (2). П. Вишневский отмечает, что *меньшой боярин* – «близкий родственник, состоящий в родстве меньше, чем предыдущий» [речь о большом боярине. – Ю.К.] (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2, Кинешемский у., 1853). В «Словаре русских народных говоров» «малый боярин – участник свадьбы со стороны жениха» (СРНГ 3: 144). Более точную характеристику *малым боярам* дает Н. Кибардин – это дальние родственники жениха (РГО, р.10, оп. 1, ед. хр. 50, л. 6 об., Вятская губ., 1893), уточняя тем самым условия выбора (наличие родственных отношений, степень родства с женихом).

В записи 1902 г. отмечено, что могли выбрать «двух больших бар, двух средних, двух малых» (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 92 об.).

Повозник (3), *повознич(ц)ек* (3), *повозчик*. Участник свадебного поезда, в одном тексте отмечено, что это *кучер* (РГАЛИ, ф. 1420,

оп. 1, ед. хр. 68, л. 46, Кологривский у., 1916). *Повозчик* или *повозник* – «кто правит упряжною лошадыю, повозкой; провожатый, проводник, погоняла, погонщик, возница, кучер, ямщик» [Даль 3: 140].

Извоищичек (един. упоминание) – тот, кто правит лошадыми, кучер; дружка обращается к матери невесты с просьбой *не заморозить на улице* и перечисляет членов «княжего полока»: *князь новобрачной (новображной), друженька с поддружьщцем, тысячкой с большим боярином, малый боярин с лагунищчком, свахонька с повозничком и с молодым извоищичком* [Дементьев 1855, 107].

Лагунищичек, лагунищичек, лагунищик: три упоминания в одной публикации из Кологривского у. [Дементьев 1855, 105, 107, 112]. Член свадебного поезда жениха, отвечающий за лагун с напитком. В.И. Даль говорит о лагунном боярине: «*прм.* свадебный чин; он едет сам-друг в конце поезда, с пивным лагуном и напитками» [Даль 2: 232]. Со ссылкой на «Толковый словарь» В.И. Даля и рукопись Бердникова 1848 года, хранящуюся в архиве РГО, о лагунных боярах в свадебном обряде Пермской губернии пишет П.С. Богословский, в частности, в Кунгурском у. Пермской губ. в 1840 году зафиксировано, что «два лагунных боярина в конце поезда возили лагун пива для угощения зрителей на дворе невесты» [Богословский 1927: 24].

В приговорах дружки упоминаются чины, отвечающие за встречу поезжан в доме невесты и обслуживающие свадебный пир.

Караульщик, караульный, караульничек, караульщичек. Функция караульщика – охрана сбруи и коней свадебного поезда, это выполняют два брата невесты или близкие родственники из молодых людей, за что дружка дает им вина и пирог [Виноградов 1917: 97].

Сторож, ед. вар. *сторожонок* (РЭМ, ф. 2, оп. 2, д. 105, л. 339, Галичский у., 1929). Функция та же, что у караульщика, – охрана сбруи и лошадей поезжан: *Нельзя ли как поставить сторожа, // Чтобы сохранныи мочальныи, // Чтобы кто не выдумал // Нашего господина дружку в конфуз ввести* (РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 69, л. 14, Варнавинский у., 1921). В записи из Костромского у. упоминаются оба чина:

Нет ли у вас, сватушка, мне-ка

Такого благонадежного человека,

Сторожа,

А не сторожа, так караульщика –

Моего доброго коня постеречь,

От всех лихих врагов оберечь [Виноградов 1917: 97].

Конюх (един. упоминание в записи из Ветлужского у., 1902 г., РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 51).

Придверничек (2 зап. из Ветлужского, Кологривского у.) – чин, который ожидает поезжан у дверей. *Придверник* – устар. Сторож у дверей, у входа куда-л. [Ефремова]; *дверник* – «приставка к дверям, воротам, ко входу; привратник, швейцар» [Даль 1: 418].

Стольничек (един. упоминание в записи из Ветлужского у.: *Сват и сватья! Ко столу был бы стольничек, ко жбану разнозчикек, к дверям придверничек, к коням конюхи...* (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 50 об. – 51, 1902): чин, распоряжающийся за столом (подача и перемена блюд). Ср.: *стольник* – первонач. придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом [ТСЛРЯ 1940: 532]; участник застолья (обычно свадебного), распоряжающийся и прислуживающий за столом [СРНГ 41: 225].

Разнозчикек «ко жбану» (един. упоминание в записи из Ветлужского у., РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 50 об., 1902): чин, отвечающий за раздачу напитков.

Гвоздарь (един. упоминание, РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 96, 1902): подносит пиво дружке, за что получает деньги – выкуп за косу. *Гвоздάρь* – пивовоз, пивной извозчик [Зеленин 1904: 16]; в свадебном обряде – тот, кто заведует пивом и вином на свадьбе [СРНГ 6:159].

Повар. Пожалуй, самое вариативное название, в записях отмечены по два раза *стряпка* и *поварушка*, остальные варианты встречаются по одному разу: *стряпуха*, *повары-батюшки*, *поварихи-матушки* [Иорданский 1896: 111], *поваряя*, *повареюшка* [Виноградов 1917: 124], *старая поварушка*, *повареюшка*, *стряпушка* [Там же], *поварушко*, *поварушка*, *лебедь белая*, *поварушка-матушка* (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 97, 1902), *поварушко любезной* (РГО, р. 18, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2об., Кинешемский у., 1853).

Участников свадьбы в приговорах дружек называют *сварбяне/свербяне* (РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, ед. хр. 69, л. 22, Варнавинский у., 1921), *свадьбяне* (РГАЛИ, ф. 1455, оп. 1, ед. хр. 50, л. 86, Варнавинский у., 1919); гости со стороны невесты, которые едут в дом жениха – *посляне* (*сколько у меня поезжан, столь мне дайте послан* [Дементьев 1855, 125]); *горные* – ближайшие родственники невесты, которые приезжают в дом жениха после венчания и привозят подарки родственникам жениха (РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 99 об., 1902).

Некоторые номинации дополнены лаконичной характеристикой, благодаря которой подчеркивается возраст (*друженька молоденький*; *молодой друженька* / *подружье* / *извоцичек* / *князь* / *сваушко*), черты характера и нравственные характеристики (*друженька*

веселый / храбрый / смелый / тороватый; сторож – *благонадежный человек*; *свахонька котрила* (вероятно, чванная, тщеславная, ср.: Котрятяся, яюсь, яешься, несов. Важничать, чваниться. *Наша свахонька котряется, ломается, из саней не вылезает* (приговор дружки). Ветл. Костром., 1899. [СРНГ 15: 114]) и *ломлива* [Зимин 1922: 180], *караульщикех хорошенький, поварушко любезной, дружка-болтушка и сваха-побрякушка* (РГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 69, л. 12, Варнавинский у., 1921), умения (*повареюшка, золотые твои рученьки* [Виноградов 1917: 124]), статус (о родителей жениха или невесты: *сватушко государь, свахонька государыня*).

Номинация может сопровождаться портретной характеристикой, например: *Тысяцкий молодой с раскладистой бородой, // Щечки литые, куделечка витые, // Взгляды дорогие* [Андроников 1905: 44] и др. В записи из Ветлужского у. рассказ дружки о выезде из дома жениха дополняется описанием процесса выбора этого чина – дружку выбрали из всех присутствующих, наделили его обязанностями и отправили в дом невесты: *Был я званой, // Был я браной, // До суда посланой, // Изо-всех людей избраной, // Дружкой названой* [Зимин 1922: 178].

Особенностью свадебных приговоров является наличие большого количества деминутивов, используемых при назывании свадебных чинов и участников обряда; это указывает на эмоционально-экспрессивную тональность речей свадебных друзей, однако избыточное использование деминутивов в приговорах задает более высокую «эмоциональную температуру текста» (терм. А. Вежибцкой [Вежибцкая 1996: 55]). Самым частотным эпитетом при характеристике свадебных чинов является адектив *молодой*, употребляемый практически относительно всех чинов, особенно со стороны жениха.

Объем статьи не позволяет остановиться на довольно большой группе приговоров девушек на свадебное деревце, однако заметим, что в них перечень названий свадебных чинов меньше по объему, но номинации в текстах девушек и друзей сходны. Сходство названий объясняется в том числе особенностями развития приговоров девушек: наши наблюдения показывают, что тексты этой жанровой разновидности на уровне содержания, художественно-стилистического репертуара обнаруживают близость к приговорам свадебных друзей (подробно см.: [Крашенинникова 2015]).

Литература и источники

Андроников П.И. Свадебные обычаи и песни в селе Костенев Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1856. № 21–27, 29. Часть неоф.

Андроников В.А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь, 1905.

Богословский П.С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь, 1927. 64 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71–152.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Изд. центр «Тerra», 1995.

Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (отрывок из путевых заметок) // Москвитянин. 1855. № 7. С. 65–134.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/word/pridverniki.html#.WBHkddSLTGg> (дата обращения: 07.12.2022).

Зеленин Д.К. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил комментариями Д.К. Зеленин. Вятка, 1904. 33 с.

Зимин М.М. Свадебный обряд в Ветлужском уезде Костромской губ. // Север. Кн. 2. Вологда, 1922. С. 174–181.

Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4). С. 107–113.

Крашенинникова Ю.А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек «на свадебное деревце») // Традиционная культура: Научный альманах. № 3. 2015. С. 149–163.

Крашенинникова 2021 – Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX — первой трети XX в. / составление, вступ. статья, подготовка текстов, комментарии Ю.А. Крашенинниковой. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Кулагина 1996 – Ветлужская сторона. Фольклорный сборник [Шарьинского района Костромской области]. Вып. 2 / вступ. ст., составление, примечания и общая редакция А.В. Кулагиной. Кострома: ДиАр, 1996. 271 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018.

ТСлРЯ 1940 – Толковый словарь русского языка / гл. ред. Б.М. Волин и Д.Н. Ушаков. Т. 4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 754 стб.

Сокращения

- ГАКО – государственный архив Костромской области
ГЛМ – архив Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ранее: Государственный литературный музей)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГО – архив Русского географического общества
РЭМ – архив Российского этнографического музея

ЛЕКСИКА КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В УСТНОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

О.Ю. Крючкова

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, vpks@rambler.ru*

Аннотация. На материале речи диалектоносителей-старообрядцев показано влияние книжно-письменной культуры на устную народно-речевую традицию. Оставаясь типично диалектной как по своей фонетико-грамматической структуре, лексическим особенностям, так и в аспекте ее коммуникативной организации, речь владеющих грамотой старообрядцев характеризуется заметным проникновением элементов книжно-письменных дискурсов. Приобщение носителей диалекта к письменной культуре, распространение грамотности является важным фактором динамики устной диалектной коммуникации.

Ключевые слова: русская диалектная речь; лексика; книжно-письменная культура; старообрядцы

THE VOCABULARY OF BOOKISH WRITTEN SPEECH IN ORAL DIALECT DISCOURSE

O.Ju. Kryuchkova

*Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevskij,
Saratov, Russia*

Abstract. The author shows, on the material of dialect speaking Old Believers' speech, the influence of written literary culture on oral popular speech tradition. Remaining typically dialect by its phonetic and grammatical structure, its lexical specific, its communicative organization, literate dialect speaking Old Believers' speech is characterized by a significant number of penetrating elements of bookish and written discourses. Introduction of dialect speakers to written culture, expansion of literacy is an important factor of oral dialect communication dynamics.

Keywords: Russian dialect speech; vocabulary; written literary culture; Old Believers

Современная диалектная речь претерпевает существенные изменения в связи с активным распространением грамотности среди носителей диалекта, интенсивным влиянием городской культуры на традиционный сельский уклад жизни, значительным расширением коммуникативного пространства диалектоносителей за счет приобщения к новым каналам восприятия информации (пока это в основном телевидение, радио, газеты и журналы). Описанная ситуация побуждает диалектологов интенсифицировать исследования в двух

направлениях. С одной стороны, увеличивается актуальность традиционной для диалектологии задачи – сбора, изучения и сохранения элементов уходящей традиционной речевой культуры, а с другой – на повестку дня выдвигается проблема исследования изменений диалектного дискурса. Последнее также приобретает острую актуальность ввиду необходимости фиксировать этапы развивающихся в диалектном дискурсе тенденций, что позволит впоследствии воссоздать их динамическую картину.

Если говорить о лексическом составе речи современных носителей диалекта, то он носит гетерогенный характер. Задача изучения стратификационной неоднородности лексики диалекта была поставлена давно (см. [Блинова 1972]), но заметного продвижения в этом направлении пока нет – очевидно, вследствие масштабности заявленной проблемы. Оптимизация исследований лексических особенностей современной диалектной речи может быть, вероятно, достигнута, на пути изучения в названном аспекте идиолектов диалектоносителей, а также на пути описания лексики определенного стратификационного уровня в речи однородных групп носителей диалекта (выделенных по социально значимым признакам: возраст, пол, образование, отношение к профессиональным, конфессиональным объединениям).

В [Крючкова 2021] мы апробировали первый подход, рассмотрев совокупность записей речи одного диалектоносителя-старообрядца и установив на этом материале ее ярко выраженный гетерогенный характер – феномен «смешанного» текста. Задача данной статьи – познакомить с результатами исследования лексики книжно-письменного характера в речи диалектоносителей, представляющих конфессионально однородную группу приверженцев старообрядчества.

Объектом изучения стали записи речи диалектоносителей, принадлежащих старообрядческой общине с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области. Проанализированы записи речи диалектоносителей-старообрядцев, сделанные в ходе диалектологических экспедиций Саратовского университета в с. Белогорное в 1996–2009 гг. Объем текстовых расшифровок записей от шести информантов (мужчин и женщин) составил более 55 тыс. словоупотреблений.

Речь владеющих грамотой диалектоносителей-старообрядцев с. Белогорное является типично диалектной. Все информанты – носители среднерусского окающего говора. В их речи регулярны соответствующие данному типу говора фонетические,

грамматические, лексические диалектизмы; ярко представлены общедиалектные коммуникативные особенности: отказ от косвенной речи в пользу прямой, образительность речи, совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего повествования [Гольдин 1997] (конкретные черты, свойственные носителям говора с Белогорное и отмеченные в речи грамотных старообрядцев, охарактеризованы в [Крючкова 2021]).

Выбранная для исследования группа диалектоносителей представляет богатый материал для наблюдений за книжно-письменной составляющей в диалектной речи. Известен книжно-письменный характер старообрядческой культуры (см., напр., [Никитина 1995]); в круг знаний старообрядцев в той или иной степени включены письменные религиозные тексты, нередко цитируемые ими. Умение читать и писать является частью языкового существования диалектоносителей-старообрядцев не в одном поколении (ср.: «*Вот у меня мать – она всё повести читала*», – вспоминает староверка 1912 г.р.). Нередко основными или первыми источниками овладения грамотой становились религиозные тексты. Овладение грамотой, стимулированное религиозной потребностью, открывает возможности для расширения круга источников, через которые может продолжаться (и продолжается) приобщение диалектоносителей к письменной культуре.

Исследование книжно-письменного компонента в составе диалектной речи предполагает не только инвентаризацию соответствующих лексико-фразеологических единиц, но также анализ особенностей их функционирования, характера взаимодействия с элементами инодискурсивного происхождения, фиксацию явлений межидиомной интерференции.

Лексический состав речи грамотных диалектоносителей-старообрядцев заметно обогащен единицами литературно-книжного характера (*принять* ‘получить в качестве дара’, *заведущий*, *комиссия*, *секретарь*, *тыловик*, *организатор*, *опись*, *питаться*, *питать*, *труд*, *трудиться*, *интересовать*, *знаменитый*, *управление*, *продовольствие*, *редакция*, *музей*, *кассета*, *прекратить*, *принуждать*, *предки*, *закон*, *съезд*, *заседание*, *присяга*, *геройство*, *амнистия*, *амнистировать*, *постановление*, *ультиматум*, *подобен*, *статья*, *ситуация*, *крестообразно*, *героически*, *амнистия*, *беженцы*, *племя*, *исполнить*, *мучения*, *самовольство*, *строгости*, *закоренеть*, *внушить*, *новомодный*, *фактически*, *категорически*, *видимо* (вводн. сл.), *повидимому*, *не могу сказать* / *не могу ответить* ‘не знаю’ (*не знаю* / *не могу сказать* ь/ *не могу сказать*) и др.

Элементы литературно-городского происхождения оказываются нередко не полностью освоенными диалектоносителями и подвергаются в их речи фонетическим, грамматическим, словообразовательным модификациям (*телевизер, электричка/лектричка, репрессиев, сократировать, мотофон* ‘магнитофон’, *фицер* ‘офицер’, *лазарь* ‘лазер’, *рентгелог* ‘рентгенолог’, *бесстыжесть, повероват* ‘увероват’, *обща* ‘сообща’, *секретарьщица, охранщик, почтальонка*), сопровождаются сигналами неуверенного знания (паузами хезитации, метавысказываниями), ср.:

[о дочери] *муж у ней/ как бы сказать/ преподаватель в военном училище/ в военном училище// вот он преподаватель/ вот* (повтор неактивного в лексиконе говорящего слова выполняет подтверждающую функцию, его прагматическая роль заключается в утверждении того, что найденное, вспомненное слово верно);

кода пошло/ раскулачивания/ начали/ ликавизация-то/ эта пошла уж... – Что пошла? – ликавизация что ли она называлась/ ну отбирали всё/ у богатых всё отбирали;

[о гибели подводной лодки «Курск»] *оне сохранили этот вот... своем телом оне/ героически всё сделали// да/ загнушили ёго// как он называется/ ре... редуктор что ли ли/ как-то... – Реактор. – как? – Реактор. – да-да-да// вот;*

недмит... немитстрация [администрация] *что ль какая/ я не выговорю;*

[цитирует письмо внучки] *«бабуля/ это у меня такое.../ как сказать/ такие планы составила я»;*

а потом/ значит/ Пётр Первый дал указ/ чтоб все выходили [не прятались по лесам]/ но/ при условии/ «будете платить двойную дань» <...> вот эти/ нашей-то веры// вот вышли/ и за ними значит/ никаки это... ну... как бы назвать... репрессиев что ль/ никаких не было.

По моделям литературных способов выражения могут формироваться специфические индивидуальные конструкции. Например, по образцу знакомых информанту (употребляемых им) аналитических выражений типа *дать согласие, оказывать помощь, брать во внимание* конструируются такие выражения, как *крест делать* (‘креститься’), *насмешку давать* (‘насмехаться’), ср.: *молодёжь-то/ к гробу-ту/ подведёшь/ ну скажешь/ «идите/ проститесь»/ там с отцом или с матерью/ или там с братом/ ну/ родные-ти// так оне подойдут/ «а как крест делать?»// <...> я им говорю/ «вы уж не креститесь»/ это ведь если там не истово крестишься/ то токо *насмешку* богу *даёшь*.*

Литературные единицы используются в речи диалектоносителей с изменением их литературно-нормативных значений и/или нормативной для них лексической и грамматической сочетаемости. Ср.:

*...ну вот топерь повез.../ он мужик-то был такой/ вроде вот в правлении **знаменитай**/ повез Никифор Иваныч... (сужение значения лексемы **знаменитый**);*

*вот он ночью-то/ <...> трёт его [сердце]/ с ём уж приступ-то/ знашь/ он видимо.../ как бы сказать.../ ну/ чёго/ **практика** что ль это у него была/ чёго ли (практика в знач. 'привычка');*

*а церковь в двадцать девятом году сожгли// когда раскулачивали/ <...> и церковь/ значит... так её... ну... **атрофировали**/ что ли// и решили там сделать клуб; мать просидела пять лет// когда начали **сократировать** этих... попов/ и её как за попа/ сочли (**атрофировать**, **сократировать** в знач. 'ликвидировать');*

*мы выбрали там/ старосту/ и вот всё у нас **управление идёт**/ староста нами управляет.*

Поскольку книжно-письменный компонент в коммуникативной компетенции диалектоносителей-старообрядцев базируется в значительной степени на религиозных текстах, то именно со стороны этого круга текстов наблюдается заметное влияние на диалектную в своей основе речь данной группы говорящих. В лексиконе диалектоносителей-старообрядцев существенное место занимает лексика религиозной тематики: *канун* 'моление, молитва', *верховые*, *нижние* 'последователи разновидностей старообрядчества', *читать псалмы*, *начало класть* 'совершать религиозный обряд', *причащать-ся*, *православный*, *замолитвовать* 'начинать молитву в молебном доме' и др. Знание библейских сюжетов обуславливает владение фондом восходящих к ним прецедентных единиц: *потоп*, *усекновение головы (главы) Иоанна Предтечи* (тематические группы религиозной лексики, отмеченной в диалектной речи старообрядца представлены в [Крючкова 2021]).

Лексические элементы общелитературного и религиозного дискурсов различаются по характеру их включения в диалектную речь. Общелитературная лексика относительно свободно (с поправкой на отмеченные варианты междиомной интерференции) включается в устное повествование на разные темы, ср.: *а ёго/ этого вот само-го как бы сказать/ это я так **предполагаю**/ хорошего-то коммуниста/ потом/ прис... это/ **приписали ему статью** как... за... это... как **сговор с кулачеством**/ ему приписали такое/ как вроде он это/ с **кулачеством** был связанный/ ёго расстреляли (см. также приведенные выше примеры).*

Элементы религиозного дискурса включаются в речь диалектоносителей преимущественно в виде прямого цитирования (иногда значительного объема) или пересказа религиозных текстов с присутствующими им фонетико-грамматическими особенностями, ср.:

я вот пою/ [поёт] «блажени/ непорочни/ помяни господи душу рабы своя»;

[поёт] Кому повем печаль мою?/ Кого призову по рыданию?/ Токмо тебе/ владыко мой/ Я плакала бы и день и ночь// Рахиль Рахиль/ мать моя/ Пролей слезы и по Господу;

а сейчас я вам скажу/ [поёт] «Богородице дева радуйся..../ Мария господь с тобой/ благословенна ты в женах/ благословенен плод чрева твое/ яко подала еси спаса избавителя душ наших»;

а с еретиком/ тоже есть написано/ «с еретиком/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе Богу молиться»/ это в моленной вкупе// вот// и «ласково слово глаголить нельзя».

Приведенные наблюдения дают основания полагать, что если общелитературная лексика, проходя этапы освоения, становится частью «естественной» коммуникативной компетенции, автоматического владения языком, то лексико-фразеологический фонд, восходящий к религиозному дискурсу, используется в ограниченном тематическом поле и сохраняет характер инодискурсивных включений в речи грамотных диалектоносителей-старообрядцев.

Приобщение диалектоносителей к грамоте, освоение элементов письменной речевой культуры – это важный цивилизационный переход, меняющий характер народно-речевой традиции и определяющий актуальность новых фокусов исследовательского внимания [Гольдин, Крючкова 2017]. Если устность и бесписьменность традиционной народной культуры относятся к ее исконным, онтологическим чертам (см., напр.: [Захаров 2004]) и представляют собой явления хорошо изученные, то особенности нового этапа существования традиционной культуры, включающей элементарную грамотность, исследованы еще недостаточно. Распространение грамотности среди носителей диалекта обуславливает существенные изменения в диалектной коммуникации, характер которых определяется источником грамотности, конкретным кругом письменных текстов, включаемых в коммуникативное пространство диалектоносителя наряду с усвоенной устным путем народно-речевой традицией.

Оптимальным источником изучения указанных тенденций являются электронные корпуса диалектной речи, на базе которых необходимо создание словарей-конкордансов (наподобие словарей,

созданных на основе Национального корпуса русского языка). Основным лексикографическим параметром словаря, ориентированного на изучение социально-функциональной неоднородности лексического состава говоров, является стратификационная характеристика лексики корпуса текстов диалектной речи. Специальное лингвистическое аннотирование (разметка) корпуса текстов и программное обеспечение корпусных словарей (корпусный менеджер) позволят получать алфавитные, частотные, обратные списки книжно-письменной лексики (и лексики иной стратификационной принадлежности) по заданному подкорпусу (с учетом социальных характеристик диалектоносителей), создавать выборки по сочетанию лексических и грамматических признаков, переходить от словаря к контекстам употребления соответствующих единиц. Такие ресурсы дадут возможность наиболее полной и последовательной инвентаризации книжно-письменных (и иных) элементов в диалектной речи, изучения специфики их функционирования, а также позволят произвести количественную оценку данного типа лексических единиц, оценить их место в лексиконе диалектоносителей и роль в диалектном дискурсе.

Литература и источники

Блинова О.И. Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул: БГПИ, 1972. С. 102–108.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл.: 10.02.01. Саратов, 1997. 52 с.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Вып. 12. Диалектология. С. 263–271.

Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7(243). С. 105–114.

Крючкова О.Ю. Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного» текста) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 2. С. 256–266.

Никитина С.Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста // История и география русских старообрядческих говоров. Москва: Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 84–92.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ВИТЕБСКОГО РЕГИОНА

Е.Ю. Муратова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь, mouratova@tut.by*

Аннотация. В статье анализируются лексические особенности языка Витебского региона. Одна из сторон языковой специфики Витебского региона (как и всех других регионов Белоруссии) состоит в том, что на его территории функционируют два близкородственных государственных языка – белорусский и русский, которые взаимовлияют друг на друга. В центре межкультурной коммуникации конца XX – начала XXI в. в Витебском регионе оказывается бизнес, и наблюдается формирование нового функционального стиля – бизнес-коммуникации, в которой преобладают англоязычные заимствования. Также в Витебском регионе активно развиваются и внедряются в обыденный язык жителей, особенно молодежи, разного рода жаргоны: политический, юридический, экономический, уголовный; экспрессивные разговорные элементы.

Ключевые слова: коммуникативное пространство; регион; белорусизмы; бизнес-коммуникация, жаргон

LEXICAL FEATURES OF THE LANGUAGE OF THE VITEBSK REGION

E. Y. Muratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the lexical features of the language of the Vitebsk region. One of the sides of the language specifics of the Vitebsk region (as well as all other regions of Belarus) It consists in the fact that two closely related state languages – Belarusian and Russian, which mutually influence each other, function on its territory. In the center of intercultural communication of the late XX – early XXI century in the Vitebsk region there is business, and there is the formation of a new functional style – business communication, in which English-language borrowings prevail. Also, in the Vitebsk region, various kinds of jargons are actively developing and being introduced into the everyday language of residents, especially young people: political, legal, economic, criminal; expressive conversational elements.

Keywords: communicative space; region; Belarusianisms; business communication, jargon

Относительно недавно в лингвистике появилось и стало активно функционировать понятие «коммуникативное пространство». Разные виды деятельности человека формируют свои пространства: культурное, образовательное, информационное, когнитивное и т.д. Ю.С. Степанов писал: «...нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди

формируют свои идеи» [Степанов 1985: 3] По мнению Б.М. Гаспарова, коммуникативное пространство – это целостная коммуникативная среда [Гаспаров 1996: 297]. В таком понимании используется и понятие «коммуникативное пространство региона».

В настоящее время важное значение имеют проблемы региональной лингвистики, которая развивается как в Белоруссии, так и в России. Например, в России: «Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики» под ред. А.А. Соколянского, «Регионализмы г. Екатеринбурга», «Словарь современного русского города» под ред. Б.И. Осипова; в Белоруссии – коллективная монография «Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов» под ред. В.А. Масловой, М.В. Пименовой, т.е. наряду с процессами глобализации во всех сферах современной жизни, в том числе и в лингвистике, развивается и регионалистика, в которой также языковые проблемы выдвигаются на первый план.

У коммуникативного пространства региона Витебщины можно выделить несколько экстралингвистических признаков: 1) место коммуникации – данный регион, в границах которого происходит коммуникативное взаимодействие; 2) время коммуникации – 2-е десятилетие XXI в.; 3) партнеры коммуникации и их роли; 4) совокупность сфер общения; 5) учет культурных особенностей региона: материальные ценности, природные объекты, прецедентные имена региона, духовная культура – обряды, традиции, нормы и ценности; 6) важнейшей ценностью и составляющей коммуникативного пространства является язык региона [Славянские ценности... 2017: 65–66].

Одна из сторон языковой специфики Витебского региона (как и всех других регионов Белоруссии) состоит в том, что на его территории функционируют два близкородственных государственных языка – белорусский и русский. В 70-е гг. XX в. белорусские города были в основном русскоязычными, а в селах говорили по-белорусски. Переселяясь в город, сельский человек старался соответствовать новой социальной среде, в которую он попал, поэтому зачастую на быденном уровне белорусский язык (далеко не литературная его форма) воспринимался как неправильный русский, а человек, который на нем говорил, – как не владеющий языковой культурой, деревенский. Постепенно в Белоруссии сформировался своеобразный билингвизм: подавляющая часть населения говорила на так называемой «трасянке». Это белорусское слово означает смесь сена и соломы. Явление языковой интерференции (проникновение в русскую речь слов белорусского языка) является серьезной проблемой, касающейся норм русского литературного языка.

Не рассматривая фонетическую специфику русской речи белорусов (например, твердое «ч», «р»), обратим внимание на ее лексические особенности.

В русскую речь из белорусского языка проникают слова всех частей речи: *бульба* (картофель), *веска* (деревня), *лялька* (кукла, маленькая девочка), *птушка* (птица), *колыска* (люлька, колыбель), *гонорливый* (высокомерный), *дробненький* (мелкий), *робить* (работать), *слухать* (слушать), *ховаться* (прятаться), *зараз* (сейчас), *трошки* (немного), *некий* (какой-то), *як* (как), *ажно* (даже) и т.д.

Чаще всего встречаются разнообразные словообразовательные белорусизмы, отличающиеся от соответствующих русских параллелей суффиксами или приставками: *второк* (вторник), *прибыток* (прибыль), *ближей* (ближе), *болея* (больше), *виноватить* (винить), *здоровкаться* (здороваться), *щеня* (щенок), *забить* (убить), *отразу* (сразу), *казка* (сказка) и т.п. В некоторых словах сохраняются фонетические особенности белорусского языка: *откуль* (откуда), *стольки* (столько), *туды* (туда), *ужо* (уже).

Иногда под влиянием белорусского языка увеличивается семантический объем некоторых русских слов, например, у слов *час*, *год*, *гроши*: *Сколько тебе годов?* (Вместо: *Сколько тебе лет?*) *Эту книгу я в любой час могу купить* (Вместо: *Эту книгу я могу купить в любое время*). В отличие от белорусского, в русском языке лексема *час* включает семантически меньший объем, чем лексема *время*. *Сдавайте гроши*. Если в русском языке лексема *гроши* означает очень маленькую денежную сумму, то в белорусском – это деньги вообще.

Перечисленные явления лексической интерференции находятся за пределами русской литературной нормы. Но надо отметить, что в XXI в. русская речь белорусов стала в значительной степени грамотнее и на лексическом, и на фонетическом уровне.

Вкрапления белорусизмов как своеобразных художественных приемов встречаются в русскоязычных стихах белорусских поэтов.

Исчезли / все звезды мои с небосвода! / Растаяли, / зникли, ушли в синеву! 2. Ни окошка, ни колыски, / в синем небе сиротой / Кови повис над лунным диском / На веревочке витой. (Т. Краснова-Гусаченко). 3. *А помнишь: у вески Комоски, / Вдоль старенького большака / тянулись к созвездьям березки, / глядели на мир свысока* (Б. Бележенко). 4. *Вот уже и вечер на пороге. / Вот и звезды. Вот и Млечный Шлях. / Все проходит. Истина в дороге. / Соль на ранах. Слезы на щеках* (Н. Наместников).

Отметим еще одну особенность языка Витебского региона. Общей тенденцией в современной межкультурной коммуникации является

активный, даже лавинообразный рост специальной лексики. В центре межкультурной коммуникации конца XX – начала XXI в. оказывается бизнес, и наблюдается формирование нового функционального стиля – бизнес-коммуникации.

Это явление характерно и для русского языка в Витебском регионе, который в конце XX в. подвергся экспансии иноязычной специальной терминологии: *бизнесмен, бармен, брокер, бартер, ваучер, дилер, дистрибьютер, дизайн, дилер, конверсия, контракт, консалтинг маркетинг, менеджмент, менеджер, мониторинг, приватизация, трансфер, шоп-тур, инвестиции, риэлтер, дисконтная карта, лизинг, сайдинг, офшор, фастфуд, роуминг, рейтинг, плеер, бренд, топ-модель, чартер, шоумен, шоу-бизнес.*

Многие из этих терминов были заимствованы давно (*бизнесмен, бармен, дизайн*), но использовались, как правило, специалистами. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими лексемами, становятся актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходит за пределы профессиональной среды и начинает употребляться большинством членов общества. Кроме того, у таких терминов есть еще одно важное качество. Многие из них, например, *маркет, супермаркет, гипермаркет, бутик, секонд-хэнд*, частотно используются в разных коммуникативных пространствах, даже при их разном фонетическом и грамматическом оформлении способствуют взаимопониманию людей разных социумов.

Оставляя в стороне оценочные комментарии этого квазиязыка, необходимо понять причины таких массовых англо-американских заимствований в русском языке. Главная причина – отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора (М.А. Брейтер). Например: *бэдж, ксерокс, факс, ноутбук, винчестер, принтер, сканер, картридж, курсор, модем, сайт, чат, дисплей, файл, клип, органайзер, степлер* и т.д. Л.П. Крысин в своей статье «Лексические заимствования и калькирование в русском языке последних десятилетий» анализирует причины заимствований терминов, к которым относит 1) потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т.п.; 2) необходимость разграничить содержательные близкие, но все же различающиеся понятия; 3) необходимость специализации понятий в той или иной сфере, для тех или иных целей; 4) тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов; 5) социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью иноязычного слова как более

престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [Крысин 2002: 58].

Особенно важной нам представляется 4-я причина – цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов. Учитывая коммуникативную тенденцию к экономии речевых средств, это более удобный способ обозначения того, что ранее выражалось словосочетанием: *инвестиции* – вложение капитала, *имидж* – определенный образ известной личности, создаваемой СМИ или самим индивидом, *спонсор* – лицо или организация, оказывающие материальную помощь, *риэлтер* – фирма или агент, занимающиеся сделками с недвижимостью, *ваучер* – государственная ценная бумага и т.д.

Необходимо отметить еще одну языковую особенность Витебского региона – в нем активно развиваются и внедряются в обиходный язык жителей, особенно молодежи, разного рода жаргоны – политический, юридический, экономический, уголовный; экспрессивные разговорные элементы: *молодежка*, *персоналка*, *встреча без галстуков*, *крыша*, *отмазать*, *наколоть*, *продинамить* и под.

Таким образом, изучение языка Витебского региона является частью более общей проблемы изменения языка вообще, в основе которой лежат не только собственно лингвистические, но и социолингвистические, социокультурные, исторические факторы, через призму которых выявляется специфика регионального языка. Коммуникативное пространство Витебского региона имеет как свои специфические, так и общие с другими социумами языковые черты. Одна из сторон языковой специфики Витебского региона (как и всех других регионов Белоруссии) состоит в том, что на его территории функционируют два близкородственных государственных языка – белорусский и русский, которые взаимовлияют друг на друга. В центре межкультурной коммуникации конца XX – начала XXI в. оказывается бизнес, и наблюдается формирование нового функционального стиля – бизнес-коммуникации, в которой преобладают англоязычные заимствования. Также в Витебском регионе активно развиваются и внедряются в обиходный язык жителей, особенно молодежи, разного рода жаргоны – политический, юридический, экономический, уголовный, а также экспрессивные разговорные элементы.

Литература и источники

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Крысин Л.П. Лексические заимствования и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–31.

Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: коллективная монография / под ред. В.А. Масловой, М.Вас. Пименовой. Минск: Энциклопедикс, 2017. 268 с.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии / отв. ред. В.П. Нерознак. Москва: Наука, 1985. 336 с.

УДК 811. 161.1

«ПИТАТЕЛЬНЫЕ СОКИ» НАРОДНОЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.М. КАСАТКИНА

С.В. Окуловская

*Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
Кострома, Россия, okulovskaja_svetlana@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей костромских говоров, расположенных по верхнему течению Унжи, сквозь призму авторских контекстов. Рассказы местного писателя И. Касаткина способствуют выявлению специфики лексики северо-восточных костромских говоров, которая, не имея значительных отличий от словарного состава соседних территорий, обладает своеобразными чертами, связанными с особенностями историко-культурного развития региона и типа хозяйствования. Делается вывод о том, что разноаспектный анализ диалектной лексики, представленной на страницах произведений писателя, способствует раскрытию многих этнодиалектных черт говора.

Ключевые слова: поунженские говоры; И. Касаткин; диалектная лексика; этнодиалектная зона

«NUTRITIOUS JUICES» OF FOLK SPEECH IN THE I. KASATKIN'S WORKS

S.V. Okulovskaya

*Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy
after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko», Kostroma, Russia*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of the Kostroma dialects located along the upper reaches of the Unzha, through the prism of the author's contexts. The stories of the local writer I. Kasatkin help to reveal the specifics of the northeastern Kostroma dialects vocabulary, which, not having significant differences from the vocabulary of neighboring territories, has peculiar features associated with the peculiarities of the historical and cultural development of the region and the type of management. It is concluded that a multidimensional analysis of the dialect vocabulary presented on the pages of the writer's works contributes to the disclosure of many ethno-dialect features of the dialect.

Keywords: Unzha dialects; I. Kasatkin; dialect vocabulary; ethno-dialect zone

Верхнее течение реки Унжи в различных источниках представляется рубежом, по которому проходят важные культурные и диалектные различия (см., например: [Образование 1970: 303–313; Очерки 2001: 435–437] и др.). Левобережные поунженческие говоры характеризуются близостью к периферийным вологодским говорам. Во многом они сохраняют древнее состояние языковой системы: здесь обнаруживается мягкое цоканье, у-неслоговое, встречаются формы *мати* и *доци* и др., что было подмечено, в том числе и А.В. Громым [Громов 1969].

Закономерность выделения зоны верхнеунженских костромских говоров как особого этнодиалектного образования подтверждается лексическими данными рассказов местных писателей, отражающих лексику говора в пору его наиболее консервативного состояния в окружении богатого контекста. Особенности поунженской речи подмечали и представляли в текстах своих произведений Е. Честняков, И. Касаткин и др. Читая их работы, созданные глубокими знатоками народного языка и широко использующими свои знания в творчестве, понимаешь справедливость высказывания Е. Карского о том, что придаёт произведениям особую ценность: «Сила русского литературного языка в тех основных соках, которые его питают, – в русской народной речи» [Карский 1962: 175]. Писатели XX века – выходцы из деревни – обильно пропитывали этими «соками» ткань своих произведений для передачи местного колорита при описании деревенской жизни, для создания реалистичности речевой характеристики персонажей. Такие тексты в настоящее время становятся ценным материалом при изучении этнолингвистических особенностей говоров, помогая более точно и полно представить картину мира людей, проживающих на данной территории, что способствует более глубокому изучению диалектного исторического материала. Имеют они огромный потенциал и как исторический материал для исследования фактов русской речи определённой эпохи. Они позволяют «более полно и системно представить лексический фонд говоров в период их активного функционирования» [Ганцовская 2016: 136]. Г.О. Винокур выражал сожаление по поводу того, что в историческом плане активно изучаются преимущественно данные памятников древнейшего времени, а «богатейший материал текстов более молодых вовлечён в научный оборот в явно недостаточной степени» [Винокур 1959: 230]. В аспекте сказанного рассмотрим произведение костромских писателей, творчество которых позволяет сделать значительное количество лингвистических находок.

Обратимся к рассказам И. Касаткина, уроженца деревни Барановицы Кологривского уезда, в которых он описывает быт и образ жизни крестьян своей родины – «глухого угла в верховьях Унжи, в стороне, на границе северных лесных увалов Вологодского края». Использование языковых средств родного говора, органично звучащих в произведениях, способствуют реалистичности и красочности описания картин крестьянской жизни: *Мотри же, сынушко, из избы не убегай* [Касаткин 1991: 16]; *Спи, рожоное, спи... окстись и спи... Экая ведь притка, господи Иисусе* [Там же: 232]; *Кряжист старик, што и говорить! Лежит теперь, всю долонь жерновом смызнуло, да и бок-от, слышь, помяло...* («Старухи»); *С одного боку телеги мать приладила плетушку с раскудахтавшимися курами, с другого боку лукошко яиц, пересыпала их куколем, чтобы не бились, а в передок сунула в бураке скоп топлёного масла* [Там же: 80] и др. Значительное количество диалектных слов различной тематики в рассказах И. Касаткина позволяет создать определённое представление о типологии говоров этой территории, описать их этнодиалектную специфику. Это различные тематические группы лексики, такие как: лексика родства (*братчики, робята, ребя, дедо, дедко, молодчик, милачок, милай, паря, парь, рожоное, сынушко, сватушко*), лексика материальной культуры (*кринка/крынка, черепья, солоница, самовар, окорёнок, бурак, корчага, помело, коптюшка, поставец, зыбка, дерюжина, пестер, плетушка*), лексика природы (*чапыга, буреломник, выскирь; сухара, сахарина, смолевина, полынок, увал, оплешина, бочажина, сиверко, сутемки*) и многие другие группы, многие слова которых имеют связи с севернорусскими говорами вологодско-вятской группы.

Верхнеунженские говоры в большей степени, нежели другие костромские диалекты сохраняют особенности древнерусского языка, архаические элементы. В произведениях И. Касаткина они включены в информативные авторские контексты, отражающие живую народную речь и способствующие более глубокой интерпретации данных языковых явлений. Поэтому литературный источник позволяет почерпнуть важные сведения по истории языка. Так, например, контексты рассказов И. Касаткина фиксируют следы богатой истории приставочных глаголов, в том числе и тех, ядро которых в древнерусском языке составляла лексема *имати*. В представленном здесь слове *замать* в значении «трогать, прикасаться» отсутствует неслоговое *и*, возникшее на месте зияния: *Не замай её! – махнул рукой тятька* [Касаткин 1991: 90]. Семантика данных глаголов изменялась и преобразовывалась в течение длительного времени, идя то

по пути усложнения, появления новых значений, в том числе и переносных, то упрощаясь. Так, например, на протяжении развития языка произошло упрощение семантической структуры глагола *понимать*, который в современном русском литературном языке сводится к значению ‘постигнуть, уяснить смысл чего-либо’ [Крепких 2015: 14]. Говоры продолжают сохранять древние и приобретать новые значения, которые объединяются общей семантикой ‘приобщение объекта к сфере субъекта’. В СРНГ фиксируется 14 значений данного глагола [СРНГ 29: 161–162]. Опишем его функционирование в речи поунженских жителей сквозь призму контекстов И. Касаткина: 1) ‘постигать, осознавать смысл чего-либо’: *Не гляди, что смеюсь. От радости смеюсь, понимаешь?* [Касаткин 1991: 159]; 2) ‘уважительно относиться, почитать’: *Вот как они нынче родителей понимают...* [Там же: 266]; *Андрей выхватил, вишь, себе кралю, вертушку какую-то, да не спрося родителей... Может, и не венчаны... Э-эх, старуха! Дураки мы стали, дураки, – вот они нас как понимают, да!* [Там же: 267].

Интересны наблюдения над представленными на страницах рассказов словами, некогда входившими в состав общенародного лексикона, но изменившими в диахронии свой статус. В них также сохраняются архаические значения, уже утраченные литературным языком. В этой связи прокомментируем, например, лексему *фордыбачить*, которая как просторечие в значении «вести себя дерзко, вызывающе, надменно; возражать, протестовать из-за упрямства» приведена в БАС [БАС 16: 1479]. Произведения И. Касаткина отражают более архаичное значение данного слова, показывая его связь с древнерусским *гърдоватися* (гордиться). Отметим, что слова *фордыбачить* и *гордыбачить* как принадлежащие соответственно тверским и костромским говорам со значением «невежливо спорить и при этом кричать» отмечены в Опыте областного великорусского словаря [Опыт 1852: 244]. Данные слова связаны этимологически и восходят к *gъrditi. Форма *фордыбачить* была следствием южнорусского произношения слова – *юрдыбачить* [Фасмер 4: 202]. Приведём цитату из рассказа И. Касаткина «Маленькие люди»: *Кто ты теперь есть? Такой же парходчик, как я – миллионер... значит, и фордыбачить тебе тут нечего!* [Касаткин 1991: 154]. Так осаждает своего бывшего хозяина-парходчика, разорившегося, но покупающего в тракторе дорогую стерляжьую уху, его машинист Чадов. Значение слова, выводимое из материалов И. Касаткина – ‘показывать собственное достоинство, превосходство’ близко семантике зафиксированного в Словаре Дилакторского глагола *фортыбаситься* – ‘гордиться’ [Дилакторский 2006: 536].

Особая ценность творчества И.М. Касаткина состоит в отражении той части лексики, которая недостаточно представлена в других источниках. Так, например, работавший некоторое время в артели бурлаков и не понаслышке знакомый с языком сплавщиков, И. Касаткин передаёт изобилующую многочисленными номинациями агентивной и предметной лексики сплава живую народную речь бурлаков в профессиональных ситуациях общения: *С богом... выхаживай якорь!* [Касаткин 1991: 29]; *Носовые – на гребь, кормовые – страви лота! <...> На носу со скрипом заработала влево гребь; на корме глухо зафыркал по кнехту канат спускаемого лота* [Там же: 39]; *Барка, на которой мы теперь плыли до большого приволжского города, называлась «передовой» <...> Там, позади, иногда шум, гам: расперло какую-нибудь барку поперёк реки, треск идёт – подходи, задние, на подмогу!* [Там же: 30]. Такие контексты могут быть расценены как исторический памятник профессионального языка той эпохи, когда сплавной промысел ещё активно функционировал на крупных реках края.

Лингвистический находкой рассказов И. Касаткина является возможность выявления в них этнодиалектных маркеров верхнеунженских говоров. Так, например, автор документально описывает ситуацию, когда в период весеннего сплава происходил интенсивный контакт жителей соседних поселений, актуализирующий прозвищную традицию. Чужие локальные сообщества получали уничижительные характеристики, выражающиеся в противопоставлении своего коллектива чужому: лапотники – голодранцы; колокольники – тамойки («На барках»). Коллективное прозвище *тамойки* было зафиксировано В.И. Далем («*Костромичи тамойки* (также: голодраные, острокопытники)» [Даль 4: 389]; у Д.К. Зеленина и Г.П. Смолицкой – прозвище жителей части Костромской губернии, находившейся в нижнем течении р. Волга, дано за особый выговор слова *там* («вместо *там* говорили *тамойко*») [Воронцова 2011: 316]. И. Касаткин же подмечает, что в поунженских говорах оно приобретает свою специфику и особый смысл, указывая на негативную оценку жителей верха реки.

Данный микроэтноним здесь вызывается к жизни во время начала весеннего сплава, когда создаётся особое коммуникативное пространство, и используется по отношению к живущим в глухих лесных деревнях верхнего течения Унжи мужикам-сезонникам, становящимся в это время конкурентами в борьбе за единственный возможный источник заработка: *Настоящий колокольник всегда заряжен яркой ненавистью к «лешим тамойкам» – мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы,*

на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас [Касаткин 1991: 24].

И. Касаткин описывает народ, населяющий эти места как «бедный, но очень воинственный». Лексема *бурлак* употребляется здесь по отношению к большей части мужского населения лесного края, а её производное собирательное *бурлачье* указывает на буйный нрав, грубость и необразованность местного населения. *Это всё бурлаки, лесной народ. Возвращаются с вешней путины. Согнали к низам плоты, беляны, барки, повидали Волгу и спешат в лесные верховья – еще какую сплавленную работу перехватить либо и дома, в берлоге своей, захряснуть, землю ковырять, поле своё обиходить* [Касаткин 1991: 62]. *Наш брат – сивый мерин, одна шантрапа необразованная! С неё взятки гладки... Видишь, всё бурлачье какое сидит, а ты с этакой-то красной рожей, да и затесался к нам!* [Там же: 154].

Яркое, документальное прорисовывание образов земляков с их речевыми привычками вводит в ткань рассказов не только огромное количество характерной для региона нарицательной лексики, но и собственных наименований, в том числе и антропонимов: *Ганька, Гараська, Гришук, Епишка, Костюнька, Левонтий, Митряйко, Моська, Оноха, Овдоха, Оська, Самылка, Силашка, Секлитейка, Фетинья, Фонасий* и др.

Материалы произведений И. Касаткина позволяют создать довольно объёмное представление о приспособлении христианских имён собственных к языковой системе верхнеунженских говоров (*Василь, Васильчик, Васятка, Васька, Васяга; Петруша, Петрушка, Петруха, Петруня, Петрунька*), а также о функционировании различных их форм в народной речи: *На, Анка, дай им понемножку... Мишка, возьми, дурак, щепотку, позобли... Санька, Гараська! Чего, глупые, надулись, берите, ну!* [Касаткин 1991: 174]; *И во царствии твоём помяни, господи, дедушку Митрия, бабушку Марфу, тятеньку Николая, братцев... Филата, Матвея... младенца Прокла...* [Там же: 236]. Являясь частью общего лексического состава говора, антропонимы подчиняются законам диалекта, отражая его особенности, которые подмечает И. Касаткин: замена м/н (*Никита / Микита; Никитушка / Микитушка; Панфишка / Памфил*), употребление конечного **-о** (как у существительных 2-го склонения) у имён, обозначающих лиц мужского пола (*Данило, Максимко, Никанорко, Панкратьюшко, Корнило, Митряйко*).

Всё вышесказанное даёт предпосылки для выделения территории говоров Верхнего Поунжья как особой этнодиалектной зоны, где на периферии распространения русского языка сохраняются древние изолексы и изосемы. Исследование языковых особенностей говоров

по информативным и колоритным контекстам произведений художественной литературы, содержащим обильное количество примеров народной речи, в сопоставлении с другими лингвистическими источниками, способствует раскрытию многих этнодиалектных черт Костромского края.

Литература и источники

Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959. С. 229–257.

Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. Москва: АСТ-Пресс, 2011. 448 с.

Ганцовская Н.С. Диалектные тексты как хранилище лексического богатства языка (на материале хрестоматий костромских говоров) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2016. № 1. С. 135–139.

Громов А.В. Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969. Вып. 5. С. 75–84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882-4.

Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении: по рукописи П.А. Дилакторского / ред. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 588 с.

Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва: из-во Академии Наук СССР, 1962. 715 с.

Касаткин И.М. Мужик / сост. Н.М. Солнцева. Москва: Советский писатель, 1991. 382 с.

Крепких Т.А. Языковые преобразования в глаголах с праславянским корнем *-ę-/*-jьt- // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2015. № 2. С. 13–16.

Образование 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова. Москва: Наука, 1970. 456 с.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. Санкт-Петербург, 1852. 275 с.

Очерки 2001 – Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 512 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–/ гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург, 1965– .

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва: Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948 –1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачёва. Москва: Прогресс, 1986–1987.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ОДНОГО ДИАЛЕКТНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА:
ЛОМАТЬ КОСАРЕЦКОГО**

А.Р. Попова

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Орёл, Россия, Studioaa2001@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и развития диалектной фразеологической единицы *ломать косарецкого*. Исследуется функционирование фразеологизма и его компонентов как самостоятельных слов в говорах и литературных произведениях, формальные и семантические связи данного диалектного фразеологизма с другими, описываются обычаи и традиции, отражённые в этих фразеологических единицах.

Ключевые слова: фразеологическая единица; диалектизм; компонент фразеологизма; народные говоры

**THE ORIGIN AND FUNCTIONING OF THE DIALECT
PHRASEOLOGISM: LOMAT' KOSARECKOGO**

A.R. Popova

The Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

Abstract. The article is devoted to the history of the origin and evolution of the dialect phraseological unit *lomat' kosareckogo*. The functioning of this phraseologism and its components as independent words in dialects and literary works, formal and semantic connections of this dialect phraseologism with others are investigated. The customs and traditions reflected in these phraseological items are described.

Keywords: phraseological items; dialecticism; component of phraseologism; folk dialects

В одной из повестей современной писательницы Т.И. Грибановой «От Рождества до Покрова (Родные запахи)» в воспоминаниях лирической героини воссоздаётся мир деревенского детства, родной автору орловской деревни, – цвета, звуки и запахи в доме и вне его, исчезающий ныне быт и уклад, традиции, привязанные к календарю. Перед нами очень личностный и поэтический творческий «месяцеслов», содержащий диалектную лексику и фразеологию, что объясняется выбором речевой манеры повествователя и особенностями хронотопа. В тексте нам встретилось упоминание традиции, обозначенной диалектным фразеологизмом *ломать косарецкого* / *косарецкого ломать*. Причём, как видно из контекста, для автора эта фразеологическая единица уже непонятна: в памяти остался лишь сам факт существования традиции и её название. *Что означает фраза «ломать косарецкого», для меня и в детстве было тайной, и до сих пор остаётся непонятным.*

На Крещенье зять в нашей деревне едет к тётце ломать этого самого косарецкого. <...> Может, зять приезжает к тётце на Крещенье не косарецкого ломать, а просто духовитый холодец есть? – размышляю я... [Грибанова 2013: 11]. Субстантивированное прилагательное *косарецкий*, компонент этого фразеологизма, нуждается в пояснениях, равно как и происхождение диалектной фразеологической единицы, исторически и культурологически маркированной. Что же такое *косарецкий* и почему его следует «ломать»?

В.И. Даль, давая дефиницию существительному *косарецкий*, сопровождает её вопросом относительно написания и даёт в скобках верный, исходный, не искажённый фонетический облик: *косарецкий* ‘въ видѣ сущ. косарецкій поросенокъ, начиненный кашею, на Васильевъ вечеръ (не *кесарійскій*?)’ [Даль 2: 183]. Нам встретились и другие варианты написания данной единицы: *кесарецкий поросёнок* [Мадлевская], *кесаретский поросёнок* [Ольхов].

В «Словаре русских народных говоров» фразеологическая единица (далее – ФЕ) отмечается как орловская и представлена с иным написанием: *ломать касарецкого*: а) ‘есть что-либо, приготовленное по случаю торжества, праздника (обычно поросёнка, которого зажаривали на Новый год в день святого Василия Кесарийского)’; б) ‘лишать девушку невинности в первую брачную ночь’. Болх., Орл., Сахаров [СРНГ 17: 118]. Как можно заметить, фразеологизм является полисемантом и развивает вторичное значение, не связанное с вышеуказанным ритуальным действием.

Субстантивированное прилагательное *ко(а)сарецкий*, сохранившееся как компонент диалектных фразеологизмов, является составной частью диалектного же устойчивого сочетания *касарецкий поросёнок*, которое называет кушанье – поросёнка, приготовленного в определённый день и определённым образом, о чём будет сказано ниже. Компонент *поросёнок* редуцировался в составе вышеуказанной ФЕ *ломать ко(а)сарецкого* (поросёнка). Единица *касарецкий поросёнок* зафиксирована в орловских, а также в некоторых территориально близких им говорах: ‘поросёнок, зарезанный и зажаренный накануне Нового года. В Васильев вечер, накануне нового гражданского года, свежуют и жарят оброчного поросенка, называемого касарецким от св. Василия Кесарийского, покровителя свиней’. Мцен. Орл., Снегирев, 1861. Курск., Тул., Ворон. [СРНГ 13: 115]. В качестве примера-иллюстрации приводится цитата из очерка Ивана Снегирёва «Домашний обиход мценских крестьян» [Снегирёв 1861: 1527–1530]; поясним, что Мценск – один из городов Орловщины; современный Мценский район (ранее – Мценский уезд Орловской губернии) граничит с Тульской областью.

В этом же значении ФЕ *касарецкий поросёнок* даётся в «Словаре орловских говоров» и сопровождается иллюстрацией: *Късарецкий пьрасёнак – режутъ над Новый гот и цэликом ворють* [СОГ 5: 23].

Компонент *ко(е/а)сарец(тс)кий* возник как искажение прилагательного *Кесарийский* – части составного онома *Василий Кесарийский*. Василий Великий (Василий Кесарийский) – святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской (в настоящее время – город Никсар в одной из турецких провинций), церковный писатель, оратор, богослов, основатель двух монастырей, причислен к лику святых [Православная]. День памяти святого отмечается 1 января по старому и 14 января по новому стилю календаря, отсюда и упоминания Нового года в приведённых выше толкованиях. А.А. Коринфский так пишет о наименованиях последнего дня уходящего и первого дня нового года (по старому, юлианскому календарю): «Кончается год Васильевым вечером (“богатый”, “щедрый” вечер, также “Авсень”, “Овсень”, “Таусень”), Васильевым днем начинается. 1-е января – Новый Год – слывет в народе за “Василь-день»» [Коринфский 1995: 110]. Что же общего у Василия Кесарийского, «благородного философа», как назвал его знаменитый писатель-орловец Н.С. Лесков [Лесков, Дворянский], с русским традиционным кушаньем?

Святой Василий считается покровителем свиноводства, неслучайно «выгоняя в первый раз в поле скот, ставят свечу перед образом Василия Великого, и его особому надзору поручают сохранение свиней; поэтому пастухи чтут его и боятся прогневить» [Терещенко 2007: 564]. 1 января по старому стилю в народном календаре в честь Василия Кесарийского получило название *Васильев день* [РНК: 68], *Василий-свинятник* [РМИР], а предшествующий ему вечер 31 декабря – *Васильев вечер, Васильев вечерок* [РНК: 68]. Традиция приготовления и употребления блюд из свинины в Васильев вечер / Васильев день отражена в поговорках русского народа: *Свинку да боровка для Васильева вечерка* [ПРН], *В Васильев день – свиную голову на стол! Не чиста животино свинья... да нет у Бога ничего нечистого: свинку-щетинку огонь палит, а Василий-зимний освятит!* [Коринфский 1995: 110]. Приготовление блюд из свинины на Новый год «объясняется традиционными представлениями об особой плодovitости свиньи... Обряд съедания кесаретского поросенка представлял собой магическое действие, направленное на вызывание плодovitости скота, урочая, изобилия и благополучия в хозяйстве» [Мадлевская].

О подготовке к «Васильеву дню» с юмором, неподражаемой тонкой иронией и фактографической точностью пишет Н.С. Лесков в своём очерке «Дворянский бунт в Добрыньском приходе»: ...*свиньи у отца Василия так и поросились, чтобы дети их могли к Васильеву*

дню получить аттестат зрелости и стать “касарецкими”. Тогда для них наставала новая торжественная минута: их кололи, и это, по уверению крестьян, приносило им большое удовольствие, так как всякое животное, убиваемое к христианскому празднику, “с радостью на нож идет”. И действительно, когда поросенок обдελывали и, окунув в воду, устанавливали рядом на завалинке замораживать, они представляли из себя что-то младенчески благоговейное: замерзая все рядом с поднятыми вверх обрубленными лапками, они точно сами себя приносили в благоприятную жертву. Крестьяне говорили: “У батьки поросятки как молятся! На Касарецкого их есть будем” [Лесков, Дворянский]. Как можно заметить, слово касарецкий употребляется как прилагательное вне ФЕ, также представлено имя собственное, которое обозначает сам праздник, день Василия Кесарийского.

И ещё в одном своём очерке («Геральдический туман») русский классик говорит о приготовлении блюда касарецкий поросёнок к празднику Васильев день на Орловщине: *В одном орловском селе был дьячок, у которого три сына родились все под Васильев день. – Как, – говорит, – бывало, я пойду касарецкого поросенка колоть, так к моему возвращению дома у дьячихи новый мальчик в фартуке уж и плачет* [Лесков, Геральдический].

С приготовлением и употреблением в пищу «касарецкого поросёнка» связаны определённые традиции. Как отмечает А.И. Сахаров, «касарецкий поросёнок = поросёнок, сжаренный в день нового года (в день Св. Василия Кесарийского). Поросёнок этот жарится тещею и подается зятю. Кости поросёнка бросаются в свиные хлевы, чтоб свиньи водились» [Сахаров 1900]. Причём «в некоторых местных традициях для этого выбирался кто-либо из гостей, и кости носили в свинарник по одной; в Орловской губ. это делала хозяйка дома» [Мадлевская]. Вспомним приведенный в начале нашей статьи фрагмент повести Т.И. Грибановой, где говорилось именно о потчевании зятя тещей – героиня не представляет, как выглядит само блюдо, но упоминает этих участников ритуала.

В.И. Агошков, описывая святочные народные празднества орловского края, цитирует Орловские епархиальные ведомости 1903 года, где приведены устойчивые сочетания *ломать Касарецкого, Касарецкого молить / молить Касарецкого*: «Под Новый же год почти по всемъ уездам нашей епархии распространен чисто семейный обычай, известный подь оригинальным названием “Касарецкого молить”... Это название в Дмитровском уезде несколько видоизменено: вместо “молить Касарецкого” крестьяне выражаются “ломать Касарецкого”. А в других уездах самое название совершенно отсутствует,

хотя обычай в большом употреблении» [Агошков, 2019]. Глагольные компоненты *молить* и *ломать* – отражения реальных действий участников трапезы: «Поросенокъ ставится на столе на главном месте, а около него зажигается свеча. Когда дойдет очередь угощаться поросенком, то все присутствующие встают на местах и молятся», «а название “ломать Касарецкого” произошло оттого, что в Дмитровском уезде обыкновенно один из зятьев разламывает, “ломает” поросенка на части и роздает всем присутствующим» [Там же].

Кушанье *касарецкий поросёнок* упоминается не только в памятных свидетельствах прошлого – литературных произведениях Н.С. Лескова, очерках И. Снегирёва, опыте словаря А.И. Сахарова. Даже в современных интернет-источниках, посвящённых блюдам русской кухни, рассказывается о рецептах и особенностях приготовления этого кушанья. Например: «Кесаретского поросенка за-жаривали обязательно целиком, какой бы величины он ни был... Для этого блюда берут молочного поросенка – не старше 6 недель, который питался только молоком (поэтому он и называется «молочный»)... Фаршируется гречневой кашей с луком и яйцом. В фарш кроме гречневой каши, яиц и лука можно добавить шкварки или кусочки сала, жареные грибы» [Ольхов].

В современном языке прилагательное *ко(е/а)сарецкий* на данный момент неупотребительно и осталось только в качестве компонентов устойчивых сочетаний. Ранее же лексема функционировала и как прилагательное, и субстантивировалась (ср. данные словаря В.И. Даля, где указана частеречная принадлежность слова *касарецкий* – существительное), и использовалась самостоятельно как имя собственное, наименование праздника: *на Касарецкого*... (у Н.С. Лескова).

Отсутствие или, во всяком случае, стёртость в сознании многих носителей языка связи с исходным онимом *Кесарийский* послужили появлению вариантности в написании: *касарецкий* – в словаре В.И. Даля и в повести Т.И. Грибановой – либо *касарецкий* [СРНГ, СОГ]; несколько «ближе» к исходному вариант *кесарец(тс)кий*, однако и он является малоизвестным/неизвестным в настоящее время.

Интересно, что в составе устойчивых единиц *ломать Касарецкого* и *молить Касарецкого* / *Касарецкого молить* компонент дан с заглавной буквы (журнал «Орловские епархиальные ведомости» 1903 г.), что свидетельствует о сохранности связи у отдельных носителей языка данной лексемы с её источником, тем более что в тексте следует объяснение происхождения этих фразеологизмов. В остальных же источниках (в словарях, у Н.С. Лескова, у Т.И. Грибановой)

в сочетаниях *ломать ко(а)сарецкого, ка(е)сарецкий поросёнок* используется строчная буква.

Вышеописанные единицы *ломать (молить) ко(а)сарецкого, ка(е)сарецкий поросёнок*, будучи агнонимами в современном языке, исторически и культурологически значимы. За этими ФЕ стоят обычаи, распространенные не только на Орловщине, но и шире (см. ареальные пометы в «Словаре русских народных говоров», указание В.И. Даля *вологодск.* при пословице *На Василия Великого свиную голову на стол* [ПРН] и др.), целая история, восходящая к VI веку н.э., к житию святителя Василия Великого (Кессарийского).

Литература и источники

Агошков В.И. 1903 г. Епархиальные Ведомости. Святочные народные празднества в Орловской епархии. 2019. Электронный ресурс: <https://proza.ru/2019/04/08/918> (дата обращения: 18.08.2022).

Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. Москва: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.

Грибанова Т.И. «От Рождества до Покрова (Родные запахи)» // Грибанова Т.И. Лесковка. Деревенские рассказы. Орел: Орлик, 2013. С. 10–19.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. Москва; Санкт-Петербург, 1880–1882.

Лесков Н.С. Геральдический туман (заметки о родовых прозвищах). Электронный ресурс: https://rvb.ru/leskov/01text/vol_11/02articles/234.htm (дата обращения: 18.08.2022).

Лесков Н.С. Дворянский бунт в Добрынском приходе. Электронный ресурс: http://dugward.ru/library/leskov/leskov_dvoranskiy.html (дата обращения: 16.08.2022).

Мадлевская Е. Кесаретский поросенок // Электронный ресурс: <https://www.sites.google.com/site/kokorinva/Home/k/kesaretskij-porosenok> (дата обращения: 18.08.2022).

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Санкт-Петербург: Тип. Академии наук, 1896–1912. Электронный ресурс: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8131/ (дата обращения: 18.08.2022).

Ольхов О. Говим по-русски! Традиции русской трапезы. “Кесаретский” поросёнок. Электронный ресурс: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9759e46a3fda00b3eaa73/tradicii-russkoi-trapezy-kesaretskii-porosenok-5e1ae63532335400af534b44> (дата обращения: 16.08.2022).

Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: Электронный ресурс: <https://www.pravenc.ru/text/150791.html> (дата обращения: 16.08.2022).

ПРН – Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва: Художественная литература, 1989. Электронный ресурс: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения: 17.08.2022).

Сахаров А.И. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии. Санкт-Петербург, 1900. Электронный ресурс: <http://diderix.petergen.com/lub-sahrw.htm> (дата обращения: 17.08.2022).

Снегирев И. Домашний обиход мценских крестьян // Московские ведомости. 1861. № 190. С. 1527–1530.

СОГ – Словарь орловских говоров. Вып. 1–17 / ред. Т.В. Бахвалова. Ярославль; Орел, 1989–2016.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2021.

УДК 81'22

СКЛОНЕНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОРОНЕЖСКИХ ДИАЛЕКТАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

С.С. Токарева

*Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия, svetlana-xs@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования системы субстантивного склонения в типологически неоднородных говорах Воронежской области. Анализ падежных окончаний существительных позволил выявить черты, сохранившиеся в диалектном склонении с древнерусского периода, и обозначить возможные направления дальнейшего развития системы склонения.

Ключевые слова: воронежские диалекты; субстантивное склонение; регулярные типы склонения; падежные окончания

DECLENSION OF NOUNS IN VORONEZH DIALECTS: MAIN TRENDS

S.S. Tokareva

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of the system of substantive declension in typologically heterogeneous dialects of the Voronezh region. The analysis of case endings of nouns made it possible to identify features preserved in dialect declension from the Old Russian period, and to identify possible directions for further development of the declension system.

Keywords: Voronezh dialects, substantive declension; regular declension types; case endings

Морфологический уровень языка является наиболее устойчивым к различным модификациям, однако современные русские говоры показывают, что изменения в морфологической системе, и в частности, в склонении существительных происходят и в настоящее время. Воронежские диалекты заслуживают внимания исследователей в виду своей неоднородности, обусловленной историей заселения края, когда исконные южнорусские диалекты столкнулись с диалектами

среднерусскими и севернорусскими по происхождению. Подробное обследование населенных пунктов Воронежской области по комплексу признаков, среди которых 1) диалект; 2) отличия в традиционной народной одежде и головных уборах; 3) отличия в проведении традиционного свадебного обряда и народных праздников; 4) отношение к морали и нормам нравственности и др., дает основание рассматривать 5 типов русских диалектов на территории края, распространение которых отражает разработанная А.Д. Черенковой первая диалектологическая карта Воронежской области [Черенкова 2019: 182]. Талагайские говоры курско-орловского типа расположены узкой полосой в западной части Воронежской области; собственно талагайские, или восточные талагайские говоры, занимают с разной степенью интенсивности достаточно большую территорию Воронежской области; цуканские говоры представлены тремя локациями: в центре области лискинско-каширские цуканы, к северо-востоку располагаются чесменско-хреновские цуканы, третья группа локализуется на юге области; говоры с севернорусской основой занимают четко очерченную небольшую территорию к востоку от г. Воронежа; распространение «русских» говоров носит дисперсный характер [Черенкова 2019: 181–183].

Цель нашего исследования состояла в анализе системы склонения имен существительных в современных говорах Воронежской области с учетом обозначенного разнообразия и динамики.

Отметим, что склонение имен существительных в период становления объединяет такие грамматические категории, как род (отнесенность существительного к роду), число (изменение существительных по числам) и падеж (падежные окончания в ед. и мн. ч). Мы считаем, что в современных диалектах деклинационная система имен существительных продолжает свое развитие: 1) в плане группировки существительных по типам склонения, 2) в плане разобщения парадигм склонения ед. и мн. числе, 3) в плане формирования падежных окончаний.

Говоря о группировке существительных по типам склонения, нужно обратить внимание на категорию рода, а именно на тенденцию к разрушению категории ср.р., широко представленную в говорах Воронежской области.

Существительные ср.р., меняя свою родовую отнесенность, встраиваются в систему 1 склонения и получают новые окончания: *са'лу брала, на_мы'лу, в_у'гьсуда'рству, на_је'ту сав'иш'иш'а'н'иу, с'е'м'ь у_ја'бл'ч'к'и, о'къл кла'д'б'ишиш, п'ирашк'и'с_нав'и'дл'й, с_м'а'с'ьй, над_ако'шк'ьй* [Токарева 2018б].

С категорией рода оказывается тесно связана судьба 3 склонения. Наличие двух типов женского склонения в говорах осознается как избыточное, поэтому менее продуктивное третье склонение разрушается, уступает место более мощному первому [Токарева 2018а]. Например, у существительного *мать* происходит выравнивание основы им.п. по образцу косвенных, что приводит к единству основы по всей парадигме. В плане морфологического воплощения парадигма словоизменения в этом случае близка первому склонению (*ма'т'ьр'а* – у *ма'т'ьр'и* – к *ма'т'ир'и* – *ма'т'ьр'у* – с *ма'тр'ьй*). У существительных *церковь*, *морковь* используется формант *-ва*, вместо *-овь*, что также формально сближает эти слова с первым склонением (*марква' – марквы' – маркв'е' – маркву' – маркво'й*). У существительного *свекровь* особая судьба. К его основе присоединяется суффикс *-j-*, что совместно с окончанием *-а* объединяет его со словами первого склонения (*св'окро'в'ја* – сь *св'акро'в'jьй*).

Признаки объединения с первым склонением демонстрируют и некоторые существительные ж.р., исконно принадлежавшие IV склонению с основой на **-i*. Речь идет о словах *болезнь*, *жизнь*, *лошадь*, *печь*, *грязь*. При их словоизменении используются характерные первому склонению окончания (*жы'зн'а*, *бал'е'зн'а* – на *ло'шьд'у* – ф *п'ач'е'* – у *гр'аз'е'*).

Проведенный анализ падежных окончаний существительных позволил выявить черты, сохранившиеся с древнерусского периода, и обозначить возможные направления дальнейшего развития системы склонения.

Говоря о чертах, сохранившихся с древнерусского периода, следует учитывать, что воронежские диалекты в склонении имен существительных отражают древнерусское наследие как в общеязыковом плане, так и в собственно диалектном. К древнерусскому наследию в общеязыковом плане мы относим употребление вариантных окончаний *-у* в род. и пр. падежах у существительных 2 скл [Токарева 2019]. Так, в род.п. окончание *-у* возможно не только у вещественных и собирательных существительных м.р. в предложно-падежной форме с партитивным значением (*твѣрашкѣ' ваз'м'е'и*, *нѣл'ива'йши к'ирас'и'ну*), но и у конкретных существительных в предложно-падежной форме с определительным значением (*абѣ'жа из'лы'ку*) или обстоятельственным значением (*с'расто'ву во'з'ат'*, *пл'иту'шк'и дл'а'наво'зу*). Окончание *-у* настолько широко употребляется в народных говорах, что вовлекает в сферу своего распространения и существительные ср.р. (*мѣлч'к'у'уск'ип'ат'и'и*).

В пр.п. расширение сферы употребления окончания -у активно происходит за счет односложных и неодносложных существительных с основой преимущественно на заднеязычный согласный как с постоянным ударением на окончании (*нѣбач'ку'*, *ууалку'*, *настанку'*, *нѣбыку'* *вэ'тѣм сундуку'*, *влатку'*, *напаталку'*, *ла'з'ил'и насталбу'*, *нѣкр'есту'*) так и в безударном положении (*нѣсв'ина'рн'ику'*, *в'исо'ч'ку'*).

Окончание -у может употребляться и в том случае, когда предложно-падежная форма не имеет локативного значения (*настанку'* *вид'е'лывала*, *нѣбыку'* *во'ду ваз'ил'и'*).

Древнерусское наследие в собственно диалектном плане обнаруживается в двух случаях. Во-первых, в воронежских диалектах до сих пор прослеживаются результаты иного взаимодействия твердой и мягкой разновидностей в пределах 1-го склонения. В литературном языке, как и во многих диалектах, отражается такое сближение его разновидностей, когда исконные окончания мягкого варианта вытеснялись окончаниями твердого варианта. В современных говорах Воронежской области находим следы сближения двух разновидностей склонения по пути влияния мягкого варианта на твердый, которые представлены в формах род.п. с предлогами *у*, *из*, *с*, *от* (*у'с'астр'е'*, *у'ма'м'и*, *ис'ха'т'и*, *из'мо'д'е*, *у'па'н'е иш'ико'л'и*, *с'машы'н'и*, *ат'каро'в'и*). Отметим, что в целом процент таких форм невелик по всем говорам. Во-вторых, древнерусским наследием в собственно диалектном плане считается сохранение в отдельных падежах более древних окончаний. Так, например, в твор. п. конкурируют окончание -ой и -ою. Если в литературном языке последнее имеет стилистическую окраску, то в диалектной речи его следует рассматривать как сохранение древнерусской черты. Окончание -ою, наряду с окончанием -ой, отмечается в талагайских говорах курско-орловского типа, собственно талагайских говорах и цуканских говорах (*карто'х'и съ'см'ата'н'иу*, *рабо'тль у'по'л'ь с'т'а'пк'иу*, *жын'и'х с'н'ив'е'стайу*, *рабо'тль даја'ркайу*). В русских говорах и севернорусских по происхождению подобной вариативности не отмечается, зафиксировано только односложное окончание -ой.

Кроме этого, исконное нулевое окончание в некоторых случаях отмечается у существительных м.р. в род. п. мн. ч. (*со'рѣк д'он*, *б'из'зу'б*). Сохраняются древнее исконное окончание в отдельных словоформах, в частности -ех, восходящее к исконному окончанию местного падежа существительных с основой на *-ǫ/*-jǫ -Ъхъ: *на'мест'е'х*. Эта форма употребляется только

в одной коммуникативной ситуации, когда речь идет о весенних посевах: *капу'сту и п'эм'идо'ры выса'жывайу на'м'ест'е'х* (не рассадой. – С. Т.).

II. Говоря о возможных направлениях развития системы склонения следует учитывать, что диалекты, будучи свободными от строгой кодификации, имеют свой уникальный вектор развития, подчиненный внутриязыковым законам и экстралингвистическим факторам, и могут демонстрировать более стремительное, более последовательное развитие по сравнению с литературным языком. Тенденция к разрушению категории ср. р. и к объединению словоизменительных парадигм существительных по признаку рода показывают перспективы развития деklinационной системы по пути упрощения, следуя принципу «два рода – два склонения», впервые обозначенному А. Д. Черенковой.

Упрощение системы склонения происходит в результате обобщения окончаний как внутри одной парадигмы, так и между парадигмами разных склонений. Мы предполагаем, что упрощение деklinационной системы в ед.ч. связано с значимой диалектной особенностью 1-го скл. южнорусских диалектов, обусловленной унификацией форм род., дат., пр. п. по дат. и пр.п. В настоящее время в ударном положении унификация встречается редко, а в безударном положении отражается более последовательно и приводит к единообразному оформлению трех падежей типа: *у'н'ав'е'ст'и – к'н'ав'е'ст'и – на'н'ав'е'ст'и*.

Наблюдая за особенностями произношения безударных окончаний пр.п. 2 скл., мы также заметили, что по всем типам говоров достаточно четко и последовательно звучит *-и*: *у'д'е'цтв'и, у'кал'идо'р'и, ф'цэ'нтр'и, на'пт'и'ч'н'ик'и, на'тра'хтър'и, на'просто'р'и, ф'по'л'и, в'мауаз'и'н'и* и т.п. Если учитывать тот факт, что изменения конца слова могут быть вызваны не только позиционными изменениями, но и действием принципа аналогии, то отчетливое *-и* можно рассматриваться как новое безударное окончание, которое начинает формироваться по всей безударной парадигме склонения по модели:

	1 скл.	2 скл.	3 скл.
Род. п.	<i>ис'ко'мнат'и</i>		<i>дл'а'ста'раст'и</i>
Дат. п.	<i>на'ко'мнат'и</i>		<i>к'ста'раст'и</i>
Предл. п.	<i>ф'ко'мнат'и</i>	<i>ф'калхо'з'и</i>	<i>при'ста'раст'и</i>

Окончание *-и* поддерживается едиными исконными формами род., дат. и пр. п. в 3-м скл. (*у печи, к печи, о печи* и т.п.), род.п.

мягкого варианта 1 скл. (*из земли, от капли, у грязнули* и т.п.), род., дат. и пр. п. существительных ж.р. на *-ия* (*из истории, к истории, об истории* и т.п.), пр.п. существительных м.р. на *-ий* (*в санатории* и т.п.) и ср.р. на *-ие* (*об угощении* и т.п.).

Это приводит к сближению разных парадигм склонения и упрощению деklinационной системы в целом. Причинами такого обобщения можно считать фонетические процессы конца слова в условиях аканья, однако нельзя исключать действие морфологического обобщения в связи с абстрагирующим характером грамматики в целом.

Упрощение деklinационной системы во мн.ч. связано с утратой родовых различий в им. и род. падежах. Конкуренция более архаичных, исконных и более поздних по происхождению окончаний свидетельствует о поиске единого способа выражения грамматического значения.

В им.п. и вин.п у неодуш. мн.ч. в диалектах отмечается активная конкуренция более архаичного окончания *-ы* (*-и*), охватившего все имена ж. р. (*л'е'нты, кру'шк'и* и т.п.), подавляющее большинство имен м.р. (*стака'ны, жук'и* и т.п.), а по южнорусским диалектам и имена ср.р. (*кал'о'сы, пла'т'ю,, в'о'слы, ко'л'цы, палат'е'ницы*), и более позднего по происхождению окончания *-а*, которое отмечено не только у существительных ср.р. (*м'аста', вайска'* и т.п.) и м.р. (*дама', уч'ит'ел'а', ко'л'ја* и т.п.), но активно используется существительными ж.р. (*лашад'а', степеня', степя', ноча'; лашад'ја', матерья', дочерья'*).

В род. п. и вин. у одуш. мн.ч. широко представлен процесс нейтрализации родовых отличий окончания *-ов*. Во-первых, оно распространяется на более широкий круг существительных м.р.: *годо'ф мно'га, разо'у д'е'с'ят', н'ат' брато'ф, у'д'а'д'ьв*. Во-вторых, функционирование окончания *-ов* отмечается у существительных ж.р. и ср.р.: *ко'заф н'и'д'е'ржым, наура'даф мно'га, н'ив'е'ст'ьв хвата'ит', карамы'сльф н'е'быль*.

Анализ современного состояния системы склонения имен существительных в говорах Воронежской области показал, что вектор развития деklinационной системы во всех типах говоров общий. Типологические отличия касаются, в большинстве своем, количественных характеристик протекания некоторых изменений: в одних говорах они более активны, в других – менее. Не вызывает сомнений и тот факт, что диалекты меняются в условиях тесного контакта с литературным языком. И как показывают наблюдения над современным состоянием деklinационной системы, сопротивляясь литературной норме и подчиняясь внутрилингвистическим тенденциям, диалекты демонстрируют развитие системы склонения по пути дальнейшего

упрощения, а именно, унификацию окончаний в ед. и мн.ч., объединение парадигм склонения в пределах одного рода, изменения в категории рода. В данном случае литературный язык оказывается сдерживающим фактором для этих преобразований и приводит к увеличению функционально не обусловленной вариативности языковых средств и способов выражения. В связи с этим изучение грамматики народной речи становится очень востребованным и актуальным.

Литература и источники

Токарева С.С. К вопросу о III склонении существительных в говорах Воронежской области // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018а. С. 253–254.

Токарева С.С. К вопросу о падеже существительных II склонения в говорах Воронежской области // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (282). С. 183–190.

Токарева С.С. Категория среднего рода имени существительного в собственно талагайских говорах Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность: Материалы ежегодной областной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2017. Воронеж, 2018б. С. 271–277.

Черенкова А.Д. Диалектное многообразие Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Международной научной конференции / науч. ред. А.Д. Черенкова. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. С. 176–184.

УДК 811.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В.В. Шаповал

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, shapovalvv@mgpu.ru*

Аннотация. Иноязычные вкрапления часто встречаются в художественных произведениях. В рассматриваемом случае текст песни на русском и украинском языках (41 строка) инкорпорирован в пространную цыганскую поэму (1087 строк). В имеющемся в нашем распоряжении автографе Бронислава Вайс (Папуша) оставила не вполне обработанной вторую часть песни, однако столь значительный по объёму вставной фрагмент нуждается в осмыслении как с точки зрения художественной, так и лингвистической.

Ключевые слова: переключение кодов; смешение языков; родственные языки; цыганский (ромский) язык; цитирование

**THE USE OF EAST SLAVIC LANGUAGES MATERIAL
IN A FICTION TEXT**

V.V. Shapoval

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. Foreign inclusions are often found in poetry and prose texts. In the case under consideration, the text of the song in Russian and Ukrainian (41 lines) has been incorporated into a lengthy Romani poem (1087 lines). In the autograph that we have at our disposal, Bronislava Wajs (Papusza) left the second part of the song not completely finished, however, such an incorporated fragment of such a significant volume needs to be comprehended both from the point of view of poetry and linguistics.

Keywords: code switching; mixed language; related languages; Romani; quotation

Иноязычные вкрапления в художественных текстах бывают разного происхождения. Одни берутся из внешних источников, а другие создаются самими авторами. Первые представляют интерес для определения круга чтения писателя, например: [Пильщиков 1999]. Вторые же важны для реконструкции его собственного лингвистического портрета. Например, Рильке оставил стихи на своеобразном русском языке с милыми ошибками, а Толстой создал французские вставки в «Войне и мире» на безупречном для своего круга и эпохи языке. Русский язык в его бытовании за пределами актуальных границ заслуживает внимания в том числе и в историческом аспекте. Обычно русская диалектология занимается говорами на традиционной территории бытования языка, но интерес представляют и вариации, сформировавшиеся в относительно недавнее время в границах бывшей империи и её окрестностей. Эти разновидности в чём-то похожи на смешанные говоры, но в них более заметно влияние иноязычного соседства. Последний аспект представляется чрезвычайно важным. Так, например, на территориях поволжско-финских языков это взаимодействие за длительный срок давно пришло к стабилизации, позволяющей включать местные русские диалекты в число исконных. На исторических же окраинах империи и территориях, недолго побывавших в её составе, местный вариант русского языка сохраняется в разной мере. Речь может идти о нескольких десятках изолированных и адаптированных слов и фраз в финской неформальной речи или в турецком языке Эрзурума и Карса [Бак, Шаповал 2000]. На восточных территориях Польши русский язык сохранялся в начале XX в. в широком спектре вариантов – от кодифицированного литературного до сложившихся в устной сфере смешений с местными языками в различных пропорциях. Один из образчиков последнего вида, зафиксированный в стихийно созданной системе записи, мы рассмотрим далее.

Запись песни (строки 761–801) в рукописи поэмы «Ratwałe jaswa» (Кровавые слёзы) [Wajs 1952] Папуши (польско-ромской поэтессы Брониславы Вайс, 1908–1987) представляет партизанскую переработку одной из песен М.В. Исаковского (1900–1973): «В чистом поле под ракетой, Где клубится по ночам туман...» [Шаповал 2022: 188–193]. Текстуральная преемственность доказывается сохранением в этой версии обширной прерывистой цитаты [Шаповал 2010: 74] стихотворного размера и ритма. Например: «⁷⁶⁹...tam zabyty chłyboko ⁷⁷⁰zarytu. | kosomolic kraznoj raguzan», что отражает «Там *зabити*й|, *глубоко зарити*й| ко|м|сомолиц красной пар|т|ызан». (Номера строк по рукописи даны над строкой; *курсивом* выделены обычно украинские вкрапления; между прямыми | | восстановлены пропуски букв: |t|; одна прямая | обозначает предполагаемый конец стиха, поскольку в рукописи нет такой разбивки.) Примечательно смешение двух-трёх языков, но вместе с тем заслуживает внимания и детальная фиксация фонетических особенностей, весьма необычная для поэтессы-самоучки. Будучи успешной певицей и удачливой гадалкой, она просто не могла игнорировать релевантные отличия различных устных регистров в коммуникации. При этом перенастройка была намного более тонкой, нежели официальное противопоставление, например, всего лишь трёх восточнославянских языков. Последние, вероятно, покрывались общим термином *język ruski*, однако это не мешало в ходе устного общения подстраиваться под собеседника. Так что смешение двух языков в записи, вероятно, довольно точно фиксирует звучание, а также отражает бытование переработанного текста песни в советских партизанских отрядах Волыни.

Однако вторая часть записи отличается явной незавершённостью, очевидной конспективностью, и этим она интересна. Ограничимся далее цитированием кириллической транслитерации: «⁷⁷¹ Он {ø} он упав да пристреленный | <у> великому ⁷⁷² советскому бою, | за стра-ною, ⁷⁷³ за страной родною, | за красавицей ⁷⁷⁴ любимой-ёй моёй...»

В данном случае объём выявляемой прерывистой цитаты также показателен (учитываем и перемещённое и трансформированное *Советы = советский*). В первоисточнике: «На траву, да на степную | **Он упал, простреленный в бою.** | Эх, за *Советы*, за **страну родную** | Отдал жизнь геройскую свою».

Не следует считать, что Папуша здесь (за *страною*) не отличает творительный падеж от винительного. Это явное отражение фонетики вокала, сужение лабиализованных гласных в распеве (ср.: [Шаповал 2012]). Примечательно и введение личной любовной темы («⁷⁷⁶ самая гырой красавица была»), отсутствовавшей в оригинале, но востребованной аудиторией. Свобода трансформации вообще

характерна для устного бытования песен. Так, «В чистом поле, в поле под ракитой» порождает эквисиллабическую замену «ojj upolu upolu. ⁷⁶² dwi topoli» (*Ой, у полю, [ў] полю дві тополи*) в зачине, где *две тополи* (услышанные за сегментом «...том_поле») и далее повторяются неоднократно.

Запись содержит сокращения там, где при исполнении предполагалась их вероятная развёртка до полного текста, например: «Проважала... коника... ⁷⁷⁵ вороной... *шаблю подавала...*». Таким образом, звучание песни с повторами было довольно продолжительным. Это позволяло и слушателям поучаствовать в коллективном исполнении.

Введён новый для фольклорных солдатских песен поворот сюжета: красавица тоже героически гибнет в бою: «⁷⁸⁰ ... сама в той | ⁷⁸¹ пропала *Bo partyzanta*, гиря | ⁷⁸² комсомольца любила и с(и) мерти не бая⁷⁸³лас | ни он) и я, любов наша В сирой | ⁷⁸⁴ зимили». (*Bo partyzanta* ‘ибо партизана’ выделяем как польское вкрапление.) Это уже не песня, а речитатив, который отошёл от исходного стихотворного размера. Последний далее также меняется: «⁷⁸⁵ про любов писинку пают | песни эты ⁷⁸⁶ всим светом летит» – ‘про любовь песенку поют, песня эта всем светом летит’.

Далее черновик (некоторые места зачёркнуты) развивает тему обращения к матери: «⁷⁸⁶ ... личи пищенька ⁷⁸⁷ личи | дэ мамашы маей | скажи ⁷⁸⁸ *що* я лижу | {за мамашей Тужу} ⁷⁸⁹ {*зубити*|й| з падругой свасей}» – ‘лети, песенка, лети | до мамы моей; | скажи, что я лежу, | за мамашей тужу, | *убитый* с подругой своей’.

При всей неискренности и вторичности сочинения, оно оставляет впечатление искреннего и личного послания. Здесь уместно пояснить, что поэма писалась в 1952 г. при свете керосинки после тяжелого дня, посвящённого изнурительному хождению и добыванию горького куска хлеба искусством гадалки в послевоенном уездном городке Жагань, из которого немецкое население уже выселено на Запад, а прибывшие не по своей воле пёстрые группы переселенцев, мягко говоря, бедны и оторваны от корней. Буквы давались Папуше с видимым трудом. Тем не менее она выводит 41 строку (почти 4 % поэмы), сверяя запись с тем, как сама себе напевает песню по памяти. Такие усилия были необходимы, чтобы донести до читателя «русскую партизанскую песню». Очевидно, что для неё самой эта песня была наполнена особым смыслом. Почти по-пушкински она оставляет в рукописи два простых рисунка на полях. Один из них – это слёзы на перекрёстке дорог, где цыганские музыканты расстались с советскими партизанами.

Есть основания полагать, что основу отряда имени Чапаева, который опекал цыган, составили местные поляки и полешуки. Потом к ним добавлялись русские и другие советские специалисты.

Очевидно, среди них был кто-то персонально важный для поэтессы, но о нём мы можем судить только по намекам: кто-то подтверждает её личность, когда она отстает от своих и попадает обратно к партизанам; ему же она регулярно носит еду; этот кто-то от лица других партизан говорит ей «молодец» за щедрый обед солдатам; он помнит, что её можно попросить исполнить русскую песню «Бродяга». При цитировании русских реплик Папуша маркирует черты московского произношения, не особенно распространённого среди жителей Вольны и Полесья. При этом она, вероятно, не вполне отличает его от белорусского, знакомого ей по гродненскому детству: ⁶³¹ *kamánda* – ‘команда, приказ’; ²⁷² *maładzies* – *молоде́ц*; ⁵⁶² *ola kuda Ty czarajew i_dice* ⁵⁶³ *suda Kołpaków* = Оля, куда ты? Чапаев! Иди[ц’]е с[у]да! Колпаков!; *roki* ⁵⁶⁴ *wierih* – руки вверх!, где представлено смягчение [р’] в *wierih*, смягчение обозначено похожим образом и выше в «*simierci*» – с(и)мерти = с^hмёр[ц’]и.

Разумеется, поэтесса не особенно интересовалась научной классификацией различных восточнославянских языков. Среди народов межвоенного Польского государства носители русского, украинского и белорусского языков в составе населения бывших западных губерний Российской империи были весьма расплывчатым единством, большая часть которого состояла из крестьян (именовавшихся в кругах чистой публики *chamy*). Остаточная конкуренция польского и русского языков в публичной сфере представлена в первых звуковых фильмах предвоенной поры [Шаповал 2020]. Статус польского языка для Папуши был несомненно более высоким, как и для населения этих территорий вне зависимости от этнической принадлежности. Писала она с яркими чертами польского регионального диалекта, например, в дневнике не вполне регулярно употребляются лично-мужские формы. Однако, судя по позднейшим интервью, по-польски она говорила интеллигентно и даже изысканно. Вообще говоря, гадание и беседы со слушателями после концертов предполагали очень тонкую подстройку под собеседника. Подобным образом и при общении по-русски она выбирала, условно говоря, высокую норму.

Цыганский текст пронизан кальками на синтаксическом уровне. Лучше всего распознаются польские. Калькируется и одна русская формула прощания: «⁶⁷³ *Bachtałeś tumęę jatsien*’ ‘Счастливо вам оставаться’. Отсутствие эквивалента возвратной частицы в цыганском позволяет предположить посредство польского **Szcześliwie wam... rozostańcie* ‘то же’. Так не говорят, но для Папуши естественным и необходимым было автоматическое соотнесение с польской основой, где соответствующий глагол не имеет возвратной частицы.

Рассмотренный «русский» текст интересен не только как исторический документ. Поскольку Папуша на практическом уровне

умела улавливать тончайшие индивидуальные черты речи собеседника, в её записи были отражены существенные произносительные отличия. Те же достоинства можно заметить и в её по сути фонетической записи польской или цыганской речи, отражающей, например, позиционные ассимиляции согласных, сужение безударных гласных и проч. «Русскому» языку, понимаемому как сложное лингвистическое объединение вариантов и регистров пёстрых восточнославянских идиомов, в её индивидуальной лингвистической картине противопоставлялся не только относительно близкий польский, но и более далёкий, преимущественно агглютинативный новоиндийский язык, также являющийся индоевропейским [Дьячок, Шаповал 2002: 15]. Это был её родной цыганский язык в так называемой «низинной» диалектной версии.

Таким образом, оценивая отклонения от литературного русского языка, отражённые в собственноручной записи поэтессы, справедливости ради следует учесть, что автор свободно общалась на цыганском, польском и восточнославянских языках. Эффективный же выбор подходящего варианта последнего, разумеется, по прагматическим причинам определялся далеко не только московским стандартом.

Стихийно выработанная Папушей своеобразная система письма отразила тонкие фонетические детали и донесла до нас в идентифицируемом виде ряд реальных вариантов восточнославянской речи, представленных на Волыни в годы Второй мировой войны.

Литература и источники

Бак Х., Шаповал В.В. Регионализмы русского происхождения в диалекте Эрзурума и Карса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 4 (40). С. 57–62.

Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Генеалогическая классификация языков: учебное пособие. Новосибирск, 2002. 32 с.

Пильщиков И.А. Пушкин и Петрарка (из комментариев к «Евгению Онегину») // Philologica. Т. 6. 1999/2000. № 14–16. С. 740.

Шаповал В.В. Критерии вычленения непомеченного слоя компиляции в словаре // Вопросы языкознания. 2010. № 3. С. 74–86.

Шаповал В.В. Трудности интерпретации песенного контекста в словаре // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 110–118.

Шаповал В.В. Общеславянский язык кинокомедий, или смесь языков в ранних звуковых фильмах // Contributions to the 22nd Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav). Enrique Gutiérrez Rubio, Dorota Kruk, Ildikó Pálosi, et al. [Wiesbaden:] Harrassowitz Verlag, 2020. P. 237–246. (Series: Die Welt der Slaven / Sammelbände 65).

Шаповал В.В. Песня М. Исаковского в версии волынского-полесских партизан // Поливановские чтения. 2022. № 16. С. 187–195.

Wajs P. Ratwale jaswa. Żagań, 1952. 54 p.

Раздел IV

ОНОМАСТИКА

ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОЛЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

В.А. Бакутов

*МОУ «Большепаратская средняя общеобразовательная школа»,
с. Новые Параты, Республика Марий Эл, Россия, vladimirbakutov@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются географические термины, номинирующие водные объекты и участвующие в образовании топонимов, на материале географических названий Волжского района Республики Марий Эл. В ходе работы в топонимической системе исследуемой территории выявлено 30 гидронимических терминов. Все термины разделены на группы по лексико-семантическим признакам. Выявлены наиболее продуктивные и малопродуктивные термины, а также некоторые особенности их употребления.

Ключевые слова: марийский язык; топонимы; микротопонимы; гидронимические термины; гидронимы; ойконимы; оронимы; годонимы

HYDRONYMIC TERMS IN THE TOPONYMIC SYSTEM VOLZHISKY DISTRICT of the Republic of Mari El

V.A. Bakutov

*MOU "Bolsheparatskaya Secondary School",
v. Novye Paraty, Mari El Republic, Russia*

Abstract. This article discusses geographic terms nominating water bodies and participating in the formation of toponyms, based on the geographical names of the Volga region of the Republic of Mari El. In the course of work in the toponymic system of the study area, 30 hydrographic terms. All terms are divided into groups according to lexical-semantic features. Revealed the most productive and unproductive terms, as well as some features of their use.

Keywords: Mari language; toponyms; microtoponyms; hydronymic terms; hydronyms; oikonyms; oronyms; godonyms

Как известно, основным свойством языка является способность называть предметы и явления действительности, в том числе и географические объекты, для этого используются как литературные, так и диалектные слова. Изучение географической терминологии, или географической апеллятивной лексики, участвующих в образовании топонимов, по мнению А.А. Бурькина [Бурькин 2012: 202] становится все более и более актуальным как в собственно лингвистическом аспекте, так и в рамках этнолингвистики, топонимики как раздела ономастики в границах языкознания, а также топонимики как географической дисциплины. Одним из первых среди учёных роль географической науки в изучении и сборе народных

географических терминов отметил Н.И. Надеждин. В 1847 году он писал: «В простом обыкновенном употреблении во всех краях и у всех народов находится много слов для означения географических объектов, т.е. вида, объема, состава, качества и вообще всех свойств местностей, коих исследованием занимается география» [Мурзаев 1984: 2]. О географических терминах, как о надёжных источниках истории местного края, писали видные учёные такие, как Л.С. Берг, Д.П. Европеус, М.А. Кастрен, А.К. Матвеев, Э.М. Мурзаев, А.А. Камалов, Л.А. Климкова, марийские учёные И.С. Галкин, А.Н. Куклин и др.

Народные географические термины – это слова или словосочетания, обозначающие объекты на земной поверхности естественно-го или антропогенного происхождения. Как пишет Э.М. Мурзаев [Мурзаев 1984: 3], «народные термины – неисчерпаемый источник пополнения научной терминологии». Являясь, по сути, именем нарицательным, народные термины употребляются для определения конкретного географического понятия или явления, активно участвует в формировании имён собственных – топонимов. Они говорят нам не только о духовной культуре, но и о географических характеристиках, определяют специфику реальных объектов и являются ключом к раскрытию этимологии географических названий.

Данная работа посвящена изучению гидронимических терминов, участвующих в образовании топонимов и микротопонимов на территории Волжского района Республики Марий Эл, расположенной на юго-востоке Республики. С севера и запада территория омывается водами реки Илеть, на юге водами реки Волга, на востоке и юго-востоке граничит с Республикой Татарстан. Большая часть территории района покрыта лесами. Гидрографическая сеть представлена участком реки Волги от устья р. Илеть до Лопатинского затона, рекой Илеть с её притоками, малыми реками, ручьями, многочисленными родниками, озёрами, болотами, плотинами, прудами.

По определению Н.В. Подольской [Подольская 1978: 46] гидронимический термин – это «географический термин, обозначающий водный объект, или местный географический термин, обозначающий разновидность водного объекта». Г.И. Донидзе гидронимическими терминами называет «слова и словосочетания в составе названий водных объектов, указывающие на род этих объектов» [Донидзе 1969: 165].

В марийском языке [МЙМ, ЭРС] существует множество гидронимических терминов, но только небольшая часть из них используется в топонимии для обозначения морей, морских и речных заливов,

рек, озёр, колодцев, родников, временных водотоков, прудов и т.д. Ниже даётся характеристика гидронимических терминов по лексико-семантическим группам, которые в определённой степени принимают участие в образовании топонимов района исследования. Предлагаемая систематизация носит условный характер и нацелена на удобство интерпретации исходных данных. В работе использована обширная база данных топонимов и микротопонимов, собранная лично автором статьи, часть которых опубликована [Бакутов 2017: 279–284; Бакутов 2018: 22–28; Бакутов 2017: 32–37], данные из различных письменных источников по марийской топонимике [Воронцова 2002, ИСД РМЭ 2003]: гидронимы (450 ед.), ойконимы (18 ед.), годонимы и внутрисельские объекты (20 ед.), оронимы (30 ед.).

1. Термины, обозначающие линейные водные объекты.

Вүд – ‘вода’. В марийском языке может означать не только ‘воду’, но и ‘реку’, например, в неофициальных названиях рек и оронимов: *Лүй вүд* (офиц. Люйка), *Тагай вүд* (Пет.), *Юж вүд* (офиц. ручей Южа, МЧ), *Пёт вүд* (офиц. река Петъялка), ороним *Вүд корем* ‘овраг с ручьем’.

Изенгер – данным апеллятивом в марийском языке обычно обозначают малые речки ручейки, в то же время термин может перейти в собственное имя небольшого ручья (*Изенгер*, Б-Пар., Пет.). Также может функционировать как определяющий компонент в составных топонимах (ороним *Изенгер корем*).

Йогын – ‘поток воды, река, ручей, текущая вода’. Апеллятив *йогын* можно сравнить с финно-угорскими формами со значением ‘река’: финским *joki*, эстонским *yog*, вепсским *jogi*, саамским *jokka*, карельским *йоки*, хантыйским *яган*, даже с чувашским [ЧРС 1985: 643] *юхан* ‘течение, поток воды, текущий’. Видоизменённый народный географический термин *йогын*, по нашему мнению, лежит в основе одноимённых названий ручья и озера бассейна реки Илеть: *Югидем/Йогодем* (Обш.).

Канав. В топонимии русский апеллятив используется как собственное имя без изменения внешней структуры. На исследуемой территории отмечены два микротопонима: первый это ‘канал, прорытый между несколькими водоёмами’, второй – ‘неглубокая траншея’ для обозначения границы земельного участка крестьянско-фермерского хозяйства.

Река. Русский термин используется в официальных названиях больших и малых рек: *р. Волга*, *р. Илеть*, *р. Петъялка*, *р. Ашит*. Небольшие реки такие, как *Ашланка*, *Курша*, *Люйка*, *Пам*, *Пезе*, *Пинжанка*, *Поча*, *Сизе*, *Темешевка*, *Шаровка*, *Юж* номинируются

термином *речка*. Термин *река* также употребляется в годонимах: *Заречная улица* (4 ед.: Б-Пар., Пет., Эм.), *Речная улица* (3 ед.: Пет.).

Ручей. Русским термином обозначают малые ручейки: *Чёрный ручей* (Б-Пар.), *ручей Зелёный ключ* (МЧ).

Энер с фонетическими вариантами *энер*, *инер*, *ингер* – ‘река, речка, ручей’. Термин активно употребляется в неофициальных названиях (26 ед.): *Авыл ингер*, *Бакутэнгер*, *Вонса энгер*, *Йолканэнгер*, *Келгенер* ‘глубокий ручей’, *Кўан энгер* ‘каменистый ручей’, *Кугенер* ‘большой ручей’, *Лапкенер* ‘низкий ручей’, *Манденер*, *Машканэнгер*, *Ошланэнгер*, *Патенер*, *Сизенер* и др. Термин также входит в состав отгидронимных ойконимов, отражающих местоположение населённого пункта у реки: *д. Инерымбал* (мар. *Энерўмбал*), *д. Кукишенеры* (мар. *Кукишэнгер*), *д. Памашэнер* (мар. *Памашэнгер*), *д. Полатэнер* (мар. *Полатэнгер*), *д. Тошнер*, не существующая *д. Шўгарэнгер* (оф. *Ячменкино*) [ИСД РМЭ: 2003]. В сложных и составных названиях, относящихся к другим классам топонимов, термин *энгер* употребляется в качестве атрибутива, характеризуя объект номинации: ойконим *Энерўмбал* ‘над рекой, около реки’, неофициальный годоним *Эгервесвел* ‘другая сторона реки’, оронимы *Энер корем* ‘овраг с речкой’, *Тошто энгер корем* ‘старое русло реки’, *Карасим энгер корем*, *Эгерлўвал* ‘под рекой’.

2. Термины, обозначающие замкнутые естественные водные объекты.

Болото. Русский термин используется в официальных названиях болот: *Берёзовое болото* (Эм.), *Железное болото* (Эм.) и др. Отмечены также один ойконим *д. Болотная* (Эм.) и один годоним *Болотная улица* (Эм.), которые указывают на местоположение и особенности окружающего ландшафта.

Ер – ‘озеро’. Термин в основном используется для обозначения крупных водоёмов (87 ед.): *Пызыргуьтер* (официал. оз. Бизюргубское), *Вакиьтер* (Обш.), *Ватыньтер* (Обш., Б-Пар.), *Ергеиьтер* (МЧ), *Еланьтер* (Кар.), *Карагаер* (Обш.), *Кичиер* (Обш.), *Конан-Ер* (МЧ), *Кугуер* (Пет.), *Куж-Ер* (МЧ), *Мушан-Ер* (МЧ), *Покан ер* (Сот.), *Плер ер* (Обш.), *Пужаньтер* (Сот.), *Шем-Ер* (Сот.), *Шемьтер* (БПар.), *Ушиер*, *Чачукьтер* (Обш.), *Шўжерьтер*, *Яраньтер* (Пом.), *Яльчик ер* (оф. Яльчик, Эм.) и др. Однако, отмечены микротопонимы, которые не соотносятся с определённым родом объекта ‘*ер*’. Так, например, в микротопонимах *Ервуй корем* ‘овраг у пруда’, *Сирланьтер* ‘пруд на промоине’, *У ер корем* ‘овраг с новым прудом’ гидронимический термин ‘*ер*’ означает ‘пруд’. Объясняется подобное явление тем, что в географическом плане озёра могут быть искусственными

по происхождению – водохранилища, пруды. Соответственно, вышеупомянутые объекты одновременно являются и озером, и прудом. Термин *ер* также выявлен в составе названий населённых пунктов, расположенных на берегу озера: д. *Ватыньер* (офиц. д. Васюткино), пос. *Кичиер, санаторий Кичиер*, д. *Мучашьер* (офиц. д. Мичушкино), д. *Шемьер* (офиц. д. У Тумер), в названиях внутрисельских объектов (*Ер лук* ‘уголок у озера’ Обш.), в оронимах *Ервуй корем*, *У ер корем*.

Куп. В марийском языке термин может означать ‘болото’ и ‘озеро’: 1) *Болото* – участок ландшафта, с избыточным увлажнением, низкой плодородностью почвы с повышенной кислотностью, с выходом на поверхность грунтовых вод, но без постоянного слоя воды на поверхности и с типичной растительностью. К данному типу водоёмов можно отнести *Ватын куп* ‘женское болото’, *Кужгуп* ‘длинное болото’ (Б-Пар., Обш.), *Мёр куп* (Сог.), *Оргуп* (Пет.), *Онисыр куп*, *Регенче куп* ‘моховое болото’ (Б-Пар.), *Йолгуп* (Пет.), *Салдыш куп* (Пом.), *Сумбай куп* (Пом.), *Тойвас куп* (Пр.), *Чодыра куп* (Пет.), *Чинган куп* (Б-Пар.), *Чылдак куп* (Обш.), *Юкшыи куп* (Эмек.), *Янзыбай куп* (Кар.) и др. 2) *Озеро* – ‘замкнутое углубление на земле, заполненное водой’. К этой группе можно отнести такие объекты, как *Ватын куп* (Обш.), *Водыр куп* (Пом.), *Вынер шарыме куп*, *Кынегуп* ‘конопляное озеро’ (Б-Пар.), *Пряган куп* (Пет.), *Пунчерлан куп* ‘сосновое озеро’, *Радына куп* (Обш.), *Уйгуп* (Пет.), *Шёртньё-Куп* (МЧ) и др.

Термин *куп* также отражён и в названиях населённых пунктов д. *Бизюргуб* (*Пызыркуп*), д. *Шеренгуб* (*Шырынкуп*), *Пызыргуп кутыр* (офиц. Воскресенский хутор), *Куптёр* ‘на краю болота’ (офиц. д. Болотная), *Купсола* (офиц. Эмеково), внутрисельских объектов (неофиц. годонимы *Купмучаш* ‘в конце болота’ (Обш.), *Куптёрмучаш* ‘улица на краю болота’ (Обш.), *Яныш куп лук* ‘часть деревни у болота Яныш’ (Пом.), оронимов (*Кужгупйол* (Б-Пар.), *Яндеш куп арка* ‘возвышенность у болота Яндеша’, *Яндеш куп корем* ‘овраг у болота Яндеша’ (Б-Пар.), луг *Куп олык* (Пет.). Термин *куп* достаточно продуктивен и активно участвует в образовании названий болот и озёр (188 ед.), ойконимов и внутрисельских объектов.

Лаксак – ‘ямка, небольшое углубление на земле’. *Вуд лаксак* ‘лужа’. Термин в марийской топонимии употребляется редко. На исследуемой территории зафиксирован вышедший из употребления ойконим *Шырын куп лаксак* (офиц. д. *Шеренгуб*), что в переводе на русский язык означает ‘илистая ложбина часто расположенных болот’ или ‘болотистая местность’ [ИСД РМЭ 2003: 186].

Мўшыл – ‘провал, карстовая воронка’. Термин используется для обозначения озёр карстового происхождения: *Кулинан мўшыл* (Б-Пар.), *Турамўшыл* (Б-Пар.), *Чумбат мўшыл* (Б-Пар.), *Мўшыл* (Пом.), *Мўшыльгер* (офиц. оз. *Морской глаз*, Сот.).

Озеро. Русский термин используется в официальных названиях озёр – оз. *Бизюргубское* (Б-Пар.), оз. *Глухое* (МЧ), оз. *Зелёное* (Пом.), оз. *Кичиер* (Обш.), оз. *Морской Глаз* (Сот.), оз. *Мельничное* (Обш.), оз. *Плер* (Пом.), оз. *Челдови*, оз. *Шемьер* (Сот.), оз. *Шунгалтан* (МЧ), оз. *Яльчик* (Эм.), и годонимов (4 ед.) – *Озерная улица* (Б-Пар., Пет., Сот.), *Озёрный переулок* (Эм.).

Старица – ‘участок прежнего русла реки, староречье, пойменное озеро’. В топонимике района русский термин представлен одним названием: *Старица ер* ‘старичное озеро’ (Пом.).

Шоракиш – ‘мочажина, болотце на лугах; временный водоём, образующийся при таянии снега и исчезающий к середине лета’. Например: *Шоракиш* (Б-Пар.), *Кўкишо шоракиш* ‘сухая мочажина (Б-Пар.), *Мераг шоракиш* ‘заячье болото (Эм.).

3. Термины, обозначающие искусственные водоёмы.

На исследуемой территории зафиксированы только два термина, обозначающие искусственные водоёмы (20 ед.):

Пўя – ‘пруд, запруда, запруженный водоём’. Термин используется как для обозначения прудов, устроенных на реке (*Бобр пўя*, *Георгий пўя*, *Сашан пўя*, *Тумер пўя*, *Токей пўя*, *Чопи пўя*, *Яшкан пўя* и др.), так и небольших замкнутых водоёмов в естественных углублениях на земле (*Арсений пўя*, *Сакар пўя*, *Школ пўя*, *Пўямбал* и др.). В составных названиях, относящихся другим классам топонимов, термин может быть определяющим компонентом: ороним *Кугу пўя корем* ‘овраг с большим прудом’, внутрисельский объект *Пўя лук* ‘уголок, переулок у пруда’.

Плотина – ‘гидротехническое сооружение, подпирющее воду в реке, поднимающее её уровень’. Термин заимствован из русского языка, используется для обозначения крупных прудов (водохранилищ) на реке: *Кукишенерская плотина* (Эм.), *Сотнурская плотина* (Сот.), *Учейкинская плотина* (Пет.), *Яраморская плотина* (Пет.).

4. Термины, обозначающие родники и колодцы.

Ваке – диалектный апеллатив в марийском языке означает ‘прудь’, на исследуемой территории термин также используется для обозначения неглубоких колодцев – *Часамник ваке* ‘колодец у часовни’ (Б-Пар.), *Палду ваке* ‘колодец Палду’ (Обш.), *Лазыр ваке* ‘Лазарев колодец’, *Тойгельде ваке* ‘колодец Тойгельде’ (Обш.).

Вүдшинча – сложный апеллятив, состоящий из компонентов *вүд* ‘вода’ + *шинча* ‘глаз’ означает ‘ключ, родник’: *Вүдшинчан куп* ‘озеро с родником’ (Б-Пар.), и метафорическое название – болото *Вүдшинча* (Эм.).

Вүдынвож – сложный диалектный апеллятив, состоящий из компонентов *вүд* ‘вода’ + *вож* ‘корень’ означает ‘исток, родник, развилка, приток’. Зафиксирован только один гидроним, это вышедшее из употребления народное название речки Темешевка – *Вүдынвож* (Б-Пар.).

Источник – русский апеллятив используется для номинации святых родников: *источник в честь Грузинской иконы Божией Матери* (Б-Пар.), *источник в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник»* (Б-Пар.), *источник «Ыресан памаш»* (Б-Пар.), *источник в честь преподобного Серафима Саровского* (Пет.), *источник Смоленской Божией Матери* (Пет.), *источник в честь Покрова Пресвятой Богородицы* (Карам.), *источник в честь Казанской иконы Божьей Матери* (Сот.).

Ключ – ‘родник’. Русский термин представлен в гидрониме *Зелёный ключ* – минеральный источник и одноимённая речка на территории Национального парка «Марий Чодра».

Кое – с татарского языка ‘колодец’. Термин отражён только в одном микропониме *Кави кое* ‘Кавиев колодец’ (д. Урняк, Б-Пар.).

Колинча – диалектный апеллятив со значением ‘колодец’. Представлен в таких названиях, как *Фёдор Иван ончыл колинча* ‘колодец перед домом Фёдор Ивана’ (Б-Пар.), *Овдоки Майран ончыл колинча* ‘колодец перед домом Овдоки Майра’ (Б-Пар.).

Колница – ‘колодец’. Малопродуктивный диалектный апеллятив. Если объект единственный в населённом пункте, то название обозначается только гидронимическим термином без атрибутивной части, т.е. наблюдается переход термина в оним (*Колница*, Б-Пар.).

Памаш – ‘родник, ключ’. Апеллятив *памаш* в топонимии может иметь два значения: 1) Термин в первом значении ‘родник, ключ’ очень продуктивен, активно участвует в образовании названий родников: *Апась памаш* ‘Афанасиев родник’, *Йогьман памаш* ‘точный родник’, *Йүштө памаш* ‘холодный ключ’, *Кузу памаш* ‘большой родник’, *Куан памаш* ‘каменистый родник’, *Таңай памаш* ‘родник Таңая’, *Ыресан памаш* ‘родник с крестом’, *Эспай памаш* ‘родник Эспая’ и др. 2) ‘Неглубокий колодец с безнапорным донным пропитанием’: *Күшыл памаш* ‘верхний родник’, *Павыл памаш* ‘Павлов родник», *Разин памаш*, *Сергей памаш* ‘Сергиев родник’, *Ленгежан памаш*, *Эпай памаш* ‘колодец Эпая’ и др. Апеллятив

памаш в топонимах может употребляться как детерминант, обозначающий тип объекта номинации (*Павыл памаш* ‘Павлов родник’), или как определяющая часть составных наименований, относящихся к другим классам топонимов (ороним *Памаш корем* ‘овраг с родником’, ойконим *Памашэнер* и др.). С термином *памаш* зафиксировано более 50 названий.

Таве – ‘колодец’: *Изенер таве* ‘колодец у ручья’ (Пет.), *Изурем таве* ‘колодец на малой улице’ (Кар.), *Клуб шенгел таве* ‘колодец за клубом’, *Ўл таве* ‘нижний колодец’ (Пет.), *Раман таве* ‘колодец Романа’ (Пет.), *Таве* (Пет.) и др.

Чишме – с татарского языка ‘родник’. Термин отражён только в одном микротопониме *Тубен чишме* ‘нижний родник’ (д. Урняк, Б-Пар.).

5. Термины, обозначающие как линейные, так и замкнутые естественные водные объекты.

Икса – в марийском языке имеет значения: 1) ‘протока, небольшой ручей’. Термин представлен в названиях небольших лесных ручьев: *Ерикса* (Кар.), *Южикса*, *Юждом икса*, *Конаньер икса*. 2) ‘залив, заводь, старица’: *Икса*, *Икса ер* (Б-Пар., Сот.), *Шайра икса* (Сот.).

Ключ – русский термин на территории района исследования зафиксирован в названиях ручьев: *ручей Пихтовый ключ*, *ручей Зелёный ключ* (МЧ).

Шор/шар – термин финно-угорского происхождения, в марийском языке имеет следующие значения: 1) ‘река, речка’: *Шаровка*, *Шайринка*; 2) ‘болото, заболоченное место, болото без кочек’: *Йолгашор*, *Кугу шор* ‘большое болото’ (оф. Берёзовое болото, Эм.). Термин также отражён в названиях населённых пунктов: *Шарача* (офиц. с. Новые Параты), д. *Шарибоксад*, д. *Нуришари*, д. *Подгорные Шари*, д. *Шарембал*.

На основе анализа топонимического материала можно сделать следующие выводы: так, в топонимической системе исследуемой нами территории выявлено 30 гидронимических терминов, в том числе диалектных, участвующих в образовании топонимов и микротопонимов – марийского (20), русского (8), функционирующих в официальных названиях, и татарского (2) происхождения, которые можно разделить на пять семантических групп. Преобладание марийских терминов говорит о том, что коренное население Волжского района марийское. Гидронимические термины участвуют в образовании названий водных объектов, оронимов, населённых пунктов и внутрисельских объектов. На исследуемой территории

больше всего зафиксировано терминов для обозначения родников и колодцев (11), линейных водных объектов (9) и замкнутых водоёмов (8). Из всех терминов, номинирующих водные объекты, самым продуктивным является *куп* со значением ‘болото, озеро’ (190 объектов), наименее употребительны татарские *кое*, *чишме*, марийские устаревшие и диалектные *вўдынвож*, *вўдшинча*, *йогын*, *колинча*, *колница*, *лаккак* и русский апеллятив *канавка*. Термины *икса*, *изенгер*, *канавка*, *колинча*, *колница*, *мўшыл*, *шоракш* могут переходить в собственное имя объекта, если объект в населённых пунктах представлен в единственном числе. Отмечается такое явление, когда объект назван двумя гидронимическими терминами: *оз. Ер-Куп* ‘озеро + озеро / болото’, *оз. Икса ер* ‘залив / заводь + озеро’, *ручей Ерикса* ‘озеро + протока’, *Старица ер* ‘старица + озеро’, *Мўшылъер* ‘провальное озеро + озеро’, ойконим *Памашенер* ‘родник + речка’. Гидронимические термины в составе топонимов могут употребляться как в нарицательной (тип объекта номинации), так и в атрибутивной части (определяющий компонент), характеризуют объект номинации.

Литература и источники

Бакутов В.А. Анализ микротопонимов окрестностей села Новые Параты Волжского района Республики Марий Эл // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летию юбилею 1-й Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сент. 2017 г.). В 2 т. Т. 1 / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017. С. 279–284.

Бакутов В.А. Микротопонимы окрестностей деревни Отымбал Волжского района Республики Марий Эл // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 22–28.

Бакутов В.А. Словарь микротопонимов окрестностей села Новые Параты Волжского района Республики Марий Эл // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). Санкт-Петербург: Своё издательство, 2017. С. 32–37.

Бурыкин А.А. Региональная географическая терминология и её роль в ономастических исследованиях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 202–204.

Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Издательство Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.

Донидзе Г.И. Гидронимические термины в тюркских языках // Ономастика. Москва, 1969. С. 164–171.

ИСД РМЭ – История сёл и деревень Республики Марий Эл. Волжский район: сб. документальных очерков. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Волжский район», 2003. 320 с.

МЙМ – Марий йылме мутер / Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990–2005.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль, 1984. 653 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 198 с.

ЧРС – Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. Москва, 1985. 712 с.

ЭРС – Эрзяно-русский словарь. URL: <http://marlamuter.com> (дата обращения: 15.07.2022).

Сокращения

Б-Пар. – Большепаратское сельское поселение

Кар. – Карамасское сельское поселение

МЧ – Национальный парк «Марий Чодра»

Обш. – Обшиярьское сельское поселение

Пет. – Петъяльское сельское поселение

Пом. – Помарское сельское поселение

Пр. – Приволжское городское поселение

Сот. – Сотнурское сельское поселение

Эм. – Эмековское сельское поселение

УДК 81.161.1'373.2+81'27

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА «АРМЯНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»*

Н.В. Бубнова

*Смоленский государственный университет,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил
Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского,
Смоленск, Россия, 85nipochnka67@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен возможный подход к разработке ономастического словаря в рамках проекта «Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы». В работе предложены варианты словарных статей с заголовочными единицами двух ядерных разрядов имён собственных – антропонимов и топонимов.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы

© Бубнова Н.В., 2023

На уровне микроструктуры словаря предполагается выделять три зоны: зону предметных сведений, зону языковых сведений и зону дополнительных сведений, объём и содержание которых будут определяться индивидуальными свойствами описываемой ономастической единицы.

Ключевые слова: армянский текст; ассоциативно-культурный фон; имя собственное (оним, ономастическая единица); антропоним; топоним

**PROJECT OF THE DICTIONARY
OF NAMES OF OWN ELECTRONIC RESOURCE
"ARMENIAN TEXT OF RUSSIAN POETRY"**

N.V. Bubnova

*Smolensk State University, Russian Federation Army Air Defense
Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky,
Smolensk, Russia*

Abstract. The article presents a possible approach to the development of an onomastic dictionary within the framework of the project "Electronic resource "Armenian text of Russian poetry": representation of the local text of Russian literature". The paper proposes variants of dictionary entries with heading units of two nuclear categories of proper names – anthroponyms and toponyms. At the level of the microstructure of the dictionary, three zones are supposed to be distinguished: the zone of subject information, the zone of linguistic information and the zone of additional information, the volume and content of which will be determined by the individual properties of the described onomastic unit.

Keywords: Armenian text; associative and cultural background; proper name (onym, onomastic unit); anthroponym; toponym

Исследование локальных текстов в современной науке приобретает всё большую актуальность на фоне активных процессов всеобщей глобализации, в результате которой постепенно нивелируются не только региональные особенности, но и в целом национально-культурная специфика народа-носителя языка. Вслед за В.Н. Топоровым, впервые описавшим «петербургский текст» русской литературы, по заданной модели стали исследовать «московский», «киевский» тексты. Первоначально «столичный текст» представлялся более значимым, чем «провинциальный». В настоящее время всё более популярными становятся работы, посвящённые региональным текстам: «волжский», «кавказский», «крымский», «сибирский» и др.

Значимость и востребованность описания «армянского текста» обусловлены длительностью российско-армянских отношений, нашедших выражение в литературе и фольклоре, а также общностью позиций двух стран по вопросам культурной и общественной жизни. Объективное описание и осмысление межнациональных культурных (в частности, литературных) связей возможно не на

выборочном материале, а на максимально полном корпусе текстов. Решением данной задачи на материале «армянских текстов» занимается научный коллектив исследователей из Смоленска, Москвы и Екатеринбурга в рамках реализации масштабного проекта «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы», поддержанного грантом Российского научного фонда в 2022 году (руководитель – профессор В.И. Карасик). Целью проекта, рассчитанного на три года, является создание в сети Интернет в открытом доступе электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии», в который будет входить впервые собранный Корпус «армянских текстов» русской поэзии, а также справочный материал в виде словарей и указателей (частотно-алфавитный словарь, словарь имён собственных, словарь лексических комбинаций и др.). В результате реализации проекта предполагается, что в локальном «армянском тексте» будут выделены максимально репрезентативные единичные объекты – знаки, образующие его многомерное семиотическое пространство.

Особую группу лексических единиц, аккумулирующих в своём содержании большой объём многоплановой историко-культурной информации, составляют имена собственные. Характеризуя высокую степень лингвокультурологической ценности проприальной лексики, ещё в XIX веке М.Я. Морошкин отмечал: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [Морошкин 1867: 6].

На данном этапе работы мы формируем Корпус «армянских текстов». Круг авторов этих текстов разнообразен, а временной диапазон создания очень широк: так, например, ещё в русском фольклоре, в былинах «Илья Муромец и Святогор», дважды упоминается гора Арарат, а в 2002 году И.Л. Лиснянская пишет стихотворение «Арарат». Большим подспорьем для нас при формировании Корпуса текстов стала антология профессора М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии», вышедшая в 2021 году в Ереване (см. подробнее [Амирханян 2021]). После того, как Корпус будет сформирован, каждый участник проекта будет решать поставленные ему научные задачи; так, в частности, автор настоящей работы отвечает за описание ономастического наполнения электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии».

На наш взгляд, представляется очевидным, что необходим частотный словарь онимов (возможно, с отсылкой к текстам/тексту, где они употребляются), поскольку общеизвестно, что для имени

собственного показатель частотности очень важен: он свидетельствует о значимости того или иного имени для определённой социально-культурной общности. Однако описание ономастического наполнения ресурса мы не планируем ограничить только частотным словарём. Считаем, что необходим словарь, в котором имена собственные будут описаны с лингвокультурологической точки зрения.

Уже на данном этапе работы, пока нет Корпуса «армянских текстов» в окончательном виде, анализ их ономастического наполнения показал, что представленные в текстах имена принадлежат к разным разрядам, но преимущественно относятся к двум ядерным разрядам ономастических единиц – антропонимам и топонимам. Варианты словарных статей, где заголовочными единицами являются именно эти разряды имён собственных, представим в настоящей работе.

В структуру словарной статьи разрабатываемого нами словаря мы предполагаем включить три словарные зоны: зону предметных сведений (ПС), представляющую собой краткую энциклопедическую справку о носителе имени (по возможности с иллюстрацией), зону языковых сведений (ЯС), содержащую краткий лингвистический комментарий, и зону дополнительных сведений (ДС). Объём и содержание каждой зоны будут определяться индивидуальными свойствами каждого конкретного онима; предполагаем, что не для каждого имени будут заполнены все зоны (это зависит от его лингвокультурологической ценности). Предметная зона словарной статьи будет строиться в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. Элементами языковой зоны выступают акцентологическая, грамматическая, словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (о фразеологической ценности имени, об этимологии и др.). В зоне дополнительных сведений в структуре словарной статьи будет расположена информация об ассоциативно-культурном фоне онима. Ассоциативно-культурным фоном вслед за профессором Н.А. Максимчук мы называем всю сопутствующую информацию, не входящую в непосредственное содержание имени собственного [Максимчук 2002: 166]. Кроме того, в зоне дополнительных сведений будут представлены обозначенные значком раскрытой книги ссылки на все тексты / текст, где используется описываемый оним; на момент написания данной работы проанализировано всего 65 поэтических текстов, содержащих лексемы *Армения / армяне / армянский* (см. подробнее [Амирханян, Павлова, Романова 2020]).

Приведём разрабатываемый текст словарной статьи, где заголовочной единицей является антропоним (см. подробнее [Мержанов

1974; Лазарев 2011] и др.), предполагаемая в словаре иллюстрация опущена:

БАГРАМЯ́Н Ива́н Христофо́рович (Оване́с Хачату́рович) (1897–1982)

ПС: Советский полководец, командующий армиями и фронтами в годы Великой Отечественной войны. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1977 годы), кавалер семи орденов Ленина, Маршал Советского Союза (1955 год). Родился недалеко от села Чардахлы Елизаветпольской губернии в небогатой армянской семье. Начальное образование получил в армянской церковно-приходской школе в Елизаветполе, а высшее военное образование – в Академии Генерального Штаба, по окончании которой в октябре 1938 года был оставлен в Академии старшим преподавателем кафедры тактики высших соединений. В годы Великой Отечественной войны – начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, начальник оперативной группы Юго-Западного направления, начальник штаба Юго-Западного фронта. 24 июня 1945 года И.Х. Баграмян возглавил сводный полк 1-го Прибалтийского фронта на Параде Победы на Красной площади в Москве. В послевоенное время занимал различные должности в Министерстве обороны СССР. Скончался 21 сентября 1982 года. И.Х. Баграмян был последним из маршалов, командовавших фронтами в Великой Отечественной войне. Урна с прахом прославленного военачальника захоронена в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

ЯС: *род.* Баграмян|а Ива́н|а Христофо́рович|а, м. || **баграмя́нск|ий**. *Этим.* Фамилия образована от имени Баграм, которое восходит к тюркскому *байрам* – “праздник”. Как правило, такое имя давалось мальчикам, родившимся в праздничный день. Необходимость фамильных именованй появилась с возникновением городов и развитием торгово-экономической жизни Армении. У каждого народа фамилии образовывались согласно местной национальной традиции. Характерной чертой армянских фамилий являются суффиксы -ян, -янц, -енц, -унц, -онц, -уни, выражающие принадлежность к определённому клану или родственную связь. Все эти форманты первоначально означали “из семьи таких-то” или “из рода таких-то”. Соответственно, фамилия Баграмян имела значение “из рода Баграма”. Со временем суффиксы утратили своё изначальное значение и стали восприниматься лишь как фамильные окончания.

ДС: Памятники Маршалу открыты в Ереване (Армения); Москве, Гусеве, Козельске, Орле, Ростове-на-Дону (Россия); Городке (Беларусь). В честь И.Х. Баграмяна названы улицы и проспекты

в Ереване, Армавире, Степанакерте, Эчмиадзине (Армения); Москве, Орле, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Калининграде, Нижнем Новгороде (Россия); Витебске, Городке (Беларусь). Именем Маршала И.Х. Баграмяна назван военный полигон в Армении; в системе ведомственных наград Вооружённых Сил Армении учреждена медаль «Маршал Баграмян».

📖 «Армения сказала нам...» (А. Гитович).

Приведём разрабатываемый текст словарной статьи, где заголовочной единицей является топоним (см. подробнее [Арутюнян, Асратян, Меликян 1968]; [Поспелов 2002] и др.), предполагаемая в словаре иллюстрация опущена:

ЕРЕВАН (в русскоязычных источниках в 1828–1936 гг. – Эривань)

ПС: Столица Республики Армения, крупнейший политический, экономический, культурный и научный центр государства. Один из древнейших городов мира. Расположен в Араратской долине, а также на вулканическом плато к северу от неё, на левом берегу реки Аракс. Население составляет 1075,1 тысяч человек (данные 2017 года). Площадь города – 223 км². Впервые упоминается в клинописных текстах VIII века до н.э. (782 г. до н.э.) как урартская крепость Эрбуни. Город почти обезлюдел в результате Великого сургуна (насильственной депортации населения) 1603–1605 гг. В 1679 году город был полностью разрушен в результате сильнейшего землетрясения, в 1690-е годы заново отстроен и заселён, но в значительно меньших масштабах. В 1828 году Ереван вошёл в состав Российской Империи. В мае 1918 года Ереван стал столицей Республики Армения, а после распада Советского Союза – столицей независимой Армении.

ЯС: *род.* Ерева́н|а, *м.* || **ерева́нск|ий**. *Этим.* Название считают образованным от этнонима эри (эриахи), относившегося к народности или племенному союзу. Армянские легенды (народная этимология) возводят основание Еревана к восклицанию Ноя, когда из-под воды он увидел вершину Малого Арарата: «Еревац!» (Она появилась!). Путешественник XVII века Жан Шарден писал: «Эривань, по словам армян, самый древний в мире населённый пункт. Поскольку они утверждают, что Ной и вся его семья обосновались здесь до Потопа, а после него он спустился с Горы, на которой осталась Ковчег». В конце XIX века зафиксирован азербайджанский вариант народной этимологии, производящий название Ираван от слова *ая-раван*, т.е. “течёт”.

ДС: В 2012 году, в честь 500-летия армянского книгопечатания, ЮНЕСКО провозгласил Ереван «Всемирной столицей книги».

Достопримечательности Еревана сосредоточены в центре города – районе, первоначально разработанном и построенном по проекту выдающегося армянского архитектора А. Таманяна в первой половине XX века. Наиболее распространённым строительным материалом является розовый туф, благодаря чему Ереван получил название «Розового города».

📖 Цикл «Армения» (О. Мандельштам), «Звартноц» (В. Звягинцева), «Военный парад в Ереване» (А. Гитович), «Первый Псалом Армении» (Б. Чичибабин), «Четвёртый Псалом Армении» (Б. Чичибабин), «По камням, острым как ножи...» (М. Матусовский), «Арапат в тумане» (М. Матусовский).

В заключение отметим, что составление словаря, где имена собственные «армянских текстов» будут описаны с точки зрения их лингвокультурологической ценности, будет способствовать реализации одной из основных целей проекта – описанию многомерного семиотического пространства «армянского текста», в котором отражаются культура и традиции региона, менталитет и ценностные координаты.

В перспективе целесообразно создание аналогичных ресурсов, содержащих корпуса других национальных текстов русской поэзии («грузинского», «казахского», «белорусского», «украинского», «литовского» и т.п.), и их всестороннее изучение. Это позволит собрать базу данных по многонациональной направленности русской литературы, интересную и полезную как обычным пользователям, так и специалистам. Создание такой базы будет способствовать укреплению межнациональных отношений, сохранению истинных ценностей, объединяющих, а не разобщающих народы.

Литература и источники

Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии / под ред. И.В. Романовой. Ереван: Копи Принт, 2021. 579 с.

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского текста» в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 5–21.

Арутюнян В.М., Асратян М.М., Меликян А.А. Ереван. Москва: Стройиздат, 1968. 304 с.

Лазарев С.Е. Превратности карьеры маршала И.Х. Баграмяна // Учёные записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 37–44.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч. Часть 1. Смоленск: СГПУ, 2002. 184 с.

Мержанов М.И. Солдат, генерал, маршал: (О Баграмяне И.Х.). Москва: Политиздат, 1974. 128 с.

Морошкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1867. 357 с.

Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь / отв. ред. Р.А. Агеева. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2002. 512 с.

УДК 811.161.1

БОЛТУН В ЗЕРКАЛЕ СЛОВА: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В ОТФАМИЛЬНЫХ ПРОЗВИЩАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ТВЕРСКИХ ФАМИЛИЙ»)

И.М. Ганжина

*Тверской государственной университет, Тверь, Россия,
emtaus1962@yandex.ru*

Аннотация. Объектом исследования является лексика, характеризовавшая человека по особенностям его речевого поведения. В основу исследуемого материала легли прозвища, лежащие в основе фамилий жителей Твери и региона по документам XVI–XVIII вв. Рассматриваются ядерные и дополнительные семы выделенных микрополей, возможности их пересечения.

Ключевые слова: оним; прозвище; фамилия; семантическое поле; лексема; микрополе; диалектная лексика

THE CHATTERBOX IN THE MIRROR WORDS: THE SEMANTIC FIELD “SPEECH BEHAVIOR” IN NICKNAMES FROM SURNAMES (BASED ON THE MATERIAL OF THE DICTIONARY OF TVER SURNAMES)

I.M. Ganzhina

Tver State University, Tver, Russia

Abstract. The object of the study is the vocabulary that characterized a person by the peculiarities of his speech behavior. The studied material is based on the nicknames underlying the surnames of residents of Tver and the region according to documents of the XVI–XVIII centuries. The nuclear and additional semes of the allocated microfields, the possibilities of their intersection are considered.

Keywords: onym; nickname; surname; semantic field; lexeme; microfield; dialect vocabulary

Не изданный пока Словарь тверских фамилий, создающийся на основе местных документов XVI–XVIII вв., содержит большое количество прозвищных онимов с диалектными основами. Лежащие в основе тверских фамилий прозвища позволяют выделить тот круг

достоинств и недостатков, которые ценились или, наоборот, осуждались обществом. Так, повышенное внимание всегда уделялось речевому поведению, недаром пословица гласит: «По речи узнают человека».

Антропонимы, отмеченные в тверских памятниках письменности, позволяют выявить огромный пласт диалектной оценочной лексики, связанной с речью человека. Рассмотрим лежащие в основе тверских фамилий прозвища, характеризовавшим человека говорящего. Важное значение в краткой словесной характеристике придавалось тому, как человек общается, как ведет себя в момент речи, что и как он говорит. Единицы данного семантического поля оценивают именуемого по степени коммуникабельности, по склонности или, наоборот, несклонности к общению, а также по особенностям речи и речевого поведения.

Итак, как же выглядел человек говорящий с точки зрения номинаторов, какие особенности его речи бросались в глаза и провоцировали возникновение соответствующих прозвищ?

Рассмотрим ядерную сему «человек, склонный к общению». Как правило, в представлении диалектоносителей между разговорчивым человеком и болтуном лежит очень тонкая грань: тот, кто много говорит, часто пустословит, болтает много лишнего или начинает нести вздор – таким образом, появляется дополнительная сема «говорящий попусту, напрасно», «болтающий чепуху», «надоedливый человек». Ср.: *Бакунин* < **Бакуня*: в некоторых говорах *бакуня* ‘болтун, краснобай’ ряз., тул. [СРНГ 2: 64]; *Болкунов* < **Болкун* – ср. однокоренное *болкать* ‘говорить, болтать’ нижегор., тамб., ‘сболтнуть, сказать невпопад’ оренб., тамб. [СРНГ 3: 75]; *Болтов* / *Болтин* < **Болт* / **Болта* – ср. в калужских говорах выражение *болты продавать* ‘говорить вздор’ [СРНГ 3: 81]; *Бороздин* < **Борозда*: во многих говорах *бороздить* ‘говорить вздор, бессмыслицу, чепуху’ [СРНГ 3: 113]; *Вараксин* < **Варакса*: в говорах одно из значений слова *варакса* – ‘болтун, пустомеля’ [Даль 1: 164]; *Ватолин* < **Ватола*: одно из значений диалектного *ватола* – ‘болтун’ [СРНГ 4: 72]; *Говоруха* < **Говоруха*: во многих южных и северных говорах *говоруха* ‘болтуня’ [СРНГ 6: 258]; *Гундоров* < **Гундор*: в новоторжских говорах *гундорить* ‘болтать, беседовать’ [СРНГ 7: 232], а В.И. Даль без указания места отмечает слово *гундор* ‘болтун’ [Даль 1: 408]; *Гурылев* < **Гурыль*: возможно, апеллиатив связан по значению с диалектным глаголом *гурыть* ‘болтать’ сарат. [СРНГ 7: 239]; *Лопотов* < **Лопот* – ср. родственное *лопотень* ‘болтливый человек, болтун’ смол., пск., твер. [СРНГ 17: 13]; *Лязгин* < **Лязга*:

в псковских, новгородских и тверских говорах *лязга* ‘болтун, пустомеля’ [СРНГ 17: 270]; *Щелкунов* < **Щелкун*: в севернорусских говорах *щелкун* ‘бойкий говорун, болтун’ [Даль 4: 654]. *Балабонов* < **Балабон* – тверское *балабон* ‘пустомеля, болтун, у кого язык ходит балаболкой, мелет балаболу, пустяки’ [Даль 1: 41]; *Ляпунов* < **Ляпун*: в говорах *ляпа* ‘кто ляпает; кто ляпнул словцо, выпустил его некстати, невпопад’ [Даль 2: 287]; *Молотеин* < **Молотея* – оним связан с глаголом *молоть (языком)* ‘пустословить’, ср. в тверских говорах однокоренное *омолотень* ‘болтун, пустомеля’ [СРНГ 23: 203], *Желнин* < **Желна* – прозвище связано с диалектным *желнить* ‘надоедать непрестанными разговорами, повторять одно и то же’ [СРНГ 9: 108]. В тверских говорах *желна́* ‘дятел, беспрестанно стучащий клювом по стволу дерева’: «Птица желна черная долбит деревья, как дятел» [Селигер 2: 77] – таким образом, зооморфная метафора образно сравнивает много говорящего человека с птицей, беспрестанно стучащей клювом по стволу дерева.

Список отфамильных прозвищ, данных говорливым, болтливым людям, можно продолжить: **Бай* / **Байко*; **Бака*; **Баляба*; **Бахарь* / **Бахирь*; **Бухторма*; **Важа*; **Говор* / **Говорко* / **Говоруха* / **Говорушка*; **Гундор*; **Казак*; **Таранто*; **Шебала* и др. При этом нередко подобные люди не просто много говорят, а говорят громко, и такие крикливые, говорящие на повышенных тонах люди, безусловно, привлекали внимание и вызывали отрицательное отношение общества.

Поскольку такие люди с трудом уживаются с окружающими, часто ссорятся и скандалят, задираются и вечно всем недовольны, то к этой ядерной семе добавляются дополнительные: не только человек крикливый, но и скандальный, задиристый, ворчливый, неуживчивый, угрюмый. Для характеристики подобных людей на тверской территории использовались прозвища: *Базлов* < **Базло*: в современных кашинских говорах *базланить* ‘кричать, громко взывать, реветь, вопить’, *базло* ‘крикун, орала’ [КГТО]; *Бурнаков* < **Бурнак*: в современных говорах есть родственное слово *бурнаш* ‘неуживчивый человек, задира’ яросл., ряз. [СРНГ 3: 295]; *Варганов* < **Варган*: в говорах *варганить* ‘шуметь, кричать’ костр., волог. [СРНГ 4: 46–47]; *Гашинин* < **Гашиня*: диалектное *гашить* ‘шуметь’ [СРНГ 6: 155]; *Грызлов* < **Грызло*: в говорах *грызло* ‘ворчун, брюзга, скандалист’ [СРНГ 7: 178]; *Дерюшкин* < **Дерюшка* – ср. однокоренные *дерюжа* ‘забияка’ пск., *дерюжить* ‘спорить, браниться’ новг. [СРНГ 8: 28]; *Костерев* < **Костерь* < *костеря* ‘строптивый и неуживчивый, бранчливый, сквернослов’ [Даль 2: 175]; *Кропотин* < **Кропота*: в говорах

кропот, *кропота* ‘воркотня, брюзжание’ [Даль 2: 198], ‘брань’ [СРНГ 15: 280], *кропотун*, *кропотуша* ‘брюзга, воркотун’ [Даль: там же]; *Лязгин* < **Лязга* < *лязга* ‘ворчун, брюзга’ новг., яросл., ‘вздорный человек’ яросл. [СРНГ 17: 270]; *Мистров* < **Мистро(й)* – ср. однокоренное *мистрюк* ‘нелюдим, брюзга, угрюмый человек’ [Даль 2: 330]; *Рагозин* < **Рагоза* < северное *рагоза* ‘сварливый, неуживчивый человек’ [Даль 4: 7]; *Суворов* < **Сувор* < *суворый* ‘суровый, брюзгливый, сердитый’ [Даль 4: 353]; *Сутермин* < **Сутерма* – ср. волог. *суторить* ‘говорить пустое, вздорить’, твер. *суторочный* ‘сварливый’ [Даль 4: 355]; *Тыртов* < **Тырт* < *тырта* ‘пустобай, сварливый, спорщик’ [СРНГ 45: 338]. Добавим сюда еще несколько зафиксированных в тверских источниках отфамильных прозвищ, данных в свое время людям крикливым, шумным: **Кадык*; **Крикун*; **Перегуд*; **Пугач*; **Реут*; **Ронжа*; **Рык* / **Рыкун* / **Рыкач*; **Сабаней*; **Садом*; **Базан*; **Шума* / **Шумило* и др.

Многие из приведенных лексем, по-видимому, на момент возникновения прозвищ имели прозрачную внутреннюю форму и ярко характеризовали человека, любящего пустые, бесполезные разговоры, а также много и громко говорящего. В подавляющем большинстве они данного микрополя имеют яркую негативную окраску и отражают представление о людях шумных, говорящих много, но ни о чем, что являлось отклонением от нормы.

Поскольку для любителей поговорить всегда существует достаточно привлекательный объект разговора – чужая жизнь, особенно личная, то очевидно, что ряд лексем, помимо основной семы «человек, любящий поговорить», имеет дополнительную сему – «человек, любящий сплетничать». Ср.: *Лебзов* < **Лебзо* – вероятно, исходное слово родственно диалектному *лебеза*, одно из значений которого – ‘кто сплетничает’ [Даль 2: 242]; *Чмутов* < **Чмут* – ср. однокорневые в диалектах: *чмутки* ‘сплетни, ссора, напраслина, наговоры’, *чмутить* ‘сплетничать, переносить, мутить и ссорить людей’ [Даль 4: 609]; *Бухвастов* / *Бухвостов* < *Бухваст* / *Бухвост*: во многих говорах *набухвостить* ‘наговорить, наклеветать на кого-либо, насплетничать’ – ср. *бухваст*, *бухвост* ‘сплетник’ тамб., *бухвостень* ‘сплетник, ябедник’ нижегор., яросл. [СРНГ 19: 141–142]. Интересно этимология последнего прозвища: *хвост* в словаре Даля – это все, что «тащится сзади, вроде привеска» [Даль 4: 562]. Там же встречаем *хвост* в значении ‘сплетник, пересказчик, переносчик’ и *хвосты* в значении ‘сплетни’. Так складывается образное представление о человеке, приносящем с собой сплетни, словно хвост, как сорока, разносящая новости на длинном хвосте.

Интересуясь личной жизнью других людей, сплетник часто передает собранную информацию в своей интерпретации, нередко домысливая, и в представлении номинаторов болтливость и пристрастие к разговорам о чужой личной жизни тесно связано с такой чертой характера, как лживость. Таким образом, в поле нашего зрения попадает еще одно микрополе: «Врун, обманщик, плут». Ср.: ***Базло** – в современных олонецких и новгородских говорах *базло* ‘врун, обманщик’ [СРНГ 2: 50]; ***Бакуня**: в ряде говоров *бакуня* ‘обманщик, плут, ловкий в разговоре; проныра’ [СРНГ 2: 64]; ***Болт**, ***Болта**: в рязанских и курских говорах *болтень* ‘враль, пустомеля’ [СРНГ 3: 81]; ***Варакса**: ср. в говорах родственное *варакуша* ‘врун, вралья, пустоплет’ [Даль 1: 164]; ***Вральник** – апеллатив связан с глаголом *врать*, ср. *вралья, вралья* ‘обманщик’ [СРНГ 5: 187]; ***Окоем**: одно из значений слова *окаем* в северо-восточных говорах – ‘обманщик’ [Даль 2: 661]. Сюда же добавим такие прозвища, как ***Перелыга** (обманщик), ***Плеть** (выдумщик), ***Стрешень** (врун).

Столь большое количество лексем с негативной оценкой говорит о безоговорочном осуждении людей, имеющих такие особенности речевого поведения.

Как правило, человек болтливый любит похвастаться, что также не вызывало одобрения общества. Вот как называли человека, любившего прихвастнуть: ***Бахтей**; ***Бахтерь**, ***Бахтура** – все прозвища восходят к зафиксированному в ряде говоров глаголу *бахтеть* ярсл., *бахтить* ‘бахвальный, важничать’ [СРНГ 2: 158], то же значение отмечено и в современных кашинских говорах [КГТО]; ***Булыга**: в вологодских говорах *булыга* ‘человек, который любит прихвастнуть’ [СРНГ 3: 272]; ***Бухваст** / ***Бухвост**: в якутских говорах *бухваст, бухвост* ‘хвастун’ [СРНГ 19: 141]; ***Гурыль**: возможно, апеллатив связан с диалектным глаголом *гурить* в значении ‘хвастаться, кичиться’ волог. [СРНГ 7: 239]; ***Акул** < *акула, окула* ‘плут, обманщик’ [СРНГ 1: 228]; ***Бахтей** < *бахтеть* ‘бахвальный, важничать’ твер. [СРНГ 2: 158].

Наряду с этими особенностями речи, номинаторы отмечали и такую черту речевого поведения, как насмешливость, стремление передразнить, посмеяться над кем-нибудь в разговоре. Такого любителя подшутить, позубоскалить характеризуют следующие онимы: ***Ащеул** – в тверских (новоторжских) говорах *ащеул* ‘тот, кто издевается над кем-, чем-л., насмешник, зубоскал’ [СРНГ 1: 300]; ***Галах**: в свердловских и уральских говорах *галах* ‘шутник’ [СРНГ 6: 106]; ***Голиш** – возможно, апеллатив связан с диалектным выражением

голить зубы ‘смеяться, зубоскалить’ смол. [СРНГ 6: 294]; ***Трунь** волог. *трун* ‘человек, который смеется над кем-л., насмешник, зубоскал; шут, балагур’ [СРНГ 45: 161], ср. также родственное *трунить* ‘шутить, насмехаться, подшучивать, подымать на смех, на зубки, издеваться, задирать’ [Даль 4: 448]; ***Огаля** – ср. диал. *огалиться* ‘подвергнуть кого-либо обидным шуткам, насмешкам; насмеяться над кем-либо’ [СРНГ 22: 310].

Так или иначе с ядерной семой «человек говорящий» соприкасается и еще одна дополнительная сема – «попрошайка», поскольку данное свойство отражает еще одну особенность речевого поведения. Ср.: ***Желна**: одно из значений диалектного *желнить* – ‘неотступно просить, выпрашивать, канючить или клянчить, как желна все долбит одно место в дереве’ тамб. [Даль 1: 530]; ***Лязга**: в современных псковских и тверских говорах *лезга* ‘надоедливый попрошайка, вечно выклянчивающий что-либо’ [СРНГ 17: 271]; **Мокшеев** < ***Мокшей**: в новгородских и тверских говорах *мокшить* ‘докучать безотвязною просьбой, клянчить, канючить’ [Даль 2: 340].

Данная сема тесно соприкасается еще с одной – «человек плаксивый», поскольку для того, чтобы что-то выпросить, нередко требуется вызвать жалость, поплакаться на судьбу. Отметим прозвища людей, имевших такую особенность речевого поведения (плакса, рева, человек, любящий жаловаться, плакаться): ***Бизун**; ***Вяка**; ***Зюзя**; ***Гриба** / ***Грибуша**; ***Деряба**; ***Квака**; ***Кваша**; ***Квашня**; ***Кисель**; ***Мизгирь**; ***Ревяка** и др.

Как показывает наш материал, вызывали неодобрение общества и люди косноязычные, говорящие тихо, невнятно. Ср.: ***Алатырь** из нариц. *алатырь* ‘немой, косноязычный’ [СРНГ 1: 233]; **Бармасов** / **Бормосов** / **Бармусов** – ***Бармас** / ***Бормос** / ***Бормус** – подобное прозвище, вероятно, связано по значению с диалектными глаголами *бармачить*, *бормолить*, *бормошить* ‘говорить невнятно, бормотать’ [СРНГ 2: 118]; ***Бекет**: в южных и западных говорах *бекетать* ‘мямлить, говорить неразборчиво’ [СРНГ 2: 206]; ***Бунак** – ср. в современных говорах родственные глаголы: *бунить* ‘говорить неразборчиво, гнусаво’, ‘гнусавить’ [СРНГ 3: 276], ‘гудеть, жужжать’ [Фасмер 1: 241]; ***Бурко**: в говорах *буркатъ* ‘ворчать, произносить слова невразумительно’ [СРНГ 3: 288]; ***Бурнак**: в современных псковских и осташковских говорах *бурнуть* ‘сказать что-нибудь невнятно, тихо’ [СРНГ 3: 295]; ***Кобяк** – ср. в псковских и тверских говорах: *кобякать* ‘мямлить, чавкать, говорить невнятно’ [Даль 2: 127]; ***Коряба**: одно из значений родственного глагола *корябить*, *корябать* ‘картавить’ [Даль 2: 160]; ***Лопот**: в новгородских говорах

лопот, в тверских и псковских *лопотень* ‘неотчетливые звуки разговора, речи’ [СРНГ 17: 138]; **Лязга* – в новгородских говорах *лязга* ‘человек, который вяло и невнятно говорит; мямля’ [СРНГ 17: 270]; **Шама*, **Шамш(а)* – ср. *шамшитъ* ‘говорить невнятно’ [Веселовский 1974: 360]; **Шапило*: в тверских говорах родственное *шапляетый* ‘шепелявый, картавый’ [Даль 4: 640]. Сюда же отнесем еще несколько прозвищ людей с особенностями речи: **Буня* < *бунить* ‘говорить неразборчиво, гнусаво’ [СРНГ 3: 276]; **Бурма* < *бурмить* ‘говорить тихо, невнятно, бормотать’ [СРНГ 3: 294]; **Лалыка* < *лалыка* ‘картавый’ [Даль 2: 235], ‘неотчетливо говорящий’ [СРНГ 16: 252]; **Карташ* < *картать* пск., твер. ‘картавить’ [СРНГ 13: 99]; **Недбай* < *недбай* – заика); **Шип*, **Шипуля*, **Шепель* (шепелявый) и др.

Следует заметить, что между названными микрополями нет четкой границы, нередко наблюдается семантическая диффузность. Так, часто объединяются в структуре лексического значения семы «болтливый», «лживый» и «сплетник», «разговорчивый» и «врун», «сварливый» и «насмешливый». Такое пересечение семантических полей отражает представление диалектоносителей о близости соответствующих качеств человека. Поскольку в народном сознании выделяются различные речевые ситуации, следовательно, появляются и разные «типы» людей говорящих и говорливых: хвастливые, сварливые, сплетники, лгуны, шутники и т.д. Ср. зоны пересечения значений: *Бухвост* – это сплетник, ябеда и хвастун; *Желна* – много говорящий, надоедливый и попрошайка; *Тырта* – сварливый, спорщик, болтун и пустомеля; *Ляпун* – пустомеля, болтун и обманщик; *Акул*, *Алюшник* – плут, обманщик и хвастун; *Обаим* – насмешник, обманщик, лстец, сплетник, красноречивый, умеющий убедить; *Лязга* в зоне тверских /новгородских /псковских /ярославских говоров – это и болтун, пустомеля, и ворчун, брюзга, и вздорный, и невнятно говорящий, мямля, и докучливый человек, и попрошайка [СРНГ 17: 270–271] и т.д. Многие из подобных лексем порой не имеют адекватных синонимов в литературном языке и убедительно показывают богатство и ёмкость народной речи, а также наблюдательность и насмешливость создателей прозвищ.

Как справедливо заметил Н.Ю. Баженов, «номинация речевого поведения человека отражает систему нравственных установок, характерных для диалектного социума» [Баженов 2013: 8]. Совокупность прозвищ, характеризующих речевое поведение, позволяет составить характеристику человека, идеального в общении. Он, в представлении номинаторов, должен быть общительным,

расположенным к людям, в меру разговорчивым, при этом коммуникативность не должна переходить в назойливость и навязчивость. Ценится умение говорить красиво и по делу, находчивость в разговоре, умение пошутить, найти грань между общительностью и назойливостью, знание меры, но резко осуждаются пустословы, крикуны, злые насмешники, сплетники, лгуны, любители поплакаться.

Литература и источники

Баженов Н.Ю. Наименования речевого поведения человека в русских народных говорах: лексико-семантический аспект (на материале самарских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 7–20.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Москва: Наука, 1974. 384 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 2005.

КГТО – Картотека говоров Тверской области – в диалектологическом кабинете кафедры русского языка Тверского государственного университета.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь. Вып. 1–7 / под ред. А.С. Герда. Санкт-Петербург; Тверь, 2003–2017.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–51. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва, 1986–1987.

УДК 81.373.211. (338.483.12)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОГО И ТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ЭКСКУРСИОННОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. КОСТРОМЫ)

И.Б. Горланова

*Костромской государственный университет,
Кострома, Россия, irin9991@yandex.ru*

Аннотация. В статье отражены вопросы использования топонимов и диалектизмов при проведении экскурсий по городу. Определяются основные приёмы, такие как сторителлинг, персонификация, при использовании которых наиболее уместно включение топонимов и диалектных слов. Выявляется роль топонимов и диалектной лексики для создания уникального образа края. Приводятся примеры из экскурсий по городу Костроме.

Ключевые слова: экскурсия; экскурсовод; топонимы; диалектизмы; объект показа; сторителлинг

THE USE OF DIALECT AND TOPONYMIC MATERIAL IN THE EXCURSION PRACTICE (ON THE EXAMPLE OF KOSTROMA)

I.B. Gorlanova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. The article reflects the issues of using toponyms and dialectisms when conducting city tours. The main techniques are determined, such as storytelling, personification, when using which the inclusion of toponyms and dialect words is most appropriate. The role of toponyms and dialect vocabulary is revealed to create a unique image of the region. Examples are given from excursions around the city of Kostroma.

Keywords: excursion; guide; toponyms; dialectisms; display object; storytelling

В экскурсионной практике при составлении текстов экскурсий существенное место занимают языковые средства. Особенно среди них можно выделить использование локальных элементов – диалектизмов и топонимов разного рода. Все они дают возможность наиболее ярко представить языковые особенности края, которые дополняют эксклюзивную картину местности. В последнее десятилетие вырос спрос на авторские экскурсии и экскурсии, проводимые аборигенами. «Город глазами его жителя» или «История моего края, как я её вижу» – такого рода темы особо привлекательны в последнее время. Экскурсовод делится впечатлениями своего детства, юности, взрослости и преподносит их как носитель данного диалекта, используя диалектные слова и топонимы, что даёт особую окраску рассказу, создаёт местный колорит, включая слушателей в события. Сохранение окающего певучего волжского говора экскурсоводом, использование местных лексических форм (оканье, полное и неполное ёканье, твёрдое произношение [с], цокание, заимствования финно-угорского происхождения) рождает доверие к носителю информации и обеспечивает местный колорит. Диалектизмы и топонимы возможно активно использовать при проведении городских экскурсий по Костроме. Такие диалектные слова, как вечерять, вареница, крошево, убираться (умещаться), взбугачить, баской, загибень, щаница и др. возможно использовать с пояснениями. Многочисленные топонимы, как официальные названия (Паново, Якиманиха), так и микротопонимы и народно-бытовые названия (сквер Сквородка, Козий парк, Муравьёвка, Осташева поляна, Кадкина гора, Пожарка, Третьяковские дома и др.), экскурсовод может обильно использовать при проведении экскурсии. Например, экскурсовод сообщает, что сам проживает на улице Нижняя Дебря. В прошлом это самый протяжённый посад *Дебря* [ПК: 345 об.]. *Дебря* был ограничен от Волги улицей Бережной, с противоположной стороны – Осташевой поляной, протянулся от

Вознесенского посада до Чёрной речки. Один из самых древних топонимов Костромы *Дебря/Дебрь* сохранил своё название до нашего времени. По Далю, «дебря (дебрь)» – стар. логовина, ложбина, долина, раздол, овраг, буерак. Лесистая, густо заросшая долина, чернолесье» [Даль 1: 424]. По преданию, костромской князь Василий Ярославович ездил на охоту сквозь непроходимую дебрю. Видимо, по его повелению там в XIII веке был заложен деревянный храм. Церковь получила название «*Воскресения на Дебре. Церковь деревяна, верх шатровой, Воскресение Христова*» [ГАКО. Ф.-513. Оп. 1. Д. 6]. Выросший здесь посад также сохранил название *Дебря* [ПК: 145 об.]. Каменный храм был построен в 1645 году на средства «торгового гостя» Кирилла Исакова [Жильдышев 1996: 6]. Он жил «в *Манихине переулке идучи к Черной речке*» напротив церкви [ПК: 52]. Торговавший с Англией купец, согласно легенде, в одной из партий закупленной им краски получил бочку с золотом, и именно её он употребил на богоугодное дело, выстроив храм Воскресения [Каткова 2001: 11]. Проложенные по Генеральному плану 1779 года улицы, идущие по естественным террасам вдоль Волги, получили названия: улица *Дебринская, Нижняя Дебря, Верхне-Дебринская*, или *Боровая Дебря*. Названия, обозначающие храмы на этих улицах, также имели в своём составе компонент *Дебря*: «*Знамения*» Божией Матери на *Нижней Дебре, Вознесения на Дебре*. В настоящее время улице Кооперации, в прошлом Дебринской, возвращено название, но в несколько изменённом виде: улица Нижняя Дебря. В данном случае мы имеем дело с ансамблем названий, словообразовательным гнездом, организующим центром (вершиной гнезда) которого является компонент «*дебря*».

Широко применяемый в настоящее время метод сторителлинга рассчитан как раз на глубокое погружение туристов в описываемые события, так чтобы каждый слушатель почувствовал себя участником этих событий, полностью отвлёкся от современной действительности и окунулся в далёкое или недавнее прошлое с его повседневными проблемами, традициями. Безусловно, в этом большую помощь окажут диалектные слова и включения топонимических названий, при этом возможны фольклорные зарисовки. В переводе с английского сторителлинг (storytelling) означает рассказывание историй. Грамотно составленная история не только останется в памяти слушателя, но и укрепит доверие к экскурсоводу, вызовет у экскурсанта эмоции, чувства. Особое место в этой истории могут занять диалектизмы и топонимы. Диалектизмы повысят ощущение достоверности рассказа, подчеркнут обыденность истории, топонимы покажут локальную принадлежность.

Например, топоним *Каткина/Кадкина гора* [Бочков 1997: 187]. Большинство респондентов объясняет название тем, что по горе возили воду с Волги в кадках и катались на санях. Словарь топонимов поясняет, что «кат» – это город, крепость, жилище, в Древней Руси; в значении крепость, в тюркском языке – «слой, ряд, этаж, склон» [Мурзаев 1984: 263–264]. Возможны обе этимологические версии: это и второй ярус от Волги, и улица, идущая вдоль древней крепости. В Писцовой книге 1628 года это название встречается в двух вариантах: *Каткина гора* [ПК: 202] и *Кадкина гора* [ПК: 60 об.]. Интересно, что даётся название Каткина гора и указывается, что на ней находится дом *шапошника Фомки Кадкина*. Далее указывается, что Фомка имел дом большой и владел лавкой в рукавишном ряду [ПК: 464]. Не исключается возможность, что гора названа по антропониму.

А вот как местный краевед В.Н. Бочков рассказывает, что это название связано с именем генерала А.П. Ермолова. В 1797 году 20-летний артиллерийский капитан был сослан императором Павлом I в Кострому за «вольномыслие». Он много занимался науками, был хорошо принят костромским обществом, где скоро обзавёлся знакомыми и друзьями (его дядя был важным костромским чиновником), но тосковал по военной службе и отчаянно завидовал прежним сослуживцам, сражавшимся в войсках Суворова с французами в Италии и Швейцарии. Освобождённый из ссылки в 1801 году, Ермолов, уже генерал, прославился в Отечественную войну 1812 года, а позднее и как покоритель Кавказа. Поселённый на Каткиной горе А.П. Ермолов, будучи совсем молодым, любил зимою кататься с неё на санках. Однажды, мчась вниз, он нечаянно сбил с ног поднимающуюся с полными вёдрами в гору кухарку священника, в доме которого квартировал. Женщина стала браниться, и тогда справедливый Алексей Петрович дал обязательство, что сам будет ходить за водой на ключи, пока живёт у её хозяина. И это обязательство Ермолов выполнил.

В среде экскурсоводов (гидов) в настоящее время весьма популярно находить места притяжения туристов и именно к ним применять метод сторителлинга. Окрасить место притяжения в локальные краски, дать импульс к восприятию местной истории могут именно диалектизмы и топонимы. Описывая место притяжения, экскурсовод непременно касается истории происхождения названия этого места, иногда этих топонимов несколько, они сменяют друг друга. Экскурсовод, как реставратор, снимая слой за слоем, подходит к самым древним топонимам. Рассматривая семантику топонимов в синхронно-диахронном аспекте, экскурсовод может

увлечь слушателя не только историческими, но и языковыми процессами, подчеркнуть богатство и неповторимую красоту языка именно данной местности. Топонимы и диалектизмы в рамках сторителлинга помогут добиться высокой узнаваемости объекта, повысить лояльность аудитории, установить эмоциональный контакт со слушателями.

Например, топоним *Екатеринославская площадь*. Главным ориентиром административного центра Костромы стала вертикаль Пожарной каланчи. Рядом возводились Присутственные места, Земская управа и др. Композиционная ось Костромы – улица Молочная гора, дифференцирующая топонимическое пространство города, упиралась в указанную выше главную полукруглую подковообразную административную площадь. В основе названия лежит принятый в костромской урбанонимии мотив: имя члена царской семьи. В данном случае мотив усилен обстоятельством посещения Костромы Екатериной II. Бытует легенда о том, что императрица бросила веер на землю и повелела так строить город. С 1895 года площадь переименована в *Сусанинскую* [Колгушкин: 15]*. Поводом к названию площади стало решение установить на ней памятник Ивану Сусанину, а мотивом явился подвиг народного героя, совершённый во имя спасения царя Михаила Федоровича Романова и Отечества в 1613 году от польско-литовских завоевателей. С 1918 года площадь переименована в площадь Революции, а в настоящее время ей возвращено название Сусанинская.

Захватывая внимание аудитории, экскурсовод развлекает слушателей забавными диалектными словами, предлагая определить их значение, подчас трудно угадываемое и стёртое временем в связи с процессами, протекающими в истории языка. Это пробудит любопытство аудитории, даст аудитории новые знания о русском языке. Возможна беседа с вовлечением туристов, так как каждый из них может вспомнить диалектное обозначение описываемого предмета, употребляемое в месте проживания туриста, так раскроется широта, богатство, разнообразие русского языка. Конечно, такой рассказ легче воспринимается и лучше запоминается. Предлагая идею истории и составляя её структуру, необходимо заранее определить, где именно будут использоваться диалектизмы и топонимы, насколько подробно будут даваться их пояснения, какие приёмы активизации внимания будут применяться дополнительно, возможно, это будут

* Воспоминания Л.А. Колгушкина о Костроме начала XX века даются по публикации в краеведческом альманахе «Костромская земля» № 3, 4, 5 (1995–2002 гг.).

вопросы, загадки, задания. Подобного рода материал можно включать не только в текст живой экскурсии, но и использовать при создании контента для аудиогидов. Дополнительно можно использовать коллаж из фото, нарисовать комикс, снять видеоролик, записать музыкальную дорожку. Часто тексты песен местного фольклора содержат диалектные слова.

Например, топоним *Малый бульвар*. Бульвар проходил вдоль сохранившегося, хотя и частично выровненного кремлёвского вала, доходил до беседки (А.Н. Островского). Бульвар в значительной степени обязан своим существованием К.И. Баумгартену. Боевой генерал, он на склоне лет был назначен костромским губернатором и занимал этот пост с 1816 до 1827 года. Карл Иванович старался озеленить Кострому, разбить на её территории скверы, парки, бульвары. Ю.Н. Бартенев в своих записках «Золотовская летопись» (1835) сообщает: «Место этого сада занимал прежде овраг, исполненный нечистоты, частью бесполезный пустырь; почтенный старик К.И. Баумгартен уравнивал это место, разбил на оном бульвар и род английского сада, построил прекрасную в китайском вкусе беседку и сам, так сказать, пестовал возникающую зелень» [Бартенев]. Интересно отметить, что имя благоустроителя Костромы Баумгартена в переводе с немецкого дословно обозначает «сад деревьев». В 1848 году А.Н. Островский, путешествуя с семьёй в усадьбу Щельково, останавливался в Костроме. Гуляя по городу, сделал записи о том, какой вид открывается из этой беседки, а позднее описал бульвар в пьесе «Гроза». А в пьесе «Шутники» А.Н. Островский использует диалектную форму творительного падежа в окончаниях слов, характерную для костромского говора. Шарманщик с певицей, гуляя по бульвару, исполняют песню:

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местАМ,
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукАМ.

В экскурсионной практике не менее значимым является персонафикация. Рассказ о деятелях искусства, науки, мореплавателях, инженерах, спонсорах, просветителях и просто интересных людях может сопровождаться топонимами антропонимического происхождения, так как часто деревни, сёла, улицы носят имена знаменитых людей. Необходимо выявить гения места (*Genius loci*) и подготовить рассказ о нём, не забывая включать анализ антропонимов и топонимов, связанных с его именем. Как известно, гений места

в римской религии – это дух-покровитель того или иного конкретного места (деревни, горы, отдельного дерева). В современной литературе укоренился этот термин. *Genius loci* как важный феномен места, окрашивающий местную литературу, историю, бытовую жизнь присутствием своего таланта. Несомненно, что на экскурсии по Костроме гением места станут исторические деятели, знаменитые люди: Михаил Романов, И. Сусанин, писатель А.Н. Островский, меценат Ф.И. Чижов и др. С их именами тесно связана и костромская топонимия (Романовские палаты, Романовский музей, Сусанинская площадь, улица А.Н. Островского, Чижовское училище, Беседка Островского).

Литература и источники

Бартенев Ю.Н. Золотовская летопись, писанная Юрием Никитичем Бартеиевым в 1835 году // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина / изд. П.И. Щукина. Ч. 1–10 Ч. 8. Москва, 1901. 267 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003943988/ (дата обращения: 30.06.2022).

Бочков В.Н. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. 232 с.

Горланова И.Б. Кострома: топонимический справочник. Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2014. 72 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1955.

Инновации в экскурсионной работе: концепции, технологии, практика. Ч. 1: монография / колл. авторов; под ред. О.Е. Афанасьева. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 592 с. DOI: 10.23681/600585

Каткова С.С. Века и судьбы. Кострома, 2001. 430 с.

Кильдышев А.В. Фрески церкви Воскресения на Дебре в Костроме. Кострома, 1996. 119 с.

Кудряшов Е. В. Личный фонд Е.В. Кудряшова // ГАКО. Р-513. Оп. 1. Доп. Д. 627 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль, 1984. 653 с.

Писцовая книга г. Костромы 1628 года // ГАКО Ф-558. Оп. 2. Д. 133. Ско-ропись. 763 с.

АЛЬШАНЬ И ОКРЕСТНОСТИ: К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

М.В. Костромичёва

*Фонд содействия возрождению сельских территорий
и малых городов «Родники Отчизны», Орёл, Россия, orfot@yandex.ru*

Аннотация. Автор обращается к вопросу лексикографической фиксации лексики узкого региона – села Альшань и географически и исторически близких населенных пунктов. Анализ собранного материала позволил прийти к выводу о необходимости создания словаря комплексного типа, включающего зафиксированные в указанном регионе диалектные слова и фразеологические единицы, местные топонимы, прозвища.

Ключевые слова: диалектология; лексикография; диалектный словарь; лингвистическое краеведение; региональная топонимика

ALSHAN AND THE ENVIRONS: THE ISSUE OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF REGIONAL LEXIS

M.V. Kostromichjova

*Foundation for Assistance to the Revival of Rural Areas
and Smaller Towns 'Springs of the Motherland', Oryol, Russia*

Abstract. The author addresses the lexicographic recording of the vocabulary in a small region, including the village of Alshan and geographically and historically close settlements. The analysis of the collected data made it possible to conclude that it is essential to compile a dictionary of a complex type, which would contain dialect words and phraseological units recorded in the region specified, as well as local toponyms and nicknames.

Keywords: dialect studies; lexicography; dialect dictionary; linguistic local history; regional toponymy

Село Альшань находится недалеко от города Орла в Орловском районе Орловской области и расположено на берегу реки Оки. Этот старинный населённый пункт (сначала – деревня, а со времени постройки первого деревянного храма – село) имеет богатую историю. Первое письменное упоминание Альшани зафиксировано в Писцовой книге 1594–1595 годов подьячего Леонтия Софонова и писца Дементия Яковлева, где указано, что деревня Ольшанец находится на реке Оке по обе стороны колодезя (впадающего в Оку ручья) Ольшанца [см.: Катанов 1993: 5]. История села заслуживает отдельного описания, здесь же ограничусь только упоминанием основных достопримечательностей Альшани, к которым относятся: трёхпрестольный храм Благовещения

Пресвятой Богородицы, построенный в 1844 году графиней Софьей Прокофьевной Бобринской (урожденной Соковниной; представители этого древнего рода на протяжении многих лет владели Альшанью); построенное в 1905 году двухэтажное кирпичное здание школы, которая действовала сначала как земская, после революции – как начальная, затем семилетняя и общеобразовательная (с 2015 года, после закрытия муниципальной школы, в здании работает частная православная школа во имя Святителя Николая Чудотворца); братское захоронение солдат Красной армии, в котором покоятся останки воинов, принимавших непосредственное участие в освобождении Орловщины от фашистов в августе 1943 года, а также 75 красноармейцев, погибших в годы оккупации (в эти годы в Альшани был лагерь советских военнопленных). И последний факт, который хотелось бы упомянуть: Альшань является малой родиной нескольких знаменитых земляков – Героя Советского Союза, фронтового разведчика Антона Стефановича Шелаева, Героя Социалистического Труда Ивана Дмитриевича Калакина, епископа Иустина (Михайлова) и писателя, известного орловского краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР Василия Михайловича Катанова.

В настоящее время в Альшани ведется большая работа по возрождению духовной жизни села, началом которого стало посещение села в 2007 году схиархимандритом Илием (Ноздриным), когда он благословил начало деятельности православного прихода при Благовещенском храме. В 2017 году был создан Фонд содействия возрождению сельских территорий и малых городов «Родники Отчизны»: силами фонда ведётся работа по сохранению и восстановлению храма Благовещения Пресвятой Богородицы, обеспечивается работа православной школы во имя Святителя Николая Чудотворца, осуществляются проекты по сохранению исторического и культурного наследия родного края.

В 2022 году, в связи с работой по сохранению творческого наследия В.М. Катанова (моего отца, скончавшегося в 2020 году), началось сотрудничество с фондом «Родники Отчизны», которое в процессе взаимодействия значительно расширилось: к сегодняшнему дню я являюсь руководителем научно-исследовательских проектов фонда по сохранению исторического и культурного наследия малой родины. В рамках проектов ведётся сбор материалов, отражающих самые разные стороны жизни Альшани и окрестных населённых пунктов, географически и исторически тесно связанных с селом (Фоминка, Покановка, Кнубрь, Альшанские Выселки, Кузнецы).

В процессе обработки материалов по истории села стало ясно, что во многих источниках сохраняется требующий лексикографического описания значительный пласт региональной лексики и фразеологии, порой уникальной, узко-региональной, имеющей отношение (по происхождению и/или функционированию) исключительно к местности описываемого региона. Примером могут служить единицы, возникновение которых связано с именем графа В.А. Бобринского, «альшанского зятя» – мужа С.П. Бобринской (Соковниной), одной из владелиц Альшани. Несмотря на сравнительно недолгую совместную жизнь супругов, имя графа осталось в известном в нашей местности выражении *загордился, как граф Бобринский*, а также в официальном названии участка земли *Бобринская степь* – так назывался располагавшийся по правому берегу реки Кнубрь уникальный природный объект – остепнённый луг, подробно описанный в трудах учёных в 30-х годах прошлого столетия. К настоящему времени, к сожалению, Бобринская степь не сохранилась, превращена в пахотные земли.

Говоря об источниках регионально ограниченной лексики и фразеологии, следует отметить важность в ряду таких источников произведений автобиографического характера, принадлежащих перу уроженцев описываемого региона (не обязательно профессиональных литераторов).

Так, благодаря знакомству в соцсетях с непосредственными стихотворными рассказами о родном крае, о детских годах уроженки деревни Кнубрь Валентины Владимировны Сальниковой, значительно пополнилась картотека топонимов – названий оврагов, ручьёв, возвышенностей, лесов и т. д. (см., например: *А речка наша Кнубрь оврагами журчит: то Мокрым, то Алпатовым, к Обвальному спешит. И дальше по Лебяжьему до Кручи добежит ... Большак с Орла на Кромы, и Шуманёвка здесь. И Лядвина у речки под Лихачёвкой есть. И Суров ров, и Бычий, чуть дальше Тинтев лес...*). Сегодня наше знакомство с Валентиной Владимировной стало личным, более того, этот влюблённый в родные места человек – активнейший и незаменимый участник недавно образовавшегося альшанского краеведческого клуба. Ещё одним активным членом клуба стала уроженка Альшани Елена Николаевна Прыгунова, благодаря общению с которой (сначала в социальных сетях, а затем лично) значительно пополнился фонд свидетельств, относящихся к истории села.

В Интернете опубликованы также воспоминания «Альшанское детство» (авторства уроженца Альшани Василия Воронина

[см. Воронин]). В этом автобиографическом тексте также содержатся местные диалектные слова с пояснениями автора – *котелки*, *колока*, *ходаки*, *ледянка*, *рели* и др. (например: *Характерной приметой довоенного времени было возвращение родителей из города со связкой баранок на шее (в то время баранки в нашей местности назывались «котелками» – это был лучший подарок для детей)*, топонимы – *Парменов ров*, *Якунин ров*, *Медведев лог*, *Вывершек*, *Стровок*, *Орехов колодец* и др. (например: *Весной, когда Ока с громким треском ломала лед и на своих могучих плечах несла его к Волге, все население Альшани и Фоминки выходило на берег смотреть на это величественное зрелище. Лыдины, ломаясь и круша друг друга, вставляли «на дыбы»... В этот день даже отменялись занятия в школе, и школьники вместе со своими учителями тоже стояли на высоком берегу и следили за проплывающими мимо кусками льда. Два оврага по краям села, которые назывались «Парменов ров» и «Якунин ров» (по имени хозяев крайних хат), в это время тоже представляли собой непреодолимые преграды), прозвища (в том числе «по двору») – *Костяха*, *Сёмочкины*, *Туманов*, *Домочка*, *Похлопья*, *Куняхя*, *Настя Центнер*, *Еря*, *Душка*, *Титок*, *Амурчиха* и др. (например: *А Воронина М.В. все в селе знали как Туманова. Так его прозвали за песню, которую он, подвыпив, любил напевать, возвратясь со службы в армии*).*

Отдельного внимания заслуживает автобиографическая повесть-воспоминание «Родные дали» В.М. Катанова [Катанов 1993]. Это произведение как источник лингвистического краеведения уже рассматривалось: в тексте были выделены отдельные диалектизмы (*рели* – ‘качели’, *выход* – ‘погреб’, *молоньё* – ‘собирает молнии’), примеры переделок иностранных слов по законам народной этимологии (*отжирел* – ‘инженер’, *лицемер* – ‘милиционер’), топонимы (*Якунин ров*, *Кукуевка*), прозвища, в том числе «по двору» (*Царь* и производные – *Царёвы*, *Царевна*, *Царевич*; *Хари-Мари*), а также узкорегionalные фразеологизмы, пословицы и поговорки, календарные присловья, описания народных праздников, элементы народной мифологии (см.: [Костромичева 2006]). Сегодня ведётся работа по подготовке переиздания этого ценного источника (с иллюстрациями и комментариями) и одновременно тщательно отбирается материал для будущего словаря. Отметим, что воспоминания о родных местах – сквозная тема творчества В.М. Катанова: в стихотворениях, поэмах, прозаических произведениях писателя, созданных в самое разное время, постоянно возникает образ малой родины. Уже сегодня можно говорить о том, что огромный пласт из

творческого наследия нашего известного земляка будет незаменим в качестве источника материала для будущего словаря.

Важным источником диалектной лексики, зафиксированной в селе Альшань и окрестных населённых пунктах, станет Словарь орловских говоров [СОГ 1–17], в семнадцати выпусках которого содержится значительный объём диалектной лексики и фразеологии Орловской области, при этом в каждой словарной статье в виде шифров содержится полный список населённых пунктов, где зафиксирован тот или иной диалектизм. Не менее важным источником является и хранящаяся на кафедре русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева картотека словаря [КСОГ] с новыми материалами, поступившими уже после выхода в свет соответствующих выпусков Словаря орловских говоров.

Особое значение имеют личные записи диалектных слов, употребление которых в живой речи современников фиксируется в настоящее время при непосредственном общении с уроженцами села Альшань и окрестных населённых пунктов, например: *Пока косил, руки остамели* ('утратили гибкость, онемели', запись сделана в августе 2022 года).

Значимым источником по истории села Альшань являются географические карты разного времени создания. Данный вид источников интересен тем, что благодаря картам, в первую очередь, мы имеем возможность составить представление о разнообразии форм бытования названий самого описываемого села, которое в разное время именовалось *Ольшанец, Ольшаны, Ольшань, Альшань, Никольское* (по построенной в 1723 году первой однопрестольной деревянной церкви во имя Святителя Николая Чудотворца), *Соковнино* (по фамилии многолетних владельцев Альшани из дворянского рода Соковниных), а также примыкающих населённых пунктов (например, *Кузнецы – Кузнецовка, Фоминка – Фоминская*). Содержатся на картах и исторические сведения о некоторых микротопонимах, таких как ручей (*колозезь*) *Ольшанец / Альшанец*, овраг (*верх*) *Березовец* (нынешнее местное название *Суходол*), овраг *Самсонов* (нынешнее местное название *Якунин ров*).

Одним из направлений деятельности фонда «Родники Отчизны» является сбор сведений об уроженцах Альшани и окрестных деревень – участниках Великой Отечественной войны (проект «Наш Бессмертный полк»). В рамках работы над данным проектом был установлен ещё один источник диалектного материала исследуемой местности. В 2010 году в Орле была издана книга «Письмо с фронта», в которую вошли фронтовые письма наших земляков, бережно сохранённые родственниками. Одно из опубликованных

писем, адресованных родным, – от уроженца соседней с Альшанью деревни Фоминки рядового красноармейца Петра Павловича Позднякова (пропал без вести в 1944 году). В этом трогательном документе Петр Павлович трижды употребляет диалектное слово *журиться* ‘горевать, печалиться’: ... *я сегодня еду на фронт. Так что, хотя и получите ответ мой, но вы не пишете мне, потому что мой адрес меняется. Хоть и пошлете письмо, но я не получу его. Дорогие мама и сестры, вы не журитесь и не плачьте, что я еду на фронт. Хотя и хата сгорела, и отца нет, и по мне будете журиться. Скажете, поехал – и убьют. Но не журитесь, живы будем, так повидаемся после войны. На этом писать я заканчиваю, и с тем до свидания. Ваш сын Пётр П. Привет тёте Кате, дочери Нюре, и соседям, и всем остальным* [Письмо с фронта 2010: 141].

Таким образом, в результате работы по сохранению исторического и культурного наследия села Альшань, нацеленной на определённые перспективы (создание альшанского краеведческого музея, выпуск книги об истории родного края), мы пришли к выводу о необходимости включения в работу изначально незапланированного проекта по созданию регионального словаря «Альшань и окрестности». Выявляемые в ходе работы региональные лексические и фразеологические единицы (диалектизмы, топонимы, антропонимы-прозвища) нуждаются в лексикографическом описании. Тип будущего словаря нам ещё предстоит определить, возможно, это будет комплексный словарь, включающий единицы разных групп. Отметим, что в отдельной фиксации нуждаются и описания народных обрядов, поверий и под. В любом случае, начало картотеке положено, работа продолжается.

Литература и источники

Воронин В. Альшанское детство. URL: <https://proza.ru/2014/06/03/1539> (дата обращения: 15.08.2022).

Катанов В.М. Родные дали: Повесть-воспоминание. Орёл: Простор, 1993. 162, [2] с.

Костромичева М.В. Об источниках лингвистического краеведения. // Гуманизация и гуманитаризация образования в школе и вузе: Материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. Орел: Каргуш, 2006. С. 100–102.

КСОГ – Картотека словаря орловских говоров. Материалы хранятся: на кафедре русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

Письмо с фронта. Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2010. 216 с.

СОГ – Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В НЕКОТОРЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЕНЕАЛОГИИ КРЕСТЬЯНСКИХ РОДОВ

Л.А. Поросятковская

*Государственный архив Костромской области,
Кострома, Россия, antiant@yandex.ru*

Аннотация. В сообщении рассматривается роль вариантности имен собственных в исследованиях генеалогии крестьянских родов в условиях недостатка прямых доказательств родства между персонами искомого рода. Причины связаны с отсутствием или не полной сохранностью документальных источников XIX в. Возможности разрешения вопроса продемонстрированы на примере исследования родословной крестьян Воронцовых из д. Полдневка Ветлужского уезда Костромской губернии.

Ключевые слова: ономастика; святцы; имена собственные; крестьяне; генеалогия; документальные источники

AUXILIARY ROLE OF PROPER NAMES IN SOME STUDIES OF THE GENEALOGY OF PEASANT CLANS

L.A. Porosyatkovskaya

State Archives of the Kostroma Region, Kostroma, Russia

Abstract. The report examines the role of proper name variation in studies of the genealogy of peasant clans in the absence of direct evidence of kinship between persons of the desired kind. The reasons are associated with the absence or incomplete preservation of documentary sources of the XIX century. Poldnevka village, Vetluzhsky Uyezd, Kostroma Governorate.

Keywords: onomastics; saints; proper names; Peasants; genealogy; Documentary sources

Существование вариантов одного и того же имени – известный факт: Георгий – Егорий – Юрий – Егор – Игорь; или Евдокия – Авдотья – Дуня; или Агриппина – Аграфена – Груша и т.д. Во всех примерах при произношении слышится идентичный звуковой ряд. Известны несколько иные примеры вариантов имен: члены семьи знали свою любимую бабулю как Марфу, а обратившись с запросом в архивы об уточнении даты ее рождения, узнали, что при крещении ей было дано имя Мария. Похожая история известна с одной из прабабок Розанова Василия Васильевича, по мужу Жадовской, упоминавшейся в разных источниках то как Прасковья, то как Матрена с отчеством Андреевна.

Нередко исследованиям, связанным с поисками следов предков в архивах, мешают отсутствие или не полная сохранность документальных источников, с одной стороны, и неточные исходные данные – с другой. Вытекающие из этого последствия – это недостаточность прямых доказательств родства между персонами искомого рода. Помогают решению вопроса как раз не вспомогательные исторические дисциплины (генеалогия), а науки, причастные к разделам языкознания, а именно ономастика. Один из убедительных, на мой взгляд, примеров можно продемонстрировать на исследовании генеалогии крестьян Воронцовых из д. Полдневка Ветлужского уезда Костромской губернии.

В распоряжении исследования оказались доступными следующие ограниченные по количеству, но емкие по информативности источники: исповедные росписи Николаевской церкви с. Широково за один – 1907 – год в фонде Костромской духовной консистории и документы VII, VIII, IX и X ревизий (1816, 1834, 1850 и 1858 гг.) о казенных и государственных крестьянах Новоуспенской волости Ветлужского уезда в фонде Костромской казенной палаты. Хронологический разрыв между источниками составил ровно полвека: для любого исследования, особенно генеалогического, срок губительный.

Тихон Ипполитович Воронцов – самый ранний представитель рода, пробанд и точка отсчета в поисках. В исповедных росписях Николаевской церкви с. Широково 1907 г. в разделе «Военные, состоящие на действительной службе, отставные и их семейные» он упоминается отставным рядовым среди исповедавшихся и причастившихся жителей д. Полдневка (Софьино) Широковской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, главой семьи в возрасте 66 лет, т.е. 1841 года рождения [Исповедные росписи 1907: 44].

Кроме членов семьи Тихона Ипполитова [принятое написание отчества в документах XIX в. и раньше, т.е. Ипполитова сына. – *Л.П.*], его детей и внуков, в исповеди под тем же номером 15 (двора или дома), с фамилией Воронцов записан Федор Филиппов, 22 лет [Исповедные росписи 1907: 44]. Очевидно, Федор состоял с главой семьи в достаточно близком родстве, если верить названию графы в формуляре исповеди: «Военные и их семейные». Теоретически факт существования Федора Филиппова в дальнейшем может стать доказательством родства с другими представителями рода.

Необходимо обратить внимание на то, что часть жителей Полдневки, учтенных в исповедных росписях 1907 г., записаны с фамилией Воронцовы. Старшие по возрасту из них рождены до последней десятой ревизии, то есть до 1858 г.: это и «наш» Тихон Ипполитов, как мы уже вычислили 1841 года рождения, Стефан Климентов – соответственно 1855 г. и Евдокия Климентова – 1849 [Исповедные

рописи 1907: 48]. В ревизской сказке о государственных крестьянах д. Полдневка Ветлужского уезда 1858 г. эти представители рода Воронцовых должны быть учтены.

Ревизские сказки, документальный результат подушной переписи населения, были введены в 1713 г. «для распределения содержания войска по числу ревизских душ», впоследствии стали повсеместно учитывать все податное население и регулировать платежи подушных податей. Всего было проведено 10 ревизий, последние из них пришлись IX – на 1850, X – на 1858 гг.

В ревизской сказке 1858 г. Полдневка Новоуспенской волости Ветлужского уезда значится не деревней, а починком, и все казенные души, первые жители Полдневки, составляли одну семью, известную впоследствии как Воронцовы. Данные о Стефане Климентове и Евдокии Климентовой в исповедной росписи 1907 г. и в ревизской сказке 1858 г. совпали по именам и по возрасту. Филипп Климентов, вероятный отец Федора Филиппова, присутствовал только в ревизской сказке.

Ни Тихона, которому на момент ревизии 1858 г. должно исполниться 16–17 лет, ни его отца Ипполита среди них не оказалось. Отсутствие Тихона и Ипполита в ревизии могло иметь разные объяснения, но для выбора единственно правильного необходимо исследовать более ранние источники.

В поле графы «Из того числа выбыло» предыдущей ревизской сказки о крестьянах Полдневки 1850 г. есть запись, имеющая отношение ко всей семье: «Переведены из д. Полома по предписанию г. управляющего палатою от 25 мая за № 187». Во главе семьи, как и в ревизии 1858 г., записан Мартьян Авакумов 68 лет, и далее учтены его сыновья: Максим 40 лет, близнецы Александр и Клемент по 35 лет. Появляется запись о последнем, младшем сыне Мартьяна Авакумова – Иване, который в ревизии 1858 г. по какой-то пока не известной причине не учтен [Ревизская сказка 1850: 299]. В графе предыдущей 1834 г. ревизии его возраст обозначен 16 лет (1818 года рождения), а в графе «Из того числа выбыло» – запись, объясняющая его отсутствие в более поздних документах: «отдан в рекруты в 1838 г.» [Ревизская сказка 1834: 40 об. – 41].

В Российской Империи рекрутской повинности подлежали все те сословия, которые платили в казну подушную подать, а именно: мещане, казенные, удельные, помещичьи крестьяне, дворовые люди, свободные хлебопашцы и некоторые другие. Возрастной ценз рекрутов составлял от 20 до 35 лет, они должны были быть ростом не менее 2 аршин 3 вершков, здоровые и не страдающие явными недостатками. По уставу 1831 г., по которому забрали Ивана Мартьянова, срок рекрутской службы равнялся 20 годам [Рекрутский

устав: 502]. Сельское общество должно было внести в казну деньги на его прием в рекруты: на обмундирование (на одежду и обувь), на провиант, на жалованье. Рекрутское присутствие выдавало «виды» (название документа) женам рекрутов.

Как известно, отданные в рекруты казенные крестьяне, их жены и рожденные во время службы дети, так называемые кантонисты, переставали учитываться как казенные податные души (подушная подать с них снималась) и переводились из ведения Министерства государственных имуществ в ведение Военного ведомства. Именно по этой причине упоминаний об Иване и о возможно родившихся в рекрутстве его детях в ревизской сказке 1858 г. быть не могло. По законам солдат полевых и имеющих постоянное местопребывание войск размещали на квартирах обывателей. Солдаты имели возможность иметь рядом с собой свою жену и детей. В разные времена содержание солдатских жен и детей оплачивалось то военным ведомством, то казенным ведомством: «Начальство должно удовлетворять требование мужей по доставке жен по мере возможности и удобства размещения их, отпуск же денег на продовольствие и прогоны следует быть от казенных палат» [Указ 1821: 794].

Из еще более ранних ревизских сказок деревни Полома, из которой Воронцовы переселились в Полдневку, а именно 1834 и 1816 гг., становится известно, что у Мартьяна Авакумова из шестерых детей – две дочери и четыре сына: Максим, Александр, Климент и Иван [Ревизская сказка 1834: 40 об. – 41; 1816: 62 об., 63]. Сын Мартьяна Авакумова с разыскиваемым именем Ипполит ни в одной из ревизских сказок так и не появился. И в исследовании отсутствуют доказательства прямого родства Тихона Ипполитова Воронцова (с него начиналось наше исследование) с Мартьяном Авакумовым и членами семьи, которая основала починок Полдневка.

В ревизских сказках 1850 и 1858 гг. Тихон Ипполитов не вписан, хотя к моменту ревизий ему было 9 и 17 лет соответственно. Причиной, по которой запись о нем отсутствовала, могла быть той же, что и у Ипполита: Тихон не учитывался как ревизская душа, платившая подушную подать. В исповедной росписи Тихон Ипполитов Воронцов записан в разделе «Военные и отставные», а значит, во времена девятой и десятой ревизий он вполне мог быть кантонистом и учитываться по военному ведомству. Чаще всего солдатским детям было уготовано воспитание в гарнизонных школах, позже в военно-сиротских отделениях и кантонистских школах, а после них – военная служба, величина срока которой зависела от действующего на момент отправки на службу Военного устава.

Отсутствие Тихона Ипполитова в ранних документах 1850 и 1858 гг. как кантониста совпадало с рекрутством Ивана Мартьянова. Невольно напрашивалось предположение: Иван Мартьянов идеально подошел бы на роль отца Тихона Ипполитова, если бы имя первого совпало с отчеством второго.

Попробуем ответить на вопрос, мог ли ИВАН стать ИППОЛИТОМ, и что общего могло быть между этими совершенно разными именами?

В период до 1917 г. при выборе имени новорожденному руководствовались святыми. Все многочисленные варианты одного и того же имени объединялись образом святого. В один и тот же день православная церковь праздновала именины разных святых: например, Мария и Марфа имели два общих календарных дня: 6 февраля поминали сестер Марию и Марфу, дев Азийских, а 9 июня – Марию и Марфу, мучениц Персидских [Православный календарь: 63]. Именины Матрены и Прасковьи совпадали в день 20 марта: мученица Матрона Амисийская-Понтийская и мученица Параскева Римская [Православный календарь: 63, 64]

30 января, в общий день святых Иоанна и Ипатия, православная церковь отмечала память патриарха и Вселенского учителя Иоанна Златоуста Константинопольского и священномученика Ипполита Остинского, Римского епископа [Православный календарь: 57].

Согласитесь, случай экзотический. Рожденного около 30 января Ивана-Ипполита в семье, вероятно, и звали то Иваном, то Ипполитом. На вопрос, в какой момент своей жизни Иван Мартьянов Воронцов был записан в документах Ипполитом, ответить трудно, но предположить можно. Скорее всего, это произошло в период военной службы, когда все бывшие казенные души приобретали новый статус, получали «прочные» фамилии, обычно распространявшиеся не только на прямых потомков, но и на большинство других представителей рода.

Решению генеалогической «задачи» помогли: 1) косвенные признаки родственных связей, 2) сведения формуляров архивно-документальных источников, 3) привлечение таких источников, как законы Российской Империи, православный календарь имен святых.

Литература и источники

Исповедные росписи Николаевской церкви с. Широково, 1907 г. ОГКУ «Государственный архив Костромской области» (далее ГАКО). Ф. 130. Оп. 6/ш. Д. 555.

Православный церковный календарь // Журнал Московской патриархии. Москва, 1992. 66 с.

Ревизская сказка о государственных крестьянах поч. Полдневка Новоуспенского с/общ. Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, 1858 г. ГАКО. Ф. 200. Оп. 13. Д. 40. Л. 312 об. – 313.

Ревизская сказка о государственных крестьянах поч. Полдневка Новоуспенского с/общ. Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, 1850 г. Ф. 200. Оп. 14. Д. 28. Л. 299–300.

Ревизская сказка о казенных крестьянах д. Полома Новоуспенской вотчины Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, 1834 г. Ф. 200. Оп. 20. Д. 23. Л. 40 об. – 41.

Ревизские сказки о государственных крестьянах Новоуспенской вотчины Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, 1816 г. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 670. Л. 62 об. – 63.

Рекрутский устав 1831. ПСЗ-II. Т. VI. № 4677. С. 502.

Указ 2 августа 1821 г. О высылке солдатских жен к мужьям их. ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28714. С. 793–795.

УДК 81'373.2; 81'282.2

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА СЕМЬИ ЗАХАРОВЫХ «СЛЕДЫ» КАК ИСТОЧНИК ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.В. Цветкова

*Костромской государственный университет,
Кострома, Россия, elv15@list.ru*

Аннотация. В статье обращается внимание на словарь «Следы», составленный на материале черновых записей костромского диалектолога, краеведа, лексикографа, учителя А.В. Громова и воспоминаний членов семьи Захаровых, как на источник для топонимических исследований.

Ключевые слова: топонимы; микротопонимы; костромские топонимы; костромской диалектолог А.В. Громов; словарь «Следы»

THE ZAKHAROV'S FAMILY LANGUAGE VOCABULARY “FOOTPRINTS” AS A SOURCE OF TOPONYMIC INVESTIGATIONS

E. V. Tsvetkova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. The article draws attention to the vocabulary “Footprints” compiled from the draft notes of Aleksandr Gromov – Kostroma dialectologist, regional historian, lexicographer and teacher; as well as from the memories of the Zakharovs family; the said form a source for toponymic investigations.

Keywords: toponymy; micro-toponymy; Kostroma micro-toponymy; Kostroma dialectologist Aleksandr Gromov; Dictionary “Footprints”

Александр Вячеславович Громов, костромской диалектолог, краевед, лексикограф, учитель, «пытливый ум, желание постичь слово»

которого «заставляли его идти в деревни, беседовать со старожилками» [Следы: 5], оставил заметный след в исследовании костромских говоров. Не случайно, конечно, и название представляющего местную макарьевскую лексику и фразеологию словаря «Следы», являющегося основой книги, составителем которой стала дочь Александра Вячеславовича Любовь Александровна Громова. Составленный на материале черновых записей А.В. Громова и воспоминаний членов семьи Захаровых, этот словарь, как определяет его Л.А. Громова, «словарь бытового разговорного языка, используемого в 1950–1980 годы жителями г. Макарьева», «мемориальный словарь» [Следы: 7], без сомнения, может быть использован в разного рода исследованиях. Очень ценным является то, что «записан язык пяти поколений жителей дома, и три из них активно участвовали в создании словаря, являлись и являются на сегодняшний день носителями языка» (в работе над изданием Л.А. Громовой помогали её мама Людмила Николаевна Громова и тётя Евгения Михайловна Забродина), «приведённые в словаре примеры живой разговорной речи записаны собирателем в атмосфере их постоянного использования в семье Захаровых» и «по их содержанию можно писать историю семьи, улицы» [Следы: 7].

В данной статье рассматриваются имеющиеся в словаре языка семьи Захаровых «Следы» собственно топонимы, микротопонимы и способная выполнять (в определённой степени и выполняющая) их функции апеллятивная лексика (в основном местная географическая терминология). Топонимы содержатся в иллюстрациях, ярких примерах живой народной речи, к характеризующимся в словаре словам. Фрагменты речи диалектоносителей, в данном случае представляющих говор одной семьи, показывают особенности функционирования топонимов в диалектной среде, особенности «среды обитания микротопонима» – дискурса. В образованной топонимами топонимической системе (топонимическом пространстве, топонимиконе) словаря, находят проявление основные аспекты отражения картины мира. Это «сама совокупность единиц, очерчивающих физическое пространство жизнедеятельности сельского коллектива, и аспект функционирования единиц, употребления их в высказываниях» [Климкова 2008: 5].

Собственно топонимия словаря состоит из наименований так называемого близкого и дальнего пространства. Дальнее пространство представлено в основном макротопонимами: астионимом и хоронимами. Это *Москва* и *Сибирь* (чаще; названия мест, с которыми была связана жизнь членов семьи Захаровых), *Урал*, а также *Владимирская* (Владимирская область, куда отправлялись на

заработки): *А я, няря, поеду нынче в Москву?* [Следы: 78]. *Заказала Люся купить Сану в Москве румынки, очередь была, а он опоздать на поезд боялся и всё твердил, что ему позарез нужно купить дочери ботинки со смехом* [Следы: 96]. *С Москвы до Мантурова по рыжей ехали* [Следы: 96]. *Ездили в Москву, были в зоопарке, на животных скрозь решётки дивились* [Следы: 100]. «Семейное (не для всех)»: «*До Москвы раком не переставишь* (с осуждением об избыточности людей в одном месте)» [Следы: 152]. *Обахмурила баба мужика, за ней нальда в Сибирь подался* [Следы: 66]. *Люся в Сибири в детском доме была, её оттоль воспитательница привезла* [Следы: 75]. *Любила я брата, он уехал в Сибирь, всё вспоминала, какой он был рыжий* [Следы: 93]. *Шабайшит ходили многие, ездили в основном в Сибирь и за Урал* [Следы: 116]. *Меня ничего не унимает ездить на поток во Владимирскую* [Следы: 110].

Близкое пространство представлено названиями селений (в основном; чаще сельских) и их частей: *Мне не дорог старый город По дороге в Гребенец. Мне не дорог старый дроля, Был бы Ваня-варенец* [Следы: 18]. *Куда ехать-то? Да воде, до Угор* [Следы: 22]. *Запadlo тебе сгонять в Опалихино и обратно* [Следы: 40]. *В Опалихине на сарай был такой зъезд, что телега въезжала* [Следы: 43]. *Около Опалихина урочище было, Большая Яма называлось* [Следы: 111]. *От Опалихина до Течкина такая рамень, по темени дорогой и то страшно ходить* [Следы: 94]. *В Митьяново поехать не нарываюсь* [Следы: 61]. *Муж у сестры низоськой, от Нежихина* [Следы: 65] (так произносился в народной речи комоним **Нежитино**). *Под Белошейном на сенокосе работали всем огулом, потом зимой сено делили: со стога сначала всем сверху, потом всем с середины и так донизу* [Следы: 69]. *В Офёркове была усадьба Моденовых, а потом в этом здании сделали школу* [Следы: 111]. *У нас пол-Уколова сродники* [Следы: 102]. *Коля с Сашкой с Уколова вдвоём трубы рубили и всё вручную брёвна наверх поднимали* [Следы: 104]. *Над судомойкой смеялись, что один раз с мужиком до Уколова дошла и себе ребёночка нашла* [Следы: 104]. *Жёня у нас такая тормошная, всем в Уколове помогает* [Следы: 108]. *В Макарьеве не было своего выпуска* [Следы: 25]. *С Москвы до Мантурова по рыжей ехали* [Следы: 96]. *Когда талица начиналась, то на Холодную через Комсомолку ходили* [Следы: 106]. Это названия населённых пунктов Макарьевского района (в основном), в том числе и селений, которые стали частью города Макарьева, как в период его создания, так и позднее («Когда Екатерина II проводила реформы по административному делению России, на базе Подмонастырской слободы, соседнего с ней села Коврова и деревень Филино, Гаево,

Уколово и Белошеино был основан город Макарьев, названный на Унже в отличие от Макарьева-на-Волге» [Белоруков 2000: 180–181] – Макарьев-на-Унже; *Холодная* и *Комсомолка* – селения, которые находились за рекой напротив Макарьева), соседнего Мантуровского района (город *Мантурово*). С ними связана жизнь членов семьи Захаровых, фрагменты из речи которых, показывающие отношение говорящих к называемым местам, даются в качестве иллюстраций к местной лексике. Наиболее часто в них встречаются комонимы *Опалихино* и *Уколово* (названия селений, которые были одними из наиболее значимых для семьи Захаровых).

В Заключении Л.А. Громова вспоминает об особенно важном для неё годониме: об улице *Дворянской*, в советское время – *Октябрьской*, в г. Макарьеве, на которой был построен дом семьи Захаровых [Следы: 162].

Имеется в примерах из речи и название необходимой в жизни людей реки, протекающей по территории Костромской области, в том числе и Макарьевского района, – *Унжа* (левый приток Волги, на котором находятся костромские города Макарьев, Мантурово, Кологрив): *Гать за Унжей политические делади* [Следы: 26]. *Раньше пароходы по Унже ходили, а теперь запань внизу сделали* [Следы: 40]. *По весне из Унжи во время сплава брёвна на истоп вылавливались, на берегу и ставёж был* [Следы: 102].

Особый интерес вызывает микропонимия. Иллюстрации содержат микропонимы разного вида. Некоторые из них связаны с собственно топонимами, близки к ним. Это, например, названия, связанные с рекой Унжей: микрохоронимы *Низа́* / *Низы́* / *Низ* (название территории в нижней части течения реки) и *Верха́* / *Верх* (название территории в верхней части течения реки). Сохранилась информация о том, что некогда «земли по Унже были разделены на две волости – Верховскую (верхняя часть реки) и Понизовскую, охватывавшую нижнее течение Унжи до устья», [Белоруков 2000: 178]. В словаре «Следы»: *Гулять ходили в низа́* [Следы: 65] (в статье о слове *низа́* ‘нижние деревни, находящиеся в нижнем течении реки’). *Низоськия́*. С низов [Следы: 65]. *Зять наш нездешний, урожом с верху, да и тятенька откуда-то оттуда* [Следы: 111]. Ср. с имеющимися у нас микропонимическими материалами: *Верха́ – все деревни, что вверх по реке Унже. Сама-то я с Верхов, да вышла замуж, так тута и живу / Низы – все деревни, что вниз по реке Унже* (Погорелки Мантур.), *Сноха-то у меня с Низов* (Мантурово). Слово *низы́* представлено в лексикографическом труде [Ганцовская: 237].

К микродромонимии можно отнести название железной дороги **Ры́жская**, которое употреблялось обычно без географического термина **дорога**: *С Москвы до Мантурова по ры́жской ехали* [Следы: 96] (в статье о слове **ры́жский**).

Выполняет роль топонима слово **го́род**. Так называют ближайший к селению город и город, в котором живут, например: *В го́роде у меня был тоже огородец* [Следы: 69]. *Е́здили в го́род, чтобы продать молоко поначётистей* [Следы: 86]. *Горел лес за рекой, да́же в го́роде хма́рь стояла, дыша́ть нечем было* [Следы: 114] и др. Есть также название **ста́рый го́род**: *Мне не до́рог ста́рый го́род по до́роге в Гребене́ц* [Следы: 18]. Город в определённой степени сопоставляется с деревней. Наблюдается соответствие иллюстраций к этим словам, показывающее своего рода «микротопонимичность» слова **де́ревня**. Ср.: *В де́ревне у коло́дца сто́яло о́громное ко́рыто с водо́й, в жа́ру все́гда мо́жно было охоло́нуться* [Следы: 75]. Ср. (по костромским микротопонимическим материалам): *В Го́род ездилa, устала* (Калинки Судисл.). *В Го́род что ли ездилa давеча?* (Лаврово Нерехт.). *Пришлось ехать в Го́род с попуткой* (Павино Павин.). *В Де́ревню едешь? Что нового у вас там?* (Судиславль; о д. Калинки Судисл.). Речь идёт не о любых, а о конкретных, единичных городе или деревне.

На основе местной лексики, сохраняя её в себе, образованы названия поля, луга, низких мест (агроонимы, оронимы): *По́пова вы́города – поле у Ка́рькова* [Следы: 24] (в статье о слове **вы́города** ‘огороженное место для скота’). *Коля с дальнего лога траву на себе носил – бычка́ откармливал на мя́со* [Следы: 53] (в статье о слове **лог** ‘лощина, низкое ровное место, низина’). *О́коло Опали́хина урочи́ще бы́ло, Бо́льшая Я́ма называло́сь* [Следы: 111] (в статье о слове **урочи́ще** ‘отдалённый участок, лес, болото, поляна’). Ср. с микротопонимией других мест костромского края: *Мезинцевская Вы́города – поля у бывшей деревни Мезинцево* (Оглоблино Солиг.); *По́ле Су́хая Вы́города ещё* (Починок Солиг.); *У него ещё в Заднем логу на стожок покошено было* (Доброуново Павин.); *На Дальний лог косить ходили* (Кады́й Кады́йск.); *Бездонную-ту яму сейчи́с затянуло* (Лядина Мантур.) и т. п.

В роли микротопонимов явно выступают названия мест **поду́горина**, **тре́тья пове́ртка**, **пряму́шка**, **наво́лок**, **прилу́к**: *Поду́горина про́шлую весну́ пла́вала, сто́ль водо́й бы́ло* [следы: 84] (в статье о слове **поду́горина** ‘луг под горой’). *У тре́тьей пове́ртки сверни́ напра́во, та́м и ши́и гри́бы* [Следы: 82] (в статье о слове **пове́ртка** ‘поворот дороги, перекрёсток’). *Из го́рода идёшь пряму́шкой, уже́ не торопи́шься* [Следы: 93] (в статье о слове **пря́мка**, **пряму́шка** ‘прямая дорога

между деревнями, тропка'). *Пройдёшь наволоку, а там уж и до деревни рукой подать* [Следы: 59] (в статье о слове *наволоку* 'высокое место'). *Я наказывала не купаться в прилуке: «Там бьют ключи, сведёт ноги – и крышка»* [Следы: 90] (в статье о слове *прилуку* 'омут, дуга при сгибе реки'). В пределах небольшого пространства подобное микропонимание употребления можно предположить и у других названий различных мест, например, *под оврагом, ключик (на ключике), поскотина, лядина, огнище, лавы (наши лавы), ободворки, грива* и др.: *Под оврагом на ключике струюком вода течёт, бельё положим* [Следы: 104]; *Пастуха ныне не наняли, пасли по очереди, в нацу очередь поскотина попалась* [Следы: 87] (в статье о слове *поскотина* 'огороженное пастбище в лесу, выгон'); *Шла через лядину, клюквы набрала* [Следы: 54] (в статье о слове *лядина* 'низкое болотистое место'); *Первые годы на огнище столь земляники было – хоть лёжа собирай* [Следы: 69] (в статье о слове *огнище* 'очищенная огнём делянка'); *Косила на гриве, Собирала грибы на гриве* [Следы: 29] (в статье о слове *грива* 'возвышенное место', 'лес, состоящий из деревьев одной породы'); *Всего в два бревна наши лавы* [Следы: 51] (в статье о слове *лавы* 'переходы, мостки через реку') и др. Ср.: *Наволоку-от далеко находится* (Рогово Мантур.); *Прямушкой в Школьный ходили* (Никитское Нейск.); *На Поскотину пасти ходили* (Вохма Вохом.); *Раньше лес корчевали да на этом месте поля распахивали. Вот одно поле Лом назвали. А другое – Огнище* (Хомутово Остров.); *Где-то, не помню, сенокос Огнищё-то* (Екатеринкино Кадыйск.); *Возвышенность Грива названа* (Абросимово Нейск.); *Остановите автобус на Повёртке* (Нерехта Нерехт.); *Лавы – место на реке Вочь, где находится мост* (Павино Павин.); *Сети на рыбу в Прилуку поставил* (Троица Вохом.) и т. п.

Широко представлена в словаре местная географическая терминология, имеющаяся и в других говорах костромского края: *веретья* 'возвышенный бугор, небольшой участок', *выберье* 'выработка, пустое место', *выскирь* 'высокое место', *гать* 'топкое место, болото', *дербина* 'пожня, пашня на расчищенном среди леса месте', *залоина, залой* 'заводь', *зыбун* 'трясина, топкое, непроходимое место', *кулига* 'поляна в лесу, участок луга, покоса', *лыва* 'лужа', *ляд* 'низкое сырое место', *отрада* 'высокое, хорошее место', *палестина* 'участок покоса, полянка в лесу, на болоте', *пайотина* 'низкое болотистое место', *печина* 'крутой берег реки', *провалище* 'трясина, топь', *рамень* 'глухой, дремучий лес', *суболоть* 'перед болотом, край болота', *яух* 'луг около озера' и мн. др. Вызывают интерес слова *дворина* 'дом со всеми примыкающими постройками, место, где стоял дом', *жило* 'жильё, дом', 'село', *творило* 'место',

ути́н ‘граница земельных участков’ и др. (в словарных статьях об этих словах и в иллюстрациях к другим словам). Такая лексика часто становится основой для образования микротопонимов.

Изучение топонимов словаря в совокупности позволяет увидеть особенности топонимикона (и его состава, и его включения в речь, взаимодействия с другой лексикой) семьи Захаровых. Словарь языка этой семьи, имеющий «говорящее» название «Следы», представляет интерес для топонимических, диалектологических исследований. Работа с ним позволяет рассмотреть особенности содержащихся в нём топонимов по их типу, возникновению (рождению), семантике (в микротопонимах – по связи с апеллятивами, к которым они очень близки, значения которых они сохраняют), структуре и словообразованию, функционированию в народной речи, в том числе и с точки зрения дискурса, осуществлять сопоставительную, ареально-сопоставительную характеристику и т. д. Топонимы значимы для исследования как по отдельности, так и в совокупности – в образованной ими топонимической системе словаря.

Литература и источники

Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. Кострома: Костромской общественный фонд культуры, Костромской региональный центр новых информационных технологий «Эврика-М», 2000. 536 с.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова; Москва: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.

Следы – Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьев Костромской области) / сост., предисл. и заключ. Л. А. Громовой. Москва: Белый Ветер, 2016. 176 с.

Список сокращений в названиях районов Костромской области

Вохом. – Вохомский
 Кадыйск. – Кадыйский
 Мантур. – Мантуровский
 Нейск. – Нейский
 Нерехт. – Нерехтский
 Остров. – Островский
 Павин. – Павинский
 Солиг. – Солигаличский
 Судисл. – Судиславский

Раздел V

*МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
КРАЕВЕДОВ И О КРАЕВЕДАХ*

МНООГООБРАЗИЕ ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ – БОГАТСТВО КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Л.А. Иванова

Костромской колледж культуры, Кострома, Россия

Аннотация. В статье дается анализ песенных жанров, встречающихся на территории Костромской области: специфика бытования, особенности исполнения. В фольклорно-этнографические экспедиции студенты и преподаватели Костромского колледжа культуры выезжают ежегодно в рамках учебной практики, начиная с 1992 года.

Ключевые слова: фольклорно-этнографические экспедиции; жанры народных песен: календарные, свадебные, хороводные, лирические традиционные и городские, духовные стихи, баллады, частушки

MANY-IMAGE OF SONG GENRES – THE WEALTH OF THE KOSTROMA LAND

L.A. Ivanova

Kostroma College of Culture, Kostroma, Russia

Abstract. The article analyzes the song genres found in the Kostroma region: the specifics of everyday life, the features of performance. In folklore and ethnographic expeditions, students and teachers of the Kostroma College of Culture travel annually as part of educational practice, since 1992.

Keywords: folklore and ethnographic expeditions; genres of folk songs: calendar, wedding, round dance, lyrical traditional and urban, spiritual poems, ballads, ditties

Песенная традиция Костромской области отличается жанровым разнообразием. В фольклорных экспедициях нами записаны календарные, хороводные, плясовые песни, традиционная лирика, городские песни, многочисленные частушки, духовные стихи, песни свадебного обряда, исторические песни, баллады, детский фольклор.

Достаточно хорошо сохранились календарные песни. Они делятся на два вида: обрядовые песни и песни других жанров, для которых была характерна календарная приуроченность, прикрепленность к праздникам годового календарного круга и церковного календаря, к некоторым видам сельскохозяйственных работ (песни других жанров могли петься и в другое время). Из календарно-обрядовых песен в Костромской области встречаются песни зимнего обхода дворов, подблюдные, масленичные, весенние заклички, середокрестные, вербные, Егорьевские, вьюнишные, вознесенские, купальские. Среди песен других жанров, приуроченных к календарю, могли быть хороводные песни, которые делись на «круговые

вёшние» (исполнялись от Пасхи до Троицы) и «беседные» (на зимних посиделках, Святках). Некоторые традиционные лирические песни, когда шли со жнивы, например, «Эко сердце». Закрепление лирических и хороводных песен за определенным праздником или сезоном связано с их поэтическим содержанием.

Ярко и весело отмечали зимние Святки. Гуляния устраивались по очереди в разных деревнях. Состав жанров молодежных игрищ был разнообразным и включал не только песенный материал, но и игры, загадки, ряжение, разыгрывание комических сенок, различные виды гаданий.

В Вохомском и Октябрьском районах нам удалось записать подблюдные песни «Илии» по припевным словам. «Илии» пели при гаданиях с блюдом на Святки. Девушки складывали в блюдо украшения, накрывали его платком, и под пение «илиюшек» ведущая вытаскивала один предмет, все девушки знали значение каждой песни (каждая песня могла символизировать замужество, сундук с приданным, отъезд во чужую сторону, нелюбимого старого мужа, и т.д.).

Ещё нонче у нас страшны вечера.

Иишо нонце у нас страшны вецёра. Илия!

Иишо страшны эти вецёра Креишенский. Илия!

Пошла наша короушка в лес по дрова.

Думали, короушка дров принесет.

Пришла наша короушка с прибылью.

С прибылью, да со телёноцьком.

Твори, мама, квашонку, пеки пироги.

К тебе, мама, гости, ко мне жонихи.

Записано в с. Боговарово от Первушиной В.Я. 1915 г.р.

В 1994 году в фольклорной экспедиции в Красносельский район были записаны святочные сценки. Одна из них, «Барин и Афоня», записана в деревне Кузнецово.

В избу, где проходит беседа приходят ряженные – Барин и Афонька:

– Гоп через порог, едва ножки переволок,

Глаза упёр в потолок.

Здравствуйте, народ, кто сидит, разиня рот.

Здравствуйте все, кто не есть в избе!

Из песенных жанров на беседах и святках преобладали хороводные и плясовые песни, которые сопровождалось обыгрыванием сюжета, припляской или хореографией. Существовала традиция

«припевать» девушек и парней друг к другу. Много таких песен мы записали в Красносельском районе.

Не ходи, бел-кудреватый

(ходовая молодцу)

Не ходи, бел-кудреватой,
Мимо *мово* саду.
Не топчи, бел-кудреватой,
В саде моей мяты.
Я не для тебя садила,
Не для поливала.
Для *тово* мяту садила,
Ково я любила.
Для *тово* я поливала,
Ково целовала.

*Записано в д. Кузнецово Красносельского района
от Шаминой Е.П. 1907 г.р.*

Это чья такая модненькая?

(ходовая девице)

Это чья такая модненькая?
На ней юбочка коротенькая.
Она ходит, улыбается
Поцелуя дожидается.

*Записано в д. Сопырево Красносельского района
от Ивановой Г.К. 1928 г.р., Кирилловой С.Н. 1933 г.р.*

Приводим пример святочной игровой песни.

Эх, зайнька по сеничкам
Эх, зайнька, по сеничкам
Гуляй-ка ты гуляй.
Эх, серенький, по *новы/е/м*
Поголуйвай, гуляй.
Эх, негде мне, зайньке, *выпрыгнути*.
Ах чем же выпрыгнути?
Да, девки, *выкупити!*

(В центре хора ходит парень, девушка его «выкупает» или подаёт ему руку, и они здороваются или целуются.)

*Записано в д. Сопырево Красносельского района
от Ивановой Г.К. 1928 г.р., Кирилловой С.Н. 1933 г.р.*

Народный танец занимает важное место в традиционной культуре Костромского края. В середине XX века в костромских деревнях и селах бытовали практически все жанры танцевального

фольклора, характерные для севернорусской хореографической традиции. Разнообразные хороводы, пляски, бытовые парные танцы исполнялись в большинстве районов области.

После игр начинали плясать под гармошку или балалайку. Обязательным жанром на играх была кадриль. В фольклорных экспедициях мы встретились с множеством видов кадрили: квадратная «Сени» записана в Сусанинском районе; круговая «Восьмера» – в с. Вохма; «Метелица» – в с. Боговарово; «Козули» – в с. Шушкодом Буйского района и в д. Повалихино Чухломского района; шестизарядная – в с. Сандогора Костромского района; семизарядная – в с. Кужбал Нейского района, с. Парфеньево.

В с. Ножкино Чухломского района встретила семизарядная линейная кадриль «Кузовок», которую исполняли только женщины. Вращение в парах заменено в «Кузовке» на кружение четвёркой девушек, при этом женщины кружатся лицом друг к другу, держа партнёрш под руки. Это напоминает форму берестяного кузовка, от которого кадриль и получила своё название. Песенный материал кадрили вошел в сборник «На горюшке, на горе» Чухломского района. В каждом из вариантов были свои фигуры, их название зависело от музыкального материала.

Костромская область находится на стыке верхнего и среднего Поволжья. И на северо-востоке региона ещё до недавнего времени водили хороводы. Отличительными чертами северных хороводов являлись степенность, величавость, задор, отвага, молодость, сноровка. Основной ход – «простой переменный шаг» и «шаг с притопом». Первые песни были лирическими под которые шли к месту игрищ «ручейком» или «линиями» вдоль улиц. Первые хороводы были неторопливы, сопровождалась плавным движением по кругу. Встречались и более развитые формы хореографии: «нитка с иголкой» или «челнок», завивание «кочешка» и развивание его в «капусте», в более подвижных песнях часто разыгрывался сюжет внутри круга.

Выходили красные девушки

(весенний хоровод)

Выходили *крас/ы/ныё* девушки

Из ворот гулять на *улицю*.

Выносили *крас/ы/ныё* девушки

Соловешка на белых на руках.

Соловешко *россвишотья*, да,

Крас/ы/ныё девушки разыграются.

*Записано в д. Марково Заветлужского
с/с Вохомского района от Поповой М.Ф. 1908 г.р.*

Кульминацией хороводных гуляний были Семик и Троица. В это время уже чаще звучали и песни другого жанра – традиционная лирика, которая исполнялась так же зычно, ярко, как и «вёшние круговые», – так, чтобы далеко было слышно: «Кого-то нет, кого-то стало жаль», «Уж как под лесом-лесочком», «Во субботу день ненастной».

Кого-то нет, кого-то стало жаль

(традиционная лирика)

Ково-то нет, ково-то стало жаль, да,

Уезжаёт милой мой-от вдаль.

Уезжаёт милой, покидаёт, да,

Милой ласковы мои слова.

На прошаньице милой оставил, да,

С руки перстень, с правой, золотой.

Записано в д. Питер Вохомского района.

Яркая, «открытая» манера исполнения не воздухе была присуща и такому позднему жанру, как частушки и страдания. Частушки чаще всего пели с пляской под гармонь, балалайку, барабанку, ложки, печную заслонку; а страдания (походные, «по деревне», «перепевы», «расташиха») – под местную проходку вдоль деревни.

Таким образом, весенне-летний сезон Костромского края был наполнен традиционной музыкой.

Многие экспедиции запомнились своей самобытностью, множеством интересных встреч. Особенно хотелось бы рассказать об экспедиции в Мантуровский район в 2005 году. Жили мы не в самом Мантурове, а в д. Дубшино Гаврилковской администрации, в 40 километрах от города и разместились у гостеприимной хозяйки Галины Ивановны Смирновой. Она заботилась о нас, как о родных, – топила баню, готовила деревенские разносолы в русской печи, причем, дослушав наш концерт, прибежала первая, и стол был уже накрыт. Пела песни, показывала местный говор: «Петя, что ты *приуну*, *загрусти*, может ты *заболеу*?» (это петуху), а каждое утро вместо будильника фраза: «*Чайник вскатуе!*». Она же нам рассказала, что здесь после войны осело много переселенцев из Белоруссии, поэтому и такой специфический диалект.

В Гаврилковском Доме культуры праздновался Иванов день, куда съехались лучшие гармонисты, исполнители частушек и песен. Встретились с замечательным человеком Валерием Ивановичем Воробьёвым 1941 г.р., который считался лучшим гармонистом России. Его гармошка просто колдует и зачаровывает. Играть он начал с четырёх лет. Бывало, где зимой гулянка какая, деревенские девки приходили за ним, укутывали потеплей и на салазках доставляли до

места. Напляшутся досыта, и тем же макаром назад вернут. А в зрелом возрасте без его гармошки почти ни одна свадьба не обходилась.

Здесь же и выступал знаменитый театр фольклора «Ухтубужье». Многим артистам этого коллектива уже тогда было около 80, но могли послужить образцом задора и молодости.

На этом же празднике выступили и наши студенты, которых очень тепло принимали. Закончилось все общими песнями и плясками, на сцене смешались все – и деревенские, и городские.

Свадебные песни мы записали во многих районах Костромской области: Вохомском, Октябрьском, Чухломском, Краносельском и др.

В Мантуровском районе записана свадьба фольклорного театра «Ухтубужье», создатель и руководитель театра – Нина Николаевна Стрючкова. Ухтубужский свадебный обряд – уникальное зрелище, отражающее культуру и быт людей данной местности конца XIX – начала XX века. Начинается представление с первого дня свадьбы – сватовства. К родителям невесты приходили сваты и договаривались о предстоящем бракосочетании. Далее по сценарию и по традиции идет девичник, а по-мантуровски «вечеренка у сговоренки». Подружки укладывали приданое с проникновенно жалостным плачем, предупреждающим о начале новой, сложной жизни, наряжали елочку – олицетворение девичьей красоты и свободы. В сам день свадьбы молодоженов поздравляют, прославляют, дают наказы и советы на предстоящую семейную жизнь.

Разряженную ель выносили к гостям с особыми словами и предлагали купить украшения.

Раздайся народ, расшатися народ,
Дивья красота идет.
 Не сама она идет,
 Её девица несет.
 По полу по тесовому,
 К друженьке веселому.
 – Здравствуй, дружка молодой,
 Здравствуй, *тысячкой* полковой.
 Где ж вы были-пробывали,
 Мы вас долго ожидали,
 У подружки ночевали,
 Гладки головы чесали
 Да к венцу собирали.
 Мы к венцу-то проводили,
 Да по ёлочку ходили.
 Уж мы ёлочку искали,
 По сапожкам изорвали.

Подружки исполняли песню «Ты не стой, липа, над водою», в которой отразилось противопоставление жизни в родительском доме жизни семейной, нередко тяжелой и безрадостной.

Ты не стой, липа, над водою,
Не рони листья на воду.
Ты не плачь, красна девица,
Хорошо жить у родной матушки,
У родимого батюшки.
Поранешеньку спать кладут,
Попозднешеньку *бужолят*.
– Ты вставай *нашо умноё*,
Промывай лицо белое
Под румяна под алые,
Под белила под белые.
Промывай руки белые
Под *перстянья злататяные*.

Истинная народная мудрость выражена в песнях, обращенных к свахе молодой, свахе пожилой, дружке, приезжему гостю. Они дают понять, что каждый на этом пиру дорог и желанен, тем самым раскрывая характер русского человека, богатство его души.

Эта песня исполнялась подружками невесты на девичнике. Причитая, они пели:

Уж ты девица, девица,
Уж ты наша изменщица,
Люгая *перелестница*.
Так ты *кстилась*, божилася,
Право, право замуж *нейду*.

Записанный в экспедициях песенный и танцевальный материал студенты колледжа культуры используют в программах Государственных экзаменов, совместно с Областным домом народного творчества издано 6 песенных фольклорных сборников.

Литература и источники

Вохомские узоры: народные песни Вохомского района / сост. Л.А. Иванова. Кострома, 2003.

«В хороводе были мы»: народные песни Октябрьского района / сост. Л.А. Иванова. Кострома, 2008.

Каргин А.С. Чухломской фольклор. Т. 2. Музыкальное и танцевальное традиционное искусство. Москва, 2013.

Кирюшина Т.В. Календарные и обрядовые песни. Вып. 1. Кострома, 1993.

Кирюшина Т.В. Костромские песни и наигрыши. Вып. 2. Календарно-приуроченные песни различных жанров. Кострома, 2001.

«На горушке, на горе...»: народные песни Чухломского района / сост. Л.А. Иванова. Кострома, 2012.

«Над серебряной рекой»: народные песни Солигаличского района / сост. Л.А. Иванова, Кострома 2009.

Песни Красносельского района / сост. Л.А. Иванова. Кострома, 1998.

УДК 908

ВОСПОМИНАНИЯ О В.В. КАСТОРСКОМ

Н.В. Сотников

*Галич, Костромская область, Россия,
Sotnikov.nv@rambler.ru*

Аннотация. В очерке на основе воспоминаний ученика о своём учителе даётся характеристика жизненного пути широкообразованного провинциального краеведа, учителя, учёного и общественного деятеля, оставившего заметный след в области народного образования, филологического и исторического изучения языка и культуры Галичского края Костромской области.

Ключевые слова: Галич; В.В. Касторский; Рыбная слобода; краеведческие материалы

MEMORIES OF V.V. KASTORSKY

N.V. Sotnikov

Galich, Kostroma region, Russia

Abstract. The essay, based on the student's memories of his teacher, describes the life path of a well-educated provincial local historian, teacher, scientist and public figure who left a noticeable mark in the field of public education, philological and historical study of the language and culture of the Galich region of the Kostroma region.

Keywords: Galich; V.V. Kastorsky; Rybnaya Sloboda; local history materials

В 1954 г. я окончил семилетнюю школу № 3 в г. Галиче Костромской области. После получения обязательного семилетнего образования перед выпускником открывались две дороги – одна идти работать, и вторая – получить среднее образование. Обучение в средней школе было платное – 150 руб. за учебный год. Сумма немалая, если учесть, что средний заработок в Галиче был 70–80 руб. в месяц.

У меня к середине августа появилось желание учиться дальше. Мы жили в Рыбной слободе на берегу Галичского озера. Мать, которая ведала бюджетом семьи, обращаясь к отцу, сказала: «Батяка, что делать-то будем? Парень учиться хочет, может, какой толк

выйдет. Что мы-то, безграмотные. Пока корова есть, найдём мы эти 150 руб.». Вопрос был решён, и я побежал записываться в 16 железнодорожную мужскую школу (сейчас школа № 4). В школе к своим двум восьмым классам были добавлены ещё два, в основном из жителей Рыбной слободы, в один из них я и попал. 1 сентября 1954 г. нас собрали на школьном дворе по классам.

Директор школы Николай Григорьевич Теплов подошёл к нашему классу с лысым, в элегантном костюме, при галстукке, пожилым, как нам показалось, человеком и сказал: «Познакомьтесь, это ваш классный руководитель Василий Васильевич Касторский. Прошу любить и жаловать». В.В. Касторскому было в это время 58 лет. Таким было моё первое знакомство с замечательным педагогом, краеведом и одновременно учёным.

Начались школьные будни и теперь я встречался с Василием Васильевичем каждый день, поскольку русский язык и литература, которые Касторский преподавал, были каждый день. Василий Васильевич был строгим, взыскательным, при всех обстоятельствах объективным и тактичным учителем. Говорил он тихо, но так, чтобы его могли услышать на задних партах, никогда не повышал голос. Был очень скромным, не кичился своими наградами, хотя к моменту моего знакомства с ним он уже был кавалером ордена Трудового Красного Знамени и ордена Ленина. Носил на своём пиджаке только маленький ромбик «Отличник народного просвещения». Был пунктуальным во всём.

Касторский, как учитель старой закалки, не терпел, если мальчики в помещении находились в головном уборе. Сам сразу же снимал головной убор, когда входил в школу. При встрече на улице с родителями своих учеников и учениками Василий Васильевич всегда приподнимал свой головной убор и кланялся, что и нас заставляло поздороваться и автоматически выполнить что-то в виде поклона. Так непредвзято Василий Васильевич приучал нас к правилам хорошего тона, сам становясь всегда примером.

На уроках русского языка он учил нас правильной речи, правильной постановке ударений. Причём всё это происходило как-то само собой. Обращал наше внимание и на диалектные особенности и фольклор нашей местности.

Например, Василий Васильевич спрашивал нас:

- Вы в лес-то ходите?
- Дааа!
- А зачем?
- За ягодам, за грибам!

– Вот-вот, прежде всего по-русски не АМКАЮТ, по-русски *в лес ходят по ягоды или по грибы*. Помните, как в старых народных песнях пелось: *Девушки по ягоды ходили*.

На уроках русского языка Василий Васильевич учил нас, как правильно писать деловые бумаги: заявления, свою биографию, характеристику... Уроки литературы мы ждали всегда с удовольствием, они были незабываемы. Правильная речь, правильно поставленные ударения, привязка литературного материала к местным условиям делали их очень интересными. Для меня русский язык и литература были не очень любимыми предметами. Часто больше тройки Василий Васильевич мне не ставил, но это совсем меня не расстраивало, поскольку было справедливо и вызывало стремление достичь тех знаний, которые имел Касторский. Его выражение, что «на пять знает Бог и к этому надо стремиться», оставляло для нас большое поле деятельности.

Помню, как он на хорошем французском языке читал страницы романа «Война и мир» Л.Н. Толстого и мы, казалось, без перевода понимали, о чём говорил нам писатель. Владел ли европейскими языками Касторский и как, мы не знали. В дальнейшем, изучая биографию Василия Васильевича, в его анкетах я нашёл записи, что иностранными языками владеет только со словарём. Думаю, что его академическое духовное образование касалось и знаний латыни, греческого и других языков. А как он читал стихи! Казалось, что Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин, его любимый поэт Маяковский говорили с каждым из нас. Это была музыка, и мы с открытыми ртами ловили каждый её звук. Человек высокого гуманизма, безупречной честности и постоянного трудолюбия – все эти качества он воспитывал в своих учениках, а их у него несколько поколений. Но самое главное, самое высокое качество Василия Васильевича – патриотизм, неиссякаемая любовь к своему краю, своей Родине. Это самое дорогое в человеке чувство Василий Васильевич воспитывал у своих учеников.

Мы обязаны В.В. Касторскому знаниями многих страниц истории отечественной культуры. Его исследования касались жизни в Галичском уезде предков М.Ю. Лермонтова и первой постановки «Маскарада», которая состоялась именно в Галиче, жизни и деятельности А.О. Аблесимова, П.П. Свиньина, А.Н. Соловьёва-Нелюдима и многих других деятелей прошлого. Большое внимание Василий Васильевич уделял исследованию творчества А.Ф. Писемского, судьба которого была в соседнем Чухломском уезде, а также жившего в наших краях П.А. Катенина – поэта, драматурга, критика, друга Пушкина и Грибоедова.

Помню, в 9 классе мы изучали поэзию Н.А. Некрасова. А в летние каникулы я посетил Саметь, Шунгу, Яковлевское, не имея никакого

представления, что эти места связаны с Некрасовым. Здесь родились стихи Н.А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы», «Крестьянские дети», «Коробейники». И когда, изучая произведения поэта, я встретил названия этих населённых пунктов, то тему свободного сочинения я определил сразу: «Некрасов и Костромская область». Сочинение понравилось Касторскому и, как много позднее он говорил мне, он использовал его в своём выступлении в Академии педагогических наук.

Вот как вспоминает о школе и В.В. Касторском Л.Н. Семёнов, впоследствии ставший видным учёным в области атомной энергетики: «Что бы я хотел сказать о моих галичских, главным образом, школьных годах. Сейчас они вызывают у меня удивление, граничащее с изумлением – неужели так и было в те военные и послевоенные труднейшие годы? Хочу пояснить, почему я так думаю. Городок наш и школа – глубоко провинциальные, а учителя в ней – высшей квалификации, причём не по бумагам, а по делу. Благодарнейшая память осталась о Василии Васильевиче Касторском, выдающемся педагоге и патриоте» [Сотников]. И подобных воспоминаний немало.

Деятельность В.В. Касторского была многогранна. Один из её моментов, например, создание в 1959 году к 800-летию Галича книги «Галич» (в соавторстве с Л. Беловым и Н. Соколовым) [Белов, Касторский, Соколов 1959].

Кратко дополню мои воспоминания о жизни и творчестве В.В. Касторского (1896–1974) некоторыми биографическими сведениями. Он родился 18 февраля 1896 г. в селе Сигондино Галичского уезда Костромской губернии в многодетной семье Василия Фёдоровича Касторского, сельского дьячка Троицкой церкви, а затем священника в церкви Рождества Богородицы в селе Сынково Галичского уезда. С 1919 по 1921 г. В.В. Касторский учился в Казанском институте народного образования, по окончании которого получил специальность преподавателя истории школы II ступени. В 1920 г. преподавал в школе № 13 для взрослых в г. Казани. С 1922 г. В.В. Касторский был членом правления уездного отделения Союза работников просвещения и членом Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК). С ноября 1922 г. по декабрь 1925 г. был председателем КНОИМК, с 1924 по 1926 г. был заведующим Галичским краеведческим музеем, совмещая эту деятельность с педагогической работой. В 1924 г. Касторский был делегатом на II Всероссийской конференции по краеведению в Москве. В 1929 г. он поступает на заочное отделение при Педфаке 2-го Московского государственного университета на литературное отделение. В 1932 г. переводится в Ярославский гос. педагогический институт, который

оканчивает в 1936-м. С декабря 1942-го. по начало 1943 г. служил в армии, по возвращении в Галич преподавал русский язык и литературу в 16 железнодорожной школе (впоследствии школы № 4), где проработал с 10 декабря 1943 г. по 1960 г.

Литература и источники

Белов Л., Касторский В., Соколов Н. Галич: К 800-летию г. Галича. Кострома: Кн. изд-во, 1959. 144 с. (Города и районы родного края).

Сотников Н.В. К 120-летию со дня рождения В.В. Касторского. URL: galich44.ru/books/kastorskij.pdf (дата обращения: 23.08.2022 г.).

УДК 908

ДВА ВЫДАЮЩИХСЯ КРАЕВЕДА, ДВА УЧИТЕЛЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ – В.В. КАСТОРСКИЙ И А.В. ГРОМОВ

С.А. Фёдорова

*Муниципальное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 4 им. Ф.Н. Красовского
Галич, Костромская область, Россия, swetaf@mail.ru*

Аннотация. Благодаря кропотливому труду краеведов, мы приобретаем к национальной культуре и истории. Жизненные пути педагогов А.В. Громова и В.В. Касторского – примеры подвижничества. Творческое, научное наследие, которое оставили после себя эти люди, заслуживает пристального внимания на уроках русского языка и литературы в современной школе.

Ключевые слова: фольклорно-диалектологическая экспедиция; литературное краеведение; музейный экспонат; региональный компонент; творческое наследие; подвижничество

TWO OUTSTANDING LOCAL HISTORIANS, TWO TEACHERS OF THE KOSTROMA REGION – V. V. KASTORSKY AND A. V. GROMOV

S.A. Fedorova

*Municipal educational institution secondary school No. 4 named after F.N. Krasovsky
Galich, Kostroma region, Russia*

Abstract. Thanks to the painstaking work of local historians, we join the national culture and history. The life paths of teachers A.V. Gromov and V.V. Kastorsky are examples of asceticism. The creative, scientific legacy that these people left behind deserves close attention in the lessons of the Russian language and literature in a modern school.

Keywords: folklore-dialectological expedition; literary local lore; museum exhibit; regional component; creative heritage; asceticism

Жизнь каждого из педагогов, чьи имена заявлены в теме данной статьи – это пример подвижничества. И творческое, и научное наследие, которое оставили после себя эти люди, заслуживает нашего пристального внимания. *Конечно, учеников у них неизмеримо больше, чем кажется, в их число входят все, кому довелось общаться с ними лично, и те, кто продолжает общение через их наследие. С Александром Вячеславовичем Грозовым мне посчастливилось общаться лично, пусть и совсем немного.*

Диалектологическую и фольклорную практику после первого курса я проходила в Мантуровском районе. Это был Леонтьевский сельский совет. Деревня Шулёво. 1988 год. Руководителем практики у нас был Александр Вячеславович. В силу молодости мы были беспечны, веселы, а своего руководителя сразу назвали профессором Грозовым (он очень напомнил нам профессора Громова (больше экранного), гениального создателя Электроника). Фамилии совпали, внешность тоже, но самое главное, что и наш Грозов отличался добродушным нравом и безграничным обаянием. И вот этот скромный, очень тактичный человек за время практики стал нам не только наставником, но и заботливым отцом. Жили мы, городские девчонки, в здании местной школы. Много из условий проживания было непривычным, неудобным, но Александр Вячеславович опекал нас как мог, а помогали ему в этом местные школьники. В свободное время он рассказывал нам о своих открытиях, местных жителях, и слушать его было большим удовольствием.

Да, безусловно, эта практика стала для нас уникальным опытом. Мы познакомились с прекрасными и доброжелательными людьми. Помня наказы Нины Семёновны Ганцовской и Александра Вячеславовича, старались слушать каждое слово. С неподдельной радостью на вечерних общих сборах рассказывали друг другу о замеченных в речи местных жителей грамматических особенностях, о которых нам говорили на занятиях по диалектологии в институте. И несмотря на предупреждение Александра Вячеславовича о том, что сложно уже найти и записать что-то интересное, уникальное, мы были очень довольны. Не с пустыми руками приехали в родной институт: привезли прялки, лапти и много кухонной утвари. Такие добрые воспоминания о практике сохранились у всех моих однокурсниц, с кем мне довелось тогда побывать в Мантуровском районе.

О том, насколько талантлив Александр Вячеславович, о том, что он поэт, я узнала намного позже и жалела, что не использовала уникальную возможность общения с этим замечательным человеком в полной мере. И всё-таки очень важные вещи успел заложить в наши головы Александр Вячеславович: он учил нас

любопытствовать, работать со словом внимательно, осторожно и кропотливо изучать его.

Эти уроки пригодились мне в дальнейшем, так как на 3-м курсе посчастливилось попасть на практику в Васильевскую школу Солигаличского района и после окончания института оказаться среди *совеган* (совежан) на долгие 9 лет. Но одно дело знакомиться с особенностями костромских диалектов на занятиях Нины Семёновны, и совсем другое – оказаться среди людей, носителей этого особенного языка.

Огромную роль и в моей жизни, и в жизни многих учеников и коллег Васильевской школы сыграла Серафима Ивановна Морозова (1928–2018), работавшая в Васильевской школе учителем русского языка, основавшая краеведческий музей в 1980 году. Общение с ней, да и со всеми местными жителями я тоже считаю бесценным, интереснейшим опытом.

Именно там я впервые узнала, что такое досвадебное, свадебное и послесвадебное гуляние, сама выносила *ёлочку с куколкой* (традиционный свадебный обряд) и собирала деньги новобрачным. Именно там я на практике поняла, что значит «оканье» и «чоканье», погрузилась в море диалектов, потом привыкла и кое-что (незаметно для себя) переняла. И если в начале моего пребывания там я долго не могла понять, что значит *леко, леко, поточки летят* (гляди-ка, гляди-ка, птички летят), *бери батог буде, учительница, на ричку пойдём* (бери палку/шест, учительница, на речку пойдём), то потом эти слова стали привычны.

С Василием Васильевичем Касторским я не была знакома лично, знаю о нём от его же учеников и из материалов школьного музея. Понимаю, какая ответственность лежит на нас, педагогах школы № 4 города Галича, история которой насчитывает более двухсот лет. Не продолжать дело, начатое им, мы просто не можем, поэтому очень стараемся.

И Василия Васильевича Касторского, и Александра Вячеславовича Громова отличали активная общественная работа, пропаганда и популяризация краеведческих знаний, а также плодотворная деятельность по сохранению памятников истории и культуры нашего края. Жизнь этих педагогов можно назвать яркой страницей в летописи не только Костромского края, но и всей страны. Это люди своей эпохи, люди талантливейшие и неординарные.

За долгие годы работы в школе оба сформировали особое отношение к литературе и у учащихся, и у коллег. В их судьбах много схожего, хоть и разница в возрасте имеется: Александр Вячеславович младше на 26 лет, но тем не менее оба были участниками Великой Отечественной войны, оба учились заочно в Ярославском государственном пединституте, оба занимались наукой, но самое

главное – оба активно развивали кружковую деятельность и прививали любовь к слову.

Уроки, внеклассные мероприятия, если в них вложены талант и душа, глубокое знание своего предмета, не могут пройти бесследно.

Этих педагогов ученики любили, уважали. В каждом слове о них, в каждой строчке чувствуется, что своим авторитетом они оказали большое влияние на формирование учеников как личностей.

Они были не просто учителями литературы, они стали для своих воспитанников учителями жизни. Они воспитали не только ценителей слова, но и горячих патриотов. Вот как написал о Василии Васильевиче в 1960 году один из его учеников:

Я Вам не льщу, я лесть не знаю.
И почему, не знаю сам,
Но я любовь к родному краю
Отождествил с любовью к Вам.
Вы – Галич сам, его страница,
Его поэт и гражданин...

В последнее время содержание литературного образования очень часто и много менялось, создавались вариативные программы, учебники. Многие регионы получили возможность создать курсы, связанные с литературным, историческим краеведением.

В Костромской области изданы учебники «Региональная литература», «История родного края», «Литература Костромского края», «Костромское народное слово», словари местных говоров. Совсем недавно появились новые предметы «Родной язык», «Родная литература». Конечно, всё это даёт широкие возможности использования краеведческого материала в образовательном процессе.

Но для того чтобы делать это качественно, каждый учитель-предметник или педагог дополнительного образования должен сам знать содержание регионального компонента на хорошем уровне, осознавать уникальность своего края, проявлять интерес к современной культурной жизни региона.

Источниками таких сведений могут быть художественные произведения, очерки, воспоминания, письма, литературно-критические статьи, газеты, журналы, словари. Мне, например, с этим повезло: в архивах кабинета литературы (образовательного Центра литературно-краеведческой деятельности), где я веду занятия, более двухсот уникальных музейных экспонатов.

Александр Вячеславович и Василий Васильевич использовали краеведческий материал, по воспоминаниям их учеников, постоянно, но ненавязчиво, тем самым создавая особую эмоциональную

атмосферу, эффект неожиданного открытия. Мы, учителя-словесники, стараемся следовать их методам. Так, например, в 5 классе, при изучении раздела «Лексика» исследуем с ребятами словари, созданные А.В. Громовым и Н.С. Ганцовской.

Когда дети впервые знакомятся с понятием «официально-деловой стиль», я предлагаю им автобиографию В.В. Касторского. Более серьёзно работаем с ней позже, когда ребята демонстрируют навыки работы в деловом стиле и делают первые попытки самостоятельно составить автобиографию. Этот музейный экспонат, который написан рукою Касторского, даёт информацию о человеке, его эпохе, кроме того, является образцом делового письма. Считаю автобиографию универсальным дидактическим пособием. Её можно использовать на уроках по самым разным темам. Повторять правописание имён существительных собственных, работать со сложносокращёнными словами. Очень много материала по лексике. Так, например, ученики встретили в автобиографии сложное существительное *ФЗС* и долго искали информацию о том, что обозначает эта аббревиатура. Так одно слово помогло углубиться в историю, узнать, что фабрично-заводские семилетки действовали в городах России в 1920–1930 годы.

К автобиографии Василия Васильевича обращаемся и при изучении темы «Имя числительное» в 6 классе. По ней очень легко проверить навыки склонения порядковых числительных. В данном документе 40 таких слов!

Наследие В.В. Касторского используем на уроках развития речи.

Ежегодно, начиная с 1950 года, по его инициативе в нашей школе проводились конкурсы на лучшее сочинение. Они давали учащимся 5–10 классов возможность выразить свои раздумья по той или иной теме в литературной форме. Многие из конкурсных работ XX века до сих пор хранятся в музее школы.

Сохранившиеся сочинения датированы ещё 1950 годом. Вот несколько тем: «Я люблю свой родной город», «Мой родной город в будущем», «Школьная тропинка». Есть сочинения-размышления о счастье, важных исторических событиях. Изучая оформление прозаических и поэтических работ, нынешние школьники понимают, что огромный труд был вложен авторами и в содержание, и в подготовку иллюстраций.

Мы очень часто обращаемся к сочинению выпускника 1951 года Миши Полонского «Я люблю свой родной город», в котором ученик в художественной форме даёт историческую справку о Галиче, а также очень искренне признаётся в любви к родным местам. Тетрадь с сочинением больше напоминает рукописную книгу, иллюстрированную автором. Поэтому очень интересно обсуждать

с ребятами, почему за такой серьёзный труд Василий Васильевич поставил своему ученику отметку «4».

Темы сочинений разнообразны, это даёт возможность использовать их в качестве образцов грамотного письма. После знакомства с ними нынешние ученики начинают серьёзней относиться к созданию собственных работ. Кроме того, традицию проведения конкурса сочинений мы в нашей школе продолжаем, и он давно вышел за пределы школы и даже города.

Особого внимания заслуживает книга В.В. Касторского «Писатели-костромичи». Удивительный и интересный краеведческий материал есть в ней. Книга увидела свет в 1958 году, а материал остаётся актуальным и по сей день. Материал из этой книги я использую и на уроках литературы, и русского языка, и при подготовке детей к олимпиадам, а также к устному собеседованию в 9 классе.

Вот неполный список тем, при изучении которых мы используем данную книгу: «Костромские реалии в опере “Мельник, колдун, обманщик и сват” А.О. Аблесимова»; «П.А. Катенин и Костромской край. Очерк жизни и творчества. Баллады “Наташа”, “Леший”»; «Галичанин Павел Петрович Свиньин как возможный прототип Хлестакова, героя комедии “Ревизор” Н.В.Гоголя»; «Жанр баллады в творчестве Н.Ф. Грамматина “Услад и Всемила”»; «Родная природа в творчестве А.Н. Плещеева»; «Славянская мифология (творчество Сергея Васильевича Максимова)»; «Народная обрядовая поэзия. (С. Максимов «Крестьянские посиделки в Костромской губернии»)»; «Ю. В. Жадовская “Грустная картина”, “Нива”»; «Н.А. Некрасов и Костромской край. Костромские источники стихотворений Некрасова»; «Сагира М.Е. Салтыкова-Щедрина (сагира в прозе «Скрежет зубовный», где высмеян известный миллионер В.А. Кокорев, выходец из Солигалича); «Николай Семёнович Лесков “Однодум”»; «В.Г. Короленко. Из “Записной книжки 1879 года” и “Река играет”»; «А.Ф. Писемский “Горькая судьбина”».

Василий Васильевич о каждом из этих авторов даёт в своей книге подробную биографическую, творческую информацию, ссылается на труды литературных критиков.

Тематическое включение краеведческих текстов в уроки и мероприятия предполагает подготовку к итоговому собеседованию в 9 классе на интересном для школьников дидактическом материале. Работаем над созданием текстов о знаменитых педагогах школы, выпускниках и многих других известных людях, упомянутых сегодня.

Как учитель-практик вижу, что целенаправленное, систематическое использование краеведческого материала на уроках русского языка и литературы позволяет повысить уровень культуры учащихся.

Обращение к слову вызывает у школьника поначалу удивление, в процессе дальнейшей работы – радость открытия, а в конечном итоге – любовь к малой родине и гордость за свою страну.

В моей статье представлены имена только двух известных педагогов Костромского края: Александра Вячеславовича Громова и Василия Васильевича Касторского, профессионалов своего дела и очень достойных людей, терпеливых и строгих, умеющих заинтересовать своим предметом и найти подход к каждому подопечному. Но ещё столько имен и талантов! Эта тема бесконечна, как бесконечно прекрасен, уважаем труд и образ настоящего учителя.

Литература и источники

Касторский В.В. Писатели-костромичи (XVIII–XIX вв.). Кострома: Книжное издательство, 1958. 99 с.

Архив музея МОУ СОШ № 4 города Галича.

Личный архив Н.В. Сотникова.

УДК 81.161.1

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЯЧЕСЛАВОВИЧЕ ГРОМОВЕ, УЧИТЕЛЕ И ЗЕМЛЯКЕ

А.А. Хлябинов

*Леонтьевская средняя школа Мантуровского района,
Костромская область, Россия*

Аннотация. В первой части статьи автор, учитель русского языка и литературы в сельской школе, рассказывает о своей работе по изучению местных говоров. Во второй части обозреваются архивные материалы, связанные с исследованиями А.В. Громова диалектной лексики и ономастики в говоре деревни Усолье Мантуровского района Костромской области.

Ключевые слова: А.В. Громов; диалектная лексика и ономастика; говор деревни Усолье

MEMORIES OF ALEXANDER VYACHESLAVOVICH GROMOV, A TEACHER AND FELLOW COUNTRYMAN

A.A. Khlyabinov

*Leontievskaya secondary school of Manturovsky district,
Kostroma region, Russia*

Abstract. In the first part of the article, the author, a teacher of Russian language and literature at a rural school, talks about his work on the study of local dialects. The second part reviews archival materials related to A.V. Gromov's research on dialect vocabulary and onomastics in the dialect of the village of Usolye, Manturovsky district, Kostroma region.

Keywords: A.V. Gromov; dialect vocabulary and onomastics; dialect of the village of Usolye

*Хранитель русского слова
Обыватель, задвинув засов, пробурчал:
– Делать нечего, видно, ему.
Собирает... слова, ну что за чудак!
И включил телеящик, забыв о пришельце,
шагнувшем во тьму.
Дорога в ухабах тянется вдаль,
Точно так же, как той порой,
Когда шёл или ехал по ней господин
по фамилии Даль,
Собиратель словес, что оставил
уют городской.
Деревенская баба устало вздохнёт:
– Помутузила жись меня... И сам-то
хватил, поди, лиха?
Он отложит в сторонку блокнот.
– Да, не скрою,хватило б вполне на троих, –
скажет тихо.
Она долго глядит ему вслед.
– Храни тебя Бог, – шепчет снова и снова.
А он идёт по России,
Идёт человек – хранитель русского слова.*

«Шире, дале, боле...»

В годы студенчества я под кураторством Н.С. Ганцовской выполнял курсовую работу, связанную с особенностями жгонского языка, бытовавшего на территории Мантуровского, Макарьевского и Нейского районов нашей области. В то же время я познакомился с Александром Вячеславовичем Громовым, родиной которого была небольшая деревня Макарово вблизи крупных поселений Усолье и Карьково, где похоронен сам краевед и его родители и где я проживаю и многие годы тружусь в местной средней школе.

Тогда же началась моя работа по сбору диалектной лексики нашего района. Отмечу, что регулярной и систематической ее назвать нельзя. Лет семь-восемь назад этот материал стал «ядром» коротких лингвистических заметок, которые публиковались в Мантуровской газете «Авангард». Составной частью заметок стали и некоторые ненапечатанные работы А.В. Громова, присланные мне Любовью Александровной Громовой, дочерью нашего известного земляка.

В 2016 г. Н.С. Ганцовская также опубликовала несколько моих заметок в сборнике по материалам III Громовских чтений «Живое народное слово и костромской край» [Хлябинов 2016]. В том же году мои лингвистические рассказы вошли в сборник «Шире, дале,

боле...», изданный ИД «Авангард» (в книге лингвистические заметки нескольких авторов). В 2019 г. вышло 3-е издание этого сборника под моим авторством. Всего в «ткань» опубликованных заметок включено более пятисот слов, собранных мною в разное время, в основном в деревнях бывших Самыловского и Леонтьевского сельских советов, где жил и трудился Александр Вячеславович.

Разумеется, в сборник вошли и те слова, что имеются в моих «изысканиях» и в «Кратком словаре народного говора Мантуровского района Костромской области» А.В. Громова [Громов 2005], такие, как: **дунеть** – шуметь в голове; **няша** – топкое место, грязь; **одрец** – большая телега для перевозки сена, соломы; **охоботье** – 1) отходы от обработки льна, 2) плохой человек; **палешить** – соображать, придумывать что-то новое; **охрунастеть** – опаршиветь; **виски** – плохая одежда; **падера** – ненастная погода; **гнётень** – человек с тяжелым характером; **отудобеть** – выздороветь; и др.

Те же слова, которые находятся в словаре А.В. Громова, но их нет в собранном мною лексическом материале, я не использовал в лингвистических рассказах. Это **бизый** – близорукий, **брезг** – рассвет, **всугонь** – вдогонку, **гребга** – беспокойство, **закала** – неудача в хлебе, **ляфтянка** – жидкая грязь, **опётинье** – тяжелый воз, **приёмцы** – столовые вилки, **ошлеять** – обмануть человека, **череп** – весенняя подмороженная дорога, **натрапить** – наставить на путь. Мне кажется, часть из них была собрана Александром Вячеславовичем еще в 1950–60-е гг. (а может, и раньше) прошлого столетия. К 1980-м гг. эти слова стали постепенно «растворяться» во времени, многие безвозвратно ушли из обихода сельчан. И несомненной заслугой А.В. Громова и многих-многих лингвистов-ученых является то, что народное слово живет и будет жить...

Собранный мною материал стараюсь использовать для работы со школьниками: много лет работал в Усольской школе, а после её закрытия работаю учителем русского языка и литературы в Леонтьевской школе. Несколько лет пользовался своей авторской программой изучения местных диалектов в рамках диалектологического кружка. Надеюсь эту работу продолжать и дальше.

«Он был певцом этих мест...»

В Мантуровском архиве собраны материалы, касающиеся жизни и исследовательской работы нашего земляка А. В. Громова. Часть материалов имеет прямое отношение к деревне Усолье, где я проживаю. Она находится в 18 км от райцентра.

Дед Александра Вячеславовича Николай Иванович Фролов, деревенский грамотей, был первым председателем усольского колхоза.

Семья у него с бабушкой Катериной была большая – один сын и пять дочерей. Это был единственный дом в деревне с хорошей библиотекой. Все дети получили образование, а двое из них – Лидия Николаевна и Геннадий Николаевич – высшее. Более того, Геннадий Николаевич защитил диссертацию по агрохимии, был заместителем главного редактора газеты «Сельская жизнь», преподавал в Московском университете.

В «Автобиографии» Александр Вячеславович пишет: «С Усолья началось мое приобщение к книге, любовь к чтению для себя и для других...» [Громов 2013: 24] Племянница Александра Вячеславовича Нина Георгиевна Огурцова вспоминает: «Потом были незабываемые вечера поэзии в Усолье, под сенью вишневого сада, где мы вместе гостили у его сестры Клавдии Вячеславовны. Макарово, Усолье, река Унжа... Он был певцом этих мест, знал и любил здесь каждый бугорок...» [Огурцова 2013: 40].

Архив хранит машинопись «Льняного словаря» [Ф. 42. Оп. 3. Д. 13]. Работая над словарем, Александр Вячеславович обращался и к записям, сделанным в нашей деревне. Так, говоря о льне, его сортах и качестве, А.В. Громов дает характеристику колоколистому льну: «Это лен с крупными семенными головками». Одна из женщин Усолья вспоминает: «Помню, бабка Василиса говорила дедушке: “На-ко-сё положи в ситево яйца-то, лен колоколистый вырастет...”» В машинописи 20 фамилий усольчан-информантов.

В архиве нашел свое место и сборник «Филологические науки» (Ярославль, 1964 г.), где напечатана статья Александра Вячеславовича «Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лексика обработки льна, кустарного прядения и ткачества в говоре д. Усолье Мантуровского района Костромской области)» [Ф. 42. Оп. 2. Д. 2].

В архиве находится папка с напечатанной в сборнике «Сельская Россия: прошлое и настоящее» (Москва, 2001) со статьёй Александра Вячеславовича «Микротопонимия деревни Усолье Костромской области» [Ф. 42. Оп. 2. Д. 4]. Честно сказать, я не знал, что данный материал опубликован. Наверное, его дочь Любовь Александровна и сама не знала об этом, прислав мне черновые записи по топонимике нашей деревни с просьбой поработать над ними... В выпуске 2004 г. того же сборника напечатана статья Александра Вячеславовича «Из жизни костромской колхозницы М.Ф. Смирновой», где рассказывается о жительнице деревни Усолье, муж которой Александр Геннадьевич в своих письмах с фронта использовал и жгонскую лексику [Ф. 42. Оп. 2. Д. 4].

Александр Вячеславович собирал материалы мантуровского краеведа С.Н. Торопова по истории деревень нашего района

и использовал их в своей работе. В одной из папок хранится вырезка из газеты «Авангард» со статьёй «Карьковский приход», где речь идет и о деревне Усолье: «Школа-старожил. Усольской школе 100 лет» (10.08.1995 г.) [Ф. 42. Оп. 2. Д. 14].

Помню одну из наших встреч в Усолье. Это был 1993 год. Тогда Александр Вячеславович подарил мне свой «Льняной словарь» с надписью: «Александрю Анатольевичу Хлябинову, другу, писателю, педагогу с искренним уважением от автора».

Литература и источники

Громов Александр Вячеславович // Отдел по делам архивов администрации городского округа город Мантурово. Ф. 42. Оп. 2. Д. 2, 4, 14; Оп. 3. Д. 13.

Громов А.В. Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. Мантурово: Мантуровская типография, 2005. 96 с.

Громов А.В. О себе: автобиография // Русское слово и костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 23–32.

Огурцова Н.Г. Великий подвижник слова, человек огромной силы духа // Русское слово и костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 40–41.

Хлябинов А.А. Народное мантуровское слово // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 ноября 2016 г. Кострома: Костромской государственной университет, 2016. С. 584–590.

УДК 930.84

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЁНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ФИННО-УГОРСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНЦЕ XVIII–XIX ВВ.

С.Г. Шарабарина

*Костромской государственной университет
Кострома, Россия, _sharabarina@ksu.edu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению научной и общественной деятельности костромских краеведов и краеведческих обществ в конце XVIII–XIX вв. в отношении изучения финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края. Дается обзор литературных источников, сопоставляются мнения ученых о значимости финно-угорской компоненты в культуре и языке края, оценивается популяризаторская и научная деятельность общественных, краеведческих организаций, выявляется роль отдельных ученых и общественников в сборе артефактов и документов, фиксирующих финно-угорскую культуру. Исследуются археологические находки, фольклорные, диалектные

и топонимические материалы, документы научных краеведческих обществ. Приводятся виды деятельности краеведов, способы изучения и популяризации. Представлена обоснованная периодизация изучения финно-угорского наследия на территории Костромского края в конце XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: финно-угорское культурное наследие; краеведческое движение; археологические артефакты; мерянская культура; фольклорные, этнографические, диалектные и топонимические находки; популяризация наследия

THE ACTIVITIES OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF THE KOSTROMA REGION IN THE STUDY OF THE FINNO-UGRIC CULTURAL HERITAGE AT THE END OF THE XVIII–XIX CENTURIES

S.G. Sharabarina

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the scientific and social activities of the Kostroma ethnographers and local lore societies in relation to the study of the Finno-Ugric cultural heritage on the territory of the Kostroma Territory. A review of literary sources is given, the opinions of scientists about the significance of the Finno-Ugric component in the culture of the region are compared, the archaeological, popularizing and scientific activities of public, local lore organizations are assessed, the role of individual scientists and social activists in the collection of artifacts and documents that fixes the Finno-Ugric culture is revealed. Archaeological finds, folklore and dialectal materials, documents of scientific local history societies are being investigated. The types of activities of local historians, methods of study and popularization are given. The substantiated periodization of the study of the Finno-Ugric heritage on the territory of the Kostroma region is presented.

Keywords: Finno-Ugric cultural heritage; local history movement; archaeological artifacts; Merya culture; folklore, ethnographic and archaeological finds; popularization of heritage

Начиная с XVIII в. до первой трети XX в. (до разгрома краеведческого движения) большинство исследователей настойчиво приводили примеры, свидетельствующие о значительности финно-угорской компоненты в костромской культуре. Начало этой деятельности было положено исследователями-одиночками в конце XVIII столетия.

По свидетельству современных учёных (А.А. Алексеев [Алексеев 1997: 76], Е.И. Горюнова [Горюнова 1961], Е.А. Рябинин [Рябинин 1997: 188] и др.), на территории Костромского края с древнейших времен проживали финно-угорские племена меря и чудь. Культура финно-угров Костромского Поволжья значительно отличается от материальной и духовной культуры летописной мери и по ряду признаков сближается с чудским населением севера, северо-запада и северо-востока. Культурный облик костромской группы меря близок Ветлужской группе мари, с которой она находилась в непосредственном контакте. Сейчас можно говорить более определённо, что мерянское население не было единым, но представляло собой, видимо,

обширный племенной союз, делившийся, подобно мордве, чувшам и марийцам, на ряд родственных между собой групп, различавшихся отдельными деталями одежды и говоривших, возможно, на различных диалектах одного мерянского или «мерьского» языка.

Труды исследователей, фактический материал по историческому, археологическому, лингвистическому и этнографическому изучению края, практическая деятельность археологов свидетельствуют о необходимости и перспективности изучения межкультурных взаимодействий финно-угорской и славянской культуры населения Костромского Поволжья, основу которого заложили исследователи конца XVIII–XIX вв. Изучение данного вопроса позволяет составить периодизацию изучения финно-угорской культуры Костромского края и выделить четыре последовательно сменяющих друг друга периода, их динамика обусловлена историческими, идеологическими и социокультурными трансформациями.

Рассмотрение исторических фактов и реалий во взаимосвязи, взаимообусловленности, развитии и критической оценке с позиции нового исторического мышления, научной объективности позволяет переосмыслить деятельность костромской учёной общественности по изучению финно-угорского культурного наследия и выделить четыре самостоятельных периода. В данной статье затронуты вопросы изучения финно-угорского наследия в первые два периода, которые приходятся на конец XVIII–XIX вв. до образования в 1885 г. Костромской губернской учёной комиссии, положившей начало организованному изучению и популяризации финно-угорского наследия, которое затем продолжило Костромское научное общество по изучению местного края.

Первые упоминания об основании города на месте мерянского поселения обнаружены в трудах Н.С. Сумарокова [Сумароков: л. 4] и А.А. Козловского [Козловский 1840]. Авторы отмечают основание города Костромы на месте мерянского поселения, что указывает на древнее автохтонное население края.

Начало первого периода связано с идеями эпохи просвещения, конец характеризуется деятельностью отдельных исследователей – М.Я. Диева, М.Я. Козловского, П.П. Свинына, затрагивавших в своих трудах вопросы этнического своеобразия Костромского края. Работы этих авторов отражают идеалы развивающегося в этот период направления – романтизма.

П.П. Свинын первым выделил значительную группу топонимов Костромского края субстратного происхождения. Например, топоним «Галич Мерский». Он указал на сохранность языческих

элементов – славянских и финских, взаимопереплетение их в традициях и costume населения Галича Мерского [Свиньин 1839].

М.Я. Диев в ряде работ подчёркивал, что древние пласты финно-угорских традиций и обрядов сохранялись в культуре XIX в. в пересмысленном виде. Он неоднократно говорил о том, что особо почитаем у мерян бог Велес, воспринятый у славян и подтверждённый собственным почитанием богов нижнего мира – покровителей охоты [Диев 1865; Диев 1846].

П.П. Свиньин и М.Я. Диев – оба являлись сторонниками мнения о принадлежности елтонского (елманского, галеманского) языка местному мерянскому населению, в нём они находили субстратные финские элементы.

М.Я. Диев предпринимал попытки подтверждения лингвистических характеристик мерянского населения этнографическими, стремясь подчеркнуть родство двух финно-угорских народов меря и мордвы [Диев 1865]. Среди ошибочных мнений, бытовавших в то время в краеведческой литературе, можно отметить представление князя А.Д. Козловского о том, что меря является славянским племенем. В этот период учёные открыли полемику по теме мирного слияния мерян с пришедшими славянами, мотивируя это родством традиций и обрядов [Козловский 1840].

Второй период изучения (1860–1885 гг.) связан с формированием идей по изучению финно-угорской культуры и эпизодическими археологическими исследованиями. В данном периоде особое место принадлежит талантливым исследователям: Г.М. Девочкину [Девочкин 1859], А.С. Уварову [Уваров 1871], Н.М. Бекаревичу [Бекаревич 1894], И.В. Миловидову [Миловидов 1885], В.А. Дементьеву [Дементьев: л. 58 об.], Ф.Д. Нефёдову [Нефёдов], которые в своих трудах в той или иной степени касались вопросов финно-угорской культуры Костромского края.

Серьёзную лепту в изучение древних племён края внёс Г.М. Девочкин, который собирал находки периода каменного века, указывающие на проживание на территории Костромского края прафинно-угорских племён задолго до железного века и, конечно, до прихода славян. Также он делает первый шаг в обнаружении финно-угорских древностей в курганных раскопках [Девочкин 1859].

В этот период уже развернулась бурные дебаты, сфокусированные на вопросе о возможности мирного слияния славян с автохтонным финно-угорским населением в местах их проживания. Д.А. Корсаков и В.А. Самарянов считали, что после прихода славян масса мерян остались на прежних местах, где и произошло слияние

мирным путем [Горюнова 1961]. Заслугой А.С. Уварова [Уваров 1871] является определение мерянской принадлежности курганов Северо-Восточной Руси; определение отличительных признаков материальной культуры мерян; установление границ расселения мери; выявление географических названий с корнем «мер»; постановка вопроса о происхождении нелетописной меря.

В этом периоде продолжается обсуждение версии места основания Костромы и происхождения названия города. И.М. Миловидов даёт обоснование финно-угорской версии возникновения топонима «Кострома» [Миловидов 1885].

В начале периода организующее начало в области краеведения было выражено слабо: обществ и кружков, занимающихся местной историей, было ещё очень немного, провинциальная периодическая печать только начинала делать свои первые шаги. В то же время краеведческий материал требовал освоения и обобщения. Накопление эмпирических материалов неизбежно приближало исследователей к необходимости классифицировать типологически сходные данные, придавая им вид схемы. Однако для активизации изучения финно-угорской культуры Костромского края недоставало объединения усилий, постановки общих целей, обмена информацией. Таким консолидирующим звеном и стала Костромская губернская учёная архивная комиссия (КГУАК). К концу периода уместно отнести начало историографической систематизации уже накопленных фактов в связи с организованной деятельностью КГУАК, её первые шаги в археологических изысканиях и методически обоснованном изучении финно-угорских древностей (через специальные программы, методики археологических разведок и раскопок) на территории Костромского края.

В это время появляются первые программы-опросники для изучения фольклора и этнографии, которые потом лягут в основу изучения народного похоронного и свадебного обрядов. Позднее на основе данных источников будут сделаны выводы С.М. Толстой о природе похоронных причитаний» [Толстая 1999:]; М.Д. Алексеевский проведёт параллели между традициями народного похоронного обряда и причитаниями в Костромском крае и у финно-угорских народов, где отметит, что большое значение имеет «задабривание» умерших, которым живые предлагают богатое угощение [Алексеевский 2007], продолжит исследование обрядовых плачей финно-угорских народов Лаури Хонко [Honko 1963] и выскажет мнение о том, что их «ни в коем случае нельзя рассматривать как обычное выражение горя». По его мнению, похоронные плачи – это «язык

сакрального общения» с усопшими. Его тезис о том, что причитания являются способом контакта между миром живых и миром мертвых, убедительно доказала У.С. Конкка на карельском материале [Конкка 1992: 26–119]. Одновременно в этот период будут сформированы новые правила по ведению дневниковых записей многочисленных археологических разведок и раскопок, проводимых КГУАК.

Важную роль в сборе артефактов, информации и объединении усилий краеведов-одиночек сыграл Губернский статистический комитет (ГСК), который и положил начало целенаправленному сбору материалов о финно-угорской культуре на территории Костромского края [ГСК].

Так становится ясным, что работа местных исследователей, группировавшихся вокруг появившегося статистического бюро и губернской архивной комиссии, шла по локальному методу, она была лишена необходимой дозы академичности, однако именно в этих работах отражалась местная история в её комплексном изучении. Конечно, серьёзных научных исследований по истории Костромского края в начале деятельности КГУАК не было создано, дело ограничивалось описаниями и очерками. Например, следует обратить внимание на то, что в исследованиях изучаемого периода не определялась специфика мерянских племён Костромского края, которые, не являясь летописными, с одной стороны, имели все их характерные черты, с другой стороны, формировались особым образом в окружении и влиянии других финно-угорских народов: черемисов, мордвы и др. Однако, вопрос о происхождении меря учёными этого периода был поставлен. Следовательно, данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики изучения учёными и практиками краеведения финно-угорских древностей Костромского края, формированию краеведческих организаций и сделал шаг на пути к более основательным фундаментальным изысканиям.

Литература и источники

Алексеев С.И. Археология Костромского края / С.И. Алексеев, К.И. Комаров, Е.А. Леонтьев и др. Кострома, 1997. С. 76.

Алексеевский М.Д. Севернорусские похоронно-поминальные причитания как акт коммуникации: к вопросу о прагматике жанра // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы». 2007. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/442.html> (Дата обращения: 17.07.2022).

Бекаревич Н.М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенном им совместно с членом-делопроизводителем И.Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. Вып. 3. Кострома: Губ. тип., 1894.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. Вып. 94. Москва: Акад. наук СССР, 1961. С. 233–234.

Губернский статистический комитет // ГАКО Ф. 161. Оп. 1.

Девочкин Г.М. Очерк пространства Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1859. № 22–23.

Дементьев Д.П. Краткие сведения о Кажировой пустыни // ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41.

Диев М.Я. Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе // Чтения Общества истории и древностей российских. Москва, 1865. Кн. 4. С. 167–178.

Диев М.Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // Чтения Общества истории и древностей российских. Москва, 1846. – Кн. 2, № 2. С. 1–43.

Козловский А. Взгляд на историю Костромы. Москва: Тип. Н. Степанова, 1840. 209 с.

Конка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. 295 с.

Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома: Губ. тип., 1885. [2], IV, [2], 240, 2 с.

Нефёдов Ф.Д. К протоколу заседания Костромской архивной учёной комиссии 29 августа 1895 г. // КГИАХМЗ. Фонд археологии. КОК 49350. Инв. № 557. 3 л. /

Свиньин П.П. Галич // Картины России и быт разноплеменных её народов. Часть первая (с иллюстрациями автора). Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. С. 168–180.

Сумароков Н.С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии // ГУК КГИАХМЗ. Рукописный фонд. КОК 1273. (В ОР РЭМ сохранилась копия, снятая В.И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...» Ф. 2. Оп. 2. Д. 73.)

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 259, [1] с.

Толстая С.М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семантика звука и речи в традиционной культуре славян. Москва: Индрик, 1999. С. 135–148.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. Москва, 1871. Т. 2. С. 643–847.

Honko L. Itkuvirsirunous // Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki, 1963. С. 81–128.

Раздел VI

*ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ*

А.В. Громов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ МАНТУРОВСКОГО И МАКАРЬЕВСКОГО РАЙОНОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Говоры названных районов ещё не были предметом специально-го изучения.

Общую характеристику костромских говоров мы находим в статьях Г.З. Шкляра¹. В статье «К вопросу о происхождении костромских говоров» он пишет: «Говоры северных и восточных районов Костромской области примыкают по своим характерным особенностям к восточной группе северновеликорусского наречия, в то время как говоры западных районов области тяготеют к южной группе. Объясняется это тем, что северные и восточные районы области были заселены главным образом выходцами с севера, из новгородской земли или новгородских колоний, носителями речи новгородских словен, а западные районы области были заселены выходцами с запада, из Ростово-Суздальской земли, носителями речи смоленских кривичей.

Различия между говорами различных частей Костромской области, являясь результатом разного происхождения этих говоров, в дальнейшем поддерживались, углублялись тем, что западные и восточные территории области были в течение длительного времени политически и административно разобщены друг от друга (стр. 252–253). Здесь же автор указывает, что через территорию края проходит граница многих важных диалектных явлений русского языка: цоканья, перехода Э (Е) из «ятя»² в И и др.

Граница указанных выше и ряда других диалектных явлений проходит и по территории Макарьевского района.

В данной статье даётся краткое описание наиболее характерных особенностей фонетики, морфологии и синтаксиса в говорах двух названных районов.

ФОНЕТИКА

1. Гласные

1. Наблюдается полное оканье (молоко, долото, робятишка, Орина Оликсиевна, оптека, опятит, робота), О некотором отходе от полного оканья свидетельствует колебание в произношении

* *Громов А.В.* Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Выпуск V. Грамматика, стилистика, диалектология, методика. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969. С.75–84.

предударного О или А в словах: хварать или хворать, канпот или конпот, лажись или ложись, солдат или салдат, карсет или корсет, наслег или нослег (ночлег), а также произношение лабиализованного звука У в начале единичных слов: упять, угород.

2. На месте старого «ятя» перед мягкими согласными в предударном и ударном положении произносится И:

3. Свитлеть, билить, стрелять, минять, звирьё, витер, ричка, сини, от биздилья, осмотрить, спито и съидено, ревить, хлибец, биленькой, сиверно.

4. Звук Э (Е) в конечных закрытых и открытых слогах переходит в О (Ё): денёг, полём, деревнёй, хочём, станём, имём, роптаёшь, Патрокиёвна, старое, тёплоё.

5. После мягких согласных предударное А переходит в Э (Е): петак, петно, редно, в грезе, взела, ребая, везать, запрещать, наредить, поплесать.

6. Между согласными, чаще при стечении их, появляется гласный О: сохватать, разовлекать, соплошь, в роту, по лобу.

7. Звук О появляется в начале слов: овторник, окромя, опосля, ополовник, осередь, осерёдок (остров на озере).

8. В других случаях гласные сохраняются в конце слов: здися, тута, тамо, нету, примывалися, собиралися. Характерное макарьевское: тамоди (там).

9. Отсутствуют гласные в абсолютном начале слов: менины (именины), провергать (опровергать), диколон (одеколон), коло дома, малированный (эмалированный).

II. Согласные

1. Звук Г взрывного образования.

2. Встречается переход сочетаний БМ – в долгое М (омман, омморок), ДН – в долгое Н (ланно, винно, менный), МН – в ВН (вного, гувно) и, наоборот, ВН – в МН (мнук, дамно), ПТ заменяется МТ (мташка), ПЧ – МЧ (мчела), Мн – МЛ (помлить).

3. В абсолютном начале слова на месте Н нередко произносится звук М: Миколай, Микита, мырять (нырять), и даже малим (налим),

4. В середине слова звуку М в ряде слов предпочитается Н: конбаин, санопрядка, канпот, канфорка, анбар, ланпа, Лампия (имя Евлампия), анвон.

5. В результате диссимиляции происходит замена звука Р звуком Л: коллитор, левизор, дилектор, Палфилей (имя Порфирий).

6. Звук Г в середине слов заменяется В или велярным Л: ковда, товда, или колда, толда.

7. На месте фонемы К перед взрывными согласными произносятся Х перед глухими согласными и h перед звонкими: хто, дохтор, трахт, карахтер, х колодцу, h дому, h дереву, h городу.

8. На месте орфографических Ц, Ч и Щ произносится С: сарапина, Сарапкина, пшенисный, молосной, наслег (ночлег), обсожитьё, унистожить (уничтожить).

9. В начале слова перед гласными появляется звук В: воспа, вострый, вокурат; между гласными в середине слова: нотаривус. Радиво, какаво, Леванид, тувалетное.

10. Звук В выпадает в начале слова: нутренность (внутренность), Сиволодовна (Всеволодовна), стритимся, спомнить, зыскать (зыскасть), зьезд (въезд), идишь (видишь), идимо (видимо) и в середине слова: нерничать, низоськия, макароськия, непраския, недижим, незгода, душки, слаушка, реут, жиучи.

11. Прибавление и выпадание звуков и целых слогов нередки в диалектной речи, например: вздевать, здогадаться, подчерк, симпантичный, кумпол, проздравить, страм, струбы, протчий, крант, истукант, тофтобус (автобус), погинуть, баушка, осударь, де (где), патрет, конобиль (локомотив), кстить, беркулезный, беркасса, лицерин (глицерин), импература (температура).

12. Полная ассимиляция «йота» предшествующему согласному в словах: без плаття, свиння, воскресеннё, наллю.

13. Отпадает конечный звук Т в сочетаниях СТ и СТЬ: кось, влась, шесь, дас, пась, мес.

14. Губные звуки на конце слов – твёрдые: кров, любов, голуб, сем, воем, цеп (кеп).

15. В словах четверьг, верьх, зерькало, дерьгать, кочерьга звук Р произносится мягко.

16. Встречаются случаи метатезы (перестановки) согласных: тверезый, молвить, обнаковенный, взбугачить, винокаин (новокаин), уваль (вуаль).

17. На месте орфографического Щ в середине слов произносится долгий твёрдый звук Ш: яшшык, отташшыть, ишшо, пушшэ, работяшший, на конце слова – недолгое твёрдое Ш: плаш, веш.

МОРФОЛОГИЯ

1. Имена существительные третьего склонения в дательном и предложном падежах имеют окончания -е: в тетраде, у матере, к дочери, в жизни.

2. Имена существительные среднего рода на -мя и с суффиксами -ушк и -юшк склоняются как существительные первого склонения: име, имя, имю, об име, дедушко, дедушка, дедушку и т.д.

3. Множественное число от слов сын, брат, зять, муж – сыновья, братьовья, зятевья, мужовья.

4. По сравнению с литературным языком шире сфера употребления окончания -ов в родительном падеже множественного числа имён существительных. Например: местов, делов, сапогов, чулков, кофтов, сыновьев.

5. Творительный падеж множественного числа существительных, прилагательных и числительных совпадает с дательным: с домам, со столам, связать верёвкам, за старым людям, с трём рублям.

6. В изучаемых говорах нет несклоняемых существительных. Говорят: в пальте, в кине, в горпе, в роне, подшито молине (сорт ниток).

7. Наблюдаются отклонения в употреблении рода существительных. Так, слово молодёжь – мужского рода («Что за молодежь пошёл»), крылец – мужского рода, сыновье – среднего рода, киоска – женского рода.

8. Полные прилагательные в именительном падеже множественного числа оканчиваются на -ья, -я: худья, добря, сухья, руския.

9. Оканчиваются на -е местоимения в именительном падеже множественного числа: оне, мое, свое.

10. Вместо формы местоимения им иногда встречается форма имя (я имя говорил).

11. Местоимения тебя, себя произносятся: тя, ся.

12. У глаголов первого спряжения с основой на г и к в личных местоимениях чередования не происходит: стерегот, мого, лягот, ткот; г и к сохраняются в неопределённой форме: стерекчи или стереччи, пекчи или печчи, помокчи или помоччи.

13. Нередки страдательные причастия с суффиксом -т: выдата, собрата, оборвата, разобрата.

14. От возвратных глаголов образуются невозвратные деепричастия: обувши, раздевши.

15. Постпозитивная частица -то согласуется со словами: дом-то жнива-та, деньги-ти, зять-от.

16. В некоторых выражениях повторяется вопросительная частица ли. Например: «Судьба ли што такая».

Таковы общие черты говоров Макарьевского и Мантуровского районов. Но внутри их есть и различия. Как говорилось в начале статьи, по территории Макарьевского района проходит граница ряда важных диалектных явлений, таких, как смягчение задненёбных согласных, переход Ч в мягкое Ш, переход Л в В и У неслоговое, мягкое цоканье. На основе этих различий можно разделить все изучаемые говоры на две большие группы: северную и южную,

причём в южной группе выделяются острова вознесенского и тимошинского говоров.

Остановимся более подробно на каждой из этих групп.

СЕВЕРНАЯ ГРУППА

Она захватывает населённые пункты полностью Мантуровского района и в Макарьевском районе заканчивается в Николо-Макаровском сельсовете.

Существенные особенности этой группы в области фонетики:

1. В соответствии с Л литературного языка в положении перед согласными на конце слова произносится звук В: павка, чевнок, вовк, завачик, товстая, довговешная, знав, сказав, быв, ходив, товкнёт, жавко.

2. Произносится У неслоговое на месте Л в словах, которые начинаются с пол: поумешка, поуцелова, поусажонк, поумотовила, поулитра.

3. Имеет место мягкое цоканье: цясто, полуцил, улица, цепки, ницянки, почитать. Это явление наблюдается на всей территории, кроме вознесенского говора. Твёрдое цоканье (цай, цайник) отмечено только в Нижнейском сельсовете (дер. Колбино).

В речи старых людей изредка встречается чоканье (челой, огуреч, чиплята). В названии реки Чьярьковка (около самыловской церкви в Мантуровском районе) оно закрепилось орфографически.

ЮЖНАЯ ГРУППА

Эта группа располагается в низовьях реки Унжи и её левобережных притоков Белого Луха и Чёрного Луха. Она охватывает пять сельсоветов Макарьевского района: Вознесенский, Нежитинский, Тимошинский, Торзатский, Юровский.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

1. Отсутствие перехода Л в В и У неслоговое.

2. Смягчение задненёбных согласных К, Г, Х после мягких согласных и j (Ванькя, дочькя, толькё, чайкю).

В пределах южной группы находятся два острова говоров, по некоторым диалектным особенностям резко выделяющихся на фоне окружающих говоров: вознесенский и тимошинский.

I. Вознесенский («коряковский») говор

Коряково, коряковщина – так называют в Макарьевском районе местность и население нынешних Вознесенского и Нежитинского сельсоветов, расположенных в междуречье Унжи, Нёмды, Вотгати

и Волги. По предположению А. Беляева, автора «Истории города Макарьева на Унже» (СПб., 1907), здесь некогда поселилось племя коряки или корёги, впоследствии мешавшееся с монгольским племенем. Теперешнее название деревень в Вознесенском сельсовете Соловатово и Татариново поддерживают это предположение о смешении племён. Племя корёгов, как известно, жило и в других северных областях, например, в Вологодской области, и, видимо, не пользовалось уважением своих соседей, считалось отсталым. В старой вологодской частушке поётся:

Волчанки – девки манки,
А корёжские – мешки,
Волчаночку полюбишь –
Береги свои башки³.

В области фонетики в вознесенском говоре наблюдаются следующие особенности:

1. Звуки Ж и Ш, вообще твёрдые, приобретают позиционную мягкость перед И и Е. Здесь говорят Неж'итино, маш'ина, реш'ение. За эту черту коряковских в шутку дразнят: «От Микуш'ина до Карпуш'ина съел четыре творогуш'ины да пять огибуш'ин (Карпушино и Микушино – деревни в семи километрах одна от другой).

2. Мягкие Ж, Ш произносятся перед согласными (перед отпавшим ь): подушки, друшки, Кинешьма, – реже – перед О (из Е): пш'оно, рж'от. Сравнительно редко в конце слова: озя,неш', хош'. Перед гласными А и У преобладают твёрдое Ж и Ш, однако для этого положения удалось записать примеры с мягкими Ж и Ш: грушя, жять.

3. Важная особенность консонантизма – твёрдое произношение согласных фонем перед гласными переднего ряда. Кроме того, Т, Д и отчасти Н произносятся только твёрдо и на конце слов, например: дэдушко, дэрэвна, молодож, доржыт, одын, выходыла, нэ убэрытос, потыралы, зэмла, возмусэно, барошна, луды, топэр, робятышок, обэдат, братовэй, изгород (твёрдое Д), и т.д. Такое произношение крепко держится в речи местного населения всех поколений.

Отверждение согласных имеет место в северо-восточной части Некрасовского района Ярославской области. В.П. Масин в явлении отверждения согласных⁴ видит реликты мерянского языка. Это предположение подтверждается наличием ряда топонимов в Ярославской области (Туношна, Улейма, Урдом, Шопша) и в Макарьевском районе Костромской области (Нёмда, Шокша, Шурша, Ворша, Воломша? Каклаш, Юрондаш), которые, видимо, можно считать мерянскими.

Отвердение согласных, особенно губных, наблюдается во многих говорах Егорьевского района Московской области, Сурагодского района Владимирской области, Ардатовского и Арзамасского районов Горьковской области, во многих говорах Рязанской области, на крайнем Севере и северо-востоке Сибири (Анадырь, Колыма).

II. Тимошинский говор

Тимошино (с деревнями Нестерово, Карьково, Халабурдино, Раздолье, Кукуй, Высокая и др.) – так называют восточную часть Макарьевского района.

Исторических свидетельств о заселении этих мест не имеется.

Отличительная особенность тимошнского диалекта – произношение вместо Ч мягкого Ш. Здесь говорят: уш'ился, Петровиш'ем, околаш'ивать, неш'ево (нечего). Употребление Ш вместо Ч не лексикализовано, оно существует как живое явление местного говора.

В.Г. Орлова в своём капитальном труде об истории аффрикат в русском языке⁵ указывает, что явление Ч > Ш имеет место в говорах Курской, Орловской, Брянской, Калужской, Тульской и Смоленской областей. Изредка это явление встречается в говорах Ленинградской, Новгородской, Псковской, Великолукской, Калининской, Ярославской, Костромской областей, т.е. достаточно широко на территории ранних славянских поселений Европейской части СССР. Отсутствует это явление в Архангельской, Вологодской областях, Карельской ССР, где распространено мягкое цоканье. Касясь происхождения названного явления, В.Г. Орлова пишет: «Имеются основания считать процесс изменения Ч в Ш специфически местным процессом, развивающимся в период относительно обособленного существования определённых групп населения»⁶. Ещё несколько замечаний по истории населённых пунктов и местных говоров.

Мало удалось узнать от местных жителей о заселении Мантуровского района и большей части Макарьевского района. В Заречном Юровском сельсовете, где расположены деревни Юрово, Большие Рымы и Малые Рымы, старожилы утверждают, что местное население пришло сюда примерно в XVIII веке с реки Керженца в Рымы, из-за реки Унжи – в Юрово. Первым поселенцем Рымов, от которого пошло название деревни, был некий Рым. Это же слово мы находим в условном языке орловских шорников, его значение: дом, двор, закута⁷.

В тридцати километрах от Юрова в северо-восточном направлении находятся две деревни: Большая Торзать и Малая Торзать (рядом с ними речка Торзать, приток Белого Луха). Начало этим деревням около трёхсот лет тому назад положили беглые солдаты

Мартын Шулегин и Наум Еперин. Они пришли сюда из-за реки Унжи, из деревни Выломы. «Сначала одни пришли, а потом и жён ссыгли», – говорит местная жительница М.И. Шулегина. Впоследствии население этих деревень пополнилось юровскими и тимошинскими жителями.

История заселения Юровского и Торзатского сельсоветов объясняет некоторые особенности местных говоров. Так, в деревнях Юровского сельсовета наблюдается произношение твёрдого конечного Т в глаголах неопределённой формы и твёрдого С на конце возвратных глаголов (делат, умываюс), как в вознесенском говоре.

Язык торзатского населения испытал влияние трёх говорных потоков: заунженского, юровского и тимошинского. Самое характерное для Торзати, как и для Юрова, – смягчение задненёбных согласных.

Историческую общность населения юго-восточного угла Макарьевского района подтверждают данные обработки льна, кустарного прядения и тканья. В этих местах говорят: «дернут мочки», «пряли за гребень», только здесь бытуют слова гребень, дерняк, пятина, рученька, складень, сновальники. Способ обработки льна при помощи гребня пришёл сюда из южных областей⁸. Из прядильно-ткацкой народной терминологии на территории северной группы бытуют слова: голешка, щетка, спица кованая. Они, как утверждает исследователь кустарного прядения и ткачества, – ильменского происхождения⁹.

И, наконец, история смягчения задненёбных согласных. «...Смягчение задненёбных согласных после мягких согласных, – пишет Р.И. Аванесов, – произошла в сравнительно позднюю пору, после утраты редуцированных (по Д.К. Зеленину, не ранее XV века) ... оно возникло на южновеликорусской территории... отсюда оно позднее распространилось на другие русские говоры, в том числе на северновеликорусские»¹⁰.

В Макарьевском районе смягчение задненёбных согласных доходит до устья реки Неи. По карте, составленной Д.К. Зелениным¹¹, граница этого явления проходит значительно южнее.

Всё это подтверждает мысль о двух потоках в заселении Мантуровского и Макарьевского районов и проливает некоторый свет на историю местных говоров.

Примечания

¹ Г.З. Шкляр. К вопросу о происхождении костромских говоров. «Учёные записки Костромского пединститута», вып. 2, 1963; Его же: Особенности говоров Костромской области и задачи преподавания русского языка. В сб. «В помощь учителю русского языка», вып. 4, Кострома, 1962.

² Пользуемся таким обозначением по техническим причинам. По этим же причинам все примеры записаны средствами орфографии.

³ Дополнения к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии. Е. Якушкина». Коллективная работа студентов литературно-лингвистического отделения Ярославского педагогического института под ред. проф. И.Г. Голанова и ассистента С.А. Копорского. Труды Ярославского пединститута, т. 1, вып. 2. Ярославль, 1926, стр. 103.

⁴ В.П. Масин. Об одной особенности консонантизма говоров северо-восточной части Некрасовского района Ярославской области. «Учёные записки Ярославского пединститута», вып. 53, русский язык и литература. 1965, стр. 5–12.

⁵ В.Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 126.

⁶ В.Г. Орлова. Указ. соч., стр. 172.

⁷ С.И. Котков. Условный язык орловских шорников. Сб. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 251.

⁸ Н.И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX и начале XX века. В сб.: «Труды Института этнографии им. Н.М. Миклухо-Маклая». Новая серия, т. 31. М., 1966, стр. 479.

⁹ Н.И. Лебедева. Указ. соч., стр. 518.

¹⁰ Р.И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., Учпедгиз, 1949, стр. 300.

¹¹ Д.К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганичным непереходным смягчением задненёбных согласных. Спб., 1913.

А.В. Громов

**ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В ГОВОРАХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
(лексика обработки льна, кустарного прядения
и ткачества в говоре дер. Усолье Мантуровского района)***

Лексика обработки льна, кустарного прядения и тканья мне хорошо знакома, так как с детских лет, живя в деревне, я наблюдал все процессы обработки льна, сам принимал участие в некоторых работах. Моя мать была неплохой ткачихой. Помню, многим женщинам из нашей деревни помогала она в хитром деле собирания кросен и тканья. Изучение диалектных особенностей говора в специальной

* *Громов А.В.* Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лексика обработки льна, кустарного прядения и ткачества в говоре дер. Усолье Мантуровского района) // Доклады на научных конференциях. Т. 3, вып. 2. Филологические науки. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1964. С. 82–86.

народной терминологии очень важно для разработки развития языка и мышления, истории народа, для выявления источников формирования общенародной терминологии.

Изучение терминологической лексики обязательно предполагает хорошее знание обозначаемых ею предметов и процессов. Академик М.М. Покровский писал: «Для удачного разъяснения истории значения слов, связанных с этими ремёслами, необходимо выйти за пределы науки о языке: многое выяснится только при знакомстве с устройством, например, ткацкого станка, с назначением его отдельных частей, – равным образом, при знакомстве с историей данных ремёсел у отдельных народов» (1, стр. 140).

Терминологическая лексика прядения и ткачества привлекала внимание ряда исследователей. В разных планах и объёме она была предметом рассмотрения в работах М.М. Покровского (1), Е.Н. Толикиной (2), В.Л. Матвеевой (3), О.И. Блиновой (4), М.И. Литвинова (5), Ю.П. Чумаковой (6).

Специальная терминология, относящаяся к области обработки льна, кустарного прядения и ткачества нашего края, ещё не была предметом специального исследования, даже не созданы условия для такого исследования, т.е. не собран и не систематизирован фактический материал. Собираение же этих материалов не терпит отлагательства в наших условиях, когда в области прядения и ткачества промышленность вытеснила кустарные промыслы.

Одной из важнейших задач является необходимость составления словаря лексики обработки льна, прядения и ткачества. Пожелание о создании тематических словарей по отдельным ремёслам были высказаны на совещании по вопросам терминологии в Институте языкознания АН СССР, например, в выступлении С.М. Хайдакова (7, стр. 219).

Нами уже собран довольно большой словарный материал (более 400 слов) для изучения лексики обработки льна, прядения и ткачества в Мантуровском и Макарьевском районах.

Материалы собирались нами как по «Программе...», составленной Г.Г. Мельниченко (8), так и сверх той программы.

Эта же программа послужила основанием предварительной систематизации наших материалов.

Вместе с собиранием лексики прядения и ткачества от местного населения нами обследованы некоторые общие словари и в первую очередь «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (выписано более 700 слов, относящихся к обработке льна, прядению и ткачеству).

Мы установили следующие отличия материалов, почерпнутых из Словаря Даля, от материалов, собранных нами.

1) Не обнаружены в словаре Даля такие слова: **мутовец** – верёвочка для подвязки кужеля; **голёшка** – 4 часть мотовила на сновальнах; **окладки** – пятнышки, заметки на нитях основы на сновальных; **чastoдырка** – вид притужальника у ткацкого станка; **учить** – ткать; **неулёжок** – не улежавшийся на стлище лён.

2) У ряда слов в Словаре Даля не указаны значения, характерные для лексики прядельно-ткацкого дела, например, **спица** – острый железный стержень, которым кужель прикрепляется к пряхе; **пожилинка** или **пасынок** – пруток навоя, на который надеваются нити основы; **кукла** – связка мятого или трёпаного льна; **мот** – 2 тальки, **колокольчики** – составная часть ниченок.

3) Некоторые слова различаются по составу. Например, в наших материалах: **попряслок, прясленья, тонкопрядица, сколотки**; у Даля: **пряслень, тонкопряха, сколотни**.

4) Имеются несоответствия в ударениях, например, **опуток** (у Даля опу́ток), **вязаницы** (у Даля вязаницы), **кросна** (у Даля кросна, кросно́), **нита, ниты** (у Даля – нита, ниты), **стайно, скально** (у Даля – скально, стайно).

Структурные типы изучаемых слов наблюдаются в основном те же, какие установлены в выше названных исследованиях Е.Н. Толикиной, О.И. Блиновой, В.Л. Матвеевой и М.И. Литвинова.

Так, простые слова чаще всего образуются морфологическим способом. Наиболее продуктивным способом образования слов является суффиксация. Например:

-к- в названии частей ткацкого стана: подножки, чепки, ниченки, векошки, набилки, сколотки, частодырки; в словах талька, цевка и др.

-ин- в названиях тканей: навина, холстина, тканьина, крашенина, портянина, изрёбина и др.

-н- в словах, обозначающих приспособления для снования, размота и навивания пряжи: сновальна, скально, стайно, а также в названиях тканей: рядно, полотно, изгрёбный холст;

-ник- в названиях ткацкого стана: притыкальник, притужальник, верхник и др.;

-ок- в словах пруток, челнок, моток, попряслок (железная гайка, надеваемая на веретено для тяжести), десяток (10 повесм, связанных вместе), опуток (пучок льна, взятый для пробы, улежался ли лён) и др.;

-ушк- и **-юшк-** в названиях различных предметов: выюшка, рядушка, сороковушка, столбушка (у сновальни), колотушка и др. ;

-ух-, -их-, -ях-: пятаха, шестуха, семуха, ткачиха, непряха, неделуха;

-л-(о): мотовило, сушило, било и др.;

-ищ-(е): льнище, стлище (место, где рос и стелют лён), гузновище;

-иц-, -ец-: трубица, вязаница, долгунец, колоколец, поганец (плохой лён).

Редко образуются слова суффиксально-префиксальным способом: переслёжина, сукрутина (погрешность при тканье), очёски и др.

Почти отсутствуют бессуффиксально-префиксальные образования (встретилось только учёс).

Наиболее продуктивные приставки:

о- (об) в словах, обозначающих результаты процессов, действий, остатки или отходы при обработке льна (околоток, охлопок, обминки, омялье, отрепи);

при- в названиях частей ткацкого станка: пришва, прибор, притыкальник, притужальник, придёржка;

с- в глаголах: снимать, срastить, сматывать, сновать, собирать;

на-: навой, набилки (части ткацкого стана) и др.;

у-: утёс, удора, усновать, учить и др.;

по-: поясок, посыкать, посконь, постила и др.;

Только в одиночных словах встречаются старые приставки: **па-** (пачеси, пасынок), **су-** (сукрутина, супрядки).

Совсем немного сложных слов (мотовило, тонкопряха, домотканина и др.).

Мало распространёнными являются и составные несвободные сочетания, выполняющие номинативную функцию отдельного слова и выражающие одно понятие, такие, как: рушная щеть, изгрёбный холст, утошная пряжа.

Анализ структуры слов показывает, что образование новых слов в лексике прядения и ткачества происходит по тем моделям, которые уже установились в языке.

Всю лексику обработки льна, прядения и ткачества мы разделяем на следующие основные группы.

1. Процессы обработки льна, прядения и ткачества: посев, теревление, вязание, околотка, расстил, снятие, мятьё, трепанье, чесание и пачесание льна; прядение, мотание, снование, наматывание, навивание (на цевку) пряжи; собиание кросен, тканье.

В Мантуровском и Макарьевском районах процессы обработки льна чаще обозначаются глаголами: лён прасть, лён ткать и т.д.

2. Приспособления, орудия для обработки льна: колотушка, вальёк, мятьница, трепало, железная щётка, ручная щётка, мотовило, воробы, скально, сновальна, ткацкий стан.

3. Единицы измерения, счёта пряжи: нитка, чисменка, пасмо, простень, талька, мот, мотовило, полумот, мотушка, вьюшка, голёшка, сотня.

4. Единицы измерения, счёта льноволокна: повесмо, кукла, десяток, кирбь, сотня.

5. Сорты пряжи по материалу и качеству: волоконная, изгрёбная, пачесная, полотняная, суровая, белёная, незолёная, немытая, непареная.

6. Отходы при обработке льна: омялье, костика, отрепи, изгреби, пачеси и др.

7. Виды бёрд: пятаха, шестуха, семуха, восьмуха, девятня, десятня, одинщик, двойник, тройник.

8. Название деревенских собраний, на которых пряли лён: беседки, вечорки, супрядки, свозки, игрища.

9. Виды тканей: холсты, портянина, полотенца, рубашки, онучи, половики, пестрядь, клетчанина, сарафаны и др.

Итак, наши наблюдения и некоторый анализ лексики обработки льна, пряденья и тканья дают возможность утверждать, что данная лексика является частью основного словарного фонда русского языка. В основном это лексика номенклатурно-терминологическая. Преобладающим в образовании терминов является семантический способ, т.е. переосмысливание обычных общенародных слов, которые стали употребляться в особой функции.

На очереди углублённый анализ лексики прядения и ткачества по признакам наименования слов.

Цитируемая литература

1. *М.М. Покровский*. Семасиологические исследования в области древних языков. Сб. «Труды по языкознанию» Изд-во АН СССР, 1964.

2. *Е.Н. Толикина*. Русская ремесленно-промысловая терминология первой половины XIX века. Автореферат канд. диссертации, 1954 г.

3. *В.Л. Матвеева*. Лексика украинского художественного промысла. Автореферат канд. диссертации, 1961 г.

4. *О.И. Блинова*. Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинино Томской области. Автореферат канд. диссертации, 1962 г.

5. *М.И. Литвинов*. Семантическая структура ремесленно-промысловой терминологии (по материалам словаря В.И. Даля), «Учёные записки Шуйского пединститута, вып. II, 1955 г.

6. Ю.П. Чумакова. Лексика, связанная с обработкой конопли и шерсти, прядением и ткачеством в районе «Богословщина» Рязанской области. «Учёные записки Рязанского пединститута, т. 25, 1959 г.

7. С.М. Хайдаков. Выступление на Всесоюзном терминологическом совещании в мае 1959 года. «Вопросы терминологии», Изд-во АН СССР. М., 1961, стр. 219.

8. Г.Г. Мельниченко. Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров, 1959 г.

А.В. Громов

МИКРОТОПОНИМИЯ ДЕРЕВНИ МАКАРОВО МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА*

Деревня *Макарово* находится на северо-востоке Костромской области по реке Унже в 10 км от районного центра *Мантурова* и в 250 км от Костромы. До войны здесь было 43 крестьянских дома, сейчас осталось всего пять. Причины? Это и война, унёсшая 15 молодых мужчин, и послевоенные трудности, из-за которых часть мужчин ушла в город, а тем, кто остался, дали квартиры в новом колхозном посёлке. Ныне в Макарове живут и здравствуют всего три коренных жителя – Гуляева Антонина Александровна с 1907 г. рождения, Гуляева Александра Гавриловна с 1915 г. и Гуляев Геннадий Иванович с 1929 г. Они и другие мои однодеревенцы, живущие теперь в Мантурове, помогли мне собрать представленный далее материал.

1. Название полей для посева

Они располагаются в нагорной части вокруг деревни и граничат с лесом и рекой. *Бараново поле* начинается за домом Барановых (по уличной фамилии, настоящая – Никитины), *Еленино поле* – за домом Елены Кузнецовой, *Шуваево поле* – за Шуваевыми (по второй фамилии от прозвища Шувай, возможно, происходящее от слова шуйца ‘левая рука, левша’). Небольшое поле называется *Стрелка*, и оно оправдывает своё название: начинается широко и сужается до «стрелки» к склону горы. Несмотря на то, что оно совсем близко от деревни, и полкилометра не будет, его часто называли *Дальняя стрелка*: Пойдём жать на *Дальней стрелке* или на *Дальнюю стрелку*. Там годами косили и сеяли. Самое же дальнее

*Громов А.В. Микротопонимия деревни Макарово Мантуровского района // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1999. С. 34–37.

поле у леса – *Шабаниха* (возможно, вначале новина, место, расчищенное от леса; полосы некоей неизвестной нам Шабанихи). Поля пограничных соседних деревень называются *Никитское поле* (Д. Ивкино), *Жилинское поле* (Д. Жилино).

В доколхозной деревне были единоличные участки земли: *Мо́сина кулига* (полоса среди леса), она же *Мо́сиха* или *Мо́сина*; *Лёвкина* или *Лёвкины*; *Арсениха* или *Арсенихи*; *Мо́рева* или *Мо́ревы*, например, говорили: поезжай на Мореву.

Отдельные полосы в полях назывались: *Осто́жники* (где были остожья), *Берёзки* (по соседству с берёзами), *Илухи* (на илистой почве), *Ляпыши** (короткие полосы), *Ободворки* (за дворами). Полосы у речки на дне оврага назывались *Портомой* (понятно, что в реке полоскали бельё). В этих названиях видна тонкая грань между апеллятивом (именем нарицательным) и названием, которую подчёркивает форма множественного числа.

II. Луга, которые косили

1) До реки Унжи: *Подугорка* – небольшой луг на склоне горы сразу за домами деревни. *Пдгорица* – большой луг, покато спускающийся от полей к озеру. Между рекой и озером узкой полосой идут *Рипища* (мн.) – сырой кочковатый луг, дальше на повороте реки – *Курья*. Старожилы утверждают, что по этому месту проходило старое устье реки.

2) За рекой Унжей раскинулась *Велику́ша*, большой, обильный травами участок земли, главный покос макаровцев. Соседствуют с *Великушей* небольшие сенокосные площади: *Дожджовка*, *Жучково*, *Заозерица* (за озером), *Лопаты* (в форме лопаты), *Подберёжица* (низина у берега реки), *Шейки* (узкая полоса у лога), *Хвощи* (по названию травы), *Туньбы* (сырое место у небольшого одноимённого озера Туньбы, мн.). Некоторые мои земляки этот покос называют *Тумбы*. Думаю, такую форму названия можно отнести к явлениям народной этимологии. Туньбы есть и в других деревнях, например, в *Усолье*, где они тоже находятся у озера.

Там же, за рекой, за *Мокрым лугом*, раньше был большой макаровский покос с названием *Косая гора* (протяжённая, с наклоном к лесу), дальше, за Косой горой – *Попиха* (поповский надел), а за ней *Большое озеро* с островом посередине – *Осерёдом*. На Осерёдке раньше косили и сеяли, теперь же он зарос, как и Косая гора.

* Во всех названиях нашей местности при склонении ударение остаётся на том же слого, что и в именительном падеже.

III. Новые разработки под пашню и сенокос

Они у нас называются *навины́* (литературное новины́). Макаровцам памятни *Лепатрина навина́* (от имени Клеопатры), *Парфилеева навина́* (от имени Порфирий), *Степанова навина́* (принадлежащая Степановым по уличной фамилии, паспортная фамилия – Гуляевы), *Илюшина навина́* (Ильи Григорьевича Громова, моего деда).

IV. Весь лес под Макаровом назывался *Шевелягинская*, по фамилии лесопромышленника Шевелягина. Опушку леса называли *Борками*. В лесу относился к Макарову хутор *Исадино*. Мои однодеревенцы это название связывают с термином *исады* ‘песчаная отмель, коса на реке’ в деревнях *Бёрдово* и *Усолье*, это же место называют *Исаино* (якобы по первому поселенцу Исаю).

V. Названия дорог

В лесу за Макаровом *Исадинская дорога* ведёт на хутор Исадино (см. выше). *Раменная дорога* – в глухой лес, в рамень. От Степановой навины в лес уходит *Степановская дорога*, от которой рождётся (т.е. перекрестьем, под прямым углом) в сторону деревни Володино ответвляется прямая, с выкладкой деревьями в сырых местах *Дольник*; в её названии, мне кажется, есть указание на её длину и прямизну. За рекой Унжей главная лесная постоянная дорога в отличие от временных, по которым из делянок вывозят лес, называется *Колёсная дорога*. Прямая тропка из деревни через овраги на горы называется *Прямка*. Рядом с Макаровом проходит шоссе, в прошлом грунтовая *Большая дорога*. Полевые дороги у нас не назывались никак, возможно, потому, что поля небольшие и все рядом. В других же деревнях такие названия есть, например, в Фатьянове, в пяти км от Макарова: *Верхняя дорога*, *Нижняя дорога*, *Средняя дорога*.

VI. Название оврагов

Макарово умещается на небольшой площади между двумя оврагами на высоком месте у реки Унжи, которые называются по крайним жителям: *Парфилеев овраг* (от имени Порфирий), *Илюшин овраг*. На середине пути от Макарова к Жилину, в полукилометре от этих деревень, находится *Глухой овраг*, о котором сложилась дурная слава, что там чудится.

VII. Части деревни

Небольшая деревня делилась на *этот край* и *тот край*. В 30–40-х гг. появилась улица *Хлыновка* от глагола хлынуть ‘отхлынуть от работы’. Таких ленивых людей на этой улице, казалось, и не было, но название прилипло. Улицу по направлению к полю составляли два *порядка* по четыре-пять домов в каждом. Скот горы от дома Соколовых называется *Соколова гора*.

VIII. Водные объекты (гидронимы)

Самое глубокое место в Унже – *Жилинская яма* (по соседней деревне Жилино), в ней водится большая рыба, даже сомы. В яме происходит завихрение воды, которое называется сывороть (жен. р.), или вьюн. Мелкое место на реке Унже, пережат, где переходили вброд или переезжали на подводах, с песчаной отмелью и прилегающим берегом называли *Исадами*. Вблизи деревни недалеко от берега реки есть небольшое *Макаровское озеро*, за рекой – *Большое*, или *Самыловское* (поблизости к деревне Самылову) озеро с Осерёдком (см. выше), принадлежащим к макаровским. Речка с поэтическим названием *Перевисьё* (литературное Перевесье) соединяет это озеро с другим, меньшим, которое называется *Туньбы*, откуда вытекает речка *Исток*, впадающая в Унжу около Исадов.

Речки на дне оврагов за деревней называются *Верхняя* и *Нижняя*. В лесу за хутором Исадином протекают речки *Осиновка*, *Водячиха* – притоки *Воймежа*, впадающего в Унжу у деревни Береговой, в шести км от Макарова.

Уходит в прошлое в историю этот неповторимый островок жизни, труда, обычаев, языка. Всё это памятно, мило автору, прожившему в Макарове до 15 лет, но не порывающему связи с родной деревней.

УДК 81.161.1

Ю.П. Чумакова

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ВАРЬИРОВАНИИ СЛОВА *KROSNA // KROSNO У СЛАВЯН*

I

Факт полисемии общеславянского *krosna // krosno в современных славянских языках и их диалектах хорошо известен. В семантической части Вопросника ОДА этому старому славянскому образованию посвящён специальный вопрос № 3318. В качестве значений-ориентиров здесь перечислены следующие: ‘ткацкий станок’, или ‘часть ткацкого станка’, ‘кусок полотна’, ‘рамка для вышивания’, ‘оконная рама’, ‘козлы для распилки дров’¹. Этот ряд можно было бы значительно расширить за счёт других близких значений и оттенков значений, отмеченных у слова krosna.

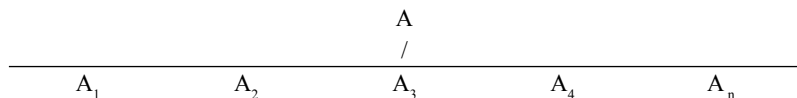
* Чумакова Ю.П. К вопросу о семантическом варьировании слова *krosna // krosno у славян // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. С. 287–299.

См., например, болг. *кросна* ‘колыбель’, *кросно* ‘длинная задвижка у ворот’; чешск. *krosna, krůsna* ‘деревянные носилки’, *krosenka* ‘подставка под ясли’²; польск. закопянское *krosne, krosna* ‘деревянное основание печи’³, русск. рязанское *красна* ‘нововытканый холст’, ‘холст длиной в 22 аршина’⁴. Только для украинских закарпатских говоров И.А. Дзедзелевский⁵, рассматривая *krosna* ‘ткацкий

станок, привёл ещё несколько близких значений: ‘риштования, на якому укріплюється у млині’, ‘станок у вигляді рами, де укріплюється ковальський міх’, ‘рама лучкової пили’, ‘станок, нижня частина столярського верстака’, ‘рама, на якій укріплюється дзвони на дзвінниці’.

На основе многочисленных диалектологических и этнографических данных уже сейчас до окончания работы над ОЛА, можно утверждать, что наиболее известным терминологическим значением в семантической структуре славянского *krosna/krosn* является ‘ткацкий станок’ или смежное ‘часть ткацкого устройства’; отмечено в качестве обычного в русском, белорусском, украинском, прльском, лужицких, словацком, чешском, словенском, сербо-хорватском языках, сюда же относится болгарское *krosno* ‘навой’.

Принятые для *krosna* этимологии⁶ и сведения из истории ткацкой техники⁷ указывают на исконную общность значения ‘ткацкая рама, ткацкий станок’ с другими значениями этого слова, опирающимися на признак ‘рамообразное или крестообразное устройство’, а также (для формы единственного числа) ‘палкообразное приспособление’. Та же исходная мотивация обнаруживается и в многочисленных родственных образованиях типа русского диалектизма *кресли*, ‘рама, расширяющая телегу’, или русского *кросни*, словацкого *krošňa* ‘приспособление для переноски тяжести’. Таким образом, употребление слова *krosna* в качестве названия ткацкого станка – лишь один из ряда однородных результатов «реализации первоначального широкого значения рама у этого слова на уровне праславянского языка, как о том с полным основанием пишет О.Н. Трубочёв⁸. Отношения между отдельными значениями в этой части семантической структуры славянского **krosna* можно изобразить следующей схемой:

где А – общее исходное значение ‘рама’, А₁ – ‘ткацкий станок’, А₂, ..., А_n – ‘любое иное рамообразное устройство’.

Значения ряда А представлено во всех славянских языках, и при их регистрации в Общеславянском лингвистическом атласе необходимо по возможности полное описание конструкции соответствующей реалии⁹.

Однако исходная широта семантики этого праславянского образования не захватывает тех его значений, которые группируются по признаку продукт ткань, например, ‘полотно’, ‘кусок полотна’, ‘холст в процессе тканья’, ‘нововытканый холст’, ‘мера длины холста’ и т. д. Производность этой второй группы значений слова *krosna* и связи их со значением А₁ не вызывает сомнений, и самый характер осуществившегося смыслового сдвига орудие тканья > продукт тканья не совсем обычен. Любопытно, что в сфере текстильной терминологии подобная двойственность значения отмечена и для др.-инд. *tantra* ‘ткацкий станок’, ‘основа ткани’¹⁰ и лат. *tela* ‘ткацкий станок’, ‘основа’, ‘ткань’. Ср. также имеющее пассивное значение греческое *ττόσ* ‘ткацкий станок’, ‘основа’, сербо-хорватское *тара* ‘ткацкий станок’, ‘основа’; *натра* ткацкий станок, намотанная пряжа, один оборот ткани в станке (как ткацкая мера).¹² Вместе с тем приходится констатировать, что функционирование славянского *krosna* с вторичными производными значениями, выполняющими в сфере ткаческой терминологии, территориально ограничено.

Вопрос о том, в каких диалектных границах и при каких условиях осуществляется региональный семантический сдвиг *krosna* ‘ткацкий станок’ > *krosna* ‘основа’, ‘полотно’, ‘холст’ интересен как для лингвистической географии, так и для исторической лексикологии и заслуживает специального рассмотрения.

II

Вторичные значения у ткаческого *krosna* прослеживаются прежде всего на территории русского языка. Два значения: ‘ткацкий станок’ и ‘нововытканый холст’ приведены при слове *krosna* в Словаре церковнославянского и русского языка (Т. I, СПб., 1847). Как ‘принадлежность прядильного и ткацкого дела, изготовленная из берёзового дерева’ и ‘вытканый холст’ истолковано *krosno* В. Бурнашевым¹³. В.И. Даль под *krosno*, *мн. ч. krosna, krosny* с неопределённой пометой «сев. вост. запд.» прежде всего приводит значение ‘крестьянский холст, новина целой трубкой, в куске’ и лишь затем указывает значение ‘ткацкий станок с основою или затканый’. В отдельной статье на фонетический вариант *krosno*, *мн. ч. krasna, krosna*, снабжённой пометой «сев. вост. тмб.», Даль также поместил на первый план значение ‘деревенский холст, простое

полотно», заметив затем, что «ткацкий стан также зовут краснами» и что «может быть, это значение коренное»¹⁴.

Оба значения – основное и производное – засвидетельствованы старыми областными словарями для некоторых севернорусских говоров: арх. ‘ткацкий станок’ и ‘тонкое полотно’¹⁵; олон. ‘станок’ и ‘вытканый холст’¹⁶; вятск. ‘стан’ и ‘основа на стане’¹⁷.

С другой стороны, намечаются определённые группы русских говоров, противопоставленные по семантике ткаческого термина *krosna / krosny / krasna / krosna / krasny*. В одних – это ‘ткацкий станок’ или ‘часть ткацкого устройства’ при *новина, точка, точиво, труба нововытканый холст, основа, полотно*. В других – ‘нововытканый холст’, ‘основа’, ‘полотно’ при *стан, став* и под. ‘ткацкий станок’. Территориальное распределение таких групп говоров с учётом иных противопоставленных диалектных признаков показательно.

С единственным значением ‘ткацкий станок’ *krosna* отмечено в новгородских¹⁸, вологодских¹⁹, ярославских²⁰, калининских²¹, горьковских²², смоленских²³ говорах, в северной части Рязанской обл.²⁴, на Урале, исключительно широко в сибирских говорах²⁵ и на Алтае²⁶. Это обширная территория, охватывающая прежде всего говоры севернорусские и переходного типа.

Напротив, только с производными значениями, относящимися к вытканному полотну и основе ткани, известен этот термин, по видимому, части южнорусских говоров. Ср. донск. *krosny* ‘холст’²⁷, тульск. *кросны* ‘основа на стане’ («сгорел стан с краснами», т.е. с основой)²⁸. Как название нововытканного холста и холста определённой длины записаны мною варианты *krosna/krosny* в ряде пунктов Алтая по происхождению – тульским, рязанским, воронежским населением (например, в с. Сахорево у потомков переселенцев из с. Морозовы Борки Можарского р-на Рязанской обл., в д. Каркавино – в семье тульских переселенцев, в д. Брусенцево Усть-Пристанского р-на – переселенцы из Нижнедевицкого у. б. Воронежской губ. И др.). Интересно, что в этих же населённых пунктах представители старожильского населения с севернорусской диалектной основой краснами называют ткацкий станок. В этой связи приведу замечание О.И. Блиновой о том, что в томских и других сибирских старожильческих говорах ткацкий станок называется коснами, а станом только там, где значителен южнорусский элемент населения²⁹. Смешением разных групп населения в Сибири и взаимодействием разных диалектных систем объясняется, по всей вероятности, и тот факт, что в «Словаре русских старожильческих

средней части бассейна р. Оби (т. 2, Томск, 1965) при слове *кросна* указано сразу два значения: 1) 'ручной ткацкий станок' и 2) 'нитяная основа, натянутая на ткацкий станок, а также готовый холст, полотно' (стр. 106). Любопытны и территориальные различия в семантике этого слова, обнаруженные и в Рязанской обл. В северной, заокской части области, где, как известно, преобладают говоры среднерусского типа, *кросна* отмечено как название ткацкого станка (например, с. Матвеевка Спас-Клепиковского р-на).

Южнее, на территории чистых южнорусских рязанских говоров прослеживаются иные значения: *красна* 'холст из коноплёвой пряжи' (с. Чурики Михайловского р-на), 'холст' и 'холст определённой длины = 22 аршина' (сс. Мервино, Канищево Рязанского р-на, Пупки Скопинского р-на, Чернава Милославского р-на, территория Боголовщины в Захаровском р-не³⁰).

При более тщательном обследовании южнорусских говоров в связи с вопросом № 3318 Вопросника ОЛА, возможно, такие говоры составят довольно значительную и компактную территорию. Во всяком случае, Н.И. Лебедева, изучая народное прядение и ткачество главным образом в южных областях (Рязанская, Калужская, Брянская, Тульская, Пензенская, Курская, Смоленская, из северных – только Нижегородская), сочла нужным заметить, что «слово *кросна* чаще относится к основе, чем кстану, и *кроснами* чаще называется стан с навитой основой»³¹.

О наличии подобных фактов в украинских говорах «Україсько-российский словник» под ред. И.Н. Кириченко (т. II, Киев, 1958, стр. 405), где для *кросно*, *кросна* рядом со значениями 'ткацкий станок, рама; пальцы' указано со значением «областное» и значение 'изделие' ткань; полотно, холстина'.

Вторая группа значений известна и в Белоруссии. Слово *кросны* может обозначать вытканый кусок полотна, и в частности в Лепельском р-не (северо-восток)³². К. Мошинский в этнографическом очерке, посвящённом восточному Полесью, подчеркнул, что слово *кросна* здесь обычно обозначает ткань или основу ткани, а не само устройство, на котором ткаческая работа выполняется³³. Более конкретные сведения об этом находим в специальной работе Н.Г. Владимировской «Полесская терминология ткачества»³⁴, где под словом *кросна* отмечены для ряда говоров такие интересующие нас значения, как 'снующаяся, основанная, наводимая и наведённая на ткацкий станок основа' (Скарынь, Дьяковичи), 'ткущееся и вытканное, но ещё не снятое со станка полотно' (Голубица, Одрижин, Боричевичи, Дьяковичи, Боложевичи, Канковичи, Замосье, Кочище и др.).

Аналогичные явления характеризуют и некоторые польские говоры. Я. Карлович указал в своём «Словаре польских говоров» для *кросна* и значение ‘полотно в процессе тканья’³⁵. Интересны в связи с этим и наблюдения за терминологией ткачества местности Лукув Люблинского воеводства, сделанные в конце прошлого века: «Warsztatem nazywają staciwa ulepszone, przez *кросна* zaś rozumieją samą robotę tkacką, będącą na warsztacie»³⁶.

Разграничив семантически термины *warsztat* и *кросна* и определив *кросна* как название того, что находится на станке и подлежит обработке, автор сообщает далее такие любопытные термины, как *robić krosna* ‘ткать полотно’ и *przedkrosnie* ‘основа, перенесённая на станок и готовая для работы’. Последний термин только и мог возникнуть как результат деривации от производящей основы *кросна* как результат деривации от производящей основы *кросна* с новым значением ‘полотно в процессе тканья’. О локализации этого нового значения у слова *кросна* в польских говорах можно судить по территории распространения такого сопутствующего явления, как употребление терминологического сочетания *robić krosna* ‘ткать’. Характерно, что эта особенность отмечена только в говорах восточного пограничья Польши в польском Полесье, в воеводствах Белостоцком (Bielsk Podlaski), Люблинском (Łuków, Żdziary Łukówskie, Łukówisko Radczyńskie, Radczyń Podlaski, Wola Okrzejska), Варшавском (Podnieśno Siedleckie). Ср. контекст: *krosna robić* – *po nasemu, nektuży mowo tkać, ale u nas .. to krosna robić i dobra* (Kręgi St. Wysz.); *a tu se ne muvi tkać. Kobieta krosna robi* (Podnieśno Siedl.); *F pośće najvency krosna se robi* (Łukovisko Radz.); *robił krosna – rwał se nici* (Wola Okrzejska)³.

В других славянских языках подобные факты не обнаружены. Таким образом, развитие особого рода значений у слова *krosna* связано, по-видимому, прежде всего с восточнославянской территорией. Точные границы этого ареала поможет установить работа над ОЛА.

III

Понять появление у восточных славян семантической инновации ряда *krosna* основа, холст в процессе тканья; полотно’ можно лишь с учётом определённых языковых и внешних (материальных) исторических факторов.

М.М. Покровский, заметивший аналогичную двусмысленность у инструментальных имён, произведённых от глаголов со значениями ‘вить, плести, прясть, ткать’ в классических языках, считал, что «для удачного разъяснения истории значения слов, связанных

с этими ремеслами, необходимо выйти за пределы науки о языке: многое выяснится при знакомстве с устройством, например, ткацкого станка, с назначением его отдельных частей»³⁸. В качестве языковых факторов, способствующих переосмыслению инструментальных имён, он рассматривал также фактор семасиологической аналогии и синтаксические сочетания, в которых такие имена выступают³⁹. Все эти значения оказываются полезными и при изучении семантического сдвига в ткаческом термине krosna у славян.

Прежде всего необходимо вспомнить, что древнейшее ткацкое устройство – это примитивная вертикальная или горизонтальная рама (*krosna) с натянутой на ней основой. Отсюда исходная близость значений krosna ‘ткацкая рама’ и ‘ткацкая рама с натянутой основой’. Необходимо учесть затем, что на этом уровне krosna – объект действий ткающего и сам термин употребляется при обозначении процесса тканья в форме аккумулятива. Особую роль в дальнейшем семантическом движении слова krosna сыграло, по-видимому, устойчивое терминологическое сочетание tьkati krosna, где глагол tьkati (tykati/tьknaŕi) первоначально обозначал предельно конкретное действие вплетения утка в нити основы. С обобщённым значением выполнить ткацкую работу, производить полотно, ткать это терминологическое словосочетание представлено в памятниках русской и церковнославянской письменности, а также в записях русского фольклора, сделанных на разной территории.

Например: krasna паоуча тькоуть (Георгий АМ, 72); Но обаче яко krosna паоуча таковых пишоуще тькоуть (Георгий АБ, 32)⁴⁰. и зря видение чюдно; сидяще бо едина девица, ткаше krasna, пред нею же скача заець (Повесть о Петре и Февронии Муромских)⁴¹. Пришёл, царство стоит серебряно, а царь-девица *ткёт krosna* (из сказки, записанной на Пинеге, в с. Карпова гора)⁴². А я молоденька, *красна ткала* (из рязанской плясовой песни)⁴³.

Усложнение техники тканья, с одной стороны, окончательная специализация глагола tьkati и получение им современного обобщённого значения ‘выполнять ткаческую работу; изготавливать ткань’ – с другой, приводили постепенно к разрушению старой конструкции krosna tьkati и работу; изготавливать ткань – и закреплению новых сочетаний типа русск. *ткать на кроснах* (где *кросна* ткацкий станок) *ткать холст, полотно* и под. При этих условиях использование для обозначения процесса тканья старого сочетания tьkati krosna должно было создавать внутри него двусмысленность слова *кросна*, что могло затем привести к полному разрыву с первоначальной семантикой ‘ткацкая рама, ткацкое устройство’.

Семантическая структура общеславянского * krosna в результате этих изменений усложняется. Развивается новый ряд значений – *B*. Предложенная выше схема принимает следующий вид:

		A					
		\					
t̋kati krosna	A ₁	A ₂			A ₃	(общелит.)	
	B	B ₁	B ₂	B ₃	B ₄	(вост.–слав.)	

где *B* – ‘ткацкая рама с основой’; *B*₁ – ‘основа на станке’, *B*₂ – ‘полотно в процессе тканья’; *B*₃ – ‘нововытканый холст’; *B*₄ – ‘холст определённой длины, меры длины полотна’ и т.д.

С точки зрения позднейших отношений выделить самостоятельное значение слова krosna в приведённых выше примерах затруднительно.

И.И. Срезневский определяет значение р.-ц.-сл. kro(a)сна через греч. ἰστός ‘ткацкий станок’, опираясь исключительно на греческий оригинал и традицию. Переводчик «Повести о Петре и Февронии» Б.А. Ларин перевёл интересующее нас фразу «сидяше бо едина девица ткаше красна» как «сидит за ткацким станом девушка, одна в доме»⁴⁴, ориентируясь на то вполне определённое значение ‘выполнять ткаческую работу’, которое извлекается из этого словосочетания в целом, и на народно-разговорный сказовый стиль⁴⁵. Но по отношению к однотипной конструкции из рязанской песни уже можно со всей определённой уверенностью утверждать, что слова *красна* здесь обозначает основу или холст в процессе тканья. Ср. следующий далее текст: «красна ткутся, нитки рвутся».

Новый ряд значений ‘основа на ткацком станке, полотно в процессе тканья, нововытканый холст, мера длины холста’ и др. только и мог, по-видимому, возникнуть в той части славянских диалектов, которые при равных условиях долгие сохранили традиционную формулу t̋kati krosna для обозначения процесса производства ткани. Примечательно, что подобные факты отмечены также на восточнославянской территории, они как правило сопутствуют рассмотренному семантическому сдвигу в слове krosna. Кроме олонечских и юновеликорусских, например, рязанских говоров, где такое употребление обычно, можно сослаться также на белорусский материал. Н.Я. Никифоровский в своём этнографическом описании Витебской Белоруссии сообщил в качестве «будничных терминов» ткацкого дела такие терминологические сочетания, как *снубаць кросны, сымаць кросны, ставиць кросны, ткаць кросны*.

«Под последним термином, – замечает он, – и известна собственно ткацкая работа»⁴⁶. Подобные устойчивые сочетания со словом *красна* приводятся и в работе Н.Г. Владимировой. К. Мошинский также обратил внимание на тот факт, что в Восточном Полесье при необычных значениях слова *кросна* и сочетание *ткаć krosna* означает ‘тканье полотна на краснах’⁴⁷.

Аналогичная конструкция с заменой специального глагола *ткаć* на *robić* отмечена, как уже говорилось, со значением выполнять ткацкую работу, ткать и в некоторых восточных польских говорах: *robić krosna*. Ср. с другой стороны, обычные для польских говоров терминологические сочетания с этим же значением: *robić na krosnach*; *robić płótno*: на *krosna navinuné i płótno robić* (Družbaki Dolne); на *krosnach robili płótno* (Jabłonków); *knop uz urobi płótno na krosnach* (Czarne w Czdeckim).

Из сказанного следует, что при изучении семантики слова *krosna/krosno* в процессе работы над ОЛА необходимо обращать внимание и на его лексическую, и синтаксическую сочетаемость по отношению к обозначению процесса тканья, на наличие и содержание устойчивых терминологических сочетаний. Особую важность это требование приобретает при выявлении значений ряда *B*.

Примечания

¹ Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965, стр. 221.

² См.: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. Стр. 236.

³ Картотека Словаря польских говоров ПАН в Кракове.

⁴ Ю.П. Чумакова. Текстильная лексика говоров района Богословщина Рязанской области. Канд. дисс., 1965, стр. 279.

⁵ Й.О. Дзедзелівський. Ткацька лексика українських говорів Закарпатської області УРСР. «Studia slavica», t. 13? 1967, fasc. 3–4, стр. 216–217.

⁶ Родственно с *край, крама, кресло*. См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М.: 1966, стр. 126–127. О.Н. Трубачёв. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 126–127.

⁷ Древнейшее ткацкое устройство – примитивная вертикальная или горизонтальная рама. См.: Е.А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники. М.-Л., 1940. Gavazzi M. Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštika. Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena, XXVI. Agram, 1926; А.Я. Дуйсбург. Из истории материальной культуры восточных славян (развитие ткацкого станка). Канд. дисс., 1945; Н.И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. «Востоочнославянский этнографический сборник». М., 1956.

⁸ О.Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 126–127.

⁹ См.: Дополнения к Методическим указаниям по работе с Вопросником ОЛА.

¹⁰ О.Н. Трубочёв. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и других индоевропейских диалектах. «Этимология». М., 1963, стр. 33.

¹¹ М.М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. «Избранные работы по языкознанию». М., 1959, стр. 139.

¹² О.Н. Трубочев. Ремесленная терминология... , стр. 128.

¹⁸ Опыт областного великоросского словаря. Спб., 1852.

¹⁹ Диалектологический сборник под ред. А.С. Ягодинского, т. I–III, Вологда, 1941–1946.

²⁰ Г.Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, т. I. Ярославль, 1961.

²¹ И.Т. Смирнов. Кашинский словарь. ОРЯс, т. 70, № 5. Спб., 1901.

²² Картоотека словаря горьковских говоров в Горьковском университете.

²³ В.Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

²⁴ Картоотека словаря рязанских говоров в Рязанском университете.

²⁵ В свердловских, шадринских, томских, кемеровских, кузнецких, египетских, тюменских, иркутских говорах см. сведения в канд. Диссертациях И.О. Блиновой («Производственно-промысловая лексика старожильского говора г. Вершинина Томской области», 1962, раздел III.

²⁶ По собранным мною материалам.

²⁷ А.В. Миртов. Донской словарь. «Материалы к изучению лексики донских казаков». Ростов-на-Дону, 1929.

²⁸ Н.И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. «Труды института этнографии», т. XXXI. М., 1956.

²⁹ О.И. Блинова. Указ. соч., стр. 197.

³⁰ Ю.П. Чумакова. Указ. Соч., стр. 279–282.

³¹ Н.И. Лебедева. Указ. соч.

³² Сведения любезно сообщил автору Н.В. Бирилло.

³³ K. Moszyński. Polesie Wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 93, примечание 3.

³⁴ Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968, стр. 482.

³⁵ J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, II. Kraków, 1900–1911, стр. 483.

³⁶ Przyczynek do art. “Tkactwo” (“Wista”, V), VII, 1893, стр. 291–292.

³⁷ Использованы материалы картоотеки Словаря польских говоров ПАН в Краскове, работники которой любезно предоставили мне такую возможность в сентябре 1967 г.

³⁸ М.М. Покровский. Указ. Соч., стр. 139–140.

³⁹ Там же, стр. 132.

⁴⁰ И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1317, 1330.

⁴¹ Труды отдела древнерусской литературы, VII. М.–Л., 1949, стр. 230.

⁴² Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова, М. – Л., 1961, стр. 181.

⁴³ П.В. Шейн. Великорус. В своих песнях, обрядах, сказках, легендах и т.п. Полумтом I, 1898, № 528.

⁴⁴ Русские повести XV–XVII веков. Перев. Б.А. Ларина, М., Госполитиздат, 1958, стр. 281.

⁴⁵ Ср. в былинах: «Сидела-то Авдотьюшка да за красеньцами». См.: «Былины Печоры и Зимнего берега», М.–Л., 1961, словоуказатель.

⁴⁶ Н.Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 163.

⁴⁷ К. Moszyński. Указ. Соч., стр. 93, примечание 3.

УДК 81.161.1

Л.П. Михайлова

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ ТКАНЕЙ В НОВГОРОДСКИХ ГОВОРАХ*

Открывая сборник своей программной статьёй-введением к нему «Работа Ленинградского университета по русской исторической и региональной лексикографии», Н.А. Мецкерский подчеркнул, что работу по собиранию лексических материалов и составлению региональных и исторических словарей русского языка коллектив специалистов-диалектологов филологического факультета ЛГУ начал осуществлять в 1950-е гг., руководствуясь научными идеями проф. Б.А. Ларина, одного из наиболее выдающихся русских лексикологов и лексикографов XX в. Основанный Б.А. Лариным Межкафедральный словарный кабинет (МСК), начиная с 1960 г., определяет и направляет деятельность сотрудников различных кафедр филологического факультета, планируя и координируя их историко-лексикографические и лексикографические изыскания и начинания. В русле этих начинаний находилось и разностороннее творчество Л.П. Михайловой, на заре своей научной деятельности изучившей процесс выращивания льна, льнопрядения и ткачества на материале новгородских говоров и защитившей по этой теме диссертацию. Работы её этого плана имеют большую ценность и не должны быть забыты. Здесь мы представляем тезисное содержание одного из моментов её богатого фактами и теоретическими разработками исследования этого направления в виде доклада на упомянутой выше конференции в Череповце.

* Михайлова Л.П. К истории названий тканей в новгородских говорах // Вопросы изучения сев.-русских говоров и пам. письменности. Материалы к междуз. научной конф. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970. С. 141.

В словарном составе новгородских говоров содержится значительный пласт терминологической лексики, до сих пор малоизученной. В плане исторического развития и формирования лексической системы интерес представляет одна тематическая группа, относящаяся к терминологии ткачества – названия тканей в современных новгородских говорах.

Цель доклада: 1) дать описание названной группы слов в новгородских говорах; 2) отметить, в каких отношениях между собой находятся слова, входящие в названную тематическую группу; 3) определить, насколько возможно, время появления того или иного термина в письменности; 4) проследить путь семантического развития каждого термина и лексической группы в целом.

Используются данные Картотеки Новгородского областного словаря (Новгород, пединститут), записи автора в диалектологических экспедициях 1959–1968 гг. в разные районы области, материалы картотеки ДРС (Москва, Институт русского языка), Картотеки словаря русских народных говоров (Ленинград), исторические и областные словари русского языка, словари современного русского литературного языка и славянских языков.

Общим названием домашней ткани являются слова *холст* и *точа*. В русской письменности *холст* начинает употребляться со второй половины XVI в. в документах делового характера. Термин нашёл отражение в новгородских письменных памятниках XVII в. – в «Книгах прихода-расходных Иверского монастыря», «Актах Иверского Святозерского монастыря», «Таможенных книгах Тихвинского монастыря». В XVI–XVII вв. слово *холст* имело значение «льняная ткань вообще», ср. сочетания с прилагательными: *толстый холст*, *тонкий холст*, *мешочный холст*, *скатертной холст*, *ровный холст*, *рядной холст*, *чёрный холст*, *отрепной холст*, *хороший холст*.

В новгородских говорах в настоящее время слово *холст* отмечено в значении «льняная ткань домашнего производства без узора или с узором, любого качества». Фактически в течение веков до настоящего времени не произошло существенных семантических изменений. В современном литературном языке, по сравнению с предшествующим периодом добавились некоторые значения, развился богатый словообразовательный ряд: *холст* – *холстец*, *хóлстик*, *холсти́на*, *холсти́нка*, *холсти́нковый*, *холсти́нный*, *холсти́новый*, *холсти́ночка*, *холстяной*, *холщóвый*. В других славянских языках, по данным просмотренных словарей, *холст* отсутствует.

Тóча, *тóчиво* – «домашний холст». В рассматриваемых оворах различают два вида холста: *грубый*, *толстый*, обычно без рисунка,

и тонкий, иногда с узором. Это различие закреплено в сочетаниях: *простая точка* «грубый холст, изготовленный в два нита» (*нит* – нитяные петли, соединяющие две палочки и служащие для подъёма нитей основы»), *тонкая точка* – «ткань, изготовленная более, чем на двух нитах, обычно с узором, из тонкой пряжи», *портяночная точка* – «очень грубый холст». Известны производные *точивина*, *точивийшка* – «кусочек ткани», *точаной*, *точивной* – «относящийся к точке, точиву, сделанный из неё».

Слово широко распространено в других русских говорах.

В памятниках письменности *точиво* – «холст» – известно с XVI в. и особенно широко представлено в деловых документах XVII в., относящихся к северо-западной территории России.

В словарях современного русского литературного языка *точа*, *точиво* не отмечены, нет этих слов и в словарях славянских языков. В новгородских говорах *точа*, *точиво* терминологизировалось в значении «холст домашнего производства», слово же *холст* известно, но употреблялось редко, как синоним слов *точа*, *точиво*.

Для обозначения любой ткани в говорах употребляются слова: *полотно*, *ткань*, *материя*, *материал*.

В современном русском языке *полотно* – «гладкая льняная ткань особого переплетения (обычно белая)». (БАС). *Полотно* – «ткань» – известно не только новгородским, но и другим русским говорам. Термин существует с древнейших времён, отмечен И.И. Срезневским и Г.Е. Кочиным в значении «льняная ткань». Особенно широко употребляется в деловых документах XVII–XVIII вв. Характерные сочетания в этот период: *тонкое полотно*, *полотно тонкой руки*, *широкое полотно*, *гладкое полотно*, *двойное полотно*, *тройное полотно*, *нитяное полотно*, *образчатое полотно*, *парусное полотно*, *скатерное полотно*, *тверское полотно*.

Слово *полотно* имеется в восточных, западных и южных славянских языках.

В рассматриваемых говорах *полотно* редко встречается, так как в значении «ткань» чаще в употреблении слова *материя*, *материал*, синонимичное *ткань* тоже очень редко.

В русских письменных памятниках отмечены также следующие названия тканей, известные сейчас новгородским говорам: *бра́нина*, *клетча́тина*, *пéстрядь*, *рядни́на*, *кисе́я*.

Бра́нина – «узорная ткань» – впервые отмечено в языке «Повести об Акире Премудром» (сп. XV в. – XI–XVII вв.). Термин продолжает оставаться известным и в последующие века, находим его в «Книгах таможенных Свирского монастыря» 1660–1661 гг. Слово

не отмечено словарями И.И. Срезневского и Г.Е. Кочина. Преимущественно встречается в северной части русских говоров: олонецких, новгородских, тверских, псковских, ярославских, свердловских, пермских.

Современному русскому литературному языку в значении «узорчатая ткань; вышивка набором» известно слово *брань* (БАС).

Клетчатина – «клетчатая ткаеь домашнего производства», в новгородских говорах чаще употребляется вариант *клетчастина*. Слово отмечено деловыми документами XVI в. Антониево-Сийского и Николаевского-Корельского монастырей Архангельской губернии, Кирилло-Белозерского монастыря Новгородской губернии, в XVII в. деловых бумагах Александро-Свирского монастыря Олонечкой губернии.

Рассматриваемое слово в разных вапиаетах встречается, по данным областных словарей, на северо-западной территории – архангельские, вологодские, лужские, костромские, ярославские говоры.

Пестрядь – «пёстрая ткань из разноцветных ниток, чаще в мелкую клетку, реже в полоску». В говорах известно также и *пестрятина* в том же значении, прилагательное *пестятинный* – «сшитый из пестряди». Слово отмечено В. Далем и В. Бунашевым без указания места употребления. Как свидетельствуют областные словари, в значении «редковатый крестьянский холст, тканый в полоску из белых и синих ниток» термин бытует в архангельских, олонечких, заонежских, вятских, ярославских, пермских, псковских говорах.

В памятниках письменности слово *пёстрядь* начинает употребляться с к. XVI в. И.И. Срезневский отмечает *пъстрядь* – *пестредь* – «ткань, состоящая из белых ниток в одном направлении и цветных в другом». Обращает на себя внимание употребление слова *пёстрядь* в форме мн. числа и в сочетании с числительными: «две *пёстряди* шапочных» (Там. Кн. 1, 156, 1635–1636 гг.); «Три *пёстряди* пасхальных в десть, одна розшибена. Две *пёстряди* малых» (ТМОск. Печ. Двор, 27, 1649 г.). Это связано, видимо, с изменением значения слова: в таких сочетаниях *пёстрядь* является названием не ткани, а какого-либо изделия из него. Характерным для XVI–XVIII вв. является сочетание слова *пёстрядь* с разнообразными прилагательными, указывающими: 1) на материал, из которого изготовлена одежда – *шolkовая пёстрядь*, *пестрядь шерстяная*; 2) на цвет – *пёстрядь красная*, *пёстрядь цветная*; 3) на использование ткани или одежды – *пестредь шапочная*, *пестредь пасхальная*; 4) на место, страну, откуда завезён,

где изготовлен товар – *пестредь заморская, персидская, ардевильская, мозондронская*; 5) на размер – *пестредь малая*.

Таким образом, группа названий тканей в современных новгородских говорах довольно многочисленна. Сложный процесс выработки тканей отразился в развитой дифференциации наименований, в богатстве профессиональной терминологии. Богатство и разнообразие слов, входящих в названную тематическую группу, объясняется тем, что в основу названия положены разные признаки: 1) способ изготовления – *бранина, слань*, 2) узор – *ряднина клетчастина*, 3) цвет – *крашенина, пестрядь*.

Часть рассмотренных терминов нашла отражение в памятниках письменности, в том числе и новгородских, главным образом, в деловых документах XVI–XVII вв. Семантика этих слов не претерпела больших изменений в течение веков.

Некоторые из терминов с момента появления их в письменности вступили в синонимические отношения – *холст, точка, полотно*. Отношения системного характера ярко выражены в анализируемой группе в настоящее время. Синонимами, имеющими разную степень употребительности, являются: *холст – точка, точиво; полотно – ткань – материя – материал; бранина – слань; матрас – постель*.

В настоящее время лишь часть отмеченных терминов находится в активном употреблении – *ткань, материя, половики, полотно, холст*, остальные входят в пассивный запас, известны только лицам старшего поколения, постепенно забываются с отмиранием домашнего ткачества.

УДК 81.161.1

А.И. Крылов

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
ЛЕКСИКИ ПРЯДИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
(на материале профессиональной речи
текстильщиков г. Иванова)***

Прядильное производство внесло большой вклад в развитие национальной материальной культуры. Однако лексика прядения изучена ещё недостаточно. В работах последних лет (диссертация

* *Крылов А.И.* Тематические группы лексики прядильного производства (на материале профессиональной речи текстильщиков г. Иванова) // Учёные записки Ивановского педагогического института. 1972. Т. 110: Вопр. теории и методики рус. яз. С. 26–34.

О.И. Блиновой*, Ю.П. Чумаковой**, Л.П. Михайловой***) рассматривалась преимущественно профессионально-диалектная лексика прядения и ткачества. Но анализ состава общенародного языка будет полным лишь в случае изучения технической лексики, которая сформировалась на фабриках старейших текстильных центров нашей страны.

С этой точки зрения значительный интерес представляет терминология прядильщиков г. Иванова, где издавна было развито холщовое набоечное мастерство и где уже в тридцатые годы XIX в. существовали бумагопрядильные предприятия.

Техническая терминология – это совокупность производственных названий предметов, явлений, свойств, процессов, характерных для какой-либо отрасли труда. Термины прядильного производства представляют собой слова и словосочетания, техническое содержание которых в большинстве случаев сформировалось на основе значений слов общенародного языка. Они отражают процесс изготовления пряжи – нити, получаемой из отдельных коротких волокон путём вытягивания, скручивания и намотки на катушку и имеющей заданную толщину, прочность и степень скручивания.

Состояние слов, обозначающих специальные предметы и выражающие определённые понятия, принятые в прядильном производстве, помогает отразить тематическая классификация. Будучи тематической классификацией значений****, она выявляет существенные особенности внутренней стороны анализируемой терминологии, показывает семантическую взаимосвязь отдельных терминов в составе каждой группы.

В статье рассматривается семантика терминов следующих тематических групп технических названий: 1) сырьё, 2) промежуточный или готовый продукт, 3) виды брака и отходов, 4) машины, 5) детали машин и их части, 6) приспособления для укладки продукта,

* О.И. Блинова. Производственно-промысловая лексика старожильского говора с Вершинина Томского района Томской области. Кандидатская диссертация. Томск, 1962.

** Ю.П. Чумакова. Текстильная лексика говоров района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Горький, 1965.

*** Л.П. Михайлова. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах. Кандидатская диссертация. Ленинград, 1970.

**** А.И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., Изд-во лит на иностр. языках, 1956, стр. 182.

7) производственные профессии, 8) основные производственные процессы и операции, 9) нарушения в действиях машин*.

Статья основана на материалах, собранных автором в 1970–1971 гг., в процессе неоднократных бесед с рабочими, мастерами и инженерами-специалистами прядильного производства.

Приводим примеры производственных названий по всем тематическим группам.

Названия сырья

Волокно – разнородная нитевидная масса, содержащаяся в хлопке и идущая в обработку для получения нити. *Волокно* – это материал, который служит для получения ткани или технических материалов. Хлопковое волокно содержит холст, лента и ровница.

Названия видов брака и отходов

Пропуск – необработанная часть холста, ленты или ровницы, имеющая неравномерно расположенные пучки волокон. *Пропуск* – это вид брака в виде толстых или тонких мест. Это просто утолненное или утолщённое место в холсте, ленте или ровнице.

Подёнок – загрязнённая часть ленты, подлежащая очищению и дальнейшей обработке. *Подёнок* только на ленте. Это неприсученный остаток ленты. Получается потому, что работница обрыв не присучила. Это брачная лента, и её относят в трёхпальный.

Двойник – утолщение в ровнице, возникающее при скручивании двух лент с соседних веретён. *Двойник* – это вид брака в ровнице. Он образуется на коротких участках в момент скручивания двух мышек. Это утолщение в ровнице. Крючком подрывают это место.

Названия машин

Машины, используемые для получения пряжи из хлопка, чрезвычайно разнообразны. Одни из них производят первичную очистку хлопка от посторонних частиц. Другие переформируют волокнистую массу: распрямляют отдельные волокна, устраняют неровные (чересчур толстые или очень тонкие) участки в формирующей нити. Ряд машин превращает толстый рыхлый жгут (ленту) в более тонкий, скручивая в нём волокна.

Названия машин даны по разным признакам: по характеру выпускаемого продукта (см. ниже примеры 1–3), по характеру выполняемых операций (примеры 4–5).

* Примерно те же группы терминов выделены в «Словаре орехово-зуевских текстильщиков» под ред. М.Н. Шабалина. (Труды кафедры русского языка. Историко-диалектологические исследования. Орехово-Зуевский пединститут, т. 15. М., 1960).

Лёточная машина – машина, формирующая из отдельных волокон ленту, распрямляя в нём отдельные волокна. *Задача ровничной машины – утонить продукт, параллелизовать волокна, слегка их скрутить и намотать на паковку.*

Ровничная машина – машина, формирующая из ленты ровницу, изменяя толщину и прочность жгута, увеличивая его длину и полностью распрямляя в нём отдельные волокна. *Задача ровничной машины – уточнить продукт, параллелизовать волокна, слегка их скрутить и намотать на паковку.*

Прядильная машина – машина, заканчивающая формирование из ровницы предельно тонкой, предельно вытянутой прочной нити. *Прядильная машина осуществляет кручение и навивку пряжи на шпулю. На прядильной машине продукт полностью вытягивается, приобретает необходимую длину, толщину и крутку.*

Трёпальная машина – машина, разделяющая хлопок на мелкие клочки, очищающая его от крупных сорных примесей и пыли. *Вторая очистительная машина – трёпальная. Она разрыхляет хлопок в мелкие клочки. На трёпальной машине из хлопка формируется холст.*

Чёсальная машина – машина, разделяющая волокнистую массу на отдельные пучки волокон, очищая их от мелких цепких примесей и пуха. *Последний пункт очистки – чёсальная машина. Она выпускает чёсальную ленту.*

Название частей машины и их деталей

Ровничная рамка – часть прядильной машины, служащая для раскладки на ней катушек с ровницей, подлежащей обработке. *В ровничную рамку вставляются катушки с ровницей. Вот когда ровница сходит, рамки голые остаются.*

Прядильное кольцо – стальная деталь кольцеобразной формы, служащая для равномерного распределения формирующей нити по высоте шпули. *Прядильное кольцо – опора для вращения бегунка. Закрепляет кольцо на веретене кольцевая планка. Она определяет размер пряжи при наматывании.*

Бегунок – стальная скобочка определённой формы и веса, надеваемая на кольцо и предназначенная для скручивания ровницы в пряжу. *Это металлическая пластинка. Она вставляется в бортики кольца и служит для навивки нити на патрон. Нить в бегунок направляется. Это крутящийся и наматывающий орган прядильной машины.*

Название приспособлений для укладки продукта

Скалка – металлический вал трёпальной машины, на который наматывается хлопок в форме холста. *Скалка наматывает на себя слой хлопка, который превращается в холст.*

Таз – фибровая тара цилиндрической формы, в которую витками укладывается рыхлый жгут ленты. *Таз круглый из фибры, лентоукладчик навивает в него ленту витками.*

Патрон – картонная трубочка установленного диаметра и веса, плотно надеваемая на веретено для получения основной пряжи. *Патрон из прессованной бумаги. Он предназначен для выработки основы. С него пряжа сматывается на мотальных машинах.*

Шпуля – большая деревянная катушка, надеваемая на веретено для получения уточной нити и вставляемая в ткацкий челнок. *Шпуля – это намоточная тара. Она деревянная, имеет установленный диаметр и высоту. Шпуля предназначена для выработки утка и вставки в ткацкий челнок.*

Название лиц по профессии

Трёпальщик – рабочий, обслуживающий разрыхлительно-трепальную установку и создающий условия для непрерывного выпуска холстов. *На трёпальной машине трёпальщик чаще мужчина. Он устраняет наработанный холст, обметает машину, выгребают из-под неё угары. Трёпальщик берёт холст, свешивает его и ложит на элеватор. Трёпальщик на двух машинах один.*

Ленточница – рабочая, обслуживающая ленточную машину и создающая условия для непрерывного производства равномерного по толщине жгута ленты. *Ленточную машину обслуживает ленточница. Их две: одна работает на первой головке, другая – на второй. Головки нужны для лучшего выравнивания чёсальной линии.*

Ровничница – работница, обслуживающая ровничную машину и обеспечивающая непрерывность получения из ленты ровницы. *Ровничную машину обслуживает ровничница. Она следит, как причёс делается, как образуется ровница. Она направляет ленту в вытяжной прибор, устраняет обрывы.*

Названия основных производственных процессов и операций

В литературе известна точка зрения, согласно которой «в широком смысле слова единственным лексико-грамматическим, выражающим понятие, являются имена существительные»*. Действительно, в профессиональной речи работников прядильного производства широко представлены имена существительные со значением процесса. Приведём примеры.

* Н.А. Щеглова. К вопросу о грамматических средствах терминологизации русских глаголов в профессиональной речи XVII–XVIII вв. «Учёные записки МОПИ», т. XXXVIII, вып. 8, 1963, стр. 89.

Разрыхление – превращение спрессованного хлопка в бесформенную волокнистую массу с ослабленным сцеплением в ней отдельных волокон. *Разрыхление происходит в питателе-смесителе. Здесь хлопок превращается в мелкие клочки, а сорные примеси почти не выделяются.*

Трепание – разделение рыхлой волокнистой массы на отдельные пучки с помощью ударов ножей и барабанов, сопровождаемое выпадением крупных сорных примесей и пыли. *Трепание – это превращение хлопка в рыхлую волокнистую массу. Происходит оно за счёт разделения хлопка на мелкие клочки. В трепании участвуют машины, у которых есть треплющие органы: ножевой барабан, планоchnое трепало и игольчатое трепало.*

Чёсание – разделение пучков волокнистой массы на отдельные группы волокон или волокна, сопровождаемые полным очищением и частичным распрямлением. *Чёсание – это разделение клочков хлопка на небольшие группы и дальше на отдельные волокна. Это разделение группы волокон на элементарные. Здесь масса очищается от самого мелкого сора.*

Выравнивание – устранение отклонений по толщине в ленте, состоящее в совпадении толстых мест одной ленты с тонкими местами с другой при их наложении друг на друга. *Нас бьёт неравноота холста и чёсальной ленты. Выравнивание происходит по толщине, по номеру. На ленточной машине отклонения по толщине устраняются за счёт сложения продукта.*

Отглагольные имена существительные нередко имеют только одно значение. Но в ряде случаев их значение оказывается расширенным, так как они используются для выражения и процесса, и результата. Так, термином *вытяжка* характеризуется, во-первых, процесс уменьшения диаметра поперечного сечения ленты или ровницы и, во-вторых, степень толщины и длины продукта. Термином *крутка* обозначается и процесс соединения отдельных волокон в длинную прочную нить, и степень её прочности, определяемая по числу витков на метр продукции (ср. примеры: *Весь технологический режим определяется планом прядения, в нём указываются вытяжка, крутка продукта; За счёт крутки обеспечивается крепость пряжи*).

Для выражения терминирующих понятий могут использоваться и глаголы*. Среди них можно отметить такие, как *вытягивать* – сдвигать отдельные волокна в ленте или ровнице в направлении движения продукта, уменьшая диаметр поперечного сечения,

* В.П. Даниленко. Терминологизация разных частей речи (термины-глаголы). В сб.: «Проблемы языка науки и техники». М., «Наука», 1970, стр. 42.

выравнивать – устранять отклонения в толщине ленты путём накладывания толстых мест одной на тонкие другой.

В составе анализируемой тематической группы немало разнообразных терминологических сочетаний. Это и понятно: возникает необходимость сузить, конкретизировать значение, выражаемое глаголом и глагольным именем. Например, словосочетанием *ставить ставку* обозначается процесс замены готового холста, ровницы, пряжи сырьём или полуфабрикатом (*Ставка – это процесс замены паковок сработанной продукции на новую. Ставить ставку – значит менять одни паковки на другие*). Словосочетание *работать в две нитки* обозначает скручивать две ленточки с ближних веретён (*Иногда пряжа работает в две нитки и получаются двойники. Когда работаешь в две нитки, обязательно подрываешь*).

Названия нарушений в действиях машин

Подавиться – перестать работать вследствие недобросовестного полуфабриката. *Машина может подавиться толстым холстом неровным. Пойдёт холст в три слоя, и машина забивается вся.*

Заткнуть – волокнистой массе хлопка заполнить машину больше требуемой нормы. *Край прочёса берёшь одной рукой, чтобы воронку не заткнуло, а то её заткнёт.*

Разладка – нарушение режима работы машины, приводящее к получению брака. *Разладки могут быть такие: то вырвет тонкий пропуск, то лента грязная, то таз переработался.*

Тематические группы лексики прядения отражают сложность процесса производства. Они дают представление о реальном трудовом процессе, направленном на получение полуфабриката или фабрикаата, состоящем из связанных между собой операций.

Отражением этого факта реальной действительности служит разнообразие тематических групп терминов и их связь друг с другом. Наблюдения над современным состоянием тематических групп лексики прядения могут явиться базой для решения вопросов, связанных с формированием и развитием технического словаря одного из старейших производств нашей страны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Павловна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации; Вологодский государственный университет.

Астахина Людмила Юрьевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН.

Афанасин Виктор Васильевич, заместитель генерального директора ООО «Новая Костромская Льняная Мануфактура», директор музея истории БКЛМ.

Баженова Татьяна Евгеньевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания; Самарский государственный социально-педагогический университет.

Бакутов Владимир Александрович, учитель географии; МОУ «Большепаратская средняя общеобразовательная школа» (Республика Марий Эл, Волжский район, с. Новые Параты).

Балагурова Анастасия Андреевна, магистрант; Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

Батырева Лариса Петровна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения; Ивановский государственный университет, Шуйский филиал.

Бахвалова Татьяна Васильевна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Беднарская Лариса Дмитриевна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Богданова Александра Арсеньевна; Ивановский государственный университет.

Большакова Наталья Валентиновна, канд. филол. наук, доцент, заведующая научно-образовательной лабораторией «Социогуманитарная регионалика»; Псковский государственный университет.

Бубнова Нина Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск).

Бунчук Татьяна Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Варбот Жанна Жановна, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом этимологии и ономастики; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН.

Васильева Ольга Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Санкт-Петербургский государственный университет.

Веселова Елена Геннадьевна, старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных коллекций; Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Власова Людмила Аркадьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Ганжина Ирина Михайловна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Тверской государственный университет.

Ганцовская Нина Семёновна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник; Костромской государственный университет.

Гапонова Жанна Константиновна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского.

Генералова Елена Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет.

Горбушина Ирина Александровна, канд. филол. наук, научный сотрудник; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН.

Горланова Ирина Борисовна, канд. филол. наук, доцент кафедры медиакоммуникаций и туризма; Костромской государственный университет.

Грибовская Наталья Юрьевна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка; Тверской государственный медицинский университет.

Громова Любовь Александровна, независимый исследователь (Москва).

Грязнова Виолетта Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь).

Дмитрук Людмила Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности Института психологии и педагогики; Костромской государственный университет.

Дьяченко Юлия Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Курский государственный университет.

Жданова Екатерина Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры «Лингвистика»; Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова.

Зверева Юлия Владимировна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник; Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН.

Зорина Людмила Юрьевна, канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации; «Вологодский государственный университет.

Иванова Лидия Анатольевна, преподаватель; Костромской областной колледж культуры.

Качинская Ирина Борисовна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Климкова Людмила Алексеевна, д-р филол. наук, профессор (Арзамас, Нижегородская область).

Кобелева Ирина Арнольдовна, д-р филол. наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Кондратенко Михаил Михайлович, канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка; Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

Копылов Игорь Леонович, канд. филол. наук, доцент, директор Института языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь).

Королёва Инна Александровна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка; Смоленский государственный университет.

Костромичёва Мария Васильевна, канд. филол. наук, доцент, руководитель научно-исследовательских проектов; Фонд содействия возрождению сельских территорий и малых городов «Родники Отчизны» (Орёл).

Костючук Лариса Яковлевна, д-р филол. наук, профессор; Псковский государственный университет.

Крашенинникова Юлия Андреевна, канд. филол. наук, заведующая сектором фольклора; Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения РАН» (Сыктывкар).

Крючкова Ольга Юрьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Любимова Наталия Викторовна, канд. пед. наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка; Московский государственный лингвистический университет.

Марьянчик Виктория Анатольевна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск).

Мезенко Анна Михайловна, д-р филол. наук, профессор; Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь).

Муратова Елена Юрьевна, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания; Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь).

Муратова Мая Ильгельдыевна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалика»; Псковский государственный университет.

Мызников Сергей Алексеевич, член-корреспондент РАН, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Неганова Галина Дмитриевна, канд. культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография»; Костромской государственный университет.

Одинаев Тимур Назармадович, аспирант; Институт языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь).

Окуловская Светлана Владимировна, канд. филол. наук, преподаватель; Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома).

Панкратова Ольга Борисовна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории, директор Института гуманитарных наук и социальных технологий; Костромской государственный университет.

Попова Анна Ростиславовна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

Поросятковская Любовь Антоновна, главный архивист отдела научно-справочного аппарата; Государственный архив Костромской области.

Праведников Сергей Павлович, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета; Курский государственный университет.

Приображенский Андрей Владимирович, канд. филол. наук, старший научный сотрудник; Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Пятаева Наталия Вячеславовна, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и лингводидактики; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь).

Русинова Ирина Ивановна, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания; Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Сироткина Татьяна Александровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики; Сургутский государственный педагогический университет (Ханты-Мансийский автономный округ).

Сотников Николай Васильевич, канд. техн. наук, краевед (Галич, Костромская область).

Теуш Ольга Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Токарева Светлана Сергеевна, канд. филол. наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы; Воронежский государственный педагогический университет.

Тугарина Нина Семёновна, заместитель директора Государственного мемориального и природного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково» (Щельково, Костромская область).

Фёдорова Светлана Александровна, учитель русского языка и литературы, краевед; средняя общеобразовательная школа № 4 имени Ф.Н. Красовского города Галича Костромской области.

Хлябинов Александр Анатольевич, краевед, учитель русского языка и литературы (Мантуровский район, Костромская область).

Ховрина Татьяна Константиновна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка; Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

Хуснутдинов Арсен Александрович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии; Ивановский государственный университет.

Цветкова Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной филологии; Костромской государственный университет.

Черных Александр Васильевич, д-р истор. наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник; Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН.

Шаповал Виктор Васильевич, канд. филол. наук, доцент кафедры методики преподавания истории; Московский городской педагогический университет.

Шарабарина София Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры медиакоммуникаций и туризма; Костромской государственный университет.

Щербак Антонина Семёновна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка; Самаркандский государственный университет имени Шарафа Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан), Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
<i>Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.</i> Четвёртые Громовские чтения: к 100-летию со дня рождения А.В. Громова	5
<i>Афанасин В.В.</i> Льняное дело Третьяковых продолжается	13

Р а з д е л I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.В. ГРОМОВА

<i>Костючук Л.Я.</i> Многогранное костромское народное слово в научной и творческой жизни А.В. Громова (к 100-летию со дня рождения учёного)	19
<i>Ганцовская Н.С.</i> «Каждое народное слово – это памятник...»: дневники А.В. Громова по диалектной практике студентов Костромского пединститута	32
<i>Громова Л.А.</i> Сборник частушек «Переплетение» А.В. Громова	40
<i>Мызников С.А.</i> Костромская лексика финно-угорского происхождения по лексикографическим данным	45
<i>Неганова Г.Д.</i> Мантуровский архив А.В. Громова	57
<i>Щербак А.С.</i> Словари А.В. Громова в формировании положительного имиджа Костромского края	64
<i>Варбот Ж.Ж.</i> Об этимологии русск. диал. <i>смонуть</i> (к реконструкции чередования корневых гласных в праслав. * <i>meŋi</i>)	68
<i>Бахвалова Т.В.</i> Из лексики домашнего прядения: нити, изготовленные без веретена	71
<i>Ховрина Т.К.</i> Из истории лексики ткачества (<i>брать узоры</i>)	76
<i>Зверева Ю.В., Черных А.В.</i> Календарные праздники, обряды и предписания, связанные с процессами прядения и ткачества (по лексическим данным Пермского края)	84
<i>Тугарина Н.С.</i> Лексика ткачества в говорах группы деревень по реке Вохме	93
<i>Панкратова О.Б.</i> Философия истории развития льнопрядильной техники и технологии льняного прядения: о книге Б.Н. Годунова «Льняная нить длиною в тысячелетия»	99
<i>Большакова Н.В.</i> Культурема «Лён» как смысловая доминанта социального проекта	103

Раздел II

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

<i>Мезенко А.М.</i> Региональный ономастикон и белорусские лексикографические издания: представленность, векторы развития	111
<i>Копылов И.Л., Одинаев Т.Н.</i> Лексикографическое описание топонимов белорусского города Гродно и узбекского города Термеза	118
<i>Королёва И.А.</i> Региональная лексикография: российско-белорусское пограничье	129
<i>Зорина Л.Ю.</i> О подготовке «Словаря вологодских говоров» к его переизданию	133
<i>Андреева Е.П.</i> «Словарь толшменских говоров» в ряду изданий любительской лексикографии	141
<i>Астахина Л.Ю.</i> Причины появления псевдогапаксов в публикациях и словарях	149
<i>Бунчук Т.Н.</i> Опыт описания диалектной языковой личности в словарях разного типа	161
<i>Васильева О.В.</i> Псковский областной словарь как источник изучения народной культуры	168
<i>Генералова Е.В.</i> <i>Не боги горшки обжигают</i> : ремесленная лексика в словаре пословиц Петровского времени	175
<i>Грязнова В.М.</i> Семантический словарь как разновидность областного словаря	181
<i>Дьяченко Ю.А., Праведников С.П.</i> Диалектный словарь как способ сохранения материнского языка	187
<i>Жданова Е.А.</i> О лексикографической интерпретации слова <i>тожно</i> в русских говорах Удмуртии	194
<i>Качинская И.Б.</i> Лесные дороги	200
<i>Кобелева И.А.</i> О недостающей фразеологии в современных словарях русских говоров	207
<i>Любимова Н.В.</i> Швейцарский идиотикон: лексикографический экскурс в полуторавековую историю	212
<i>Марьянчик В.А.</i> «Поморское» в словаре народно-разговорной речи города Архангельска	219
<i>Муратова М.И.</i> Псковские лингвокраеведческие словари как учебно-методический ресурс	228

<i>Приображенный А.В.</i> Обзор материалов фондов Национального архива Карелии – дополнительных источников словарей различных типов	233
<i>Пятаева Н.В.</i> Отражение русской и тюркской культуры в словаре русских говоров Башкирии	240
<i>Сироткина Т.А.</i> О Проекте регионального этнонимического словаря	246
<i>Теуш О.А.</i> «Словарь гео- и биолексик Урала» как тип сводного диалектного областного тематического словаря	252

Р а з д е л И I I I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

<i>Климкова Л.А.</i> В.И. Даль «Ответ на приговор»: взгляд потомка	261
<i>Баженова Т.Е.</i> Характеристика человека лексическими средствами самарских говоров	268
<i>Балагурова А.А., Гапонова Ж.К.</i> Словесные игры как эффективный метод знакомства учащихся с диалектной лексикой Ярославского края	276
<i>Батырева Л.П.</i> Изготовление санок-кареток в д. Бабино Лухского р-на Ивановской области. Ремесленная лексика	282
<i>Беднарская Л.Д.</i> Союзы в диалектах	287
<i>Богданова А.А., Хуснутдинов А.А.</i> «Устаревшие» фразеологизмы в речи коренного сельского жителя Ивановской области	293
<i>Веселова Е.Г.</i> Тексты А.В. Громова о Е.В. Честнякове: интерпретация кологривской речи	300
<i>Власова Л.А.</i> Репрезентация соматизмов в лексике одной алфавитной группы «Тематического словаря орловских говоров» (слова на букву Х)	306
<i>Горбушина И.А.</i> Дополнения к словарю А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»	312
<i>Грибовская Н.Ю.</i> Тверская диалектная лексикография как источник этнокультурной информации о человеке	317
<i>Дмитрук Л.А.</i> Названия болезней в костромских говорах (на материале этнографических записок В.И. Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае»)	323
<i>Кондратенко М.М.</i> Восприятие времени как подходящей/неподходящей поры в славянских говорах	330

<i>Крашенинникова Ю.А.</i> Названия чинов в свадебных приговорах Костромского края	337
<i>Крючкова О.Ю.</i> Лексика книжно-письменной речи в устном диалектном дискурсе	344
<i>Муратова Е.Ю.</i> Лексические особенности языка Витебского региона . . .	351
<i>Окуловская С.В.</i> «Питательные соки» народной речи в произведениях И.М. Касаткина	356
<i>Попова А.Р.</i> Происхождение и функционирование одного диалектного фразеологизма: <i>ломать косарецкого</i>	363
<i>Токарева С.С.</i> Склонение имён существительных в воронежских диалектах: основные тенденции	369
<i>Шаповал В.В.</i> Использование материала восточнославянских языков в художественном тексте	

Р а з д е л IV ОНОМАСТИКА

<i>Бакутов В.А.</i> Гидронимические термины в топонимической системе Волжского района Республики Марий Эл	383
<i>Бубнова Н.В.</i> Проект словаря имён собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии»	392
<i>Ганжина И.М.</i> Болтун в зеркале слова: семантическое поле «речевое поведение» в отфамильных прозвищах (на материале «Словаря тверских фамилий»)	399
<i>Горланова И.Б.</i> Использование диалектного и топонимического материала в экскурсионной практике (на примере г. Костромы) . . .	406
<i>Костромичёва М.В.</i> Альшань и окрестности: к вопросу о лексикографическом описании региональной лексики	413
<i>Поросятковская Л.А.</i> Вспомогательная роль имён собственных в некоторых исследованиях генеалогии крестьянских родов	419
<i>Цветкова Е.В.</i> Словарь языка семьи Захаровых «Следы» как источник топонимических исследований	424

Р а з д е л V МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ И О КРАЕВЕДАХ

<i>Иванова Л.А.</i> Многообразие песенных жанров – богатство Костромской земли	433
---	-----

<i>Сотников Н.В.</i> Воспоминания о В.В. Касторском	440
<i>Фёдорова С.А.</i> Два выдающихся краеведа, два учителя Костромской области – В.В. Касторский и А.В. Громов	444
<i>Хлябинов А.А.</i> Воспоминания об Александре Вячеславовиче Громове, учителе и земляке	450
<i>Шарабарина С.Г.</i> Деятельность учёной общественности Костромского края по изучению финно-угорского культурного наследия в конце XVIII–XIX вв.	454

Р а з д е л VI ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Громов А.В.</i> Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области	463
<i>Громов А.В.</i> Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лексика обработки льна, кустарного прядения и ткачества в говоре дер. Усолье Мантуровского района)	471
<i>Громов А.В.</i> Микротопонимия деревни Макарово Мантуровского района	476
<i>Чумакова Ю.П.</i> К вопросу о семантическом варьировании слова * <i>krosna</i> // <i>krosno</i> у славян	479
<i>Михайлова Л.П.</i> К истории названий тканей в новгородских говорах	489
<i>Крылов А.И.</i> Тематические группы лексики прядильного производства (на материале профессиональной речи текстильщиков г. Иванова)	493
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	500

УДК 81'37
ББК 81.001.2я434
Г 874

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета*

Редакционная коллегия:

Н.С. Ганцовская (науч. ред.), С.А. Мызников (науч. ред.), О.Б. Панкратова,
Г.Д. Неганова (отв. ред.), Т.В. Горлова, Е.В. Цветкова

Рецензенты:

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка, журналистики и истории коммуникации
Вологодского государственного университета;

Н.П. Галкина, кандидат филологических наук, профессор кафедры
иностраных языков Военной академии радиационной, химической
и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной
Г 874 лексикографии : К 100-летию со дня рождения А.В. Громова и 30-летию
«Льяного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф.
Кострома, 15–16 сент. 2022 г. – Кострома : Костромской государственный
университет, 2023. – 512 с.

ISBN 978-5-8285-____ - _

Издание подготовлено по материалам IV Громовских чтений, посвящённых
100-летию юбилею костромского диалектолога, лексиколога и лексикографа
А.В. Громова и 30-летию со дня выхода его словаря «Лексика льноводства, пряде-
ния и ткачества в костромских говорах по реке Унже». В сборнике рассматриваются
проблемы диалектной лексикографии и лексикологии, региональной ономастики.

Для специалистов в области славянской филологии, истории, географии,
школьного краеведения и всех любителей народного слова.

УДК 81'37

ББК 81.001.2я434

Научное издание

ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 4

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
К 100-летию со дня рождения А.В. Громова и 30-летию «Льяного словаря»

Сборник материалов и исследований международной научной конференции
Кострома, 15–16 сентября 2022 года

Вёрстка И.М. Ивановой
Дизайн Н.М. Каравановой

Подписано в печать ____ 2023. Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 14. Тираж 300 экз. Заказ № ____
156005, Костромская область, городской округ город Кострома, город Кострома, улица Дзержинского, дом 17/11.

© Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова, составление, 2023
© Костромской государственный университет, 2023

ISBN 978-5-8285-____ - _